

П. Н. Милюков

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

П.Н.Мялюков

П. Н. Милюков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

в 3-х томах
Том первый

Земля
Население
Экономика
Сословие
Государство

Москва
Издательская группа «ПРОГРЕСС»
«КУЛЬТУРА»
Редакция газеты «ТРУД»
1993

ББК 63.3 (2)
~~М57~~

М60

Редактор И.Г.Имшенник

Милюков П.Н.
М57 Очерки по истории русской культуры.
В 3 т. Т.1 — М.: Прогресс, 1993 — 528 с.

"Выдающееся проявление русской исторической мысли" — так назвал известный эмигрантский историк Г.В.Вернадский предлагаемый вниманию читателей первый том "Очерков по истории русской культуры" П.Н.Милюкова. В этом труде анализируются проблемы "преистории" России — ее первоначального заселения, зарождения национальностей, происхождения славянства и русского антропологического типа, начала культуры. Автор исследует процесс русской колонизации, объясняя его запоздалость особенностями русского "месторазвития" (органической совокупности географической среды, антропологического субстрата и археологического быта). По сравнению с дореволюционным изданием настоящий том полностью переработан автором и выпущен за рубежом; первая часть — при жизни автора, в 1937 г. в Париже, вторая часть — посмертно, в 1964 г., в Гааге.

Для широкого круга читателей.

М 0503000000—139 без объявления
006(01)-93

ББК 63.3(2)

"Прогресс-Культура"

ISBN 5-01-004242-8
5-01-004243-6

© Подготовка и оформление оригинал-макета
Издательская группа "Прогресс", 1993
© Редакция газеты «Труд»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вскоре после защиты магистерской диссертации приват-доцент историко-филологического факультета Московского университета Павел Николаевич Милюков получил предложение прочесть на Педагогических курсах в Москве цикл лекций по истории русской культуры. Это предложение было заманчивым с разных точек зрения. Прежде всего оно способствовало решению стоявшего перед Милюковым вопроса о предмете нового исследования в связи с окончанием предыдущей большой работы ("Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого"), защищенной в качестве диссертации.

Кроме этого, Павел Николаевич получал возможность осуществить то, о чем он, по собственным словам, "мечтал с некоторого времени, — прочесть общий — то есть общеобразовательный — курс по истории России, но прочесть его не так, как требовалось по университетской программе"¹. И, наконец, самое главное — перед тридцатитрехлетним ученым открывалась перспектива заняться не изучением узкоспециальной, конкретно-исторической темы, а использовать подготовку лекционного цикла для создания глобального историсофского исследования. Могла ли такая перспектива не увлечь историка, важнейшим отличительным свойством которого было стремление к синтезу, к пониманию событий в русле единого процесса, к широкомасштабному их осмыслению?

Это свойство проявилось еще в детстве. П.Н.Милюков родился в Москве 15(28) января 1859 г. в семье преподавателя Московского училища живописи, ваяния и зодчества (получившего затем место архитектора, а впоследствии оценщика одного из Московских банков), учился в 1-й Московской гимназии на Волхонке. В годы учебы он тяготел к философским проблемам, для своих ученических работ выбирал темы, годившиеся и для докторских диссертаций: например, в седьмом классе написал сочинение на тему "О влиянии земледелия на развитие цивилизации"².

¹ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991, с.118 (далее ссылки на это издание даются в тексте).

² Государственный архив Российской Федерации, ф.579, оп.1, ч.III, д.3470.

В гимназические годы Милюков, много занимаясь самообразованием, глубоко воспринял идеи позитивистского эволюционизма Герберта Спенсера и Огюста Конта. Учение обоих философов наложило явственный отпечаток на его мировоззрение. Позитивистские взгляды легли впоследствии в основу исторической концепции Милюкова.

В 1877 г. юноша поступил в университет. Поначалу он увлекался зарождавшейся тогда новой наукой — сравнительным языкознанием, лекциями и семинариями преподававших этот предмет будущих академиков — Ф.Ф.Фортунатова и О.Ф.Миллера. Особенно живыми и творческими были занятия у Миллера, изучавшего историю языка в тесной связи с историей верований, нравственности, права, с историей духовной культуры в целом. Милюков впервые ощутил себя исследователем, подготовив в семинарии у Миллера обширный доклад о роли огня в развитии понятий о загробной жизни у первобытных племен. Все это очень увлекало его, заложило основу для занятий историей (его собственный термин), которые Милюков продолжал затем с перерывами почти до конца дней.

Когда он учился на втором курсе, умер отец, материальное положение семьи резко ухудшилось. Пришлось подрабатывать частными уроками. На лето Милюков поехал домашним учителем в имение княгини Долгорукой. Первый преподавательский опыт оказался удачным: девятилетний ученик очень привязался к учителю. Знаменательно, что к Павлу Николаевичу всегда тянулись люди намного моложе его по возрасту. С ним было интересно. Но покоряла не только обширность знаний, а и постоянно ищущий, незакопченный ум. Впоследствии он обычно был любим и уважаем учениками и всегда пользовался большим успехом как лектор.

В то лето 1879 г. Милюков, помимо репетиторства, много времени посвящал размышлениям о научных проблемах. Плодом этих размышлений явилась густо исписанная толстая тетрадь с изложением собственной философской концепции исторического процесса. Вчерашнему второкурснику такая гигантская задача не казалась не по плечу. Милюков был уверен в своих возможностях, в способности осмыслить глобальные проблемы бытия и внести собственный вклад в познание мира. Таким он остался до конца — неизменно убежденным в своей интеллектуальной значимости, в правоте своих суждений, в умении видеть и осознавать недоступное пониманию других. Наверное, это помогало ему в выборе фундаментальных объектов исследования, выдвижении новых идей, да и в крутых сражениях на политической арене.

Построения Милюкова основывались на теории Огюста Конта. Он принял как аксиому сформулированное французским философом учение о трехстадийном развитии истории. Но с существенной поправкой: все три стадии проходит в своей эволю-

ции не все человечество, а каждый отдельный национальный организм. "Только тогда, — считал Милюков, — во-первых, становилось возможным сравнение историй нескольких национальных организмов и, следовательно, выведение из этого сравнения общего социологического закона... Во-вторых, надо было допустить, вопреки общепринятой теории бесконечно поднимающегося вверх прогресса, понятие чередования наций: начало, середину и конец истории каждой из них" (с. 77).

Но не в этом он видел оригинальность своей теории. Главное состояло в поисках естественно-научного обоснования различных стадий исторического процесса. Милюков ставил вопрос о стадиальной смене не только идеологий, но самих человеческих типов в процессе их развития.

Подтверждение своих гипотез он искал в эволюции типов культуры, литературы, искусства каждого народа. Однако вся схема казалась недостаточной доказанной, и потому Милюков не решился каким-либо образом предать ее гласности. Предпринятую им попытку социологической конструкции исторического процесса можно подвергнуть критике, указать на ее пробелы и сомнительные построения, но нельзя не признать очевидной смелости и самостоятельности ума, масштабности мышления девятнадцатилетнего юноши, едва окончившего второй курс университета. Это был первый, совсем еще отдаленный подступ к будущим "Очеркам по истории культуры".

На третьем курсе на первое место среди других дисциплин выдвинулась история, которую Милюков решил выбрать своей профессией. Этому решению способствовало появление двух новых преподавателей — П.Г.Виноградова и В.О.Ключевского.

О Виноградове, блестящем лекторе и талантливом руководителе семинариев по всеобщей истории, Милюков сохранил теплую благодарную память. "Только у Виноградова, — читаем в его мемуарах, — мы поняли, что значит настоящая научная работа, и до некоторой степени ей научились" (с. 76). Именно Павлу Гавриловичу Милюков был обязан первыми навыками самостоятельного исторического исследования.

Изучению всеобщей истории он посвящал львиную долю времени, считая, что это дает хорошую школу. Долго колебался, иностранную или русскую историю избрать своей специальностью. И выбрал последнюю. Почему? Работать в России по истории других государств значило, по мнению Милюкова, "таскать воду в колодезь" (с. 78). Диссертации писались по-русски, до иностранцев не доходили и способствовать дальнейшему развитию науки на общемировом уровне не могли. Научная работа после защиты диссертации была затруднена — все материалы сосредоточивались за границей, а получить научную командировку туда представлялось не столь уж легким делом.

Вместе с тем специалистов в области отечественной истории, плохо еще изученной, было явно недостаточно. Милюков

считал, что работать в этой области должны именно русские, используя находящиеся на родине материалы. Он считал делом чести ученых России развитие национальной исторической науки и введение ее в общемировой научный оборот.

Несомненно, важную лепту в решение Милюкова посвятить себя отечественной истории внес Василий Осипович Ключевский. Он вообще сыграл большую роль в жизни своего ученика, в разных ее аспектах.

Однокурсники Милюкова были первыми слушателями Ключевского в университете. Он сошелся с ними гораздо ближе, чем со студентами следующих выпусков. Молодые сердца сразу же покорила, как вспоминал впоследствии Милюков, высокая художественность лекций Ключевского, его искрящееся остроумие, отточенность формы, афористичность мышления.

На четвертом курсе университета Милюков получил первое политическое крещение. Оно было связано с потрясшим страну событием — убийством народовольцами Александра II. Это событие положило конец либерализации университетской системы, как и всех других сторон жизни общества. Университет бурлил. 1 апреля 1881 г. состоялась сходка. Страсти кипели вовсю: ораторы горячо протестовали против карательных действий университетской инспекции. Милюков тоже был в числе выступавших. И хотя в своей речи он призывал не вносить в движение "политического элемента", сам факт выступления на сходке ставил его в ряды зачинщиков этой акции. В наказание его исключили из университета с разрешением осенью подать прошение о зачислении вновь на четвертый курс.

По окончании учебы в 1882 г. Милюков был оставлен на кафедре русской истории. Главное содержание последующих трех лет составила подготовка к магистерскому экзамену по истории (русской и всеобщей) и политэкономии. Эти годы Павел Николаевич максимально использовал для углубления знаний, расширения кругозора, определения своей научной (и даже политической) позиции. В еще большей степени этому способствовала работа над так называемыми "пробными" лекциями. Сдавшему магистерский экзамен предоставлялось право прочесть две лекции — одну общего характера, другую — о результатах собственного исследования оригинальной проблемы по первоисточникам. Если лекции оказывались удачными, можно было рассчитывать на приват-доцентуру в университете (чтение необязательных для студентов курсов, причем некоторые из них могли быть введены затем в обязательную университетскую программу).

Обе лекции ("Юридическая школа в русской историографии" и "Официальные и частные редакции Древнейшей разрядной книги") были восприняты с интересом. Разносторонние способности лектора получили достойную оценку. "И я счастливо перешагнул через границу от ученика к ученому", — вспоми-

нал Милюков (с. 98). С собой через эту границу он захватил качества, проявившиеся при подготовке к экзамену и "пробным" лекциям. Здесь прежде всего следует отметить широту научных интересов, которая, по выражению писателя Марка Алданова, сделала его "человеком колоссальной энциклопедической учености"³. Эта широта могла бы обернуться разбросанностью, если бы не удивительная, строжайшая целенаправленность, умение в любой отрасли исторического знания найти те элементы, те методы, которые могли оказаться нужными и необходимыми для будущего собственного исследования.

Кажется, не было такой проблемы, которой Милюков бы заинтересовался, а потом забросил. Преемственные нити тянутся от первых, юношеских научных опытов к фундаментальным трудам, созданным в пору зрелости.

И еще — за эти три года выработалась система, благодаря которой стали возможны поражавшие современников объем знаний Милюкова и его трудоспособность.

Занятый напряженной работой по подготовке к магистерскому экзамену и "пробным" лекциям (не всякий мог эти два направления совмещать во времени), Милюков успевал еще зарабатывать учительским трудом, да к тому же сразу в нескольких местах. Он преподавал историю в четвертой женской гимназии (с 1883 по 1891 г.), давал уроки в частной женской школе и в Земледельческом училище на Смоленском бульваре.

Подобного рода подработка сделалась особенно необходимой в связи с началом семейной жизни: Павел Николаевич женился на Анне Сергеевне Смирновой, дочери ректора Троицко-Сергиевской духовной академии. Несмотря на сопротивление родных, она ушла из дому, поступила на Высшие женские курсы и, будучи хорошей пианисткой, стала зарабатывать уроками игры на фортепиано.

Обвенчавшись зимой 1885 г., супруги прожили вместе ровно пятьдесят лет. "Милюков нашел в своей жене преданного, любящего, разумного друга, сопутствовавшего ему на сложном жизненном его пути, помогавшего и оберегавшего его со всею заботливостью любящей жены и женщины"⁴ — так говорилось об Анне Сергеевне в некрологе, опубликованном после ее смерти в одном из парижских эмигрантских журналов.

Первая квартира Милюковых на Zubовском бульваре стала значительным фактором в расширении их круга знакомств. Прямо над ними жил профессор-филолог Московского университета Николай Ильич Стороженко. Через него Милюков сблизился с либеральной московской профессурой, с сотрудниками журнала "Русская мысль", газеты "Русские ведомости". Затем Павел Николаевич завязал тесное знакомство с руководителями

³ Алданов М. Памяти П.Н.Милюкова. "Новый журнал", 1943, кн.5, с.340.

⁴ "Иллюстрированная Россия", 23 февраля 1935 г.

развивавшегося в те годы земского движения — И.И.Петрункевичем, Д.И.Шаховским, П.Д.Долгоруковым и др. Все эти люди были единомышленниками Милюкова в стремлении видеть Россию правовым государством типа конституционной монархии. Общение с ними сыграло большую роль в формировании его политической позиции.

Описание домашнего быта Милюковых в первые годы их семейной жизни оставил в своих мемуарах известный русский историк А.А.Кизеветтер: "Его скромная квартира походила на лавочку букиниста. Там нельзя было сделать ни одного движения, не задев за какую-нибудь книгу. Письменный стол был завален всевозможными изданиями и документами". Кизеветтер бывал у Милюкова в числе других слушателей курсов, которыми молодой приват-доцент начинал свою лекционную деятельность в университете в 1886 г. "Лектор сумел сблизиться с нами, — писал Кизеветтер, — и скоро мы стали посещать его на дому".

Вечера проходили в долгих, интересных беседах, оживленных спорах. Пили чай — попросту, по-студенчески. У Милюковых никогда не уделялось никакого внимания ни еде, ни сервировке, гости были непритязательны. Пицца духовная — вот что они получали здесь с избытком. "Эти посещения, — вспоминал Кизеветтер, — были не только приятны по непринужденности завязывавшихся приятельских отношений, но и весьма поучительны. Тут уж воочию разворачивалась перед нами картина кипучей работы ученого, с головой ушедшего в свою науку"⁵. Работа, занявшая в жизни Милюкова целых шесть лет, была его магистерская диссертация.

По существу, каждое историческое исследование Милюкова являлось отражением не только его научных интересов, но и политических убеждений. Магистерская диссертация была ярким примером такого сочетания.

В выборе темы Павел Николаевич, как обычно, был вполне самостоятелен. Чем же привлекла молодого историка проблема, избранная для диссертационной работы? Он хотел быть первооткрывателем — взять в качестве объекта исследования комплекс источников, ранее никем не изучавшихся. В архивах Милюков нашел колоссальный материал, характеризующий экономическую жизнь предпетровской России, ход и направление коренных преобразований царя-реформатора. Этот материал представлял непаханую целину и требовал колоссального исследовательского труда. Но полученные результаты стоили того.

Выбранный Милюковым комплекс источников позволил ему дать научно аргументированный ответ на вопрос о происхождении и сущности реформ, о том, были ли они необходимы и органичны для развития государства Российского.

⁵ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929, с.87.

Этот вопрос имел не только огромное значение для исторической науки, он давал выход на злободневные исторические споры и — более того — на идейно-философские дискуссии целых поколений. "Моя задача была, — писал Милюков, — объяснить значение Петровской реформы. Но я отвергал старую постановку спора, как он велся в поколениях 40-х—70-х годов. Славянофилы стояли на принципе русской самобытности, западники — на принципе заимствования западной культуры. Мой тезис был, что европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковый в принципе у России с Европой, но лишь задержанный условиями среды" (с. 105-106).

Проделанная Милюковым работа была не только кропотливейшая, но и сложнейшая. Едва ли она оказалась бы по плечу кому-либо другому из его сверстников. Но уникальная трудоспособность, талант и дерзание обеспечили ему успех. Одной из главных идей работы являлось опровержение утвердившихся в историографии представлений о величии замыслов и свершений Петра в области государственных преобразований (автор специально оговаривался, что не имеет в виду такие аспекты реформы, как культурный, дипломатический и военный). Милюков рассматривал царя как реформатора "поневоле", видевшего в реформе не цель, а лишь средство достижения цели. Целью же было возведение России в ранг европейской державы. С точки зрения внешнеполитического развития страны эта цель была насущной и своевременной, но политический рост государства опередил его экономическое развитие, и потому проводимые сверху реформы были "искусственными". Поставленная Петром цель оказалась, по заключению диссертанта, достигнутой путем разорения страны.

И на защите, и после нее работа Милюкова, печатавшаяся в 1890-1892 гг. в "Журнале Министерства народного просвещения", вызвала оживленную дискуссию. Многие, в том числе научный руководитель диссертанта В.О.Ключевский, не разделяли основных выводов автора. Однако значительно большее число составляли его сторонники, особенно среди историков молодого поколения. Для них было важно не столько научное значение работы о Петре, сколько ее подтекст в свете политической современности. Близились к концу царствование Александра III, ознаменованное тяжким самодержавным произволом. 80-е годы были временем торжества "сильной руки", повластно распоряжавшейся судьбами народов России. В этой ситуации критический взгляд на Петра как фигуру, символизировавшую мощь российской самодержавной монархии, казался смелым и притягательным.

В историографии петровской эпохи исследование Милюкова заняло прочное и почетное место. Этим трудом автор завоевал известность и авторитет в русской исторической науке.

И вот новый замысел, связанный с поистине грандиозной задачей — воссозданием истории русской культуры. Масштабность замысла требовала полной отдачи автора новому труду. В условиях бурной московской жизни осуществить это было нелегко, но сама судьба помимо желания Милюкова предоставила ему такую возможность. А причиной послужило его выступление с лекциями в Нижнем Новгороде.

Публичным лекциям в провинции московские профессора придавали большое значение. Подобная форма просветительной работы помогала приблизить университетскую науку к той среде, которая жаждала серьезных знаний, но не имела доступа к высшей школе.

В ноябре 1894 г. Милюков прочел в Нижнем Новгороде цикл лекций на тему "Русские общественные настроения XVIII-XIX вв." "Время было горячее, — вспоминал Милюков впоследствии, — и тема как раз подходила ко времени" (с. 117). В октябре 1894 г. скончался император Александр III. Русское общество после тринадцатилетних политических заморозков встрепенулось, пришло в движение. Как всегда в начале нового царствования, ожили надежды на наступление оттепели.

Такой была и атмосфера в огромном зале нижегородского Благородного собрания. На лекции московского историка собирался "весь город". Смелые, созвучные настрою публики, они стали событием в жизни Нижнего Новгорода.

Здесь уместно сказать о большом ораторском таланте Милюкова. У него был глубокий голос баритонального тембра, прекрасная дикция, образный язык. Павел Николаевич всегда говорил просто, спокойно, не повышая голоса, без излишнего пафоса, без пышных цветистых фраз. По свидетельству Марка Алданова, Милюкова "можно было слушать часами с наслаждением. Его речь состояла из аргументов, и только из аргументов. Он точно доказывал теорему, не забывая ни одного довода в цепи доказательств, не забывая их последовательности, никогда не отвлекаясь в сторону"⁶.

Не удивительно, что аудитория внимала лектору, затаив дыхание. В академическом обзоре событий прошлого явственно проступали современные аллюзии. Последняя лекция содержала в себе особенно прозрачные намеки: речь в ней шла о противоправительственных кружках. По словам чиновника департамента полиции Л.П.Меньщикова, лектор "искусным подбором односторонне освещенных фактов" давал понять, что "этими кружками может быть поставлена преграда росту самодержавия в России"⁷.

Успех лекций был оглушительным, овация не смолкала. Милюков бесконечно раскланивался, благодаря аудиторию за

⁶ Алданов М. Указ. соч., с.339.

⁷ Меньщиков Л.П. Охрана и революция, ч.1. М., 1925, с.63.

столь горячую реакцию. Тогда еще трудно было предугадать, как аукнется московскому лектору его триумф. Министерство внутренних дел возбудило против Павла Николаевича следствие по делу о "прочтении лекций преступного содержания перед аудиторией, не способной отнестись к ним критически". 18 февраля 1895 г. департамент полиции распорядился устранить Милюкова от любой педагогической деятельности вследствие "крайней политической неблагонадежности"⁸. Министерство народного просвещения издало приказ о его увольнении из университета с запрещением преподавать где бы то ни было. 23 февраля из департамента полиции по телеграфу последовало распоряжение подвергнуть лектора административной высылке из Москвы.

Местом ссылки опального историка стала Рязань. По творческой насыщенности проведенные им здесь два года можно назвать "болдинской осенью" Милюкова. Живя в Рязани, он активно сотрудничал в газете "Русские ведомости", в английском журнале "Атенеум", в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Здесь была написана книга "Главные течения русской исторической мысли" (М., 1898), воссоздавшая картину развития и взаимной смены тех теорий и взглядов, в русле которых шла специальная работа над русской историей. Течение исторической мысли рассматривалось автором на фоне общей эволюции научных и философских воззрений передовых слоев российского общества.

Однако наибольшую часть времени Милюков посвящал своему главному, любимому детищу — "Очеркам по истории русской культуры". Для чего писал он эту работу? В первую очередь для того, конечно, чтобы заполнить недопустимый пробел: в России не было ни одной книги, на страницах которой читатель нашел бы компетентное популярное изложение общих итогов научной разработки русской истории. Вместе с тем перед Милюковым стояла и другая задача — связать историю с современностью, — и по мере работы над книгой она все более выдвигалась на передний план. Изучение отечественной истории Павел Николаевич считал насущной необходимостью для сознательного критического отношения к современной действительности. Выработки такого отношения у читателя и должны были помочь "Очерки по истории русской культуры".

Работа над новой книгой существенно отличалась от работы над предыдущими монографиями⁹, которые, по словам известного эмигрантского историка М.М.Карповича, были "написаны в духе сурового самоограничения, в духе своего рода научной

⁸ Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, с.284.

⁹ В 1882 г. в Санкт-Петербурге была опубликована книга Милюкова "Спорные вопросы финансовой истории Московского государства".

"аскезы"¹⁰. С какой осторожностью и как скупно намечал он свои общие выводы о характере петровской реформы! Тогда его усилия сосредоточивались главным образом на розысках архивного материала, который привязывал автора к себе и удерживал в пределах строгого документального исследования.

Теперь же кропотливый конкретно-исторический анализ уступил место взгляду сверху, широким концепционным обобщениям, сделанным в определенном ракурсе. В новом труде дали себя знать пришедший с годами опыт, окрепшее литературное мастерство, своеобразие научного мышления. Если сравнить первые книги Милюкова с четко сфокусированным фотопортретом, то "Очерки" представляются огромным живописным полотном, которое, сохраняя верность изображения натуры, отражает творческое отношение художника к законам цвета и перспективы, запечатлевает его собственное восприятие мира.

Милюков был как бы создан для этого труда. Так думали и его современники. К примеру, молодой тогда Петр Бернгардович Струве (в будущем соратник, а затем непримиримый противник Милюкова) констатировал: "Для задачи — представить большой публике научную, широко написанную картину развития русского общества, он был самым подходящим и чуть ли не единственным подходящим автором"¹¹. И действительно — кто еще из историков обладал такой энциклопедичностью знаний, широтой кругозора, глубокой специальной эрудицией? Общепризнан был недюжинный литературный талант Павла Николаевича, его умение раскрыть в историческом событии актуальный политический смысл. Сочетание всех этих качеств дало ему возможность создать произведение, которое М.М.Карпович назвал "явлением редким не только в русской, но и во всеобщей историографии"¹².

На протяжении 1895-1896 гг. "Очерки по истории русской культуры" печатались в журнале "Мир Божий". Затем первая часть была выпущена той же редакцией отдельным изданием¹³. Она включала в себя четыре очерка: население, экономический быт, государственный строй (войско, финансы, учреждения) и сословный строй. Каждую из проблем автор рассматривает в процессе ее развития. Он подробно останавливается на первоначальные стадии этого процесса, стремясь вскрыть его исторические корни. Затем, мастерски группируя факты, показывает основное направление и темп его дальнейшего хода. Наконец, в заключение детально прослеживает конечные следствия и опре-

¹⁰ Карпович М. П.Н.Милюков как историк. "Новый журнал", 1945, кн.6, с.363.

¹¹ "Новое слово", 1897, октябрь, с.89.

¹² Карпович М. Указ. соч., с.363.

¹³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры, ч.1. Изд. редакции журнала "Мир Божий". СПб., 1896.

деляет его место в системе явлений новейшего времени. При таком изложении материала, писал в рецензии на первую часть "Очерков" А.А.Кизеветтер, оно "получает двойной интерес и двойное значение. Исторические экскурсы превращаются под пером П.Н.Милюкова в живой исторический комментарий переживаемой нами современности... В изложении автора трепещут, соперничая друг с другом, неподкупное беспристрастие ученого и живое гражданское чувство общественного деятеля"¹⁴.

Книга живо перекликалась с идеями, волновавшими в то время российское общество. Автор подчеркивал, что, отстав от своего прошлого, Россия далеко еще не пристала к европейскому настоящему — ее историческая жизнь не остановилась, она идет своим ходом, более медленным, но непрерывным. Он возражал против позиции П.Я.Чаадаева и отчасти Владимира Соловьева, советовавших России пережить сначала все стадии европейской жизни, чтобы прийти к европейским результатам. "Так или иначе, — писал Милюков, — некоторые из этих стадий навсегда пережиты. Так или иначе, результаты прожитой жизни будут оказываться впредь более или менее своеобразными"¹⁵.

Отвергая призывы для решения задач будущего опираться на заветы исторического прошлого и всякое заимствование со стороны рассматривать как измену и искажение национальной идеи, Милюков писал: "Не следует пугать самих себя и других страхом перед мнимой изменой нашей национальной традиции. Если наше прошлое и связано с настоящим, то оно связано не так, как связывается идея с ее постепенным осуществлением, а только как балласт, мешающий идее осуществиться и тянущий нас книзу..."¹⁶.

Вопрос, по мнению автора "Очерков", должен стоять так: какие формы заимствования у Запада наиболее пригодны и технически удобны, чтобы облечь в них назревающую потребность данного момента народной жизни. Сходство с Европой не является неременной целью при введении заимствуемой формы, а только естественным последствием сродства самих потребностей, вызывающих к жизни и там, и здесь эти новые формы. При этом сходство никогда не дойдет до полного тождества. "Наша собственная сознательная деятельность, — писал Милюков, заключая первую часть "Очерков", — должна быть направлена не на поддержание... отдаленной старины, а на создание новой русской культурной традиции, соответствующей современным общественным идеалам"¹⁷.

¹⁴ "Образование", 1896, № 11, с.99.

¹⁵ Милюков П.Н. Очерки..., ч. I. с.294.

¹⁶ Там же, с.297.

¹⁷ Там же, с.298.

Эта ключевая мысль первой части "Очерков" была горячо поддержана либеральной прессой, высоко оценившей новый труд Милюкова. Известный либеральный публицист А.Н.Пыпин в большой статье "Опыты культурной истории" (журнал "Вестник Европы") особо подчеркивал значение книги для "нормального восприятия общественной мысли", для отвращения молодого поколения от "фантастических" славянофильских теорий и направления его стремлений "на почву научного изучения и здравого смысла"¹⁸. "Первым опытом истории русского самосознания" назвал книгу Милюкова его петербургский коллега А.Е.Пресняков¹⁹.

Резко критической была реакция на книгу представителей консервативно-националистического направления. Наиболее полное и отчетливое отражение она нашла в рецензии на "Очерки", опубликованной в журнале "Русский вестник". Автор, под псевдонимом "Н.Скиф", обвинял Милюкова в "сознательном и преднамеренном затемнении общественного и народного сознания", в неправомерной подстановке западноевропейских идеалов и норм под самобытные явления русской жизни, в нерусском взгляде на основы русской государственности, в "упразднении национальной традиции", в том, наконец, что вместо обещанного научного трактата написан политический памфлет²⁰.

В прессе было высказано немало и чисто научных претензий к автору. Так, П.Б.Струве указывал на слабую сторону социологических идей Милюкова — отсутствие гносеологических критериев при решении вопроса о пределах и средствах социологического познания, о роли личности в истории и т.п. Возражения со стороны рецензента вызвали "тривиализирование и упрощение" автором теории экономического материализма, данное в книге объяснение причин замедленного роста населения в северной и центральной России, тезис об "искусственном" развитии крупной промышленности, недооценка роли кустарной промышленности.

Молодой петербургский историк В.А.Мякотин оспорил (как и ряд других рецензентов) приведенные автором данные об убыли населения в период петровских реформ, не согласился с его мнением о "совершенно ничтожной" роли тюркского элемента в образовании племенного состава русского населения. Высоко оценивая очерк истории колонизации России, Мякотин упрекал автора в недостаточном внимании к фактам чисто народной колонизации, в схематичности изложения колонизационных процессов в некоторых регионах. Односторонним считал рецензент изображение истории крестьянской общины, положения кре-

¹⁸ "Вестник Европы", 1898, № 2, с.690.

¹⁹ "Известия Отделения русского языка и словесности", 1903, т.6, № 3, с.301.

²⁰ См. Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милюкова, ч.1. М., 1993, с.167.

постных крестьян²¹. И Мякотин, и Кизеветтер подвергли критике очерк по истории русских учреждений (в связи с началом изложения лишь с момента образования Московского государства и недостаточным вниманием к его высшим государственным учреждениям).

В предисловии к третьему изданию "Очерков" (1898 г.) и в журнале "Мир Божий" (1900 г., № 1) автор ответил на замечания рецензентов. Большинство из них он, по своему обыкновению, отверг, иногда в довольно резкой форме. Нетерпимость к критике, неизменная уверенность в собственной правоте составляли одну из неприятных черт характера Милюкова. В данном случае, может быть, стоило бы прислушаться к мнению оппонентов, ведь их отношение к книге было в высшей степени доброжелательным (отзывы откровенно враждебные Павел Николаевич предпочел игнорировать). Даже самый строгий критик — П.Б.Струве выражал уверенность, что "замечательные "Очерки по истории русской культуры" войдут в "железный инвентарь" образовательных средств каждого русского человека"²². Можно ли было дать более высокую оценку?

Новая работа Милюкова была с огромным интересом встречена читающей публикой. "Эта превосходная книга, — писал в рецензии на нее А.А.Кизеветтер, — начинает собой новую полосу в нашей историографии. Она дает нам первый опыт истинного научно-популярного изображения всего пережитого нами исторического процесса, она перекидывает первый мост между единенной лабораторией русского историка и его многотысячной неофициальной аудиторией"²³.

Но значение "Очерков" отнюдь не сводилось к чисто популяризаторской функции. В.А.Мякотин писал в "Русском богатстве": "Автор не ограничился одною лишь переработкой существующей литературы со своей точки зрения, но еще и внес в свой труд значительное количество им самим добытого и теперь впервые вводимого в научный оборот материала, благодаря чему многие страницы "Очерков" представляют почти столь же сильный интерес новизны для историков-специалистов, как и для широких кругов читающей публики"²⁴.

Выход в свет первой части "Очерков" в 1896 г. обеспечил восхождение их автора на Олимп отечественной исторической науки. "Среди новейших русских историков г.Милюков занимает одно из первых мест, — констатировал Струве, — в молодом поколении, без всякого сомнения, — первое"²⁵.

²¹ См. "Русское богатство", 1896, № 11, с.3.

²² "Новое слово", 1897, октябрь, с.89.

²³ "Образование", 1896, № 11, с.99.

²⁴ "Русское богатство", 1896, № 11, с.3.

²⁵ "Новое слово", 1897, октябрь, с.89.

В Рязани была написана и вторая часть "Очерков". Теперь предметом исследования стали церковь и школа (вера, творчество, образование). В первой части "Очерков" Милюков, по его образному выражению, произвел экспертизу исторического здания, в котором провел свою жизнь русский народ: смерил размеры, определил состав и качество материала, употребленного на постройку; наконец, проследил в общих чертах самый процесс постройки, стараясь выявить особенности ее архитектурного стиля. Во второй части он предлагал читателю ознакомиться с тем, как жилось в этой исторической постройке ее обитателям, понять, "во что они веровали, чего желали, к чему стремились"²⁶.

Главными факторами русской (как и всякой другой) духовной культуры Милюков считал церковь и школу, сквозь призму которых он анализировал "известные состояния чувства и мысли русского общества и их последовательные изменения"²⁷. Результаты анализа помогли ему дать ответ на центральный вопрос второй части "Очерков" — о духовной розни "интеллигенции" и "народа", о ее происхождении и наиболее характерных чертах. Автор прослеживал развитие этой розни в процессе церковного воспитания и школьного образования.

Вторая часть "Очерков" заключалась следующим выводом: "Разница в характере разрыва русского и европейского общества с их прошлым более всего объясняется различием в культурной роли их веры. Британская религия взрастила и воспитала британскую мысль и сама вместе с ней выросла: вот секрет господства религиозных идей над умом даже современного британца. Французская религия, напротив, сделала все усилия, чтобы воспрепятствовать развитию современного научного и философского духа; отсюда враждебное отношение к ней француза. Что касается русской религии, она не имела возможности сделать ни того, ни другого. Она не возбуждала мысли к деятельности и не преследовала ее инквизиционными трибуналами. Вот почему отношение интеллигентного русского к религии осталось таким, каким создала это отношение история, - безразличным"²⁸.

Речь шла, конечно, об официальном православии. Ведь как раз в это время религиозная философия становилась одним из доминирующих направлений общественной мысли в России, выходили в свет произведения Владимира Соловьева и готовился к изданию сборник "Проблемы идеализма", объединивший таких прославленных впоследствии религиозных мыслителей, как Бердяев, Булгаков, Франк, Новгородцев...

²⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры, ч. II. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897, с. 3.

²⁷ Там же, с. 7-8. Подчеркнуто автором.

²⁸ Там же, с. 398-399.

Вторая часть "Очерков" была выдана отдельной книгой (так же, как и первая, в издании редакции журнала "Мир Божий") в 1897 г.

В начале того же года произошло неожиданное событие, сыгравшее важную роль в судьбе Милюкова и его семьи (в которой тогда уже было двое сыновей; вскоре родилась еще дочь). Павел Николаевич получил лестное предложение из Болгарии возглавить кафедру всеобщей истории в Софийском Высшем училище. Это означало для Милюкова многое: его признали крупным ученым не только в России, но и за рубежом, коллеги-историки помнили о нем, стремились помочь продолжению его преподавательской деятельности. Каким бальзамом для его самолюбия было предложение кафедры (а затем и присвоение там же, в Софии, профессорского звания)!

Получить разрешение на выезд в Болгарию, находясь в ссылке, было непросто, но благодаря хлопотам Анны Сергеевны в Петербурге удалось добиться постановления о двухлетней высылке Милюкова за границу. Преподавательская работа в Софии шла успешно, но продолжалась лишь один год. В связи с тем, что в день тезоименитства Николая II 6 декабря 1897 г. Милюков не явился на торжественное чаепитие в российское посольство, из Петербурга потребовали увольнения его из Высшего училища.

До конца срока высылки оставался еще целый год. Поскольку в соответствии с условиями контракта уволенному было выплачено годовое содержание, Милюков решил посвятить это время изучению положения на Балканах. Именно тогда, в Болгарии, Павел Николаевич серьезно увлекся современными международными отношениями. С годами он стал признанным специалистом в области мировой политики. Этой своей репутации Милюков был обязан тем, что после Февральской революции 1917 г. стал министром иностранных дел во Временном правительстве.

Между тем в России имя опального историка обретало все большую популярность. Расширялся круг его читателей. Третьим изданием вышла первая часть "Очерков по истории русской культуры", ко второму изданию подготавливалась вторая. Всего "Очерки" выдержали в России шесть изданий; последнее — уже при Советской власти, в 1918 г.

На Балканах Милюков работал над третьей частью "Очерков по истории русской культуры", которая состояла из двух выпусков и печаталась затем в "Мире Божьем" на протяжении 1899-1902 гг. Если в первых двух частях рассматривались стихийные исторические процессы, то в третьей, озаглавленной "Национализм и общественное мнение", речь шла об их отражении в общественном сознании, которое трактовалось как социальное явление, неразрывно связанное с этими процессами и подлежащее, подобно им, закономерному объяснению.

В самой постановке проблемы была заложена политическая заостренность ее исследования. В научном труде слышались отголоски современных политических баталий. Автор, в частности, обращался к впечатлениям, полученным на Балканах, где национальные процессы развивались особенно интенсивно.

Эволюция национального самосознания, доказывал Милюков в "Очерках", приводит рано или поздно к изменению его содержания: из "национального" оно становится "общественным" — в "смысле большего внимания к внутренней политике, лучшего понимания требований современности в этой области и более активного отношения к этим требованиям"²⁹.

Внимание части общества, наиболее заинтересованной в переменах, обращается от внешней национальной борьбы к внутреннему общественному строю. Это неминуемо вызывает отпор и ведет к борьбе, более или менее продолжительной, неизбежным исходом которой бывает более или менее полная перестройка традиционной системы общественных отношений и замена ее системой, основанной на сознательном выборе большинства. Национальная "традиция" ступшевывается перед торжествующим "общественным мнением"³⁰.

Что это — научный анализ или политический прогноз? Пожалуй, и то и другое. Отталкиваясь от прошлого, Милюков рисовал картину будущего, как она ему представлялась.

В этой части "Очерков" особенно подчеркивалась взаимозависимость всех сторон исторического процесса. Если экономика влияет на общественный строй и общественную идеологию, доказывал автор, то и они, в свою очередь, влияют на экономику. Тем самым, по выражению А.А.Кизеветтера, Милюков бросил "прямой вызов марксистскому шаблону"³¹. После выхода третьей части "Очерков" критические атаки на них усилились, и прежде всего со стороны историков и публицистов марксистского направления. Марксистская критика труда Милюкова нашла обобщение в выпущенной более чем через десять лет работе М.Н.Покровского, которая уже своим, почти аналогичным названием ("Очерк истории русской культуры"³²) декларировала полемический характер содержания. В противоположность Милюкову автор поставил в центр исследования борьбу классов, а историю России рассматривал как последовательную смену общественно-экономических формаций. С тех же позиций милюковские "Очерки" традиционно подвергались критике в советской историографии.

²⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 1. СПб., 1909, с. 3.

³⁰ Там же, с. 11.

³¹ Кизеветтер А.А. О П.Н. Милюкове как историке. "П.Н. Милюков. Сборник по чествованию его семидесятилетия." Прага, 1929, с. 50.

³² Покровский М.Н. Очерк истории русской культуры, тт. 1-2, М., 1915.

В третьей части "Очерков" автор показал себя, по определению М.М.Карповича, первоклассным мастером исторического исследования в области чрезвычайно трудной и мало разработанной истории общественно-политических и историко-философских идей. И хотя Карпович считал слишком суровой данную Милюковым оценку культурного уровня древней и Московской Руси, хотя он расходился с автором во мнениях о роли православия в духовной жизни России в новое время, о развитии русской литературы в XIX в. и в целом ряде других вопросов, тем не менее эту часть "Очерков" он относил к "числу самых блестящих достижений Милюкова-историка"³³.

Завершая третью часть "Очерков", Милюков подчеркивал, что характер националистических теорий в XIX столетии изменяется очень радикально, и добавлял: "как увидим"³⁴. Однако увидеть продолжение "Очерков" читателям так и не довелось. Автор как бы остановился на полуслове, как бы занес перо, чтобы вести свой рассказ дальше. Но современная политическая реальность, отголоски которой постоянно проникали в научные изыскания Милюкова и придавали им столь привлекательную для читателей актуальность, захватила и поглотила его целиком.

По возвращении из-за границы Милюков решил поселиться в Петербурге. Такой выбор, по-видимому, был связан с новыми планами, новыми взглядами на свое жизненное предназначение. После почти пятилетней изоляции Милюков очутился в накаленной атмосфере политической борьбы и связанных с ней надежд. Его встретили как известную личность, имеющую заслуги перед обществом. "Наукой заниматься не приходилось, — вспоминал Павел Николаевич, — мое место было указано в этой общественной среде" [с.136]. Вступая в новый век, он вступил и в новую для себя жизнь — жизнь политического деятеля.

Впереди был арест за выступление на нелегальном собрании, посвященном памяти П.Л.Лаврова, тюремное заключение (в камере Милюков продолжал работать над "Очерками" — там был написан раздел об общественном самосознании в петровскую эпоху). Затем активное сотрудничество в органах прессы в России и в нелегально издававшемся за рубежом журнале "Освобождение", вступление в подпольную либеральную организацию "Союз освобождения", чтение лекций в университетах Америки...

Тем временем росла известность Милюкова в широких читательских кругах. Продолжалась публикация "Очерков" в журнале "Мир Божий", отдельным изданием был опубликован первый выпуск третьей части, а первая часть появилась во

³³ Карпович М. Указ. соч., с.367.

³⁴ Милюков П.Н. Очерки..., ч.III, вып.2, СПб., 1913, с.418.

французском переводе в Париже³⁵ (ее немецкий перевод вышел в Лейпциге еще в 1898 г.³⁶).

Книга пользовалась огромным успехом, особенно в среде интеллигенции, молодежи. Характерна оценка, данная этому труду А.М.Горьким, который к Милюкову как к политику относился весьма негативно, однако его исторические произведения считал своего рода эталоном. Горький настойчиво рекомендовал молодежи штудировать "Очерки по истории русской культуры". Они скажут вам, писал он одному из своих молодых корреспондентов, "кто Вы исторически, чем Вы были в прошлом, в Ваших предках, может быть, укажут и на то, чем Вы должны быть теперь"³⁷.

Достоинства труда Милюкова подчеркивал и В.О.Ключевский. Читающее общество, писал он в 1902 г. во введении к курсу лекций по русской историографии второй половины XIX в., оценило сделанную в "Очерках по истории русской культуры" попытку "воспроизвести наше прошлое в виде стройного исторического процесса, в котором выступали бы перед читателем как причины, его двигавшие, так и результаты, от него отлагавшиеся". Такая попытка, сводя накопленный наукой материал и отдельные труды в "нечто цельное", дает возможность образованному человеку уследить за "сложной и разносторонней работой русской исторической мысли"³⁸.

За десять лет Милюковым был накоплен огромный фактический материал, в совершенстве освоена техника исторического исследования, выработан свой особый стиль исторического письма, сформулированы принципы общей исторической теории и продумана общая схема русского исторического процесса.

Однако в 1905 г., после начала революции в России талантливый историк на долгие годы расстался с наукой. Для русской историографии это была, несомненно, большая, невосполнимая потеря. К сорока шести годам Милюков был ученым с мировым именем, одним из крупнейших, если не самым крупным в своем поколении. Он обладал огромной эрудицией, совершенно выдающимися способностями: к концу жизни объяснялся или свободно говорил чуть ли не на любом европейском языке. "Природа наградила его, — писал хорошо знавший Милюкова князь В.А.Оболенский, — всеми ценными для научной деятельности качествами: строго логическим умом, феноменальной памятью, исключительной трудоспособностью, умением ясно и убедительно излагать свои мысли устно и письменно, наконец, глубоким активным интересом ко всем областям знания"³⁹

³⁵ Esquisse sur l'histoire de la civilisation russe par P.Miloukov. Paris, 1901.

³⁶ Milloukov P. Skizzen russischer Kulturgeschichte. I Band. Leipzig, 1898.

³⁷ Горький М. Собр.соч. в 30 тт., т.29, с.147.

³⁸ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983, с.185-186.

³⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988, с.234.

На протяжении всего лишь одного десятилетия Милюков опубликовал ряд капитальных трудов, подготовка и написание которых, как отмечает М.М.Карпович, могли бы занять у другого историка целую жизнь. "Я не думаю, чтобы в истории исторической науки можно было подыскать много примеров столь же быстрого научного созревания, — писал Карпович. — Это поистине исключительный пример огромной творческой силы и трудоспособности"⁴⁰.

Впереди был непочатый край работы. Требовали своего продолжения труды, завоевавшие признание читателей, занявшие прочное и почетное место в отечественной историографии, — "Очерки по истории русской культуры", "Главные течения русской исторической мысли". Американские университеты широко распахивали свои двери перед пользовавшимся неизменным успехом русским лектором.

Но события в России преуказывали другой путь. "Я вовсе не стремился превратиться из историка в политика, — писал Милюков в мемуарах, — но так вышло, ибо это стало непреложным требованием времени" (с.176).

Осенью 1905 г. была организована конституционно-демократическая (кадетская) партия, лидером которой стал Милюков. Редактор (совместно с И.В.Гессеном) ежедневной петербургской газеты "Речь", депутат Государственной думы, фактический руководитель созданного в годы войны межпартийного думского объединения "Прогрессивный блок", в феврале 1917 г. он естественно вошел в состав Временного правительства, сделавшись на первых порах одним из наиболее авторитетных его членов. Однако взбаламученная революционным вихрем страна левела не по дням, а по часам, и влияние кадетов, оказавшихся после свержения самодержавия на крайне правом фланге российского политического фронта, было исчерпано в первые же послефевральские месяцы.

Большую негативную роль здесь сыграла занятая Милюковым и идущей за ним партией внешнеполитическая позиция. "Война до победного конца в полном единении с союзниками!" — таков был лозунг кадетов, считавших главной целью войны завоевание Константинополя и установление контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. Для лидера партии эта цель стала настоящей идеей фикс, за что он получил прозвище "Милюков Дарданелльский". Овладение черноморскими проливами должно было, по его расчетам, упрочить стратегические позиции России, резко усилить русское влияние на Балканах и на Ближнем Востоке, стимулировать развитие экономики и укрепить обороноспособность страны (особенно ее южных районов). Сохраненное Милюковым до конца жизни убеждение в необходимости всемерного укрепления могущества Российского

⁴⁰ Карпович М. Указ. соч., с.363.

государства и расширения его границ наложило глубокий отпечаток на его научную концепцию, причем наиболее яркое выражение она получила в "Очерках по истории русской культуры".

Откровенный и решительный курс министра иностранных дел на продолжение войны привел к его отставке в результате апрельского кризиса 1917 г. Непримиимый враг большевизма, Милюков явился одним из важных действующих лиц попытки корниловского переворота. В годы гражданской войны он участвовал в создании Добровольческой армии на Дону, затем, пользуясь своими широкими зарубежными связями, много сделал для организации интервенции в Советскую Россию, был активным сотрудником Комитета освобождения России в Лондоне, редактировал журнал "New Russia".

С 1920 г. Милюков жил в Париже. Он стал редактором выходившей там с марта 1921 г. (на русском языке) газеты "Последние новости". Газета стала смыслом его жизни. Павел Николаевич собрал вокруг себя дружный, сплоченный коллектив единомышленников. Все в редакции были значительно моложе Милюкова (его называли за глаза "папашей"), но он был постоянно бодр, подтянут и никогда не жаловался, подобно другим, на болезни и усталость. И внешне (по сравнению с 1917 годом) почти не менялся: "... розовый, гладко выбритый подбородок, критически кривящиеся усы, припухшие глаза, розовые пальцы с коротко остриженными ногтями, мятый пиджачок, чистое белье" — так описывал тогдашнего министра иностранных дел Александр Блок⁴¹.

В течение двадцати лет возглавляемые Милюковым "Последние новости" играли руководящую роль в жизни эмиграции, объединяли вокруг себя лучшие литературные и публицистические силы русского зарубежья. Достаточно назвать имена тех, чьи произведения регулярно появлялись на страницах газеты: И.А.Бунин, М.И.Цветаева, В.В.Набоков (Сирин), М.А.Алданов, Саша Черный, В.Ф.Ходасевич, К.Д.Бальмонт, А.М.Ремизов, Н.А.Тэффи, Б.К.Зайцев, Н.Н.Берберова, Г.В.Иванов, И.В.Одоевцева, Дон Аминадо, А.Н.Бенуа, С.М.Волконский, Е.Д.Кускова, С.Н.Прокопович и многие, многие другие.

"Последние новости" были самым читаемым печатным органом российской эмиграции. Поэт Дон Аминадо так характеризовал отношение к газете в русском зарубежье: "Число поклонников росло постепенно, число врагов увеличивалось с каждым днем, а количество читателей достигло поистине легендарных — для эмиграции — цифр. Ненавидели, но запоем читали"⁴².

⁴¹ Дневник Александра Блока. 1917-1921. Л., 1928, с.65.

⁴² Цит. по Думова Н.Г. Павел Николаевич Милюков. В кн. "Россия на рубеже веков: исторические портреты". М., 1991, с.219.

Почему же ненавидели? Потому что "Последние новости" проводили линию, которую Милюков считал единственно правильной. Он был убежден, что революция в России утвердилась и путей ее пресечения и возврата к старому нет, что республиканский строй близок народу и Советская власть крепка. Поэтому следует решительно отказаться от всяких новых попыток сломить ее силой оружия. Кадетская партия должна принять "новую тактику" — отбросить прежние лозунги конституционного монархизма, решения аграрной проблемы путем выкупа помещичьей собственности, согласиться на совершенную в результате Октябрьской революции передачу земли крестьянам. Расчет может быть только на то, что советская система под воздействием происходящих в стране процессов, требований жизни будет внутренне эволюционировать, меняться, изживая коммунистическую идеологию (смертельным врагом которой Милюков по-прежнему оставался). Главные надежды он возлагал на крестьянство, считая, что именно оно станет той силой, которая в конце концов взорвет большевистский режим изнутри, путем "массовых бунтов".

Свою цель Милюков видел в том, чтобы преодолеть остатки идеологии белого движения, вести пропаганду против попыток возобновить вооруженную борьбу против Советской России. Этого не могли простить те, кто ратовал за новую интервенцию, кто мечтал о скором возвращении в Россию под знаменем оказавшейся в эмиграции белой армии. Они ненавидели Милюкова лютой ненавистью, покушались на его жизнь, травили, объявляли главным "жидомасоном", хотя ни евреем, ни членом мажонской организации он не был.

Однако друзей у Милюкова было не меньше, чем врагов. Когда в 1929 г. ему исполнилось 70 лет, в Париже было устроено грандиозное чествование юбиляра, продолжавшееся два дня. Второго такого чествования эмиграция не знала. На юбилейном собрании в зале Океанографического института Милюкова приветствовали бесчисленные ораторы — представители эмиграции и иностранных организаций и учреждений. Состоялся грандиозный банкет в гостинице "Лютетия", куда было приглашено четыреста человек. И снова речи, поздравления, тосты — до двух часов ночи. Выступали послы славянских государств, французские сенаторы, депутаты парламента и академики, русские друзья, единомышленники и почитатели Милюкова.

Специально созданный для проведения юбилея эмигрантский комитет собрал средства, чтобы переиздать "Очерки". В 1931 г. вышел 2-й том, в 1937 — переработанная и дополненная первая часть 1-го тома. Известный эмигрантский историк Г.В.Вернадский (сын великого ученого В.И.Вернадского, многолетнего коллеги Милюкова по кадетскому ЦК) писал в статье, посвященной переизданию "Очерков" и их автору: "В 1930-х годах — когда он заново писал 1-й том "Очерков" — он, видимо,

вернулся к науке всей душой, хотя из-за своей газетной и политической деятельности мог посвятить научной работе только часть своего времени и сил. Так или иначе на закате своей жизни Павел Николаевич пережил как бы вторую молодость своего научного творчества"⁴³.

"Юбилейное" издание "Очерков" Павел Николаевич посвятил "светлой памяти жены-друга, первой моей читательницы и критика" (Анна Сергеевна скончалась в 1935 г.).

По признанию самого Милюкова, в переработанной первой части "Очерков" он далеко отошел от первоначального предназначения этого труда как научной популяризации для широкого круга читателей. Парижское издание нового, по существу, труда Милюкова представляло собой научное исследование в чистом виде.

В первой части 1-го тома анализируются проблемы "преистории" России — ее первоначального заселения, зарождения национальностей, происхождения славянства, степной культуры. По сравнению с дореволюционными изданиями печатный объем, посвященный перечисленным проблемам, возрос с 30 до 332 страниц.

Славянское расселение, доказывает автор, началось позже расселения других народов. Восточные славяне пошли в невыгодном для них направлении. "Запоздание" процесса русской колонизации Милюков объясняет особенностями русских "месторазвитий" (термин, заимствованный у теоретика евразийства П.Н.Савицкого), на которые делится огромная территория восточно-европейской равнины. Запоздалость исторического процесса, берущая начало еще в доисторической эпохе, наложила, как считал Милюков, неизгладимый отпечаток на весь общественный и государственный быт России.

Говоря о новом издании, М.М.Карпович подчеркивал: "Это совершенно новая книга, основанная на привлечении огромного свежего материала и на использовании всей новейшей литературы предмета. Предшествовавшая ее написанию исследовательская работа, сделанная автором на восьмом десятке жизни, показала, какой огромный запас творческих сил был еще в его распоряжении и как мало отразился "преклонный возраст" на его феноменальной трудоспособности. Иначе как подвигом нельзя назвать и ту работу, которую он проделал в дальнейшем — частично уже в трагических условиях французской катастрофы"⁴⁴.

В июне 1940 г. гитлеровские войска приблизились к Парижу. Павла Николаевича усиленно звали перебраться в Соединенные Штаты, где у него оставалось много влиятельных поли-

⁴³ Вернадский Г.В. П.Н.Милюков и месторазвитие русского народа. "Новый журнал", 1964, кн.77, с.255.

⁴⁴ Карпович М. Указ. соч., с.366.

тических друзей. Милюков был почетным доктором нескольких американских университетов, мог получить там кафедру и жить в полном благополучии. Но он хотел быть "свидетелем истории", верил в скорую победу над фашизмом, считал, что события в Европе разворачиваются быстро и можно будет вновь наладить выпуск газеты, а потому предпочел переехать в не оккупированную фашистами зону Франции.

Со своей второй женой Ниной Васильевной Лавровой Милюков поселился сначала в Виши, потом в Монпелье, а в апреле 1941 г. в маленьком курортном городке Экс-ле-Бен близ границы со Швейцарией. Несмотря на все перемещения, на преклонный возраст, Павел Николаевич продолжал работать над "Очерками". "Вторая часть первого тома готова, — писал он 4 февраля 1941 г. писателю М.А.Осоргину. — Там мои новые теории о колонизации России и ее империализации: куда до меня... самому Сталину!"⁴⁵.

В письме М.М.Карповичу от 25 апреля 1942 г. Милюков спрашивал о возможности издания в Америке второго выпуска первой части "Очерков". "Готовы теперь, — писал он, — две трети первоначального первого тома, охватывающие тему "страна и население"; не переделаны экономический, социальный строй и учреждения (где переделок будет меньше)... Вторая часть этих двух третей, которую я назвал "Россия — империя", содержит историю превращения московского царства в российское государство: колонизацию и завоевания, бесспорные и спорные — вплоть до нашего времени. Тут немало актуального, а в отделе о первоначальном расселении я даю свою собственную конструкцию"⁴⁶.

Он очень страдал от отсутствия материалов для научной работы. Принялся за мемуары, но и здесь страшно не хватало оставленных в Париже архива и библиотеки, прессы прежних лет, документов.

Милюков быстро старел, здоровье его ухудшалось. В письме к Андрею Седых он с грустью рассказывал: "Сажусь за стол с пером в руке. Хочу что-то написать. Проходит четверть часа, полчаса — я сижу все так же и ничего не пишу..."⁴⁷ Павел Николаевич напряженно следил за положением на советско-германском фронте. С начала войны он занял твердую позицию, всей душой желая победы России, и тяжело переживал поражение Красной Армии. Последней его радостью стал триумф советских войск под Сталинградом.

Милюков не был религиозным человеком, в загробную жизнь не верил, о смерти думать не любил. Но она пришла — 31 марта 1943 г. В последний путь Павла Николаевича прово-

⁴⁵ "Новый журнал", 1988, кн.172-173, с.530-531.

⁴⁶ Карпович М. Указ. соч., с.366.

⁴⁷ Седых А. Далекое, близкое. Нью-Йорк, 1970, с.180.

жали лишь несколько человек. Его похоронили в Экс-ле-Бен на временном участке; после войны перевезли гроб в Париж, на кладбище Батиньоль, где была похоронена Анна Сергеевна.

Посмертное издание второй части первого тома "Очерков", над которой Павел Николаевич работал в последние годы жизни, было осуществлено под редакцией Н.Е.Андреева в Гааге в 1964 г. Переходя от преемственности к исторической эпохе, автор ставил перед собой задачу проследить процесс передвижений населения России и его окончательного оседания "в различных месторазвитиях". Главная тема книги — "колонизация России и примыкающей к ней Сибири, как основа для развития русской государственности"⁴⁸.

"Очерки по истории русской культуры" выдержали испытание временем. Спустя полвека после их написания М.М.Карпович подчеркивал: "По широте охвата "Очерки" в русской исторической науке — явление единичное"⁴⁹. Он определял этот труд как синтез научно-исторического осмысления прошлого с культурно-историческим прогнозом.

Конечно, люди, выросшие в другом умственном и духовном климате, чем Милюков, неизбежно воспринимают и понимают многое в прошлом России иначе, нежели автор "Очерков", замечал Карпович. Тем не менее "многому, очень многому можем мы от него научиться — даже и в тех случаях, когда наша оценка трактуемых им явлений существенно отличается от его собственной"⁵⁰. Давая общую характеристику труда Милюкова, Карпович утверждал: "Другой подобной работы, в которой объединялись бы материальные основы русской культуры (география, демография, экономический, социальный и государственный строй), культура в более точном смысле слова (религия, литература, искусство, школа) и рост общественного самосознания, не существует"⁵¹.

Прошло еще почти пять десятков лет, и мы — увы! — можем только повторить: другой подобной работы не существует. Радостно, что сегодня наиболее выдающийся исторический труд Павла Николаевича Милюкова доступен, наконец, широкому читателю на его родине.

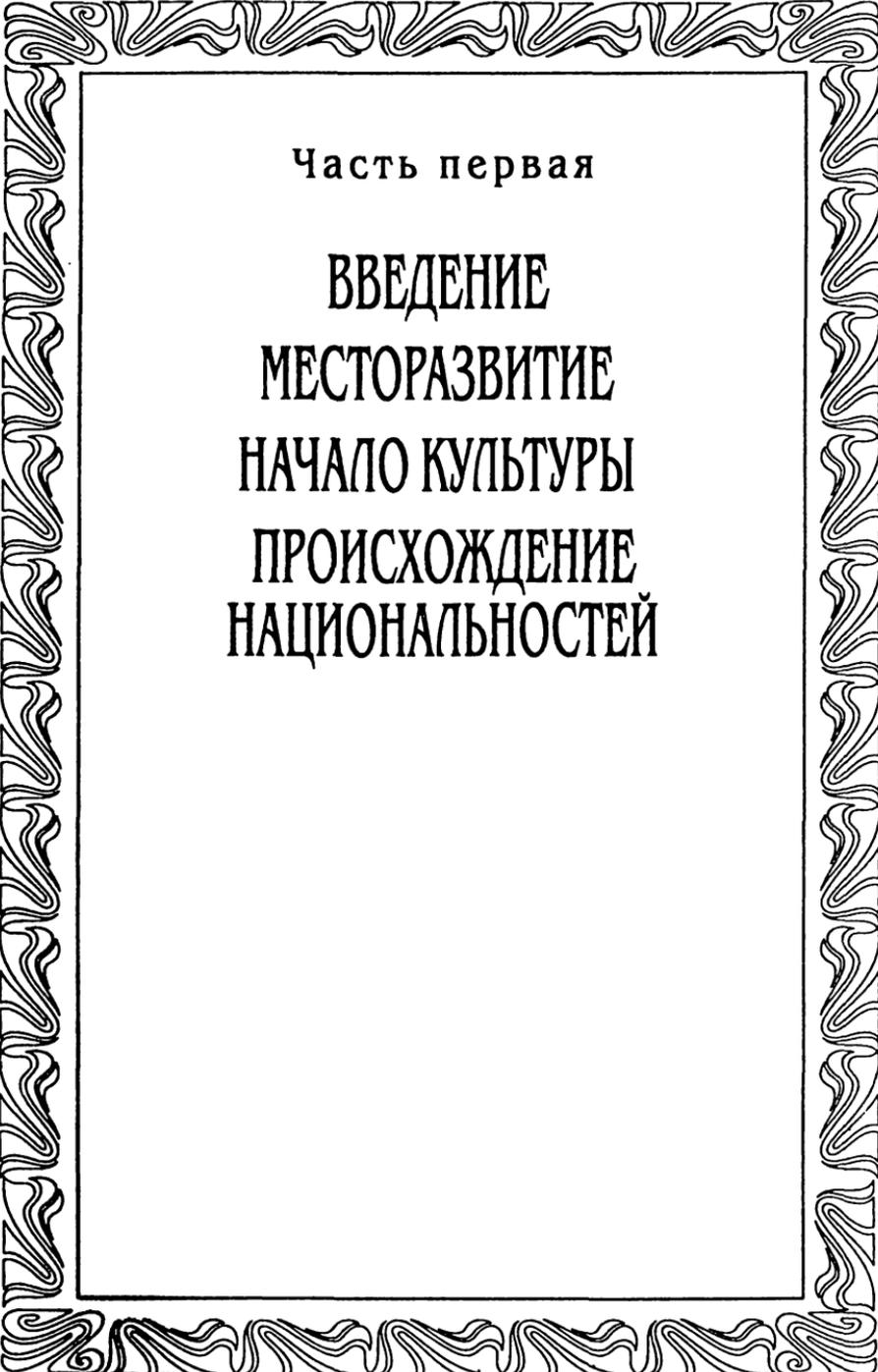
*Н.Г. ДУМОВА,
доктор исторических наук*

⁴⁸ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры, т. I, ч. 2, Гаага, 1964, с. 11.

⁴⁹ Карпович М. Указ. соч., с. 364.

⁵⁰ Там же, с. 365.

⁵¹ Там же, с. 364.

Часть первая

ВВЕДЕНИЕ
МЕСТОРАЗВИТИЕ
НАЧАЛО КУЛЬТУРЫ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

О т р е д а к ц и я: В настоящем издании в основном сохранены присущие авторскому оригиналу особенности орфографии, написание имен и географических названий.

ПРЕДИСЛОВИЕ к "юбилейному" изданию "Очерков"

Я позволил себе назвать настоящее издание "Очерков по Истории Русской Культуры" юбилейным отнюдь не из одного чувства — естественной, впрочем, — гордости, что детище мое достигло зрелого сорокалетнего возраста и вместе со мною дожило до моего семидесятилетнего юбилея, не потеряв интереса для читателей. Главным моим побуждением послужило то обстоятельство, что самая возможность появления нового издания в печати, в условиях эмигрантской жизни, была создана поддержкой друзей, желавших ознаменовать юбилейное чествование переизданием когда-то популярной книги. Друзья собрали необходимые для этого средства, а болгарское народное собрание почтило дорогую мне память моей давней моральной связи с этой молодой славянской страной, ассигновав 50.000 франков, которые также пошли на осуществление той же цели. Такое доброе отношение, вышедшее далеко за пределы личных дружеских связей, обязывало. За сорок лет "Очерки" не могли не устареть и не отстать от движения науки, да и сам я, хотя и отвлеченный своей политической и публицистической деятельностью от научной работы, приобрел тем временем опыт и знания, недоступные для тридцатилетнего приват-доцента. Просто переиздать "Очерки" было уже невозможно: пришлось существенно обновить самое их содержание и поставить его на уровень современного состояния науки. Должен признаться, что в порядке осуществления этой задачи я далеко отошел от первоначального назначения "Очерков", как научной популяризации, предназначенной для самого широкого круга читателей. Не могу скрыть от себя, что выросшие (и имеющие еще вырасти) чуть не вдвое томы нового издания потеряли часть тех свойств, которые делали прежнюю мою работу привлекательной для этого широкого круга. Меня утешает лишь мысль, что в обновленном и расширенном виде "Очерки" приобретут, взамен утраченной доли общедоступности, новое значение для читателя, желающего получить из них более цельный, глубже продуманный и серьезнее обоснованный взгляд на ход русского исторического процесса, чем это было возможно для книги, выросшей из публичных лекций, — книги, связанной с прежними цензурными условия-

ми и отразившей на себе пробелы прежнего европейского и русского знания. Многие черты теперешнего изложения могли вообще быть освещены только при свете современного научного изучения.

Поставленная таким образом, задача не могла не потребовать значительного времени для своего выполнения, — особенно в условиях эмигрантской жизни. Переиздание второго и третьего тома "Очерков", правда, оказалось сравнительно легче, так как новые научные работы сравнительно мало коснулись затронутых там сторон культуры. Главной задачей было тут продлить изучение на тот сравнительно короткий, но полный существенных перемен отрезок времени, который отделяет изученные раньше исторические процессы от дальнейшего хода их в условиях революции. Читатель не найдет, надеюсь, неожиданным то обстоятельство, что основная точка зрения "Очерков" относительно внутренней закономерности процессов нашла тут полное подтверждение. Как бы ни глубоки казались перерывы и зигзаги на поверхности событий, оторвать настоящее от положительных результатов прошлого, так же как и снять с процесса старые тормоза, оказалось одинаково невозможно для новых "строителей". Менее всего долговечны оказались нововведения, противоречащие общему ходу процесса. Темп процессов, несомненно, во многих случаях удалось значительно ускорить. Но это происходило как раз тогда, когда эти ускорения не только не прерывали общего направления процесса, а, напротив, продолжали его закономерную линию. События последнего пятилетия, происшедшие после издания второго тома "Очерков", подтверждают, еще с большей ясностью процесс затушевания случайных идеологических зигзагов и возвращения к "генеральным линиям" исторических законов. Таким образом, автор "Очерков" не только не встретил в новом историческом материале опровержения своих прежних схем, но, напротив, нашел в нем очень хорошую иллюстрацию основных положений и общего построения своей работы.

По отношению к первому тому "Очерков" положение складывалось иначе. Познакомившись с выпускаемой теперь первой частью этого тома, читатель поймет, почему эту, наиболее трудную часть работы я счел нужным отложить на конец — и почему этот первый выпуск выходит в свет только пять лет спустя. Именно над изучением этой части процесса усиленно работает современная историческая и общественная мысль; именно здесь самые злободневные явления помогают осветить новым светом даже далекое прошлое; здесь и наука движется особенно быстро с накоплением фактов и с пересмотром выводов. Прежде всего это привело к тому, что возможность нового освещения проблем, доселе остававшихся темными, заставила ввести в состав "Очерков" целые отде-

лы, не входившие прежде в рамки обычного популярного изложения. С одной из таких областей — областью преистории, вновь разработанной для этого издания, читатель встретится здесь. Я должен сразу же предупредить его, однако, что, помимо самого факта введения доисторического периода в плане изложения — необычной может показаться и трактовка материала в этом отделе. Считается общепринятым основывать характеристику доисторической культуры на данных из жизни современных примитивных народов. Социологам представлялся здесь благоприятный случай — построить целую схему доисторической эволюции "от животного к человеку", как строил ее в 1871 году Льюис Морган в своих знаменитых работах *Systems of consanguinity* и *Ancient Society*. Пройдя через призму учений Маркса и Энгельса, эта, ставшая традиционной схема — тотемизм, коммунальный брак, материнский брак, патриархальный строй, феодализм, даже с ее противоречиями, сделалась обязательной интродукцией в историко-культурную систему диалектического материализма. К сожалению, она и до сих пор продолжает оставаться в моде, как последнее слово советской науки; ею заполняют пробелы фактического материала авторы многих новейших трудов, иногда и не лишенных солидности в трактовке позднейших отделов. Однако же, новейшая этнографическая литература обставляет учение Моргана — особенно в древнейшей части схемы — столькими оговорками, что пользоваться ею становится неосторожно. Абстрактным социологическим схемам противопоставляется исторический реализм. Не разделяя крайностей и этих новейших учений, заходящих, напротив, слишком далеко в индивидуализации явлений, я остаюсь здесь, как и в других случаях, в пределах социологического изучения с в о е о б р а з и й, параллельно с х о д с т в а м и (см. введение). Я также пользуюсь параллелями из примитивного быта; но читатель не найдет в этой книге применений устарелых схем Моргана.

Идеей, объединяющей черты своеобразия и сходства процесса — и дающей возможность разумного синтеза тех и других, является понятие "месторазвития". Оно положено в основу этой части "Очерков" и сообщает ей внутреннее единство. Читатель, желающий сразу ознакомиться с тем, в чем я усматриваю это единство, раскрываемое здесь, как единство географической среды и археологического быта, благоволит прямо обратиться к заключительной части книги. Он увидит там, что все главное, что я могу считать с в о и м в этой работе, найдено мною именно при установлении явлений этой органической связи. Советские поклонники старых социологических формул и строгой "стадиальности" процесса, сами лишают себя этих возможностей, тщательно устраняя а priori из области своих изучений всякие внешние влияния: влияния

переселений, завоеваний, влияния открытий и изобретений. Добровольно ослепнуть на этот глаз — не значит найти последнее слово науки. Можно и должно отказаться от преувеличения значения внешних факторов, чем иногда грешили предшественники; но не следует выбрасывать эти факторы из сферы изучения в угоду преходящей казенной моде.

Цель этих вступительных замечаний — объяснить читателю, почему внесение выводов из новейшего материала географии, археологии и антропологии потребовало в этом издании необычных для "Очерков" размеров, нарушивших прежние, принятые в книге пропорции. Именно эти отделы науки совершенно преобразились в течение последних десятилетий, открывшие новые возможности объяснения проблем чрезвычайной важности, оставшихся до сих пор в тумане. Русская наука, несомненно, приняла в этой работе видное участие, хотя и оказалась связанной чуждыми науке заданиями. Но все основы заложены на западе, и туда пришлось прежде всего обратиться. Знакомством с новейшей литературой и материалами я обязан, помимо собраний Франции, также чехословацкой науке, германскому археологическому институту в Риме и личным наблюдениям в музеях Австрии, верхней Италии и Швейцарии. Приношу мою глубокую благодарность всем тем лицам, которые облегчили мне это изучение; из них назову лишь покойного профессора Альбина Стоцкого, которому я особенно обязан. Не на их ответственности лежит, конечно, неизбежная неполнота и известная случайность собранных мною сведений. То и другое зависело от ограниченных возможностей передвижения и от степени досуга, даваемых текущей работой в эмигрантских условиях. Но — *ars longa, vita brevis*, говорит пословица. Задержавшуюся на пять лет часть книги надо было наконец выпустить отдельно, хорошо сознавая эту незаконченность — хотя бы для того, чтобы освободить остающееся время для продолжения работы над первым томом "Очерков". Я был бы рад, если бы читатель испытал при чтении хотя бы часть той привлекательности, которую получила для меня эта работа — именно ввиду новизны и важности вытекающих из нее выводов. Разнообразие и некоторая перегруженность материала может, конечно, помешать цельности впечатления. Я могу, к сожалению, предложить только одно средство от облегчения чтения: пусть читатель предварительно ознакомится внимательно с подробным изложением содержания книги по приложенному в конце оглавлению и отсюда пусть прямо перейдет к "заключению", где найдет более подробные указания на применение метода, давшего единство исследованию: на главные результаты, полученные путем сближения данных о географической среде, антропологическом субстрате и археологических чертах быта и эволюции доис-

торического населения России в связи с ближайшими частями Европы.

Дальнейшим облегчением усвоения главного содержания этой части может служить также особенно подробный подбор иллюстрационного материала; составившего целый атлас географических, антропологических, археологических и историкогеографических данных, служащих для подтверждения главных выводов книги. Да извинит меня читатель за несовершенную графическую передачу этого материала; в этом несовершенстве, при моем способе выбора материала из многочисленных малодоступных изданий, повинен я лично.

Париж, 11 ноября 1936 г.

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя и внутренняя история "Очерков". — Отношение их к трем идеологиям трех поколений: народнической, марксистской и реставрированной славянофильской. — Собственная точка зрения автора — социологическая. — Закономерность или необъяснимость истории? — Параллелизм духовного и материального начала. — Всемирная история или отдельные национальные организмы? — Судьба всемирно-исторической точки зрения. — "Новая наука" о сходной эволюции общественных организмов. — Отрицание неподвижных национальных типов и выделение сходных социологических рядов. — Взаимозависимость рядов и их иерархия. — Конт и Спенсер. — Одностороннее изучение эволюции отдельных рядов у последующих социологов. — Окружающая среда — источник своеобразия процессов. — Близкое и далекое соседство. — Проблема личности в истории. — Пределы научного объяснения. — Значение термина "культура". — План построения "Очерков". — Проблемы сходства и своеобразия русского процесса. — Их новейшее обострение и необходимый синтез.

"Очерки по Истории Русской Культуры" имеют уже сами достаточно длинную сорокалетнюю историю. Появившись в первоначальном виде в литографированном издании лекций, читанных мною на педагогических женских курсах в Москве в 1892-93 и в 1894-95 гг., они затем были помещены в переработанном виде в журнале "Мир Божий". Начиная с 1896 г. по 1909 г. они выдержали целый ряд изданий, постоянно исправлявшихся и дополнявшихся.

Но кроме этой истории, "Очерки" имели и внутреннюю. За сорок лет сменилось два поколения, и выступило на сцену уже третье. За те же годы Россия пережила две революции. Книге предстояло выдержать двойное испытание — сменявшихся политических доктрин и исключительного по значительности опыта жизни. Кажется, не будет ошибочным признать, что "Очерки" это испытание выдержали. Составляя предисловие к шестому изданию первого тома (1909 г.), я счел себя вправе сказать, что "последние события (революция 1905 г.) не только не опровергли и не изменили общего построения "Очерков", но, напротив, лишь явились подтверждением и дальнейшим развитием выводов автора". В настоящее время, выпуская в свет "юбилейное" издание "Очерков" в момент, когда Россия переживает глубочайшие изменения, беспримерные во всей ее истории, я мог бы

по-прежнему подтвердить это заявление, сделанное 25 лет тому назад.

Такая жизнеспособность книги в значительной степени объясняется, по моему крайнему разумению, тем обстоятельством, что автору удалось сохранить известную независимость от мировоззрений, поочередно господствовавших над умами русской интеллигенции и трижды сменившихся за этот долгий промежуток времени. В первые же годы после своего появления на свет "Очерки", рядом с широким признанием со стороны читающей публики, подверглись перекрестному обстрелу со стороны двух тогда боровшихся идеологий: народнической и социал-демократической. Со стороны народников возражения принципиального характера были сделаны В.А.Мякотинным и Н.Русановым; со стороны социал-демократов (марксистов) возражали П.Б.Струве и М.И.Туган-Барановский. С сущностью возражений первого рода и с моими ответами на них читатель может познакомиться отчасти по предисловиям к II-му и III-му томам, перепечатанным почти без изменений. Poleмика с возражениями второго рода велась в предисловиях к 3-му (1898) и 4-му (1900) изданиям первого тома "Очерков", а в дальнейших изданиях (5, 6 и 7) была перенесена в приложения к этому тому. Многие детали тогдашних споров теперь уже потеряли интерес, и потому в настоящем издании это приложение не перепечатывается. К некоторым из сделанных там замечаний я возвращусь в соответствующих местах "Очерков".

К чему сводились наши тогдашние разногласия? Что касается народничества, — иллюзии старших представителей этого видного течения далеко еще не были изжиты в конце XIX века. В противоположность этим иллюзиям, "Очерки" рисовали картину крайней отсталости и элементарности русского исторического процесса. Такая картина сама по себе исключала горделивую надежду, что русский народ станет во главе цивилизации и скажет обветшалому миру свое мистическое "новое слово". Я признал *одну* правду в утверждениях народников и их предшественников славянофилов: признал глубокое *своеобразие* русского исторического процесса. Но, прежде всего, я не считал это своеобразие неизменным и неразложимым. А затем в наличности создавших это своеобразие природных и исторических условий я отнюдь не усматривал залога особого совершенства русской культуры. Я указывал на них скорее как на тормоз, объясняющий запоздалость ее развития.

С марксистами меня объединяло и разделяло другое. Молодое поколение русских марксистов, тогда только что выступившее на литературную арену, во многом исправило ошибки старого народничества. Не признать этого было нельзя. И "Очерки" в глазах тогдашней молодежи некоторое время считались выражающими ее взгляды. Но у этого поколения опять нашлись заблуждения, которых автор "Очерков" разделять не мог.

Подобно теоретикам научного марксизма "Очерки" положили в основу изучения идею строгой закономерности исторического процесса. Но не у марксизма только эта идея была заимствована (см. ниже). Напротив, то поколение марксистов придало идее закономерности такую исключительную форму, принять которую было невозможно. "Очерки" отвергли сведение закономерности к доктрине "экономического материализма". Далее, подобно марксистам и вопреки народникам и националистам "Очерки" признавали сходство основной линии русской эволюции со всякой другой, которая имела возможность развернуться и пройти закономерную смену одинаковых ступеней процесса. Такова была, прежде всего, эволюция западно-европейская. Но "Очерки" решительно разошлись с русскими марксистами — по крайней мере с наиболее влиятельными из них, — как в оценке *темпа* этого одинакового по существу процесса, так и в оценке его политических *результатов*. Марксизм отверг религиозно-философский и социально-политический мессианиззм старого народничества. Но он вовсе не отказался по существу от мессианской идеи. Он лишь заменил одну мессианскую программу другою, — в сущности даже довольно близкою к прежней. Предстоящее мировое торжество крестьянской "общины" и "хорового начала" было отвергнуто. Но оно было заменено еще более близким мировым торжеством городского пролетариата. На место Бакунинской идеи крестьянского анархизма, федерирующихся снизу вверх "коммун" была лишь поставлена Ленинская идея политического захвата аппарата централизованного государства сверху "сознательным меньшинством". К несчастью, эта идея была гораздо реалистичнее прежней, что и доказано ее временным торжеством. В "Очерках" можно было, при желании, заранее найти все необходимые возражения против этого нового метода введения человечества во врата социалистического рая. "Очерки" указывали, как, при видимом росте капитализма в последние десятилетия, эта новая ступень экономического развития была неполно и непрочно достигнута. "Очерки" вообще подчеркивали слабость и медленность развития городских элементов в России и сохранение традиционного преобладания земледельческого элемента над индустриальным. В особенности же "Очерки" настаивали на крайней слабости всей *государственной* надстройки, при всем ее видимом могуществе, на отсталости ее экономической основы — и, в результате, неорганичности и непрочности ее развития. "Очерки" указывали и на призрачность элементов классовой самостоятельности и силы — на служебную роль классов в восполнение того, чего недоставало государству. Самый рост деспотизма государства в процессе исторического строительства являлся при этом объяснении столько же причиной, сколько и следствием слабости социального расслоения русского общества. Боевой марксизм не мог не признать всех этих положений, ибо он ими

и воспользовался для того, чтобы сделать из них практический вывод: предусмотреть легкость свержения государственной власти и уничтожения классов в пользу так наз. "пролетарской диктатуры". Историческая связь тут, несомненно, имеется; но она дает событиям смысл, противоположный марксистской доктрине: ее победа есть шаг не вперед, а назад в русском историческом процессе: "надстройка" упрощена сообразно примитивности "базы".

После заката народничества и торжества марксизма "Очерки" пережили и третью "переоценку ценностей" — в духе "упадочничества" конца XIX века. Стадия декаданса оказалась, правда, временной и быстротечной; но новые идейные настроения были закреплены неудачей первой революции и подогреты катастрофой, к которой привела вторая. Реакция против революционности, максимализма и космополитизма руководящей части интеллигенции приняла здесь форму рецидива славянофильства. Возрожденный "идеализм" был противопоставлен "материализму", православие — "безбожью", мистика — рационализму.

Мораль и эстетика были выдвинуты против права, этика — против науки, национализм — против космополитизма, традиция — против революции, личное самоусовершенствование — против усовершенствования учреждений, "общение с Богом" — против общественного служения, конец мира — против бесконечного прогресса, предание "Москвы — третьего Рима" — против Петровской европеизации, максимализм "Вех" и "Нового Града" — против максимализма "Народной Воли" и "Искры".

Подводить итоги этой последней волны интеллигентского психоза как будто еще рано. Выставленные когда-то авторами сборников "Проблемы идеализма" (1902) и "Вехи" (1909) положения подхвачены "пореволюционными" течениями "молодежи", — как переставшей быть ею, так и только что вступившей в этот счастливый возраст. И до сих пор — *sub iudice lis est*. Было бы, конечно, признано субъективным суждение автора "Очерков", в какой степени новое наводнение грозит потопить его сорокалетнее детище. Но, может быть, будет позволено заметить, что копия всегда слабее оригинала и что борьба против нового поветрия едва ли окажется труднее прежней борьбы. Два обстоятельства успокаивают автора "Очерков" за их дальнейшую судьбу: строгая фактичность подобранного материала и опыт обработки его соответственно новейшим заданиям науки. Ибо к науке все же нужно будет вернуться после тщетных попыток ее дискредитировать и найти какие-то новые пути знания. И в "Очерках" придется новому поколению молодежи черпать знания, которых ей недостает.

Выше я упомянул, что мне удалось сохранить независимость от влияния обоих главных направлений, господствовав-

ших над умами русской интеллигенции последней четверти XIX века, — народничества и марксизма. Этим я обязан, прежде всего, тому независящему от меня обстоятельству, что я принадлежу к поколению, которое моложе поколения "семидесятников", увлеченного народничеством, но старше поколения "восьми-" и "девяностылетников", присягнувших на служение Марксу, а от него частью перешедших к проповеди религиозно-мистической реакции. Зато я испытал на себе, уже в студенческие годы, влияние обоих основателей современной социологии, творца позитивной философии Огюста Конта и автора синтетической философии Герберта Спенсера. Я следил затем и за дальнейшим развитием социологии — преимущественно в англосаксонских и романских странах; но, за исключением Канта и неокантианства, остался чужд влиянию германских авторитетов, повлиявших на поколение девяностылетников. Я привожу эти автобиографические данные, так как они характеризуют источники, из изучения которых сложились мои представления о задачах научного объяснения истории.

Я не пишу здесь социологического трактата и постараюсь представить внушенные всем этим изучением истины в виде кратких тезисов, положенных мною в основу при обдумывании и составлении "Очерков". Положения эти заменят то систематическое изложение, которое составляло предмет "Введения" в предыдущих изданиях. Считаю нелишним прибавить, что опущение этого "Введения" не означает перемены моих взглядов: они остаются, в существе, такими же, какими были в то время. Но, может быть, в этом издании они будут резче выражены и более систематически проведены в самом тексте.

Первым моим положением будет, естественно, самое общее:

1) *Понятия закономерности и эволюции должны быть распространены из области естественных наук в область наук гуманитарных.*

В приложении к истории культуры этот тезис отчасти противопологается, отчасти исключает другие понятия о задачах исторического изложения. Он *противопологается* так называемой повествовательной истории, — истории "событий", истории "случившегося" — термин, который сам по себе указывает на элемент "случайного", преобладающий в такой истории (см. ниже). Это не значит, что повествовательная история отрицается сторонниками закономерного объяснения истории. Она скорее занимает по отношению к последнему роль подготовительного подбора фактов, получая значение *конкретной* науки по отношению к *абстрактной*, по системе Конта. Я обхожу здесь значение *художественного* элемента в повествовательной истории, так же, как и вопрос об отношении в ней случайного элемента к существенному, которые оба могут в ней совмещаться. Есте-

венно, что личная история "вождей" народов, их деяния и судьба, их взаимные отношения, их внутренняя и внешняя политика будут главным содержанием такой истории. Но социолог не исключает возможности закономерного объяснения даже и того, что придает рассказу его *индивидуальный* характер.

Этим социологическая точка зрения отличается от другой, которую она *отрицает*. Сюда относятся все те учения, старые и новые, которые объявляют индивидуальное — неразложимым, неповторяемым и не подлежащим научному анализу. Характерным образом, мнение "Очерков" столкнулось в этом пункте с мнением П.Б.Струве, который хотел наложить на автора свое "гносеологическое вето"... Я считал возможным "объяснить" индивидуальность; Струве предлагал мне ее "устранить" и "игнорировать". Он так формулировал свое обвинение. "Г-н Милюков обнаруживает (моим мнением, что "индивидуальная физиономия факта так же подлежит закономерному объяснению, как и его общий характер"), что ему совершенно чуждо, во-первых, непротиворечивое понятие закономерности, во-вторых, ясное представление о том, что такое индивидуальное. Понятно, говорит Риккерт (его авторитетом покрывается здесь Струве), лишь то, что можно сравнить с чем-нибудь другим; и понятным что-нибудь может быть лишь постольку, поскольку оно похоже на что-нибудь другое... Непонятна, необъяснима, unbegreiflich, каждая отдельная личность в том, что отличает ее от других личностей... "Понимать индивидуальность — значит отрицать ее, как таковую. Игнорирование личности в социологии или, точнее, ее устранение из социологии, есть в сущности, только частный случай стремления к научному познанию". (Цитата из "Критических заметок" Струве). Там, где допускается индивидуальность, не может быть и речи о закономерности в строгом смысле. Принцип строгой закономерности действует на индивидуальные представления и образы, как вода на огонь. Все индивидуальное гаснет от "понятия" и "закона".

Эта аргументация характерна, как пережиток попыток сохранить метафизическое или даже теологическое значение за "индивидуальностью" и ее "свободой". В "социологии" некоторых направлений это рассуждение обычно распространяется с личности на целые народы, "дух" которых также признается "индивидуальным", неразложимым, а потому и необъяснимым. Мы имеем и новейший вариант того же объяснения, отрицающий — на том же основании — вообще возможность научного объяснения исторического процесса. Но ведь не повторяется вообще все, что происходит на свете; не повторяются и явления других отделов мировой жизни. Неповторим каждый лист дерева; неповторима каждая особь животного царства, каждый случай падения предмета. И, однако, мы говорим о *законе* тяготения, изучаем *закономерность* биологических явлений и т.д. "Идеографическая" точка зрения Отмара Шиана, очевидно, или

должна применяться решительно ко всему, что происходит в мире, или же она не должна применяться и к области гуманитарных наук. В свое время я ответил Струве ссылкой на Зиммеля, у которого он мог бы узнать, что его утверждения суть чистейший "платонизм" и что в действительности стремление "разложить общие понятия на сумму отдельных явлений, которым одним только свойственна реальность, — составляет одну из главных целей современного склада мысли". Пример этого мы увидим в ближайшей же главе "Очерков".

Итак, даже и "индивидуальное" не может исключать закономерного объяснения. Вообще же попытки закономерного объяснения истории так же древни, как попытки вообще размышлять об истории. Нашему времени принадлежит лишь приведение этой основной и неистребимой потребности человеческого духа в научную систему и последовательное ее проведение. Здесь мы можем перейти ко второму тезису, как к первому выражению этой последовательности во всякой доктрине, стремящейся к синтезу.

2) *Научный синтез в социологии снимает противоположение духовного и материального начала.*

Все явления человеческой цивилизации протекают в духовной среде. Этим явления социологии отличаются от явлений физиологии. Только в социальной среде формируется человеческая психика (ср. предисловие к третьему тому). Учреждения, экономика, быт, суть такие же духовные продукты социальной среды, как религия и искусство. Зато, как только что сказано выше, не может быть допуская различие, проводившееся между "материей" и "духом" в том отношении, что первая область явлений подчинена закону, тогда как вторая свободна. Все подчинено законам: в области процессов духа господствует такой же детерминизм, как и в области процессов материальных. Это утверждение, притом, не может быть поставлено в зависимость от того, можем ли мы или не можем при настоящем состоянии науки открыть эти законы. Но тут же необходимо сделать оговорку: между двумя упомянутыми сторонами явлений не следует пытаться устанавливать непосредственной причинной зависимости или сводить одно начало к другому. Современная социология не идет дальше установления *параллелизма* между "субъективным" и "объективным" рядами явлений, если употреблять терминологию Гиддингса.

При формулировке следующего тезиса мы должны уже сделать некоторый выбор среди учений современной социологии. И тут до известного момента я оказываюсь попутчиком эпигона славянофилов, натуралиста и автора славянофильского "евангелия" ("Россия и Европа") Н.Я. Данилевского. Раз речь идет о создании науки, то для подготовки фактов к извлечению из них

законов эти факты должны быть уложены в некоторую "естественную систему" или классификацию. В основу такой системы в социологии должна быть, по моему мнению, положена не идея всемирной истории, а сравнение истории отдельных человеческих обществ. Третий тезис получает, таким образом, следующую формулировку:

3) *Научная социология отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории. Она признает естественной единицей научного наблюдения отдельный социальный (— национальный) организм.*

Идея всемирной истории имеет почтенную давность. В своем происхождении она тесно связана с религиозной идеей божественного промысла, управляющего судьбами человечества. Отсутствие или неясность связи между отдельными звеньями цепи, составляющей историю человечества, покрывается верой в это высшее руководство, которому одному известна цель существования и чередования человеческих обществ. Эта вера вполне заменяет исследование, и самая схема всемирной истории, основанная на водительстве провидения, предшествует всякому исследованию. В сущности, всякая универсальная религия имеет готовую нить, связывающую звенья — в факте своего распространения и усвоения в мире. Естественно, что первой попыткой всемирной истории и явилась *De civitate Dei* блаженного Августина (413-426), взявшая темой распространение христианства на развалинах римской империи. Все предшествующее появлению христианства схематизировалось в течение всех средних веков под формулой четырех монархий Даниилова пророчества, последней из которых и была римская империя. Для дальнейшей истории в этой схеме не было места. И когда Боссюэт в 1681 году составлял для уроков дофину на той же теологической основе свой *Discours, sur l'histoire universelle*, это было уже полнейшим анахронизмом. Его "всемирная история" вышла бессвязным подбором фактов, не проведенных через историческую критику. Католическую философию всемирной истории можно считать на этом опыте законченной. Слабым отражением того же мировоззрения была попытка создать и для православия особую всемирно-историческую схему — в форме преемства "трех Римов" (Рим — Константинополь — Москва "третий Рим").

Но идея всемирной истории вовсе не разделила судьбы средневековой схемы. Она, напротив, получила богатое развитие под влиянием идей протестантизма в Англии и Германии и "просветительного века" во Франции. Из теологической она мало-помалу превратилась в метафизическую и рационалистическую. Конечно, в каждой из упомянутых стран эта идея получила особый оттенок. В Англии от Бекона до Бокля ход мирового процесса был объясняем накоплением опытного знания. Во

Франции от Вольтера до Конта та же идея была развита в борьбе с церковью, как освобождение человечества от средневековых суеверий и преодоление католицизма путем секуляризации науки, торжества разума и организации его завоеваний. В Германии, наименее отошедшей от господства теологического мировоззрения, идея всемирной истории превратилась в руках романтиков и философов, от Гердера до Гегеля, в учение о постепенной гуманизации человечества и о воспитании его к свободе — без явного разрыва с неисповедимыми велениями промысла. При всех различиях в этих вариантах переходной эпохи, всем им была обща мысль о доминирующей роли личности, постепенно освобождающейся в процессе, и о прогрессе человеческого знания и разума, как движущей пружине самого процесса. При всем огромном шаге вперед этого взгляда сравнительно с средневековым, уже в то время были замечены отрицательные стороны такого понимания всемирной истории. Прежде всего указано было на произвольность выделения одной только определенной группы народов, призванных составить цепь прогресса, и устранения из схемы всего остального человечества, за исключением обитателей Европы и передней Азии.

Другим недостатком было, конечно, то, что отдельные народы, введенные в цепь, рассматривались только со стороны внешнего ими во всемирную историю вклада, причем характер этого вклада определялся гипотетическими особенностями народного "духа", якобы двигавшими каждый раз вперед весь всемирно-исторический процесс. Наконец, "дух" этот и у Вольтера, и у Гердера, — а тем более у Гегеля — принимался за некое неизменное во времени начало, которым, не входя в детали, объяснялась и вся история "избранного" народа. Такая трактовка, конечно, не имела ничего общего с наукой и, напротив, очень много общего с теологической идеей "плана", наложенного на человеческие события свыше. Еще Шлецер поднял голос протеста против такого одностороннего использования исторического материала для абстракций всемирной истории. А когда Ранке отбросил спекулятивные построения философствующих романтиков и попытался вернуться к строго научному эмпирическому трактованию всемирной истории, то получилось довольно механическое и скудное сочетание "руководящих идей" и "господствующих тенденций" в каждом столетии. Выдвигая вперед борьбу "идей" и избегая изображения борьбы "интересов", Ранке уклонился и от объяснения происхождения своих "идей". Точнее говоря, и он остановился тут перед "необъяснимым", перед "божественными велениями", то есть перед тем же теологическим объяснением. Выведя изучение истории из тупика, в который завела ее теория избранных народностей, Ранке впал в другую крайность, общую всемирным историкам. Он отдал предпочтение изучению международных связей и влияний перед изучением внутренней истории отдельных госу-

дарств, находясь, притом, в этом отношении под влиянием не только собственных теорий, но и современных ему событий, центром которых являлась Германия. При этом, правда, совершенно отпадал элемент мистики; но зато слишком выдвигался вперед элемент случайности и личной воли. Психология действующих в истории личностей — самое сильное место метода Ранке. Пока Ранке прилагал эти приемы к конкретному изложению международных отношений германо-романских народов Европы, он проявил великое мастерство историка-повествователя. Но когда, на склоне лет, он принялся за издание (неоконченной) "Всемирной истории", лишенной теологического и метафизического освещения, то тут и оказалась слабость реальной связи между отдельными звеньями этой истории, — так же как и произвольность выбора. Ранке перенес центр тяжести рассказа и тут на "ход великих событий, связывающих все народы", а существо этих событий видел не только в "культурных стремлениях", на которых "вовсе не исключительно покоится историческое развитие", а в "импульсах совершенно иного рода, преимущественно в антагонизме наций, которые борются друг с другом за обладание территорией и за первенство". Это и возвращало "Всемирную историю" в старый, более привычный круг, с прибавкой чисто германской окраски, то есть по существу знаменовало вырождение самой идеи. На морализирующем варианте всемирно-исторической идеи, выраженном в риторической формуле "Die Weltgeschichte ist das Weltgericht" здесь нет надобности останавливаться, так же как и на новейших германских попытках отыскать "den Sinn der Geschichte".

Переходя ко второй половине моего третьего тезиса — о национальном *организме*, как о естественной единице научного изучения, я прежде всего отмечу, что эта идея имеет еще более почтенную давность, чем идея всемирной истории. Если идея всемирной истории появляется (не считая античных компиляций) только с переходом от античной эпохи к христианству и средневековью, то идея национальной истории, как особого целого, возникает уже в республиках классической древности и возрождается в итальянских республиках ренессанса. В этих маленьких государствах-городах легко было заметить чередование форм государственного устройства, связанное с очередным преобладанием того или другого социального слоя, а быстрый ход этого процесса, совершавшегося на памяти двух-трех поколений, помогал связать все этапы процесса в единый цикл, имевший свое начало, середину и конец и повторявшийся в ряде отдельных "политий". Это был чрезвычайно подходящий материал для выведения из него общего эмпирического закона. Так, Платон и Аристотель в древности; и итальянские гуманисты в эпоху возрождения классицизма — в особенности Джамбаттиста Вико —

положили начало "Новой Науке", предшественнице современной социологии, работающей именно таким же сравнительным методом. Языческая наука греческих мыслителей и секуляризованная впервые в Европе — наука итальянцев счастливо обошлась без теологии и метафизики. Отсюда — почти современный дух их учений. В частности, Вико с удивительной проницательностью набросал основные черты своей "Новой Науки"¹, несмотря на очень несовершенное состояние знаний в его время. Ему вполне ясно было научное значение параллельного изучения национальных историй для извлечения из них сходных черт, доступных объяснению общими причинами. Вот его *социологический тезис*. "Однообразные вещи, родившиеся одновременно у целых народов, незнакомых друг с другом, должны иметь общий источник истины". "Эта аксиома", поясняет Вико, "опровергает общепринятое до сих пор мнение, будто естественное право вышло от единственной первой нации, которая позднее передала его другим народам. Это заблуждение нашло веру у египтян и греков, которые хвалились, что первые распространили на земле гуманность и цивилизацию"².

Главной ошибкой Огюста Конта, при всех огромных заслугах этого творца социологии, было именно то, что он построил свое учение о стадиях человеческого прогресса по всемирноисторическому принципу. Так, он ищет фетишизм и политеизм в первобытных и древних обществах, монотеизм и метафизику в средних веках и начале новой истории, а происхождение позитивизма относит к современности, его развитие — к будущему. Тут совершенно прав Н.Я.Данилевский, когда находит популярное деление на древнюю, среднюю и новую историю ненаучным и устанавливает следующее положение, совпадающее по мысли с учением Вико. "Собственно говоря, и Рим, и Греция, и Индия, и Египет и все исторические племена имели свою древнюю, свою среднюю и свою новую историю, то есть, как все ор-

¹ "Principi di una scienza nuova" имеются в двух редакциях. Первая опубликована в 1725 г. и, по мнению Viazzi, нагляднее изображает умственный процесс, приведший автора к его "открытиям". Вторая, "Cinque libri de principi" etc., издана в 1730 г.; ее предпочитал сам Вико, как окончательную форму своей мысли, и из нее взяты следующие цитаты. Дальнейшие добавления и поправки опубликованы в посмертном издании 1744 г. и добавлены в изданиях Николлини.

² Конечно, Вико очень часто оперирует с понятием "провидение", управляющего судьбами народов. Но в его употреблении это — не только средство обезоружить католиков, имевших основание осуждать его основную антитеологическую систему, но, в более глубоком смысле слова, и поставить понятие закона выше понятия человеческого произвола. В этом же смысле идея провидения эпохи романтической реакции заменила понятие закономерности поверхностный "рационализм" XVIII столетия. Впрочем, Вико лучше романтиков умел совмещать идеи закономерности и свободной человеческой воли.

ганическое, имели свои фазисы развития". На этом самом основании и Вико различает у каждого народа три стадии развития, которые он на своем языке называет веком богов, веком героев и веком людей, то есть в сущности, теологическим, метафизическим и позитивным. В классическом мире была своя ("первая") эпоха варварства; в христианском мире она в точности повторилась ("второе варварство").

Новая социология скрепила это представление об однообразном ходе национальных историй, проведя аналогию между животным и социальным *организмом*. Именно на этом сопоставлении построил свою социологию Спенсер, за которым последовал целый ряд социологов, дополняя эту общую аналогию все новыми чертами, частью искусственными³, но иногда меткими (Лилиенфельд, Шеффле, Вормс, Фуллье — чтобы назвать только главных из них). Недостаток системы Спенсера — в том, что к этой части своей синтетической философии он подошел уже на склоне лет и ограничился преимущественно описательной стороной, заимствуя притом материал из этнографии первобытных народов. В этой области изучение преемства сходных ступеней развития было затруднено для Спенсера уже его исходной точкой зрения: желанием приложить к социологии — или даже построить социологию на закономерностях, открытых в физиологии. Затем, внимание Спенсера было односторонне сосредоточено на описании каждой из сходных стадий, тогда как генетическая связь между последовательной серией этих стадий осталась в тени.

Сказанное выше подготавливает к моему четвертому тезису:

4) Научная социология не признает отдельные национальные организмы неподвижными, неизменными "типами". Она изучает эволюцию каждого отдельного организма и находит в нем черты, сходные с эволюцией других организмов.

Первая же фраза этого тезиса отделяет нас от вышеотмеченных индивидуалистов, отрицающих возможность сравнения и, следовательно, научного объяснения исторических явлений. Правда, первоначально речь идет о необъяснимости одного только личного элемента в истории с точки зрения "идеографов". Но затем признание необъяснимости и несравнимости "типов" распространяется на целые национальные организмы, то есть на все содержание истории. Точнее говоря, сходство и

³ Сам Спенсер не ответственен за увлечения, вызванные аналогией между обществом и организмом. Он определенно говорит: "Между живым телом и телом политическим не существует других аналогий, кроме тех, которые являются следствием взаимной зависимости частей, свойственной им обоим... Общность основных принципов организации есть единственная утверждаемая нами общность".

возможность сравнения признаются и здесь, но лишь до того момента, когда "этнографический материал" превращается в "тип", — именно, когда в процессе эволюции присоединяется элемент "морфологический", элемент формы, являющийся в глазах такого противника Дарвина, как Данилевский, началом "идеальным в природе". Исходя из идеи "органичности" нации, Данилевский допускает распространение этой аналогии на *возрасты* национальной истории. Каждая народность переживает периоды молодости, зрелости и старости. Данилевский называет их периодами "племенным", "государственным" и "цивилизационным". Итак, казалось бы, он признает общечеловеческие законы развития, свойственные каждому национальному организму? Отнюдь нет. "Племенная" стадия — это для него только материя без формы, народность без "идеи". "Государственный" период — тоже подготовительный. В это время только складываются национальные учреждения и национальный характер. Но вот наступает третий период, "цивилизационный"; народность развертывает в себе присущую ей самобытную "идею", — и готов неразложимый и неизменяемый "тип". В *этой* стадии — "начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа".

Научная социология отвергает путь "платонизма". Он остается достоянием течений, желающих сохранить пережитки теологической и метафизической идеологии — по большей части с определенной целью увековечить черты прошлого национальной истории. *Цель* научной социологии — открыть общие законы исторической эволюции. Наиболее *общее направление* этой эволюции есть то, которое обще ей с эволюцией физиологической. Спенсер весьма удачно определил его, как "переход от несвязанной однородности к связанной разнородности" — a change from incoherent homogeneity to a coherent heterogeneity. *Фазисы*, которые история каждого отдельного социального организма проходит в этом направлении, находили у разных философов истории и социологов весьма многообразные определения. Число три в большинстве схем преобладает. Конечно, оно не сводится к чередованию "тезиса, антитезиса и синтеза", как того требует "диалектический" метод Гегеля — Маркса. "Игра всемирного духа" в эту диалектику есть просто игра собственного воображения г.г. философов. В большинстве трехчленных схем третья часть не "преодолеывает противоречия" первых двух, а просто ведет процесс эволюции дальше их. Наиболее удачны притом те из этих схем, которые устанавливают не только какой-либо *один* ряд ступеней развития, повторяющихся повсюду, а несколько параллельных рядов, соответственно различным сторонам исторического процесса. Сюда относится наш пятый тезис:

5) *Научная социология выделяет общие черты эволюции национальных организмов в закономерные социологические ряды и старается определить взаимную зависимость между этими рядами.*

Здесь мы вступаем в более спорную область. И число рядов (сторон жизни), и причинная связь между ними, и их так сказать *иерархия* (зависимость более сложного от более простого) различно определяются различными социологами. Не отождествляя себя ни с каким отдельным из этих определенных, мы отметим лишь интерес такого рода изысканий и их общее направление, в котором выявляется основная истина социологической эволюции. Перечислить их все нет ни возможности, ни надобности; укажу лишь в хронологическом порядке некоторые, наиболее интересные и связанные с содержанием "Очерков".

Древнейшее из таких определений находим у Платона. Греческий философ связывает причинной связью политический ряд с психологическим. По его классификации свойства души распределяются следующим образом: 1) Низшие потребности, вытекающие из голода и полового чувства. 2) Высшие ("благородные") чувства. 3) Разум. Им соответствуют в политическом ряду: 1) Экономическое государство (производящего класса). 2) Военное государство — воинов (соответствует благородным инстинктам). 3) Государство совершенных правителей — философов. Мы увидим, что это построение получает отголоски в современности. А вот несколько остроумных и глубоких определений Вико. "Аксиома 64-я: порядок идей развивается сообразно порядку вещей". "Аксиома 65-я: порядок человеческих вещей определяется такой сменой: люди сперва укрывались в лесах, потом в хижинах, потом в деревнях, наконец в городах, где они построили академии". "Аксиома 67-я: народы сперва бывают от природы жестоки. Потом они становятся суровыми, затем благосклонными, деликатными. Наконец, они расслабляются". Из книги четвертой "Новой Науки": "мы принимаем деление на три века, установленное египтянами: век богов, век героев и век людей, так как мы заметили у всех народов три вида натуры. Эти натуры производят три вида нравов, а нравы — три вида естественного права народов, которые в свою очередь создают три вида гражданских состояний или республик" и т.д. Здесь, как видим, уже устанавливается причинная связь — не будем разбирать, насколько правильно, — между несколькими иерархически расположенными рядами: физиологическим, психологическим, юридическим и политическим.

Конт затрудняется прямо ставить вопрос о иерархии различных сторон "социальной системы" и "социального прогрес-

са". Он лишь настаивает на их взаимозависимости и на их необходимой гармонии или "солидарности" с целым. Каждая стадия развития человечества отражается во всех явлениях той же эпохи. Но у него несомненно есть стремление выдвинуть вперед интеллектуальную сторону психической эволюции — и даже еще более узко: развитие науки, как системы человеческих знаний. На этом основано его знаменитое деление всей истории человеческого прогресса на три ступени: теологическую, метафизическую и позитивную. Интеллектуальную эволюцию Конт прямо провозглашает "преобладающим началом", "дающим импульс" остальным сторонам в порядке "подчинения низших ступеней". Действительно, на каждой стадии Конт следит за влиянием этой господствующей черты на все стороны жизни. Теологической стадии соответствует военная организация общества и соответствующая ей мораль, искусство, политический и социальный строй. Позитивной стадии соответствует развитие промышленного духа, опять-таки отражающегося на всем строе жизни. Но далее начинаются оговорки. Конт не игнорирует воздействия внешних условий и влияния возрастающей плотности населения и разделения труда. Но силам этого рода он приписывает только ускорение прогресса, а не его содержание. Направление и содержание социальному развитию дает человеческий дух. Конт не игнорирует, как мы видели, и других сторон жизни. Открытие взаимной связи явлений и соединение их в координированные ряды он признает основной задачей научной истории, которая не занимается рассказом о событиях и касается частью только для открытия законов. Иерархия рядов устанавливается Контом двоякая: "естественная" и "рациональная". "Естественная" разветвляется в таком порядке: "практический" или "мирской" и "духовный" ряд; последний подразделяется на промышленный, эстетический, научный и философский (конечно, в смысле философии Конта). Таков "восходящий" снизу вверх порядок рядов, соответствующий порядку их происхождения. Но тут вмешивается троючастная схема Конта, согласно которой восходящий порядок свойственен только среднему, хаотическому метафизическому периоду. Напротив, в первом (теологическом) периоде под организующим влиянием католицизма и в последнем (позитивном) под влиянием организующей роли философии — порядок рядов переворачивается и становится нисходящим — сверху вниз, от самого сложного к более простому и примитивному. Философия организует науку, наука влияет на художественную деятельность, искусство влияет на промышленность.

В этом отношении, как и в отношении понятия *организма*, заменяющего у него понятие *прогресса*, Спенсер вносит в социологию существенные поправки. Его объяснения более научны, соответственно успехам науки за период от опубликования "курса позитивной философии" (1830-1842) до издания ряда

трудов по системе "синтетической философии" (1860-1896). Но зато объяснения Спенсера и более односторонни. Для него важен прежде всего лишь восходящий ряд эволюции разных сторон человеческой жизни. Это дает ему возможность провести в социологии единую мысль всей его системы. Он вводит, именно, всю область социальных явлений в общую классификацию как продукт "над-органической" эволюции, составляющей продолжение органической и неорганической. В этом порядке Спенсер прежде всего останавливается на "первоначальных внешних факторах" социальной эволюции — тех же, которые составляют предмет первой главы "Очерков": климат, флора, фауна. Затем рассматриваются "первоначальные внутренние факторы": "первобытный человек" со стороны физической, эмоциональной и интеллектуальной. К этому примыкают и "первобытные идеи", восходящие от культа мертвых к религиям природы и к религиозным системам. Далее, в таком же восходящем порядке, социология рассматривает сперва учреждения для поддержания вида (размножение и историю семьи), затем учреждения обрядовые ("церемониальные"), — понимая под этим самый ранний вид правительственного контроля над человеческим поведением. Это формы отношений, вытекающих непосредственно из факта человеческого общения. Далее следует эволюция правительственных учреждений, появляющихся сперва в результате "естественных причин", а затем развивающихся в порядке возрастающей сложности и специализации. Аналогия с ростом и усложнением структуры организма, так же как и контовская идея смены воинственного типа общества промышленным типом находят здесь надлежащее применение. Далее "рассматривается дифференциация духовного правительства от светского, его последовательное усложнение и размножение сект, рост и непрерывное изменение религиозных идей, как следствие прогресса знания и изменения нравственных черт, и постепенное примирение этих идей с истинами отвлеченной науки". На этом пункте болезнь прервала систематическую работу Спенсера, и, пропуская отделы "промышленной организации", "умственного", "эстетического" и "нравственного" прогресса, он перешел прямо к эволюции нравственности и закончил "этикой общественной" и "индивидуальной жизни", — то есть тем, что мы назвали бы "гражданскими и политическими правами человека" (1890 и 1892 гг.) Спенсер угас 8 декабря 1903 года.

Как видим, Спенсер не ставил хронологических границ исследованию социологических рядов, доводя их до современности. Но, по общему характеру работы, его внимание остановилось преимущественно на жизни примитивных народов, и для этого периода ему удалось установить общие черты эволюции тех рядов процесса, которые он успел разработать. Этнографические изучения уже успели дать ему для этого достаточный

материал. Обширный многотомный сборник фактов из жизни первобытных народов (Descriptive Sociology), начатый в 1867 г. и прерванный в 1881 г. вследствие материальных препятствий, не оправдал ожиданий Спенсера, но показал, на что было обращено его преимущественное внимание.

Грандиозные построения Конта и Спенсера расчистили путь новой науке, но не нашли одинаково крупных продолжателей. Барт справедливо подводит в своем изложении большую часть последующих социологических систем под категорию "односторонних теорий". Для "Очерков" важна в них разработка отдельных социологических рядов и дальнейшие попытки точнее определить отношения солидарности, параллелизма или зависимости между этими рядами. Естественно, что здесь каждый автор отдает предпочтение тому ряду, который ему ближе всего известен. Индивидуалисты (Леманн, Риккерт, отчасти Дильтей, Шпан) продолжают отрицать какую бы то ни было закономерность рядов и на практике возвращаются к старому закону истории. Историки старого типа, преимущественно германские (Оттокар, Лоренц, Шефер), выдвигают на первый план значение государства. Этнологи преувеличивают (в националистических интересах) значение расового начала. Экономисты (Лориа, Лабриола, Роджерс) — и в частности марксисты (Маркс, Энгельс) — развивают теорию "надстройки" всех остальных рядов над экономическим фундаментом. Поскольку все эти теоретики двинули дальше исследование, начатое творцами социологии, "Очерки" должны будут считаться с ними в соответственных отделах. Что касается общего идейного влияния на автора "Очерков", я хотел бы отдельно упомянуть об американцах: Гиддингсе, сумевшем найти гармоническое сочетание субъективного и объективного рядов, не подчеркивая слишком влияния или зависимости того или другого на остальные, и о Лестере Уорде, пытавшемся установить равновесие между материальным началом и духовным, пренебреженным у Спенсера. Отдельно стоит также далеко двинувшаяся вперед антропологическая теория, об успешных стычках которой с социологией читатель узнает в следующей главе. Сюда относится мой следующий, шестой тезис, вносящий серьезную поправку в общее направление вышеупомянутых социологических учений:

б) Если сопоставление ряда национальных процессов вскрывает сходные черты, закономерно повторяющиеся в их эволюции, то изучение условий окружающей среды, в которой неизбежно протекает каждый данный процесс, объясняет, так же закономерно, его своеобразие.

Необходимость изучения среды вытекает из того же соображения, которое заставляет отодвинуть идею всемирно-исторического процесса в пользу изучения процессов национальных. Именно там и здесь мы спускаемся с высот абстракций и при-

лижаемся к объяснению *реального* явления, составляющего предмет научного изучения. Пользуясь сравнением Шмоллера, можно сказать, что социолог или историк культуры, который ограничился бы выделением сходных черт *всякой* исторической эволюции и счел бы свою задачу поконченной на этом, походил бы на химика, который, раложив воду на составные элементы, объявил бы, что главное значение при образовании воды имеет кислород, так как его в 8 раз больше, чем водорода. Закономерность социологического ряда сама по себе указывает лишь на основную тенденцию, которая неизбежно осуществится, когда для ее осуществления дана будет подходящая среда. И всегда результат взаимодействия этих двух начал будет реален и своеобразен. Под влиянием данных географических, климатических, почвенных, биогеографических условий, а также и переданных по наследству особенностей данного человеческого общества, действительный ход исторического процесса может разнобразиться до бесконечности, вплоть до полного парализования сходной внутренней тенденции. Мы увидим, как этот процесс останавливается на ранних ступенях под влиянием неблагоприятной среды. Это, конечно, не значит, что основной тенденции вообще не существует, — так же, как и не значит, что не существует закона тяготения или закона ускорения падающего тела, если предмет лишен возможности падать и находится в состоянии покоя. Надо, конечно, оговорить при этом сравнении, что среда не есть мертвая рамка, в которой развиваются формы социологической эволюции, и что воздействие среды нельзя сравнить с сопротивлением каменного пола или глухой стены. Характер контакта и его продуктов можно скорее уподобить химическому или биологическому, чем механическому процессу. Заметим также, что зависимость внутреннего процесса от среды уменьшается по мере овладения человеком силами природы, то есть по мере приближения от прошлого к настоящему.

Надо здесь сделать еще одну необходимую оговорку. Видоизменяющее влияние среды не ограничивается месторазвитием данного человеческого общества в тесном смысле. Ни одно общество не живет изолированно — даже в те первобытные времена, когда, в видах предосторожности, древние общества старались ограждать себя от внезапных нападений соседей пустырями, болотами и лесами. Завоевания одного общества другим, более воинственным, составляют почти постоянное явление при образовании государств и являются видным фактором социологии. На нем одном строились — конечно, чрезвычайно односторонне и субъективно — целые социологические системы, как теории рас-победительниц Гобино и Гумиловича, а также и забытая ныне теория Н.Флеровского. Конечно, выводы из этих теорий делались разными социологами прямо противоположные: одни усматривали в завоевании переход на высшую сте-

пень культуры, другие — создание паразитических классов и деспотических правлений. Элементы того и другого, несомненно, заключаются в передвижениях целых народов из одного месторазвития в другое, и самый факт передвижений опять-таки может послужить исходной точкой для особой социологической конструкции (см., например, новейшее учение бр. Кулишевых). Мы увидим подобные явления и в истории русской культуры — и рядом с элементом истины укажем в выводах из них элемент преувеличения. Во всяком случае, наличие влияния соседства, даже и отдаленного, бесспорна, и сфера этого влияния значительно шире круга явлений прямого переселения. Взаимозависимость не только частей материка, но и целых материков друг от друга растет вместе с ростом географических открытий и явлений интернационального общения. Напомним о передвижениях путей мировой торговли по мере открытия вселенной для международных сношений, — с внутренних рек на средиземные моря и с морей на океаны. Последняя война, нарушив установившиеся отношения между народами, наглядно показала, как глубоко могут быть изменения, вызванные прекращением установившихся влияний извне, и как, следовательно, сильно влияют на народные организмы внешние факторы. Собственно, в этой же области явлений следует искать и причинной связи между сменой национальных историй в хронологическом порядке. Мы увидим, например, в ближайших главах, как смена различных культур обусловилась степенью доступности для человека различных месторазвитий. Это, пожалуй, единственный подход к идее всемирной истории, остающийся в наше время *научным*.

Реальный облик социального явления, однако же, еще не дорисовывается совместным действием обоих указанных факторов — основной социологической тенденции и среды. Если тем и другим в достаточной степени объясняется эволюция социального *порядка* (учреждений и нравов), то этих факторов еще недостаточно для объяснения конкретных исторических *событий* и *"деяний"*. Тут мы возвращаемся к старому пониманию содержания истории. На этот же круг конкретных и наиболее случайных явлений ссылались преимущественно и те, кто объявлял историю необъяснимой, то есть исключающей научное объяснение. К этому же сводится — но только в известной степени — и пресловутый спор о роли личности в истории. Барт цитирует историка М. Леманна, заявляющего, что "история человечества представляет из себя историю героев, личностей. История поэтому индивидуальна; в ней нет типических событий, нет законов. Исторического явления никаким образом нельзя объяснить, его нельзя вывести в силу какой-либо причинной зависимости". Без такой метафизической подкладки, с чувством бессилия, останавливался перед возможностью написать такую "индивидуальную" историю Карлейль. "Жизнь человеческого

общества есть совокупность жизни всех личностей, составляющих общество; история — главное содержание бесчисленных биографий... Но, зная, как запутан ход вещей человеческой жизни даже тогда, когда мы наблюдаем его собственными глазами, мы должны сказать, что верное описание его не только трудно, но и невозможно... Если даже *одна* биография, хотя бы наша собственная, остается для нас недоступной, то насколько же более недоступны эти миллионы биографий, фактической стороны которых мы не знаем”.

Приблизительно так же рассуждал старый Гомер, принимаясь за исчисление войск, пришедших под Трою с Агамемноном:

”Ныне поведайте, музы, живущие в сених Олимпа,
Вы, божества, вездесущи и знаете все в поднебесной;
Вы мне поведайте, кто и вожди и владыки данаев...
Всех бойцов рядовых не могу ни назвать, ни исчислить,
Если б и десять имел языков я, и десять гортаней...
Только вождей корабельных и все корабли я исчислю”.

Приблизительно так вышел и Карлейль из необходимости “сокращать” исторический рассказ. “Всемирная история”, — говорит он в “Культе героев”, — “есть, как я понимаю ее, история действующих в мире великих людей. Они были руководителями массы — эти великаны, — созидателями, образцами, творцами всего, что стремилась создать и чего желала достигнуть человеческая толпа. Все, что мы видели осуществленным в этом мире, есть, собственно, внешний материальный результат и воплощение на практике идей, живших в великих людях, ниспосланных миру. Душой всемирной истории — по справедливости следует признать, — была их история”.

Этому пониманию противопоставляется мой седьмой тезис:

7) Социология не может отрицать возможности научно-го (т.е. закономерного) объяснения исторической роли личности, хотя бы практически осуществление этой возможности и представлялось чрезвычайно трудным.

Мы говорим тут, конечно, о личностях, игравших “историческую роль”, так как история “миллионов”, конечно, не может служить содержанием не только абстрактной, но и конкретной науки. Но ведь недоступна нам и история всех падений яблок с дерева, — после того, как падение яблока навело Ньютона на открытие закона тяготения, или история всех особей вида, регистрируемого в описательной зоологии, или классифицируемого и анализируемого в биологии. Изучение индивидуальных явлений в массе, конечно, возможно и доступно — при помощи статистического метода, служащего испытанным средством научного объяснения. Но при этом оставляется в стороне все то, что не касается определенной черты, подлежащей изучению. Остается, за этим исключением, все же подлежащей науч-

ному объяснению область явлений, где личность участвует именно как личность, и притом не пассивно, самым фактом своего существования, а активно, путем внесения своей доли в историческое событие, или даже в создание социального порядка. Такой возможности не только нельзя отрицать, но, напротив, в реальной истории она представляется на каждом шагу. И надо признать, что детерминисту приходится тут или свести действие личности к создавшим ее окружающим условиям или признать за ней значение самостоятельного творческого фактора. По первому пути пошел Тэн; это же объяснение довел до крайности французский социолог Бурдо. Кто-то сказал, что знает того, кто умнее Вольтера: это — общественное мнение. Бурдо считает, что великие имена создаются эхом, которое они производят в массе: масса сама создает своих великих людей. Человечество состоит не из великанов и карликов, а из средних людей. Народ творит высший род поэзии — поэзию народную. Гений только лучше выражает общую мысль. Открытия в науке и изобретения лишь кумулируют ряд предыдущих мелких шагов. Вмешательство гения в исторические события имеет лишь временное и местное значение и не может отклонить событий от их закономерного русла. Все это верно в значительной степени: вопрос лишь в том, верно ли это безусловно. Мы имеем ведь рядом с этим крайним мнением другое, противоположное, которое я только что выразил словами Карлейля и которое в свою очередь довел до крайности Паскаль в своем знаменитом изречении: "если бы нос Клеопатры был немного короче, то весь облик земли был бы иным". Не возвращаясь по этому поводу к моей аргументации в предыдущих изданиях, обращу лишь внимание на то, что в области влияния личности на ход истории необходимо различать личный каприз от сознательно-целесообразного поступка, совпадающего в своем значении с общей тенденцией процесса. Очень глубоко и правильно в этом отношении замечание Вико, что процесс, создавший человеческие общества, "все же был мыслью, так как создали его люди с сознанием, не был фатумом, так как они создали его с выбором, и не был случайностью, так как действуя с постоянством, всегда поступая одинаково, они приходят к тем же последствиям". Есть исторические периоды, когда личность, в роли признанного вождя или наследственного властителя, призвана выражать очередную тенденцию времени. На этом основывается моя аргументация в предисловии к третьему тому относительно деятельности основателей московского государства. При стихийном характере, с которым начиналась везде и всегда эволюция общности, действительно, только личности — официальные или моральные руководители масс — служили инициаторами и исполнителями общественно-целесообразных поступков. При дальнейшем ходе истории эта роль переходит к все более расширяющемуся кругу сограждан. Но роль личности, как выра-

зителя общественной воли, и в этом случае не теряет значения. И поскольку личность входит фактором в совершающийся и помимо нее социологический процесс, постольку, обыкновенно, и роль ее становится более значительной. Поскольку она идет вразрез этому процессу, постольку рано или поздно ее действие изолируется и затеривается в общем итоге. Возможны, конечно, и длительные отклонения от линии основного процесса под влиянием произвола лица или доктрины. Примером может служить большевистская Россия. Но и в подобном случае, одном из крайних в истории, внимательное изучение должно указать связующие с прошлым нити и прецеденты, раздувшие малую причину в большой результат.

Впрочем, вопрос о роли личности уже выводит нас за пределы содержания "Очерков". Как бы ни решался вопрос о влиянии личности на создание "событий", "история культуры" вправе сделать то, чего не может сделать повествовательная история: оставить в стороне случайный, а отчасти и индивидуальный характер исторических "событий". "Очерки" вправе выбирать свой материал в зависимости от поставленной ими цели. Только с этой точки зрения читатель и критик могут судить о "полноте" или "неполноте" подбора фактов. Здесь будет уместно сделать и еще одно замечание о выборе материала. Очень часто читатель не найдет в "Очерках" того, что принято считать общеизвестным. Зато он найдет здесь многое, что не всегда известно и специалистам. Со времени выхода в свет первых изданий "Очерков" специальная литература пополнила ряд пробелов, которые в то время оставались незаполненными. Но все же остается верным сделанное мной тогда замечание, что большая часть исследований по русской истории была сделана в то время, когда о "культурной истории" еще не было и речи; вследствие этого многое необходимое для "Очерков" оставалось и остается недостаточно разработанным. В этом отношении, тогда, как и теперь, "Очерки" не могут дать читателю того, чего нет еще и в нашей науке. В отдельных случаях автор позволял себе заменить недостающее результатами собственных работ, на которые не всегда мог сослаться в подробности — ввиду популярного характера изложения "Очерков".

Обращусь теперь к самому заглавию, выбранному для моего сочинения. Это заглавие "История культуры" имеет популярный характер и не вполне соответствует изложенным выше социологическим взглядам автора. Самое понятие "культуры" остается не вполне выясненным; точнее говоря, за время существования "Очерков" оно не раз меняло свое первоначальное значение. Слово "культура", как и слово "цивилизация", появляется уже в эпоху Возрождения. Со времени Вильгельма Гумбольдта оба понятия, употреблявшиеся довольно безразлично, несколько дифференцировались. Под культурой Гумбольдт разумел все созданное человеком в борьбе с природой и в использовании

ее сил, то есть в мире вещественном. Цивилизация же, по его определению, есть облагораживание и ограничение элементарных человеческих влечений при помощи воздействия общества, то есть совокупность усовершенствований человеческой личности в мире духовном. В дальнейшем, культура стала действительно означать преимущественно материальную и при том первобытную культуру, где господство человека над вещами развивалось особенно отчетливо. Но в России под "культурной" историей разумелась история духовной стороны процесса в противоположность "материальной" истории. В недавнее время обоими понятиями "культуры" и "цивилизации" воспользовались для того, чтобы противополжить одно другому в духе сторонников исторической самобытности. "Культуру" противополжили — "цивилизации", как первоначальное, самобытное зерно народного духа — в противоположность нивелировке и обезличению, создаваемыми, по мнению сторонников этого взгляда, заимствованиями из международного запаса просвещения. При этом "культуру" связали с эмоциональной стороной человеческой натуры, — источником всяческой оригинальности, а "цивилизацию" вывели из области интеллекта. Это различие как раз совпало с учением славянофильства, подновленным Бергсоном⁴. Для тех же националистических целей это различие проведено в напущенной работе Шпенглера — "Untergang des Abendlandes". Ввиду такого тенденциозного употребления этих терминов, оказавшихся многозначными, я предпочитаю употреблять их в самом общем значении, не придавая позднейшей стадии "цивилизации" значения упадка сравнительно с стадией "культуры".

Сказанным выше определяется способ построения "Очерков русской культуры". Можно было бы, имея в виду солидарность между различными сторонами исторической эволюции, излагать итоги эволюции в горизонтальных разрезах, то есть по стадиям культуры, соединяя вместе все стороны жизни в каждой данной стадии, как это делает Коит. При таком хронологическом порядке изложения получились бы более отчетливые общие картины взаимозависимости всех сторон процесса на каждой стадии. Но от такого порядка пострадало бы изображение внутренней эволюции каждой стороны процесса, взятой отдельно. Внутреннее единство и закономерность в эволюции каждой отдельной стороны лучше всего открываются при систематическом изложении — так сказать, в вертикальных разрезах.

⁴ Зародыши этого различия можно найти и у Вико, но, по обыкновению, в более глубокой формулировке. Он различает, именно, два "варварства": варварство "чувственности" (*barbarie di senso*) — в начале развития гражданственности — и варварство "размышления" (*della riflessione*) в конце его. Это второе хуже первого: первое — гордо; второе — низко и коварно; оттого гражданственность и погружается в новое варварство.

Что касается порядка, в котором должны следовать друг за другом эти отдельные стороны в изложении "Очерков", он вытекает из сказанного выше. Я исходил из того положения, что, при всем различии во взглядах на иерархию социологических рядов, большинство социологов все же согласны относительно естественности "восходящего" порядка — от более простых рядов к более сложным. В каждом ряде, конечно, имеется и своя внутренняя эволюция от более простого к более сложному — или, по принятой мною терминологии, от стихийности к сознательности. Это противоположение, конечно, условно, так как все происходящее в области социологии, протекает в сфере сознания. Но степени сознания бывают разные в индивидуальной, а тем более в коллективной психике, понятие о которой выработано социологией⁵. В принятом мною, таким образом, порядке прежде всего излагаются те физические условия, которые ставят процессам внешние границы и определяют их общее направление. Определив роль среды или "месторазвития", мы затем устанавливаем связь с ней первоначального культурного развития. Именно в своем начале, в "преистории", эта связь чувствуется особенно сильно. Здесь особенно отчетливо рисуется переход от подчинения природе к использованию ее сил и к овладению ею. Следующая группа явлений, обуславливающих ход культуры, заключается в количественном росте человеческого общества, его уплотнении и дифференциации, его расселения на данной территории. Стихийный характер демографических процессов не подлежит сомнению; даже на высших ступенях культуры способность населения сознательно руководить своим размножением находится под большим сомнением. Следующая затем хозяйственная сторона процесса продолжает находиться в наибольшей зависимости от стихийных сил природы. В этой области овладение силами природы составляет даже основную канву, на которой развивается процесс. Для такого овладения необходимым условием является усиленное применение труда и постепенные, строго закономерные изменения его формы. Смена различных стадий экономического развития в порядке возрастающей напряженности, организованности и сознательности труда и составляет предмет дальнейших отделов "Очерков".

В прежних изданиях из элементарности экономического развития непосредственно выводились формы русской государственности, получившей в данном месторазвитии исключительно большое обратное влияние (сверху вниз) как на самое хозяйство, так и на социальный строй. Такое распределение материала особенно наглядно подчеркивало своеобразие русского исто-

⁵ Здесь, конечно, не идет речь о реальном существовании коллективного "духа" в каком-то общем чувствительце. Носителями коллективной психологии являются индивидуумы, составляющие общество.

рического процесса. В настоящем издании, однако же, я предпочел вернуться к обычному порядку, изложив историю государственности после истории хозяйственного и социального строя. Я руководился намерением выдвинуть на этот раз несколько более вперед другую основную черту местного процесса: однородность его закономерного развития с другими, более благоприятно обставленными. Таким образом восстанавливается и порядок перехода от стихии к сознательности, ибо более высоким выразителем сознательности общественного строительства является, несомненно, государство. Сравнительно с государственным социальным строй все же находится в большей зависимости от экономических, а через них и от природных условий "месторазвития". Конечно, в историческом процессе растет и общественная сознательность поведения социальных групп, начиная с высших — правящих слоев их. Но передаточным ремнем их деятельности продолжает оставаться государство. Выше уже было замечено, что на низших ступенях развития государства его общественные действия принимают форму личного господства. Но эта переходная стадия не должна затемнять социологической роли государства. Не должно затемнять этой роли и более или менее высокое развитие общественной солидарности (в противоположность государственной) на высших ступенях исторического процесса. Перемещая отдел о государственности в конец тома, автор и здесь начал с наиболее стихийной, функциональной стороны деятельности государства — с истории *учреждений*. К концу процесса и эта сторона деятельности государства становится сознательно-волевой. Критерием роста является развитие понятия *права*. Но волевая сторона в собственном смысле представляется лишь *политической* деятельностью, которой посвящен третий том "Очерков". Политическая эволюция государственной формы является венцом сознательности социального и государственного строительства.

Духовная сторона культуры вся проходит в области более или менее ясного сознания. Она поэтому и излагается во втором томе, после экономики, социального и государственного строя. Наиболее близким к сфере подсознательного процессом здесь является процесс религиозной эволюции. Он и поставлен в начале изложения, причем в основу распределения материала в этом отделе поставлена эволюция сознательного отношения к предметам веры. За отделом о вере и религии должен следовать отдел о школе: тот отдел, где наряду с чисто культурным значением применяется общественная и государственная целесообразность. Воспитание и образование являются ареной борьбы между представителями религии, интеллигенции и государственной политики. Областью чистого творчества (литература и искусство) второй том должен кончаться.

Третий том, как сказано, посвящен общественно-волевой стороне культурного процесса. Здесь характеризуется, в своем

постепенном развитии, политическое взаимодействие государства и общества. Согласно данному во введении к третьему тому объяснению, государство становится на общественно-сознательную точку зрения лишь с конце XV столетия. С этого момента и ведется история борьбы противоположных политических идеологий, приводящей в результате к установке определенных принципов управления, становящихся национальной традицией. Борющиеся взгляды еще не вполне тогда дифференцировались и определились. Но общий их смысл за период с конца XV до конца XVIII столетия выражен в заглавии этого тома: это борьба "национализма" и "европеизма". Я определил так же эту борьбу, как конфликт между "органическим" и "критическим" мировоззрением. С победой первого начинается этот период; официальной победой последнего он заканчивается. В продолжении этого тома, которое еще должно быть написано, официальной точка зрения в свою очередь вступает в борьбу с общественными мировоззрениями и после переходного периода, соответствующего царствованиям Павла и двух его сыновей, общественные мировоззрения дифференцируются окончательно в трех направлениях: консерватизма, либерализма и социализма, борьба между которыми составляет содержание революционного периода русской истории. Мне остается остановиться на одной черте, которая представляла собой одну из основных черт "Очерков" и, как я полагаю, остается такою же и в настоящем издании. В борьбе между двумя противоположными конструкциями русской истории, из которых одна выдвигала вперед сходство русского процесса с европейским, доводя это сходство до тождества, а другая доказывала русское своеобразие, доводя это своеобразие до полной несравнимости и исключительности, автор занимал примирительное положение. Он строил русский исторический процесс на синтезе обеих черт, сходства и своеобразия. При этом, однако, черты своеобразия подчеркивались несколько более резко, нежели черты сходства. В этом сказало, вероятно, влияние моего университетского учителя, В.О.Ключевского — самого своеобразного из русских историков. В то время казалось, впрочем, что старый спор западников с славянофилами потерял всякое значение и наука русской истории может удовлетвориться мастерским синтезом, представленным конструкцией Ключевского. Правда, спор был тогда же возобновлен марксистами, выдвигавшими против учения народников о русском своеобразии учение о сходстве с европейским экономическим процессом. Но на изложение русской истории в то время новые противники своеобразия еще не успели оказать сколько-нибудь серьезного влияния.

За время, прошедшее с тех пор, спор, однако, не только не затих, но возобновился с новой силой. Обе боровшиеся конструкции были вновь углублены молодыми исследователями: как линия сходства русского развития с европейским, так и ли-

ния своеобразия. Обе линии были опять поняты, как противоположные и исключаящие друг друга. Талантливый, рано умерший ученый Н. Павлов-Сильванский положил в основу своих работ ту мысль, что Россия прошла в своем развитии такой же средневековой период, с таким же развитием феодального строя, как и западная Европа. Мысль оказалась плодотворной для того, чтобы собрать в доказательство ее ряд фактов, оставшихся прежде незамеченными или мало исследованными. Но выводы из этих фактов были явно односторонни. С другой стороны, уже после войны и революции другая группа исследователей, еще более молодая, уже определенно исходя из пережитых впечатлений русской катастрофы, резко выдвинула вперед идею русского своеобразия в качестве руководящей идеи при построении всей русской истории. В противоположность осуждаемым ими культурным связям России с Европой они с чрезвычайной настойчивостью стали подчеркивать давнюю связь России с Азией и замкнутость ее исторического существования на территории "Евразии". И в этом направлении могли бы быть произведены интересные новые работы и сделаны из них поучительные выводы. К сожалению, однако, политика в данном случае победила научные стремления. Только в области влияния географической среды на направление русской истории была произведена и некоторая научная работа. Именно этот фактор и мною признавался в прежних изданиях "Очерков" основной причиной русского своеобразия. Но в системе евразийцев и он был понят односторонне, как фактор, *исключающий единообразие*. В результате, идея влияния "месторазвития" на историю, — идея вполне научная и с пользой употребленная германскими географами, с одной стороны осталась неразработанной, а с другой повела к искусственным и часто фантастическим выводам.

Мне предстояло, таким образом, в настоящем издании "Очерков" выполнить двойную задачу. С одной стороны, я должен был воспользоваться тем, что было *положительного* в работах того и другого направления. С другой стороны, приходилось снять то искусственное, что было в их противоположении, и ввести остаток, соответствующий истине, в рамки синтеза, на котором построены "Очерки". В особенности преуказывалась необходимость восстановить научное употребление понятия географической среды, удержав удачный термин "месторазвитие". При объективно-научном анализе условий месторазвития сами собой обнаружались в нем не только элементы азиатского своеобразия, но и еще более несомненные элементы сходства с европейской средой. Под предполагаемым единством "Евразии" нашлось при этом место для нескольких "месторазвитий", далеко несходных друг с другом. Поставив, таким образом, на свои места смешанные в евразийстве явления, мы уже в далеком до-

историческом периоде могли найти начало связей России с Европой.

Есть еще одно, довольно неожиданное обстоятельство, оживившее старый спор о сходстве с Европой или своеобразии русских исторических процессов. А именно, спор этот повторился — в иной форме, конечно, — и в среде сторонников доктрины, ныне ставшей официальной доктриной теперешних правителей России. Марксизм, по-видимому, исключал учение о русском своеобразии, проводя свой монистический взгляд на исторические процессы. Однако, факты жизни привели к созданию нового варианта правоверной доктрины. В учении Ленина несколько прикровенно, а в учении Сталина уже вполне открыто русские коммунисты-марксисты стали на точку зрения своеобразия России при самом процессе предуказанного теорией перехода России от капитализма к социализму. Изобретена была известная теория о возможности "социализма в одной стране". И учение евразийцев сблизилось, таким образом, с национализированной доктриной марксизма и с экспериментированием Сталина над русской действительностью.

Нет надобности говорить, что автор "Очерков" остался чужд мотивам, вызвавшим эти внутренне-русские споры. Но с точки зрения научной полезно подчеркнуть, что возвращение к старому спору в столь своеобразной обстановке вновь указывает, во-первых, на неотвратимость и важность проблемы, и, во-вторых, — на невозможность ее одностороннего решения. С социологической ли точки зрения — единообразия законов, управляющих исторической эволюцией, с политической ли точки зрения — борьбы самобытности и заимствования, традиции и новаторства, с философско-исторической ли — борьбы теорий прогресса или круговорота, расцвета или упадка, замкнутого в себе национализма или мировой миссии, — все равно, проблема положения России среди народов постоянно возвращается и настоятельно требует разрешения. С точки зрения автора "Очерков" вне указанного им синтеза это решение не может быть найдено, и настоящее издание, помимо постоянной своей цели — дать читателю научно обоснованное представление о связи настоящего с прошлым, преследует и эту очередную цель: вернуть обсуждение вопросов, имеющих особо важное значение для потрясенной в самых основах своего существования родины, на эту единственную здоровую почву.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография идеологий славянофильской, народнической, марксистской и реставрационно-идеалистической будет приведена в соответственных отделах истории русских политических движений в продолжении третьего тома "Очерков". Для общего ознакомления с упомянутыми во введении социологическими и философско-историческими доктринами могут быть полезны следующие со-

чинения: М.А.Стасюлевич, *Философия истории в главнейших ее системах* (СПб, 1908), особенно подробно изложены системы Вико и Гегеля. *Geschichte der Neueren Historiographie von Eduard Fueter* (München und Berlin, 1911). Д-р П.Барт, *Философия истории как социологии*, пер. Моделя. (СПб, 1902). 4-е нем. издание (Lpz, 1922), подробнее о Конте и Спенсере, дальнейшее изложение по направлениям. Многочисленные сочинения Н.И.Кареева, *Основные вопросы философии истории*, первое издание с подробными обзорами литературы по важнейшим вопросам (СПб, 1883), два тома. Второе издание — сокращенное, без обзоров литературы, но с библиографическим указателем (СПб, 1887), два тома. Третье издание без ссылок и с сокращенным библиографическим указателем, в одном томе (СПб, 1897). Продолжением этого сочинения служит его же, *Сущность исторического процесса и роль личности в истории* (СПб, 1890). Отдельные статьи того же автора собраны в его, *Историко-философских и социологических этюдах* (СПб, 1895). 2-е изд. 1899 и в *Старых и новых этюдах об экономическом материализме* (СПб, 1896). В несколько измененном виде теории автора излагаются в его, *Введении в изучение социологии* (СПб, 1897). Там же и полемика Кареева с взглядами, изложенными во введении к первому изданию "Очерков". Мой разбор *Основных вопросов* в "Русской Мысли" (1887), кн. VI, июнь, Историческая г.Кареева, — попытка выделить метафизические пережитки в мировоззрении автора. М.М.Ковалевский, *Современные социологи* (1905). Flint, *Philosophy of History in Europe* (1874), и его же, *Historical Philosophy in France* (1894).

Для желающих ближе познакомиться с отдельными, упомянутыми в тексте, авторами предназначаются следующие указания: о социологических взглядах Платона см. E.Barker, *The political thought of Platon and Aristotle* (London, Methuen, 1906). О "Новой Науке" Вико см. Benedetto Croce, *La filosofia di Giambattista Vico*, 3-е изд. (Bari, 1933), с библиографией. Имеются переводы с первого издания: французский — Burict-Darsiles et G.Bourgin (Paris, 1913), английский — R.Collingwood (1913), немецкий — L.Auerbach und Th.Lucke (1927). Текст "первой" *Scienza Nuova* (1725) перепечатан в издании Sonzogno с примечаниями P. Viazzi. "Вторая" *Scienza Nuova* (1730), с подробным комментарием F.Nicollini переиздана в 1911-16 гг. и в серии "Scrittori d'Italia", им же, без комментария (1929). Полные переводы имеются на немецкий с хорошим комментарием W.E.Weber (Lpz, 1822) и на французский — принцессы Belgioioso Cristina Trivulzi (Paris, 1844), Librairie Renouard et Charpentier. Усвоение шести томов, *Курса позитивной философии*, Конта требует очень значительного усилия и времени. Они могут быть почти без ущерба заменены двухтомным изложением Mrs. Harriet Martineau, *The Positive Philosophy of Auguste Comte*, freely translated and condensed (London, 1853). Трехтомное издание (London and New-York, 1896). По-французски сокращение, *Курса позитивной философии* издано в двух томах в 1881 г. под псевдонимом Jules Rig. Позднее автор переиздал второй том своего Resume, содержащий социологию Конта, под собственным именем Emile Rigolade в серии "Les meilleurs auteurs classiques". Произведения Спенсера все имеются в нескольких русских переводах. Одобренное им самим сокращение, сделанное Говардом Коллинсом, так же переведено по-русски, *Философия Герберта Спенсера*, в сокращенном изложении Говарда Коллинса, пер. П.В.Мокиевского, изд. Павленкова (СПб, 1892). При пользовании этим крайне сжатым текстом нужно, однако, иметь ввиду совет Спенсера: "длинный ряд отвлеченных положений, данных без наглядных пояснений, вероятно, окажется утомительным и оставит только слабое впечатление. Для изучающего лучше будет прочитать сразу только один параграф и поискать самому пояснительных примеров (конечно, в полном тексте Спенсера), прежде чем приниматься за следующий". Для истории создания Синтетической философии очень полезна книга David Duncan, *The life and letters of Herbert Spencer* (London, 1911). Из последующих социологов назову сочинения двух американцев, особо упомянутых в тексте: Гиддингс, *Основы социологии*, русские перево-

ды (СПб и Киев, 1898). Его последующие труды: *Elements of Sociology, a textbook* (N.Y., 1898), и *Inductive Sociology, a syllabus of methods, analyses and classifications, and provisionally formulated laws* (N.Y. 1901). Здесь Гиддингс пошел дальше свою аналитическую работу и, между прочим, представил опыт социологических дедукций, основанных на психологических данных. Главное сочинение Lester Ward, *Dynamic Sociology or applied social science, as based upon Static Sociology and the less complex sciences* (N.Y., 1903), два тома, его же позднейшие сочинения, *Психические факторы цивилизации*, пер. Бошняк (М., 1897), *Outlines of Sociology* (N.Y., 1898), есть русский перевод, *Pure Sociology, a treatise on the origin and developement of society* (N.Y., 1903). Русскую популяризацию первого сочинения Уорда можно найти в книге П.Ф.Николаева, *Активный прогресс и экономический материализм* (М., 1893). Приведенное в тексте мнение о роли личности принадлежит Louls Bourdeau, *L'histoire et les historiens, Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive* (Paris, 1888). Попытку примирить роль личности с марксистским построением см. у К.Каутского в его недавней книге, *Die materialistische Geschichtsauffassung*, 2-е изд. (1927), особенно т.11, *Fünftes Buch (der Sinn der Geschichte)*, и *Erster Abschnitt: das Individuelle in der Geschichte*. Ссылка на Зиммеля имеет ввиду его сочинение, *Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine Erkenntnisstheoret. Studie*, 5 изд. (Leipzig, 1930). Цитированная книга Освальда Шпенглера задается целью создать "сравнительную морфологию всемирной истории" и, в частности, предсказать на основе "аналогии" предстоящую "гибель Запада" (*Der Untergang des Abendlandes*, два тома, посл.изд. 1929-1930). Успех Шпенглера объясняется совпадением его пророчеств с тенденциями послевоенного времени и в частности с русской реставрацией славянофильства. Его философско-исторические исходные положения, как и положения Н.Я.Данилевского *Россия и Европа*, 4-е изд. (СПб, 1889), отчасти совпадают с нашей тенденцией — искать закономерность в сходных чертах параллельных эволюций отдельных национальных организмов. Но Шпенглер, как и Данилевский, противопоставляет "историю" — "природе", "живое" интуитивное объяснение — "механическому" научному. Соответственно этому он заменяет понятие закономерности в истории понятием "судьбы". Все это объясняется специфически немецким кругозором Шпенглера, и недаром он называет свою философию "немецкой" философией, тесно связывая при этом свои предсказания с предвоенными мечтами о германской гегемонии. Критику философии истории Н.Я.Данилевского см. в моей статье *Разложение славянофильства*, в сборнике статей "Из истории русской интеллигенции" (СПб, 1902). На зависимость обоих от Кювье и Гете указал М.Шварц в "Совр.Зап." т. XXVIII. *Философия истории*, Г.Риккерта имеется в русском переводе (СПб, 1908). О степени зависимости Данилевского от Риккерта см. спор между Вл.Соловьевым и Н.Страховым.

Первый том новой *Weltgeschichte*, в издании "Propyläen" (1931), иллюстрирует оживление старой системы писания "всемирной истории". Он написан в форме очерков культуры отдельных стран, с вводными статьями, параллельными статьям настоящего тома "Очерков", — не только по заголовкам, но и по направлению. Hans Freier дал главу о *Systeme der welt-geschichtlichen Betrachtung*; Friedr. Herz — очень объективную статью *Rasse und Geschichte*; Walther Vogel — главу о месторазвитии; *Boden und Geschichte*; Fr. Weldenreich — антропологическую главу *Menschwerdung*; Fr. Behn — археологическую *Vor- und Urgeschichte*.

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

I

МЕСТОРАЗВИТИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Идея взаимодействия природы и человека. — Ратцель и его предшественники. — Спор социологов с антропогеографами. — Закономерность индивидуального. — "Евразия" Гумбольдта и евразийцев. — Возражение Риттера распространяется на ту и другую: смещение месторазвитий. — Положение русского месторазвития на земном шаре. — Положение русского месторазвития среди умеренной зоны. — Зависимость климатов от различного сочетания теплоты и влаги. — Годовые колебания тепла, как показательный признак. — Рост континентального климата. — Распределение осадков по временам года. — Соответствие климатов типам культуры. — Положение России среди тех и других. — Видимое единство и действительное разнообразие в пределах европейско-русского месторазвития. — Борьба Гольфстрема и Турана. — Направление волн осадков. — Четыре процесса образования русских почв. — Влияние климата на почвообразование. — Значение растительного покрова. — Распределение растительности согласно климату и почвам. — Европа в России. — Европа в Азии. — Климатические и растительные зоны Сибири, с запада на восток. — Арало-каспийская низменность и Туркестан. — Граница между Европой и Азией. — Пустыни и горы Туркестана. — Вертикальная зональность. — Переход к зоогеографии России. — Распределение подвидов в зависимости от климата и растительности. — Подвиды лисицы, медведя, песца. — Урал-Обь — зоогеографическая граница. — Соболь, лесная куница, норка, барсук. — Енисейская граница. — Переход к антропогеографии. — Изменяемость влияния среды в этой области. — Решающее влияние месторазвития на густоту населения. — Связь неблагоприятных месторазвитий с отсталыми культурами. — Спор о генетической связи или эволюционном характере культур. — Новая этнология и Освальд Менгин. — Этнография и доисторические культуры. — Первобытные культуры современности. — Негроиды и негритосы. — Палеазиаты. — Динамика восточно-сибирского населения. — Влияние месторазвития тундры и лесотундры. — Четыре этапа быта в этом месторазвитии. — Древние черты быта: жилище, социальное общение, утварь, культ умерших и погребение. — Влияние месторазвития степи и пустыни. — Его сходства и преимущества сравнительно с лесотундрой. — Пески и горы Туркестана, области "Турана" и "Ирана". — Разные степени смешения населения: "иранские" и "туранские" тюрки. — Разницы в характере и быте. — Устойчивость кочевого типа. — Общение между тюрками сибирских и среднеазиатских степей. — Древность тюрков в Южной Сибири. — Третье месторазвитие между лесотундрой и степью представляет среду для более сложного развития культуры.

Зависимость каждой национальной культуры от той среды — того географического *места*, в котором совершается ее

развитие, стало почти общим местом современной историографии. Вошло в обычай предпосылать изложению исторических событий географический очерк страны. И все же введение в "Очерки Русской Культуры" главы о "месторазвитии" является некоторым новаторством. Я не говорю о самом термине "месторазвитие", введенном в употребление школой "евразийцев" и мною здесь принимаемом. Новостью является тот запас сведений и выводов, который приобретен европейской и русской наукой со времени последнего издания "Очерков" — и который дает впервые возможность научно обосновать причинную связь между природой данного месторазвития и поселившимся в нем человеческим обществом. Попытка может оказаться неудачной. Но необходимость строить историю культуры на антропогеографическом базисе вытекает с неизбежностью из современного состояния науки.

Конечно, идея зависимости человека от природы — далеко не новая идея. Не говоря уже об отрывочных, но подчас очень метких и проницательных наблюдениях древних географов и историков, напомним только главнейшие имена писателей, популяризовавших эту идею на пространстве веков: Бодена с его тремя климатическими зонами ("О республике", 1577), Монтескье с его главами в "Духе Законов" (1748), Вольтера с его остроумными замечаниями в "Опыте о нравах и духе народов" (1758), наконец Гердера, впервые пытавшегося охватить с этой точки зрения историю всего человечества (1785-94). Но только благодаря Карлу Риттеру (1804-07, 1817-18, 1832-59) проблема связи географии и истории получила первую научную постановку. И лишь с конца XIX столетия, после того как накоплены были этнографические наблюдения и началось научное изучение отдельных отраслей географической науки, стало возможным выделение из нее вновь созданных областей — био- (фито- и зоо-) географии и антропогеографии. Истинным создателем последней является Фридрих Ратцель (1882 и 1891 гг.). В основу научного изучения была здесь положена плодотворная идея о взаимодействии отдельных областей природы: о влиянии климата на почву, почвы на растительный покров, растительного покрова на животных и человека — и обратно: влияния почвы на климат, растений на почву и климат — и, наконец, человека на все явления природы, вместе взятые.

Правда, антропогеография исследовала преимущественно первую линию зависимостей — и этим вызвала — особенно со стороны французской школы — обвинение в детерминизме. А социологи обвинили ее в ненаучности. Против понятия "человеческой географии" эти последние выдвинули свое собственное понятие "социальной морфологии". Антропогеография исходила от природы, и применение законов природы *непосредственно* к объяснению высших сфер человеческой жизни казалось (оно и было — при *такой* формулировке) рискованным и, по-прежне-

му, дилетантским. Но социальная морфология страдала другим недостатком. Исходя от человеческого общества она устанавливала такие общие формулы, которые казались безжизненными, чересчур абстрактными, оторванными от почвы. "Географические условия меняются в каждом отдельном случае, а тождественные социальные типы можно найти (за исключением индивидуальных пертурбаций) на самых различных точках земного шара", возражал антропогеографам Дюркгейм. И Симиан, исследователь его школы, развивал ту же мысль: "причинное отношение имеется только там, где связь повторяется регулярно (то есть в нескольких случаях), где констатированное отношение возобновляется однообразно. Случай, взятый отдельно, не вскрывает причины; он научно необъясним". Здесь мы видим пример борьбы двух методов, которые должны бы были в сущности дополнять друг друга: метода анализа индивидуального явления и метода сравнения сходных явлений. Тот и другой метод помогают открыть закономерности: закономерности *в своей образии*, также как закономерности *в общих тенденциях* (см. Введение). Сам Ратцель отнюдь не повинен в исключительном пристрастии к индивидуализирующему методу и лучше приведенных возражателей понимает отношение этого метода ко второму. Возражая на утверждение Юма ("Опыты", 1748 г.), будто некоторые народы так различны между собой, что нельзя искать ничего общего в их характере, Ратцель говорит: "ни один народ и ни одна раса не лишены *основных* свойств человечества, а в создании *различающих* их расовых особенностей играет роль окружающая их *среда*". Наряду с признанием основного тезиса социологии, это есть в сущности перенесение социологической точки зрения и в антропогеографию, от чего фактически или формально отказываются защитники необъяснимости и неразложимости индивидуального явления.

Как бы то ни было, "социальная морфология" остается лишь в состоянии проекта, тогда как антропогеография, составляя, по утверждению Ратцеля, может быть, преувеличенному, часть биогеографии, находит себе союзников в целом ряде наук, освещающих прошлое и настоящее человечества: в геологии, антропологии, этнографии, археологии, сравнительном языковедении. Среди попыток синтеза данных, добытых во всех этих отраслях знания, я отмечу лишь последнюю, чрезвычайно смелую, но и поучительную попытку Освальда Менгина в его "Weltgeschichte der Steinzeit". В дальнейшем я попытаюсь использовать эти данные для выяснения характера *индивидуального* явления: месторазвития русской культуры. Мы увидим, что именно при таком методе рассмотрения лучше всего открываются *закономерности*.

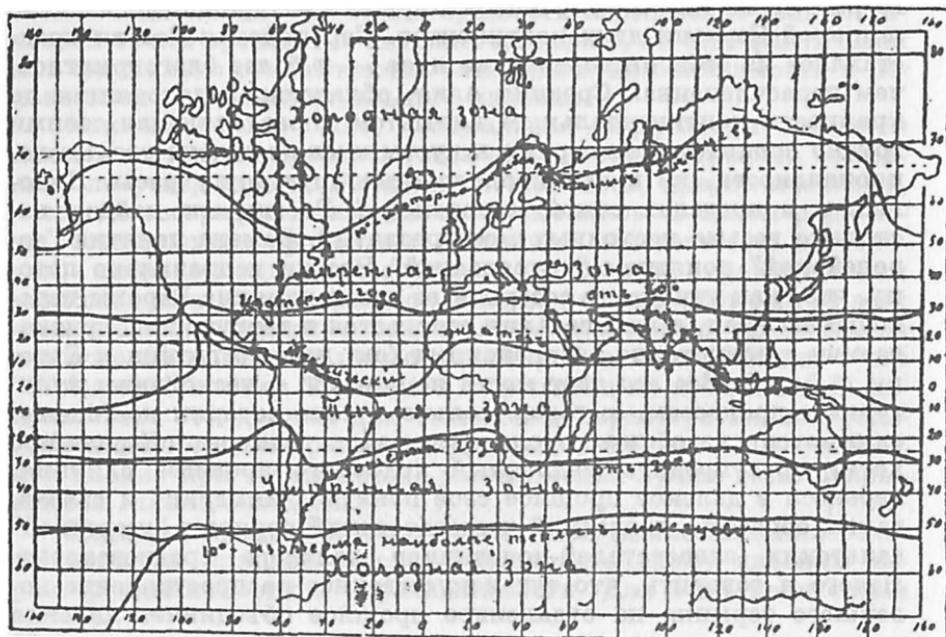
Недавно, правда, была сделана новая (после Н.Данилевского) попытка придать русскому индивидуальному явлению характер единичности и неразложимости. Для этой цели самая

территория русского развития была выделена в особое целое, — особый, замкнутый мир, которому пытались придать вид чего-то неповторимого. Этот неповторимый мир был назван Евразией. Конечно, всякое индивидуальное явление неповторимо. Но здесь злоупотребление методом обличается самим термином. Термин Евразия введен в употребление Александром Гумбольдтом для обозначения обоих материков Европы и Азии как одного целого. Но уже Карл Риттер возражал против этого словоупотребления. Он совершенно справедливо находил, что — не с физико-географической, а с антропогеографической точки зрения Европу нельзя объединять с Азией, ибо она представляет совершенно особое месторазвитие, гораздо более благоприятное для человека. Она более расчленена на части, обладает умеренным климатом и лишена высоких плоскогорий, затрудняющих человеческое общение. Русские "евразийцы" обрезают территорию Евразии с запада и с востока, отделяя от нее, с одной стороны, месторазвития культур Западной Европы, с другой — месторазвития древних культур южной и восточной Азии. Таким образом, они получают континентальную территорию, одинаково отделенную от Атлантического океана и Средиземного моря, как и от Тихого океана и Индийского. И все же даже и эта, искусственно суженная территория, включающая в свой состав оседлое население "доуральской" России, район русской колонизации Сибири и населенные сибирскими инородцами и среднеазиатскими кочевниками окраины, совмещает в себе то же разнообразие в условиях культурного развития, как и отмеченное Карлом Риттером относительно широкой Евразии двух континентов. Европейская Россия представляет из себя месторазвитие иное — и более благоприятное, чем нерасчлененная Средняя Азия, обладающая доходящим до крайности континентальным климатом и разделяющая своими трудно проходимыми горами и пустынями не только разные национальности, но и противоположные друг другу расы. Наконец, и в пределах самой Европейской России мы найдем несколько весьма несходных месторазвитий. Замена понятия "европейской" понятием "доуральской" России неправильно потому, что, как увидим, в северной ее части влияние Европы переходит за Урал, а на юге Азия вторгается в территории, признаваемые обыкновенно европейскими (см. ниже о границах Европы и Азии). Все это дает место не одному, а нескольким культурным процессам, которые только в ходе истории постепенно сливаются в общее русло *русской* культуры. Евразийцы хотят предупредить медленный ход этого процесса слияния, перенеся в далекое прошлое свое понятие "империи" и связав, таким образом, последний императорский период с "империей" азиатских завоевателей-кочевников далекого средневековья. Нечего и говорить, что тут искусственное распространение новейшего термина на отдаленное прошлое объединяет явления

глубоко различные и не связанные между собой никаким преемством.

Перейдем теперь к разбору географических факторов русского месторазвития — в порядке их возрастающей сложности. Первым в этом порядке является вопрос о положении этого месторазвития на земном шаре. Уже из этого положения можно будет сделать некоторые выводы, которые будут сопровождать нас в дальнейшем изложении, постепенно углубляясь. Собственно, *астрономическое* положение каждого данного места определяется отношением его к солнцу или углом падения ("склонения") солнечных лучей. Той и другой *широтой* места определяется продолжительность дня и ночи и распределение времен года. Переменить то и другое условие жизни на земле — не во власти человека. Уже древний астроном Птоломей (второй век по Р.Х.) разрешил сравнительно простую задачу этого распределения, разделив земной шар на "склонения" или "климаты" (от греч. глагола клино, склоняю). Эти "склонения" располагались "поясами" или "зонами" (параллелями широты) по обе стороны экватора к полюсам. Весь земной шар делился таким образом на пять "зон" тропиками и полярными кругами: одна зона — по обе стороны экватора — сухая и жаркая, две — умеренные и две — холодные (для дальнейшего см. картограмму № 1).

№ 1. Климатические зоны (по Крубелю)

Однако же эти *астрономические* пояса не могли вполне совпасть с поясами *климатическими*. Климат в современном понимании определяется не только градусом широты, но и другими важными факторами. Высота места над уровнем моря и рельеф поверхности, соседство моря или океана, направление ветров, количество осадков влаги и их распределение по временам года — все эти условия вносят в зональность климатических поясов существенные изменения. Прежде всего суша неравномерно распределена между северным и южным полушариями. Северное полушарие вследствие более значительного количества в нем суши теплее южного. Точнее говоря, в нем лето теплее, а зима холоднее¹ и все зоны поэтому сдвигаются к северу от своих астрономических линий. Поэтому и умеренный климат с дифференцированными временами года, наиболее благоприятный для человеческого развития, занимает больше пространства в северном полушарии. К тому же умеренная зона в этом полушарии проходит в значительной части по суше — в Европе, Азии и Северной Америке, тогда как в южном полушарии она проходит по океанам, задевая лишь части южной Африки, южной Америки и Австралии. Одна эта справка указывает на северное полушарие, как на главное месторазвитие мировой культуры.

С указанными поправками зоны температуры все же в общем соответствуют зонам климатическим. Пределами жаркого пояса обыкновенно считается линия годовой температуры (изотерма) в 20°, что соответствует приблизительно границам распространения пальм. Обе умеренные зоны, начинаясь от этой границы, доходят в том и другом направлении до изотермы наиболее теплогo месяца в году в 10°. Это совпадает с границей земледелия и древесной растительности. Дальше идут полярные области: но в южном полушарии они начинаются уже за пределами 50-й параллели южной широты, то есть далеко не доходя до полярного круга, тогда как в северном полушарии Гольфстрем отодвигает их за полярный круг, а в Норвегии — и особенно в Сибири — даже за пределы 70-й параллели северной широты. Это значит, что особенно благоприятным для человеческого месторазвитием является вся Евразия (в смысле Гумбольдта): исключается лишь полярная область на севере и азиатские полуострова юга (Аравия, Индостан и Индокитай).

Эти определения, конечно, еще очень общи. Чтобы уточнить их, мы должны пойти дальше в нашем анализе. Между месторазвитиями, "благоприятными" для человеческой культу-

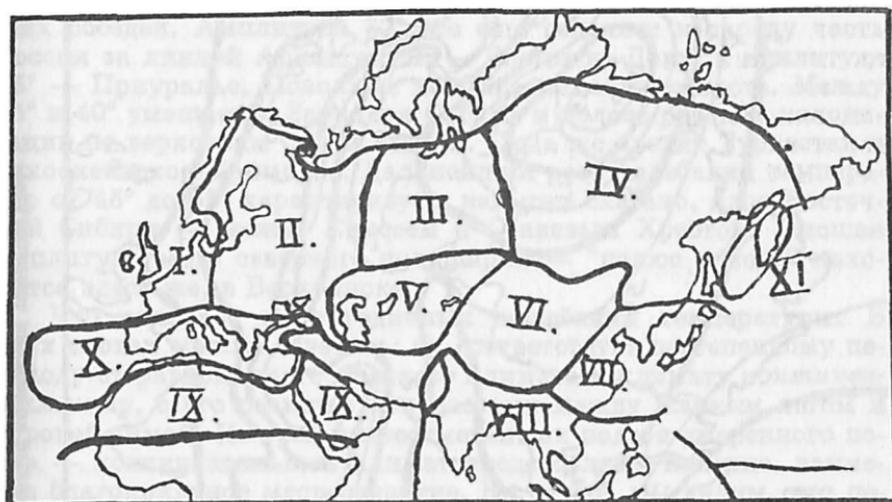
¹ Различие это иллюстрируется следующими цифрами:

Полушария	Январская температура	Июльская	Средняя годовая	Годовое колебание
Северное	8,0	22,5	15,2	14,5
Южное	17,3	10,3	10,3	7,0.

ры, существуют очень значительные различия. Наиболее благоприятными среди них можно считать в общем те, где оба главные источника органической жизни, теплота и влага, соединены в наиболее благоприятном для поддержания жизни сочетании. Особенно легко поддерживать жизнь там, где теплоты и влаги много, как в поясах субтропических. В поясах умеренных теплота и влага соединены гармонически, но они менее обильны: поэтому здесь для поддержания жизни требуется более или менее значительное человеческое усилие. Вот почему субтропические пояса наиболее пригодны для *начала* культуры, а пояса умеренные — для *продолжения* ее развития. Неблагоприятными для человеческой эволюции следует признать пояса тропические, где теплота и влага присутствуют в чрезмерном изобилии, создавая роскошную флору и фауну, которые вместо возможности дарового использования, требуют борьбы с ними и поддаются лишь усовершенствованной технике позднейших времен. Неблагоприятны и те пояса (пустынные зоны), где имеется чрезмерная теплота без влаги, и те (тундровые и ледовые пояса), где относительно обилие влаги не сопровождается теплотой. На крайних пределах расхождения этих двух элементов — теплоты и влаги — органическая жизнь вообще становится невозможной. При соединении их в крайних размерах она очень трудна для человека. И только в умеренных сочетаниях того и другого человек встречает со стороны природы не помеху, а содействие своему развитию.

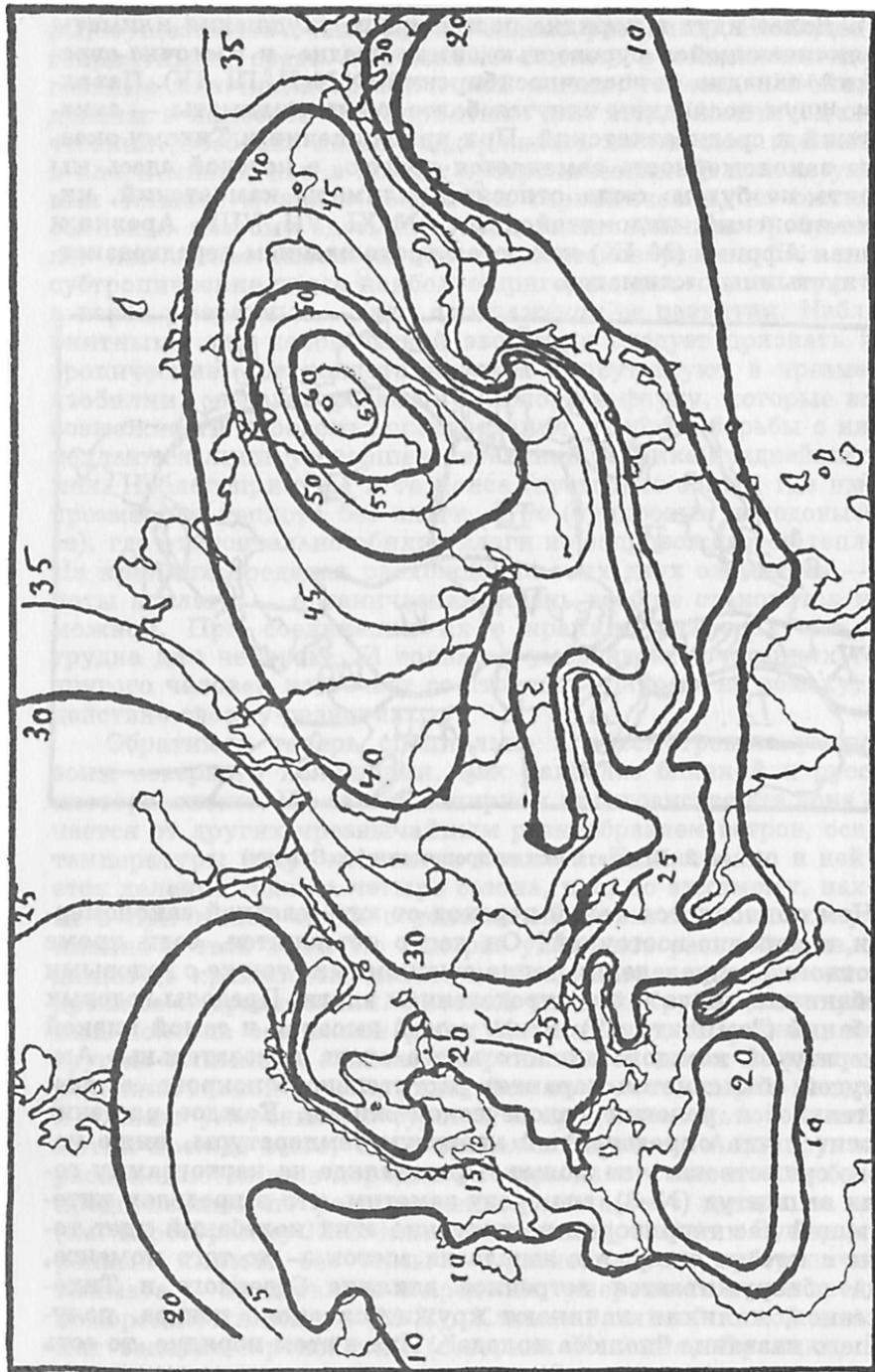
Обратимся теперь специально к рассмотрению умеренной зоны северного полушария, как наиболее близкой к русскому месторазвитию. На своем обширном пространстве эта зона отличается от других чрезвычайным разнообразием ветров, осадков, температуры и др. элементов климата. Единственно в ней имеется деление года на четыре сезона, что, по-видимому, находится в причинной связи с условиями развития высших культур именно в этой зоне. Но как раз указанное разнообразие, достигающее до крайностей, делает необходимым и здесь ввести более дробные подразделения. Русский ученый Крубер делит умеренный пояс на основании работ Кеппена и де-Мартона, на три группы климатов: климат умеренный без зимы: климат с непродолжительной зимой, длящейся не более четырех месяцев — и климат умеренный с суровой и продолжительной зимой. Заметим прежде всего, что в пределах Европы и Азии группы эти располагаются не в порядке с севера на юг, как можно бы было предположить по распределению тепла, а с запада на восток (см. картограмму № 2: климатические провинции Зупана). Умеренный климат без зимы — разновидность субтропического климата — представлен в пределах умеренного пояса средиземноморским климатом (№ X). Климат с мягкой зимой есть климат западно-европейский (северная Испания, Франция, Великобритания и юго-западная часть Скандинавского полуострова

(№ 1). Далее идут в порядке постепенного ухудшения климаты с увеличивающейся суровостью зимы: средне- и восточно-европейский, западно- и восточносибирский (№№ II, III, IV). Параллельно двум последним тянутся более южные климаты — закаспийский и среднеазиатский. При приближении к Тихому океану эта закономерность заменяется другою, о которой здесь мы говорить не будем: сюда относятся климаты камчатский, китайско-японский, индокитайский (№№ XI, VII, VIII). Аравия и северная Африка (№ IX) являются продолжением переднеазиатских пустынных климатов.

№ 2. Климатические провинции (по Зупану)

Чем объясняется такой переход от юго-северной закономерности к западно-восточной? Он легко объясняется, если кроме широтного распределения тепла ознакомимся также с годовыми колебаниями тепла и с распределением влаги. Пределы годовых колебаний ("амплитуда") между самой высокой и самой низкой температурой каждого данного места очень показательны. Амплитудой объясняется характер растительного покрова, а, следовательно, и условия человеческой жизни. Каждое растение выносит лишь определенный минимум температуры, ниже которого существовать не может. При взгляде на картограмму годовых амплитуд (№ 3), мы сразу заметим, что в пределах интересующей нас территории возрастание этих колебаний идет тоже не с юга на север, а с запада на восток — до того момента, когда обнаруживается встречное влияние Северного и Тихоокеанов, и линии начинают кружиться около центра, получившего название "полюса холода". Идя в этом порядке, то есть с запада к востоку, мы сразу заметим соответствие между раз

№ 3. Годовые колебания температуры

личными климатами умеренного пояса и соответствующими амплитудами колебаний температуры. Наименьшей амплитудой 10-15° отличается в Европе только Великобритания и западная полоса норвежского берега, Франции и Испании. Следующая амплитуда 20° уже отделяет в категорию благоприятного месторазвития всю средиземноморскую область, срединную Европу и южную Прибалтику. Амплитуда 25° выделяет к западу приморские местности России — на севере, западе и юге — и пересекает европейскую Россию вертикальной линией от Петербурга до Одессы, включая также Крым и Кавказ. В той же стороне остаются поселения южных и западных славян и балтийских наших соседей. Амплитуда 30° все еще отделяет к западу часть России за линией Архангельск — Ростов-на-Дону; а амплитуда 35° — Приуралье, Поволжье и прикаспийскую область. Между 35° и 40° уместается Западная Сибирь и полоса русской колонизации по верховьям Оби и Енисея. Сюда же входит Туркестан и тихоокеанское Приморье. Дальнейший рост колебаний температур от 45° до 65° характеризует, как уже сказано, ядро Восточной Сибири — между Енисеем и Становым Хребтом. Высшая амплитуда всего северного полушария — "полюс холода" находится здесь же, в Верхоянске.

Что означает рост годовых колебаний температуры. В двух словах можно ответить: он соответствует постепенному переходу от равномерного *морского* климата к климату *континентальному*, с его резкими контрастами между жарким летом и суровой зимой. Из трех вышеотмеченных подзон умеренного пояса — континентальный климат представляет, конечно, наименее благоприятное месторазвитие. Но теперь мы видим, что переход совершается целым рядом ступеней. Увидим дальше, что рост контрастов сильно сглаживается также влиянием теплого морского течения, которое вдоль Ледовитого океана ведет за собой далеко на восток меньшие цифры амплитуд, чем можно было бы ожидать по широтам дальнего севера. Климат смягчается в самых холодных частях Сибири тем обстоятельством, что зимой там стоит без движения антициклон, то есть область самого высокого давления воздуха, что сопровождается безветренной погодой и безоблачным небом, усиливающим инсоляцию.

Переходим к другой основной черте, характеризующей климат: к распределению влаги по временам года. Там, где, как в полярной области, вообще выпадает мало осадков, это распределение, конечно, имеет мало значения. Но где осадков достаточно, — там чрезвычайно важно, на какие месяцы они приходятся. Выпадая весной и летом, они вызывают жизнь растительности. Совпадая с жарким летом, они возмещают его краткость и вносят поправку в континентальности климата. На прилагаемой картограмме № 4 такие местности, благоприятные для растительности, отмечены цифрой III. Здесь объединяются территории средней Европы, Кавказа и Малой Азии с Сибирью до

№ 4. Распределение осадков

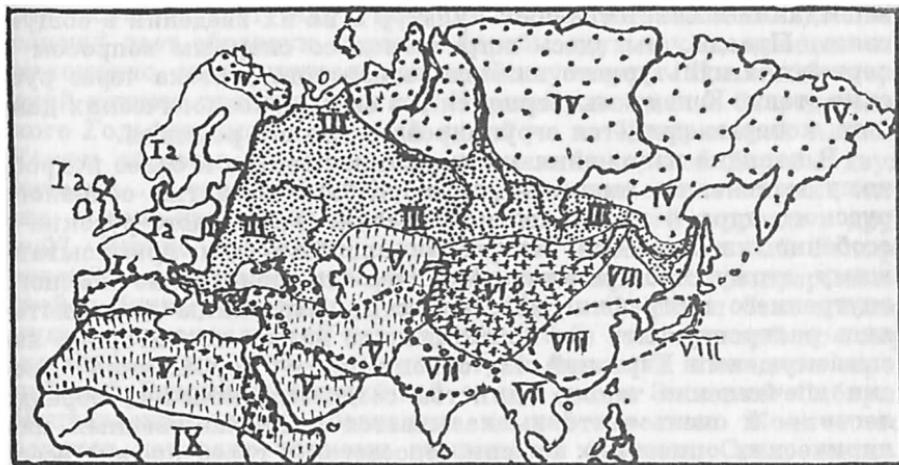
р.Хатанги и до правых притоков Енисея. Конечно, еще благоприятнее для флоры те местности, где осадки равномерны. Они отмечены под №№ I и II — и совпадают с территорией наименьших амплитуд и морского климата. Напротив, те местности, где осадки выпадают осенью и зимой, представляют пустыни. Амплитуда в них мала; но это потому, что все месяцы одинаково жарки (№ IV).

Взятые вместе оба рассмотренные признака — годовое колебание теплоты и годовое распределение влаги — дают надежную основу для определения климата каждого данного месторазвития. Не случайно поэтому распределение суши на климатические "провинции" оказывается близким к распределению теплоты и влаги. Предупреждая наше изложение, мы можем теперь же отметить, что то и другое близко совпадает также — конечно, не в деталях, а в общих чертах — с распределением типов культуры. Для иллюстрации сравним картограммы №№ 2, 3 и 4 с картограммой № 5, изображающей распределение типов культуры в интересующих нас пределах, составленное по К.Запперу. Мы увидим здесь: 1) Совпадение типов Ia, Ib и II западной и средневропейской культуры с I и II провинциями осадков, с 10-20° амплитудами колебаний температуры и с I климатической провинцией Зупана. 2) Совпадение II провинции Зупана с европейской частью "восточно-европейской провинции" Заппера, соответствующей европейской России (№ III). Подтверждение этому выделению европейской России находим

в совпадении с ее территорией 20-35° амплитуд колебаний температуры (позже увидим и ее особенность по количеству осадков). 3) Климатические провинции Зупана №№ III и IV отделены друг от друга р.Енисеем. Этому соответствует выделение к востоку Сибири континентальной полярной области осадков (№ V) и амплитуды 45-65°. Мы уже отметили вполне законное выделение южной части этой области у Заппера, соответствующей полосе русской колонизации Сибири. Этот клин, в котором амплитуда не превышает 30-40° Заппер по справедливости присоединяет к "восточно-европейскому" типу культуры. 4) Двум провинциям Азии на юг от предыдущих (Туркестану, Монголии и Тибету) (№№ V и VI) соответствуют на карте осадков № IV — скудные осадки пустыни. К ним основательно присоединяется на той же карте продолжение пустынного пояса в Аравии и Сахаре. Совершенно правильно и Заппер объединяет обе области в общую культурную провинцию № V. Он выделяет, однако, Тибет и Монголию в особую область "центрально-азиатской" культуры (№ VI), чему соответствует и отдельная климатическая зона Зупана под тем же № VI. Резко выделяется на всех картограммах средиземноморская область. Других культурно-климатических типов мы здесь касаться не будем.

Мы можем теперь сделать общий вывод о положении России среди трех континентов. На ее территории соединяются по крайней мере три-четыре самостоятельные и законченные культуры разного характера, не говоря о культурах незаконченных, которые мы здесь не отмечаем. Эти культуры предполагают столько же различных месторазвитий. Соединить их в одно целое можно было лишь в порядке государственного слияния.

№ 5. Распределение типов культуры (по Запперу)

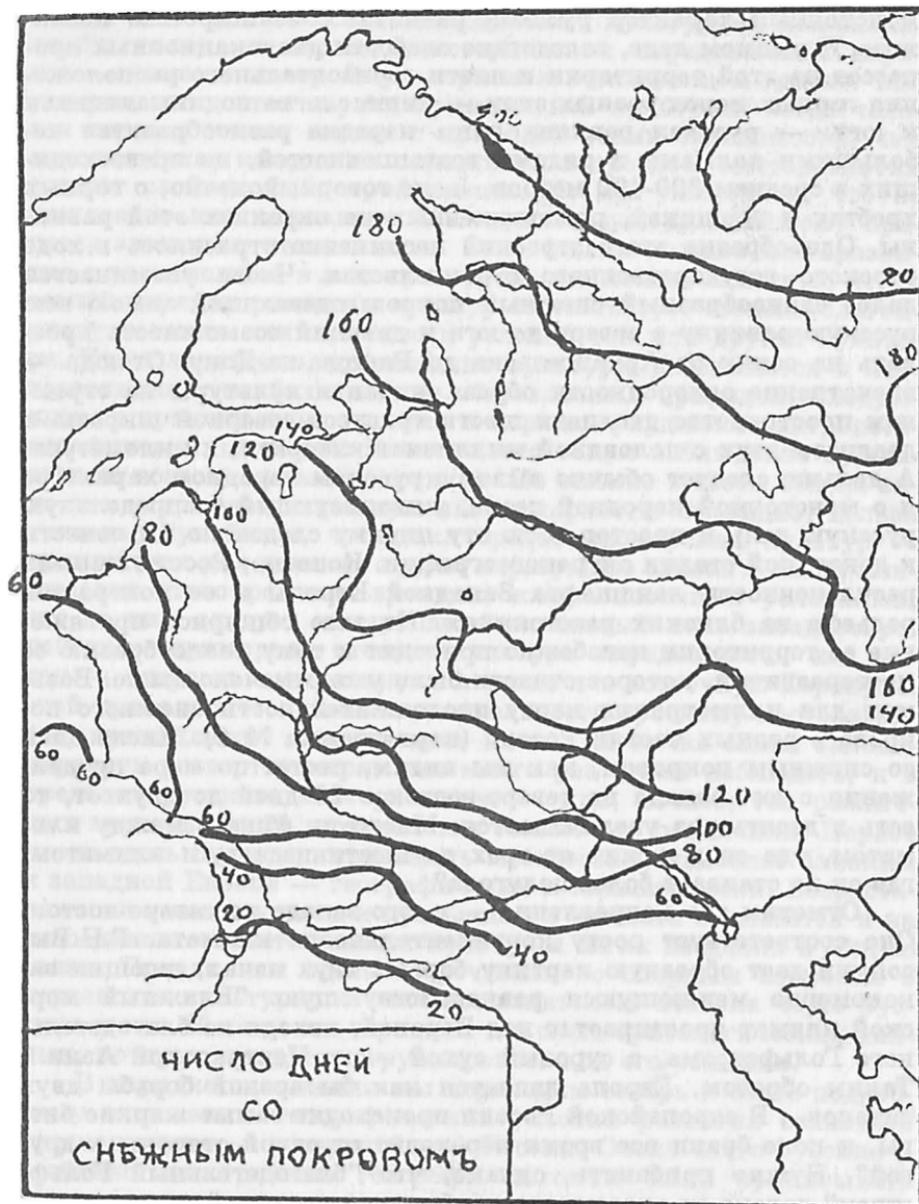

Найти более раннюю связь между этими культурами можно было бы только в период доисторических передвижений народов — тема, к которой мы вернемся в следующем отделе. Мы увидим, что в этот период примитивной культуры, когда человек гораздо теснее связан с природой узами зависимости, чем впоследствии, каждое из слившихся в процессе месторазвитий создает свой особый строй жизни. Но мы уже знаем, что не каждое из них одинаково благоприятствует дальнейшему процессу эволюции человечества. Сопоставляя каждое месторазвитие с развившейся в нем культурой, мы можем заметить, что и самый порядок развития культур соответствует степени благоприятствования климатических условий той или другой культуре. Хронологически, древнейшие культуры развиваются в месторазвитиях, наиболее щедро обставленных природой. Следующие по времени идут за ними в порядке ухудшения антропогеографических условий. Конечно, это общее наблюдение нуждается во всевозможных поправках. Но именно в своем общем виде оно вскрывает известную закономерность. Очевидно, нельзя считать случайным, что цикл средиземноморских культур — древнейших для данного круга, неразрывно связан с наилучшими (для этого раннего времени) климатическими условиями; что за ним следует наилучше обставленный пояс западноевропейского приморья; отсюда культура передвигается на восток — сперва в центральную, а затем и в восточную Европу. В этой хронологической последовательности русскому месторазвитию принадлежит определенное место. Но та же самая закономерность разворачивается, как много раз будем наблюдать, и в пределах русского месторазвития — или, точнее, тех различных месторазвитий, которые мы только что различили. Первое место здесь будет принадлежать местностям, наиболее близким к западной Европе — географически и климатически. Возрастание континентальности и пустынности климата отзывается и на запоздании соответственных культур и на их введении в общую связь. Правда, мы здесь встречаемся со спорным вопросом о первенстве культурного влияния азиатского востока через русские степи. К нему мы вернемся и в свете археологических данных, которые придется сгруппировать для его решения.

В порядке изложения мы переходим теперь к более подробному выяснению географических условий развития основного русского ядра — в европейской России. Очень часто русские и особенно иностранные географы склонны были приписывать всему этому пространству характер исключительно полного внутреннего географического единства. Евразийцы даже пытались распространять это представление на всю территорию, называемую ими Евразией. По отношению к "доуральской" России впечатление такого единства создается, конечно, гораздо легче — и очень часто высказывается в художественных или лирических описаниях России. Бросается в глаза прежде всего

монотонный характер русской равнины с ее широким пейзажем. И в самом деле, вследствие слабости дислокационных процессов на этой территории и почти горизонтального расположения горных пород разных эпох — лишь слегка поднимающихся к югу, — русская равнина лишь изредка разнообразится небольшими холмами и рядами возвышенностей, не превосходящих в среднем 300-400 метров, — не говоря, конечно, о горных хребтах и вершинах, расположенных на окраинах этой равнины. Однообразие этого строения несомненно отразилось в ходе русского государственного строительства. Часто упоминается далее единообразный снежный покров, одевающий зимою всю русскую равнину с севера до юга и дающий возможность проехать на санях от Архангельска до Ростова-на-Дону. Отсюда — впечатление однородности образа жизни и культуры на огромном пространстве двадцати шести градусов северной широты и двадцати двух с половиной миллионов квадратных километров. А дальше следует обычно вывод о русском народном характере и о монотонной народной песне, живописующей беспредельную русскую даль и простор. Всю эту лирику следовало бы отнести к донаучной стадии антропогеографии. Конечно, Россия лишена расчлененности ландшафта Западной Европы и ее контрастов рельефа на близких расстояниях. Но зато обширное протяжение ее территории неизбежно приводит к тому разнообразию ее месторазвитий, которое отчасти было уже отмечено выше. Возьмем для иллюстрации карту продолжительности снежного покрова в разных частях России (картограмма № 6). Число дней со снежным покровом, как мы видим, растет по мере продвижения с юго-запада на северо-восток с 20 дней до двухсот, то есть в десять раз увеличивается. Много ли общего между климатом, где снег лежит от трех до шести недель, и климатом, где он не стает более полугода?

Отметим это направление — с юго-запада на северо-восток. Оно соответствует росту континентальности климата. Г.Н.Высоцкий дает образную картину борьбы двух начал, дающих закономерно меняющуюся равнодействующую. "Влажный морской климат простирается над Европой, исходя из благодетельного Гольфстрема, а суровый сухой — из Центральной Азии... Таким образом, Европа является как бы ареной борьбы двух титанов... В европейской России происходят самые жаркие битвы, и поле брани все время переходит от одной стороны к другой". Нужно прибавить, однако, что "благодетельный Гольфстрем" далеко не оказывается побежденным в этой непрерывающейся битве с "пылкими сынами Турана". Итоги боев можно видеть на прилагаемой картограмме № 7, составленной по тому же Высоцкому. Это — карта ветров (зимних) и осадков европейской России и ближайшей к ней части Западной Сибири. Направление ветров обозначено на ней стрелами. Количество осадков показано точками убывающей густоты. Сразу видно,

№ 6. Продолжительность снежного покрова
 (по Танфильеву)

что осадки приносятся в Россию вместе с ветрами, убывая в направлении с юго-запада к северо-востоку. Мы различаем здесь три главных волны осадков. Первая приносит в долины Немана и Зап. Двины и на территорию водоразделов между четырьмя русскими речными бассейнами массу влаги, измеряющуюся 600 миллиметрами и выше в год. Вторая волна осадков, приносящая ежегодно от 500 до 600 миллиметров воды, охватывает первую волну треугольником, широкое основание которого тянется от северных озер до Карпат, а стороны включают в себя верхние части бассейнов Днепра, Волги и Озерного, сходясь клином у верховьев Камы. Отметим опять ярко выраженное северо-восточное направление этой волны. Третья волна, приносящая от 400 до 500 миллиметров осадков (она отмечена на карте редкими точками с границей, обозначенной кружочками), окаймляет вторую в том же направлении, переливаясь че-

№ 7. Ветры и осадки (по Высоцкому)

рез Урал, западный склон которого, по общему закону, орошен лучше восточного. Далее следуют территории с недостаточным орошением осадками — от 300, от 200 и от 100 миллиметров. С верховьев Обского бассейна эта полоса переходит в низовья Волги и Донского бассейна, задевая некоторые части Черноморья. Только в этих местах знойные ветры пустыни начинают оказывать свое действие, с трудом пробираясь в три хорошо орошенные полосы. Скажем об этом итоге борьбы словами Высоцкого. "Для проникновения Гольфстрема служат... входные ворота, находящиеся между скандинавскими горами с севера и богемско-карпатскими с юга... Наиболее выдается в зимнее полугодие господство ЮЗ, на большей части площади европейской России... летом — господство СЗ почти во всей европейской России". Тот и другой ветер "находятся в зависимости от воздушных течений над Атлантическим океаном... Зимние ветры приносят с Запада воздух нагретый... Природа у нас стремится устранять неблагоприятные крайности, подавляя зимой умеренным ЮЗ холодящий Nord, а летом влагоносным СЗ сухой и знойный Est". Правда, этим борьба не кончается. "С противоположной стороны, по широкому проходу между южными отрогами Урала и твердыми Кавказа вторгаются пыльные сыны Турана, которые, хотя и не обладают присущим западным ветрам постоянством, но приносят великие бедствия в виде засух, черных и песчаных бурь, сухой мглы и недородов. Их желтый флаг простирается над югом России в виде суживающейся к западу полосы пониженных осадков". Мы видим, однако, на карте, что сфера действия этих вредоносных ветров не так уже велика и что везде на своем пути к западу они встречают противодействие повышающихся осадков. По мнению Краснова, действие этих ветров-суховеев затихает окончательно на линии Кишинев — Уфа, совпадающей с уже отмеченным нами направлением.

Переходим к распределению почв на пространстве европейской России. Огромное протяжение России с севера на юг, отсутствие на этом протяжении высоких гор, на склонах которых горизонтальные смены климата повторяются в вертикальном порядке, наконец, сравнительная с Западом нетронутость русского ландшафта воздействием человеческой воли — все это дало русским исследователям почв большое преимущество перед европейскими почведами.

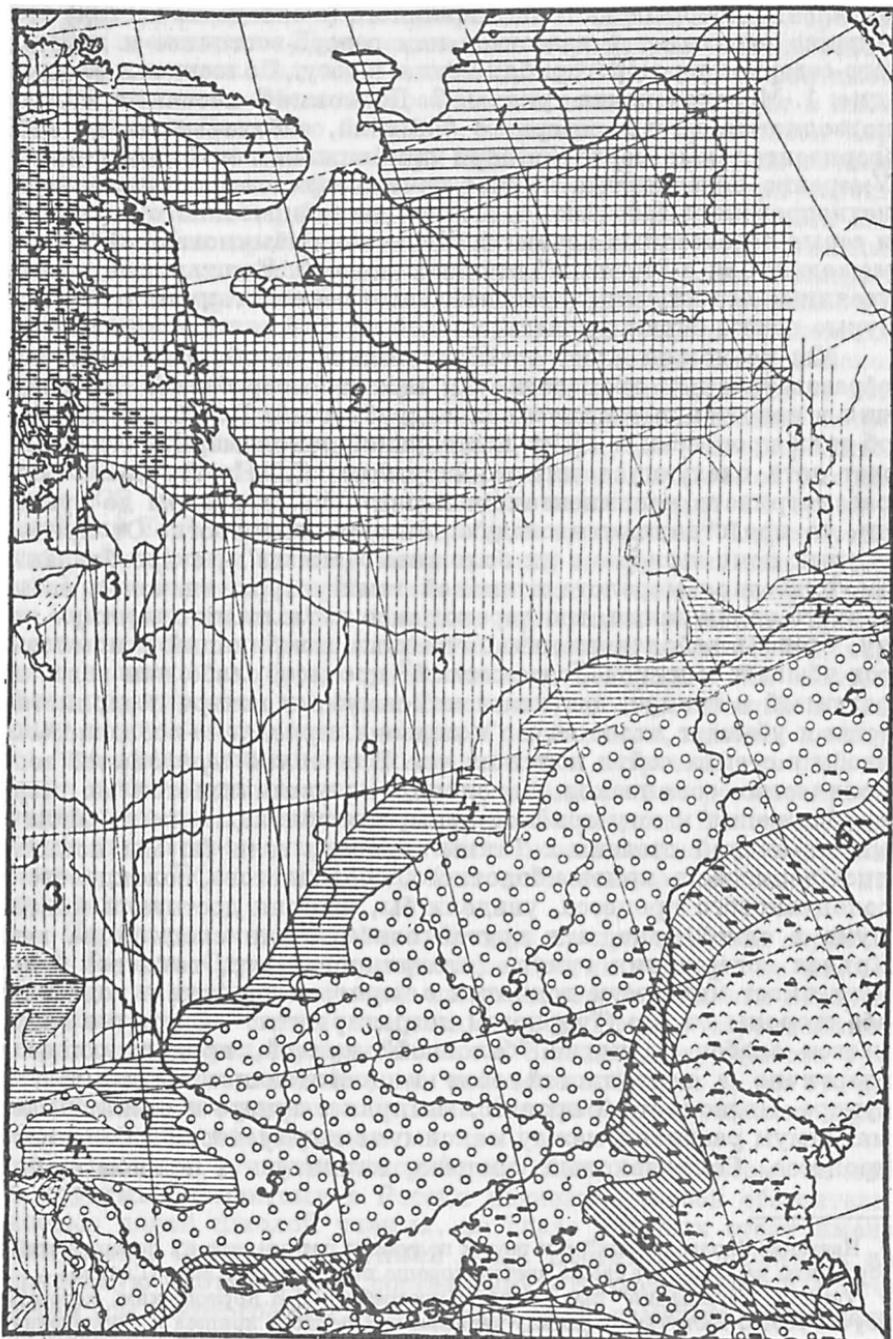
Благодаря этому взаимодействие между климатом, почвой и другими элементами в России изучено с особой обстоятельностью целой школой ученых, во главе которых стоят имена Докучаева, Сибирцева, Глинки и др. Достаточно взглянуть на почвенную карту России, составленную В.Агафоновым и А.Стебутом (см. картограмму № 8), чтобы сразу заметить связь между распределением русских почв и ранее разобранными факторами. Мы видим здесь семь последовательных полос, общее на-

правление которых из горизонтального (с запада на восток) постепенно переходит в известное нам северо-восточное и почти в юго-северное по мере приближения к югу. Полосы эти следующие: 1. Мерзлая почва тундры. 2. Дерновые и песчаные, сильно подзолистые почвы северного бассейна, заболоченные до 40% (горизонтальные черточки) при приближении к Финляндии. 3. Умеренно подзолистые лесные почвы верхневолжского и верхнеднепровского бассейна. 4. Полоса деградированного чернозема и серые лесостепные почвы. 5. Чернозем "обыкновенный", перемежающийся с "тучным" степных почв. 6. Каштановые почвы, усеянные солонцами (горизонтальные резкие черты). 7. Светлобурье почвы сухих пустынь.

Мы не можем здесь останавливаться на объяснении почвообразовательных процессов, так как это потребовало бы введения в изложение технических подробностей. Но общее понятие об этих процессах и об их постепенной закономерной смене может дать следующая цитата из работы С.С.Неуструева. "Если рассматривать континентальный ряд почв от тундры до пустыни, то представляются следующие закономерности. От примитивных почв *тундры* с их *болотным habitus*'м, с преобладанием, благодаря мерзлоте и низкой температуре, значения избыточного увлажнения, мы переходим в *подзолисто-болотную* зону. Степень заболоченности почвенных комбинаций и комплексов убывает к югу... Подзолистый² процесс, слабо или вовсе не развитый в тундре, достигает максимума в центре подзолистой зоны и убывает далее на юг к подзоне *черноземно-подзолистой*, чтобы в степях сойти почти на нет. В *степной черноземной* зоне количество солончаков и солонцов... увеличивается по мере приближения к югу *аридной* зоны, где солонцы уже развиты в максимальной степени... Таким образом, если бы мы попытались нарисовать кривые болотного, подзолистого, солонцового и солончакового процесса, увидели бы, что они достигали максимума в одной зоне, а в другой слабели или сходили на нет. Кривая содержания гумуса (коагулированного, темного) в почвах имеет максимум поднятия в черноземной зоне и падает по обе стороны от нее ("чернозем деградируется"³). Здесь же начинается слабое поднятие "болотной" кривой, продолжающееся энергично в подзолистой зоне и достигающее максимума в тундре. Подзолистый процесс, замирая в тундре и степи, имеет максимум развития между максимумом гумусности и болотного процесса. Солончаковый процесс, начинаясь в южном конце

² Название "подзолистых" эти почвы получили потому, что их поверхностные горизонты напоминают своим цветом хорошо пережженную золу (Глинка).

³ Термин "деградация" был впервые употреблен С.И.Коржинским, который, изучая северо-восточную границу черноземной полосы, пришел к заключению, что все подзолистые почвы этого района произошли за счет бывшего степного чернозема, под влиянием надвинувшегося на него с севера леса (Глинка).

№ 8. Почвенная карта России (по Агафонову)

подзолистой зоны, развивается постепенно в степных зонах и максимума достигает в комплексах "серой" зоны. А солонцовый, начинаясь вместе с ним, дает максимум в аридной зоне, чтобы окончательно уничтожиться южнее⁴).

По существу, все описанные формы почвообразования связаны причинной зависимостью от одного фактора: количество влаги и кислорода, могущих проникнуть в подпочву. Там, где вода промачивает почву и где происходит процесс выщелачивания заложенных в нижних горизонтах минеральных солей, получается почва, бедная питательными веществами, но удобная для произрастания лесов (подзол и серые лесные почвы). Напротив, там, где имеется или обилие влаги, заболачивающей почву и не пропускающей воздуха (болота и торфяники севера), или влага отсутствует и химического разложения солей не происходит (степной и пустынный юг), — там создается чернозем. "Влаги здесь достаточно для развития более или менее мощного травянистого покрова, но ее не хватает для полной минерализации органического вещества... Поэтому во всех черноземных почвах под гумусовыми горизонтами существуют горизонты карбонатные, то есть такие, которые содержат углекислую известь" (Глинка).

Между почвой и растительным покровом существует теснейшая связь. Растительность принимает самое непосредственное участие в образовании почв и, в свою очередь, всецело от них зависит. С другой стороны растительный покров имеет ближайшее отношение к человеческой географии. Растительность кормит человека, одевает его, дает ему кров, определяет образ его жизни, питает животных, за которыми он охотится и которые ему служат, определяет повелительно — особенно на низких ступенях культуры (см. ниже) количество населения, которое растительный покров может напитать на данной единице пространства. Самые большие скептики, как Лефебр, отрицающие "прямое" действие климата на человека, все же признают

⁴ В противоположность Глинке, утверждавшему, что почва (в частности и чернозем) "преобразуется независимо от материка, но в зависимости от климата и атмосферы", Танфильев доказывает, что чернозем может образоваться не на каждой материнской породе и что "существеннейшим условием для образования чернозема является присутствие в материнской породе более или менее значительного количества извести". "Не будь известковой материнской породы, климат был бы бессильен создать черноземную почву". "Самая могущественная роль в создании у нас чернозема принадлежит лессу или вообще известковистым породам, наложившим на всю природу нашего юга и на хозяйство человека своеобразную печать, очень резко отделяющую этот юг от северной полосы России..., где почвы обыкновенно бескарбонатные, подзолистые, господствуют леса с преобладанием хвойных, грунтовые воды обыкновенно мягкие, рельеф часто холмистый, моренный". Другие почвоведы не соглашаются с Танфильевым, что чернозем образуется только на лессе, и о самом происхождении лесса Танфильев держится иного мнения, чем известная, установленная Рихтгофеном "азоловая" теория (см. ниже).

№ 9. Карта растительного покрова (Н.Н.Савицкого)

"косвенное" действие климатических факторов через "посредство" растительного покрова. В виду этих сомнений разбор теснейшей зависимости самой растительности от ранее рассмотренных факторов приобретает особенный интерес.

Границы распределительных поясов нанести на карту не так легко — ввиду того, что здесь, как, впрочем, и в области почв, переходы от одного пояса к другому совершаются постепенно. Сводная карта, составленная П.Н.Савицким⁵, показывает, в каких пределах колеблются в этом отношении показания отдельных русских географов. Но относительно последовательности, как и относительно направления поясов, как показывает та же карта, не может быть сомнений. Направление это — то же, как и направление других рассмотренных факторов клима-

⁵ Прилагается копия ее, с небольшими изменениями (см. № 9). На ней отмечены варианты Коржинского, Танфильева, Буша и Алехина.

та в пределах европейской России: с юго-запада на северо-восток. Причинная связь тут совершенно очевидна — и особенно ясна при сравнении с поясным распределением почв. Но здесь, как и в предыдущих случаях, нас интересует не только сама собой разумеющаяся зональность распределения растительности, но и внутренние подразделения в каждом отдельном поясе — по мере продвижения в только что указанном направлении на северо-восток. Для иллюстрации этих закономерностей я выбираю карту Буша, подчеркивающую эти подразделения с особенной ясностью. Мы видим, что каждый пояс — тундры, леса, лесостепи и степи, — тянувшийся на северо-восток, пересекается двумя поперечными линиями. Эти линии делят все пространство Европейской России на три части, приблизительно соответствующие районам между указанными выше амплитудами колебаний температуры в 20-25°, 25-30° и 30-35°⁶. (См. картограмму № 10)

Третья поперечная линия отделяет к западу область западных лесов (Л.З.), которую нам здесь нет надобности принимать в соображение. Непосредственно к этим лесам примыкают смешанные леса озерной области (Л.О.). К востоку этот район суживается, упираясь острием в Нижний Новгород. Мы вспомним здесь волну осадков в 500-600 миллиметров. Далее на северо-восток идут хвойные леса "восточно-европейские" (Л.В.Е.), а за ними следуют леса Западной Сибири (Л.З.С.). Перемены, которые происходят в составе древесной растительности на этом протяжении с юго-запада к северо-востоку, с большой чувствительностью отмечаются границами распространения отдельных древесных пород, которые я нанес на карту Буша. Самым чувствительным оказывается бук (4), который остается в пределах западных лесов, не переходя в Россию. Гризбах на этом основании назвал западно-европейский климат — буковым. Тис и граб остаются на границе западных лесов с лесами озерной области (5 и 8 — в пределах рассматриваемого пояса). Более выносливый ясень идет дальше — почти до границы хвойных лесов (7), а дуб далеко заходит за эту границу в область левых притоков Волги, не решаясь, однако, перешагнуть через Урал (6). С противоположной, зауральской стороны область восточно-европейских и западно-сибирских лесов объединяется присутствием сибирского кедра, который, однако же, останавливается, едва перейдя Урал (1). Дальше на запад идет сибирская

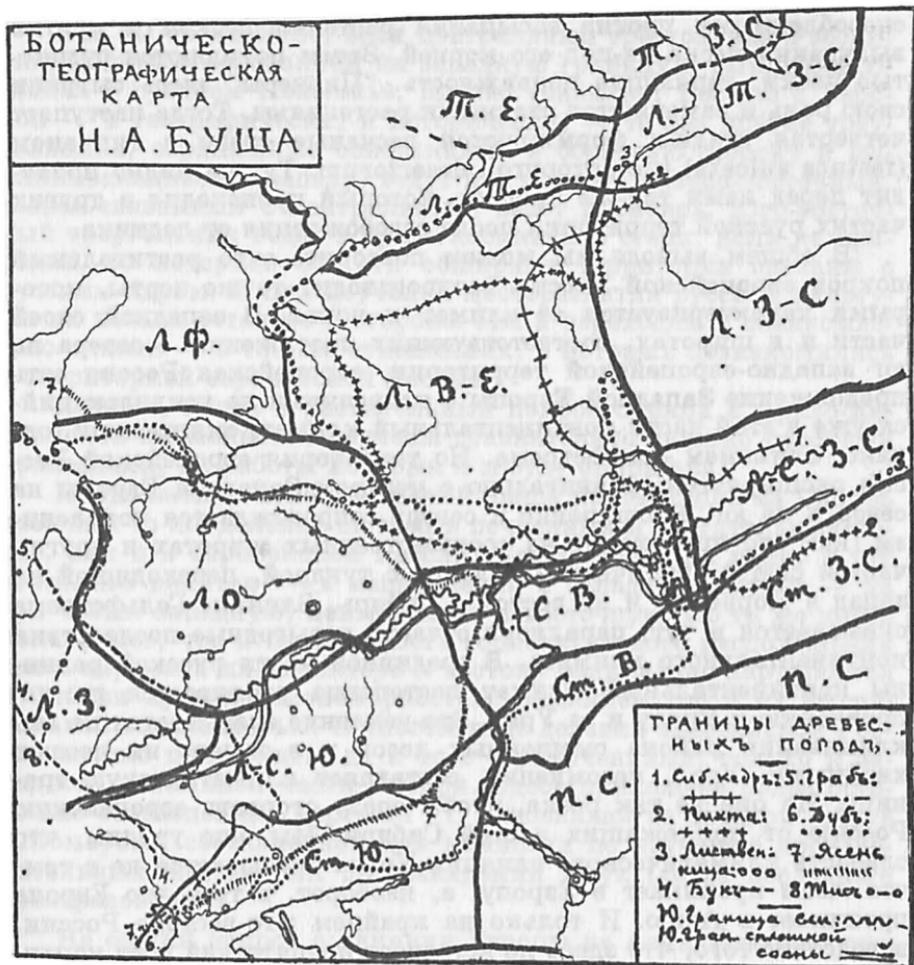
⁶ Буквы на картограмме № 10 означают: 1. Т.Е. — тундра Европы. Т.З.С. — тундра Западной Сибири. 2. Л.Т.Е. — лесотундра Европы. Л.Т.З.С. — лесотундра Западной Сибири. 3. Л.Ф. — леса Финляндии. Л.В.Е. — леса Восточной Европы. Л.З.С. — леса Западной Сибири. 4. Л.З. — леса западные. Л.О. — леса озерной области. 5. Л.С.Ю. — лесостепь Юга. Л.С.В. — лесостепь Востока. Л.С.З.С. — лесостепь Западной Сибири. 6. Ст. Ю. — степи южные. Ст. В. — степи восточные. Ст. З.С. — степи Западной Сибири. 7. П.С. — пустынная степь.

пихта (2), еще дальше — сибирская лиственница (3). Но и она не заходит в пределы смешанных лесов, останавливаясь на их восточной и северной границе. Ель обща России не только с Сибирью, но и Западной Европой. Однако разница климата создает разновидности. В Западной Европе и в западной части России растет *пicea excelsa*, а в восточной части России и в Сибири — *пicea obovata*.

Подобные же различия встречаем и в растительности лесостепной полосы в направлении от юго-запада к северо-востоку. Дальше западной ее части (Л.С.Ю.) почти не идет ясень. Дуб заходит и в ее восточную часть, но на Урале сменяется березой, которая и идет дальше, в Западную Сибирь. В этом смысле можно было бы говорить о замене "букового" климата Западной Европы — "дубовым" и "березовым". Лесостепь Волжская (Л.С.В.) вообще отличается от Л.С.Ю.: и почва, и рельеф в ней другие. Дело в том, что она не была под ледником. Это особенное положение Волжской лесостепи нужно отметить теперь же. В доисторическое время эта провинция замыкалась с юга трансгрессией Каспийского моря, соединявшегося рукавом с Азовским. Это отрезало ее от Кавказа. С севера границу составлял сплошной покров ледника, тянувшегося вплоть до океана и Скандинавии. Таким образом, на долю Волжской провинции выпадало послужить древнейшим соединительным звеном между Европой и Азией. Как это отразилось в древнейших народных переселениях и в связанных с ними передвижениях культур, увидим в следующей главе. Особенное положение Волжской провинции отразилось и на ее растительности. Ей главным образом свойственны татарский клен и травы, как *plantago maxima*. Буш справедливо соглашается с такими опытными географами, как Келлер, Алехин и пр., что надо отличать полосу этих луговых степей от более молодых — ковыльных.

Переходя в полосу степей — частью служивших когда-то дном доисторического моря, — мы опять встречаемся с делением на три части: степь южная, степь заволжская (Ст.В.) и степь западно-сибирская. Почвоведы (Рупрехт, Пачоский, Коссович) считают тип полынно-типчаковой степи еще более молодым, чем ковыльной. Это и понятно, потому что занимаемая первой территория позднее освободилась от Каспийской морской трансгрессии. Коссович указывает и на более молодой возраст "каштановых" почв сравнительно с черноземными⁷. Естественно также замечание Буша, что заволжские степи отличаются от южных большей солонцеватостью почвы *в связи* с еще более континентальным климатом, что сказывается и на характере расти-

⁷ Термин "каштановые" и "бурые" почвы введен впервые Докучаевым (1886). На бурой почве более не растет ковыль. Господствующую роль играет полынь, появляется эбелек (*sergascarpus arenarius*). Ослабляется солонцеватость и усиливается солончаковатость (Глинка). (Ср. № 6 на почвенной карте, стр.84.)

№ 10. Карта распределения растительности

тельности. Переходя, наконец, от ковыльных и полынно-типчковых степей к пустынным степям или "полупустыням" (П.С.) низовьев Волги, мы встречаем новую перемену. Почва состоит здесь из "буроземов" и "сероземов". Растительный покров — так же как и в тундре — уже не представляется сплошным, а распадается на кучки, отделенные друг от друга песками. Пески эти — наиболее юная часть поверхности, представляющая весьма наглядно процесс эволюции осушенного дна каспийской трансгрессии. Дублянский различает в этом процессе четыре стадии: стадия передвигающихся с места на место "барханов", закрепление их "пионерами растительности", специально при-

способленными против засыпания растения песком и против выдувания песка из-под его корней. Затем появляются бугристые пески, теряющие подвижность. "Пионеры" здесь сыграли свою роль и заменяются степными растениями. Тогда наступает четвертая стадия: формируются песчаные степи с типчаком (*festuca sulcata*) и с *agropyron desertorum*. Тут наглядно проходит перед нами тот же процесс, который происходил в других частях русской территории после освобождения от ледника.

В общем выводе мы можем повторить, что растительный покров европейской России воспроизводит те же черты, которыми характеризуется ее климат и почва. В западной своей части и в широтах, соответствующих протяжению с севера на юг западно-европейской территории, европейская Россия есть продолжение Западной Европы с поправками на усиливающийся уже в этой части континентальный климат, смягчаемый, однако, влиянием Гольфстрема. Но территория европейской России расширяется сравнительно с центром Западной Европы на север и на юг. Расширение к северу сопровождается появлением (как это происходит на соответственных широтах и других частях света) арктической области с тундрой, переходящей на запад в Норвегию и на восток в Сибирь. Влияние Гольфстрема сказывается и тут, парализуя отчасти невыгодные последствия континентального климата. В срединной части русской равнины континентальный климат постепенно усиливается по направлению к Уралу и за Урал. Это усиление сказывается на выклинивании района смешанных лесов и в замене их лесами хвойными. Урал, несомненно, составляет климатическую границу. Но она не так резка, чтобы сразу оторвать европейскую Россию от прилежащих частей Сибири. Мы еще увидим, что слабость климатического влияния Урала сказывается не в том, что Азия проникает в Европу, а, наоборот, в том, что Европа проникает в Азию. И только на крайнем юго-востоке России, вследствие того, что здесь не встречает препятствий рост континентального климата и сопровождающая его "физиологическая сухость", вклинивается в европейскую Россию чужеродное ей тело — пустыня. Пустыня связывает этот уголок России с районом совершенно иного месторазвития и иной культуры (карта № 5, V). С антропогеографическими последствиями этой связи мы познакомимся ниже⁸.

⁸ П.Н.Савицкий в своем стремлении представить территорию России (Евразии) как некоторое органическое целое отмечает ряд "симметрий" между севером и югом европейской России, дающих возможность говорить о такой связи. Сюда относятся указываемые им черты сходства северных болот и южных солончаков, безлесые тундры и степи, убывание процента гумуса на север и на юг от черноземной полосы, насыщенность кальцием и мощность почвенных горизонтов, наконец, посветление почвенной окраски в ту и другую сторону от чернозема. Однако, сам автор не только отказывается искать одинаковых причин для этих параллельных явлений, но прямо признает, что почти все они суть яв-

Как бы то ни было, если центральный треугольник России, опирающийся основанием на западную границу и выклинивающийся в среднем Поволжье, прочно связывает Россию с Европой — и географически, и исторически, — то два другие треугольника, обращенные основаниями в обратную сторону и выклинивающиеся к западу, ведут нас в Азию. Северо-восточный, теснее связанный с центральным, ведет в Сибирь. Юго-восточный треугольник ведет в арало-каспийские степи. Если не природой, то историей обе эти обширные территории связаны с русским ядром. И при изучении месторазвития русской культуры их нельзя оставить в стороне. Мы и переходим к ознакомлению с ними — в тех же отношениях, в которых познакомились с территорией европейской России.

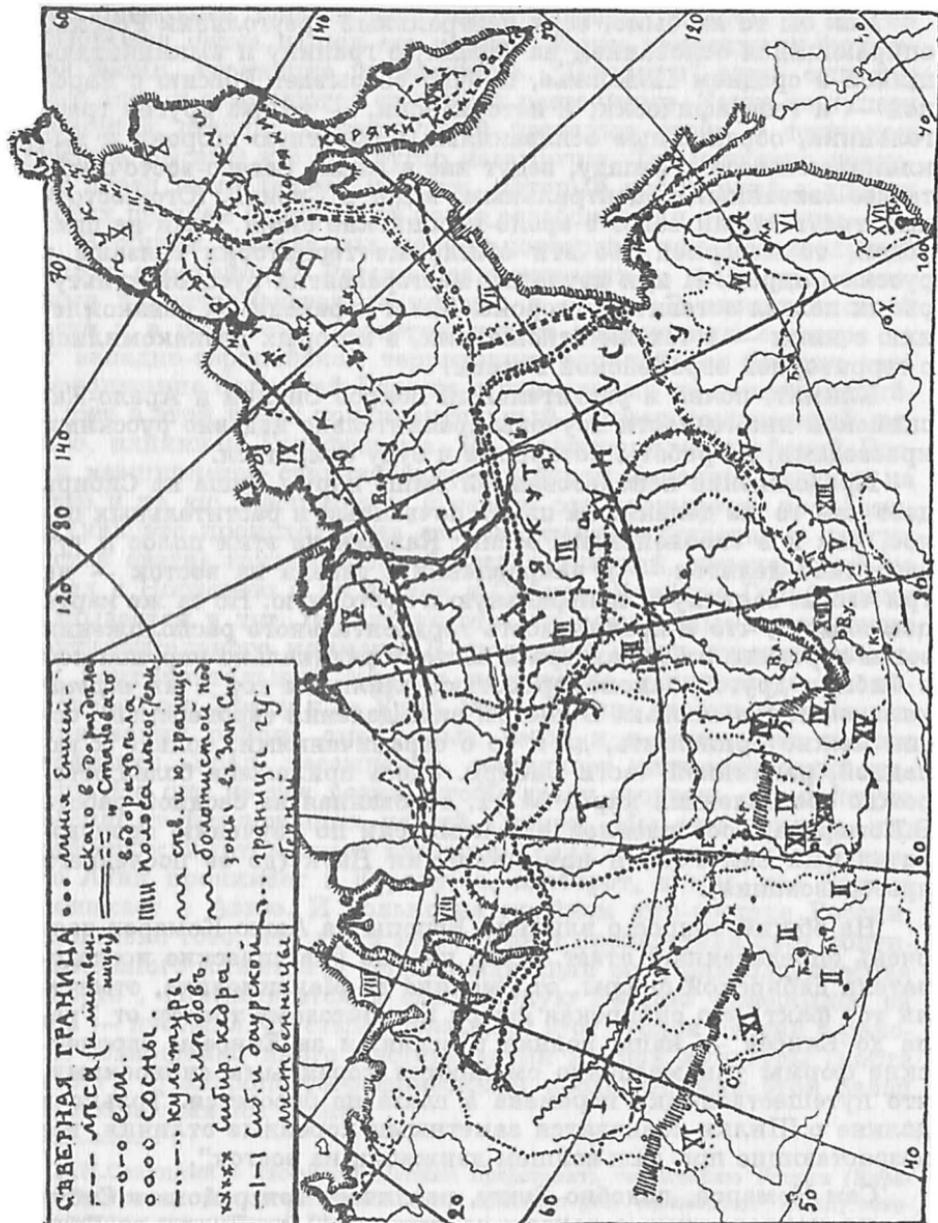
Климат, почва и растительный покров Сибири и Арало-Каспийской низменности изучены сравнительно недавно русскими краеведами, на работы которых я и буду опираться.

Продолжение использованной выше карты Буша на Сибирь дает нам то же деление на шесть почвенных и растительных полос, как и в европейской России. Каждая из этих полос и тут отчетливо делится — в направлении с запада на восток — на три части: западную, центральную и восточную. Но та же карта показывает, что и правильность горизонтального расположения зон и перемена их характера к востоку радикально нарушаются в Сибири другой закономерностью: влиянием гор с их *вертикальной* зональностью. В чистом виде деления европейской России можно приложить, да и то с ограничениями, только к западной, равнинной части Сибири. Здесь приложена более осторожно составленная карта № 11, основанная на сводной работе В. Комарова, составленной для комиссии по изучению производительных сил России при Академии Наук (до ее последнего преобразования).

На общий вопрос о влиянии Европы на Азию Комаров дает очень определенный ответ. "Еще первые классические исследователи сибирской флоры, от Гмелина до Максимовича, отмечали тот факт, что сибирская флора по почтовому тракту от Урала до Енисея — наша родная русская, и за Енисеем европейские формы так медленно сменяются коренными сибирскими, что путешественнику перемена в глаза не бросается. Только в долине р. Шилки становятся заметными коренные отличия, все возрастающие при дальнейшем движении на восток".

Сам Комаров, подобно Бушу, различает три района в Сибири, по направлению с запада на восток: 1) от Урала до Енисея — район, "на котором еще отражается влияние европейского климата", 2) средне-сибирский, вне влияния какого бы то ни

ления "внешнего" сходства, а не "существенного" тождества. Это исключает всякие поиски научного объяснения.

№ 11. Растительность Сибири
(по Комарову)

было моря, резко-континентальный и 3) восточный, находящийся под климатическим влиянием Тихого океана. Наименее заметна разница между западом и востоком, конечно, в самой северной зоне, в тундре. Но все же и здесь можно провести различие между тремя начальными районами. "Состав травянистой растительности арктической области", свидетельствует Ревердатто, "постоянно меняется с запада на восток, от Урала до Камчатки. Одни виды заменяются другими, нередко близкими и внешне часто сходными" (то есть это, по-видимому, подвиды, образовавшиеся из западных путем приспособления?). Далее к югу идут в Западной Сибири, по классификации Городкова, четыре подзоны лесной области: 1) узкая "елово-лиственнная" — между границами леса и сосны (см. карту); 2) самая широкая — "кедрово-болотистая" (см. обе волнистые линии на карте); 3) "урмано-болотистая" (в отличие от высокоствольного леса — соснового, елового, березового и кедрового. "Урманом" называется хвойный лес на болоте с густым подлеском) и 4) "лиственных лесов", "совсем узкая и нигде не доходящая на юге до 55° с.ш." (она включает, очевидно, отмеченную на карте штрихами лесостепь). Все эти подзоны лесной области доходят, однако, в таком виде только до водораздела Енисея. Что касается степной зоны, Ревердатто указывает, что она "идет сплошной полосой (южнее предыдущей) от Урала до Оби", но дальше уже представляет "острова среди лесов", — вследствие гористого рельефа местности. Количество осадков, превышающее в лесной области 400 миллиметров, в степной области постепенно падает до 200; годовая температура повышается от 0° до 3°; поднимаются соли из нижних слоев, образуя солонцы и солончаки, лес по мере движения на юго-восток постепенно исчезает, все растения меняются, перестают образовывать сплошной ковер. Появляются ковыль и кипец; начинаются и каштановые почвы. Городков определяет границы степи 56 и 53 параллелями, а "типичной" степи — 52-50 параллелями. Что касается пустынной области, она "представлена в Сибири очень слабо" (Ревердатто), выходя за пределы сибирской территории.

Бассейн Енисея составляет все еще переходную область к Средней Сибири. Но при переходе еще дальше на восток, в бассейн Лены, растительность, наконец, быстро меняется. Кедр и пихта исчезают. Сибирская лиственница начинает сменяться даурской и даже сосна, обильная по Лене в пределах Иркутской губернии, по мере приближения к Якутской становится редкой и почти исчезает. Мы знаем, что это — результат приближения к "полюсу холода". Растительность становится однообразной и скудной. В Забайкалье "переходная или лесостепная зона довольно типична и мало сдвинута на юг. Типичной же черноземной степи почти или даже вовсе нет, а вместо того лесостепь прямо переходит на юг в полупустыню, дающую, впрочем,

всевозможные переходы к луговой и лесной растительности"⁹ (Комаров)⁹.

Переходя через длинную линию Станового хребта (см. карту: двойная линия), мы сразу попадаем в совершенно новый мир климата, растительности и культуры, обуславливающий особое, совершенно самостоятельное месторазвитие. Становой хребет пересекает действие сухих пассатных ветров, создающих пояс пустынь кругом всего земного шара, и открывает вос-точный берег Азии, начиная с Китая и кончая Камчаткой, действию летнего влажного юго-западного муссона. Только это распределение рельефа спасает Китай от запустения и дает возможность развиваться там субтропической культуре. Отражения муссона придают даже северной части этой полосы своеобразный характер, при котором вовсе выклинивается умеренный пояс и влияние полярных стран непосредственно соприкасается с влиянием стран тропических. Грум-Гржимайло ярко изобразил результат этого необычного соприкосновения климатов юга и севера в южном Приморье, "где виноградная лоза обвивает ель, ореховое и пробковое дерево растут рядом с березой или сосной; соболь и тигр занимают одни и те же местности, зачастую сохатый и северный олень встречаются с пятнистым оленем, и белая полярная сова уступает место японскому ибису". Мы увидим ту же

⁹ Различие растительности тундр, лесов и степей Сибири с запада на восток указано на карте римскими цифрами. Главные города отмечены буквами. Значение римских цифр следующее:

- Тундры:** VIII. Западный район: граница ели сливается с границей растительности.
IX. Приленская тундра. На южной границе — даурская лиственница.
X. Чукотская тундра. На южной границе — тополь.
- Леса:** I. Западной сибирской низменности, сильно заболоченные: ель, кедр, лиственница, пихта, сосна, береза, осина.
II. Алтайского округа, тех же пород, свободны от заболочивания.
III. Якутской котловины. Даурская лиственница.
IV. Южной Сибири.
V. Даурии. Восточнее — дуб и орешник.
VI. Приамурской области, У: удский тип. А: амурский тип. Граница между ними указана черточками.
VII. Охотско-Камчатского края.
XVII. Южноуссурийские. Область граба.
- Степи:** XI. Западносибирские. Лесостепь, переходящая к югу в ковыльную степь. Чернозем и на юге каштановые почвы.
XII. Енисейские, с монгольскими растениями.
XIII. Байкальские. Черноземовидный суглинок; солонцеватые и каменистые грунты, переходящие в полупустыню.
- Высокогорные:** XIV. Область Алтая.
XV. Область Саянского хребта. Резко отличается от предыдущих.

встречу двух противоположных флор и фаун в отложениях ледниковой эпохи.

Тихоокеанская полоса Дальнего Востока лишь недавно вошла в соприкосновение с расширяющимся кругом русской культуры. Совсем другое приходится сказать о еще одном месторазвитии, сыгравшем более значительную роль в истории русской государственности. Речь идет об Арало-Каспийской низменности и о Туркестане. Государственная связь с Россией и тут устанавливается недавно; но степной элемент уже имел давнее влияние, степень силы которого в древней русской культуре служит предметом давнишнего спора; к нему нам еще придется вернуться. Именно в этом углу Азия настолько непосредственно вторгается в Европу, что географы и до сих пор не решились, где собственно следует проводить границу между той и другой.

Правда, еще в XVIII столетии Рычков подчеркивал условность этих изысканий и считал их "одним воображением". Но это не остановило последующих попыток, и мы имеем теперь уже целую историю решений вопроса о границах между Европой и Азией. Найти решение относительно северной части границы казалось нетрудно: здесь проходит линия Уральского хребта. Но и тут мы видим целый ряд разногласий. Началось с колебаний между Обью и Камой (Фишер). Постепенно было принято мнение Кенигсфельда: "сама природа отделила Европу от Азии цепью высоких гор". Однако орнитолог Сибом нашел, что восточная часть европейской России носит до такой степени сибирский характер, что можно назвать ее "Сибирь в Европе". Но мы видели, что происхождение флоры этого края — европейское и что скорее уже можно было бы назвать Западную Сибирь "Европой в Сибири". П.Н.Савицкий нашел, что Урал вообще не составляет климатической границы. Мы видели, однако, что ряд произрастаний не переходит Урал, останавливаясь то на восточной, то на западной его стороне.

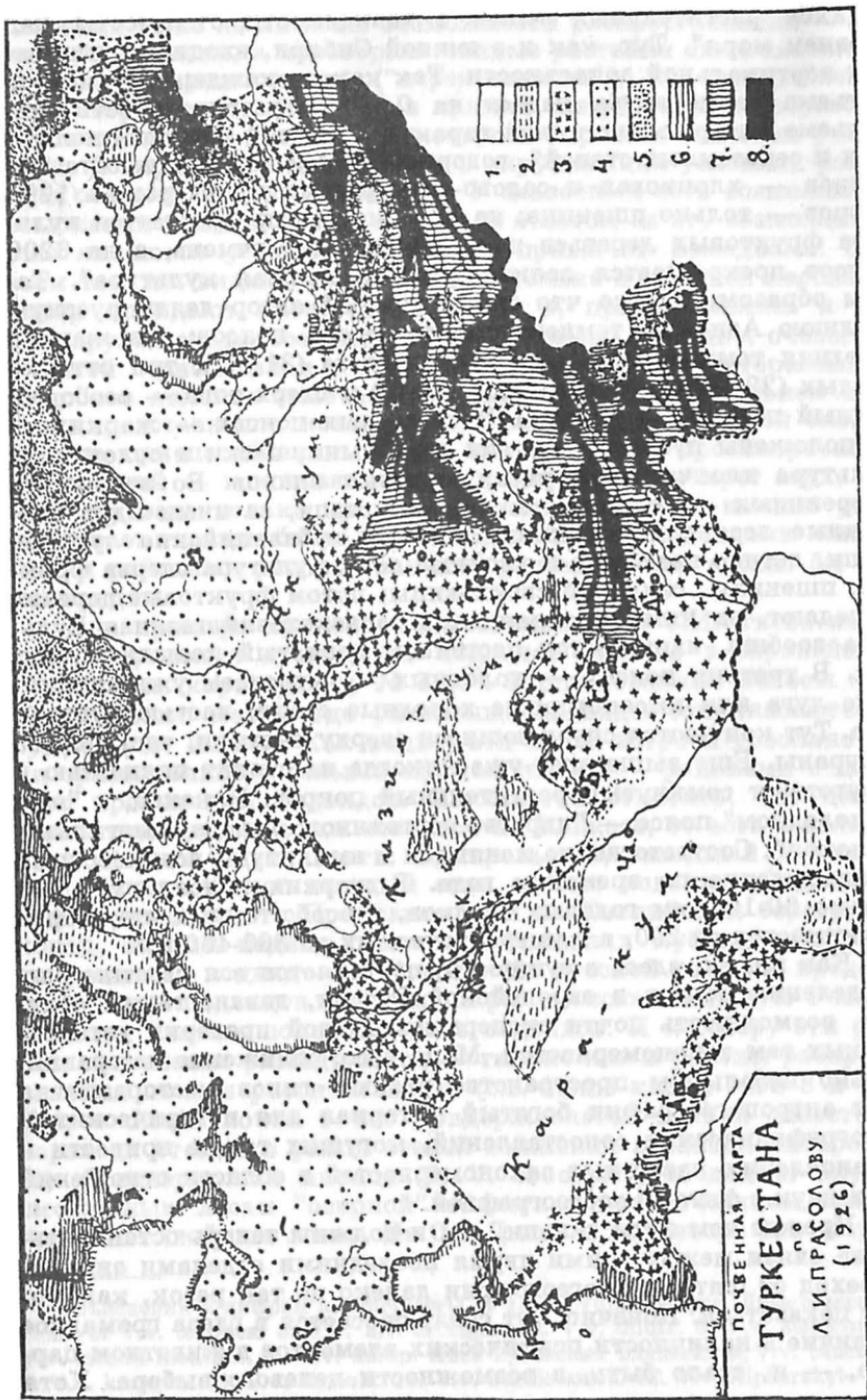
Решить, где граница между двумя континентами, конечно, гораздо труднее там, где южные отроги Урала уступают место степи и пустыне. Из-за ошибки Птолемея, вытянувшего Азовское море далеко к северу (как, впрочем, и тянулась доисторическая трансгрессия), географы, начиная с древности и кончая XVIII веком, принимали Дон за искомую границу. Страленберг первый провел границу по Общему Сырту, правому берегу Волги и Ергеням. На значение Ергеней указал в 1874 году А.И.Воейков, отметивший, что к западу от их склона простираются черноземные степи, орошаемые летними осадками и населенные оседлыми обитателями, тогда как на восток тянутся безводные прикаспийские пустыни, где кочуют номады. По мнению Воейкова, "даже Альпы едва ли служат столь резкой границей климата и растительности, какую представляет невысокая гряда Ергеней". Другие предлагали считать границей Закавказье, Кавказский хребет или долину Маныча. Условность

решения здесь особенно ясна: она подтверждается, как увидим, изменчивой ролью этих территорий в реальном, а не словесном споре между Европой и Азией (см. следующую главу). Как увидим дальше, и ворота между Уралом и Каспием, и Кавказ были в течение веков тем путем, который беспрепятственно проникали волны кочевников, находившие вплоть до степей Венгрии пастбища, продолжавшие их собственное месторазвитие. Если кто-нибудь мог говорить о Евразии, как о едином целом, то, конечно, это были исторические номады.

Прилагаемая карта, составленная по работе Л.И.Прасолова (№ 12), представляет распределение почв и рельеф Туркестана¹⁰. Распределение растительности было бы слишком дробно для данного размера карты, но мы знаем уже, что растительный покров близко следует почвенному. С ю.з. на с.в. тянутся на карте белые пятна пустынь, пересекаемые сероземами долин Сыр- и Аму-Дарьи ("кум"-ы). Они составляют часть мирового пояса пустынь, охватывающего весь земной шар в строгом соответствии с метеорологическими и почвенными данными¹¹. С юго-востока пустыни Туркестана окаймлены предгорьями и горными цепями Тянь-Шаня. С северо-запада они слабо ограничены голодной степью и полупустынями, переходящими в Киргизскую степь Казакстана. В этих пределах, по определению автора параллельного с Прасоловым очерка растительности Туркестана, Федченко, "весь Туркестан может быть разделен на две крупные зоны, из которых одна занимает около трех четвертей всей площади и представляет мало разнообразия в растительном покрове, другая же часть занимает не более одной четверти площади на ю.в. окраине и представляет ряд повторя-

¹⁰ Объяснение знаков, употребленных на почвенной карте Туркестана:

1. Пески бугристые, грядовые и барханные; растительность движущихся и частью успокоившихся песков; пески с белым саксаулом.
 2. Песчаные почвы типа бурых и сероземов. На них часто солянковая пустынная растительность.
 3. Сероземы и белоземы долин и предгорий, преимущественно на лессах. Часто солонцеватые и перемежающиеся с солончаками.
 4. Полынно-солянковая растительность на бурых и светлобурых почвах.
 5. Светлокаштановые почвы Казакстана; полынно-солянковая растительность пустынных, песчано-каменистых пространств.
 6. Преобладание солончаков среди бурых почв и сероземов.
 7. Черноземы, каштановые почвы горных степей. Злаково-кустарниковая и луговая растительность.
 8. Горные хребты, типчаковые высокогорные степи, метляково-полынная растительность, альпийская растительность, лесная область, хвойный лес.
- ¹¹ Это область субтропических максимумов барометрического давления между 30-25° с.ш. и 28-30° ю.ш. От Сахары этот пояс пустынь идет через песчаную Аравию и на в. Аравии — песчаную пустыню Неруд, Иранское плоскогорье от Каспийского моря до Индийского океана и на восток через Туркестан к пустыне Гоби. Америка также имеет свой соответствующий пояс пустынь — помимо пампасов и льяносов — в Атакаме, бразильском Мато Гроссо и в северной Америке у Соленого озера. Ср. картограммы №№ 2, 4 и 5.

№ 12. Почвенная карта Туркестана

ющихся растительных типов в зависимости от высоты над уровнем моря". Тут, как и в южной Сибири, входит в силу закон вертикальной зональности. Так как на каждые 100 метров подъема температура падает на $0,6^{\circ}$, то растительность при подъеме быстро меняет свой характер. "На той же почве полных и сероземных степей", говорит Р.И.Аболин, "на высоте 200 метров — хлопковая и садово-виноградная культура; на 1200 метров — только пшеница; на 2200 метров прекращается культура фруктовых деревьев и едва вызревает ячмень, а на 3200 метров прекращается всякая земледельческая культура". Таким образом, только что цитированный автор делит русскую среднюю Азию по температуре на восемь поясов: два жаркие (средняя температура трех месяцев лета ($31-32^{\circ}$), три оттенка теплых ($22-10^{\circ}$), два холодных ($10-0^{\circ}$) и сверх того — особо-холодный пояс (0 — минус 15°). В первых поясах — жарких — расположены пустынные степи и пустыни, пески и солончаки, культура хлопчатника, риса, зерновых злаков. Во вторых — умеренных — начинаются луговые степи, за ними идут смешанные леса и кустарники, наконец субальпийские луговые степи, летние пастбища и хвойные леса; культура сперва фруктов, пшеницы, сахарной свекловицы; потом фруктовые деревья выпадают, за ними прекращается сельскохозяйственная культура вообще, начинаются пастбища, перистый ковыль и типчак. В третьих поясах — холодных — встречаем уже альпийские луга или высокогорные холодные степи, частью пустынные. Тут кончаются спускающиеся сверху ледники, часты снега и бураны. Еще выше снег уже никогда не сходит полностью и отсутствует сомкнутый растительный покров. Наконец, в "особо-холодном" поясе — "царство постоянного холода и могильного покоя". Соответственно меняются и амплитуды осадков, и их распределение по временам года. В жарких поясах выпадает только 60-190 мм годовых осадков, в особо-теплых эта цифра поднимается до 290, а в умеренно-теплых до 360-460 мм.

Как видим, здесь в сущности, повторяется вся картина распределения поясов в европейской России, давая, таким образом, возможность почти экспериментальной проверки установленных там закономерностей. Мало того, сближение на сравнительно небольшом пространстве разных типов месторазвития дает антропогеографии богатый материал для исторических и этнографических сопоставлений, могущих также привести к установлению известных закономерностей в области отношений этих наук с фито- и зоогеографией.

Прежде чем идти дальше, мы и должны теперь остановиться на связи между этими двумя последними отделами знания. Переход от фито- к зоогеографии далеко не так резок, как может показаться. Конечно, тут сразу бросается в глаза громадное различие в наличности психических элементов в животном царстве, — и, стало быть, в возможности целевого выбора. Хотя

растения тоже не лишены возможности распространения — путем обсеменения, а некоторые степные растения даже снабжены органами передвижения ("перекати-поле"), но передвижения эти совершаются медленно, в прямой зависимости от образования подходящей почвы, — в котором, впрочем, они сами участвуют. В случае крутых перемен в окружающих условиях растению остается только погибнуть. У животных есть возможность отыскания пищи в новых местах, и ответом на эту возможность уже являются у некоторых видов привычки номадизма. При всем том мы видим, что животные только в крайней необходимости покидают насиженные места и, приспособляясь к той или другой среде, создают особые подвиды, стоящие, очевидно, в самой тесной связи с особенностями данного месторазвития. Подобное явление замечается, конечно, и в растительном царстве, представители которого отличаются удивительной способностью приспособления. Какое из этих двух противоречивых стремлений — к кочеванию или к оседлости — берет верх, может показать только прямое наблюдение. И оно именно устанавливает гораздо более тесную связь между подвидами животных и районами распространения растений, чем можно бы было ожидать.

Для примера привожу заимствованную у С.И.Огнева карту распространения двенадцати подвидов лисицы в европейской России (см. картограмму № 13)¹². Заприхованные полосы карты означают места, где различные подвиды соприкасаются и существуют вместе. Как видно, эти пояса встречи довольно узки сравнительно с белыми промежутками — районами отдельного пребывания подвидов. Любопытно отметить, что целых шесть подвидов лисицы теснятся на Кавказе, то есть в области вертикальной зональности. Центральный, западный и восточный Кавказ имеют каждый свои особые подвиды. Отдельные виды существуют в Предкавказье и на Каспийском берегу; наконец, особый подвид отмечен в "плавнях Кубани". Отметим еще седьмой подвид — в Крыму. На русской равнине пределы расселения подвидов лисицы шире: на всю остальную Россию остается меньше половины всех подвидов. И к северу эти районы постепенно расширяются — так же как и районы распространения почв и растительности (см. выше карты №№ 8 и 10). *Vulpes diluta* почти точно придерживается южной лесостепи, переходя отсюда в район степей волжских и западносибирских (4). Среднерусская лисица (*V. v. crucigera*) соединяет вкус к смешанным лесам "озерной" области с предпочтением южной половине хвойных лесов. На Сев.Двине и на Печоре она уступа-

¹² Объяснения к цифрам картограммы № 13. 1. *Vulpes vulpes*. Лиса северно-го типа. 2. *V.v. tobolica*. 3. *V.v. aff. crucigera*. 4. *V.v. diluta*. 5. *V.v. stepensis*. 6. *V.v. crimea montana*. 7. *V.v. subsp.* Лиса кубанских плавней. 8. *V.v. caucasica*. 9. *V.v. karagan*. 10. *V.v. alticola*. 11. *V.v. kurdistanica*. 12. *V.v. Alpherakyl*.

№ 13. Распространение лисицы

ет место лисе северного типа, а за Уралом — особому подвиду "тобольской" лисы (2), далеко распространившемуся на восток и находящему своих родичей даже на Сахалине. С этим законом растущего к северу однообразия среды, флоры и фауны мы еще встретимся далее.

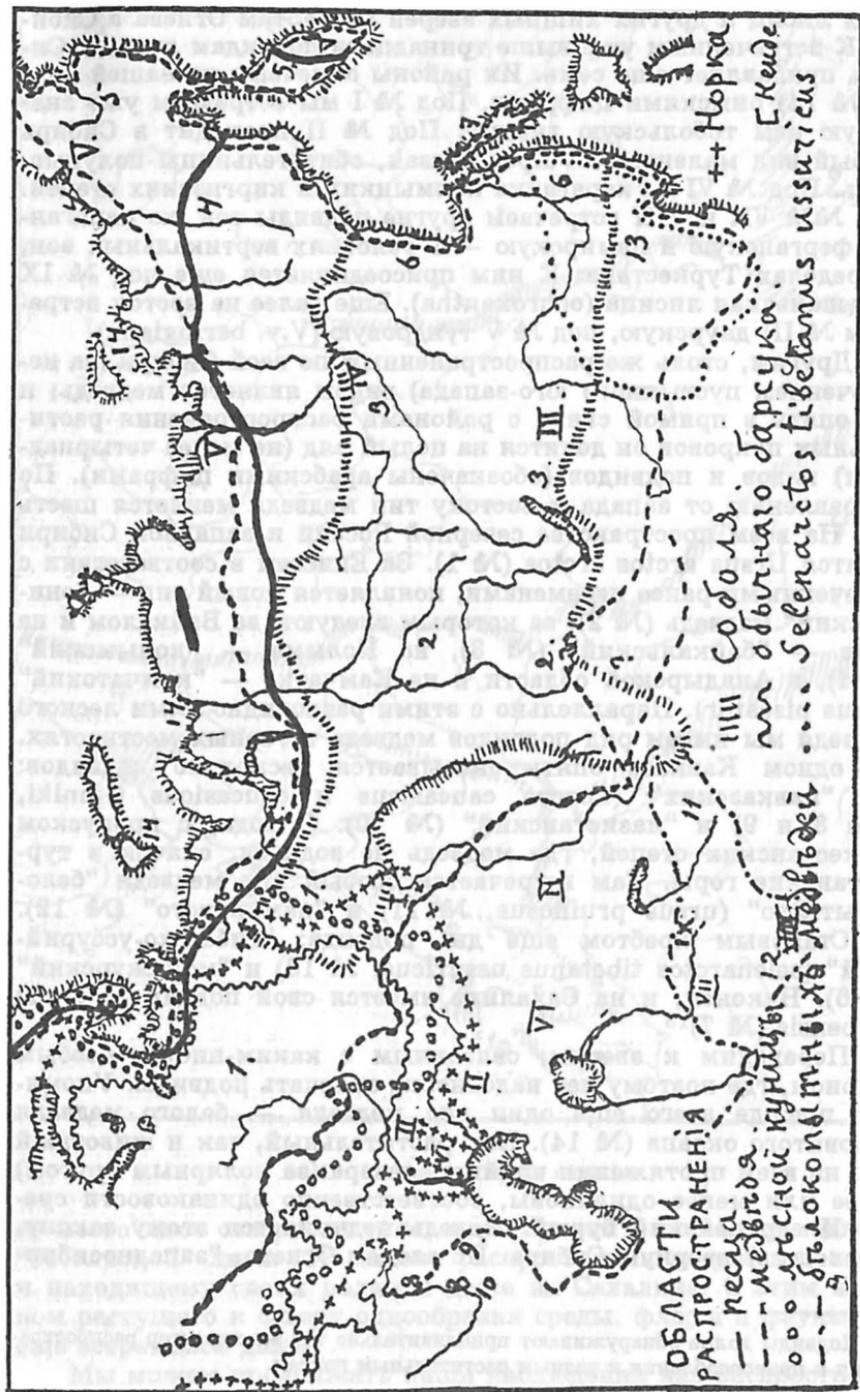
Мы можем продолжать наши наблюдения над распростране-

нием лисиц и других хищных зверей по картам Огнева в Сибири. К встреченным уже выше тринадцати подвидам лисицы Сибирь прибавляет еще семь. Их районы отмечены на нашей карте (№ 14) римскими цифрами. Под № I мы встречаем уже знакомую нам тобольскую лисицу. Под № II проходит в Сибирь особый вид маленькой *Vulpes Corsak*, обитательницы полупыстных. Под № VI — караганка калмыцких и киргизских степей. Под №№ VII и VIII встречаем другие подвиды той же караганки, ферганскую и памирскую — в условиях вертикальных зон, в пределах Туркестана. К ним присоединяется еще под № IX тьяншаньская лисица (*ochroantha*). Еще далее на восток встречаем № III даурскую, под № V тундровую (*V.v. beringiana*).

Другим, столь же распространенным по всей Сибири (за исключением пустынного юго-запада) видом является медведь; и тут опять в прямой связи с районами распространения растительных покровов он делится на целый ряд (не менее четырнадцати) видов и подвидов (обозначены арабскими цифрами). По направлению от запада к востоку тип медведя меняется шесть раз. На всем пространстве северной России и западной Сибири водится *Ursus arctos arctos* (№ 1). За Енисеем в соответствии с отмеченными ранее переменами, появляется новый тип — "енисейский" медведь (№ 2), за которым следуют: за Байкалом и на Лене — "байкальский" (№ 3), на Колыме — "колымский" (№ 4), в Анадырской области и на Камчатке — "камчатский" (*ursus piscator*). Параллельно с этими разновидностями лесного медведя мы имеем ряд подвидов медведя в горных местностях. На одном Кавказе опять оказывается несколько подвидов: два "кавказских" (просто *caucasicus* и *caucasicus Ginniki*, №№ 8 и 9) и "лазистанский" (№ 10). Отсюда, с пропуском туркестанских степей, где медведь не водится, скачок в туркестанские горы. Там встречается особый вид медведя "белокопытного" (*ursus pruinosus*, № 11) и "памирского" (№ 12). За Становым хребтом еще два подвида: "тибетско-уссурийский" (*selenarctos tibetanus ussuricus*, № 13) и "манчжурский" (№ 6). Наконец, и на Сахалине имеется свой подвид — *ursus jessoensis* (№ 7)¹³.

Переходим к зверям, связанным с каким-нибудь особым районом, где поэтому нет надобности отмечать подвиды. Упомянем прежде всего еще один вид медведя — белого медведя Ледовитого океана (№ 14). Как растительный, так и животный мир на всем протяжении крайнего севера (за полярным кругом) более или менее одинаковы, соответственно одинаковости среды. И европейский бурый медведь подчиняется этому закону, переходя в северную Сибирь. По словам Огнева, "западносибир-

¹³ Подвиды волка обнаруживают приблизительно тот же характер распространения и приспособления к разным растительным поясам.

№ 14. Зоогеография Сибири

ский более мелкий медведь неотличим существенно от европейского". То же замечание распространяется и на обитателя полярной тундры песца. мех якутских и енисейских песцов пушистее и белоснежнее меха архангельского песца. Но тот же натуралист дает всем им такое определение. "По размерам и строению черепов песцы огромного пространства арктических окраин России очень однотипны, череп архангельского неотличим сколько-нибудь заметными признаками от водящегося в области мыса Дежнева". Эта черта северной монотонности и разнообразия кавказских подвидов суть доказательства одной и той же истины: тесной связи фито- и зоогеографии.

Ту же истину иллюстрирует, наконец, и распространение зверей, более чувствительных к переменам климата и растительности на широких равнинах. Остановимся на тех из них, для которых Урал и Обь составляют границу распространения — одних на запад, других на восток. Сокращает свой район пребывания на севере и на юге соболь. Когда-то он водился и на западе от Урала, но теперь преследования охотников, а может быть, и нечувствительная перемена климата загнали его за Урал. Однако же, ни тобольских болот и чернолесья, ни верхожанского холода, ни забайкальских степей он не переносит. Следующие виды уже решительно не желают распространяться на восток дальше Урала и Оби. С Урала, где останавливается соболь, начинается распространение на запад лесной куницы. На месте встречи оба эти родственные вида скрещиваются и дают помеси ("кидасы"). На северной и южной границах своего распространения в европейской России куница останавливается на границе леса, заходя на юг в лесные оазисы степи. Но на севере она избегает тундровых участков. Норка смелее куницы. Она доходит до берегов Черного и Каспийского морей, огибает отсюда Урал до Иртыша и возвращается в полярные пределы, пересекая все растительные зоны. Но сибирских амплитуд и она не выносит. Осторожнее двух предыдущих пород оказывается барсук, который избегает и южного Заволжья и Урала, и бассейна Печоры (см. все эти границы на карте). Я не могу здесь приводить составленного А.Я.Тугариновым длинного списка птиц и млекопитающих, для которых границей служит Енисей — для одних восточной границей, для других — западной. Н.И.Кузнецов прибавляет к этому и бабочек. Например, вид *Parnassius pomion* Fide.W., хорошо известная от Алтая до Китая и Аляски, совершенно отсутствует на запад от Енисея. Ряд других видов *Lepidoptera*, общих Восточной Сибири с Америкой, тоже граничит с другими видами на Енисее (*Eresia discoidalis*, *Eresia edda*, *Eresia Rossi*). Кузнецов объясняет этот перерыв наличием олигоценового западно-сибирского моря, простиравшегося на юг до Аральского озера и отделявшего в эту геологическую эпоху Азию от Европы.

Мы переходим теперь к самой сложной части нашего изложения: к вопросу о связи человека с географической средой. Трудность заключается в том, что человек в несравненно большей степени, чем другие царства органической природы, может освободиться от влияния среды и в свою очередь оказывать влияние на среду. Кроме того, его увеличенная способность передвижения и способность приспособления к разной пище и к разным климатам, открывают для него возможность более широкого *выбора* месторазвития. И чем далее развивается культура, тем независимость от среды и влияние на среду становятся значительнее. Однако влияние климата, почвы и биогеографии сказывается в истории развития человеческих обществ прежде всего в том, что самое развитие культуры становится возможным лишь в более благоприятных условиях месторазвития. И именно в этих более благоприятных местах природа легче всего поддается обратному воздействию человека. Таким образом, в высококультурных странах западной Европы и восточной Северной Америки мы присутствуем при таких давних и коренных преобразованиях природного ландшафта культурной деятельностью человека, что старые черты его совершенно стираются и становятся неузнаваемыми. Отсюда, вероятно, и склонность многих исследователей этих стран — игнорировать первоначальное действие ландшафта на человека. Германец в большей степени, чем представитель латинской культуры, а русский — в большей степени, чем германец, могут по непосредственным впечатлениям легче представить себе, чем был первоначальный ландшафт их страны и его действие на человека: в средней и особенно восточной Европе гораздо полнее сохранились первобытные черты ландшафта. Чем дальше на Запад, тем в большей степени развитие городской жизни, промышленности и торговли, путей и способов сообщения, широкая организация промышленно-экономической деятельности повлияли не только на состав животного мира и растительности, но и на состав почв и на самый рельеф местности. Мало того, современные колонизаторские народы перенесли свою видоизменяющую деятельность и на отдаленные области менее благоприятных месторазвитий, заставив и их служить мировым целям и подорвав тем обилие природных богатств, кормивших местное население. Этим были глубоко изменены условия местной жизни — совершенно независимо от внутреннего процесса.

И однако, несмотря на все это, на земном шаре осталось еще достаточно местностей, не настолько тронутых новейшей культурой, чтобы совершенно затушевать факт сильнейшего первоначального влияния месторазвития на человека, — именно на ранних ступенях исторической жизни.

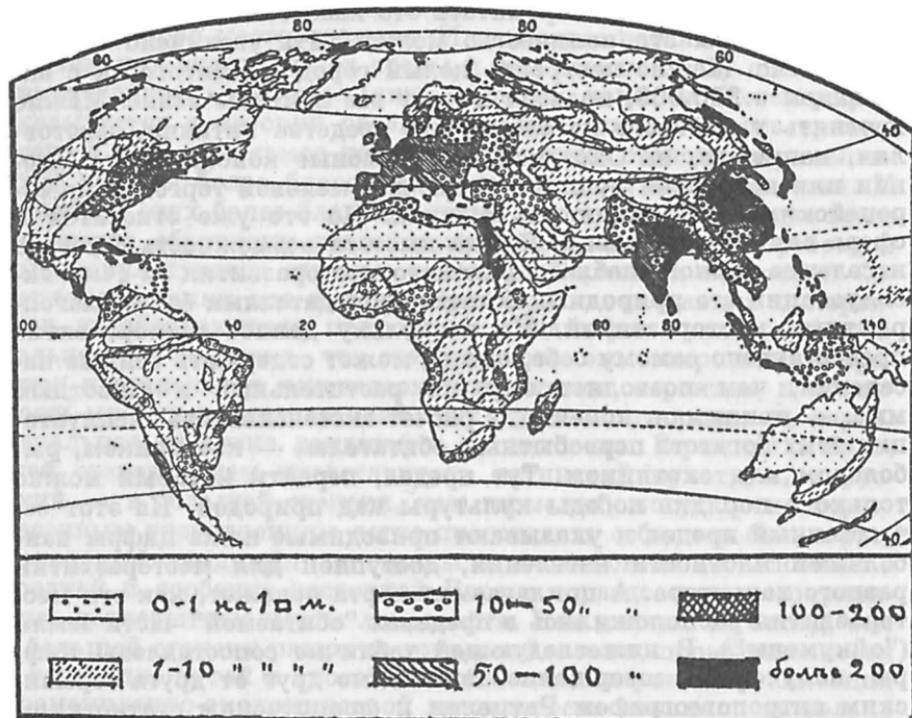
Остановимся прежде всего на основном факте, который сразу покажет, что самое расселение человека на земле и, в связи с этим, возможность развития высших форм культуры находят-

ся в полнейшей зависимости от условий месторазвития. Речь идет о таком основном условии, как экономическая *емкость* того или другого месторазвития, выражаемая в цифре густоты его населения. Что эти цифры не случайны, доказывает уже их устойчивость во времени и невозможность изменить их существенно подъемом культуры. Степень густоты, какой население может достигнуть в той или другой местности, зависит от количества пищи, могущей пропитать это население. В порядке колонизационном это количество может быть увеличено — или уменьшено. Можно построить новый город Магнитогорск с населением в 250.000, подвозя к нему все припасы извне. Можно и отнять у местного населения его средства питания, заготавливая, например, на Охотском море рыбные консервы для Японии или истребляя пушного зверя для меховой торговли на европейских и американских рынках. Но это уже относится к сфере влияния человека. Всегда имеется возможность сгустить население данного неблагоприятного месторазвития *за счет* эксплуатации его природных богатств обладателями более благоприятных месторазвитий. Но поскольку данное месторазвитие предоставлено самому себе, оно не может содержать больше населения, чем позволяет ему его растительный и животный мир, — принимая, конечно, в расчет экстенсивность эксплуатации этих богатств первобытным обитателем — кочевником, рыболовом или охотником. Тут предел, перейти который можно только в порядке победы культуры над природой. На этот естественный предел и указывают приводимые ниже цифры наибольшей плотности населения, доступной для месторазвитий разного характера. А прилагаемая карта покажет, как эти месторазвития расположились в пределах "обитаемой" части земли ("ойкумены"). В нижеследующей табличке сопоставлены цифры, полученные совершенно независимо друг от друга германским антропогеографом Ратцелем и французским статистиком Левассером.

	<i>Ратцель</i>	<i>Левассер</i>
Тундра и лесотундра (охотничий быт) на 1 кв. км	0.002—0.005	0.01—0.03
Степь (пастушеский быт) на 1 кв. км	0.7—1.8	0.5—1
Лесостепь и лес (земледельческий быт) на 1 кв. км	36—73	до 40
Лесостепь и лес (промышленный быт) на 1 кв. км	91—109	160
Город (индустриальный и торговый быт) на 1 кв. км	выше 280	нет предела

На карте № 15 видно, что наиболее густое население распределяется между юго-востоком Азии, население которого составляет около половины всего земного шара — около 900 миллионов из 1866, — Египтом, Западной Европой и восточной Сев. Аме-

рикой (больше четверти населения земного шара). Таким образом, на все остальные части земного шара приходится менее четверти. Эта неравномерность вполне соответствует распределению удобного и неудобного климата. В частности на арктический пояс, тайгу и пояс пустынь приходится всего не более 0 - 1 жителя на кв. километр (на карте ошибка: м вместо км).

№ 15. Распространение густоты населения.

Чтобы избрать более прямой путь для изучения влияния месторазвития на первобытную культуру, нужно оставить в стороне территории, благоприятствовавшие росту культуры, и сосредоточить внимание на тех из них, где условия жизни были — и продолжают быть — настолько неблагоприятны, что достижение высших ступеней культуры становится невозможным. Именно в этих местностях мы найдем остатки населения, до сих пор наглядно свидетельствующие о том, как жили доисторические предки современных высоких культур. При этом, конечно, нужно допустить одну из двух предпосылок. Или было время, когда и на месте теперешних развитых культур условия жизни были близки к теперешним неблагоприятным месторазвитиям, — или мы должны предположить, что происходила

когда-то борьба за места более благоприятные, что в этой борьбе первоначальные жители были побеждены и что, по крайней мере, некоторые из них предпочли порабощению — переселение на менее благоприятные места. Первая предпосылка предполагает, в свою очередь, что первоначальное население оставалось все время на месте и что изменившиеся условия месторазвития дали ему возможность пережить на том же месте эволюцию от низших степеней к высшим. Вторая предпосылка, напротив, связана с предположением, что первоначальное население было сменено другим — населением более высокой культуры, то есть, что развитие культуры в данном месторазвитии совершалось толчками, прошло через одну или несколько катастроф. Мы увидим дальше, что ни одной из этих предпосылок нельзя ни принимать целиком, ни отвергать в пользу другой предпосылки. Здесь указаны лишь различные возможности, выбор между которыми до сих пор составляет предмет борьбы в науке. Я не ошибусь, назвав эту борьбу спором социологов с географами — или точнее, географов с социологами, ибо именно географы были тут нападающей стороной.

В самом деле, использование отсталых месторазвитий и примитивных культур для изучения первоначальных стадий развития высоких культур началось посредством социологического метода сравнения сходств — и вывода из этого сравнения известных закономерностей. На этих аналогиях, почерпнутых, главным образом, из описаний путешественников, ездивших в малоизвестные страны, вырос так называемый *сравнительный метод*, оплодотворивший социологические изыскания в области ранних стадий и их преэмственности в эволюции человека и общества. Таким образом нашла себе подтверждение мысль о существовании основных тенденций развития общественности — всюду сходных, поскольку не мешают этому меняющиеся условия среды. Но в последнее время эта точка зрения социологов подверглась сильной критике со стороны антропогеографов, переносивших центр внимания с человеческого общества на природу. Было обращено внимание на важность изучения не только сходного, но и различного, да и на самое сходное был установлен совершенно иной взгляд, возвращавший от абстрактного обобщения к изучению конкретных фактов. Искатели сходных черт, говорил Ратцель, допускают их происхождение — как старая биология — путем "произвольного зарождения", "*generatio equivoca*", сразу в нескольких местах. Напротив, антропогеография должна искать за сходными чертами — общее происхождение и прямую или косвенную генетическую связь. "Тот, кто верит в эту возможность (самостоятельного происхождения сходных черт), тот лишает себя возможности тщательного наблюдения над подробностями" (Ратцель).

По этому пути пошла берлинско-венская школа "новой этнологии" или "исторической этнологии" во главе с Гребнером,

Копперсом, Шмидтом и др. Индивидуализируя исследование, они ввели понятие соборных "культурных кругов" (Kulturkreise), из которых каждый представляет собой внутреннее "единство" и связан с определенной этнической группой. Таким образом протягивалась нить от доисторической археологии к истории и от истории к этнографии. Я уже упоминал имя Менгина, который на этом методе основал свой смелый синтез. Избегая крайностей школы, постараемся использовать его положительную сторону.

Сходное для Менгина происходит не от одинаковых причин, а от общего источника. Сходные формы связаны "генетически" — общим происхождением, а не одинаковыми условиями происхождения. Такая точка зрения дает возможность искать прямых связей между первобытными формами и живыми примитивными культурами. Менгин и выделяет — сперва три основных "культурных круга", характеризуемых "ударными", "клиновыми" и "костяными" изделиями, а затем устанавливает и связь их (после ряда смещений и превращений) с современными антропологическими, лингвистическими и этнографическими группами. Попытка Менгина чрезвычайно смела, и сам он на каждом шагу указывает на недостаточность данных и гипотетичность выводов. Само тройное деление, положенное в основу, кажется чрезвычайно искусственным. Но этот метод ставит вопросы, намечает решения и тем самым открывает новые пути исследования. В частности, как раз та область, которая ближе нас касается — область "костяной культуры" севера и Сибири, оказывается наименее сложной и спорной. Оставляя пока в стороне генезис культур, я остановлюсь лишь на народностях, сохранивших в неблагоприятных для эволюции месторазвитиях остатки доисторических культур, теснейшим образом связанных с подобными же условиями жизни. Обыкновенно, такие остатки сохраняются в так наз. территориях отступления (Zufluchts — или Rücktritts-gebiete, как называют их Ратцель и Пассарге; migrations de refoulement, характеризует их Brunhes). Отступление связано с переходом в худшие условия, и этим можно объяснить не только отсталость, но и понижение уровня уже достигнутого — вплоть до вымирания целых народов. В таком положении оказались пигмеи, загнанные более счастливыми соперниками на южные края континентов Америки, Африки и Азии или спасшиеся временно на уединенные острова, откуда идти некуда. Когда-то они занимали обширные территории на этих окраинах, но в более или менее недавнее время должны были отступить в горы и в непроходимые леса. Хотя их древняя культура подверглась изменениям под влиянием более развитых соседей, но сквозь эти поверхностные изменения можно легко восстановить культуру охотников и рыболовов каменного века, с их орудиями, жилищами, несложной одеждой, скудными украшениями, примитивным социальным

строем и слабыми зародышами религиозных верований. Вышеназванные исследователи ново-этнологической школы считают возможным установить непосредственную связь между этими пигмеями-негроидами и их доисторическими предками, сыгравшими заметную роль в западной Европе в один из периодов каменного века. Менгин с оговорками разделяет это мнение. Сюда относятся негритосы Филиппинских и Андаманских островов, полуострова Малакки, веддасы Цейлона, африканские негриллы и бушмены — мастера рисовать на скалах изображения, напоминающие доисторические рисунки в испанских и южнофранцузских пещерах. Другие группы доисторических культур представлены вымершими два поколения назад тасманийцами, некоторыми австралийскими племенами и жителями Огненной земли.

Для нас представляет особый интерес одна такая группа: именно примитивные народности Сибири, объединяемые обыкновенно названием "палеазиатов": чукчи, коряки, камчадалы, юкагиры, гиляки и, наконец, эскимосы, непосредственно связывающие эту группу с первобытным населением Америки, почему Йохельсон, специально исследовавший эту группу, и дал ей другое название — "американоидов". Когда-то и эта группа, оттесненная теперь к северо-восточной окраине Сибири, имела гораздо более широкое распространение на Запад. За исключением енисейцев, ошибочно называемых "остяками" и составляющих особую группу с чертами примитивного народа, остальные народности Сибири являются сравнительно позднейшими пришельцами. Так, якуты жили прежде у Байкальского озера, где проф. Петри нашел их доисторические следы. Это тюркское племя было отодвинуто на север монгольскими племенами, бурятами, занявшими их места в Прибайкалье. Оно поселилось сперва на среднем Енисее, а потом — уже после занятия течения реки Лены русскими и постройки Якутской крепости в 1632 г. — продвинулось частью на Яну, Индигирку и Колыму, сломив сопротивление юкагиров и оттеснив палеазиатов к востоку. Тунгусы, расселившиеся теперь почти по всему пространству Восточной Сибири, начинают упоминаться в китайских летописях со второго столетия по Р.Х. По мнению Патканова, они были оттиснуты на северные места из Манчжурии в седьмом столетии по Р.Х. Но продвижение тунгусов на север к тундре, на запад к Енисею и на восток к р.Анадырю и к Камчатке продолжалось и в гораздо более позднее время, встречая сопротивление чукчей, юкагиров и коряков. Уже в 1850 году чукчи с разрешения русского правительства двинулись на запад, на широкие оленьи пастбища северной тундры. Но на р.Индигирке они столкнулись с юкагирами, тунгусами и якутами и были отброшены на юг, толкнув коряков, которые в свою очередь продвинулись южнее, к верхнему течению р.Камчатки. Здесь коряки, однако, уже встретились с кочевыми тунгусами,

которые появились на Камчатке в 1850 году с Амура, вступили сперва в борьбу с коряками, а затем смешались с ними и сменили кочевую жизнь с оленями на рыболовство на берегу Охотского моря (см. размещение всех этих народностей на карте № 11).

Как видим, борьба за места в том районе "отступления", который представлен Восточной Сибирью, не прекращалась почти до последнего времени. Но эта борьба шла в пределах одного и того же месторазвития, и ее исход с особенной яркостью подчеркивает влияние среды на человека. Ибо, хотя новые пришельцы и вносили некоторые новые черты в быт своих предшественников (наиболее важным является в этом отношении переход туземцев, под влиянием пришедших с юга скотоводов, от чистого кочевания к более или менее правильному оленеводству), то, с другой стороны, эти пришельцы сами зачастую принимали местный облик и черты быта, свойственные жизни кочевников в тайге и тундре. Установив, таким образом, в общих чертах динамику восточно-сибирского населения, мы и ограничимся в наших дальнейших наблюдениях Восточной Сибирью, где число инородцев доходит (в Якутске) до 87,5% и поднимается на Камчатском полуострове до 94-99%. Отметим прежде всего более выгодное географическое положение примитивных обитателей сибирской тундры и лесотундры сравнительно с упомянутыми выше группами, загнанными на крайний юг материков Америки, Африки, Азии и островов Полинезии. Там перед "отступившими" племенами расстилалось открытое море, и идти дальше было некуда, так что в случае преследования оставалось только одичание и вымирание. Здесь, напротив, уже сама тундра, как мы знаем, приближена более к полюсу и между ним и тундрой тянется цепь островов, куда и заходят для охоты и ловли рыбы кочевники тундры. Затем, мы видели их непосредственную географическую связь с югом, откуда приходили не только завоеватели, но и отголоски более высокой культуры. Наконец, на дальнем северо-востоке цепь островов вела в северную Америку, куда и перебрались в доисторические времена эскимосы. В пользу гипотезы вырождения говорит, как будто, малочисленность восточносибирских кочевников — и особенно палеазиатов. Если буряты составляют 220.000 и якуты 225.000, то уже тунгусы спускаются до 62.000, а чукчи насчитывают только 7.700, коряки 7.200, камчадалы 4.207, юагиры — всего около 1.300, гиляки — 4.076, азиатские эскимосы — 1.291. И все же, нельзя, основываясь только на этих цифрах, говорить о их вымирании. Конечно, появление русских промышленников-эксплуататоров внесло в среду этих народностей элементы разложения. Но надо вспомнить, что на занимаемых ими местах сама природа кладет предел увеличению населения. На 100 километров приходится здесь не более 2-5 человек. И немудрено, что иные путешественники, проезжая многие

сотни верст, не встречали ни одного живого человека. Но эта цифра вполне совпадает с предельной густотой данного месторазвития: таков закон охотничьего быта. Остается решить, перешли ли древние племена к этому быту уже после того, как переселились сюда, или они уже были звероловами и рыболовами в прежних местах своего жительства. Теоретически этого вопроса решить нельзя; фактически же он решается, как увидим, в духе новой этнологии: тут есть прямая связь с прошлым. Вот почему по быту палеазиатов мы безошибочно можем судить о быте доисторического населения, которого они являются не приемниками только, а непосредственными продолжателями. Особенный интерес в этом отношении, как увидим далее, представляют для нас эскимосы. Но не одни они. Теперь констатировано их близкое родство с другими палеазиатами, а затем, некоторые племена других групп частью слились с этими, частью приняли их старинные обычаи. Таким образом, можно говорить об известном единообразии быта всего звероловческого и рыболовческого населения Восточной Сибири. Серьезное изменение наступает здесь лишь тогда, когда под русским влиянием разрушается самый этот быт, заменяясь полуседлым. Но даже и эти перемены характерны, потому что такую же эволюцию быта мы можем предполагать и в населении доисторических времен.

Иохельсон, тщательно исследовавший эти изменения быта, делит древнее население изучаемой территории по форме быта на четыре категории, которые, в сущности, соответствуют четырем этапам эволюции. Он различает племена "бродячие", "кочующие", "полукочевников" и оседлых. "Бродят" на лыжах и на санях, запряженных собаками или оленями, те, кто, не имея постоянного пристанища, занимаются исключительно охотой. К ним относятся юкагиры и некоторые племена тунгусов. Районы их кочеваний не определены точно, из-за чего происходят столкновения, например, между юкагирами верхней Колымы и тунгусами, разводящими оленей, которые убивают белок на их территории, или между теми же юкагирами и чукчами, которые отгоняют диких оленей от их прирученных стад. Вторая категория, "кочевые" племена — это те, которые передвигаются с места на место вслед за прирученными стадами оленей. Сюда относятся коряки и чукчи, которые переходят на новое место, когда их олени съедают весь мох с данного пастбища, не считаясь притом с временами года, как это делают кочевники степей. Третья категория, "полукочевые" племена меняют места дважды в год, сохраняя в обоих местах жительства постоянные жилища. Сюда относятся якуты и буряты. К "полукочевым" Иохельсон причисляет также племена рыболовов — приморских коряков, камчадалов, приречных остяков. Все они зимой живут оседло, но на лето, во время рыбного сезона, возвращаются в хижины, построенные на берегах морей и рек. Нако-

нец, четвертая категория, "оседлые" племена живут в земледельческой полосе сибирского месторазвития и занимаются земледелием, торговлей и промышленностью. Они больше других потеряли из примитивных черт быта, и на них мы останавливаться не станем.

Характеристику примитивного быта палеазиатов и других близких к ним племен мы сосредоточим на тех чертах быта, которые понадобятся нам впоследствии для выяснения связанных с ним явлений доисторической культуры. Остановимся прежде всего на эволюции жилища, для чего и в современных примитивных и в доисторических культурах имеются особенно подробные данные.

Два типа жилища восходят к доисторическому времени: тип палатки и тип землянки. Поскольку население обходится без постоянных жилищ (то есть даже не "кочует", а "бродит"), ему приходится довольствоваться типом палатки. Охотники и рыболовы севера Сибири втыкают для ночлега в снег несколько жердей в наклонном положении от ветра (немецкий термин: Windschirme) и покрывают их двумя-тремя оленьими шкурами, а то и просто ветвями или древесной корой, снимая при уходе только шкуры. Зимой внешняя сторона такого привала защищается стенкой из снега. На открытой стороне заслона от ветра разводится на ночь костер. Уже шагом вперед является простейшая форма более постоянного жилища, перешедшая от рыболовов, охотников и собирателей плодов и корней к кочевым и полукочевым племенам: конусообразная палатка из связанных наверху в один пучок жердей в 6-8 метров длины. Нижним концом жерди втыкаются кольцеобразно в землю и покрываются мягкими дублеными шкурами, причем вверху оставляется отверстие для выхода дыма и для входа дневного света и воздуха. Над очагом подвешивается котелок с округлым днищем. Кругом стенок — сиденья из ветвей, покрытых шкурами. Дверью служит оставленное пустым пространство между двумя жердями, прикрытое куском шкуры. Построить такую палатку, приготовить для нее материалы, свернуть ее, погрузить на сани или на лодку при передвижении — дело женщин. Так живут колымские юкагиры, северные тунгусы, остяки, самоеды и лапландцы. Тунгусы на Амуре, разводящие оленей сойоты и карагазы заменяют в южной Сибири шкуры прокипяченными и сшитыми вместе полосками березовой коры. Такова же была древняя форма летнего жилья якутов и северных бурят. Но тут мы уже встречаем дифференциацию жилища на летнее и зимнее. Для зимы полукочевыми-полуоседлыми жителями употребляются землянки — подземные жилища, вырытые на несколько метров вглубь, со сведенной над ямой конусообразной или пирамидальной крышей, по образцу палатки. При этом промежутки между жердями заполняются ветвями зелени и ледяным покровом; оставляется лишь отверстие вверху, служащее и две-

рю, и выходом для дыма. Впрочем, у типичной древнеазиатской землянки имеется и боковой вход — в виде полуподземного хода, спускающегося ступенями к полу землянки. Над полом по стенам внутреннего помещения поднимаются сиденья, служащие и постелью. Посередине оставляется возвышение для очага. Иногда тут же роется и яма для хранения запасов или для отбросов. В долгие зимние месяцы, лишенные света, такое логовище освещается или сырой лучиной или — у эскимосов — особыми лампами, в которых горит рыбий жир. Лампы эти имеют вид плоских камней с углублением в середине. Землянки восточной Сибири настолько похожи на эскимосские, что уже Шренк отметил взаимную связь между ними. Четырехугольные формы жилища являются уже позднейшими, внесенными или южными кочевниками, или русскими колонистами.

Отметим еще расположение жилищ, свидетельствующее о некоторых формах примитивного социального общения. У эскимосов в центре деревни строится помещение более значительных размеров. В этом общем доме происходят сборища для обсуждения интересующих всю общину вопросов; здесь же устраиваются танцы и праздники; наконец, это помещение служит раз в неделю и баней: в центральной яме разводится огонь, температура раскаляется до невыносимости и лежащие на лавках по стенам обитатели, вымывшись мочой, выбрасываются из такой бани в снег или в ледяную воду.

Глиняные сосуды редки у населения, сохранившего старые обычаи. Они заменяются плетеными корзинами разнообразных форм, которые при помощи разных приспособлений становятся водонепроницаемыми. Такие сосуды легче брать с собой во время передвижений. Охотничьи и рыболовные орудия, луки и стрелы, копья и гарпуны выделываются из дерева, камня, кости и оленьих рогов; металлы до последнего времени оставались неизвестны. Из того же материала приготавливаются и домашние орудия: скребки для очистки кожи, иглы, ножи, топоры и т.п. Эскимосы (также и родственные им чукчи и коряки) отличаются особенным художественным вкусом и покрывают эти изделия рисунками, близко напоминающими доисторические (см. следующую главу).

Религиозные представления этих народностей очень смутны и мало задевают миссионерской проповедью. Наиболее отчетливы их взгляды на посмертную жизнь умерших, выражающиеся в обрядах погребения. Эскимосы одевают покойника в его лучший костюм и кладут в могилу оружие и другие инструменты с мужчиной, украшения и хозяйственную утварь — с женщиной. Сохранились и обряды сожжения и подвешивания трупа к деревьям (чукчи).

От культуры месторазвития тундры, лесотундры и восточносибирской тайги мы переходим теперь к культуре месторазвития степи и пустыни. Мы видели, что пустыня вторгается в

пределы русской территории сравнительно небольшими кусками, составляя лишь ничтожную часть огромных пустынных пространств, пересекающих наискось материк Азии в районе пассатных ветров и составляющих часть пустынного пояса, охватывающего весь земной шар. Без соседства со степью пустыня была бы вовсе необитаема, — по той же причине, как и части тундры: вследствие крайней скудости растительного покрова и животного царства, могущих пропитать человека. Обща этим двум крайностям и необходимость для человека, чтобы найти достаточное количество пищи, находиться в состоянии постоянного передвижения, меняя зимние и летние кочевья, и перебегать, в поисках пищи, огромные пространства. Причины такого сходства различны: отсутствие тепла на севере, отсутствие влаги на юге, при крайнем континентальном климате там и здесь. Но дальше начинаются существенные различия, делающие степь и пустыню несравненно более сложным месторазвитием, чем тундра и лесотундра.

Типичный обитатель крайнего севера — зверолов или рыболов. Обитатель пустыни и степи — скотовод или коневод. Первые виды занятий далеко не дают такого обеспечения жизни, как вторые. Запасов пищи, накапливаемых на зиму звероловами и рыболовами, почти регулярно не хватает до весны, и голодная смерть в их среде есть столь обыкновенное явление, что к ней относятся со стоическим равнодушием. Отсюда и укорененные в этой среде обычаи убивать стариков и лишних детей. Напротив, пастухи степей в самой наличности стада всегда найдут достаточные средства пропитания. Другое, весьма важное различие состоит в том, что невольное, так сказать автоматическое кочевание вслед за оленями здесь заменяется более планомерным передвижением. На крайнем севере средства передвижения ограничены. Зимой можно передвигаться в пределах леса только по рекам или тропам, проделанным животными. Напротив, степи предоставляют для передвижения необозримые пространства, тянут вдаль, как и море. Эта легкость общения отзывается и на разнице социального строя. Нельзя себе представить возможность сколько-нибудь широкой организации в тундре и тайге. Последние следы когда-то существовавших (созданных *ad hoc*?) военных организаций замирают на наших глазах, как только ослабевает необходимость обороны. Объединение десятка-полтора десятка семейств, кочующих и охотящихся на огромных пространствах и далеко разбросанных друг от друга, там есть обычная форма обществ (вообще, как мы видели, очень малочисленных). Временные встречи для общих совещаний, по-видимому, составляют древнейшую форму учреждений такого общества. Напротив, степь дает возможность организовать обширные союзы, построенные на начале строгой дисциплины — с военным разделением на десятки, сотни, тысячи — и с соответственной иерархией власти. Эта организация преследу-

ет уже не цели обороны, а цели нападения. Наиболее элементарный и вечный мотив передвижений — перенаселение — то есть недостаток пищи на данном пространстве при увеличении количества населения. Если на севере борются против перенаселения самым острым из превентивных средств — убийством лишних ртов, то жители пустыни и степи разрешают этот вопрос — или набегами на соседнее оседлое население или же, в более раннее время, когда такого еще не имеется, — поисками новых мест, более благоприятных для существования. Библия нам показывает классический пример того, как выселяется на новые места часть населения, ставшая излишней.

"И был Авраам очень богат скотом, и серебром, и золотом. И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, ... где прежде был шатер его... И у Лота, который ходил с Авраамом, также был мелкий и крупный скот и шатры. И непоместительны были земли для них, чтобы жить вместе. И был спор между пастухами скота Авраамова и скота Лотова... И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, ... ибо мы родственники. Не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево... И двинулся Лот к востоку. И отделились они друг от друга... И двинул Авраам шатер и пошел и поселился у дубравы Мамре".

Последствия переселений степных кочевников разнообразны и чрезвычайно важны; недаром их считали иногда двигателями истории. Но к этим последствиям мы будем иметь случай вернуться. Теперь же остановимся на антропогеографической роли степей и пустынь в пределах России. Как ни сложна эта роль сравнительно с ролью тундры, но все же и тут, как в других неблагоприятных для человека месторазвитиях, мы можем найти известное постоянство, дающее возможность искать среди живого населения следов первобытных, давно исчезнувших культур, не перекрытых — или слабо перекрытых — позднейшими историческими наслоениями.

Наиболее значительным степным и пустынным месторазвитием в пределах России является Туркестан, занимающий пространство в пять раз больше Франции: точнее говоря, часть Туркестана, составляющая арало-каспийскую низменность (древний "Хорезм"). Ряд степей, показанных белыми местами на карте № 12, — Ак-Кум, Кизил-Кум, Кара-Кум ("Белые", "Красные", "Черные пески") представляют остатки обширного средиземного моря, от которого сохранились Аральское море и о.Балхаш. Высыхание этого древнего озера продолжается и теперь, а начало высыхания относится к временам доисторическим. Войска Александра Великого на своем пути к Сыр-Дарье через Самарканд (Мараканду) тщательно обошли эти пустыни, где кочевали массагеты. Они продвигались по предгорьям горной части Туркестана, то есть по краю Иранского плоскогорья.

Водные пространства тогда были, очевидно, гораздо шире, но в общем физиономия местности была та же, что теперь. Только Аму-Дарья, четырёхжды менявшая свое течение в исторический период, впадала тогда в Каспийское море. Приняло свой теперешний вид и население — после того как тюркские племена степи завладели альпийскими горными пастбищами, подчинив себе старое арийское (иранское) население. Когда произошло это нашествие "Турана" на "Иран", мы в точности не знаем. К доисторическим связям арийцев с Тураном мы вернемся в следующей главе. Но занятие теперешнего Туркестана тюрками — относится, по-видимому, к историческому времени: не позже начала второго столетия до Р.Х., когда "Хионг-Ну" китайских летописей двинулись на запад от только что построенной против их вторжений китайской "Великой Стены". Эфемерная держава Мете (209-179 гг. до Р.Х.) уже включала в свой состав восточных и западных тюрков. Первые — от хребта Танну Ола и Желтой реки до Тянь-Шаня и бассейна р.Тарима (уйгуры) остаются вне нашей территории. Но Хакасы (киргизы) уже сидели тогда по Енисею, а Карлуки и Тукиу — в Алтае, на юг до Тарбогатая. Вторые — западные тюрки состояли из племен Узунь (на юг от Балхаша), Канглы (на запад до Аму-Дарьи), Юэчи (далее на юго-запад до Каспийского моря). Узунь и Канглы, после взаимной борьбы, были покорены "Хунну" (преемниками "Хионг-Ну", быть может, тождественные с ними) частью смешались друг с другом и отступили от хуннов к северу (это — будущие кайсаки). Что во время всего этого расселения тюрки занимали не пустые места, а уже заселенные ранее иранцами ("арийцами"), видно из того, что Узунь и Хакасы считались у китайцев того времени белокурыми и голубоглазыми, а киргизы в верхнем течении Енисея еще в третьем столетии по Р.Х. назывались "белокурыми" (киенкун). После того, конечно, многое изменилось. Иранцы имели свой период торжества иранской культуры при династии Саманидов (10-е столетие по Р.Х.). Но затем, с 10-го по 13-е столетие шли новые нашествия тюрков с востока, и иранская культура и народность были окончательно разрушены.

Вся эта длинная история объясняет, почему и в настоящее время население Туркестана является смешанным. Это и служит поводом для деления тюркских племен на два отдела: "иранских" и "туранских" тюрков. Конечно, степень смешения различна, смотря по месту жительства: она убывает по направлению от юга и запада к северу, северо-востоку и востоку. Таджики считаются полными иранцами-аборигенами. Сарты, смешавшиеся с туранскими завоевателями, сохраняют преобладающие черты иранцев. У туркмен иранский тип также преобладает — но преимущественно в горных местах. В долине они сохраняют более чистый тюркский тип и привычки военно-кочевogo быта. Еще недавно они жили грабежом своих южных соседей

и персов и торговали взятыми в плен рабами. Гораздо более чистый тюркский тип представляют Кара-Калпаки ("Черные Клобуки"), населяющие пустынную часть на юг от Аральского моря. И еще целнее сохранился старый тюркский тип у Кайсаков (неточно называемых Киргиз-Кайсаками), разделившихся уже с XIII столетия на три "орды" и кочующих на обширном пространстве Арало-Каспийского бассейна в его северной части и Оренбургских степей. В их среде племя Кипчак (в составе средней орды) лучше всего сохранило старый тип, нравы и язык. Кочевники по преимуществу, они легко передвигались с места на место со своими кибитками — и в своих странствиях подверглись некоторому смешению с западными монголами, — тем более, что, следуя обычаю экзогамии, они ищут жен у чужого племени. Очень хорошо они сохранили и свою племенную и клановую организацию. Один современный кайсацкий деятель так описал свое положение в среде своего народа: тюркской нации, кайсацкой национальности, средней орды, кипчакского племени, тору-айбгырского клана, шашлы-подклана, Божай-колена, Джанай-подколена. У каждого подклана есть своя "тамга", которой он метит свое стадо и свою могилу. Каждый клан имеет свой "уран" (боевой клич — часто имя вождя или богатыря), с которым клан вступает в бой. У кайсаков сохраняется и различие между аристократией "белой кости", происходящей якобы от Чингис-Хана (N.B.: монгола) и "черной костью" остального народа. Народ "узбеков", составляющий правящий класс в Бухаре, Хиве и Коканде, считает себя также потомками Чингиса: он, вероятно, выделился из состава кайсаков в четырнадцатом и пятнадцатом столетии.

Все эти этнографические данные показывают, что, несмотря на гораздо большую сложность событий в степи и в пустыне, нежели в тайге и тундре, все же, и это месторазвитие благоприятствует сохранению примитивного быта и древних обычаев и образа жизни. Кочевник с трудом переходит к оседлой жизни и земледелию — и охотно возвращается к более привычному кочевому быту. Он предпочитает оставаться соседом оседлого населения лесостепи, производить на него набеги и брать пленных, — или же, при создании более прочных (сравнительно) объединений военного типа, — брать с покоренного населения регулярную дань. Так жили до последнего времени албанцы, курды и т.д. Все эти пережитки далекого прошлого понадобятся нам при восстановлении начатков культуры. Отметим тут же еще одну черту, которая ясно проглядывает сквозь наслоения времени и свидетельствует о тесной зависимости быта от месторазвития. Почти всегда, когда этнографы упоминают о переходе кочевников к земледелию, оказывается, что эти указания относятся не к долине, а к горным местностям. И именно в этих горных местностях, как уже сказано, преобладает в составе этнографической смеси иранская примесь. Не будет особенно сме-

лым заключение, что в этих случаях мы имеем дело с сохранившимся, оседлым и земледельческим иранским ("арийским") населением, ассимилировавшим себе часть своих завоевателей, а вовсе не с переходом целого племени кочевников к оседлому земледельческому быту.

Из приведенных данных необходимо сделать и еще одно заключение. Кочевники лесотундры и кочевники лесостепи и пустыни, конечно, составляют два совершенно различных мира и по характеру быта и по этнографической принадлежности. С одной стороны, мы встречаем угрофинские и палеоазиатские народности, с другой иранско-тюркские с начинающейся примесью монголов. Но эти два мира вовсе не отгорожены друг от друга непроходимой стеной. В западной своей части Сибирь соприкасается с Туркестаном степями и пустынями Каспийско-аральской низменности: здесь — общение непосредственное — в лице киргизских орд. Но и далее на восток — Тянь-Шань, Алтай и Саянский хребет не представляют такого препятствия для общения, как Гималаи. Все большие реки Сибири берут начало на южных склонах этих горных цепей. Черный Иртыш ведет отсюда в долину Оби. Верховья Енисея восходят к долине Урянхя — местожительству скотоводов, рыболовов и охотников тюрко-татаро-монгольского происхождения. А Селенга и Орхон ведут из Монголии в Забайкалье. Немудрено, что уже с древних времен мы встречаем в южной Сибири население "туранских" тюрков, перенесших в здешние степи свои кочевые обычаи.

Так, потесненные к северу якуты, упорно державшиеся коневодства даже за полярным кругом, превратились на берегах Колымы из коневодов-наездников в пастухов оленьих стад (и даже рыболовов и охотников). Также и тунгусы поделились при своем продвижении на север на две группы: на притоках Амура (Зее и Буреи) они продолжают быть "степными" и "лошадными", а на север от Станового хребта стали "лесными" и "оленьими".

Именно в этой области древнего общения юга с севером мы найдем и остатки глубокой старины в виде громадного некрополя курганов, тянущихся от Иртыша до Орхона, и в виде "писаниц" на скалах Енисея и Орхона, открывших нам доступ к неведомой доселе части истории тюрков, наконец, в древних разработках алтайских руд, сделавших эти местности самостоятельным центром культуры уже в начале металлического века. Но обо всем этом будет речь впереди. Здесь мы лишь отмечаем зависимость бывшего и будущего исторического развития от условий месторазвития.

Нам остается упомянуть о роли в развитии культуры третьего месторазвития — между тундрой и степью — месторазвития леса. Но тут мы наталкиваемся на совершенно особую сферу взаимоотношений между природой и человеком. Сложность этих отношений достигает здесь высшей степени, и древнейшие

тесные связи затираются до неузнаваемости позднейшим историческим процессом. Вначале лесное месторазвитие кажется — да и на деле является — гораздо менее благоприятным для человеческой культуры, чем степь и тундра. В особенности это верно по отношению к сырому северному хвойному лесу. Кроме звериных троп, ведомых только охотникам — каждому своя, — сколько-нибудь глубокое проникновение в северный лес возможно только по течению рек. Но летом мошара загоняет даже лося по уши в болото, а зимой надо иметь особенную цель, чтобы пуститься в отдаленное странствие по речному льду. Земледелие возможно только на выжженных специально лядинах, и полученная зола удобряет землю только на короткое время. По условиям климата возможна лишь культура более грубых зерновых растений, как рожь и овес. Все это делает скопление населения в лесу более трудным, чем даже в лесотундре, не говоря уже о степи. И априори можно сказать, что лесная культура будет наиболее поздней. Но зато у ней будет наиболее возможность дальнейшего развития.

Смешанные лиственные леса лесостепи, конечно, под эту характеристику на подходят. Мы увидим, что, соответственно своему двойному названию, именно это месторазвитие окажется переходным от зачатков культуры к ее позднему развитию, от преимуществ кочевого общения к преимуществам оседлого. Но в этой стадии влияние месторазвития уже значительно слабее сравнительно с влиянием внутренних законов человеческого общежития, в виду чего история лесостепных и лесных культур и не относится к данной главе. С переходом к ним закон неподвижности заменяется законом эволюции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классическим трудом и основным руководством по антропогеографии является двухтомная работа Фридриха Ратцеля, *Antropogeographie, Erster Teil. Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte* (1882), и *Zweiter Teil. Die geographische Verbreitung des Menschen* (1891). В четвертом издании (перепечатка третьего) оба тома вышли в 1921 и 1922 гг. в "Bibliothek geographischer Handbücher" (Stuttgart), с подробной библиографией статей, критикованных или развивавших идеи антропогеографии, и с обстоятельным указателем. Французская точка зрения, более критическая, чем конструктивная — и очень колеблющаяся, резюмирована Lucien Febvre (не натуралистом, а историком) в серии "L'évolution de L'Humanité, dirigée par André Herr", под заглавием *La terre et l'évolution humaine, introduction géographique à l'histoire* (Paris, 1922), с подробной библиографией преимущественно французской литературы. Ценная русская сводная работа принадлежит профессору А.А.Круберу *Общее землеведение*, особенно часть II, *Климатология, воды, суши, ледники, пустыни и работа ветра*, и часть III, *Био- и Антропогеография* (М., Госиздат, 1922-23). А.Супан, *Grundzüge der physischen Erdkunde*. О направлении ветров и распределении осадков в России, см.: Г.Н.Высоцкий, *О гидро-климатическом значении лесов в России* ("Лесной Журнал" за 1911 г. и отд. оттиск), с приложением двух карт. К.Д.Глинка, *Почвы России и прилегающих стран* (М., Петр.Госизд-

дат, 1923), его же, *Почва, ее свойства и законы распространения*, 3-е изд. исправленное (Лен., 1925). С.С.Неуструев, *Опыт классификации почвообразовательных процессов в связи с генезисом почв*, "Изв. Геогр. Инстит.", вып. 6-й (Лен., 1926). Проф. Г.И.Танфильев, *География России, Украины и т.д.*, особенно часть II, вып. 1 и 3 — основная сводная работа, его же, *Очерк географии и истории главнейших культурных растений Украины* (Госизд., Одесское отд. Секция точного знания, 1923). Подбор практических данных, чисто описательный, библиография; его же, статья *О зональности чернозема*, "Вісти Одеського с. х. Інституту", вып. III (февраль, 1923). Говорится, между прочим, о роли леса в создании чернозема; его же, *Доисторические степи*, с интересной картой, в журнале "Землеведение", т. II, кн. II (1896). Танфильев утверждает: "граница между лесами и степью — не климатическая". П.Н.Савицкий, *Географические особенности России*, ч. 1-я. *Растительность и почвы*. Евраз. книгоиздат. (Прага, 1927). Автор придает какое-то мистическое значение широтной зональности географических областей России, подчеркивая преимущественное значение смены поясов с юга на север и почти игнорируя более характерную для континентального климата России смену с юго-запада на северо-восток, на которой построено мое изложение. Исходной точкой для П.Н.Савицкого послужила работа проф. А.А.Каминского, *Климатические области восточной Европы в связи с распространением лесов*. Изд. в "Трудах по лесному опытному делу в России", Лесной отдел Гос. Инст. Оп. Агрономии, вып. LXIV (Лен., 1924). П.Н.Савицкий кладет в основу своей очень детальной разработки фактор относительной влажности (процент влаги в воздухе), тогда как, если ограничиться одним синтезирующим признаком климатических различий, предпочтительнее взять признак возрастающих амплитуд температуры, использованный мною. На этом базисе возводятся односторонняя и произвольная конструкция, не имеющая научного значения и предназначенная служить политическим целям автора. Для характеристики юго-западно-северо-восточных изменений растительности я воспользовался картой, приложенной к "Ботанико-географическому очерку России" Н.А.Буша (отдел I тома V-го "Естеств. произв. сил России", Петр., 1923). Продолжение той же карты, составленной по одинаковой системе, на Сибирь можно найти в издании "Флора Сибири и Дальнего Востока", издаваемая ботаническим музеем при Академии Наук СССР, вып. 4-й (Лен., 1926). Но она кажется мне слишком схематичной. Более детально характеристику можно найти у Прасолова, *Почвенные области Европейской России*, с картой (Петербург, 1922). Что "растительные почвенные зоны не идут строго в широтном направлении, но уклоняются от него, простираясь с юго-запада на северо-восток", отмечает и В.Алехин, *Типы русских степей*, "Изв. Бот. Сада Петра Великого". Для зональности Сибири см. В.Л.Комаров, *Краткий очерк растительности Сибири*, в "Мат. для из. произв. сил России и т.д." № 45 (Петроград, 1922), с картой. П.Н.Крылов также признает необходимость "перекрыть классификацию зон с севера на юг — классификацией с запада на восток". См. его, *Очерк растительности Сибири* (Томск, 1919). То же и Ревердатто в статье о "растительности", помещенной в сборнике "Природа Сибири" (Новосибирск, 1928) "Состав травянистой растительности арктической области в целом постепенно меняется с запада на восток", и в других местах. Почвенная карта Туркестана и южной части Казакстана (Киргизского края) приложена при книге Л.И.Прасолова, *Почвы Туркестана*. Комиссия по изучению и т.д. (1926). Параллельную к ней карту растительности, см. в *Очерках растительности Туркестана*, Б.А.Федченко (Лен., 1925). См. также Р.И.Аболин, *Основы естественно-исторического районирования советской средней Азии*, в "Трудах сред. аз. Гос. Университета", вып. 2 (Ташкент, 1929). Относительно зоогеографии России см. обстоятельную работу С.И.Огнева, *Звери Восточной Европы и северной Азии*. Мною использован т. II-й. См. также доклады А.Я.Тугаринова, *Зоогеографические участки Приенисейской Сибири*, и Н.И.Кузнецова, *О бабочках*, в "Докладах Академии Наук", (1925, октябрь). Считаю долгом прибавить, что

почти всеми советскими изданиями, упомянутыми выше, я имел возможность пользоваться в библиотеке П.Н.Савицкого (Прага), которому и приношу мою искреннюю благодарность.

Переходя к антропогеографии, прежде всего необходимо назвать обширную и чрезвычайно поучительную работу Oswald Menghin, плод многолетнего изучения, *Weltgeschichte der Steinzeit* (Wien, A.A. Schroll, 1931). Это — первый опыт синтеза всех вспомогательных наук, могущих осветить историю человека, начиная с времени его предполагаемого появления на земле и почти доходя до исторического времени. Менгин приводит также исчерпывающие списки литературы. Основные идеи книги указаны в тексте. Темы настоящей главы ближе касается седьмая глава сочинения, которую сам Менгин считает наиболее важной, *Die Ergebnisse der ethnographisch-linguistischen Kulturforschung in ihren Beziehungen zur Paläarchäologie*. Новейшей сводной работой по этнографии, с обращением особенного внимания на этнографию первобытных народов и на доисторическое время, является вышедшая в изданиях Ларусса книга д-ра R.Vergneau, *L'Homme, races et coutumes* (Paris, 1931). Подбор этнографических данных для социологических целей сделан Letourneau в сводной работе, *La sociologie d'après l'ethnographie* (Paris, 1892) и в отдельных сочинениях *L'évolution de la morale, du mariage et de la famille, de la propriété; L'évolution politique, juridique, religieuse, littéraire*. См. также популяризацию Юлия Липперга, *История культуры* (СПб., 1902) Из ряда других работ, относящихся к нашей теме о связи культур с месторазвитием, отмечу особенно небольшую книгу автора обширных *Die Grundlagen der Landschaftskunde*, Dr. Siegfried Passarge, *Landschaft und Kulturentwicklung in unseren Klimabreiten* (Hamburg, 1922); определенная тенденция, параллельная шпенглеровской, не мешает Пассарге сделать ряд интересных наблюдений и сопоставлений, возбуждающих научную мысль. Для распределения населения между различными месторазвитиями, см. Ф.Ратцель. *Anthropogeographie*, ч. II, L'evasseur, *La population française*, том III и N.Krebs, *Die Verbreitung des Menschen auf der Erdoberfläche* в серии "Aus Natur und Geisteswelt" (здесь дана карта А. Воейкова). Для характеристики нерусского населения Азии (Сибири, Туркестана, Азиатских степей) и Кавказа, см. прекрасную сводную работу В.Йохельсона, *Peoples of Asiatic Russia*, by Waldemar Johelson, the American Museum of Natural History (New-York, 1928), с приложением этнографических и антропологических картограмм. Ценные сведения об этнографии населения Туркестана и восточной Сибири во второй половине XIX века можно найти в "Nouvelle Géographie Universelle" Elisée Reclus, VI, *L'Asie Russe* (Paris, 1882). Посвященный России пятый том "Géographie Universelle", редактируемой Видаль Лаблашем, составлен знатоком предмета проф. Камена д-Альмейда, и основан на новейшей литературе, в том числе и советской (вышел в 1932 году). Но он не заменяет Реклю в тех частях, на которые сделана ссылка. Классификация тюркских племен и их расселение в исторический период, вместе с очень подробной библиографией см. в работе г-жи М.А.Сзарлыкка, *The Turks of Central Asia* (Oxford, Clarendon Press, 1918). Продолжение библиографии в связи с вопросами доисторической культуры см. в конце следующей главы.

II

НАЧАЛО КУЛЬТУРЫ

За пределами исторического периода. — Перемены в месторазвитиях, животном мире и человеке. — Усложнение и ускорение темпа культуры. — Третичный период. — Изменение очертаний моря и суши. — Смены климата. — Появление человека. — Деления четвертичного периода. — Классификация и хронология археологических эпох. — Причины изменений климата. — Конфигурация суши. — Распределение ледников "ледникового периода". — Связь России с серединой Европы. — Линии отступления ледника и их отражение в ландшафте. — Территории, не покрытые ледником: древнейшее местожительство человека в Европе. — Неандертальская раса; ее распространение. — Перерыв и новые расы мюллита, Шанселада и Кромазон; рост их интеллекта, кость и орнамент. — Полоса лессовых отложений как территория расселения. — Смещение зон на пространстве России. — Волжская провинция, понтийские степи, Сибирь. — Пути Ориньяка в Россию. — Сближение фауны степи и тундры. — Археологические находки в лессовой полосе от Франции до Якутии. — Статуэтки, ритуал погребения, орудия, жилища. — Продолжение линии: Днепр, Дон, Ока, Кама. — Продвижение населения на северо-восток, в Сибирь. — Гелетическая связь с палеазиатскими и эскимосами ("лофоцефалы" Серджи). — Люди Ориньяка — предки палеазиатов. — Движение с Запада на Восток, из Европы в Азию, из Азии в Америку. — Расселение "лофоцефалов" по Серджи. — Остатки "лофоцефалов" в Европе. — Таяние северного ледника и заселение севера. — Климаты и культуры послеледниковой эпохи (таблица). — Изменения рельефа Скандинавии: Иольдия, Анцилус и Литорина. — Перемены русского климата по данным торфяников. — Шигир и Кунда. — Заселение с Востока. — Иллюстрации охотничьего и рыболовческого быта эпохи мюллита.

Мы познакомились с гео-, фито-, зоо- и отчасти антропогеографией русского месторазвития в Европе и в Азии — в том виде, как все эти факторы сложились к началу исторического периода. Но весь этот период представляет один быстролетный миг сравнительно с теми безмерно-длительными геологическими эпохами, которые послужили ему основой. Нам нет надобности, конечно, излагать по этому поводу всю историю нашей планеты. Но мы не найдем нужных нам объяснений, если останемся в пределах того краткого отрезка времени, течение которого удерживалось в памяти народов. Не только все формы растительного и животного мира, тесно связанные с жизнью человека, сложились за этими пределами, но и сам человек прожил на земле во много десятков раз дольше того времени, когда научился посредством письмен удерживать в памяти свое прошлое. Вот почему экскурс за пределы исторического периода

совершенно необходим для того, чтобы восполнить этот громадный пробел. Иначе историю культуры пришлось бы начинать с середины.

Но лишь только мы выходим за пределы исторического периода, как все нами наблюдаемое выше приходит в движение. Точнее говоря, перемены, незаметные на коротком пространстве исторического периода, слагаются в крупные итоги на протяжении необозримых доисторических времен и существенно меняют все условия месторазвитий, нам известных. Меняется климат: соответственно ему меняется растительность и животный мир. Выплывают из еще более отдаленных эпох дикие формы животного мира, давно исчезнувшие. Виды теперь прирученные заменяются своими дикими предшественниками, эволюцию которых иногда можно проследить (например, лошади) в ряде предшествующих геологических эпох. Среди этих меняющихся условий жизни меняется и человек, удаляясь постепенно от своих звероподобных предков и приближаясь к современному положению господина природы, умеющего целесообразно направлять коллективную волю. Общее направление движущегося потока перемен закономерно ведет от простого к сложному, от общего к индивидуальному. Устанавливаются времена года, определяются климатические зоны, вырисовываются географические "провинции"; к ним приспособляются виды, дробясь на подвиды. Вместе с тем, по мере приближения к современности, хронологические грани эпох становятся все более и более короткими: жизнь спешит вперед, совершенствуясь в формах; темп развития ускоряется с поразительной быстротой.

Но пора подставить под эту общую характеристику принятые наукой имена и названия. Два последних геологических периода, ближе нас касающихся, носят названия "третичного" и "четвертичного". Хронологические пределы первого определяются — конечно, гипотетически и спорно — громадным промежутком времени, от 50 миллионов лет до 800.000 лет. Второй период — четвертичный — кончается нашим временем. Оба вместе, в отличие от более ранних эпох, характеризуемых как "древнеживотная" (палеозойская) и "среднеживотная" (мезозойская) эпохи, составляют "ново" или "недавно" "животную" (кено-, кайно- или ценозойскую — смотря по произношению греческих букв) эпоху. В течение третичной эпохи исчезают старые, непривычные нашему глазу формы животного мира и появляются более или менее близкие к современным — тем в большем количестве, чем ближе к "четвертичной" эпохе. В этом отношении уже Лайелль разделил третичную эпоху на три отдела: эоцен (ранне-новая), миоцен (меньше-новая) и плиоцен (полно-новая) эпоха (1832). Бейрих (1854) вставил после эоцена четвертый период "олигоцена" (мало-новая), а Хернес разделил все четыре периода на две половины: "палеоген" (древний по происхождению) и "неоген" (новый по происхождению). Невозможно,

конечно, отмечать здесь все происшедшие на протяжении этих делений перемены. В общем можно лишь отметить для нашей цели, что суша северного полушария постепенно выигрывает за счет моря, вырисовываются теперешние очертания континентов. Но Средиземное море все еще соединяет Атлантический океан с Индийским, покрывая значительную часть южной Европы: в северной Европе также тянется узкая морская полоса. Остаются свободными значительные части Испании и Франции и длинный клин между германской равниной, покрытой морем и горными возвышенностями южной Германии, Карпатами, Крымом и Кавказом. Отметим теперь же конфигурацию этого свободного пространства, так как тут, очевидно, должна была развиваться и однородная древнейшая жизнь Европы. Обратим внимание также и на то, что северо-германское море, расширяясь на пространстве северной России, поворачивало по обе стороны Урала на север, совершенно отделяя Скандинавию и северную Россию от средней Азии и Восточной Сибири. Отметим далее, что во вторую половину третичного периода — в период верхнего миоцена и плиоцена — Средиземное море сократилось в размере и установилась сухопутная связь Африки, с одной стороны, с Испанией и Францией, а с другой, с передней Азией. Таким образом, африканские формы растительного и животного мира могли обменяться местами с формами Европы и южной Азии. Нужно, наконец, принять во внимание, что климат в третичную эпоху был в Европе тропический. В эпоху миоцена в центральной Европе росли пальмы, магнолии, мирты и другие вечно-зеленые деревья, жили носороги и обезьяны. Но уже в плиоцене последовало некоторое охлаждение, и пальмы почти исчезли. Спорным остается вопрос, появился ли уже человек на земле в это раннее время. Делались попытки заключить о его существовании по необработанным остаткам кремня, имеющих вид каменных орудий, и, как казалось ученым, носящих следы употребления их человеком (зоолиты). Важнее то соображение, что появление особого *вида* homo, уже разделившегося на подвиды (расы), требовало очень большого промежутка времени.

Зато уже совершенно бесспорно существование человека в следующем, "четвертичном" периоде. Переход к нему от третичного так постепенен, что часто называют "четвертичную" эпоху "плейстоценом" (полнейше-новой), подчеркивая этим ее связь с третичным плиоценом. Начало четвертичного периода связано с концом третичного уже тем, что при постепенном охлаждении климата тут еще сохраняются остатки тепла. В дальнейшем наступает значительное понижение температуры, которое сопровождается сильным снижением снеговой линии во всех горных местностях и распространением льда на широкие пространства суши. Этот так наз. "ледниковый период" занимает большую часть четвертичной эпохи и является наиболее характерным

для нее явлением. Для обозначения его употребляется термин "дилювий", сохранившийся от того времени, когда еще верили в библейские предания о всемирном потопе. К концу четвертичного периода климат становится более теплым и ледники тают, возвращаясь в свои тесные пределы горных глетчеров. Так как таяние сопровождается большими наносами земли, то этот наиболее короткий промежуток, приводящий нас к современности, носит название "аллювия".

Однако этим широким делением на дилювий и аллювий классификация четвертичного периода не ограничивается. Мы имеем ряд попыток распределить по более дробным отделам обширный — и все увеличивающийся при приближении к современности — материал, который характеризует эту последнюю доисторическую эпоху. По характеру меняющейся фауны Буль делит ее на три эпохи: гиппопотама, мамонта и оленя. Очень сложны и противоречивы деления самого ледникового периода — соответственно периодам наступления и отступления ледника — в зависимости от колебаний климата. В науке борются два основных взгляда: Пенка, который насчитывает четыре периода обледенения с тремя междуледниковыми эпохами, и Буля, который сводит число ледниковых периодов к трем, с двумя междуледниковыми периодами между ними (в междуледниковые периоды климат временно становится теплее). Нам, однако, нет надобности останавливаться на этих подробностях, не только потому, что в последнее время вообще есть стремление в науке считать весь ледниковый период единым целым, а колебания — местными явлениями, но также и потому, что по отношению к восточной Европе, нас наиболее интересующей, нам придется считаться главным образом с последним периодом обледенения и с последующим периодом таяния ледника.

Гораздо важнее для нашей цели деление четвертичной эпохи по характеру остатков, свидетельствующих о начале человеческой культуры, то есть главным образом по типу сохранившихся от тех времен каменных орудий. С этой точки зрения давно уже было принято деление всей эпохи на "палеолитическую" ("древнекаменную") и "неолитическую" ("новокаменную"). Но при дальнейшем изучении и тут явилась необходимость разделить наиболее длительный палеолитический период в свою очередь на две части: старший и младший палеолит. К первому были отнесены три древнейших эпохи, носящие названия, данные французскими археологами по месту главных находок: эпоха Шелль, Сент-Ашелль и Мустье. Ко второму — младшему палеолиту — отнесены три следующих периода, тоже означаемые французскими названиями: эпоха Ориньяка (Aurignac), Солютре и Мадлен. Потом оказалось, что, во-первых, имеются еще более древние эпохи, чем эпоха Шелль, а во-вторых, перелом между тремя первыми эпохами и тремя вторыми гораздо глубже, нежели между этими последними и эпохой неолита. Между

младшим палеолитом и неолитом было отмечено еще несколько промежуточных переходов. Все это заставило пересмотреть французскую классификацию, — тем более что, построенная на находках на территории Франции, она все с большим трудом прилагалась к находкам в других местностях Европы, не говоря уже о находках на других континентах. Из различных попыток удовлетворить новому состоянию знаний остановлюсь только на новой терминологии Менгина, которая, как кажется, имеет шансы удержаться в науке. Старший палеолит он назвал "протолитом" (первокаменным периодом); для младшего палеолита, особенно для нас интересного, он предложил вместо термина "мезолит" (среднекаменный), употреблявшегося некоторыми, термин "миолит" (малокаменный). Неолитические культуры он разделил на "протонеолитические" и "миксонеолитические" (смешанно-неолитические).

Хронология четвертичного периода определялась учеными различно. Его продолжительность колеблется в этих определениях от 500.000 до миллиона лет. Остановимся на низшей из этих цифр и приведем подразделение всего периода на главные отделы, сводя цифры Soergel к принятой выше терминологии Менгина. Мы получим, таким образом:

1. Доледниковая часть четвертичного периода и начало ледника (начало культуры не установлено)	592.000	—	429.000
2. Протолит (дошелльская, шелльская, ашелльская и мустьерская культуры)	429.000	—	140.000
3. Миолит (верхний Мустье, Ориньяк, Солютре, Мадлен)	140.000	—	21.000

В этом последнем периоде происходит таяние ледника и появляются те новые возможности для заселения Европы, которые нас особенно интересуют (см. ниже). Приведем подразделение конца миолита на отделы; цифры здесь менее гадательны, и ученые менее расходятся друг с другом. Так, Рихарц (1919) определял период со времен таяния ледника до нашего времени в 16-17.000 лет; А. Пенк (1921) принял цифру 20.000; Менцель (1914) — 23.000; Верт (1920) — 25.000; Обермайер в новейшей своей работе (1931) — 25.000-30.000. При этом, по Обермайеру, приходится на долю отделов позднего миолита (до Р.Х.) в круглых цифрах:

Ориньяк	25.000	—	20.000
Солютре	20.000	—	15.000
Мадлен	15.000	—	10.000
Неолитический период	5.000	—	2.000

К более детальной, и на этот раз уже гораздо более достоверной, хронологии неолитического периода мы еще вернемся.

Следуя нашему порядку изложения, мы, прежде чем перейти к развитию человеческой культуры в пределах четвертичной эпохи, остановимся прежде всего на климате, флоре и фауне этой эпохи на пространствах западной, средней и восточной Европы. Самый факт широкого распространения ледников уже говорит о том, что европейский климат этой эпохи, постепенно охладевая, дошел наконец до полного тождества с климатом арктических стран. Как могло произойти столь значительное изменение климата, остается до сих пор невыясненным. Можно считать окончательно отвергнутыми гипотезы об уменьшении излучения солнца (Дюбуа) или охлаждения земли как причинах обледенения. Кажется, оставлены теперь и гипотезы, основанные на идеях возвращения климатических циклов, определяющих периодическое повторение обледенения на земле. Частичное значение признается за гипотезой об изменении количества углекислоты в воздухе в связи с усиленной деятельностью вулканов (Аррениус-Фрех), а также гипотезой о влиянии изменения эксцентриситета земной орбиты и склонения земной оси. Более распространенным в последнее время явилось предположение, что влияли изменившиеся пропорции суши и воды в разные периоды, сопровождавшиеся соответственными изменениями воздушных и морских течений, и особенно теория смещения полюса при сохранении неподвижным положения земной оси. Твердая оболочка земли, по этой теории, плавает в вязком веществе ее ядра ("магма") и под влиянием различных причин по временам сползает в сторону от астрономического положения полюсов, причем циркумполярные местности могут очутиться на несколько градусов южнее своего теперешнего положения. При всех этих объяснениях заметна тенденция доказать, что вообще крупных изменений климата не было — и что, во всяком случае, они не могли быть повсеместными (Эккардт).

Эти последние научные выводы возвращают нас к нашим наблюдениям над месторазвитиями различных культур. Разнообразие этих месторазвитий на широком пространстве России облегчит нам возможность найти среди временных и местных изменений западно-европейского климата черты сходства с тем или другим русским месторазвитием — и связать, таким образом, европейское прошлое с русским настоящим генетическими связями.

Напомним для этого, прежде всего, конфигурацию европейского материка в период появления человека. Мы уже отметили некоторые особенности очертаний европейской суши к концу третичного периода. Отмеченные особенности перешли отсюда и в четвертичный период. В основе их лежит продолжающееся отступление водных пространств, окружающих европейский материк, и расширение суши за счет моря. Скандинавия тогда соединялась через Исландию с Северной Америкой, и Гольфстрем не мог согреть берега Норвегии и Ледовитого океана. Между

Англией и материком существовало сухопутное сообщение. Такое же сообщение сохранилось от конца третичного периода между Испанией и Африкой, с одной стороны и Малой Азией и Балканами с другой. Средиземное и Черное море были, таким образом, внутренними озерами, еще не соединившимися друг с другом Дарданельским проливом. Но Черное море соединялось с Арало-Каспийским, отделяя Кавказ от южной России. Рукав этого моря тянулся далеко на север к Уралу, оставляя сухопутный проход в Сибирь только в области Камы и ее притоков. Балтийское море соединялось через теперешние озера с Белым. Трудно утверждать, памятуя десятки тысяч лет, к которым относится эта картина, чтобы все ее черты были вполне синхроничны. Но здесь отмечены те особенности, которые нам понадобятся в дальнейшем изложении. Заметим еще, что на протяжении суши европейского материка на запад делало климат срединных частей Европы более континентальным.

Доминирующей чертой периода, называемого "ледниковым", было, конечно, огромное распространение по Европе ледового покрова. Центрами этого распространения были все глетчеры сложившегося уже к тому времени горного рельефа Европы. Но господствующую роль играл скандинавский ледник, выславший веерообразно свои ледяные поля на равнинные пространства срединной и восточной Европы. На пространстве Германии эти поля встречали, правда, препятствие в цепи среднегерманских горных возвышенностей. Они наполнили на эти возвышенности, поднимаясь до нескольких сот метров, но этим и исчерпывалась их поступательная сила. Напротив, на русской равнине ледник встретил сопротивление рельефа только на невысоком водоразделе между Днестром и Доном и спустился по долинам этих рек на юг до устьев Псла и Хопра (см. карту № 16). Это наступление ледника объединило ландшафт срединной и восточной Европы как раз по тем линиям, по которым мы следили за продолжением Европы в России (см. выше). Читатель хорошо сделает, если по этим ссылкам освежит в памяти все черты русского месторазвития, сближающие Россию с Европой.

Указанную связь России со срединной Европой можно проследить не только в общем, но и в частности, по отдельным месторазвитиям. На приложенной здесь карте Верта нанесены, кроме отмеченной уже линии наибольшего распространения ледника, еще три линии, характеризующие его постепенное отступление и временные остановки на так называемых "конечных моренах". Первая такая морена — или полоса холмов, образованных отложениями ледника, — черная, вторая — зарисована частыми штрихами, и третья — в Финляндии и южной Швеции, — зарисованная, отчасти по догадкам германского ученого. Более точное их направление видно на карте, состав

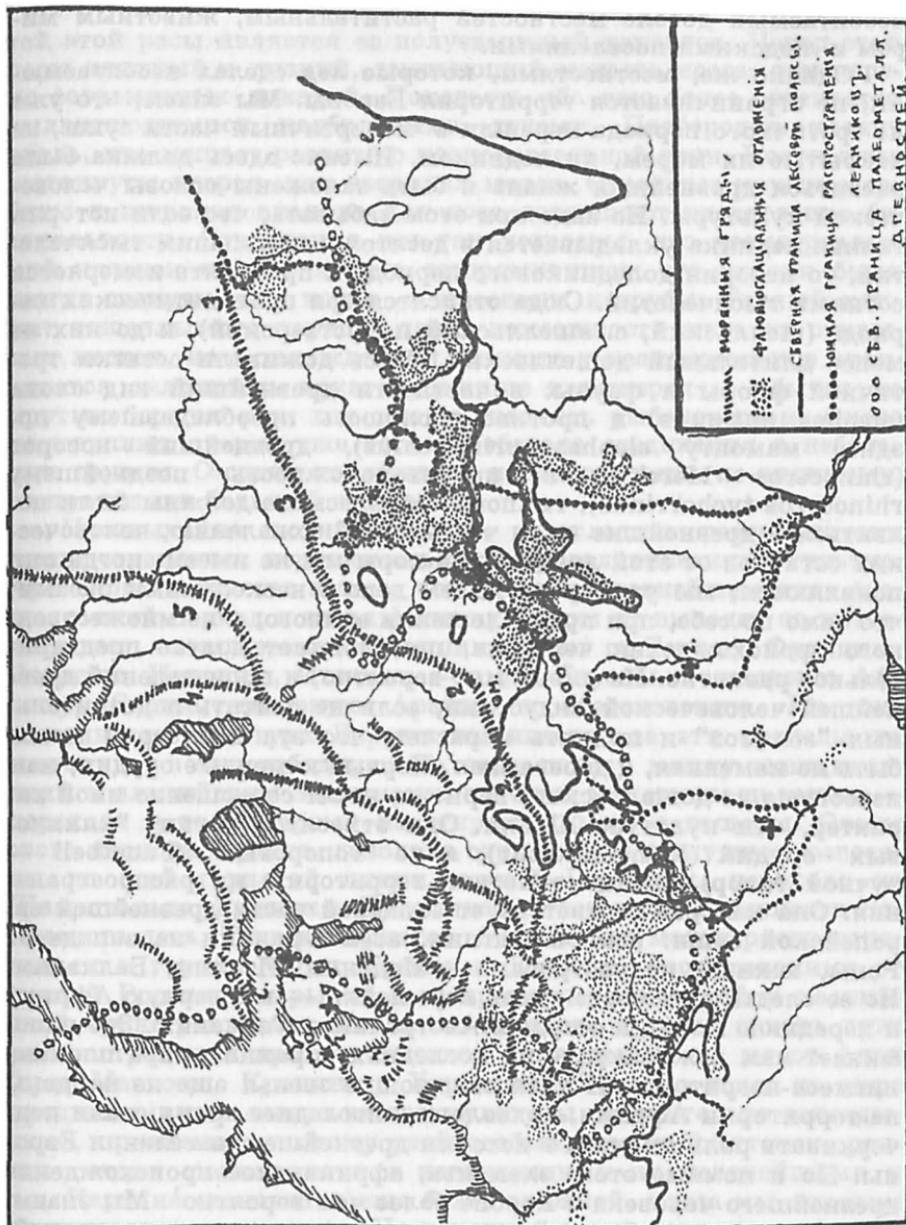
№ 16. Развитие и отступление ледника
(по Вергу)

ленной по Танфильеву (№ 17). Первая линия здесь соответствует Смоленско-Московской гряде (№ 2) с продолжением ее в Северных увалах (№ 3). Вторая линия есть линия Валдайской гряды (№ 1) с продолжением, проектированным Рамзаем (№ 5). Третья линия нанесена мною по Верту. Промежуток между линией крайнего распространения ледника и первой конечной мореной покрыт у Верта знаками L, означающими полосу образования лесса. У Танфильева лессовая полоса кончается несколько южнее, и флювиогляциальные отложения тянутся на север от этой извилистой линии. Это не мешает, однако, сопоставить первую, освободившуюся от льда полосу с месторазвитием лесостепи и смешанных лесов и с соответственной зоной деградированного и обыкновенного чернозема. Мы увидим, что продвижение леса на степь в северной части этой полосы есть явление позднейшее. Таким образом, первоначальная климатическая и почвенная однородность ее совершенно бесспорна, и временная остановка таяния ледника на этой климатической границе вовсе не является случайной.

Иначе стоит дело с полосой между первой и второй конечными моренами. Здесь мы вступаем в область подзола и хвойных лесов. Следы ледникового ландшафта здесь гораздо свежее, что и соответствует более позднему осушению этой полосы. "Странствующие" валуны, типичной формы холмы, мелкие озера, расположенные в направлении радиусов скандинавского ледника, — все это живо напоминает о дилювиальном прошлом этой местности. Флювиогляциальных отложений из-под ледника и образований лесса здесь уже не имеется: эти аллювиальные наслоения не успели тут образоваться.

Еще ярче выступают следы действия ледника в промежутке между второй и третьей конечными моренами. Геологи отмечают, что и Ладожское, и Онежское озеро, и Рижский, Финский и Беломорские заливы — все построены по типу ложбин, вырытых льдом, и образовавшихся в твердых каменных породах расщелин, расположенных перпендикулярно к скандинавскому центру ледника, соответственно направлению отступающего льда. Таково и происхождение шхер и фиордов, таково же происхождение швейцарских озер на территории распространения альпийского ледника. Северо-запад России, таким образом, составляет непосредственное продолжение финляндского и южно-шведского месторазвития. Вот уже третье месторазвитие, оказывающееся у России общим с западной Европой в самом своем происхождении.

Наличие ледника и его продолжительное существование вносит важное упрощение, значение которого выяснится в дальнейшем. И флора, и фауна, и человек, очевидно, могли заселить эти местности лишь после их освобождения ото льда; следовательно, мы будем присутствовать тут при первом заселении

№ 17. Наступление и отступление ледника
(по Танфильеву)

необитаемых дотоле местностей растительным, животным миром и людскими поселениями.

Однако же, местностями, которые лед сделал необитаемыми, не ограничивается территория Европы. Мы знаем, что уже из третичного периода перешли в четвертичный части суши, не покрытые ни морем, ни ледником. Именно здесь должна была развиться древнейшая жизнь и быть заложены основы человеческой культуры. Не надо при этом забывать, что если история таянья ледника укладывается в десяток с небольшим тысячелетий, то история доледникового периода и протолита измеряется сотнями тысячелетий. Сюда относятся три протолитических периода (шелльский, с. ашелльский и мустьерский), и до них не менее длительный дошелльский. Здесь доживали остатки третичной флоры и фауны: в частности древнейший вид слона (*elephas antiquus*, в противоположность преобладавшему позднее мамонту *elephas primigenius*), древнейший носорог (*rhinoceros Merckii*, в противоположность позднему *rhinoceros tychorhinus*), гиппопотам. Здесь же должны были появиться и древнейшие виды человека. К сожалению, человеческих остатков от этой древнейшей поры мы не имеем; когда они появляются, мы уже сразу имеем дело с несколькими расами, что само по себе, при предположении единого, а не множественного происхождения человека, предполагает долгое предварительное развитие. Не имеем мы, вероятно, и произведений древнейшей человеческой индустрии, если не считать подозрительных "эолитов" и принять в расчет, что эта индустрия могла быть не каменная, а деревянная. Первые каменные орудия, нам известные из дошелльского периода, носят совершенно иной характер, чем культура Шелля. Они относятся к типу "клинковых" орудий (*Klingenkultur*), а не "топоровых" (*Faustbeil* — ручной топор). Важно отметить территорию их распространения. Она как раз соответствует западной части древнейшей европейской суши: южной Англии, всей Франции на западе от Роны, южным полуостровам — Испании, Италии, Балканам. Но ее следы идут через сухие перешейки — в северную Африку и переднюю Азию, а оттуда в Австралию и Тасманию. Это напоминает нам доживающие на последних окраинах мира племена пигмеев-негритосов. И хотя связующие звенья еще не найдены на территории Африки, археологи в последнее время стали подчеркивать роль пигмеев в истории древнейшего заселения Европы. Но и помимо этого элемента, африканское происхождение древнейшего человека в Европе более чем вероятно¹. Мы знаем, однако же, лишь ближайших наследников этих протоевропейцев. От эпохи протолита сохранились несколько частей человеческих черепов и скелетов. Почти все они объединяются антропологами в одну "неандертальскую расу". Отличительной чер-

1 См. ниже. Серджи отрицает звериные черты.

той этой расы является ее полузвериный характер. Череп этой расы длинный и низкий, вмещающий меньше мозга, чем черепа современных дикарей. Покатость лба еще более оттеняется выдвигающимися надбровными дугами. Подбородок уходит вдаль, что мешает развитию членораздельной речи. Кости лица выдвинуты вперед, как звериная морда. Огромные круглые орбиты и широкая впадина для носа довершают впечатление бестияльности. Сочленения ног так устроены, что неандертальский человек не мог ходить выпрямившись; его колени были всегда согнуты. Все кости — массивны и грубы. Теплый климат дошелльского периода давал возможность жить на открытых местах, но с охлаждением климата у неандертальцев проявляется склонность искать убежище в пещерах — обычно на крутых берегах рек, где они занимались рыболовством. Охота на крупных зверей уже тогда требовала соединения в небольшие группы. О своих покойниках неандертальцы, по-видимому, не проявляли большой заботы.

Чрезвычайно поучительно — проследить географически распространение первоначальных протолитических культур. Археологи согласны в том, что в своем древнейшем виде (дошелльский период и шельль) эти культуры не выходят за пределы пояса, охватывающего Англию (на юг от Темзы), Францию, Бельгию, Испанию, Италию, — а вне Европы — северную Африку, Сирию, северную Аравию и Месопотамию. Но уже ашелльская культура Европы выливается за эти пределы на восток, — в ту свободную ото льда полосу между скандинавским и альпийским ледниками, которую мы отмечали выше, — переходя в то же время из открытых мест в пещеры. Следы этого периода, правда, довольно отрывочные и скудные, рассеяны по всей гористой линии южной Германии, переходя из Шварцвальда, Рудных и Исполиновых гор в возвышенности Богемского леса, Татр и Карпат. Отсюда они могли распространиться в горные части Крыма и Кавказа, изолированные от южной России, покрытой в то время черноморской и каспийской трансгрессиями. Не касаемся здесь другого сухого пути распространения протолитической культуры — на юг от Альп (грот Ментоны, Крапина в Хорватии). Но одно ясно: по мере продвижения на северо-восток культуры сравнительно запаздывают, принимают поэтому свой особый, местный оттенок, ранние стадии смешиваются с нагоняющими их позднейшими и т.д. Картина становится еще более сложной, когда мы доходим до мустьерского периода. Но именно к этому периоду относится большинство находок человеческих костей, объединяющих население этой эпохи в одну и ту же расу, — происходят ли эти находки из Гибралтара (Forbes Quarry), Дордоньи и Коппез (Le Moustier, La Chapelle aux Saints), Джерсея (St. Brelade Bay), Бельгии (Spy), Саксен-Веймара (Taubach), Хорватии (Крапина) или рейнской провинции (Neandertal). По месту последней на-

ходки вся раса получила название неандертальской. Большую сенсацию произвела находка в Родезии (Brocken-Hill) черепа, в котором все звериные черты неандертальского типа являются еще более подчеркнутыми — и в котором, независимо от спора о его древности, одни видят предшественника европейского неандертальца, а другие — вторую параллельную ветвь, исходящую от древнейшего, общего обим ветвям человеческого предка, *Palaeanthropus* Серджи. От него произошли, по его мнению, и неандертальцы и тип Родезии; для последнего Серджи употребляет особый вводимый им термин: "лофоцефал", в противоположность "латицефалам" неандертальского типа (см. рис. № 20).

Все сказанное выше о европейском протолите имеет для нас то значение, что выясняет перспективу, в которой мы должны рассматривать следующий, миолитический (соответствующий "донеолитическому" или "мезолитическому" по иной терминологии) период. Исследователи неохотно допускают резкие перемены между различными доисторическими эпохами и скорее склонны искать непрерывной связи между ними. Но в данном случае, кажется, все серьезные археологи согласны, что дело идет именно о таком hiatus — о разрыве, настолько глубоком, что приходится предположить исчезновение всего предыдущего и появление совершенно новых климатических, фито- и зоогеографических и этнических элементов в европейском месторазвитии. В сущности, исчезновение неандертальской расы не так уже невероятно, если вспомнить, что на низших ступенях звероловческого и рыболовческого быта плотность населения Европы — даже западной — должна была быть минимальной, а появление новой, высшей по физическому и духовному строю расы должно было поставить немногие скопления неандертальцев на холмистых террасах рек в положение невыгодной конкуренции. Эта новая раса — или, точнее, две расы уже совершенно освобождены от звероподобных черт неандертальцев. Это вид *homo varians*, могущий считаться родоначальником современных рас. По местам находок первая из этих рас называется "Кро-Маньонской", вторая — расой *Lauygerie-Chancelade*. Обе расы — длинноголовые, у обеих — выдающийся подбородок. Но у первой строение лица широкое и короткое, у второй — широкое и длинное. Кроманьонцы обладают чрезвычайно высоким ростом (1,79-1,94 м); напротив, раса Шанселада низкорослая (1,50-1,59 м). У первых нижняя часть лица еще выдается вперед; у второй расы нет никакого прогнатизма. Сохраняя сильную структуру костей и мускулов, необходимую для борьбы за существование, обе расы — и особенно раса Шанселада, как увидим в дальнейшем, — отличаются гораздо большей вместимостью мозга, свидетельствующей о громадном шаге вперед их интеллектуального развития, сравнительно с неандертальцами. Исследователи уже привели в связь это высшее развитие интел-

лекта с необходимостью употреблять гораздо большие усилия в борьбе за жизнь в менее благоприятном климате, который в эпоху миолита становится холодным и доходит до арктического. Миолитический период совпадает с наибольшим развитием ледника и началом его таяния. Естественно, что в такую эпоху вся флора и фауна приспосабливается к климату.

Резкий перелом в составе населения сказывается, конечно, и на изменении содержания археологических остатков. Появление новых рас соответствует трем археологическим эпохам миолита: ориньякской, солютре и мадлен. Наиболее характерной отличительной чертой этих эпох является появление, наряду с кремнем, нового материала орудий — кости. Костяные изделия производятся из костей мамонта и оленя. Рост интеллекта проявляется в том, что на этих изделиях встречаем реалистические изображения животных; такие же изображения, притом в красках и высокого художественного достоинства, сохранились от позднейшей части этой эпохи в пещерах южной Франции и северной Испании². Развитие религиозных представлений характеризуется появлением более или менее стилизованных статуэток, изображающих женскую фигуру и имеющих несомненно ритуальный характер. В частности, культ мертвых засвидетельствован большей заботливостью, чем прежде, о сохранении их останков. Замечается прогресс и в устройстве жилища, хотя основные черты быта остаются прежними: охота и рыбная ловля. Употребление огня известно уже и в предыдущий период. Но гончарное искусство, приручение домашних животных и земледелие остаются пока еще неизвестными.

С этими данными мы можем вернуться теперь к судьбе частей Европы, испытавших на себе действие ледников. Мы видели, что важнейшим непосредственным продуктом ледника и его таяния является образование аллювиальных отложений, характеризующихся накоплением лесса. На карте № 16 полоса лессовых образований, тянущаяся между линией крайнего распространения ледника и первой конечной мореной, обозначена буквой L. Важно отметить, что именно в этой полосе и по соседству с нею мы встречаем остатки арктической флоры и фауны, а вместе с ними культуру эпохи Ориньяка и двух последующих эпох: Солютре и Мадлен. Эти культуры — первые, которые, наконец, продвигаются из средней Европы в восточную, свидетельствуя о первоначальном, сравнительно позднем, заселении территории России именно людьми *homo sapiens*. Отметим общее направление этой полосы лесса: она идет по известной нам уже зоне — с юго-запада России на северо-восток к средней Волге, верховьям Камы и оттуда в Сибирь.

² Недавно подобные изображения найдены и в Палестине (пещера Ум-Катафа в пустыне Иудейской). С этим следует сопоставить "лофоцефальный" череп, найденный в пещере около Тивериадского озера (см. анализ у Серджи).

Особенность этой полосы в течение ледникового, междуледникового и послеледникового периода заключается в смене и сосуществовании здесь флоры и фауны различных месторазвитий, соответственно замене арктического климата более теплым, а последнего снова более холодным. Развитие ледника заставляет арктические формы спускаться с вертикальных горных зон в долину, а из горизонтальных зон — продвигаться с севера на юг. Напротив, подъем температуры в промежутки отступления ледника сопровождается появлением флоры и фауны, любящей более теплый климат. В первом случае мы получаем растительный и животный мир тундры, во втором случае тундра уступает место степи. То и другое предполагает наличие более сухого и холодного, то есть более континентального климата, чем современный климат срединной Европы. Для появления между тундрой и степью третьей полосы — лесной растительности — нужно больше тепла и влаги или более укрытые места — овраги, балки и т.д. Более прочным образом лесная полоса появится поэтому только уже после окончательного стаяния ледника — во времена, когда климат Европы становится более влажным — морским. В предыдущее же время тундра и степь соприкасались друг с другом.

Наличие открытых пространств — там, где впоследствии появился лес, и образование на этих открытых пространствах полосы плодородного лесса имеют особо важное значение для свободного передвижения и заселения этой территории флорой, фауной и человеком. Если места, где вовсе не было ледника, являются древнейшими территориями заселения, то места, освободившиеся от ледника и покрытые плодородной почвой, создают месторазвитие для следующей высшей степени культуры.

Территория России, несомненно, не составляла в этом отношении исключения. Наши почвоведы согласно утверждают, что в настоящее время растительные зоны России смещаются с севера на юг: тундра постепенно надвигается на лес, заболачивая почву, а лес надвигается на степь, выщелачивая подпочву чернозема. В доисторический период смещение происходило в обратном направлении. Сухость климата мешала выщелачиванию почвы и содействовала развитию травянистой растительности в ущерб древесной. Сюда относилась вся территория лесса, залегающая почти целиком на вулканах и флювиогляциальных отложениях. "Тогда, — замечает Буш, — сайга, тушканчики и степные суслики проникли в Германию, а степные растения в Швейцарию". Глинка также объясняет возникновение темноцветных почв подзолистой зоны (то есть верхнего и среднего Поволжья) степным ледниковым климатом. "После того, — говорит он, — как воды отступавшего ледника сложили здесь свою мусть, которая образовала лессовидный суглинок, местность заселилась частью луговой, частью болотной растительностью. Позже, после высыхания местности, под влиянием дренажа ов-

рагами, на луговые пространства, сформировавшие уже темноцветные подзолистые почвы, надвинулся лес, который их деградировал". До этого времени, следовательно, луговая степь непосредственно граничила с территорией, только что освободившейся от ледника и еще не обсохшей. Болота и озера этой территории представляли характер тундры. Но к этому северному ландшафту мы еще вернемся. Для территории на юг от центрального междуречья остается несомненным, что здесь степь предшествовала появлению леса. Откуда пришла лесная растительность, отделившая в России тундру от степи? Происхождение этого смешанного или лиственного леса надо, очевидно, искать на юго-западе. Именно здесь и находить центры распространения смешанных лесов Пачоский. По его наблюдениям, "очагами заселения лесом лесостепной подзоны, а возможно, и современной подзоны смешанных лесов Полесья и средней России послужили" три района возвышенностей, непосредственно соприкасающиеся с этой территорией, а именно: 1) бессарабско-подольско-волинская возвышенность, 2) южная окраина среднерусской возвышенности и 3) Донецкий кряж. Здесь, в наиболее защищенных с севера местах, уцелели породы дочетвертичного периода: они и послужили в межледниковый и послеледниковый период центрами распространения лиственных лесов. А откуда эти реликтовые леса пришли на упомянутые возвышенности? Пачоский дает столь же определенный ответ: "Большинство этих реликтовых³ форм относится к средневропейскому (в широком смысле) и отчасти к южному европейскому типу". То же подтверждает и германский специалист Хоопс, исследовавший историю леса в средневропейском и северном ландшафте (см. ниже).

Вне влияния ледника находилась поволжская возвышенность и Урал. По замечанию Буша, это и отразилось на рельефе, почве и растительности Волжской лесостепи. "Татарский клен и травы, как *plantago maxima*, свойственны главным образом Волжской провинции. С другой стороны, некоторые древние породы, например граб, растут в южной лесостепи и не встречаются в Волжской". Однако Лавренко относит большинство реликтовых форм Волжской возвышенности тоже к северно- и южноевропейским типам. Реликтовые формы Урала он в большинстве также относит к "западно-евразийскому (в его терминологии это равняется европейскому) и отчасти к средне-европейскому типу". И даже "большинство реликтовых форм алтайского центра" Лавренко относит к тому же "евразийскому и западно-евразийскому (или европейскому) типу".

Нетронутые ледником остаются также южные и понтийские степи. Но тут препятствием для заселения флорой, фауной и

³ Слово "реликтовый" означает "оставшийся" (от предшествовавшей эпохи).

человеком древнейших рас являются либо дожди ("плювиальный" период, соответствующий ледниковому), либо морская трансгрессия. После высыхания понтийского бассейна обнажившиеся местности должны были пройти ряд превращений, нам уже известных (мнение Дубянского). Все исследователи согласны, что эта часть русской территории принадлежит к сравнительно позднему образованию (Рупрехт, Коссович, Пачоский, Буш, Алехин). Здесь сперва появляется полынная степь на каштановых почвах. Прикаспийские и черноморские степи еще не вышли из этой стадии. Раньше освободилась из-под морских вод и дальше пошла в своем развитии территория ковыльных степей. Это, вероятно, объясняет, почему припонтийские степи не могли играть заметной роли в древнейшем отделе (миолитическом) доисторического периода. Следы древнейшего пребывания человека имеются только на юг от Черноморья — в Крыму и на Кавказе, то есть местностях, совершенно отделенных в то время возвышенностями от остальной России.

Совершенно иное приходится сказать о Сибири. В период господства арктического климата она, по-видимому не отличалась от территории распространения лесса и разделила ее судьбу. На самом деле здесь мы встречаем тот же континентальный климат, с сухостью и малочисленностью осадков, соединенными с низкими температурами, который на запад от Урала послужил климатическим условием сожительства флоры и фауны тундры и степи. Эти условия выклинивания леса и соприкосновения "открытых пространств" и до сих пор существуют в Забайкалье и на северо-востоке по ту сторону Станового хребта. А.Я.Тугаринов также указывает на континентальность климата как на условие, при котором "залегают в непосредственном контакте сухая степь и тундра". Он утверждает и то, что при этом условии "тот ландшафт, который мы привыкли называть пустынным, широкой полосой, соответственно теперешнему Забайкалью в северо-восточном направлении, примерно параллельно Становому хребту и линии Охотского побережья, распространяется севернее, чем сейчас на много градусов по широте... И лишь изменение климата в сторону увлажнения видоизменило пустынный ландшафт. Началось надвигание лесов, которое вытеснило животных открытых пространств, заставив одних спуститься к югу, изолировав на крайнем севере других... Восточнее, ближе к побережью Охотского моря и западнее водораздела Енисея этой комбинации нет, потому что сказывается влияние умеряющей континентальности влажности".

Мы теперь подготовлены к тому, что на всем протяжении полосы, покрытой в результате таяния ледника отложениями лесса, мы найдем одни и те же условия существования человека. Напомню, что полоса эта тянется от сферы распространения Ронского ледника через швейцарскую Юру в южную Германию, а оттуда двумя путями: по течению Дуная в степные равнины

Нижней Австрии, Венгрии и Румынии и другим путем — по средне-германским горам, Рудным горам и Судетам — по Чехии и Моравии, задевая Польшу, — на Карпаты. Оба пути приводят в южную Россию — первый в Черноморье, второй на Волынь. Но мы видели, что дальнейший путь в понтийские степи закрыт в это древнейшее время песчаной пустыней на месте едва обсохшего морского дна. Второй путь из Волыни и Подолии ведет по окраинам тающего ледника на северо-восток через Волжскую провинцию на Урал или — после удаления края ледника к первой конечной морене — к Оке, Волге между Нижним Новгородом и Казанью и Каме с Вяткой. В этом направлении и надо ожидать распределения археологических находок ориньякской и последующих за Ориньяком эпох. Заметим тут же, что эпоха Солютре с ее усовершенствованными каменными орудиями остается достоянием средней и западной Европы, слабо отражаясь в восточной. В этой последней техника каменных орудий падает — уже потому, что костяная культура вытесняет каменную. Западывание культурного процесса сказывается уже в это время. Территория России сразу переходит от позднего Ориньяка к стадии Мадлен, — принимающей здесь тоже своеобразный местный характер.

Одинаковый характер культуры в указанной лессовой полосе сказывается ярче всего в характере фауны, сопровождающей человека Ориньякской эпохи. "Ведущим" ископаемым является здесь мамонт (*elephas primigenius*), заменяющий своего предшественника, *elephas antiquus*. Как известно, арктическая обстановка сибирских льдов сохранила нам в полной неприкосновенности не только скелет, но и мясо этого ископаемого вида. Приспосаблиясь к климату, его кожа была покрыта густой шерстью. На зубах его находили остатки непережеванных северных растений. Экспедиция К.Волосовича (1901, 1908, 1909) на Новосибирские острова в далекой Якутии дала возможность установить следующую стратиграфическую картину последовательной смены флоры и фауны на этой крайней оконечности лессовой полосы.

"На третичных отложениях залегает толща валунно-щебневого наноса небольшой мощности, подстилающая нижние льды, отвечающие наибольшему оледенению севера. Выше следуют песчано-глинистые отложения с остатками слаборазвитой луговой и кустарниковой растительности, переходящие в лессовидные глины (остатки прежних грязевых потоков) с остатками ольхи (*Alnus fruticosa*) и березы (*Betula alba*), с прослоями из спрессованных трав и костями и трупными остатками носорога и мамонта. Выше залегает толща "верхних" льдов и над ними глины и суглинки с карликовой березой (*Betula nana*) и несколькими видами ив. Из млекопитающих имеется первобытный бык и господствует лошадь. Вверху залегают глины и суглинки с остатками полярной ивы (*Salix polaris*), костями овцебыка и

олений". Как видим, здесь мы имеем конечную морену на недотаявшем льду; над мореной отложения лесса со степною растительностью, над которой начинает расти лиственный лес и появляются последние ископаемые виды. Затем следует новое обледенение, над которым — растительность тундры с позднейшей фауной, переходящей в современную. Такая стратиграфия свидетельствует о наличии более теплого междуледникового периода, за которым следует ухудшение климата, переходящего в современный. Эта картина вполне соответствует тому, что происходило в остальных частях лессовой полосы.

Повторяется здесь и другая характерная черта этой полосы, отмеченная выше: соединение фауны, свойственной степи и тундре. Сошлюсь в этом отношении на наблюдения А.Я. Тугаринова. "Давно известно, — пишет он, — на крайнем севере Якутии и низовьях Яны и на Новосибирских островах находимые кости и остатки животных, ныне там исчезнувших. К числу таких животных относятся: тигр (*tigris tigris*), песец (в тех же слоях — *Alopex lagofagus*), росомаха (*gulo gulo*), заяц (*lepus timidus*), бык, наиболее близкий к современному домашнему (*bos taurus*), бизон (*bison priscus*), овцебык (*ovibos moscatus*), сайга (*saiga tatarica*), лось (*alces sp.*), северный олень (*rangifer tarandus*), марал (*cervus canadensis*), лошадь (*equus sp.*), мамонт (*elephas primigenius*). Что означенный комплекс видов, несмотря на пестроту его состава, включающий таких далеких ныне по ареалам обитания животных, как сайга и песец, лось и лошадь, не является случайным, говорят условия находок и почти тот же самый видовой состав в других местах Сибири, более южных. Так, в известной Нижнеудинской пещере были найдены остатки песца, росомахи, зайца, сайги, северного оленя, лошади. В лессовидных суглинках окрестностей Красноярска, подвергшихся за последнее время детальному изучению, доказано синхроническое обитание крупной кошки (льва или тигра), песца, росомахи, сурка (*magota*), зайца, домашнего быка, бизона, горного барана, аргали, горного козла (*сарга*), сайги, косули (*саргеолус*), лося, северного оленя, марала, лошади, мамонта. Овцебык найден в Минусинском уезде (минусинский музей). Ту же картину в различных комбинациях и с различной степенью полноты восстанавливают находки и в других местностях южной Сибири, например Иркутске, Троицкосавске. Таким образом, мы вправе сделать вывод, что в известный момент, вероятно в конце последнего обледенения, на пространстве заенисейской Сибири широко распространилась фауна, удивительным образом включающая членов столь различных по своей экологии и современному географическому распространению. Если сопоставить ее с современными типами фауны, то она представится нам состоящей как бы из трех групп: а) обитатели арктических широт, б) более распространенные северные животные, большею частью связанные с ле-

сом, и в) животные южные, преимущественно открытых пространств. Распределение их по этим группам представится таким: а) песец, мускусный бык, б) росомаха, заяц, лось, северный олень, марал и в) тигр, сурок, бык, бизон, баран, козел, сайга, косуля, лошадь”.

Мы можем теперь проследить археологические находки на всем пространстве отмеченной выше полосы, от восточной Франции до Якутии, чтобы убедиться, что на всем этом пространстве найдена одинаковая позднеориньякская культура. Чем дальше на восток, тем она представлена в более поздних своих проявлениях — переходя в культуру периода Мадлен и сообщая этим культурам своеобразные восточные черты, что, однако, не уничтожает и общего фамильного сходства с западом. Нужно напомнить, что на территориях с запаздывающей культурой вообще не наблюдается строгой последовательности эпох, различаемых классической терминологией Франции: мы видим здесь смешение эпох, набегание позднейших на древнейшие с выпадением промежуточных звеньев и тому подобные своеобразные сочетания. Вместе с тем и классические типы орудий Франции принимают здесь новые формы: наряду с ними являются и самостоятельно развившиеся типы и т.д.

На карте № 16 я нанес важнейшие западно-европейские находки на территории лессовых отложений и соседних с ними. Мы видим здесь на территории, примыкающей к Франции, — на притоках Рейна и верхнего Дуная — истоки ориньякской культуры в областях, свободных от ледника. Здесь эта культура развивается часто над древнейшими культурными наслоениями, являясь их непосредственной преемницей. Сюда относятся отмеченные на карте № 16 под № № 1 и 2 пещеры Sirgenstein и Offnet в швабской юре, со своими многовековыми наслоениями человеческих обиталищ. Другая группа находок этой эпохи представлена № 3 на р.Лане (Wildscheuer, Metternich). Около Страсбурга имеется ориньякская стоянка Achenheim (№ 7). Верхне- и Нижнеавстрийские аналогические находки остаются вне пределов карты. Идя далее на восток, встречаем три знаменитых местонахождения Ориньяка в Чехословакии: в окрестностях Праги (№ 4), в “моравской Швейцарии”, около Брно (№ 6) и в Пшедмосте, около гор. Пшерова: в последней стоянке охотники ориньякской эпохи употребили в пищу и для выделки орудий, украшений и скульптур из кости не менее 800-900 экземпляров мамонтов. Археологи обращают внимание на своеобразие многих пшедмостских находок и относят их к концу Ориньяка или даже к “переходному периоду”. Интересно также отметить, что здесь человеческое жилье переходит из пещер на открытые места. На восточной русской равнине это станет общим правилом. Орнамент получает преимущественно геометрический характер, но это не исключает попыток изображения ископаемых животных и человеческих фи-

гур, которые Обермейер сравнивает с идолами гренландских эскимосов.

Переходя в пределы Польши, мы отметим две выдающиеся по значению стоянки с мамонтовой (тундро-степной) фауной и с обычным кремне-костяным материалом орудий по течению Вислы: в Машицкой пещере, на север от Кракова (№ 8), и против Ново-Александрии, на левом берегу (№ 9). Стратиграфия последней стоянки — под последней ледниковой мореной и под лессом заставляет относить ее к раннему времени Ориньяка — до последнего распространения ледника.

В настоящем изложении нет возможности описать подробно все упомянутые находки. Ко всем ним относится общая характеристика миолитической культуры, сделанная на стр.134. Но полезно для дальнейшего отметить некоторые отдельные черты западно-европейских местонахождений, прежде, чем мы перейдем к находкам на русской территории. Тут прежде всего бросается в глаза усиление религиозного сознания. Среди ориньякских находок постоянно встречаются статуэтки женской фигуры с характерным подчеркиванием женских органов, с необычайно тучным телом и со стеатопигическим задом. Руки, ноги и голова (за исключением головного убора) трактуются, напротив, на этих статуэтках очень суммарно и отодвигаются намеренно на второй план. Тучность тела напоминает спящих красавиц с о.Мальты и современных бушменских женщин: таков, очевидно, был тогдашний идеал женской красоты. Религиозное значение этих статуэток несомненно: они означают женское божество, символизирующее плодородие. Религиозный характер приобретают и погребения, свидетельствующие о развивающемся культе мертвых. Находки скелетов в этой культуре вообще не часты, но поскольку они имеются налицо, они свидетельствуют о существовании представления о продолжении жизни за гробом — правда, в самом реалистическом смысле. Покойники кладутся в положении уснувших — на боку — с согнутыми к животу ногами и с приподнятыми руками, одна из которых подложена под голову. Надо сказать, что этот вид погребения уже существует в эпоху протолита (La Quina, Moustier, Chapelle-aux-Saints, La Ferrassie) и вообще распространен во времени и в пространстве, являясь, по-видимому, древнейшим похоронным ритуалом. Мы находим его в Египте в эпоху IX и X династий, в эгейской культуре; найдем и в России. Неизменным спутником такого погребения является осыпание покойника красным порошком, который, при разложении тела, окрашивает и часть костей скелета: красный цвет, очевидно, имеет также ритуальное значение хорошего предзнаменования для будущей жизни. Что касается каменных орудий эпохи миолита, то в центральной, а тем более в восточной Европе они не только не прогрессируют — в смысле усовершенствования форм, но, напротив, клонятся к упадку. Однако же, этот

упадок — относительный. Он вызван прежде всего тем, что на место камня выдвигается другой, более гибкий и послушный материал — кость — мамонтова, оленья и т.д. Тяжелые формы "ручного топора" эпохи протолита уступают место тонким ножевым пластинкам и так. наз. "микролиту", то есть мелким кремневым осколкам геометрических форм, которые, однако, далеко не имеют одного только символического или "ритуального" значения, как иногда полагают. Будучи вставленными мелкими кусочками в костяные рукоятки ножей, дротиков, стрел, пил, гарпунов они создают очень полезные в хозяйстве и опасные в борьбе со зверями и с врагом новые формы орудий. Что касается, наконец, форм человеческого жилья эпохи милолита, от них осталось очень мало следов уже потому, что население охотников не сидит на одном месте, а кочует вслед за зверем. Охлаждение климата заставляет обитателей свободных от ледника европейских территорий искать убежища в пещерах, и только распространение луговой и древесной растительности на новообразованном лесе побуждает их перенести свои стоянки в открытые пространства — вслед за стадами мамонтов, носорогов, оленей, диких лошадей и т.д.

В этих последних случаях места более длительных поселений, куда возвращались охотники со своей добычей, отмечаются следами более или менее обширных костров с остатками золы, древесных углей, расколотых для извлечения мозга костей животных, а поблизости кострищ встречаются и остатки мастерских для выделки каменных и костяных орудий. Местами, в связи с этими же поселениями, встречаются и так наз. "площадки", то есть гнезда уже настоящего жилища, с очагом, обыкновенно круглой или овальной формы, напоминающей палатку или юрту. Следы деревянных жердей, связанных конусом для покрытия, очень редко удавалось найти. Однако же, схематические рисунки жилищ на скалах и костях эпохи Мадлен изображают именно такие формы типа круглой палатки или юрты. В стоянке ориньякских охотников за мамонтом в Lang-Mannersdorf около Першинга (на юг от Дуная) найдены были в лесе следы землянки округлой формы, 1,7 метра в глубину и 2,5 метра в диаметре; стены этой землянки были выкопаны отвесно на север и северо-запад для защиты от местных ветров, а на южной стороне поднимающийся покато коридор выводил из-под земли на поверхность. По стенкам жилья оставлена была приподнятая над полом полоса лесса, служившая скамьей для сидения и ложем для сна. Над землянкой была сведена крыша из вбитых наклонно в землю жердей, покрывавшихся, вероятно, шкурами животных. Это — полная параллель к тому, что мы найдем в стоянках России и в раскопках землянок камчадалов (ср. также современные жилища эскимосов, см. выше).

Стоянки лессовой полосы в России оказываются непосредственным продолжением того, что мы только что наблюдали в полосе ориньякских поселений западной Европы. В 1893 г. киевский археолог Хвойко открыл древнейшую из этих стоянок в самом г. Киеве, на холмах Кирилловской улицы. (Карта № 16 под № 10; карта № 17, буква а.) Геологическое строение крутого берега Днепра позволило с точностью определить стратиграфию находки. Следы деятельности человека в обстановке мамонтовой фауны были найдены здесь под целым рядом слоев, образованных осыпями и деятельностью ледника, на поверхности синевато-зеленоватой спондиловой глины третичной эпохи. На этой глине помещались остатки двух кострищ с золой, кусками угля и дерева — в том числе с целыми стволами окаменевших кедра и ели, с каменными орудиями, с большим количеством костей мамонта, носивших следы искусственной обработки, и с черепом ископаемого носорога. На одном бивне изображены узоры, в которых Хвойко, довольно гадательно, усмотрел "щитоносное животное в виде черепахи, птичью голову и нечто вроде ладьи". Восемью вершками выше найдено кострище огромного размера — аршин 80 в длину и аршин 25 в ширину, местами в 10-12 вершков глубины. Здесь кости и бивни мамонтов находились в огромном количестве. На аршин выше, на третьем горизонте того же слоя помещалось еще одно обширное кострище с костями мамонта и каменными орудиями одинакового характера с двумя предыдущими горизонтами. Всего найдено до 100 бивней мамонта, не считая обугленных и обгорелых. Это указывает на неоднократное возвращение ориньякских охотников Киева на то же насиженное место. Стволы ели до полуаршина в диаметре, употреблявшиеся для костра, свидетельствуют о промежутке сравнительно теплого климата перед последним обледенением, перекрывшим кирилловскую стоянку. На 2½-7 аршин выше находился четвертый культурный слой, отличавшийся от трех предыдущих тем, что находки мамонта стали здесь реже и на место них выдвинулись остатки пещерного льва, пещерной гиены и пещерного медведя. Тут остатки пребывания человека располагались гнездами, представляющими круглые и овальные площадки (до двадцати), обозначенные золой, углем, пережженными костями животных и множеством мелких кремневых орудий и кусков, служивших для их производства (нуклеусов). Этот четвертый горизонт находился все еще на 5-10 аршин глубже лессового слоя, который, вместе с другими послеледниковыми отложениями, лежал толщиной в 15 саженей под теперешней поверхностью. Прибавим, что и кругом этой находки и на расстоянии двух верст от нее, по другую сторону г. Киева находились такие же кострища, мамонтовы кости и каменные орудия ниже уровня лесса. Это свидетельствует о громадности захваченной стоянкой территории и о многолюдстве скопившегося на ней населения охотников. А

количество и глубина наслоений говорят о продолжительности пребывания ориньякского человека на пространстве будущей столицы южной России. Наибольшая древность стоянки (*под лессом*) сравнительно с остальными русскими находками показывает, что ориньякское население появилось здесь раньше их, а отсутствие находок предыдущих периодов эпохи западноевропейской протолита (за исключением Крыма и Кавказа) свидетельствует также и о том, что эти первые поселенцы застали южную Россию необитаемой. Путь, каким эти люди миолитического периода пришли в Россию, предуказан отмеченными выше находками. Киевский поселенец — прямой продолжатель линии, проведенной с запада на восток — или через Пжедмост и Ново-Александрю, или, быть может, несколько южнее. Проследим теперь эту линию дальше во внутрь России.

Находка периода мамонтовой фауны на Кирилловской улице — не единственная. Дальнейшие этапы того же пути вдоль лесовой полосы — будущей русской лесостепи — по направлению на северо-восток, оставили след в других стоянках того же периода: в бассейне Днепра (Гонцы и Мезин), Дона (Костенки), Нижней Оки (Карачарово) и Камы (Шигирь). По мере отдаления от первоначального толчка переселения (во Франции) мы встретим здесь постепенный переход к позднейшим эпохам (все эти поселения отмечены номерами на карте № 16 и крестами и буквами на карте № 17).

Стоянка № 11 *b*, в с. Гонцы на р. Удай, впадающей в Сулу, известна с 1871 г., но только в 1914-15 гг. она сделалась предметом сколько-нибудь научного исследования. Находки здесь расположены уже не под ледниковыми отложениями и лессом, как в Киеве, а в известково-песчано-глинистом, "тождественном с лессом" слое, то есть мамонт и человек здесь жили уже в горизонтах, характеризующих период таяния ледника. Использовано охотниками на сравнительно небольшой исследованной территории до 40 мамонтов. Стало быть, эта местность была так же богата мамонтовыми стадами, как и окрестности Киева. Находки те же: обширное кострище с грудями окружающих его кухонных отбросов. Любопытно, что эти груды расположены в Гонцовой стоянке отдельными кучками. Каждая кучка складывалась крупными костями мамонта, охранявшими ее от распада; в одном случае бивни мамонта сдерживали кучу отбросов, будучи поставлены кругом нее стоймя, остриями книзу. Это вызывает предположение, что после подготовки мяса на общем костре, части добычи потреблялись отдельно каждой группой охотников и их домашними, причем группа сохраняла за собой и более ценные кости убитых ее членами или доставшихся ей по разделу зверей. Это соответствовало бы нравам современных эскимосов. Других ископаемых животных в Гонцах не найдено, что указывает также на позднейшее время, характеризующееся присутствием мамонта без носорога. О том же

свидетельствует и форма орудий: рядом со старыми формами резцов, шил, скребков, игл, которые могли служить для приготовления одежды, здесь появляются микролиты. Орудия производились на месте, как видно из сохранившихся после отбивки ядрищ. Признаков искусства здесь не найдено, если не считать такими надрезы на костях.

Более обильный, но того же характера материал дала стоянка в с.Костенках, в 30 верстах от г.Воронежа, на правом берегу р.Дона (№ 12 и 2). Кости мамонта находились здесь и в более или менее отдаленных окрестностях жителями еще в конце XVII столетия. Серьезные раскопки начались с 1881 г. Находки были обнаружены тотчас под слоем чернозема (до двух аршин толщиной) на слое ледниковой глины, то есть они тоже относились к эпохе после таяния ледника, на самой окраине которого расположены Костенки. Новейшие раскопки 1923 г. различили тут три слоя поселений. В верхних двух слоях охотники на мамонта употребляли орудия, более бедные типами и более грубой формы, чем в древнейшем нижнем слое. Кремьень здесь — плохого качества, костяные изделия преобладают, но не отличаются особой отделкой. Из костей наибольшее количество принадлежит мамонту, другие животные встречаются редко. Прежними исследователями отмечены медведь, косуля, лисица; новейшие прибавили еще дикую лошадь. Груды костей и здесь лежали около кострищ. Около одного из них найдена тазовая кость мамонта с вертлюжной впадиной, игравшей роль миски и наполненной золой и пережженными костями.

При отсутствии гончарного искусства в эту эпоху эта находка особенно знаменательна. Она также свидетельствует о потреблении приготовленной на общих кострах пищи отдельными группами охотников и следовательно характеризует черту социального строя, сближающую тогдашних охотников с современными нам номадами арктической зоны. Но все значение Костенок в международной археологической науке определилось лишь в 1923 г., когда под одним из кострищ, в нижнем древнейшем слое была обнаружена четырехугольная ямка в полметра глубины, заполненная обычными отбросами, среди которых найдена была женская статуэтка описанного выше типа (но без стеатопигии). Ближе всего наша статуэтка к такой же статуэтке из Италии (Savignano sul Panaro, Emilia). Ее особое значение в ряду подобных ей статуэток, сопровождающих находки в изучаемой нами полосе от Пиренеев через Пшедмост — или другим путем через Ментону, Баварию и Нижнюю Австрию (Брассампюи, Виллендорф) заключается в том, что она — самая восточная из найденных в Европе. Рейнак выводил отсюда движение населения с востока на запад. П.Ефименко считает более вероятным обратное движение — с запада на восток, что соответствует и развиваемому здесь построению, а Менгин предполагает, что тут

встретились две культуры: западная и восточная, которые он, соответственно своему представлению о "культурных кругах", называет "клинковой" и "костяной". Но все это построение кажется мне черезчур искусственным: оно не предвидело подобных же находок (включая женскую фигуру) около Иркутска (Мальта).

Продолжая наш ряд, укажем далее на стоянку около с. Карачарово, на высоком берегу Оки, недалеко от Мурома (№ 14 и д). Кости мамонта, носорога, первобытного быка и оленя лежали здесь, вместе с кусками угля и с целой мастерской кремневых орудий пластинчатого типа, в лессовидной глине на три-четыре фута ниже ее поверхности, но на два фута выше ледниковой морсены, то есть эта находка — современна таянию ледника в его дальнейшей стадии. Менгин считает Карачаровскую стоянку более молодой, чем Костенковская — на основании отсутствия здесь дикой лошади — и относит ту и другую к поздней поре Мадлен. Но мы уже знаем трудность применения этой терминологии к восточной Европе; к тому же здесь отмечено присутствие носорога. Можно скорее говорить по этому поводу о запоздании эпохи Ориньяка, смешавшейся с Мадлен (промежуточная между ними эпоха Солютре не перешла за пределы западно-европейской границы).

Впечатление такой же сравнительной новизны — или запоздания — производит стоянка в с.Мезин, на правом берегу Десны в Кролевецком уезде Черниговской губ. (№ 13 и б), обратившая особенное внимание западных археологов открытыми в ней произведениями искусства. Остатки костей и орудий залегли в ней под слоем лесса в 2,70 м толщины и составили слой в 0.10-0.15 м, лежавший на лессовидной желтой глине в 1.05 м толщины, которая уже покрыла третичные отложения. Несмотря на то, что здесь процесс таяния ледника уже в полном ходу, список представителей ископаемой тундро-степной фауны здесь еще очень полон: мамонт (*Elephas primigenius*), сибирский носорог (*Rhinoceros tychorhinus*), дикая лошадь (*Equus caballus fossilis*), зубр (*Bos prisaeus*), северный олень (*Cervus tarandus*), мускусный бык (*Bos muscalus*), пещерный медведь (*Ursus spelaeus*), пещерный волк (*Canis lupus spelaeus*), песец (*Leucosyon lagopus*), беляк (*Lepus variabilis*), россомаха (*Galoluscus*). Каменные орудия воспроизводят традиционные типы Ориньяка, но орнаментика и скульптура Мезина ставит нас перед более сложными проблемами. Обломки плоского браслета из мамонтовой кости, найденные здесь, покрыты правильным орнаментом из меандра и концентрических ромбов, отделенных от него зигзагообразными линиями. Этого рода орнамент никто не ожидал встретить в эпоху милолита. Скульптура Мезина состоит из стилизованных птиц и из загадочного назначения столбиков. Крылья, перья, брюшко и хвост птиц означены треугольниками, зигзагами и продольными линиями. Под округ-

лым брюшком — снова меандровый и зигзагообразный орнамент, как на браслете. Четыре меандра под одним брюшком образуют фигуру, похожую на свастику. В столбиках русский археолог Ф.К.Волков усмотрел знаки фаллоса, но аббат Брейль истолковал их, как сильно стилизованные женские фигурки. Не следует увлекаться по поводу мезинских скульптур на тему о первобытной мистике, подобно Городцову; но их ритуальное значение — несомненно, и технику их орнамента Менгин недаром называет "высшим достижением младшего палеолита". Отчасти это достижение объясняется запоздалостью ориньякско-мадленской культуры в России; оно во всяком случае свидетельствует об оригинальном характере, который эта культура принимает в восточной Европе, начиная с Пжедмоста.

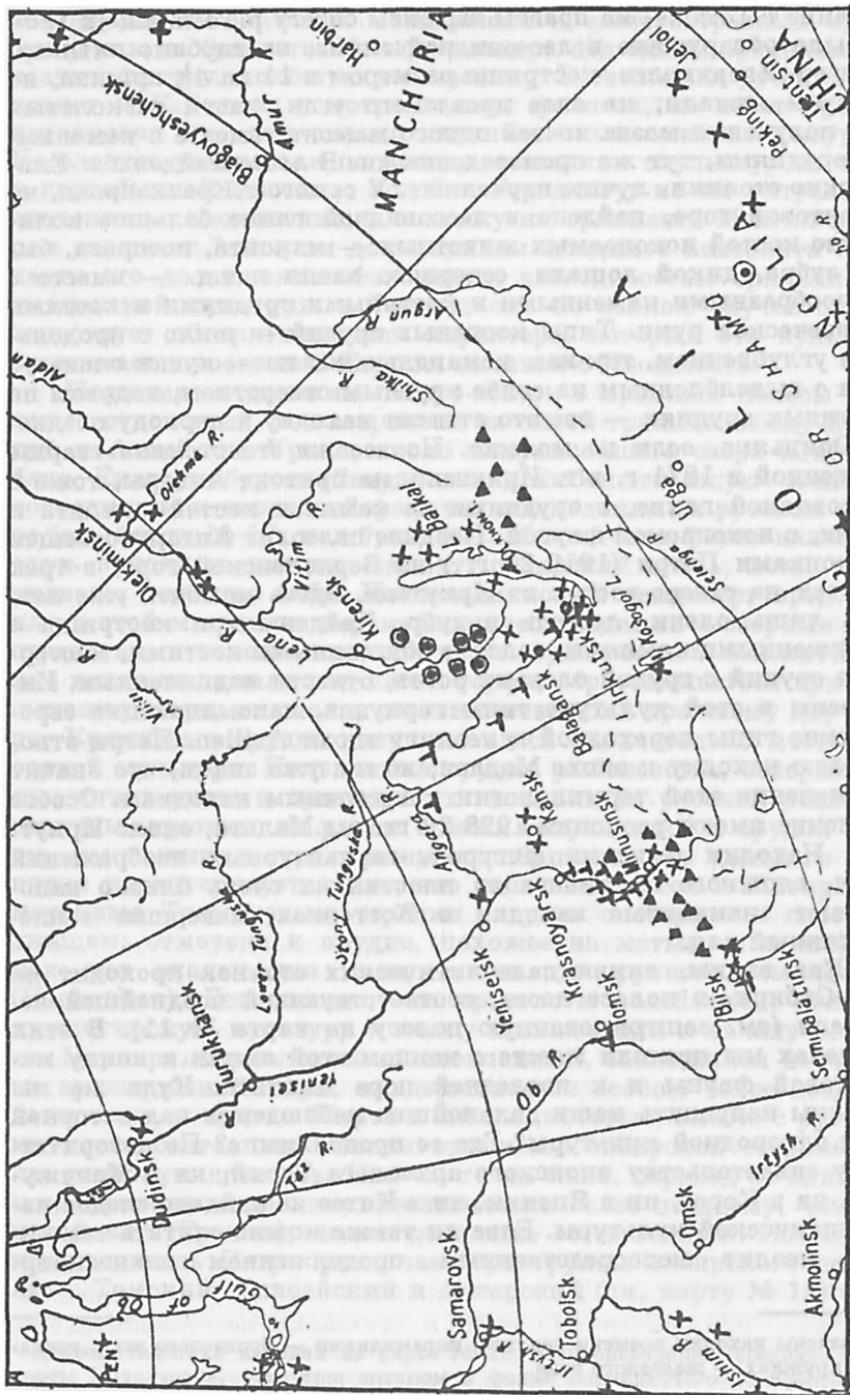
Поднимаясь далее на северо-восток в пределах полосы лесовых отложений, мы встречаем на самой границе между Европой и Азией, на Урале, около полувывсохшего озера Шигирь, близ Екатеринбургa (Свердловска) любопытнейшую стоянку, восходящую к последней фазе таяния ледника на русском севере (см. карту № 17, под буквой е). Мамонтовая фауна налицо и здесь в полном составе: мамонт, сибирский олень, лось, зубр, медведь, особенно бобр. Послеледниковый ландшафт представлял в этой местности перемежающиеся ледяные и озерные пространства, и человек селится на выступах берега. Миолитические находки лежали под слоем торфа, образовавшегося при высыхании озера, на слоях, соответствовавших прежнему дну озера. Кремневые орудия уступают здесь окончательно место костяной культуре. Появляются орудия рыболовства, совершенно отсутствовавшие в предыдущих стоянках на русской равнине: гарпуны, крючки, но рядом с ними сохраняются и орудия охоты, наконечники стрел, кинжалы. Запоздалость здешнего развития характеризуется тем, что уже появляются в Шигире отмеченные Толмачевым черепки сосудов с острым и плоским дном; отмечено и орудие, похожее на мотыгу и пригодное как для скалывания льда, так и для ручного земледелия (Hackenbau). Естественно, что археологи колеблются, отнести ли шигирскую культуру к концу миолита или к началу неолита. Мерхарт, германский военнопленный, занявшийся изучением археологии Сибири, придерживается вообще более поздних датировок — против Эберта и Айлио, которые, вместе с русскими исследователями, готовы приписать сибирской старине более глубокую давность. Как бы то ни было, переход от Шигиря к сибирскому палеолиту, геологически более позднему, чем европейский (Громов), является вполне естественным. Новейший исследователь Петри различает три группы сибирского палеолита: Томский, Енисейский и Ангарский (см. карту № 18)⁴. На

⁴ Палеолитические находки на карте № 18, воспроизводящей среднюю часть карты Йохельсона, отмечены значком в форме опрокинутого Т. Крестиками

окраине г.Томска, на правом высоком берегу р.Томи еще в 1896 г. было обнаружено в лессовидной глине, на глубине пяти аршин от поверхности, кострище размером в 11 на 4½ аршина, на котором лежали, на слое древесного угля, части расколотых для получения мозга костей одного мамонта вместе с каменными орудиями, тут же произведенными. В лессе найдены и Енисейские стоянки, лучше изученные. У самого г.Красноярска, на Афонтовой горе, найдено в лессовидной глине большое количество костей ископаемых животных — мамонта, носорога, быка, зубра, дикой лошади, северного оленя и т.д. — вместе с разнообразными каменными и костяными орудиями и костями человеческой руки. Типы костяных орудий — шило с продольным углублением, так наз. командные жезлы — куски оленьего рога с выдолбленным на сгибе круглым отверстием, надрезы на костяных орудиях — все это относит находку к периоду позднего Ориньяка, если не моложе. Но все же эта стоянка старше найденной в 1871 г. в г. Иркутске, на притоке Ангары, тоже в лессовидной глине, с орудиями из камня и костей мамонта и оленя, с ископаемой фауной. Позднее палеолит Ангары освещен раскопками Петри (1919-20 гг.) на Верхоленской горе, в трех верстах на северо-восток от Иркутска. Здесь мамонта уже нет; есть лишь олени, лошадь и зубр. Найдены три кострища с обожженными камнями, золой и обугленными костями, мастерская орудий с грудой оленьих рогов, отчасти надпиленных. Интересны в этой культуре типы гарпунов, напоминающие европейские типы переходной к неолиту эпохи *Azilien*. Петри относит всю находку к эпохе Мадлен; но мы уже знаем, что значит применение этой терминологии к восточным находкам. Особое значение имеют раскопки 1928-29 гг. в д.Мальта, около Иркутска. Находки женских фигурок, скульптурных изображений птиц, сложного орнамента на пластинках очень близко напоминают знаменитые находки в Костенках, завершая вышеописанный ряд.

Как видим, линия палеолитических стоянок проходит на юге Сибири, в полосе лесса, соответствующей позднейшей лесостепи (см. заштрихованную полосу на карте № 11). В этих пределах мы пришли вместе с концом этой линии к концу мамонтовой фауны и к последней поре миоценов. Куда же мы должны направить наши дальнейшие наблюдения над историей этой однородной культуры? Где ее продолжение? По авторитетному свидетельству японского археолога Торий, ни в Манчжурии, ни в Корее, ни в Японии, ни в Китае не найдено следов палеолитической культуры. Едва ли также можно считать тамошний неолит непосредственным продолжением южносибир-

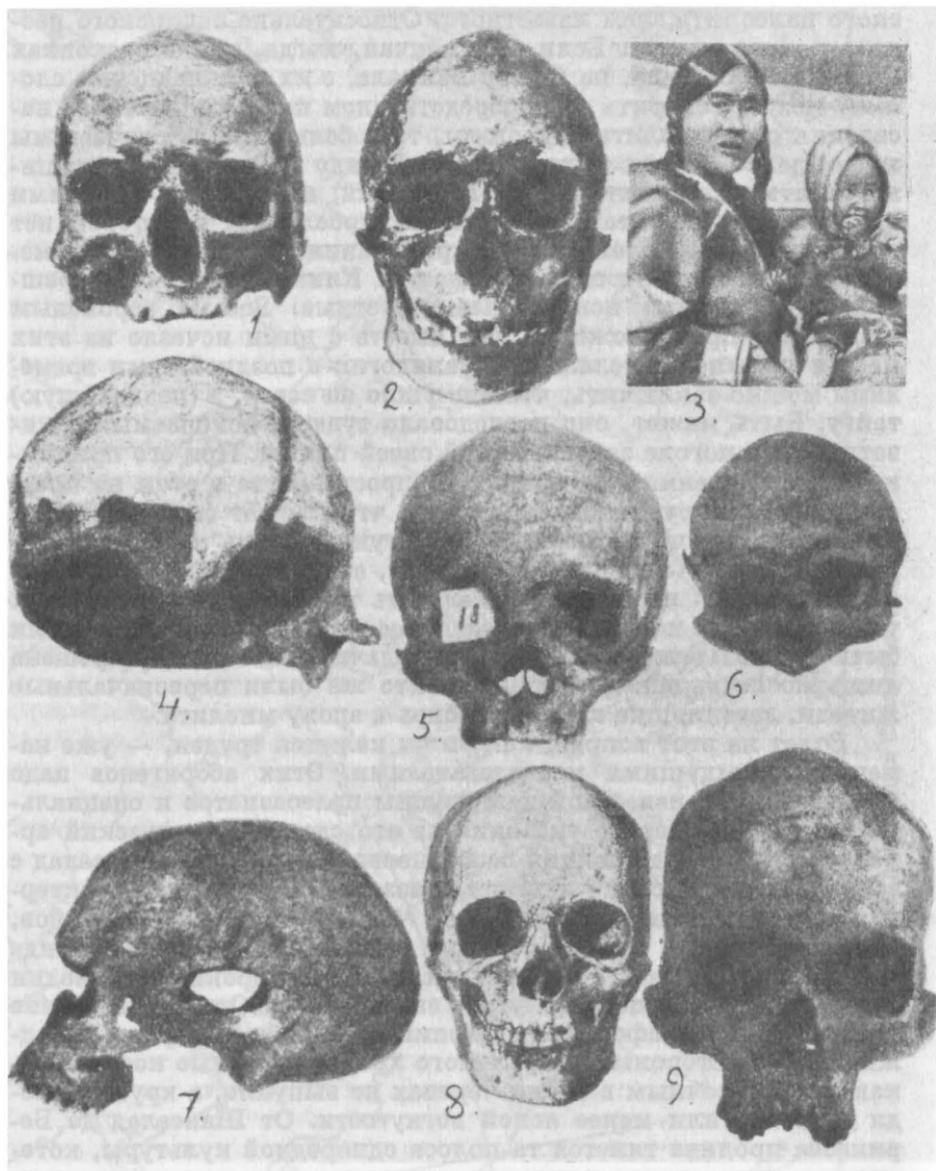
обозначены находки времени неолита, пирамидками — бронзового века, точками в кружках — железного века.

№ 18. Археология Сибири (по Иохельсону)

ского палеолита, нам известного. Относительно сибирского неолита вопрос неясен. Если есть случаи, когда, как в раскопках Петри в Улан-Хада, на берегу Байкала, с их одиннадцатью слоями, можно говорить о непосредственном переходе местного населения от палеолита к неолиту, то в большинстве случаев мы имеем дело с каким-то переломом. Между слоями, сохранившими остатки палеолитических поселений, и слоями с остатками неолитических обитателей, имеется прослойка, в которой нет никаких следов человеческого пребывания. В промежутке изменилась вся окружающая обстановка. Климат принял теперешний вид: исчезли ископаемые животные. Весьма вероятным становится предположение, что вместе с ними исчезло из этих мест и прежнее население. По аналогии с позднейшими временами можно заключить, что оно ушло на север, в (позднейшую) тайгу. Быть может, оно последовало туда за ископаемыми животными, в погоне за привычной своей пищей. При его привычке к перемещениям на обширном пространстве в этом не представлялось затруднений, тем более, что климат северной Сибири был мягче, чем теперь, и степь-тундра лишь постепенно зарастала лесом — сперва лиственным, а потом уже, с ухудшением климата, — хвойным. Может быть также, что население юга ушло на север поневоле, оттесненное пришельцами. Кто могли быть эти новые конкуренты? Эта задача может быть разрешена лишь после выяснения вопроса, кто же были первоначальные жители, заселившие южную Сибирь в эпоху миоценов.

Ответ на этот вопрос, как он ни кажется труден, — уже намечен предыдущими исследователями. Этим аборигенов надо искать в среде известной нам группы палеоазиатов и специально эскимосов. Первое указание на это сделал французский археолог Testut, сравнивший особенности черепа расы Шанселада с эскимосским. У обоих черепов оказалась общей одна характерная черта (см. рисунок № 19, под № 1 и 2). Стреловидный шов, идущий от лба к затылку (*sutura sagittalis*), приподнят в виде гребня шлема (греч. "лофос") или кия опрокинутой лодки (греч. "скафос") перевернутой вверх дном. Отсюда название этих черепов: скафоцефалы (Топинар) или лофоцефалы (Серджи). По обе стороны центрального хребта теменные кости спускаются к височным в таких черепах не выпукло, а круто, доходя до более или менее ясной вогнутости. От Шанселада до Берингова пролива тянется та полоса однородной культуры, которую мы проследили: и как раз на одном конце полосы мы имеем череп миоценовской расы, на другой — живую народность эскимосов (см. № 3 — тип эскимосской женщины и ребенка). В промежуточных звеньях тоже нет недостатка: сюда относится миоценовский череп Эрингсдорфа (около Веймара), несколько неолитических черепов, поздний курганный череп Смоленска и т.д. (см. № 4 и 5). Сравнить непосредственно чистую доисторическую расу с современной народностью, подвергшейся все-

№ 19. Черепа "лофоцефалов" (по Серджи): 1. Череп расы Шанселад. 2. Современный эскимосский череп. 3. Тип эскимосской женщины и ребенка. 4. Череп Эрингсдорфа (Веймар). 5. Курганный череп Смоленска. 6. Череп лофоцефала из Шотландии. 7. Шведский череп из Готланда. 8. Череп лофоцефала — африканца. 9. Череп лофоцефала — тасманоида-полинезийца.

возможным скрещением в течение тысячелетий, довольно рискованно, но по отношению к арктической культуре, жившей изолированной жизнью и сохранившей древние черты, это гораздо легче, чем по отношению к народностям, обитающим на большой дороге истории. Расовый тип эскимосов, несомненно, значительно испестрился позднейшими скрещиваниями, и недаром многие исследователи находили у эскимосов монгольские черты. Но сквозь эти перемены все же просвечивает первоначальный тип, и отмеченная конфигурация черепа, вместе с длинным лицом и с сравнительно низким ростом, подкрепляет сопоставление, сделанное Тестю в 1889 г. После того по вопросу о родстве эскимосов с миолитическими европейцами накопилась целая литература, и мнения ученых антропологов разделились. Ряд авторитетов склонился к признанию человека эпохи Мадлен — предком эскимосов, последовавшим за отступавшими стадами мамонтов и оленей на крайний север. Другие, правда, утверждали, что, наоборот, эскимосы, следуя за спускавшимися на юг представителями арктической фауны, пришли с северной в западную Европу — и после таяния ледника лишь вернулись на свою прежнюю родину. Третьи вообще оспаривали связь между древней расой и современной народностью. Однако такие антропологи, как англичане Соллас и Бойд-Даукинс, француз Эрве продолжали защищать взгляд, высказанный Тестю и поддержанный Хами (позднее отказавшимся от него), Мортилье и др. Сопоставление стоянок лессовой полосы все более поздних по направлению к востоку является само по себе сильнейшей опорой этого мнения. Французские ученые с видимым раздражением говорили по этому поводу о "романе эскимосского нашествия на Европу, выдуманном Жиро". При нашем взгляде речь идет, однако, о "нашествии" в обратном смысле. Не алеуты, чукчи и эскимосы подарили французскую нацию непрошенным родством, а наоборот, из пещер Chancelade и Laugerie в Дордонь вышло население, раскинувшееся от Аляски до Гренландии, пройдя всю длинную линию, отмеченную находками эпохи Ориньяка и Мадлен. Затем, даже и в теперешнем состоянии этих праевропейцев, нет оснований их стыдиться. Правда, они грязны до невозможности: от вони разлагающейся пищи и человеческих отходов в их землянках, как говорится, можно повесить топор на воздух. Но жировая кираса тела и пищи прекрасно охраняет их от невыносимого мороза, среди которого и европеец должен носить их одежду; неугасимая лампа землянок — важнейшая принадлежность их утвари — в зимнее время служит и печкой, нагревающей жилище до 18-30°C. Обоняние и вкус у них, по счастью, неразвиты, но зато зрение и слух — тоже к их счастью — развиты несравненно острее, чем у современного европейца. Их бытовая утварь, выделявшаяся до встречи с европейцами, по старине, из кремня и кости, бедна, но она вполне удовлетворяет своему

назначению, а их "кяки" вызывают восхищение современных строителей яхт. К тому же они сохранили склонность к скульптуре и живописи своих предков эпохи Мадлен, и их карты рек и берегов океана оказываются точнее европейских. Политический строй их остался примитивным, но зато они — прирожденные пацифисты. Их "империалистические" походы по беспрельдному ледяным пространствам иногда кончаются гибелью всего племени — но не чужого, а своего собственного — в силу отсутствия пищи и атмосферных сюрпризов, которые даже они не в состоянии предвидеть. Что касается их моральных качеств, вот описание Реагу, конечно, несколько отдающее идиллией. "Они дики, но не жестоки, не имеют правительства, но не отступают от социальных правил поведения, невероятно невежественны, но являют замечательную способность понимания. Темперамент их — детский, и, как дети, они приходят в восторг от пустяков, но тверды духом, как только могут быть более зрелые культурные люди, и лучшие из них верны до смерти. У них нет религии и какого бы то ни было представления о высшем существе, но они делают последний кусок с голодным и заботятся о нуждах старых и больных членов племени. Они здоровы, и кровь их чиста; они не имеют пороков, не пьют, не убивают, не имеют дурных привычек, не знают игр. Словом, это единственный в своем роде народ на лице земли, и можно по праву назвать их философами севера". Конечно, знаменитый открыватель северного полюса не считался тут с влиянием европейцев, принесших "северным философам" табак, водку и огнестрельное оружие, которые несколько понизили уровень их примитивных добродетелей.

Нас встречает здесь, однако, еще один ученый спор. Большая часть эскимосского населения, насчитывающего в целом около 30.000 человек, живет теперь в полярных странах северной Америки, и только незначительная часть (см. выше) населяет крайнюю оконечность Азии. Отсюда возникла теория, по которой эскимосы пришли из Америки в Азию: к ней склонились и некоторые сторонники восточного происхождения — из Азии — палеолитической расы Шанселада-Ложери (Буль). Все предыдущее изложение противоречит этому взгляду. Логическим продолжением его должна явиться последняя стадия наблюдений выше переселений: переселение эскимосов из Азии в Америку. Первым подтверждением этого могли бы явиться собственные легенды американских эскимосов, выводящие этих поселенцев из далеких северных и западных стран. Но легенды — плохой аргумент для историка. Более убедительным может явиться свидетельство археологии. Правда, русский исследователь Йохельсон, наиболее сделавший для изучения эскимосской преистории, сам примыкает к сторонникам американского происхождения. Но его раскопки на Камчатке и на Алеутских островах также могут свидетельствовать и об обратном движении.

Они дают много интересных деталей, поясняющих миолитические находки Европы; но они относятся к очень позднему времени. Находки японских монет датируют даже одиннадцатым веком по Р.Х. Конечно, мы имеем здесь культуру, более древнюю, чем эта хронология; и мы уже привыкли к запаздыванию культуры по мере продвижения с Запада на Восток. Более древних следов эскимосского пребывания в Америке не найдено, — конечно, если только отделить вопрос о переселении эскимосов в арктические области от более общего и сложного вопроса о первоначальном заселении Америки. Этот последний вопрос очень запутан, и здесь нет надобности на нем останавливаться. Отмечу только последнюю работу итальянского профессора Джузеппе Серджи (1930), открывающую более широкие перспективы; в этом освещении вопрос о заселении Америки ставится, по моему мнению, на более правильную почву. Давно уже было замечено (например, Топинаром), что тип черепа Шанселада общ не только эскимосам, но также другим реликтовым племенам человечества, сохранившимся на окраинах Африки, Азии и Америки (см. выше). Подробное изучение тасманийских и полинезийских "лофоцефалов" привело Серджи к выводу, что этот тип, древнейшим представителем которого является череп Родезии (рис. № 20), представляет параллельную ветвь "плоскоголовым" черепам ("платицефалам") неандертальцев. И черепа неандертальского типа, и череп Brocken-Hill в Родезии одинаково происходят от какого-то древнейшего человеческого типа (Palaeanthropus), происхождение которого Серджи ищет в центральной Африке. Оттуда он следит за распространением "лофоцефалов" на север в Европу, на юг в Южную Африку и на восток через Полинезию и через остатки гипотетического материка, "гондваны", сближавшего некогда Америку с Африкой, — в Америку. Сходство черепов лофоцефалов — африканцев и тасманоидов — полинезийцев с эскимосскими видно на прилагаемом рисунке (№ 8 и 9). Но останавливаться подробнее на этом капитальном вопросе мы здесь не можем. Догадка Серджи, во всяком случае, является высшим синтезом, объясняющим родство примитивных культур, которые уступили место высшим стадиям на всех континентах земного шара и доживают свой век в областях отступления (см. выше).

В частности, в Азии таким антропологическим пережитком является группа "палеазиатов". Их переселение на север Америки есть явление самостоятельное и позднейшее сравнительно с явлениями, изучаемыми Серджи. По отношению к ним другие, тоже примитивные народности Сибири уже являются еще более поздними поселенцами. Сюда можно отнести Енисейских остяков и интересную, но загадочную народность айнов, когда-то занимавшую всю северную половину японских островов и отличавшуюся белизной кожи, светлым цветом глаз и волос и другими чертами чисто-европейского населения. Связь их с Ев-

ропой — и их вероятное происхождение оттуда подтверждается упомянутыми выше статками белого и голубоглазого длинноголового населения на пространстве от Урала до Японии. Сюда относятся белокурые и синеглазые "узуны" и дин-лины китайских летописей. Наконец, та наиболее поздняя картина передвижений на север Сибири тунгузов, тюрков и монголов, которая изображена выше, является уже третьим наслоением, по

№ 20. Череп Brocken-Hill из Родезии: родоначальник "лофоцефалов" (по Серджи).

отношению к которому вторая волна енисейцев и айнов представляется древнейшей. Но повторяю, обо всем этом и упоминаю только для установления общей перспективы, не останавливаясь на всех этих важных проблемах подробнее.

Является еще один вопрос: куда же делись "лофоцефалы" или эскимойды в самой Европе? Исчезли ли они, подобно неандертальцам? Или, как некоторые полагают относительно самих неандертальцев, распустились в позднейших слоях европейского населения? Кроме этих двух исходов, вполне совместимых частично, возможен и третий: часть эскимойдов могла сохраниться в неизменном виде до позднейшего времени. Следы такого сохранения несомненно имеются. Раса, близкая к эскимосской, двинулась из местностей, свободных от ледника, не только на восток, где мы ее проследили, но также, по мере таяния

ледника, и на север, в освобождаемые таянием льда местности. Здесь нас опять встречает спор: откуда была заселена Ютландия и соединенная с ней тогда сушей южная Скандинавия? Ряд ученых указывал на заселение Скандинавии и остзейской области охотниками за оленями, после отступления льда. Коссина вел это первоначальное заселение с верхнего Рейна, Сараув — из средней Европы, Швантес и Эггольм — с юго-востока. Истина, как кажется, заключается в том, что Скандинавия заселена в *разное* время с *разных* сторон людьми *различных рас*. С запада (или юго-запада) пришли в Норвегию короткоголовые — будущие лапландцы. Но со стороны Балтики (как увидим, гораздо позднее) пришли длинноголовые и, как доказывает Карл Фюрст (1910 и 1920), длиннолицые люди Ориньякского типа (то есть эскимойды: см. шведский череп из Готланды, рис. № 19, 7). Буль (согласно своему мнению о восточном происхождении Ориньякской расы) ведет заселение из южной или восточной России. Эггольм замечает, что и в глухих долинах Ирландии и Шотландии, среди докеольского населения, имеются следы родственной эскимосам культуры (см. череп шотландского лофоцефала, № 6, там же). По Шлицу, черепа в некоторых мекленбургских могилах очень сходны с эскимосскими. На эскимосские черты в древнейшем населении Великобритании обратил внимание и Копперс. Эскимосские культурные параллели можно проследить и в сходстве кремневых и костяных орудий, в способах погребения, в деталях устройства жилищ, в способах освещения землянок (см. выше). Беркитт указал на одно интересное специальное совпадение. До сих пор никто не мог определить назначения так наз. "командных жезлов": вырезанной из рога согнутой палки с круглой дырой на сгибе. Информатор Беркитта сообщил ему, что эскимосы употребляют именно такое орудие, чтобы сообщить гибкость кожаным ремням. Ремень прикрепляют к неподвижной точке, пропускают через дыру, закручивают и затем, натянув, трут (как точат бритву), двигая орудие вверх и вниз по ремню. Правда, тут возможно и позднейшее применение.

Проследив процесс первоначального заселения русской лесостепи, мы переходим теперь к другому, более северному месторазвитию, также связывающему Россию с Европой. Мы уже знаем, что все это пространство было занято ледником — и, следовательно, заселение его должно быть отнесено ко времени, значительно более позднему, чем заселение лесостепи. В области этого месторазвития, как и предыдущего, надо отличать более западные части территории от более восточных. Но порядок заселения тех и других — прямо обратный тому, который описан выше. Это заселение не могло совершиться иначе, как в порядке и в направлении таяния ледника, то есть с юго-востока и с востока к северо-западу и западу. В ходе этого процесса — и отчасти в связи с ним — произошли большие изменения после-

ледникового рельефа в северной части Европы. Неоднократно менялся при этом и характер климата и флоры. Для хронологии тех и других перемен исходную точку дают исследования скандинавских ученых. Сопоставим их выводы с данными археологии.

На таблице № 21 (стр.160-161) первый столбец сопоставляет этапы таяния ледника с изменениями очертаний Балтийского моря. Что касается хронологии, на таяние ледника понадобилось, по расчетам Пенка и де Геера, около 13.000 лет (от 18 до 5 тыс. до Р.Х.). От северной Германии до северной Швеции, с тремя остановками по пути, ледник отступил к своему исходному пункту четырьмя этапами: от северной Германии до Дании, от Дании до южной Швеции, от южной Швеции до средней и от средней до северной. На первые два этапа понадобилось около 8.000 лет, на вторые два — около 5.000 (от 10 до 5 тыс. до Р.Х.). Остановки всякий раз отмечались нагромождением отложений на конечных моренах, протяжение которых видно на наших картах № 16 и 17. Непрерывное продолжение этих морен с северогерманской территории на русскую показывает, что отступление ледника на русской территории шло приблизительно теми же этапами, как в северной Германии.

Первые два этапа отступления ледника сопровождались понижением прибалтийских — особенно скандинавских берегов. В результате воды Балтийского и Северного морей покрыли южную Швецию и отделили ее от Европейского континента. По имени морской раковины (*Yoldia arctica*), сохранившей нам память о тогдашнем распространении вод, это обширное море арктической эпохи получило название Иольдия. В течение следующих двух этапов берега опять поднялись и отрезали, в свою очередь, Балтийское озеро от Ледовитого океана и Северного моря, так что оно стало пресным и Швеция соединилась с континентом. Новый вид пресноводного моллюска — *Ancylus fluvialis* — дал имя этому пресному морю — Анцилюс. Наконец, уже в послеледниковый период, при новом опущении берегов, Балтийское море вновь соединилось с океаном и стало опять соленым, пришел из Северного моря и новый моллюск (*Litorina litorea*), давший этому морю название Литорина.

Скандинавские ученые Блитт — Сернандер установили ряд перемен климата, соответствовавших стадиям отступления ледника. А исследования остатков растительности в торфяниках Скандинавии дали возможность связать эти климатические перемены с соответственными изменениями североευропейского растительного покрова. Второй столбец нашей таблицы дает сжатую сводку этих сопоставлений. Исходной точкой служит здесь тот арктический климат, который, как мы знаем, свойственен тундро-степной мамонтовой флоре и фауне. Это — время карликовых кустарников (Дриас) арктических стран. Затем климат начинает смягчаться, сохраняя вначале свой континен-

тальный характер в так наз. "субарктическом" периоде и достигая своего оптимума (наилучшего периода) в конце периода Анцилюса (климат "бореальный"). В это время пресное море сократилось, и по перешейку между Ютландией и Сконией проник и распространился в Швеции дуб. Оптимальный климат продолжался и в первое время послеледникового периода Литорины, когда в Балтийское море проник Гольфстрем и климат сделался морским ("атлантический"). Но к концу Литорины климат ("суббореальный") стал быстро ухудшаться. В это время на скандинавском севере исчезает дуб и бук, уступая место ели; хвоя распространяется на север. Ухудшение климата продолжается и в историческое время ("субатлантический" климат); лиственные леса в это время уходят на юг. Мы встретимся в дальнейшем изложении с последствиями этих климатических перемен в процессе заселения Европы.

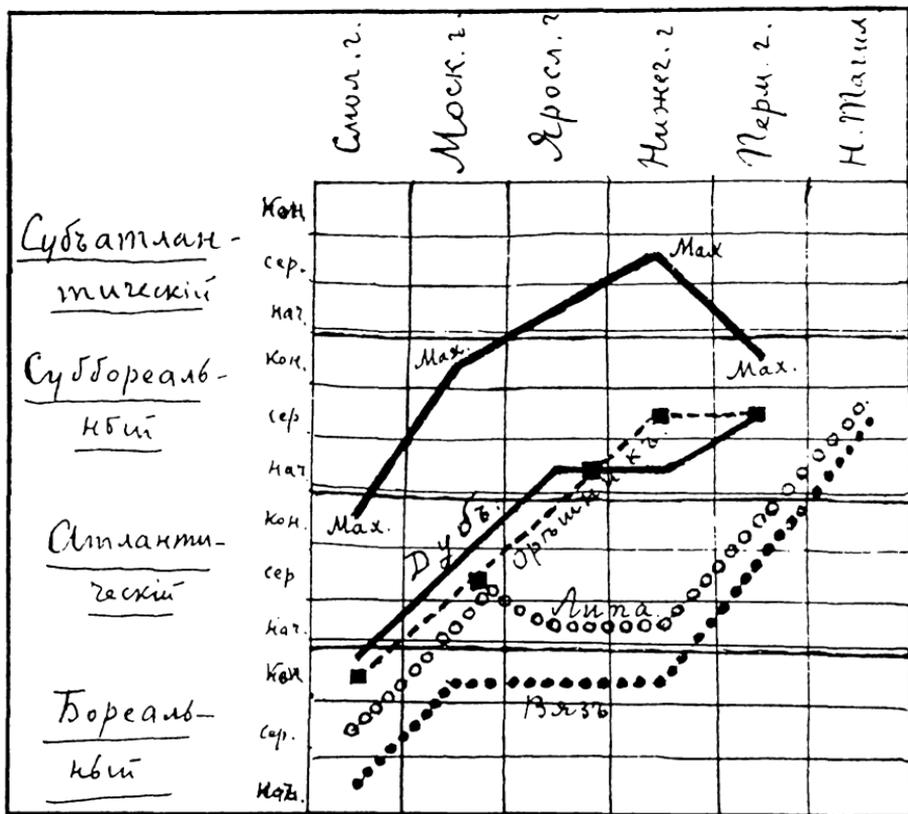
Остальные столбцы таблицы найдут свое объяснение в дальнейшем. Отметим лишь, что хронология скандинавских и прибалтийских культур только начинается там, где кончается хронология миолита. Древнейшие находки этого периода — грубые каменные орудия — не поддаются точно датировке. На таблице они отмечены двумя местностями возле Любека (Шлютуп, Розенкранц, № 17) как "конец Мадлен". К ним можно еще прибавить находки в Аренсбурге и Лаверштедте. Все эти находки — на территории балтийской морены. Дальнейшие отделы конца ледникового периода отмечены уже как переходные к неолиту (эпимиолитические) стадии культуры; они носят условные французские названия (по местам стоянок): *Asilien*, *Tardenoisien* и *Campignien*.

По следам скандинавских ученых пошли и русские; но их работы не дают еще такой отчетливой картины, как представленная таблица. Во всяком случае, они достаточны, чтобы показать связь между германо-скандинавско-балтийским и центрально-русским месторазвитиями северной Европы. Из прилагаемой таблицы (№ 22), составленной Д.Герасимовым на основании исследований пыльцы лиственных и хвойных деревьев в разных слоях русских торфяников, сразу уже видно, что следов растительности древнейших периодов — арктического и субарктического — в России вовсе нет. Отчасти остатки нестывшего ледника, отчасти сухой континентальный климат препятствовали образованию торфа на месте болот и озер. Первые отложения торфа относятся уже ко времени оптимального климата континентальной бореальной эпохи, достаточно теплого для распространения дуба и орешника в Московской губернии. Дуб и орешник встречались тогда даже в Нижегородской и Вологодской губерниях (около 7.000-5.000 до Р.Х.). Однако период скандинавского и балтийского теплого климата, продолжавшийся после бореального в атлантическом (морском), у нас в России был более суровым. Герасимов считает наш атлантичес-

Отступление ледника и уровень Балтики	Климат и флора Скандинавия	Россия
1. От Германии до Дании	1. Арктический Флора Дриас	—
2. От Дании до сконской морены Иольдма (соленое море)		
3. От Саксонии до средней Швеции	2. Субарктический (холодный, сухой)	
4. От Швеции до конца ледника	Тополь, <i>Pinus silvaticus</i>	
А н ц и л ю с (пресное море)	3. Бореальный (теплый и сухой) Оптимум Дуб и сосна	Дуб и орешник
5. Послеледниковый период	4. Атлантический (теплый, морской) Оптимум Смеш. лес Дуб, липа	(Холодный, влажный) Смешанный лес, дуб (Смол. губ.), Береза, ель (на север от Москвы)
Л и т о р н а (соленое море)	5. Суббореальный (теплый и сухой) Ухудшение климата <i>Picea excelsa</i> , <i>Fagus silvatica</i> поднимается к северу	(Теплый и влажный) Оптимум Дуб и сосна
6. Историческое время	6. Субатлантический (холодный и влажный) Ухудшение климата Лиственные леса уходят к югу	(Переходит к современному континен- тальному)
Лимнеа		

до железного века

Археол. периоды зап. и сев. Европы	Главные находки и культуры Сев. Европа	культуры Россия	Хронология до Р.Х.
Конец Мадлен Младший палеолит (миолит)	Шлютуп Розенкранц	Конец переселений эпохи Ориньяка	25 000—18 000
Э п и м и о л и т			
Азилен	Лингби Стрелы Гарпуны		ок. 9 000 10 000—5 000
Старший тарденуазьен	Маглемозе	Шигирь Кунда	ок. 7 000
Младший тарденуазьен Кампиньен	Эртеболле а) Стар. кухон. остатки б) Заостр. топоры в) Мегалит (дольмены)	Микролиты Макролиты на дюнах Триполье Пернау Гребеночная керамика Ямная культура	5 000—4 000 4 000—3 000 3 000—2 500 ок. 3000 (2700—1700) (в Финл. 2 700—2 000) 3 500—1 600
Неолит	Ядро северной расы		2 600—2 300
Энеолит	г) Крытые ходы д) Кам. ящики		2 500—2 000 2 000—1 500
Бронза	Унетипская культ. Лужицкая культ.	Фатьяново; шнур. керамика Bootaxte Катакомбы Майкоп Хвалынская культ.	2 000—1 700 2 000—1 600 1 800—1 500 (2300 ?) 1 900—1 500 1 400—500
	Первый железный век (Гальштадт)		1 100—500

№ 22. Перемены климата (по Герасимову)

кий период не теплым и влажным, а холодным и влажным. Климат Тверской губ. тогда был сходен с теперешним Петербургским или даже с южной часть Кольского полуострова. Смешанный дубовый лес (дуб, вяз, липа) господствовал тогда лишь в Смоленской губ. На север от Москвы липы не было; преобладала береза. Ель была распространена в достаточном количестве в Вологодской и Костромской губ. На среднем Урале почти исключительно господствовала лиственница с небольшой примесью ели. Напротив, следующий суббореальный климат, когда в Прибалтике наступило ухудшение, Герасимов считает более теплым и влажным, чем современный — последнеиковым максимумом тепла в России. Это период наибольшего распространения смешанного дубового леса; тогда растет крупный сосновый лес, развивается ольха. Распространяется сосна и ель в Новгородской, Тверской, Московской, Калужской, Нижегородской губ., достигая максимального развития на среднем и северном Урале. На среднем Урале появляется пихта. Наконец,

субатлантический климат в России вначале тоже продолжает быть влажнее и теплее современного; в конце он приближается к современному континентальному. Тогда убывают смешанные дубовые леса и ольха. На среднем Урале появляется кедр. Характерно, что максимальное распространение дуба (верхняя черная линия диаграммы) достигается прежде всего — в конце атлантического периода в Смоленской губ. — в начале суббореального — в Калужской, и тогда же в Пермской, а в конце его — в Московской. В Ярославской и Нижегородской максимум достигается только в начале и середине субатлантического.

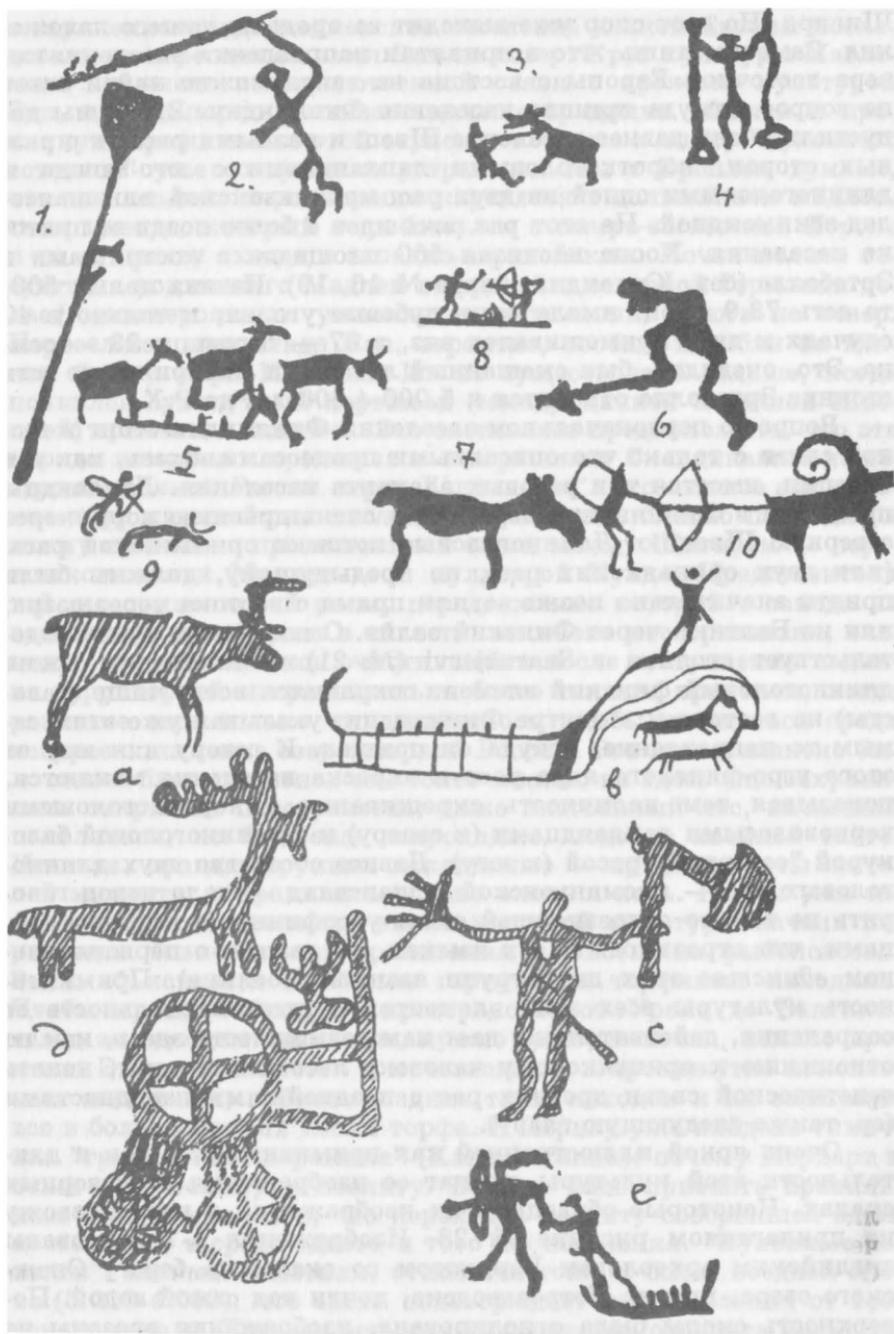
Из сказанного видно, прежде всего, что послеледниковый период есть время распространения — впервые в России — лесных произрастаний, в центре лиственных и смешанных, на севере хвойных. Но распространению леса предшествовал длинный период, когда таяние ледника оставило по себе лишь пески, озера и болота. Хоопс прав, что такое состояние почвы не благоприятствовало появлению *прочных* человеческих поселений. Одно такое поселение — на восточном краю тающего ледника мы уже знаем — у озера Шигирь, около Екатеринбурга, где находки встречены в самом низком слое торфа, среди остатков мамонтовой фауны. Теперь отметим, что совершенно тождественная культура была найдена и на западной окраине ледника, на эстонском берегу в стоянке у с.Кунда, а также в Пернау, на западном берегу Эстонии (см. карту № 17, буквы *f* и *g*, и на карте № 16, цифры 15 и 16). Обыкновенно Кунду относили ко времени Анцилюс. Но Мергарт, признавая эпипалеолитический характер этой культуры, относит Кунду к эпохе Литорины, а Пернау даже к неолиту. Несомненно, во всяком случае, что эти стоянки — значительно позднее Шигиря. Ископаемая фауна здесь уже отсутствует. Находки (гарпуны, стрелы и ударные орудия) лежат не в нижнем слое торфа, как в Шигире, а в верхней части торфяного пласта в три метра толщины. Остается заключить, что здесь мы имеем дело с расселением в обратном направлении тому, за которым следили в более южном месторазвитии — в лессовой полосе. Наблюдение это подтверждается и таким авторитетом, как Обермайер, который распространяет его и на находки в торфяных болотах и луговых отложениях северной Германии, восточной Пруссии, Померании, Мекленбурга. Шлезвиг-Гольштейна, Havelland'a. Он отмечает, что костяные орудия этих находок сделаны не из рога древнейшего типа оленей (*Ren*), а из позднейшего (*Hirsch*) и лося — и что они "всцело покрываются по типу изящными гарпунами ступени Маглемозе ("большое болото" на острове Зееланд, карта № 16, 20), распространенной по датским островам, южной Швеции и Прибалтике — до Эстонии (Обермайер разумеет, очевидно, только что упомянутые стоянки № 15 и 16). Откуда же пришли эти культуры? Вот ответ Обермайера. "Не следует приписывать эти комплексы находок периоду Мадлен — в том смысле, что с

отступлением льда мадленское население южной Европы последовало за переселяющимся Ren на север. Круг культуры Маглемозе не имеет непосредственной связи с прежней культурой Ren, но бесспорно развивает дальше традиции Мадлен и проникнут пережитками этой ступени, которые в эпоху "кухонных остатков" уже совершенно устранились. Мы с Брейлем думаем, что эти поздние переживания коренятся в дальнейшем мадленском центре, который *выработался в северо-восточной Европе* и по существу сходен с западно-европейским. Почти полное отсутствие подлинного Мадлен в средней и северной Германии делает маловероятным упомянутое переселение с юга на север. Переселяющиеся стада Ren, вероятно, вообще погибли на южном берегу моря Иольдиа. Их не существовало больше, когда появился сухопутный перешеек (между Данией и южной Швецией) времени Анцилюса. Это заставляет предположить, что эта порода животных проникла в теперешнюю Скандинавию из *северо-восточной России* через Лапландию". Это важное заключение двух крупнейших исследователей очень близко подходит к моему принятию преемственной связи между Шигирем — пережитком эпохи Мадлен — и культурой Кунда. Представители той же ориньякской расы, передвижение которой с запада на восток мы проследили в области лессового месторазвития, очевидно воспользовались очистившейся после отступления ледника территорией и сравнительно более теплым временем, когда развитие леса только что начиналось, чтобы поселиться среди непересохших еще озер северной России. Это месторазвитие было менее благоприятно, чем более южное; но здесь еще сохранялись открытые пространства; даже лиственный лес, начавший появляться, не был еще непроходим, подобно хвойной тайге. Исчезли, правда, крупные ископаемые — предмет охоты жителей миоценового периода; сохранились только олень и лось. Но мы уже заметили, что переселенцы эпохи костяной культуры начали переносить базис своего пропитания с охоты на рыболовство. Этим объясняется и обилие гарпунов в торфяных находках. Чтобы пройти обширное пространство от Урала до Балтики, вслед за тающим ледником, нужно было, конечно, немало времени. Этим объясняется и исчезновение в промежутке ископаемых животных, и более поздние типы находок и их залегание все в более высоких слоях торфа. В Пернау уже найдена типичная "ребеночная керамика" (Kammkeramik); почему Мерхарт и отнес эту стоянку к неолиту. Вообще надо признать правильным его утверждение, что переход к неолиту совершился здесь постепенно, в среде одного и того же населения. "Кухонные остатки", как мы заметили, относятся тоже к более поздней эпохе (5.000-4.000), что снова подтверждает ход заселения от востока к западу. Едва ли есть также основание отделять культуру Маглемозе и Эртеболле от рассматриваемого круга культуры. Менгин считает ту и другую — прямым продолжением Кунды и

Шигиря. Но этот спор уже выходит за пределы нашего изложения. Заметим лишь, что в принятии направления заселения севера восточной Европы с востока на запад можно найти ответ на вопрос, откуда пришло население Финляндии. Выше мы допустили очень давнее заселение Швеции разными расами с разных сторон, короткоголовыми лапландцами с юго-запада и длинноголовыми одной из двух рас: кроманьонской или шанселада-эскимойдной. На этот раз речь идет о более позднем притоке населения. Хоопс насчитал 560 площадок с кострищами в Эртеболле (сев. Ютландия, карта № 16, 19). Из них целых 503, то есть 73,9 проц. имели одни дубовые уголья, и только в 40 случаях к дубу примешивался вяз, в 37 — береза, в 23 — осина. Это, очевидно, был смешанный лес эпохи Литорины, то есть стоянка Эртеболле относится к 5.000-4.000 лет до Р.Х.

Вопрос о первоначальном заселении Финляндии стоит в тесной связи с только что описанными процессами. Здесь, как и в Швеции, имеется три расовых элемента населения. Лапландцы проникли в Финляндию, вероятно в очень древнюю пору, через северную Швецию. Длинноголовые потомки ориньякской расы (или двух ориньякских рас), по предыдущему, должны были придти значительно позже — или прямо с востока через озера, или из Балтики через Финский залив. О последнем пути свидетельствует стоянка в Saarusjärvi (№ 21). В настоящее время длинноголовый финский элемент сохранился всего чище (тавасты) на востоке и в центре Финляндии, указывая уже этим самым то направление, откуда он пришел. К северу и к югу от этого угро-финского ядра рост и окраска населения меняются, показывая тем наличность скрещивания с короткоголовыми черноволосыми лапландцами (к северу) и с длинноголовой белокурой "северной" расой (к югу). Давнее соседство двух длинноголовых рас — кроманьонской и шанселада — дало повод говорить не только о древнейшей связи угрофиннов с индоевропейцами, что отразилось на их языках, но даже и о первоначальном единстве этих двух групп языков (Косинна). Примитивность культуры всех этих элементов и продолжительность ее сохранения, действительно, дает нам возможность здесь, как по отношению к ориньякскому человеку лессовой полосы, искать генетической связи древних рас с позднейшими народностями (ср. также следующую главу).

Очень яркой иллюстрацией как примитивности, так и длительности этой культуры служат ее изображения на северных скалах. Некоторые образцы этих изображений я воспроизвожу на прилагаемом рисунке № 23. Изображения 1-7 срисованы английским археологом Беркиттом со скалы на берегу Онежского озера, против Петрозаводска, почти над самой водой. Поверхность скалы была отполирована, изображения врезаны на 1-2 сантиметра глубины, на очень твердой горной породе. Беркитт относит их к эпохе бронзы, но мы знаем уже сбивчивость

№ 23. Изображения на северных скалах

и условность этих определений на севере и востоке. По содержанию они, во всяком случае, представляют все характерные черты жизни населения милолита. О рыболовстве свидетельствует здесь фигура человека, запускающего гарпун (2) и весло (1). На рисунке № 3 охотник поражает дротиком лося. Рис. 6 изображает земледельца с киркой примитивной формы, может быть насаженной на рукоятку. Способ передвижения на оленях изображен на рис. 5. Рис. 4 представляет человека, идущего на лыжах. Рис. 7 изображает лося. Наивный реализм изображений помешал мне воспроизвести сцены общения между полами.

В нижней части рисунки, обозначенные буквами, представляют ту же культуру, но на высшей стадии: они сняты с прибрежных скал южной Швеции⁵. Здесь человек управляет санями, запряженными собаками — первым зверем породы волка, прирученным человеком (с). Сани, запрягавшиеся собаками, известны в Финляндии уже в эпоху Литорины. Появляются предметы ритуала: повозка на колесах, ср. позднейшие "колесницы солнца", и тут же олень и возница (d). Оружие вождя или громовержца (с) имеет форму бронзового топора (знак власти). Стрелок из лука носит какой-то головной убор (е), а стоящий рядом в санях (или на лодке) спутник готовится бросить в том же направлении что-то вроде бумеранга (е). Интересные параллели к этим рисункам представляют № 9, срисованный со скалы Ихэ-Алык в сев.Монголии, по среднему течению р.Толы, и № 10: охота на аргала, со скалы у р.Дженишке, в верхнем течении Иртыша у о.Зайсана. Наконец, под № 8 я поместил современный эскимосский рисунок, изображающий борьбу за добычу. При всей разнице топографии и хронологии, мы имеем здесь дело, очевидно, с одной и той же культурой, а иногда и с одной и той же народностью, пронесшей через века основные черты своего быта.

Подводя итог достижениям культуры в эпоху милолита, эпоху долгую, но несравненно более короткую, чем предшествовавшая ей протолическая эпоха, мы прежде всего должны отметить основную черту этой эпохи. Человек ориньякского типа впервые заселяет Россию, проходя ее с запада на восток. Это передвижение начинается сперва на пространстве полосы средней Европы, оставшейся свободной от ледника. Затем оно продолжается в отложениях лесса, через южную Россию на северо-восток в Сибирь, по ее южной лесостепной полосе до Байкала — и дальше, — предположительно, до Берингова пролива, и через Алеутские и Курильские острова в Америку. Культура Ориньяка и Мадлен доносится до этих пределов в основных

5 a — Bötå; b — Ekenberg bei Norrköping; c — Flyhof; d — Bohuslan; e — Bohuslan.

чертах неизменной, как не изменяется и тип населения; но в то же время, по мере продвижения на восток, к ней присоединяются и местные черты. По мере этого продвижения и хронология древнейшего заселения представляется все более и более поздней. Что касается антропологического типа переселенцев, мы нашли возможным установить его однородность на всем этом длинном пути, сопоставив ископаемую расу "шанселада" с живой палеазиатской народностью эскимосов. Это тип европейский.

С большим опозданием заселяются и освободившиеся от льда, по мере таяния ледника, территории северной Германии, Дании, южной Швеции и прибрежий Балтийского моря. Здесь процесс заселения кончается уже далеко за пределами миолита. Главная линия этого последнего процесса идет в обратном прежнему направлении — с востока на запад, от Урала к Балтике. Это общее направление объединяет северную Россию и германскую низменность в одном общем процессе — сравнительно позднего заселения.

Таким образом, ко времени неолита вся восточная Европа является уже заселенною. Культура, принесенная с крайнего запада Европы в центр и на восток, является, в противоположность протолисту, созданием человека не звериного типа, а типа *homo variens*. Этот тип, в пределах миолита, представлен, по крайней мере, тремя различными расами, две из которых длинноголовые (кроманьонская и шанселада), а третья — короткоголовая. Последняя, несомненно, связана с лапландцами. Раса шанселада — "лофоцефалы", по нашему мнению, столь же несомненно связана с палеазиатами — в частности с эскимосами. Наконец, третья, кроманьонскую расу многие считали предками германцев. Но она — широколицая, тогда как "северная раса" длиннолицая, и глава новейшей школы Гюнтер предпочитает выводить германцев от расы шанселада, признавая потомками кроманьонцев — особую вестфальскую (*fälische*) расу, более тяжеловесную, чем стройный, узколицый и узконосый тип шанселада.

По характеру быта культура миолита переходит от культуры собирателей, а не производителей пищи к культуре охотников и рыболовов. По самому роду своих занятий население ведет бродячую жизнь, передвигаясь на больших, открытых пространствах вслед за перемещением предметов своего питания — мамонтовых, оленьих, лошадиных стад на суше, появлением рыбных скоплений на море. Самое продвижение к востоку является последствием этих поисков пищи, а толчком к нему — оскудение пищи, или вследствие перенаселения, конечно перенаселения относительного, или же вследствие перемены климата и соответственной фауны. Скопление населения около мест, особенно обильных пищей, сопровождается некоторой условной оседлостью. Охотники и рыболовы начинают возвращаться к

одним и тем же стоянкам, где устраиваются более или менее значительные запасы пищи и организуются мастерские для производства орудий охоты. Наблюдается и известный прогресс в обработке этих орудий. Каменные орудия при этом уже не играют той исключительной роли, как прежде на западе. Рядом с ними появляются и постепенно вытесняют их на северо-востоке Европы костяные орудия. От жилищ этого периода сохранились едва заметные следы; но они указывают на шалаш и юрту как на примитивные формы жилья человека, только что покинувшего пещерные убежища. Появляются впервые в начале этого периода и постепенно совершенствуются предметы искусства и украшений. От Испании и Франции до Алеутских островов Аляски, Лабрадора и Гренландии тип этого искусства эпохи миолита одинаков, и это сходство еще раз подчеркивает единство всего процесса. Что касается религиозных понятий, их развитие совершается медленно. Оно проявляется преимущественно в ритуале погребения покойников (согнутые и окрашенные скелеты), свидетельствующем о примитивных представлениях о загробной жизни. Появляются и идолы — прежде всего женского божества, олицетворяющего плодородие. На западе сохранились следы шаманства, вероятно восходящего к этому же периоду и на востоке. Социальный строй носит примитивные черты. Соединения охотников не идут далее небольших групп, сходящихся только для охоты и делящих между собой ее результаты. Эта черта, вместе со свободой кочевания и заселения необитаемых земель, обуславливает мирный характер отношений между группами. Однако обширные территории кочевания уже считаются собственностью племен. Не исключаются и случаи убийства лишних ртов и каннибализма. При некоторой осторожности можно дополнить эти основные черты доисторической культуры чертами быта современных примитивных народов — прежде всего эскимосов, как уже и делали это некоторые исследователи (например, Людвиг Рейнгарт). Нужно только помнить, что древние черты осложнены здесь приспособлением к новой обстановке.

БИБЛИОГРАФИЯ

Неисчерпаемую сокровищницу данных по всему доисторическому периоду представляет, *Realexikon der Vorgeschichte*, herausgegeben v. Max Ebert, unter "Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter", в 14 томах (1924-32), с обширным систематическим указателем в 15-м томе, чрезвычайно облегчающим пользование огромным материалом. Для первоначального ознакомления можно указать Moritz Hoernes, *Urgeschichte der Menschheit*, neubearbeitet v. Friedrich Behn и его же, *Kultur der Urzeit* в трех выпусках, переработка того же F. Behn, оба сочинения в "Sammlung Götschen". Другое классическое произведение Хернеса, *Geschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Christi*, также переиздано с обширным и ценным прибавлением Oswald Menghin, 3-е изд. (1925). Hubert Schmidt, *Vorgeschichte Europas*, в серии "Aus

Natur und Geisteswelt" остановилась, к сожалению, на первом томе: *Stein und Bronzezeit* (1924). Классическое в свое время руководство Gabriel et Adrien de Mortillet, *La préhistoire, origine et antiquité de l'homme* переиздано последним без изменений в 1910 г. с 3-го издания 1900 г. и уже не представляет современного состояния науки. Из новых сводных работ полезна для общего введения талантливая книга V. Gordon Childe, *The Dawn of European civilization*, 2 edition в серии "The History of Civilization", ed. by C.K. Ogden (London, 1927). По-русски имеется сводная работа старого археолога В.А. Городцова, *Археология*, т. I, *Каменный период* (Госиздат, 1923), обширный материал и библиография, но изложение, довольно спутанное, соединяет преобладание типологического метода с сырыми социологическими обобщениями. Для истории земли до появления человека, см. в том же "Sammlung Göschen": Franz Kossmat, *Palaeogeographie*, 3-е изд. (1924); Wilh. R. Eckart, *Palaeoklimatologie*, 2-е изд. (1923); Emil Werth, *Das Eiszeitalter*, 2-е изд. (1920). В серии "Aus Natur und Geisteswelt", Edgar Daqué, *Geographie der Vorwelt* (1919). Обермайер, *Доисторический человек*, т. 1 в трехтомной серии "Человек в его прошлом и настоящем", в "Библио. Естествознания" под ред. Меншера (1913). Новейшая работа Обермайера, *Urgeschichte der Menschheit*, Frb. (1931), напечатана в серии "Geschichte der führenden Völker". О расах см. Boule M., *Les hommes fossils, éléments de paléontologie humaine*, 2e ed. (Paris, 1923). Duckworth, *Prehistoric Man*, в "The Cambridge Manuals" (Cambr. 1912). Eugène Pittard, *Les races et l'histoire*, в серии "L'évolution de l'humanité" (Paris, 1924), детальное изложение без общих выводов, подробная библиография. Противоположность этой книге составляет широко задуманная оригинальная работа Egon Freiherr von Eickstedt, *Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit* (Stuttgart, 1934), с обильными иллюстрациями и с новейшей библиографией. Автор производит человечество из Азии, но его наблюдения над "европейцами" Сибири совпадают с моими. Африканского происхождения держится Джузепе Серджи, см. его работы: *Africa* (1897), *Europa, L'origine dei popoli europei e la loro relazione coi popoli, d'Africa, d'Asia e d'Oceania* (1907), и *L'uomo secondo le origini, l'antichità, le variazioni e distribuzione geographica* (1911). В своей новейшей работе, здесь использованной, *La piu antica umanità vivente* (Torino, 1930), Серджи возвещает, со свойственным ему энтузиазмом, о распространении типа "лофоцефалов" и сопоставляет его с эскимосами Америки. Но он не знает судьбы лофоцефалов в Европе и удивляется появлению здесь черепов этого типа, правильно связываемого им с типом Шанселад. Мое изложение дает не достигающее ему звено и устанавливает происхождение американских лофоцефалов — по крайней мере одного из этих типов — из Азии. Сжатое изложение *Rassenkunde* дает Густав Крапчек в серии "Urgeschichtliche Volksbücher" (Wien, 1924). Рядом с расистскими увлечениями много интересного содержат работы признанного главы германской школы Hans Gunther, *Rassenkunde des deutschen Volkes*, посл. издание (München, 1933), и его же *Rassenkunde Europas*, 3, Aufl. (1929). Новейшее сокращенное и дешевое издание вышло там же, *Kleine Rassenkunde des deutschen Volkes* (1933).

Об исторических изменениях русского ландшафта, кроме приведенных в предыдущей главе сочинений, см. брошюру Лавренко, *Центры консервирования третичных лесных реликтов между Карпатами и Алтаем*, в "Prace Moravske prirodovedcké společnosti", svaz IV, spis 2 (1927). Главные находки эпох Ориньяк и Мадлен описывались неоднократно. О распространении ориньякских находок в Европе, см. справочную работу Johannes Bumüller, *Leitfaden der Vorgeschichte Europas* (1925). О находках в Киеве см. В.В. Хвойко, *Каменный век среднего Приднепровья*, в "Трудах XI археологического съезда", т. I, и его же *Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры* "Записки отд. русск. и слав. археологии Рус. Арх. Общ.", т. V. О раскопках 1909-1912 гг. в Мезине см. статью Ф. Волкова, *Nouvelles découvertes dans la station paléolithique de Mézine*. Compte rendu de la XIV session. Congrès international d'anthropologie

et d'archéologie préhistorique (Genève, 1912), т. I. Там же замечания abbé Н. Вреuil о Мезине. О Костенках см. П. Ефименко, *Статэтка салютрейскаго врэмени с берегов Дона* (со снимком) в "Материалах по этнографии", том 3-й (Ленинград, 1926). Сведения о новейших раскопках М. М. Герасимова в 1928-1932 гг. в Мальте, см. в "Изв. Гос. Акад. Ист. Матер. Культуры", т. XI, вып. 3-4, 1931, статья П. Ефименко, *Значение женщины в Ориньянскую эпоху*, и "Сообщения" (ГАИМК, № 9-10, 1932). Снимки напечатаны весной 1934 г. в "Illustrated London News". О позднем характере сибирского палеолита см. В. И. Громов, *О геологии и фауне палеолита СССР*, с картой распространения в России и Сибири (ГАИМК, № 1 и 2, 1933.). По времени он отвечает концу верхнего палеолита европейской части СССР — эпохе развитого и позднего мадлена. "Все до сих пор известные (сибирские) стоянки отвечают времени завершения аккумуляции вторых террас и начальным стадиям формирования их уступов". К тому же выводу, подтверждающему мое построение, приходит и польский археолог Ludwik Sawicki, после подробного обзора сибирских палеолитических находок в "Przegląd Archeologiczny", т. III, zesz 3; он даже предлагает "для устранения недоразумений" заменить название "сибирского палеолита" — "сибирским эпипалеолитом", отводя ему место в пер. Ansyulus (соотв. asillen-tardenoisien) и относя сюда и "Афонтову", и "Верхоленскую" горы (см. выше). Сводный отчет о сибирском палеолите по специальной советской литературе напечатан Мерхартом в "Wiener Prähistor. Zeitschrift", XI, 1924. См. также приведенное в предыдущей главе сочинение В. Иохельсона и его же, *Archaeological Investigations in Kamchatka* (Published by Carnegie Institution of Washington, 1928). О быте современных эскимосов, см. Arnaldo Faustini, *Gli Eschimesi*, в серии "La civiltà contemporanea" (Torino, 1912), и главу в книге Ludwig Reinhart, *Der Mensch der Eiszeit* (1924). Отдельные замечания, подтверждающие наше изложение, см. у G. Ekholm, *Die erste Besiedelung des Ostseegebietes*, в "Wiener Präh. Zeitschrift X (1925). О талассе рисования палеазиатов, см. Hans Findelsen, *Der Mensch und seine Teile in der Kunst der Jenseer (Keto)*, в "Zeitschrift für Ethnologie" (1931). Poleмика Финдейзена с Богоразом, "Сборник памяти Кастрена" (СПб, 1927), о прародине и национальности палеазиатов в том же "Zeitschrift für Ethnologie" (1927). О снимках со скал против Петрозаводска на берегу Онежского озера, см. у М. С. Burkitt, *Prehistory*, 2 ed. (Cambridge, 1925). Более точное издание по фотографическим снимкам готовится в Ленинграде. Скандинавские рисунки взяты из словаря Эберта. Сибирские — из отчета археол. экспедиции 1925 г. с участием Г. И. Боровки по сред. течению р. Толы (Сев. Монголия, II, Предвар. отчеты. Лен. 1927, Ком. по исслед. Монгол. и Танну-Тувинской республик). См. также статью Тальгрена в "Eurasia Septentrionalis Antiqua", ESA, VIII (1933), *Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures*. О Шигире и Кунде, см. статью Мерхарта, *Sibirien*, в словаре Эберта. Хронологическая таблица таяния ледника и соответственных климатических и археологических эпох составлена по нескольким источникам: словарь Эберта, II, в статье Обермайера (в 1931 г. Обермайер изменяет хронологию). Там же, IV, в ст. *Nordkreis*, по Blytt и Sernander, Jeesen, Munthe, Montellius. О частях таблицы, касающихся неолита и металлической эпохи, см. следующую главу. Хронология Soergel в т. I *Propylaeen*. Ссылку Обермайера на Брейля, см. в ст. *Norddeutschland* (Эберт, IV). Об изменениях климата в России, см. Д. А. Герасимов, *Изменения климата и история лесов Тверской губернии в последледниковую эпоху по данным изучения торфяных болот*.

III

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Раса и национальность. — Пластичность расы и устойчивость национальности. — Трудность понятия "психической расы". — Предпосылки создания национальностей в период неолита и металлов: оседание населения, выделение отдельных территорий, объединение языка, столкновения с соседями, обеспечение пищи, накопление запасов, социальная дифференциация, появление господствующего слоя. — Дробление территорий по данным археологической "типологии" и новейшие попытки синтеза. — Преемственность от эппалеолитического населения. — Поиски национальностей, соответствующих культурным кругам. — Роль передвижений. — Характеристика трех месторазвитий Европы и России. — Крайние месторазвития северной и средиземной рас. — Две короткоголовые расы срединной Европы. — Северная полоса России: территория гребеночной культуры. — Европейский тип древнейшего населения и "европиды" Сибири. — Приход древнейшего германского населения. — Выделение и исчезновение Фатьяновской культуры верхней Волги и Оки. — Второе месторазвитие — на лессе и черноземе. — Население дюн в Польше и России. — Трипольская культура. — "Землянки" и "площадки". — Начало, середина и конец Триполья. — Вторжение шнуровой керамики — с востока или с запада? — Сложность шнуровой культуры. — Скорченные скелеты и охра. — Элемент мегалитической культуры. — "Ямные" и "катакомбные" погребения. — Типы сосудов по эту и по ту сторону Днепра. — Антропологический тип шнуровых погребений. — Спор о быте. — Третье месторазвитие в Черноморье; его связь с Средиземноморской и переднеазиатской культурой. — "Степная" культура Кубани. — "Хвалынская" культура нижнего Поволжья. — Вопрос о происхождении "катакомбных" погребений Донца и Дона. — Энеолит и бронзовые культуры в России. — Урал и Сибирь. — Хронология происхождения индоевропейцев. — Данные из Малой Азии и Восточного Туркестана. — Спор о европейской или азиатской "прародине". — Иоганн Шмидт и германская школа. — Протест Серджи во имя средиземноморских длинноголовых. — Реабилитация короткоголовых у Микелиса. — Соответствующая теория Тэйлора. — Рост короткоголовых в Европе и его объяснения. — Сближение европейской и азиатской теории. — Фейст и момент скептицизма. — Роль доиндоевропейского населения Европы. — Пример развития народности кельтов указывает на среднюю Европу и на эппиолитическое население, как факторы индоевропеизации. — Роль пришельцев-завоевателей в дунайском бассейне. — Распространение и роль иллирийской группы народностей. — Связь иллирийцев с динарской короткоголовой расой. — Их роль в создании унетичкой и лужицкой культуры. — Распространение лужицкой культуры по Антониевичу. — Спор о славянстве лужицкой культуры. — Припять или верхняя Висла? — Положение балтославян среди индоевропейцев. — Отношение их к угрофинским народностям. — Иранцы и скифы в России.

Переход от "начала культуры" к "происхождению национальностей" может показаться неожиданным и слишком по-

спешным. Начало культуры отделено от периода происхождения национальностей сотнями тысяч лет. До сих пор мы имели дело только с человеческими *расами*, то есть наиболее древними делениями человечества по анатомическим и физиологическим признакам. Эти деления сложились с незапамятных времен. Многие антропологи считали даже расы неизменными. Напротив, деление человечества на национальности есть явление сравнительно недавнего времени. Национальности продолжали складываться в историческом периоде, складываются и на наших глазах. За исключением непримиримых "расистов", можно считать общепринятым в науке мнение, что национальность не есть подразделение расы, а продукт социального общения, — притом продукт очень изменчивый и подвижный, — как изменчивы и условия этого общения. Расы составляют человеческий материал, на котором слагались национальности; но в состав каждой национальности входит обыкновенно несколько рас. Границы национальностей постоянно пересекают границы распределения рас.

Однако же, не следует доводить противоположения расы и национальности до крайности. Как для постоянства расы, так и для изменчивости национальности имеются определенные границы. Неизменность расы вовсе не составляет в наше время твердой научной аксиомы. Напротив, признается, что раса обладает значительной пластичностью. Мы уже имели случай познакомиться на животных обществах с той удивительной приспособляемостью к условиям среды, которую эти общества проявляют, делясь на многочисленные виды и подвиды на сравнительно малых пространствах. Человек кажется гораздо менее восприимчивым к незначительным переменам обстановки; он не приспособляется к природе, а приспособляет ее к себе. Но — особенно в начале культуры — это только видимость. На самом деле овладение силами природы не обходится без приспособления к ней всего организма. Понять и признать это мешала теория, которая считает невозможной передачу по наследству приспособлений к среде, усвоенных организмом. Сторонники этой теории называют себя "дарвинистами". На самом деле, по учению Дарвина, изменение видов происходит не путем унаследования приспособлений, а путем выживания в борьбе за существование и размножения таких организмов, которые уже родились с особенностями, подходящими к условиям среды. Самое происхождение таких особенностей приходилось считать игрой случая. Но сам Дарвин жалел, что при создании своей теории не был знаком с противоположным учением Ламарка, который объяснял все изменения органов передачей по наследству тех упражнений, которые эти органы должны были производить, приспособляясь к той или другой среде их существования, например один вид птиц — к болоту, другие к ползанью по дереву, третьи к полету, четвертые к плаванию и т.п. "Ламаркизм"

ты", со своей стороны, произвели ряд наблюдений и опытов, доказавших с несомненностью, что передача таких приспособлений по наследству может происходить даже в очень короткое время. Против ламаркистов говорило еще учение Вейсмана о неизменности и "вечности" "плазмы", то есть семени, оплодотворяющего зародыш. Но и Вейсман, и его последователи должны были сделать ряд уступок противникам и сильно видоизменить свои первоначальные утверждения. Наконец, рано умерший германский ученый Рихард Семон разработал учение о "мнеме", то есть о сохранении не только в подсознании человека, но и в органическом мире вообще следов каждого полученного извне воздействия, которое "выявляется" при каждом новом раздражении, "напоминающем" первое. Передачей "мнем" по наследству объясняется факт сокращенного переживания каждым индивидуумом всего прошлого его рода (филогенезиса в онтогенезисе).

После всех этих успехов науки учение о неизменяемости рас должно было отойти в прошлое. Мы имеем, напротив, ряд убедительнейших доказательств приспособлений расы к среде и условиям существования. Наиболее известна, например, "депигментация" расы, то есть побеление цвета глаз, волос, кожи в условиях северного климата; увеличение высоты роста под влиянием лучшего питания, даже перемены в строении черепа и лица под влиянием роста культуры и т.д.

Надо признать, однако, что, чем более мы углубляемся в прошлое, тем более именно раса, а не национальность играет роль в расселении и передвижениях человечества. Мы это и видели выше. Создание национальностей при первоначальной разбросанности и малочисленности состава человеческих обществ просто не могло иметь места в то отдаленное время. Но уже само обособление рас явилось шагом вперед в направлении создания национальностей. При помощи карты № 24, где показано современное распределение рас в западной Европе, мы покажем далее, какую роль остатки древнего распределения рас могут сыграть и теперь при изучении вопроса о происхождении национальностей.

С другой стороны, и подвижность национальности, конечно, также не следует считать безграничной. Оставаясь в течение ряда поколений в одной и той же географической и исторической обстановке, национальность может приобрести известную устойчивость своих социально-психических переживаний и даже своего внешнего облика. В известных случаях у национальности может сохраниться преобладание того или другого расового признака, отличавшего большинство в той среде, где эта национальность сложилась. В случае организованного и массового переселения сложившаяся национальность может перенести свое особое содержание в новую среду в сравнительно неизменном виде; мы видели это, например, на заселении Америки. Некото-

рые писатели, чтобы отметить это сравнительное постоянство национального типа, ввели даже в употребление понятие "вторичных" или "психических рас". К сожалению, такое словупотребление грозит вернуть нас к тому смешению понятий национальности и расы, от которого и до сих пор не вполне отделились даже ученые-исследователи, не говоря уже о вполне ненаучном использовании этой терминологии для политических целей "расизма". Поэтому я предпочитаю избегать этой терминологии. Я не решаюсь также делать попытки определения психического содержания, отличающего ту или иную национальность. Такие определения вошли обязательной составной частью в германскую науку народоведения; ими много раз злоупотребляли даже в популярных работах по психологии национальностей. Национальности в целом придавались при этом сплошь и рядом черты, отличающие тот или другой отдельный класс ее или тот или другой период ее жизни — ее исторический возраст, — или просто, наконец, наделяли данную национальность интеллектуальными, эмоциональными или моральными свойствами, общими самым разнообразным человеческим обществам. Это выходило иногда очень остроумно — и даже казалось очень глубоким; но научной основы для таких национальных характеристик не имеется никакой.

После этих вступительных замечаний станет понятнее возможность перейти прямо после "начала культуры" в палеолите, — начала, отстоящего от нас на десятки тысяч лет, к поискам происхождения современных национальностей в течение последних трех тысяч лет до Р.Х. — эпохи неолита и начала металлов. Мы сейчас увидим, что подобного рода попытки даже сделались очередной задачей современной науки преистории. Дело в том, что здесь, впервые в истории человечества, мы встречаем те основные условия, которые необходимы для создания человеческих объединений, имеющих характер национальностей. Первым из этих условий — без которого немислимо постоянное социальное общение, составляющее самое существо национальности, является известная степень густоты населения. При примитивно-охотничьем быте палеолита — да и начала неолита — этой предпосылки не могло быть налицо. Она является со сосредоточением сколько-нибудь постоянного населения, занимающего определенную площадь, не столь громадную, чтобы не допускать хотя бы не частые, но повторяющиеся внутренние сношения. Мы видели, что палеолитические охотники и собиратели пищи передвигались на необозримых пространствах целых частей света — Европы, Азии, Африки, Океании. Правда, и при неолите оставалось еще много незанятого пространства. Но наиболее благоприятные для поселения места были уже заняты: и это как раз те места, где национальности могли сложиться всего скорее. Вместе с возможностью более тесного общения развивается и необходимое для такого обще-

ния средство: общий целой группе язык. В примитивной обстановке племенного быта это условие отсутствует. Когда римляне вступили в переговоры с тремястами племен, обитавших на тесном пространстве маленькой Колхиды, то, по свидетельству Плиния, им понадобилась не менее 140 переводчиков. Вот пример, еще более близкий к современности. В Калифорнии 150.000 обитателей говорили на 135 языках и наречиях, составлявших 21 лингвистическую группу. Таким образом, на каждое наречие приходилось немногим больше тысячи человек, а на каждую группу родственных языков — только по семи тысяч. То же встречаем в современной центральной Африке.

Далее, возникновение национальности предполагает наличие сознания среди членов данной группы об их общей принадлежности. В племенном быте общества, не расчлененного внутри себя, такое сознание, обыкновенно, или вовсе отсутствует или весьма слабо развито. Оно является и крепнет, прежде всего, путем противопоставления себя соседним группам как "чужим" или даже враждебным. Вот почему, между прочим, население, окруженное чужаками, часто лучше запоминает и хранит общее название племени — или даже целого народа, к которому принадлежит. Пока племя окружено пустыми местами ("лесами и болотами", по классическому выражению Иордана), оно просто с этими чужаками не встречается. Соседи появляются лишь по мере увеличения населения, колонизации пустырей и т.д., когда начинается борьба за места, более выгодные и уже разработанные. Но для этой борьбы племя должно быть специально организовано. Если для борьбы бывает достаточно иметь своих племенных вождей, народное ополчение и внутренние укрепления, то для нападения необходима постоянная военная сила, предводительство ею и превосходство наступательного вооружения как гарантия победы. Самые формы победы должны с этого времени перемениться. Вместо простого вытеснения населения и перехода побежденных на менее удобные места появляются формы единовременного или более или менее длительного порабощения. Простые набеги с истреблением населения или взятием в плен женщин и детей заменяются постоянным сожигательством господ и покоренного населения. Вместе с тем на территории племени появляются центры властвования, которые из простых временных укреплений вырастают в города. Современная археологическая наука не признает обязательности экономической эволюции от охотничьего быта к пастушескому и от пастушеского к земледельческому, считая, что та или другая последовательность тут зависит от условий месторазвития. Но та же наука единодушно принимает другую последовательность, социологического характера: охотники и собиратели пищи ("низшие" и "высшие"), земледельцы ("деревня") и господа ("двор").

Конечно, весь этот процесс в указанной постепенности совершается далеко не в одно и то же время в разных местах. Мы уже готовы к тому, что, в частности, Восточная Европа будет сильно запаздывать — тем больше, чем дальше от Запада к Востоку и от Юга к Северу. Но и в наиболее благоприятных месторазвитиях процесс проходит не сразу. Начало неолита в этом отношении не походит на его конец. Прежде всего, мы присутствуем здесь при оседании на местах населения, сохранившегося от предыдущей эпипалеолитической эпохи. В пределах неолита это старое население окончательно покидает старые формы собирания пищи, заменяя их охотой, соединенной с начатками земледелия (обработка земли мотыгой). Меняется и способ приготовления пищи: очаг становится постоянным, хотя дом еще сохраняет долго круглую форму охотничьей палатки или кочевой юрты. У очага появляется посуда с круглым или острым днищем, приспособленная к подвешиванию над очагом или к врытию в золу, где хранится жар. Изобретение гончарного искусства — огромный шаг вперед в деле очеловечивания быта; он специально отличает неолитический период от предыдущих. Другая знаменательная черта нового времени — появление возле дома друзей человека, домашних животных: прежде всего собаки и, вероятно, прирученного оленя; за ними идут свинья, бык и корова, овца, коза — позже других приручается лошадь. Мотыга заменяется применением плуга; начинается обработка зерновых растений, приспособленных к климату: ячменя, пшеницы, полбы¹. Постепенно семья превращает это подспорье в главный источник существования, заменяя им неверные шансы рыболовства и охоты. Меняется и строй семьи, во главе которой вместо матери становится отец — "господин" и "хозяин". Прикрепление к земле и оседлость вместе с обеспеченным питанием и накоплением запасов ведут за собой неизбежное социальное последствие: обилие пищи привлекает купцов, которые оказываются и завоевателями. Появление металлов дает им в руки новое, усовершенствованное оружие, которое сразу меняет шансы победы. В связи с этим происходит в доисторической Европе перетасовка границ и выделение господствующего класса. Это — также необходимая предпосылка происхождения национальности, так как появление элементарного народного сознания соединяется обыкновенно с объединением племен; в своей первоначальной форме это сознание приходит сверху, являясь последствием объединения и появления рудимен-

¹ На карте № 5 выделены короткими штрихами, по Вавилову, три области (средиземноморская, Малая Азия, Персия, сев. Индия и Китай), откуда могли распространиться в Европу и сев. Азию культурные растения. При этом следует отметить, что на севере культивировались более грубые типы, лучше выносившие северный климат; с юга они проникли в виде сорняков.

тарного государственного строя. В местностях Европы, достигающих в разное время этой ступени, "деревенский" быт заменяется "дворовым": появление "двора" есть внешний признак, по которому археологи узнают наступление новой эпохи. Тут мы уже недалеко от наступления исторического периода.

Представленная здесь в самых общих чертах картина процесса эпохи неолита, однако, усложняется величайшим разнообразием его проявлений в разных частях Европы — даже очень близких друг к другу. Оседая на месте, Европа в то же время дробится на отдельные территории, точно в феодальное время. Нет и следа прежних широких движений и делений эпохи палеолита. Конечно, речь не идет здесь о раздроблении целого, ибо оно и не существовало, а только о появлении повсеместно особых форм быта и культуры. Естественно, что археологи, изучая оставленный этими мелкими дроблениями обильный материал, прежде всего остановились именно на изучении местных особенностей. Какая получилась в результате сложная и пестрая картина, можно судить по нескольким примерам. Дунайский тип культуры, отмеченной именами находок Ленггиль-Иордансмюль, дал, например, четыре различные группы. Тип Вальтерниенбург-Бернсбург на Эльбе и Заале представляет пять стадий развития. Курганный тип бронзовой эпохи в одной Германии делится на семь групп. Разрисованная керамика в тесных пределах Моравии проходит четыре ступени развития: две старших и две младших. И т. д.

В основу этих дробных делений археологи положили то, что "нельзя унести с собой": глиняные горшки. Орудия и украшения в этом отношении менее надежны, чем домашняя посуда. Они часто служат предметом ввоза при помощи торговли; они характеризуют внешние влияния — иногда даже появление новых этнических элементов, но не годятся для выяснения того, как расселились местные оседлые группы. Что же, однако, делать со всей этой мозаикой, после того как все описано, расклассифицировано и нанесено на географическую карту? Естественно, явилась потребность, как выразился Шухарт, заменить "бледную безымянность" этих мелких культурных групп с малоизвестными географическими названиями — "полнокровными именами народов". Другими словами, открыть под культурными кругами, в которые складывались наблюдаемые группы, имена известных нам из истории национальностей. Много было — и, вероятно, много будет в этих попытках преждевременного, даже фантастического, как это случилось с Шухартом. Но общая тенденция науки несомненна. Прежнее "типологическое" изучение этим, конечно, не осуждено и не устранено; но именно своими успехами оно довело науку до той точки, за которой неизбежно ставится вопрос: что дальше? Ответом и явился уже целый ряд попыток научного синтеза. Назову здесь, кроме Шухарта, еще Вале и Чайльда, не говоря уже о таких

сводах из сводов, как книги Менгина и Эйкштедта (см. библиографию). Естественно, что и русский исследователь должен по крайней мере попытаться — стать на этот же путь, — поскольку, конечно, позволяет уровень современного изучения преистории Восточной Европы, значительно отставший от изучения Западной. В современной советской науке, наряду с серьезными детальными исследованиями, мы, к сожалению, присутствуем при крайнем преувеличении модной тенденции. "Типология" и "миграции" там высмеиваются как устарелые и сданные в архив точки зрения, а заменить их хотят, более или менее искусственно, поверхностным изучением эволюции "производственных отношений". Поскольку такая тенденция законна, она взята советскими учеными из той же западной науки.

Подчеркнем, однако, одну черту, которая, действительно, ставит на очередь преимущественное изучение внутреннего развития осевшего населения перед изучением его постоянных передвижений. Эта черта нами уже отмечена выше: это — известная прочность населения сравнительно с древнейшими кочеваниями его на пространстве целых материков. Уже при переходе от миолита к неолиту мы не встречаем таких перерывов и скачков в составе населения, как при смене старшего палеолита миолитом. Мы видели, что к концу миолита почти вся Европа была уже населена: "эпипалеолитическое" население остается на своих местах, и мы с ним часто будем встречаться в дальнейшем. Еще менее разрывов в культурах, конечно, наблюдается между различными стадиями неолита. Это наблюдение, наконец, еще более приложимо и к переходной эпохе от камня к металлу. Но как раз тут, а также и раньше, частичные передвижения, несомненно, происходили и имели большое значение — особенно в связи с переменами климата в "беспокойном углу" Европы — на севере. Именно эти передвижения, как увидим, сыграли особенно значительную роль в процессе образования исторически известных национальностей.

Мы теперь можем прямо перейти к изучению нашей темы в пределах территории России. Мы видели, что уже в эпоху палеолита и миолита вырисовывались те главные три месторазвития, на которые делится эта обширная территория. Оседание Европы на месте, и раздробление единого процесса на отдельные провинции в особенности, выявило и окончательно закрепило различие между этими месторазвитиями. Всего естественнее будет поэтому положить в основу дальнейшего изложения ознакомление с каждым из трех месторазвитий отдельно. Напомню, что в предыдущем периоде мы уже выяснили их связь с Западной Европой, проследив на русской территории продолжение тех же западноевропейских процессов, — конечно, с соответствующими изменениями. Теперь эти проекции из Западной Европы в Восточную становятся еще заметнее, чем прежде, хотя в то же время отчетливее обрисовывается и приобретение

каждым из месторазвитий самостоятельного характера — как вследствие запоздания процесса, так и в результате его внутреннего развития на месте.

Напомню общую характеристику трех месторазвитий, о которых идет речь. Первое из них, наиболее северное, лежит в той области тающего ледника, в которой самый пейзаж сохранил следы своего ледникового происхождения. Это местности между первой и второй, второй и третьей моренами. Мы знаем, что эта территория стала свободна для заселения только после стаяния ледника, то есть для данных мест не раньше 10.000-12.000 лет до Р.Х. Первоначальное заселение этого пояса было облегчено открытым характером пейзажа только что начинавших обсыхать болот и озер (7.000-5.000 до Р.Х.). Но дальнейшая колонизация должна была замедлиться, когда в эпоху холодного и влажного климата на месте открытых пространств вырос лес, постепенно принявший характер тайги. Однородность обстановки обусловила для этой территории однородность и запоздалость дальнейшего развития. Ввиду постепенности перехода между хвойным лесом и тундрой я не выделяю последнюю в особое месторазвитие.

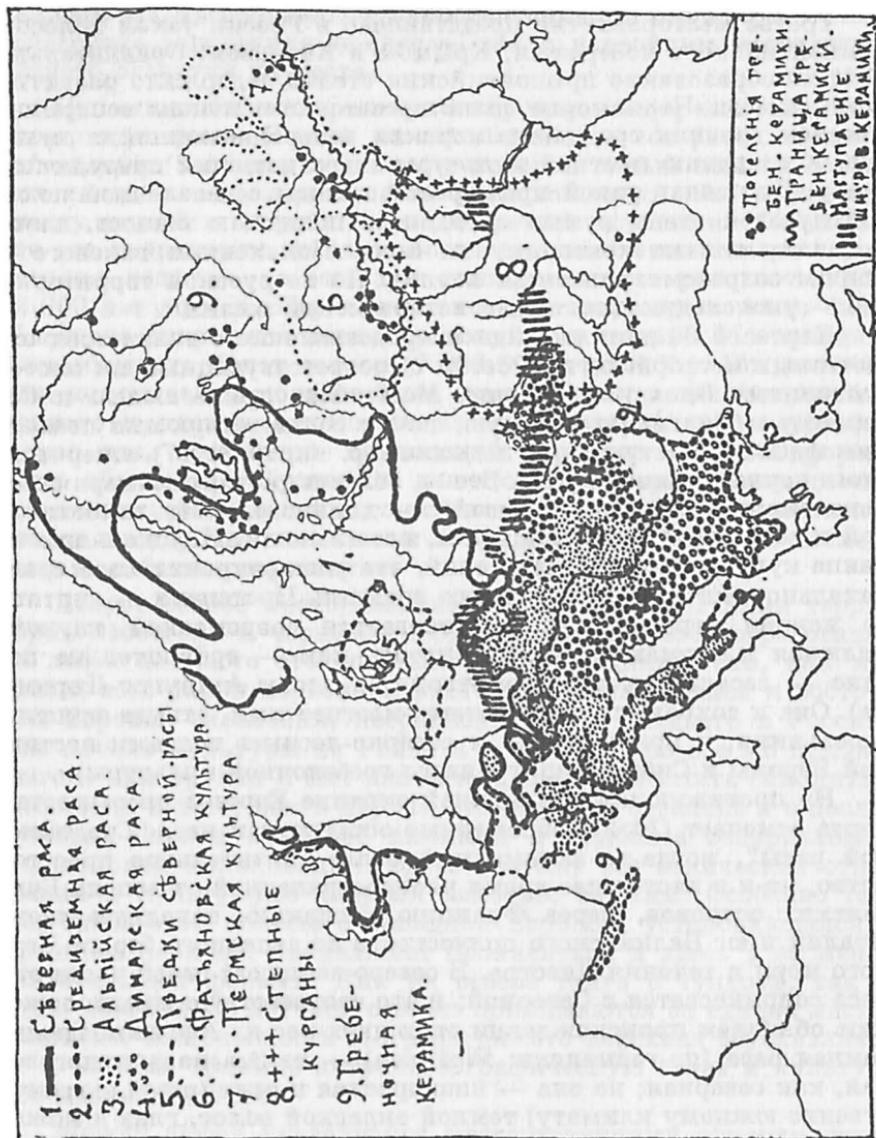
Второе особое месторазвитие представляет в России территория лесостепи и чернозема. Она характеризуется образованием лесса на месте отступивших частей ледника. Это, как мы знаем, есть район первоначального заселения средней и восточной Европы, заселения, несравненно более позднего в России, чем начало культуры на Рейне и за Рейном, но все же принесшего к нам орудия и быт эпохи младшего палеолита (миолита). Лесостепь и лесс, как в Европе, так и у нас, остались и в последующий период наиболее любимой и наиболее оспариваемой территорией колонизации. Здесь поэтому все этнические отношения и культурные явления наиболее сложны. Особенно тесная связь этой полосы с Западной Европой, установившаяся в прошлом периоде, продолжает проявляться и здесь в не менее осязательных формах. Как на севере тайга с тундрой, так и здесь лесостепь с луговой степью принимаются за единое месторазвитие: постепенность географического перехода обуславливает и на этой границе антропогеографическую связь и культурное взаимодействие.

Между двумя указанными месторазвитиями отметим переходное. Это промежуточная полоса, занимающая центральное окско-волжское междуречье. Я не выделяю эту полосу в отдельное месторазвитие, так как ее роль — передаточная. Примыкая частью к процессам северной полосы, русский центр, однако, скоро образует самостоятельные культурные формации. Смешанный лес, конечно, раньше и более поддается окультурению, чем северная тайга; но все же эта полоса выступает на историческую сцену позднее лесостепи.

Третье месторазвитие представлено в России узкой полосой припонтийского побережья, Крымом и Кавказом. Сравнительно позднее образование припонтийских степей задержало развитие этой полосы. Черноморье долго остается пассивным воспринимателем древних средиземноморских и переднеазиатских культур. К созданию местной культуры эти отношения приводят не сразу. Для связи узкой приморской полосы с населенной полосой луговой степи нужно преодолеть полынь и ковыль, а это под силу только кочевнику на коне. Появлением такового и кончается рассматриваемый период. Но на русской территории это — уже следующая стадия исторической жизни.

Карта № 24 дает наглядное представление о связи трех отмеченных месторазвитий России с соответствующими им месторазвитиями Западной Европы. Местности, прилегающие к Северному и Балтийскому морю, почти соответствующие последним фазисам отступления ледника (ср. карту № 17) отчерчены здесь черной линией (№ 1). Это — область, которая теперь заселена так наз. "Северной расой" — длинноголовой, высокорослой и со светлой окраской волос, глаз и кожи. Находясь на окраине культурных передвижений, эта раса сохранилась в сравнительно чистом виде до нашего времени. Претензия — считать ее искони германской — отвергается современной наукой, включая и германскую. Мы видели, как — сравнительно поздно — заселилась эта территория (в эпоху Анцилюс-Литорина). Она и сохранила связь с теми местностями, откуда пришли засельники, с арктическим и северо-лесным поясами восточной Европы и Сибири (ср. границы гребеночной культуры).

На противоположной, южной окраине Европы прерывистая черта отмечает (№ 2) современные остатки так наз. "Средиземной расы", когда-то занимавшей более значительное пространство, но и в настоящее время распространенной от запада Британских островов, через Францию, Испанию, западную часть Италии и юг Балканского полуострова до западного берега Черного моря и течения Днестра. В северо-западной своей части эта раса соприкасается с Северной; и это соответствует предположению об общем происхождении этих двух рас из Африки. Средиземная раса (по-германски: Westisch) — такая же длинноголовая, как северная; но она — низкорослая и отличается (соответственно южному климату) темной окраской волос, глаз и кожи. Депигментация, как и высокий рост северной расы могли быть созданы приспособлением ее к северному климату. В средней и восточной части Европы обе длинноголовые расы далеко расходятся к противоположным окраинам. На востоке территория средиземной расы соприкасается, как уже отмечено, с третьим месторазвитием русской территории. Но, как показывает карта, в более тесной связи, чем с отдаленными местностями Средиземного моря, русское Черноморье должно быть связано с народами Кавказа и передней Азии.

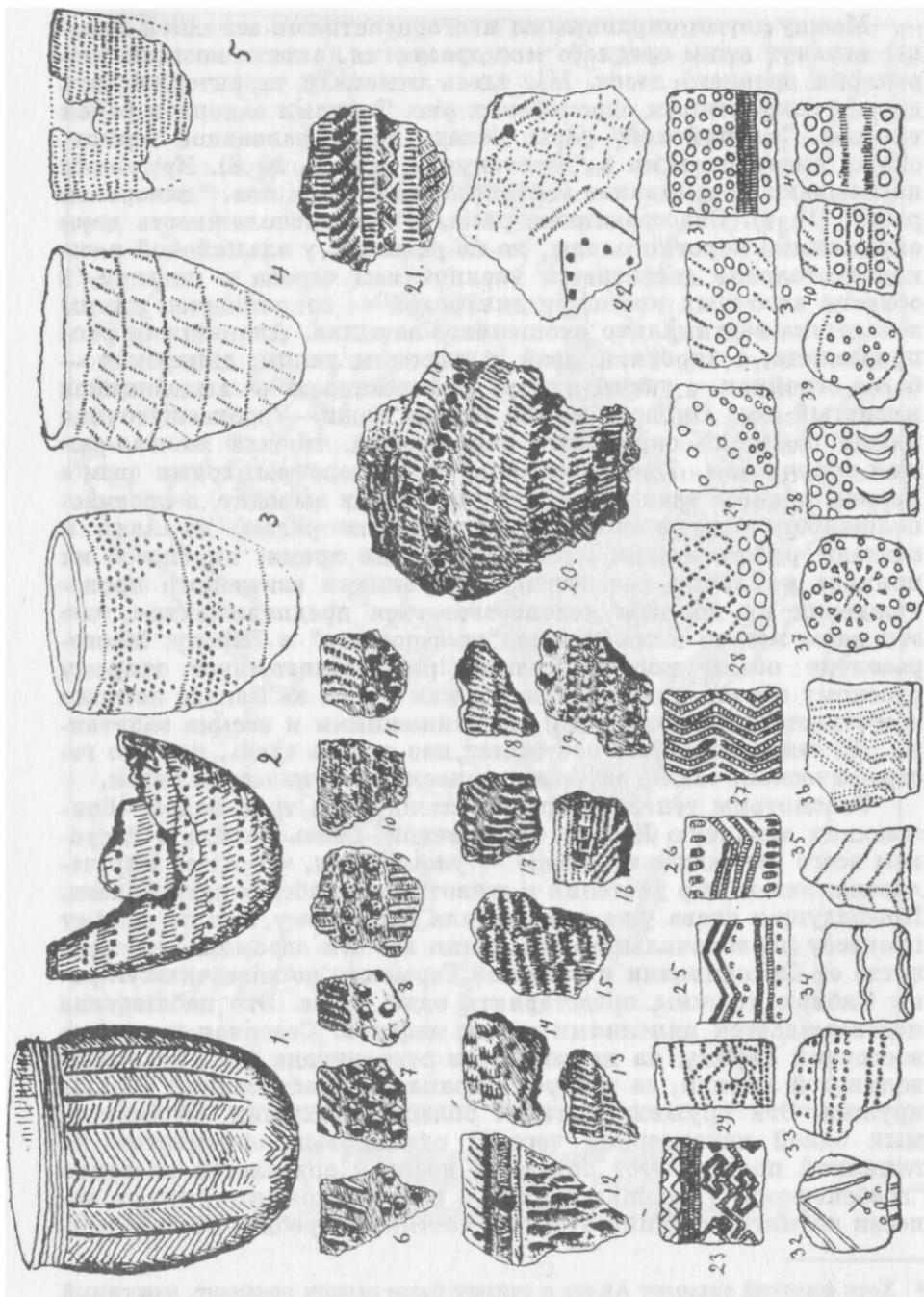

№ 24. Расы западной и средней Европы и археологические районы России (по Эйкштедту, Эберту, Тальгрену, Чайльду, Сулимирскому и др.)

Между двумя окраинными месторазвитиями западной Европы вдвинут клин среднего месторазвития, охватывающий территории древнего лесса. Мы здесь отметили территории двух других современных европейских рас. Точками заполнен район так наз. "альпийской" расы, теперь переименованной германскими антропологами в "восточную" (*Ostisch*, № 3). Кружочки показывают современное местопребывание так наз. "динарской расы" (№ 4). Обе срединные расы, в противоположность двум окраинным, короткоголовы, но по-разному: у альпийской расы короткоголовие достигается увеличением черепа в ширину, в области височных костей; у динарской — сокращением длины вследствие вертикально скошенного затылка. Альпийская раса приземиста, с короткой шеей и широким лицом; динарская — более стройная, с узким лицом; ее особенность — выдающийся мясистый нос. Окраска волос, глаз и кожи — промежуточная между окраской окраинных народностей, то есть желтая-рыжая-коричневая. Происхождение этих короткоголовых рас в Европе остается загадкой. Теоретически их выводят, в противоположность евроафриканским окраинным расам, из Азии и считают родственными монголам. Но ни время, ни способ их прихода в Европу неизвестны. Сторонники азиатского происхождения их должны довольствоваться предположением, что эти расы как-то мало-помалу "просочились" в Европу. Месторазвитие обеих короткоголовых рас соответствует второму русскому месторазвитию. Так же как у нас, на Западе история этого месторазвития богата передвижениями и весьма запутана. Но сама география побуждает нас искать здесь, помимо географической, также антропологической и этнической связи.

Рассмотрим теперь подробнее каждую из трех полос, сближающих западную Европу с восточной. Связь Запада с Востоком всего нагляднее на севере — уже потому, что здесь мир человека, как и мир растений и животных, наиболее однообразен. Предыдущая глава уже подготовила нас к тому, что по самому процессу первоначального заселения все эти огромные пространства от Скандинавии и северной Германии до восточных окраин Сибири должны представлять одно целое. Это наблюдение подтверждается явлениями эпохи неолита. Северная половина восточной Европы на нашей карте отграничена (по Тальгрёну) волнистой линией, за которой вкраплены разбросанные черные кружочки. Эти кружочки означают область поселений, объединяемых одной характерной чертой: одинаковым орнаментом на глиняной посуде. Этот орнамент носит у археологов название "гребеночного" (*Kammkeramik*)² — в предположении, что он нанесен на мягкую глину зубьями костяного гребня. Это керами-

² Хотя финский археолог Айлио и считает более ранним орнамент, наносимый плетеным шнуром (*Wickelschnur*), но "шнуровочная керамика" в собственном смысле моложе гребеночной (см. ниже).

№ 25. Керамика гребенчатой культуры

ка наиболее примитивного типа. Распространялась она далеко за пределы, отмеченные чертой на карте, на юг и на запад: но оттуда ее вытеснили другие, более сложные типы керамики. На восток — через всю Сибирь, вплоть до Байкала, гребеночная керамика тянется без перерыва³. Айлио определяет распространение гребеночной керамики громадной территорией от Ботнического и Рижского залива до Оби, от Ледовитого океана до Оки, считая ее южной границей северную границу восточно-европейской и сибирской лесостепи, а сосредоточием — область смешанного леса по Оке и верхней Волге. Казань и южный Урал остаются вне этой территории.

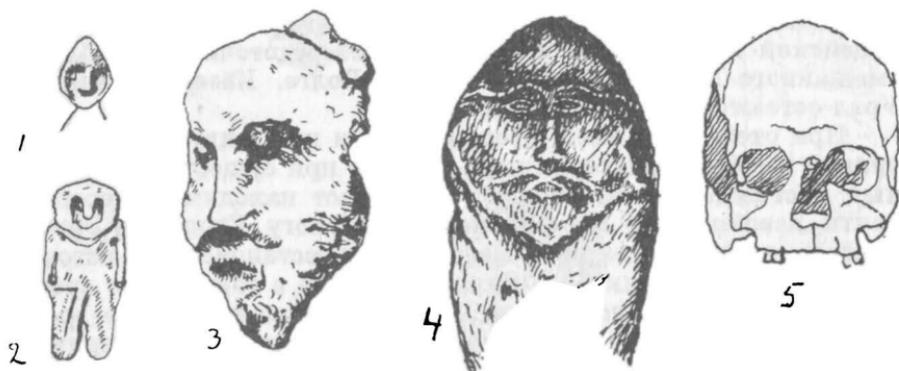
При отсталости всего этого района и при живучести примитивной гребеночной керамики, а также при существовании разных местных стилей, определить возраст находимых черепков почти невозможно. Но финскому археологу Европеусу-Эйрепе удалось найти надежный метод для восстановления истории гребеночной керамики в Финляндии. Дело в том, что со времени наибольшей трансгрессии Литорины и по настоящее время финляндский берег продолжает повышаться: в Обо, например, это повышение достигло 50 метров над уровнем моря, в Гельсингфорсе — 32 м., в Выборге — 20 м. Население, занятое главным образом рыболовством, по мере поднятия берега спускалось все ниже и ниже к воде. Следовательно, высота поселения над морем определяет его возраст и находимую к нему керамику: чем ближе к уровню воды, тем она новее. На этом основании Европеус установил три периода развития орнамента: ранняя, типическая и дегенеративная керамика. Начинается это развитие около 2750 л. до Р.Х. — вскоре за периодом Кампиньи и кухонных остатков (Суомусьерви). В западной Финляндии это развитие пресекается нашествием нового народа, обладателя "лодкообразных" топоров, около 2.000 г.

В центральной России развитие проходит по Европеусу, почти те же ступени, но начинается позже — в стадии "типической" керамики. Древнейшая форма сосуда, сопровождающего эту ранне-неолитическую культуру, — яйцевидная, с круглым дном, известна в культуре южной Скандинавии и северной Германии; у нас она идет от Финляндии до юга России и до восточной Сибири, с соответствующим запозданием. На табл. №25⁴ читатель найдет образцы гребеночной керамики в разных стадиях ее развития, а также образцы яйцевидных сосудов.

³ Для Запада ср. рисунки, напечатанные Чайльдом из Британских находок (Dawn, 290).

⁴ На табл. 25 сопоставлены яйцевидные сосуды из раннего неолита: 1. С о-ва Борнгольм; 2. Из Финляндии; 3 и 4. Из стоянки у с. Панфилова, Муром. уезда Влад. губ.; 5. Под Дорогобужем, Смолен. губ. Керамика; 6-11. Из стоянки близ Трояновой и Екимовичей, Рослав. уезда Смол. губ.; 12-19. Из стоянки близ с. Катынь Смол. губ.; 20-22. Из Томских и Тобольских курганов (20. черепок круглодонного сосуда); 23-31. Из стоянки Малоокуловской, в два с поло-

Единство керамики на всем севере может свидетельствовать и об однородности населения. Из двух палеолитических рас, которые вошли в состав северной расы, — кроманьон и шанселады мы видели, что именно последняя приняла главное участие в колонизации северных земель, освободившихся от ледника, после того как она же принесла ориньякско-магдаленскую культуру.

№ 26. "Европиды" от В.Пруссии и о.Готланда через Урал и Семиреченск до р.Ангары

туру на просторы Сибири. Нет основания думать, что в эппалеолитическую эпоху тут произошли какие-нибудь серьезные перемены. И действительно, в эпоху неолита мы встречаем, по-видимому, на всех этих местах то же население европейского типа, предшествовавшее появлению тунгусов, монголов и тюрков. В новейшей работе Эйкштедта я нашел подтверждение своих соображений, высказанных в предыдущей главе по поводу первоначального заселения Сибири и Восточной Европы. Эйкштедт считает это население "европидами". (Правда, он ведет его не из Европы в Азию, а из Азии в Европу.) Скучные свидетельства памятников показывают, что это древнейшее население действительно обладало отнюдь не азиатскими, а европейскими чертами. Мы видели это уже у эскимосов. На рисунке № 26 сопоставлены две находки из Восточной Пруссии (где засвидетельствовано и присутствие гребеночной керамики) и Готланда: каменная маска, извлеченная из неолитического гроба на берегу р.Ангары, позднейший бюст "каменной бабы", найденной в Токмакском уезде Семиреченской области, и, в параллель к нему, лофоцефальный череп бронзовой эпохи с левых прито-

виной км от Волосова, в том числе 28-31. от сосудов с круглым дном; 23-27. С плоским дном. Керамика 32-41. Из стоянки "Садовый Бор" на р.Теше, в окрестн. Муромы; в том числе 37-41. От сосудов с круглым дном (37 и 39. Черепки от днищ); 32-36. С плоским дном.

ков р.Урала⁵. Нельзя отрицать, во-первых, что черты этих человеческих голов совсем не азиатские. Затем следует отметить лофоцефальные черепа, несколько даже преувеличенные древними скульпторами, приземистый рост, продолговатое лицо каменной маски и обильную растительность — усы и бороды, — обрамляющую лицо каменной бабы при полном отсутствии растительности на передней части головы. В преданиях и изображениях народа айнов (остатки которого уцелели на сев. о.Иеддо и на юге Сахалина) мы найдем параллельные указания и на обычай брить эту половину головы, и на ношение длинных волос, бороды и усов. Изображения айнов близко напоминают русских крестьян и духовенство, и недаром Эйкштедт напечатал одно из изображений рядом с портретом Льва Толстого.

С течением времени на общем фоне населения северных "европидов" начинают выделяться, по известному нам уже закону, местные самостоятельные образования прогрессивного характера. На карте № 24 выделен из широкого района северной расы небольшой круг, охватывающий части северной Германии, восточной Дании и южной Швеции (см. № 5). Это то ядро, в котором можно искать первых создателей германской национальности. Они, конечно, не тождественны с эпимиолитическим населением этих мест, о котором мы только что говорили. Это — пришельцы с запада, носители высшей культуры, новые господа, принесшие с собой старому туземному населению земледелие, домашних животных и — что особенно характерно, новый обряд погребения — в каменных гробах. Сперва — это (в Дании и Швеции) небольшие отдельные помещения, потом коллективные могилы значительных размеров ("мегалит" в сев. Германии). Вале относит появление пришельцев примерно к 2.600-2.300 гг. до Р.Х. Это — будущие германцы, как отдельная народность.

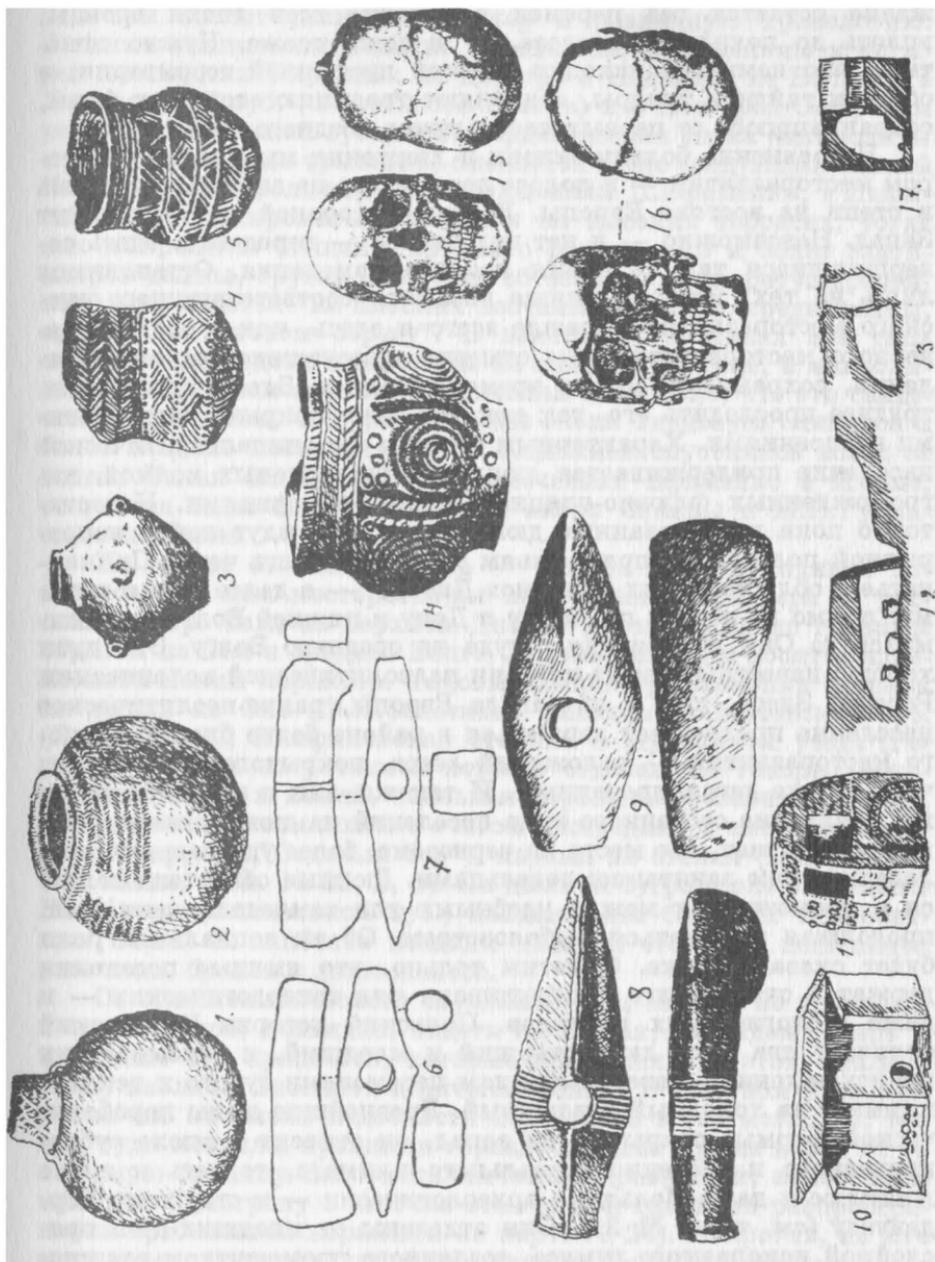
Несколько позже возникает и в русском центре самостоятельный круг культуры, именно в бассейне верхней Волги и Оки (№ 24, 6). По имени одного из местонахождений эта среднерусская группа получила название "Фатьяновской культуры". Выше мы отметили эту территорию как промежуточную. Фатьяновская культура и носит очень смешанный характер. Она, несомненно, возникает на почве гребеночной керамики. Но столь же несомненно она связана и со средней Европой. Оттуда она заимствует шаровидную амфору, которая из своей родины в

⁵ На таблице 26 сопоставлены типы населения "европидов" ("лофоцефалов") на пространстве северного месторазвития: 1. Головка с костяного гребня с о. Готланда (Gullrum. Näs,); 2. Костяная фигурка из Восточной Пруссии; 3. Каменная маска из неолитического гроба на берегу р. Ангары; 4. Каменная баба из Семиречья (Токмакский уезда), фотогр. д-ра Пояркова; 5. Череп бронзовой эпохи с левых притоков р.Урала (М.Н. Комаров).

северном Бранденбурге широко распространилась вверх по Эльбе, Одеру и Висле, откуда в измененном виде (без шейки) через Галицию пришла в Украину (см. табл. № 27⁶, 1 и 2). Форма погребения в Фатьяновском круге — как и в северной Германии — скорченные скелеты (см. ниже). Фатьяновская культура, однако, противится вторжению современной ей западноевропейской ("шнуровой") керамики и создает собственную форму боевого топора (табл. № 27, 8 и 9). Другая форма боевого топора (Bootaxt typus I), происходящая, всего вероятнее, из северной Европы и связанная там с "шнуровой" керамикой (см. ниже), является своего рода прототипом фатьяновских топоров. Она хорошо распространена в Польше, восточной Пруссии, Прибалтике, Финляндии и проникла оттуда (табл. № 27, 6 и 7), в бассейн Днепра от Смоленской и Могилевской до Киевской и Полтавской губерний. Но она как раз обходит с севера и юга центральное междуречье, чтобы появиться снова при впадении Камы в Волгу. Она идет сюда, очевидно, или северным путем, или с юга, вверх по Волге. Этот последний путь вскрывает нам особую связь камско-волжского круга культуры с Кавказом (табл. № 24, 7). Эта, так наз. "пермская" культура независима от Фатьяновской: она получает свои вдохновения не с запада, а с юга и востока. Мы вернемся к ней позднее, так как расцвет этой культуры относится уже ко времени появления металлов, тогда как в Фатьяновском круге медь еще является редким гостем. В это последующее время Фатьяновская культура загадочным образом куда-то исчезает — точно все население междуречья поднялось с мест и куда-то ушло. Во всяком случае, этой одиночной культурой и ограничивается эволюция северного месторазвития в средней России. Далее на север нет и этого. Здесь поло

⁶ Содержание таблицы № 27:

1. Шаровидная амфора (Kugelamphore) из Baalberg, у Бернбурга.
2. Шаровидная амфора из Фатьянова, Данил. уезда, Ярослав. губ.
3. Горшок "шнуровой" керамики с Волини.
4. Полосатый бокал (Zonenbecher) с Волини.
5. Полосатый бокал (Zonenbecher) с Волги.
6. Боевой топор (Bootaxt, typ. I) Ютландского типа.
7. Боевой топор (Bootaxt, typ. I) Шлезвигского типа.
8. Боевой топор Фатьяновской культуры. Свияжск. уезда, Казан. губ.
9. Боевой топор Фатьяновской культуры. Ярослав. уезда.
10. Модель прямоугольного дома-склепа, курган у Царевской.
11. Модель дома-кибитки, Ульский курган.
12. "Катакомбное" погребение, Изюмский уезд.
13. "Катакомбное" погребение, Сицилия.
14. Тип горшка катакомбных погребений, Изюм. уезд.
15. Длинноголовый череп из "Long Barrow", Helpenthrope, E.B. Yorks ("Пикт").
16. Коротко- (кругло-) головой череп из "Round Barrow", Cowham, E.B. Yorks ("Кельт").
17. "Катакомбное" погребение, Царевская.

**№ 27. Неолитические культуры
 второго месторазвития европейской России**

жение остается без перемен в течение всей эпохи бронзы, вплоть до появления железа, — и даже позже. Нужно отметить, что немногие находки на этой пустынной территории, в области тайги и тундры, сохраняют традицию звериных форм, сохранившуюся от первых насельников позднего палеолита.

Несравненно больше жизни и движения мы найдем во втором месторазвитии — в полосе леса и гор на западе, чернозема и степи на востоке Европы. Ведущей стороной остается и тут Запад. Невозможно — и нет надобности — передавать здесь сохранившиеся там за время неолита изменения. Остановимся лишь на тех, которые ближе касаются соответствующего русского месторазвития. Прежде всего и здесь, как в области северного месторазвития, мы отметим присутствие старого населения, сохранившегося от времен милолита. Здесь, однако же, труднее проследить его, так как оно более закрыто позднейшими наслоениями. Характерным образом это эпипалеолитическое население придерживается дюн, то есть песчаных холмов, нагроможденных флювио-гляциальными отложениями. Недостаточно пока исследованные дюнные находки идут почти непрерывной полосой по побережьям рек из Польши через Прикарпатье в область левых притоков Днепра, — а далее двумя путями: прямо на восток по Донцу и Дону к нижней Волге и поднимаясь до Оки и переходя оттуда на среднюю Волгу. Эти пути хорошо известны нам из истории палеолитической колонизации России. Здесь, как и на западе Европы, ранне-неолитическое население продолжает держаться в районе более благоприятного месторазвития — отложений лесса, покрытого черноземом, частью уже деградированным. И так же, как в западной Европе, появление особенного типа поселений на дюнах, по-видимому, показывает, что места на черноземе, более удобные для земледелия, уже заняты земледельцами. Дюнные обитатели селятся в промежутках между удобными для земледелия землями, продолжая заниматься рыболовством. Об их социальной роли будет сказано ниже. Отметим только, что дюнные поселения держатся очень долго и переживают ряд археологических — и даже геологических периодов. Польский историк Козловский отличает два типа дюн, старший и младший, и связывает их происхождение с известными нам переменами сухого и теплого климата на холодный и влажный. Древнейшие дюны параболической формы, открытые на запад, он относит к эпохе субарктического и особенно бореального климата, то есть к эпохе Анцилюс и даже Иольда, а археологически — к старшему Тарденуазу (см. табл. № 21). Они отделены от младших дюн прослойкой ископаемого гумуса, созданного промежутком влажного и теплого климата (атлантического) эпохи Литорины. Здесь встречаются находки эпохи младшего Тарденуаза.

Стратиграфия южной России не так хорошо изучена. Но находки на дюнах — многочисленны, хотя на юге и в центре Рос-

сии они имеют разный характер и различную хронологию. Главные эпилеолитические находки на юге сделаны в четырех местностях Украины: по Днестру в Подолии, на Вольни, в Харьковской губ. (окрестности Изюма) и в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии. Тарденуазская эпоха (микролиты в типичной форме трапеции) сменяется везде следующей эпохой Кампиньи (макролиты). По наблюдениям П.Ефименко, в Изюмском уезде микролиты находятся на высоких террасах, тогда как макролиты (отщепы крупного размера, 15 и более сантиметров длины, грубой фактуры: обтесанные, а не ретушированные) встречаются "на плоских песчаных грядах, среди поймы, просто на луговом берегу". В некоторых стоянках оба типа встречаются рядом: микролиты на выступе террасы, а макролиты на небольшом возвышении поймы. Возможно, что это свидетельствует о том, что уровень воды эпохи Тарденуаз снизился и более поздние поселения эпохи Кампиньи спустились вслед за водой. Такая же смена, как отмеченная Ефименко в Изюме, встречена была В.В.Гольмстеном около Самары и М.Я.Рудинским на Десне.

На севере от линии Десна — Самара мы переходим в известное уже нам месторазвитие переходного характера — русский центр. Там, на верхнем Днепре (Смол. губ.), но главным образом на Оке и средней Волге, дюнные находки носят поздне-неолитический характер. Таковы, например, раскопки стоянок на дюнах на Оке (Ф.Я.Селезнев), находки в Смоленской губ. (Лявданский), Панфиловская стоянка в Муромском уезде (Гордцов). Здесь встречаются хорошо отделанные топоры, наконечники стрел и копий, обильная керамика гребенчатого типа, полуподземные землянки с очагом посередине и иногда с коридором наружу ("Садовый бор"), нарами по стенам (Памфилово) (см. выше, табл. № 25, 3, 4). На дюнном бугре возле с. Нижние Немыкори (Смоленской губ.) найдены два больших глинобитных очага. В наиболее поздних дюнных стоянках попадает уже медь, бронза и даже железо.

От эпимиолитического населения юга, никуда не ушедшего и оставшегося, очевидно, сидеть на местах, перейдем теперь к изучению тех процессов, которые произошли на этой основе в эпоху неолита, энеолита и начала бронзы. В северном месторазвитии мы не имели надобности переходить в век металлов, так как туда металлы проникли гораздо позднее (ср. на карте № 16 северную границу палеометаллических древностей, нанесенную мною по Тальгрёну с ним же отмеченной границей распространения гребенчатой керамики на карте № 24). Напротив, на юге этот переход происходит почти одновременно с Западной Европой — и настолько постепенно и незаметно, что хронологическую границу можно провести здесь только очень приблизительно и условно.

Прежде всего останавливает наше внимание на территории

второго месторазвития район культуры, характеризующейся раскрашенной керамикой. В Россию он входит треугольником, вершина которого находится в Киеве, а стороны идут прямо на запад к границе и на юг, правым берегом Днестра, до устья Днестра. С легкой руки киевского археолога Хвойко, впервые открывшего в начале XIX века эту культуру в Киеве (Кирилловская улица) и на широком пространстве от Чернигова до Одессы и до границы Галиции⁷, она получила название Трипольской (от местечка Триполье под Киевом). Позднее стало известно, что это лишь разновидность широкого пояса культуры, тянувшегося на юг в Бессарабию (Кукутени, Петрени) вверх по Дунаю и Тиссе в Трансильванию (Эрезд), и дальше, на Балканы во Фракию и Фессалию (Сескло, Димини). Хронология этой культуры может определяться целым тысячелетием, 2700-1700 до Р.Х. Определить ее происхождение чрезвычайно трудно. Признак крашеной керамики может объединить ее не только с Туркестаном и Месопотамией, но и с Египтом, Пенджабом, Китаем и Японией. Чайльд совершенно правильно заключает, что все эти отдельные группы крашеной керамики, при частичных аналогиях, не имеют между собой ничего общего, кроме одного этого технического признака. Неизвестно не только откуда пришла Трипольская культура, но и куда она ушла. Ходячая гипотеза — та, что ее разрушили каким-то всеобщим пожаром какие-то кочевники. Высказано также предположение, что трипольцы были индоевропейцы, ушедшие на юг в Грецию (Штерн). Они были, несомненно, уже земледельцами, так как в их жилищах найдены "кучи поджаренных зерен пшеницы", лепешки и зерна обуглившейся пшеницы, проса, ячменя, а также каменные серпы и зернотерки. Они знали домашний скот: овец, коз, свиней, быков и даже лошадей. Их гончарное производство отличается разнообразием и причудливостью форм: встречаются мужские и женские статуэтки в стоячей и сидячей позе, а также стилизованные формы зверей. Это были, по существу, люди неолитического периода, хотя в числе находок изредка встречаются и медные украшения и орудия. Г. Шмидт в своей последней работе о Кукутени, считает эти находки импортом: он указывает и на присутствие железа в болгарских находках, но напоминает, что оно могло придти путем торговли из хеттских мастерских, которые перед 1200 г. "монополизировали железо". Большой спор велся по поводу погребения трипольцев. Хвойко описал два типа их построек, "землянки", на склоне горы, которые были жилищами и устроены по типу юртов, известных

⁷ По определению Хвойко, "начиная от Киевского, Васильковского, Черкаского, Чигиринского, Звенигородского, Уманского и Липоведского уездов Киевской губ. до северной части Херсонской губ. и во всей северной части Подольской губ. до самой границы Галиции и далее, а также по левому берегу р. Десны, в Остерском уезде Черниговской губ."

нам из палеолита и у сибирских инородцев (см. выше); и "площадки" на верху горы: прямоугольные помещения с глинобитным полом — часто уложенным в несколько рядов обожженными глиняными плитками и с остатками свалившихся стен и крыши, с обмазанными глиной столбами, плетеными прутьями и бревнами. Кругом стен — лежанка из глины же для сидения и постели: полые внутри "пьедесталы" с углублением в верхней части, которые я сопоставил бы с лампами эскимосов. На "площадках" нет печей и пищи, но в значительном количестве расставлены сосуды с резным и цветным (в форме спирали и меандра) орнаментом; тут же попадаются и скульптурные произведения из глины (фигурки людей и зверей). Штерн, Эберт и Менгин согласились с Хвойко, что эти сосуды суть погребальные урны, хранящие в себе пепел и кости сожженного покойника, а сами площадки не жилища, а маленькие некрополи. Напротив, Шухарт, не находя костей в урнах, а только слегка "обожженные" кости положенного в землю скелета, отрицал наличие обряда сожжения в Триполье. Он ссылаясь, между прочим, на то, что его раскопки в Румынии (Чернавода) обнаружили на совершенно таких же "площадках" с глинобитным полом без печи — не места погребения, а жилые дома. Переход от жилища к месту похорон, впрочем, не так необычен для доисторического периода. Раскопки Синицына и Доманицкого близ с. Колодистого (Киевской губ.) обнаружили большой сосуд с человеческими костями, поставленный под полом дома в воронкообразном углублении. Покойник сперва хоронился в доме, и жилище покидалось вовсе; затем родные стали хоронить покойника под порогом — и оставались жить в доме. Весьма вероятно, что и периодическая перестилка глиняными плитками полов "площадок" — иногда до семи раз — в Триполье свидетельствует о дальнейшей эволюции того же обряда, при котором "площадки" могли продолжать служить также и жилищем. Против их назначения — служить исключительно некрополями, свидетельствует и скопление большого количества "площадок" в одних местах (около тридцати) и их расположение в виде круга, в середине которого помещается постройка более значительных размеров. В с. Жуковцах, например, центральные помещения занимают площадь в 18 x 13 метров, тогда как окружающие "площадки" составляют только 5 x 6 до 8 x 10 метров. Это, очевидно, такие же места общих сборищ, как те, которые мы встречали у сибирских инородцев. Отдельные "площадки" тогда должны считаться жилищами-усыпальницами отдельных групп, составлявших общее население.

На протяжении тысячелетия, пока существовала Трипольская культура, конечно, многое могло перемениться. Сам Хвойко, а затем Штерн и Губерт Шмидт установили до шести ступеней, через которые прошла керамика этой культуры, перейдя, например, от многоцветной к одноцветной окраске. Этим про-

должительным сроком объясняется и разнообразие похоронных обрядов, констатированных в Трипольской культуре⁸. Что касается хронологии этих перемен, Г.Шмидт принимает для Кукутени дату 2500-1200 гг. до Р.Х., считая при этом, что Триполье старше и Кукутени, и Эрезда. Но в старейший период в Триполье обитали не обладатели "Трипольской культуры", а их предшественники. Им принадлежит (как думает и Айлио) и древнейшая керамика Триполья. Именно это старейшее население строило "землянки" и хоронило покойников в скорченном виде под домами. Потом (второй период) пришли трипольцы и построили "площадки" с трупосожжением. В конце развития трипольской культуры наступил третий период: явились новые пришельцы с севера, которые принесли с собою керамику гребеночного типа (ямочную и резную), животную пластику и натуралистические мотивы, — то есть известную нам "восточно-балтийскую культуру". Что касается подлинных трипольцев (второго периода), они, по мнению Г.Шмидта, пришли с запада. Их исходный пункт — Трансильвания, именно область Бюккского плоскогорья, и самый отход должен был совершиться в период древнейшей культуры Бюкка — раньше, чем "восточная" ветвь этой культуры отделилась от "западной", венгерской. Если верны эти определения, то трипольская культура — как, впрочем, и следовало предполагать, не является одним целым: ее начало, середина и конец — различны. Мы имеем дело, прежде всего, с донеолитическим населением, которое при неолите перешло к земледелию и подверглось нашествию более культурного племени с дунайского бассейна — территории "ленточной" культуры. В Эрезде и в Димини — местах более центральных для трипольской культуры — эти завоеватели построили укрепления для поддержания своей власти. Очевидно, тут уже совершился переход от крестьянской земледельческой стадии к городской или "дворовой". Из русского — трипольского района эти завоеватели ушли в период упадка трипольской культуры, уступая перед новым нашествием менее культурных завоевателей с севера. Впрочем, это обозначение — "север" — не надо понимать в буквальном смысле. Г.Шмидт отмечает, что культура, принесенная завоевателями третьего периода, была "смешанная". К "балтийско-арктическим" чертам к ней приме-

⁸ По описаниям Хвойко можно отметить четыре типа погребений:

1. Пережженные человеческие кости в сосуде (с. Веремье. Этот факт оспаривается).
2. Там же скорченный скелет в яме, на дне, на подстилке из березовой коры, с обожженными костями.
3. Обожженные кости человеческие, конский череп, части двух человеческих черепов (Триполье).
4. Курганная насыпь, под ней четыре площадки, почти под уровнем земли истлевшие бревна склепа, под ними, на полтора метра глубины, на слое желтой глины, скорченный скелет на правом боку (Халеппе).

шивалась шнуровая керамика и свойственные этой керамике формы сосудов (см. ниже). К этой новой стадии заселения нашего второго месторазвития мы теперь и переходим.

Культурная область шнуровой керамики представляет то особое значение, что с ней некоторые — особенно славянские — исследователи нашли возможность связать появление исторических народностей — именно индоевропейцев. Территория, захваченная шнуровой керамикой — очень определена, и географическое расположение ее представляет значительный интерес (см. карту № 24). Западная часть пояса шнуровой керамики располагается на стыке двух средневропейских неолитических культур, раздел между которыми идет по линии Брауншвейга на Магдебург — Бреслау. Справка с картой № 16 покажет, что эта зона соответствует полосе между двумя последними обледенениями (Вюрм — и Рис) и границе между равнинной и горной Германией. Естественно ожидать тут и стык между двумя эпипалеолитическими населениями — более древним в южной части и более новым в северной. Естественно также ожидать найти здесь культуру переходного типа, на которую обе соседние оказали известное влияние. На юг от указанной линии тянутся обширные пространства так наз. "ленточной" керамики (Bandkeramik), центром которой является средне- и верхнедунайский бассейн. Главные доисторические связи этого круга шли на юг, в область балканской и эгейской культуры: но это же дунайское земледельческое и мирное население несколько позднее колонизировало верхний Рейн и спустилось вплоть до Бельгии. Границы "ленточного" круга на юго-восток вследствие связи с Балканами трудно определить. На восток влияние "ленточной" керамики чувствуется и в области красочной керамики, то есть русского Триполья. На север от линии Бреслау — Брауншвейг тянется область северной культуры, которую германские исследователи стараются монополизировать для своей теории — происхождения индогерманцев из круга северной длинноголовой расы. Но как раз эта северная граница между шнуровой и северной культурами долго оставалась незаселенной (см. ниже).

В промежутке между северным и дунайским кругами тянется самостоятельная полоса шнуровой культуры. На карте № 24 ее направление показано от среднего Рейна и Эльбы через Гессен, Тюрингию и Саксонию на верхний Одер в Силезию, а оттуда через верхнюю Вислу и верховья Днестра на Днепр, Донец, Дон и Волгу. На этом длинном пути, помимо первоначальных смешанных форм, шнуровая керамика, конечно, получает новые импульсы и дает новые местные варианты. Но все же ее основные черты можно распознать от начала до конца. Возникает естественный вопрос, как прошли носители шнуровой керамики весь этот путь — с запада на восток или с востока на запад. Сторонники североевропейского происхождения индо-

германцев защищают первый путь. Сторонники азиатской прародины индогерманцев — ищут доказательства второго пути. Есть и среднее решение, останавливающееся на южнорусских степях как на центральном источнике шнуровой культуры. Выбор решения очень затрудняется разнообразием тех элементов, которые вошли в состав шнуровой культуры. Их соединение придает, конечно, шнуровой культуре ее единство, ее своеобразный характер. Но отдельные, вложившиеся в нее элементы далеко выходят за пределы этой культуры. Рассмотрим главные из этих составных частей отдельно, прежде чем остановиться на их соединении в пределах южной России.

Прежде всего, своеобразной чертой шнуровой культуры является погребение покойников в скорченном виде и осыпание трупов красной охрой. Под названием "охровых могил" и известны эти места похорон в восточной части южной России. Но сам по себе этот способ погребения вовсе не составляет особенности данной территории. Скорченные скелеты попадались нам уже в милолитическом периоде; этот способ погребения является общим и для областей "ленточной" и северной керамики. Мало того, он идет далеко за пределы Европы. М.Возинский нашел скорченные скелеты, помимо решительно всех стран Европы, также в Индии, Австралии, Африке, Америке. Очевидно, это вообще — один из древнейших способов погребения. Между тем шнуровая керамика появляется только в поздней части неолита. Очевидно, она сохранила этот обряд от палеолитического населения Европы.

Иное, гораздо более суживающее значение имеет другая черта шнуровой культуры: те элементы мегалитической культуры и керамики, которые она несет с собой в колонизованные ею страны. И тут уже имеется указание на направление этой колонизации. Как известно, мегалитические памятники рассеяны в Европе по всему берегу Атлантического океана — начиная с Испании, Франции, Великобритании — с дальнейшим ответвлением к берегам Северного моря и Ютландии. Происхождение мегалитической культуры обыкновенно выводится из Африки и приписывается особому народу "разведчиков" (prospectors), который, в небольшом количестве, явился в западную Европу из Средиземного моря с торговыми и завоевательными целями и, открыв природные богатства разных стран — соль, янтарь, медь, олово и т.д., остался в этих местностях среди оседлого крестьянского населения в роли хозяев. Постепенно доходя до северных берегов Европы и проникая во внутренность стран, "разведчики" — и подвергшееся их влиянию население — видоизменяли форму мегалитических сооружений, стараясь сделать их менее дорогими и более доступными. Так от грандиозных сооружений, сохранившихся на берегах Испании, Франции и Англии, они перешли к скромной форме дольмена — одиночного гроба (Einzelgrab) из нескольких каменных плит с каменной

покрышкой. Затем, в процессе колонизации северо-германской низменности, они расширили одиночный гроб до размеров коллективного склепа, прибавив к нему выложенный каменными плитами подземный коридор для входа (Ganggräber). В северной Польше эти склепы приобрели значительные размеры путем расширения одного из длинных концов, причем все сооружение принимало форму трапеции ("жуявские гробы"). Дальше на юго-восток возобновляется процесс удешевления и упрощения мегалитических построек. Сперва от них остается один каменный ящик из плит под землей. Затем боковые стенки ящика исчезают и остается одна каменная крышка. Наконец исчезает и она, и сохраняется лишь символическая обкладка скелета (или могилы) круглыми камнями. Хронология этой постепенной смены определяется северными археологами от 3.000 до 1.600 лет до Р.Х.

В Россию мегалитические сооружения в стадии дольменов проникли через Польшу и Прикарпатье не дальше области Подолии и Волыни. И. Левицкий на основании разведок и раскопок 1924-28 гг. в верховьях Стыри, Горыни, Случа и Тетерева констатировал около 80 мегалитических сооружений на Волыни. Кроме дольменов здесь имеются и каменные могилы с зачатками коридора, и каменные ящики, прикрытые курганом. О том, что шнуровая культура здесь существовала продолжительное время, свидетельствует переход от погребения скорченных скелетов к обряду сожжения, везде являющемуся, в пределах позднего неолита и начала эпохи металлов, позднейшим. Находки в Яцковице, на верхнем Ю.Буге, показывают, что шнуровая культура проникла на территорию трипольской культуры. Это подтверждает мнение тех, кто приписывает носителем этой культуры разрушение Триполья.

Наконец, наиболее характерной для шнуровой культуры третьей чертой, выделяющей ее в особый культурный круг, является нахождение в могилах со скорченными и окрашенными скелетами определенных предметов — и в особенности своеобразных форм керамики. Именно тут мы сталкиваемся с вопросом, какие типы керамики старше и какие позднее, — чтобы в зависимости от ответа на этот вопрос решить, распространялась ли эта культура с востока на запад или с запада на восток. Спор этот усложняется тем, что, по-видимому, на всем пространстве своего распространения шнуровая культура существовала довольно долго, так что древние формы всегда имели время замениваться позднейшими. На этом основании Сулимирский в своем докладе на седьмом съезде историков в Варшаве принужден был даже допустить двойное движение: древнейшее (за 2500 лет до Р.Х.) с востока на запад и позднейшее, обратное, за 2000 лет, с запада на восток. По его мнению, именно древнейшим могилам шнуровой культуры свойственны сосуды с круглым

дном, примитивная шнуровая керамика и кремневые топоры с чечевицеобразным размером обуха, характерные для периода кампиньен Литвы и Волыни. Напротив, в позднейших могилах этого типа встречаются кремневые топоры бужской культуры, с прямоугольным размером обуха, хорошо обработанные боевые топоры из твердых пород камня, металлические предметы и каменная обкладка могил.

Все это, очевидно, характерно для Польши. Но на территории южной России, при сохранении фамильного сходства, формы меняются. На восток от Днепра мы имеем погребения шнуровой культуры двух типов, с двумя разными составами находок. Один из них характеризуется погребением скорченных скелетов в ямах, другой в так наз. "катакомбах". Тальгрэн, оспаривая мнение Городцова, считает, что эти типы погребения существовали одновременно. Но есть все основания думать, что погребение в ямах есть древнейший из двух типов. Этот тип распространен в южных степях повсеместно, тогда как "катакомбы" приурочиваются к определенной территории — среднего Донца и Дона. В ямных погребениях почти нет металлических предметов; они сохраняют неолитический облик. Напротив, в "катакомбах" медные и бронзовые предметы встречаются в большом количестве: Городцов насчитал их до 63% в Изюмском уезде. Наконец, встречаются случаи, когда катакомбные погребения разрушают предыдущие ямные. В то же время нельзя отрицать, однако, что ямные погребения продолжают существовать наряду с "катакомбами". Видимо, тут дело идет о двух слоях населения: позднейшее, внося свой вариант похоронного обряда, продолжает жить вперемешку с прежними обитателями. Территория распространения обоих типов "степных курганов" показана на карте № 24, 8.

Не так легко отделить древнейшие формы сосудов шнуровой керамики от позднейших. Конечно, разница между керамикой ямных и катакомбных могил бросается в глаза. Сосуды ямных могил сохраняют древнейшую форму — круглого дна (ср. табл. № 25); в катакомбных дно уже плоское. Орнамент в ямных могилах сравнительно примитивный; в катакомбных он более сложный — шнуровой или резной, но рядом с точками и прямыми линиями вносящий яркую новизну; узор спиральями и концентрическими кругами (табл. № 27, 11). Тут позднейшая хронология очевидна. Но, оставляя в стороне этот плод позднейшего вторжения (см. ниже), мы останавливаемся в затруднении перед классификацией форм более древних. Типичной формой является, как сказано, горшок или котел с круглым или даже заостренным дном, годный только для подвешивания. Но эта форма приобретает местный характер. Вариант, точно соответствующий западной шнуровой культуре, — горшок с сильно расширенным брюшком, узким дном и коротким узким горлышком, с двумя или четырьмя ушками для подвешивания

на самой широкой части брюшка — этот вариант мы находим только на запад от Днепра, в связи с отмеченными там же остатками мегалитических сооружений (табл. № 27, 3). На восток от Днепра его заменяет яйцевидная форма, сохранившаяся от древнейших местных форм и резко отличная от шаровидной амфоры северного типа, какую мы встретили в Фатьяново (ср. табл. № 25 и 27). Другая типичная форма западной шнуровой культуры — "полосатый бокал" (Zonenbecher), тоже встречается в бассейне Днепра, например в Яковице и в волынских погребениях. На востоке он принимает несколько иную форму (табл. № 27, 5). Странники движения с востока видят в древнейших формах горшка и бокала специфически-западные *позднейшие* формы. Но обе они первичны и слишком тесно связаны с предыдущей историей западной керамики (ср. № 1 из Баальберга с № 2 Фатьяново). С другой стороны, примитивные формы южно-русских ямных могил еще не означают их большей древности, а лишь большую примитивность культуры, а также связь ее шнуровой стадии с местным прошлым. Это приводит нас к вопросу, каково же было население, принесшее шнутовую культуру.

Антропологический тип этого населения можно считать выясненным. Конечно, все неолитические расы вообще нужно считать уже смешанными. Но тут в смешении еще ясно выделяется старый длинноголовый тип, хотя и склоняющийся уже к под- и к среднеголовью, с небольшой примесью чисто короткоголового типа⁹. Что касается образа жизни, обыкновенно считают носителей шнуровой керамики — кочевниками. Странники восточного направления видят тут подтверждение своей теории — прихода этого населения в Европу из южных русских степей. Странники северного переселения указывают на то, что и в германских долинах в период суббореальный — сухой и теплый — вместо леса господствовала луговая степь (по новейшим исследованиям, это увлечение климатическими переменами слишком преувеличено). Насколько слабы эти доказательства номадизма, видно из того, что их подкрепляют доказательства отрицательным: известны только могилы, но неизвестны поселения народа шнуровой культуры; следовательно, он не имел постоянных жилищ. И на это имеется возражение, выставленное Тальгреном: поселения этого населения могли быть на дюнах. Действительно, дюны — обычное место поселений завоева-

⁹ А. Стоцкий, на основании измерения 104 черепов, найденных в могилах шнуровой культуры, делит население этого круга на три группы: две длинноголовые, представляющие северных пришельцев и туземное население, и одна короткоголовая, принадлежащая поселенцам, принесшим колокольчиковые бокалы ("протекторы"). Важно отметить в его коллекции преобладание высоких черепов (Hypsicephal'ов), с частыми признаками лофо- (скафо-) цефалии, то есть аскимOIDного типа.

телей. Но мы видели, что дюны уже были заселены до периода шнуровой культуры.

Во всяком случае, о среднегерманской "степи" нельзя говорить в том же смысле, как о степи азиатской или даже южнорусской. Пришельцы оттуда не могли быть кочевниками в собственном смысле. Азиатские вторжения относятся к более позднему времени. И нельзя утверждать, что на юге России уже в то время на восток от Днепра кочевали номады, обладавшие притом "автохтонной" культурой и "научившиеся" земледелию от трипольских соседей за Днестром, как это хочет думать молодой украинский археолог И. Борковский в своих интересных работах. Пришельцы были, очевидно, культурнее туземцев эппипалеолитического периода. Они принесли на юг России высшую форму погребения, эволюционировавшую здесь на месте в следующие ступени-положения костяка на спине и сожжения. На сближение, если не слияние пришельцев с местным населением указывает местный стиль шнуровой керамики, принявшей здесь промежуточные формы между западным и старым туземным стилями. Исходной точкой шнуровой керамики все же остается, согласно утверждениям северных исследователей, Тюрингия и Саксония¹⁰. Что касается действительных воздействий с востока, о них придется говорить лишь в связи с третьим месторазвитием, к которому теперь и переходим.

По нашей классификации, в это третье месторазвитие уже не входят те луговые степи, о которых только что была речь. Нельзя считать "месторазвитием" и необитаемую ковыльную степь, которая следует за луговой на юг. Третье месторазвитие сосредоточивается непосредственно у Черного моря и на прилегающих к нему долинах Предкавказья. Здесь мы встретились уже с древнейшими доисторическими связями. Это — особый мир, который питается культурным материалом совсем из другой среды, нежели местности второго месторазвития, связанные преимущественно с европейским западом. Расовые, этнографические и культурные связи этого мира идут за море — в Малую Азию, и за Кавказский хребет — в Месопотамию и Персию. Но в то же время восточная часть Черноморья служит связующим звеном между этим Ближним Востоком и местностями Донского и особенно Волжского бассейна. Мегалитическая культура Черноморья могла придти сюда независимо от северного мегалита непосредственно из Средиземноморской культуры; поэтому она и носит здесь (например, в Крыму) особенно свежий характер, независимый от очерченной выше эволюции мегалитических сооружений. В конце неолита здесь, несомненно,

¹⁰ Мнение Айлио, что шнуровая керамика в своем происхождении предшествует гребеночной, может относиться только к технике наложения шнура (Wickelschnur), но отнюдь не к сложившемуся орнаменту, связанному с определенной формой сосудов и с определенной стадией культуры.)

завязывается самостоятельный центр, который у Менгина не без основания получает название "понтийско-аральской степной культуры".

Во главе этого центра следует, конечно, поставить истинно "царские" курганы Кубани, содержавшие в себе роскошные погребения военных вождей. Старейшим из этой группы курганов является знаменитый курган около Майкопа, в трех деревянных камерах которого погребен вождь с двумя своими женами под великолепным балдахином с нашитыми золотыми пластинками, изображающими львов и быков. Все три скелета — скорчены и осыпаны охрой, украшены золотыми и сердоликовыми бусами. Местный характер всего этого великолепия лучше всего иллюстрируется серебряным сосудом, на котором лев преследует дикую лошадь и быка на фоне натуралистического кавказского горного пейзажа; над цепью гор возвышаются здесь Казбек и Эльбрус. Богатый инвентарь этого кургана и группы нескольких позднейших обнаруживает, правда, связи не только с Ближним Востоком, но и с европейским северо-западом и с центральной Россией. Этими связями определяется и хронология кубанской группы. Тальгрэн, который подчеркивал связи с Фатьяновым (ср. особенно форму шаровидной амфоры), датировал Майкоп 1700 г. до Р.Х. Напротив, Ростовцев указал на Месопотамию, В.Шмидт на Ур и Ассур, — и хронология отодвигалась соответственно до 2800 г. (Шмидт: Царевская 3200 г. до Р.Х.). Здесь мы, действительно, можем наблюдать встречу кочевого элемента с земледельчески-оседлым. Этот контраст всего ярче подчеркивается двумя миниатюрными копиями жилищ противоположного типа. В кургане около Царевской найдена была модель прямоугольного дома с крышей и с круглым отверстием в перегородке, разделяющей дом на две комнаты. Отверстие это воспроизводит известную в Европе *Seelenloch*: проход для души покойника. А в Ульском кургане найдена модель кочевой кибитки, которую только остается поставить на колеса (см. табл. № 27, 10 и 11). Круглые лепешки, наклепанные на стенах, очень напоминают мне до сих пор существующий обычай сушить на стенах изб помет, употребляемый в безлесных степях на топливо.

Гораздо более слабые и более поздние отголоски степной культуры находим на нижнем Поволжье. Судя по новейшим раскопкам и исследованиям П.Рыкова, эта культура — так наз. "Хвалынская" — скорее связана с описанной выше ямной и катакомбной культурой, а также с юго-западной Сибирью, чем с Кавказским и туркестанским югом. Собственно, название "Хвалынской", намекающее на кочевую жизнь, относится, по мнению Рыкова, только к последней, *третьей* стадии этой культуры (1400-1000). Но и тогда на правом берегу Волги он усматривает признаки земледельческой культуры. Начало собственно Хвалынской культуры Рыков относит к 1600-1400 гг. до Р.Х.,

считая, что она является здесь на смену ямной и катакомбной культурам, древнейшие черты которых, однако, уже отсутствуют. С ямной культурой у ней общ переход от скорченных скелетов к положению на спине, при сохранении сильной скорченности и большого количества краски, а также ориентация скелета на северо-восток вместо юга и юго-запада. Катакомбная культура влияет на Хвалынскую керамикой своих крупных сосудов, лепным орнаментом, более поздними типами бронзы, чем в ямной культуре, — наконец, принесением в жертву покойнику овец и коров. Вторая стадия Хвалынской культуры характеризуется влиянием культуры "срубов" (1300-1100), которая в русских степях является преемницей двух предыдущих культур, и ямной, и катакомбной. Рыков считает, что название "срубной" культуры неудачно, так как в сибирских погребениях вместо деревянных срубов сохранились каменные ящики. По его мнению, срубная культура "развивалась на северо-востоке" и оттуда продвигалась в восточную Европу. Он даже полагает, на основании "более стройных костяков с небольшими узковатыми (?) черепами", что "в эту эпоху произошло и смена племен, живших в нижнем Поволжье". Надо при этом принять во внимание, что, по новейшим исследованиям Рау, после Хвалынской эпохи на нижней Волге наступило запустение, длившееся несколько столетий; покойников 6-го века кладут в курганы со скорченными костяками, не подозревая, что тут лежат могилы "предшественников", отделенных веками.

В связи с вопросом о влиянии средиземной и ближневосточной культур на территории третьего месторазвития мы должны теперь вернуться к следам этого влияния на соседней территории второго месторазвития. Речь идет о группе погребений, уже отмеченных выше под не совсем удачным названием "катакомбных". В отличие от похорон скорченных костяков в простой яме (с прикрытием погребения деревянным потолком) здесь выкапывается в одной из сторон ямы, несколько ниже ее дна, особая камера; вход из ямы в камеру прикрывается каменной или дубовой плитой (табл. № 27, 12). Эта группа "катакомбных" могил сосредоточена, как мы видели, почти исключительно на территории прежнего Изюмского и Бахмутского уездов. Главный центр погребений, сходных с Донецкой "катакомбой", встречаем в районе Эгейской культуры — на островах Эвбее, Кипре, Крите, а также и в Сирии и в Сицилии — в сопровождении скорченных скелетов (табл. № 27, 13). Мы отметили своеобразную керамику "катакомб", совершенно несхожую на "ямочную" и гораздо более развитую. Уже Тальгрэн указал по Монтелиусу на связь этой керамики с тем же эгейским кругом (Кносос, Михлос, Микены, Рафио).

Распространение сходных с нашей культур на островах — Крите и Цикладских — приводит нас к периоду "Миносской" цивилизации с временной "талассократией" (господством на мо-

ре) Крита. Торговля Крита была широко распространена и, несомненно, коснулась и северных берегов Черного моря. Таким образом, скептицизм Тальгрена относительно возможности перенесения Цикладской культуры морским путем в Черноморье едва ли основателен. Укажу на изображение корабля на напечатанной им надгробной плите из Симферополя. Изображение кораблей в этой культуре — не единственное. Вслед за (или вместе с) торговцами могли высадиться на нашем южном берегу и переселенцы — и проникнуть вверх по Дону и Донцу на интересующую нас территорию. Так как это случилось уже в эпоху бронзы, то хронологию этого переселения можно отнести лишь к концу "Миносской" и Цикладской культур, то есть уже ко времени падения галассократии и к переходу гегемонии на греческий континент к Микенам (1400-1300). Конечно, есть еще возможность — искать связей на Западе. Указывалась пластическая орнаментировка кругами и спиралями, типа Мондзее (в Верхней Австрии, Зальцбургский округ, на границе Швейцарии); имеются катакомбные погребения и в Польше. Но эти одиночные черты труднее связать и найти промежуточные звенья до русского юга. Может быть, близость Мондзее к Гальштадту и путь проникновения к нам меди помогут сделать окончательный выбор (см. ниже).

Устанавливая более вероятную связь, мы, однако, не должны забыть и о воздействии местных условий и местного населения. Пришельцы не могли быть многочисленны. Хороня своих покойников привычным для них порядком и подражая высеченным в скале "катакомбам" своей родины, они могли снабдить их лишь грубыми, местной работы, подражаниями тонкой эгейской керамике. Особенностью донецких катакомбных погребений является принесение в жертву домашних животных — ног и головы барана, ягненка, коровы и лошади. В верхних слоях могилы сохранились остатки костров, на которых сжигались эти жертвы. Находки человеческих скелетов и костей при главном костяке позволяют заключать и о человеческих жертвоприношениях. Эти осложнения обряда свидетельствуют всегда о высоком сани покойника, что естественно, если пришельцы представляли господствующий класс. Остается лишь решить, принесли ли они и жертвенный ритуал с собой или усвоили местный обычай? Аналогия с позднейшими сибирскими погребениями говорит в пользу последнего предположения.

Наблюдения над катакомбными погребениями окончательно выводят нас из эпохи неолита в эпоху энеолита (медных орудий промежуточного периода) и даже в эпоху бронзы.

Пришла ли медь в Европу через Испанию и Португалию, или по вновь открытой торговой дороге через Адриатическое море на Эльбу к северным россыпям янтаря, или, наконец, — и это, вероятно, самый древний путь — с Кипра вверх по Дунаю в Венгрию; во всяком случае, этот металл надолго остался для

Европы привозным продуктом. Но переход от меди к бронзе совершился уже при активном содействии самих европейцев. Куски меди или бронзы со слабой амальгамой олова стали перерабатываться в местных мастерских в те или другие ходовые формы — оружия или украшений. Так образовались местные стили, более или менее независимые друг от друга. Наибольшего расцвета они достигали, конечно, там, где под рукой была собственная руда и некоторая традиция металлургического искусства. Богатая оловом Чехия положила начало своей "Унетичкой" культурой (1600-1400 гг. до Р.Х.). Венгрия ее обогнала — и создала блестящий стиль, с которым скоро стал соперничать северный скандинавский, оспаривая у Венгрии первенство. На территории России центром бронзового производства сделалась как раз та же самая местность (Изюмский и Бахмутский уезды), куда пришли носители эгейской культуры. Отсюда ли, прямо с Кипра, или кружным путем через Дунай и Венгрию, пришла к нам и энеолитическая металлургия. В Бахмутском, Славяносербском и Павлоградском уездах найдены заброшенные древние копи, где добывалась медь и, в связи с ними, открыт ряд мастерских, в которых сохранились формы для отливки. Тальгрэн перечисляет пятнадцать таких литейных мастерских на данной территории и на берегу. Правда, своего материала не хватало и приходилось ввозить куски меди или утилизировать лом. В выборе форм видно влияние венгерских типов. Не достигая художественного совершенства венгерского и скандинавского стилей, это производство все же удовлетворяло местному спросу. Хронология этих мастерских определяется концом второго тысячелетия до Р.Х., то есть приблизительно совпадает с хронологией "катакомбных" погребений.

Остается упомянуть еще о двух самостоятельных центрах бронзовой продукции: Уральско-Камском и Сибирском. Но расцвет бронзовой культуры в обоих этих центрах относится к более позднему времени. Только древнейшие типы, воспроизводящие старые формы энеолита, в уральско-камском районе, с центром около Екатеринбурга, Тальгрэн считает возможным относить к "среднему веку бронзы" (одновременно с культурой Фатьянова). Здесь тоже имеются и формы для отливки, свидетельствующие о местном производстве, которое черпало свой материал, очевидно, в "чуждских копиях" Урала. Сибирская бронзовая культура (или, точнее, культуры) — еще позднее. Во всяком случае, отмеченная нами связь между этими культурами и кавказско-азиатскими продолжается и за пределами рассмотренной нами эпохи.

Представленная нами картина неолитических культур на пространстве европейской России охватывает период приблизительно от 3000 до 1000 лет до Р.Х. Но в пределах этого самого периода, как сейчас увидим, должна была сложиться, в основных своих чертах, и та группа народностей, которая известна

под названием "индогерманцев" (термин, предпочитаемый германской школой) или "индоевропейцев". Естественно желание угадать, под какой — или какими именно из исследованных археологами культур эта группа народностей скрывается. Германские археологи Шлиц и Вильке и уступили этому соблазну. Шлиц распределил свои пять типов черепов между пятью археологическими кругами: к мегалитической культуре отнес тип клинообразного черепа, жителям швейцарских свайных построек — приписал тип грушевидный; ленточной культуре с ее разновидностями — тип коконообразный; культуре колокольчиковых бокалов — тип шаровидно-коротколодовый; наконец, "унетицкой" бронзовой культуре — тип родственный с мегалитическим. Вильке наложил на археологические круги — лингвистические круги Шмидта. То и другое, очевидно, грешит чрезмерной схематичностью и построено на слишком скудном материале.

Более интересна частичная попытка найти индоевропейцев в носителях шнуровой культуры, о которой упомянуто выше. Но более полное решение вопроса об индогерманцах по справедливости принадлежит прежде всего не археологии — и тем более не антропологии, — а лингвистике. Лингвистика же, при помощи археологии, указывает нам и те хронологические пределы, в которых следует искать выделения индоевропейской языковой группы как особой. Хронология эта, как увидим, совпадает с хронологией позднего неолита, энеолита и ранней бронзы. Но первоначальная стадия, подготовившая это выделение, должна относиться к эпохе раннего неолита.

Новые находки (1907, 1917) в районе Малой Азии показывают, что историю индоевропейских делений и передвижений нельзя начинать позже чем примерно за 2500 лет до Р.Х. Поиндоевропейски (арийски)¹¹ звучат уже имена царей из племени касситов, — завоевателей, давших около 1760 г. до Р.Х. свою династию Вавилону. Шуриаш (ср. санскр. Сурья, бог солнца), Индаш (ср. Индра), Марутташ (Маруты — боги ветра у индусов), бугаш (иранское бхасас, бог): эти параллели не случайны. Во всяком случае, не может быть уже никакого сомнения в арийстве династии, правившей азиатским народом Митанни на верхнем Евфрате. В договоре между царями Митанни и хиттитами в 1360 г. до Р.Х. мы встречаем, в качестве свидетелей прочности договора, имена четырех божеств, тождественных с олимпом Ригведы: Индара, Аруна, Митра и близнецов Насатъя. Другой документ Митанни, найденный в хиттитских архивах Богаз-Кея, трактующий о коневодстве (что характерно), дает названия числительных, которые оказываются арийскими:

¹¹ До последнего времени термины "индоевропейцы" и "арийцы" употреблялись безразлично. Но правильнее сохранять имя "арийцев" специально за азиатской частью группы, то есть за краццами (персами) и индусами.

один — айка, (санскр. эка), три — тераз, пять — панза, семь — сатта и девять — нав. Наконец, цари, правившие Миттани, носили арийские имена — Шутарна, Душратта, Артатама. И их дружина называлась "марьянна", что напоминает санскритское "марья" — молодцы, герои.

Фонетика приведенных — а также найденных в Тель-Амарне — имен показывает, что тут или преобладает санскритский элемент над иранским, или даже дифференциация ирано-индийского языка еще не совершилась (звуки *ше* — еще не заменены звуками *сл*). Заметим далее, что этот язык уже принадлежит к восточному отделу индоевропейских, прозванному "сатем" — от произношения числительного "сто", — в отличие от западной группы "кентум". Следовательно, основное разделение индоевропейских языков на восточную и западную группы уже совершилось к середине второго тысячелетия. Наконец — индоиранская группа распространялась в это время дальше на запад, чем впоследствии. Недавно найдено, что и в диалекте хититского языка, которым говорили в Каппадокии — и который назывался "нашили" — наш язык, имеются индоевропейские флексии склонений и сопряжений. Тут надо, однако, упомянуть еще об одном недавнем открытии, которое несколько спутало установившиеся было представления о прародине индоевропейцев. В 1908 году в песках Восточного Туркестана были откопаны пластинки, написанные на языке Тохарского народа, известного китайским и латинским летописям. Этот язык, к общему удивлению, оказался принадлежащим к группе "кентум", которая считалась специально западно-европейской. И вновь встал вопрос, который считался почти разрешенным: где же жили наши предки, в Европе или в Азии? В последние годы можно даже наблюдать возвращение к теории азиатского происхождения индоевропейцев, которая еще недавно считалась окончательно похороненной. Я лично к этому рецидиву не могу присоединиться.

При младенческом состоянии знаний, когда можно было выводить все человечество из мест земного рая, считалось несомненным, что индоевропейцы пришли из Азии. Это мнение нашло подтверждение в том, что санскритский язык был признан старыми филологами древнейшим из всех индоевропейских. Но из той же среды лингвистов последовало и опровержение. Латам первый усомнился в 1851 году в азиатском происхождении индоевропейцев. Его доводы были развиты в 1872 году в небольшой брошюре Иоганна Шмидта, произведшей переворот во взглядах на взаимное отношение индоевропейских языков. Шмидт доказал, что нельзя представлять себе разделение этих языков в виде генеалогического дерева (Stammbaumtheorie: основной ствол праязыка, от него — ветви, от ветвей — разветвления) и нельзя строить соответственно этому историю расселения народов. Язык распространяется из центра концен-

трическими кругами — "волнообразно" (Wellentheorie). По мере распространения на периферии круга появляются наречия, которые, естественно, сохраняют наибольшую близость с соседними. При дальнейшем расселении это кольцо разрывается на звенья, сцепленные друг с другом. Так, германское звено сцеплено с двумя соседними. Кельты связаны с италиками, италики

№ 28. Волнообразная теория И.Шмидта

с греками. Балтославяне, в свою очередь, связаны с иранцами и индийцами. Кольцо связывалось рядом исчезнувших народностей (иллирийцы, фракийцы и др.). При таком представлении уже нельзя было говорить о продвижении всей группы с востока на запад. Очевидно, центр должен был оставаться на месте, и положение его определялось расположением окружающих его звеньев, то есть надо было искать его где-нибудь в центральной или восточной Европе. На помощь пришло тут сравнительное изучение слов в индоевропейских языках, причем выделилась группа одинаковых слов, характеризовавших состояние общей индоевропейской культуры до разделения. Результаты археологических раскопок можно было сравнить теперь с уровнем культуры, засвидетельствованным лингвистикой. Особое значение в этом отношении имела работа Шрадера (5-е издание 1883 г.). Однако и из всего этого материала выводы разных ученых были неодинаковы.

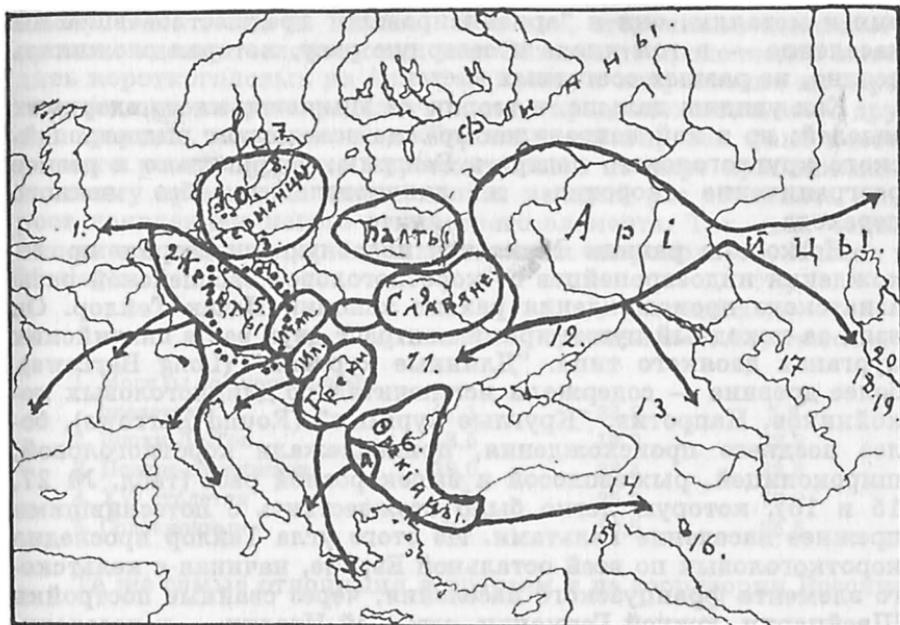
На карте № 29 К.Ф.Йогансена, часто перепечатававшейся, я нанес цифры, показывающие, как далеко разбросаны решения двадцати специалистов. Среди них одно решение получило особую популярность вследствие настойчивой пропаганды германской националистической школы (Пеше, Пенка, Коссинна и его ученики). По этому учению — вопреки установившемуся в

науке мнению, что народность не следует смешивать с расой, — родоначальниками индоевропейцев были признаны люди высокорослой, длинноголовой и белокурой северной расы. Германские националисты стали искать и находили следы этой расы всюду, где появлялся правящий класс и возникала высокая культура: в Европе, Африке, Азии — безразлично. При всех увлечениях этой школы, надо признать, что для детального изучения среднеевропейской доисторической культуры ею сделано очень много. Но основная ее тенденция встретила возражения — прежде всего с той же националистической точки зрения. Самым слабым местом северной теории было то, что, в своем первоначальном виде, она совершенно игнорировала неиндоевропейское и доиндоевропейское население Европы, тогда как именно это население создало на европейском и средиземном юге и на Ближнем Востоке ряд высоких культур, более ранних чем северно-европейские¹². На реабилитацию этих культур и выступил выдающийся итальянский антрополог Джузеппе Серджи. Создатели южных цивилизаций, начиная с греческой и латинской, были, по его признанию, действительно родственниками длинноголовых блондинов севера. Но эти длинноголовые южные брюнеты, как и те, северные — не арийцы. Настоящие арийцы — азиатская короткоголовая раса. Она сродни монголам и принесла из Азии не культуру, а варварство. Именно эти короткоголовые азиаты разрушили древние европейские культуры, созданные длинноголовыми. Это была победа "евразиаатов" на "еврафриканцами". Победители "арианизировали" старое еврафриканское население Европы. Одна евразиатская ветвь, кельты, арианизировала европейский запад. Другая — это и были "протогерманцы" — арианизировала север. Наконец, третья — "протославяне" — арианизировала восток Европы.

Как видим, в сущности, Серджи, сам того не замечая, лишь подтверждал германское учение об особом благородстве длинноголовых, от которых он тщательно отделял "варварскую", короткоголовую расу арийцев. Эта своеобразная теория антропо-

¹² Карта № 29, показывающая (предположительно, конечно) распространение индоевропейских языков в ближайшее время после их разделения и их переселения из европейского центра, пуждается, как увидим, в серьезных поправках. Но она дает общее представление о ходе расселения. Различные теории и. е. прародинны приурочены к соответствующим местам под следующими номерами: 1. Латам, 2. Гейгер, 3. Хирт, 4. Ратцель, 5. Мух, 6. Коссинна, I-я теория, 7. Пеше, 8. Пенк, 9. Пеше, 10. Коссинна, II-я теория, 11. Шрадер, 12. Микелис, 13. Фик II, 14. Браунхофер, 15. Линк, 16. Винклер, 17. Фик I, 18. Пикте, 19. Шмидт, 20. Роде. Сопоставление взято у Jacob-Friesen, Grundfragen d. Urgeschichtsforschung. 1928.

Кружочками обозначена территория Унетяцкой культуры в период 1900-1450 гг. до Р.Х. Более точно см. карту № 30 .

№ 29. Расселение индоевропейцев (по Йогансену)

лога, не особенно считавшегося с археологией, вызвала серьезные и хорошо обоснованные возражения другого итальянца, хорошо знакомого с современной ему археологической литературой, де Микелиса. Де Микелис принимает германское утверждение, что завоевателями древних культур средиземного юга были пришельцы с севера. Но завоевание это совершилось в такую древнюю эпоху, когда об индоевропейцах еще не было и речи. Настоящую высшую культуру принесли — позднее — как раз те короткоголовые, которых Серджи считает разрушителями культуры. Это именно они были в обладании культурой развитого неолита — и насадили эту культуру на среднем Дунае и в Венгрии. Венгрия сыграла при этом главную роль. Она "переработала в себе все влияния и создала новые формы, распространившиеся уже из нее веером — на юг, запад и север". Именно в Венгрии мы находим прототипы и параллели находкам в могильниках умбров, иллиро-венетов, кельтов, германцев и северных итальянцев (типа Виллановы). Из Венгрии короткоголовые распространились в альпийские земли, в Иллирию и Италию, потом на север и северо-запад — вверх по притокам Дуная и вниз по германским большим рекам — на Рейн в среднюю Германию, на северное и балтийское море. Именно они и оказались завоевателями, аристократической расой, занявшей господствующее положение. Они принесли с собой обряд сожже-

ния и металлы, они и "арианизировали" предшествовавшее им население — в том числе и северную расу, которая сложилась поздно, из разных составных частей.

Как увидим дальше, в теории де Микелиса много здоровых мыслей; но в ней неправилен прежде всего сдвиг индоевропейского круглоголового центра в Венгрию; неправильно и резкое разграничение коротко- и длинноголовых, без всякого перехода.

Несколько раньше Микелиса подобную же теорию происхождения индоевропейцев от короткоголовой европейской расы азиатского происхождения развил каноник Исаак Тейлор. Он взял за исходный пункт яркий контраст двух рас в английских курганах двойного типа. "Длинные курганы" (Long Barrows), более древние — содержали исключительно длинноголовых покойников. Напротив, "Круглые курганы" (Round Barrows), более позднего происхождения, принадлежали короткоголовой, широколицей, рыжеволосой и высокорослой расе (табл. № 27, 15 и 16), которую легко было отождествить с потеснившими прежнее население кельтами. Из этого угла Тейлор проследил короткоголовых по всей остальной Европе, начиная с кельтского элемента французского населения, через свайные постройки Швейцарии, южной Германии, северной Италии — к поселениям славян и литовцев, которых он считал короткоголовыми. Всю эту расу, следуя тогдашним взглядам археологов, особенно французских, он считал "туранской", то есть вышедшей из Азии. Он легко доказал затем, что уровень культуры среднеевропейского короткоголового населения был выше культуры северной германской расы и что он в точности соответствовал тому уровню, о котором свидетельствовали общие всем индоевропейским народам культурные слова (см. ниже). Индоевропейцы принесли древнейшему населению Европы металлы, земледелие, домашних животных и обряд сожжения, заменивший погребение скорченных скелетов.

Обе последние теории, по моему мнению, становились на правильный путь. Но теперь, тридцать и сорок лет спустя после сочинений Микелиса и Тейлора (1903 и 1895) мы знаем, что ход событий был сложнее, чем это представлялось при тогдашнем состоянии археологии. Металлы и обряд сожжения пришли в Европу с разных сторон и в разное время, земледелие и приручение животных могло быть результатом местной внутренней эволюции. Но, главное, самый приход короткоголовой расы — или, точнее, короткоголовых рас — из Азии, их "туранизм" был подвергнут сомнению. Выше было указано, что короткоголовые уже появились в Европе в эпоху миолита. Из 21 измеренного черепа баварской пещеры Офнет только пять оказались чисто длинноголовыми, восемь были среднеголовыми и такое же количество найдено крайне короткоголовых. И в раннем миолите также встретились короткоголовые черепа (Furfooz,

Clichy, Villa Nova da Reina). Конечно, сторонники азиатского происхождения человечества, как Эйкштедт, продолжают выводить короткоголовых из Азии; но время и направление их переселения они могут определить только предположительно. С другой стороны, повсеместно в Европе констатирован факт постепенного роста процента короткоголовых по мере приближения к новому времени, и никак нельзя каждый раз объяснять этот рост появлением нового этнического элемента. Так, для Чехии мы имеем следующую таблицу местных антропологов, Hellich и Matiegka.

	(В процентах)		
	Длинногол.	Среднеголов.	Короткоголов.
1. Могилы со скорченными скелетами	61,1	33,3	5,6
2. Эпохи Ла-Тен	48,5	18,2	33,3
3. Поздне-славянские	28,0	33,4	33,6
4. XVI столетия	5,5	25,0	70,0
5. Современные	1,0	13,5	85,5

Те же самые отношения встречаем и на территории России:

	(В процентах)		
	Длинногол.	Среднеголов.	Короткоголов.
1. Курганные черепа Новгород., Москов., Киев., Полтав. (Богданов)	88,0	3,0	10,0
2. Боярск., класса XVI ст.	44,0	16,0	40,0
3. Кладбища XV-XVII ст.	19,0	27,0	53,0
4. Современные	24,1	35,4	40,4

Имеется три объяснения этого роста короткоголовых. Матейка объясняет перемену для древнего периода — приходом нового населения короткоголовых, а для позднего времени — большей "жизненностью" короткоголовых. Богданов присоединяется к мнению Вирхова и Серджи, которые объясняют рост короткоголовых — внутренним развитием культуры. При этом вследствие ослабления мускулатуры, слабее развиваются затылочные кости, а лобные доли мозга и черепа растут (более прямой лоб), вследствие чего поперечный размер черепа увеличивается. Это толкование приняли Пеше и Нидерле. При таком объяснении короткоголовие есть признак высшей культуры¹³. Оно

¹³ Nyström в Archiv für Anthropologie, 1902, Formenveränderungen des menschlichen Schädels доказал экспериментально, что умственные усилия, сопровождаемые ростом мозга и кровяным давлением, ведут к расширению черепа. Измерив 500 шведских черепов, он нашел, что наибольший процент короткоголовых падает на высшие, культурные классы, — что противоречит, конечно, германской теории.

развивается, очевидно, не только путем "подбора", по Дарвину, но и путем прямого приспособления к среде — в данном случае, к среде средней Европы. Здесь, как мы знаем, помещаются обе короткоголовые расы Европы: альпийская и динарская — как раз на стыке шнуровой и ленточной керамики.

Накопление археологического материала должно было отодвинуть в прошлое обе *чистые* теории северно-европейского и среднеазиатского происхождения индоевропейцев. Для сторонников европейской "прародины" Скандинавия, эта *officina gentium, vagina nationum*, показалась слишком тесна. Для защитников азиатской прародины — Месопотамия, Иран и Индия были слишком отдалены. Тернам (Thurnam), первый отметивший в 1851 году разницу рас в длинных и круглых курганах Англии, искал "прародины" по ту сторону Ламанша. Куно и Шрадер думали найти родоначальников индоевропейцев в степях южной России; к ним присоединились Хоопс и Чайльд, который, впрочем, очень скоро усомнился в своей теории. Зейбер указал точнее на русскую лесостепь. Томашек передвинул прародину к нижнему Дунаю. Микелис, как мы видели, искал ее на среднем Дунае с Венгрией в качестве исходного пункта и с Днестром на периферии. С другой стороны, Хирт и Шрейберг расширили северную прародину на юго-восточные области Прибалтики, а Мух прибавил сюда и западную часть Прибалтики — до Северного моря, германское среднее плоскогорье и Карпаты — с распространением за Альпы, до среднего Дуная и Балкан, а через Днестр и южнорусские степи — до черноморского и эгейского побережья. К этому взгляду подошел и вождь германской школы Коссинна, который к ранее принятому им за прародину среднему и нижнему Дунаю присоединил собственный круг северной расы, а в позднейшей работе (1908) вывел "германский" (крманьонский) тип из Франции и провел его оттуда с шнуровой керамикой на север, с "ленточной" на Дунай, а с мегалитической культурой — в среднюю и южную Германию, Швейцарию и Австрию. Так, под впечатлением этих разноречий с разных концов поиски прародины приводили к расширенному средневропейскому кругу. Шрадер в последнем своем заявлении (второе издание *Real lexikon*) высказался сдержаннее, чем прежде, относительно самой возможности проблемы. "Произошло столько смешений, что не приходится устанавливать резко отграниченную расу индогерманского народа, не говоря уже о помещении ее в определенном месте Европы".

Выход из получившегося тупика должны были найти лингвисты. Они прежде всего остановились на том факте, что индоевропейские языки распространялись не в пустом пространстве, а среди более старого, не-индоевропейского населения Европы; этим ведь и объяснялось распадение первоначально единого "праязыка". Фейст находил даже, что вообще бесполезно искать этого "праязыка" и этой "прародины", так как сам иско-

мый пранарод был уже с самого начала смешанной расой, говорившей смешанным языком, уже подвергшимся влиянию "субстрата", до-индоевропейской подпочвы. При "волнообразном" распространении "праязыка" из центра связь между его наречиями должна была очень скоро разрушиться и появился ряд новых центров — праарийский, прагреческий, праиталийский, прагерманский и т.д. Всюду индогерманцы-завоеватели были лишь тонким слоем, который целиком слился с туземцами. Именно поэтому картина распределения рас в Европе очень мало изменилась сравнительно с временем неолита. Часто индогерманцы несли более низкую культуру, чем завоеванные, а местами они не могли навязать местному населению ни языка, ни культуры и всецело были поглощены им.

При всем кажущемся скептицизме в этом взгляде, однако, имелись конструктивные элементы. Во-первых, как бы широка ни была сфера влияния индогерманских языков, вне ее нужно было выделить территорию не-индоевропейского населения; в древности этот внешний круг окружал индоевропейцев гораздо более тесным кольцом, чем теперь. Во-вторых, уже из данных исторической эпохи известно, на какие из не-индоевропейских территорий индоевропейцы пришли при свете истории и, следовательно, из какого внутреннего круга происходило это распространение. Сам Фейст набросал нам картину распространения индоевропейцев по внешнему кругу. Так как уже около 1500 г. до Р.Х. имеются доказательства господствующего положения арийцев в передней Азии (ср. выше), то выселение из родины должно было произойти не позже 2000 г. Около половины второго тысячелетия появляются первые греческие племена в Эпире в Фессалии; около 1000 г. греки завоевали Циклады, Крит и Малую Азию. За ними продвигаются иллирийцы на северный и восточный берега Адриатического моря, а индогерманские фракийцы занимают северную часть Балканского полуострова. К концу второго тысячелетия италийские племена, теснимые иллирийцами и фракийцами, появляются, минуя верхнюю Италию, в средней и нижней, а около 800 г. мы слышим о скифских народах. Около 500 г. до Р.Х. Геродот впервые упоминает имя кельтов, и начинаются их набеги — на Италию (310), Грецию (280) и Малую Азию (Галаты). Далее следует проникновение германцев в римские провинции, а на оставленные ими места продвигаются около 200 г. по Р.Х. славяне. При первых выступлениях получается полукруг, открытый к востоку: германцы-кельты-иллирийцы. Впереди этой группы — балты, славяне, фракийцы. Позади, во внешнем круге, — италийцы и греки с македонцами. А скифы, осетины, армяне, иранцы, индусы продолжают полукруг по направлению к Азии. Внутри полукруга — финно-угры и частью монголы. О поправках к этой схематической картине мы будем говорить ниже.

Не менее ясен пояс внешнего круга не-индоевропейского населения, постепенно занятого индоевропейцами. Сюда относится прежде всего население эпохи протолита, среди которого никому не приходило в голову искать предков индоевропейцев. Такова вся западная часть Европы: Испания, Франция, Великобритания. Сюда относятся и народы средиземного круга культуры — предшественники греков и италиков. Наконец, с противоположной стороны, угрофинские народы северного месторазвития и бродячие народы Арктики — лапландцы, самоеды замыкают этот круг. В последнее время сделана попытка установить единство южной и западной части этого внеиндоевропейского пояса и связать древние народности этих мест с живыми языками Кавказа. К сожалению, автор этой так наз. "яфетидской" теории, академик Марр, связал ее с большевистской демагогией и проповедовал ее на совершенно невозможном русском языке. Более осторожен его последователь Ф. Браун, из работы которого мы заимствуем следующие сведения. В состав неиндоевропейского населения, которое застали индоевропейцы, числятся Пеласги, Лелеги, Карийцы, Этруски, Ретийцы, Лигуры и Иберы. От большей части их сохранились надписи, делающие возможными лингвистические сопоставления. Уже Генрих Винклер доказал родство баско-иберийского языков, а Элли и Паули указали на связь этрусского с южно-кавказским. Позднее Томсен сопоставил этрусский язык с языком "горцев". От этрусков, по Страбону (5, 28) и Ливию (5, 33), путь ведет к ретийцам, пеласгическая надпись на о. Лемнос связывает с этрусками догреческое население. Здесь, правда, нить прерывается; но местные имена поддерживают связь с лигурами и иберами. Приведенные данные дают Брауну право поставить вопрос о едином южно-европейском праязыке, который должен принадлежать к яфетидской семье. Семья кавказских языков, теперь принадлежащая к флектирующим языкам, сохранила, однако, черты предшествовавшего агглютинирующего, а за ним и отголоски древнейшего синтетического типа. Ряд кавказских языков сохранил чрезвычайно архаический характер. Все это, конечно, требует еще дальнейшей разработки, но сама идея этнического единства средиземноморских доарийских обитателей Европы представляет несомненный интерес.

Гораздо труднее вопрос о том внутреннем круге, где совершалось первоначальное разделение индоевропейских языков на "субстрате" эпипалеолитического населения. Влияние этого населения на языки пришельцев несомненно. Фейст и Либих нашли в германских языках 30% не-индогерманских слов. О том же влиянии свидетельствует и германское так наз. *Lautverschiebung*¹⁴ и упадок флексий. Фейст предполагает для объ-

¹⁴ Перестановка звуков: звучные г, б, д переходят в немые к, п, т, а эти последние в придыхательные х, ф, с (звуки вроде английского th).

яснения наличность какого-то гипотетического среднегерманского народа, жившего у какой-то отрасли альпийской расы, промежуточного между кельтами и италиками. Отсюда, по предположению Фейста, была арианизирована и сама северная раса (ср. выше объяснение Вале).

История кельтов очень наглядно характеризует роль населения средней Европы в процессе индоевропеизации. Кельты, несомненно, — смешанная раса. Быть может, во времена, для нас недоступные, когда еще не выкристаллизовалась их национальность, — длинноголовый тип у них преобладал. В сложившемся окончательно типе кельтской народности уже господствует короткоголовие. Но высокий рост отделяет кельтов от короткоголовой альпийской расы. Конечно, при долговременных передвижениях кельтов — от Великобритании до Малой Азии и от Северного моря до Средиземного — единство и этого типа отнюдь не могло сохраниться. Изображенные черты черепа "круглых могил" Великобритании (см. табл. № 27, 16) также впоследствии несколько смягчаются. Тейлор слишком упростил картину; короткоголовые совершили не одно, а не меньше трех вторжений в Британию, и последующие вторжения дают короткоголовый тип с более мягкими чертами. Вероятно, первое вторжение — с низовьев Рейна — соответствует более раннему (конец второго тысячелетия до Р.Х., по Н. Hubert) переселению "гойделей" (gael), язык которых сохранился в Ирландии и части Шотландии, тогда как позднейшее вторжение принадлежит "бритонам"; их язык вымер в XVIII столетии в Корнуэльсе, но сохранился в бретонском наречии. Наиболее древним нам известным местожительством кельтов был юго-западный угол Рейна с притоками Некаром, Майном и Мозелем, а также верхнее течение Дуная. Лингвистика установила более тесную связь кельтов с италиками, чем с германцами. С первыми их связывает грамматика, со вторыми только культурные слова, заимствованные, по мнению Hubert, германцами у кельтов. Кельто-славянская антропологическая теория, из которой исходил Тейлор, в настоящее время оставлена. Но все же о некоторых отношениях кельтов к славянам и даже, через их посредство, к их соседям финнам, свидетельствует лингвистика.

Все эти древние связи предполагают первоначальное, более тесное соседство кельтов, италиков, германцев, славян и финнов в центральной Европе, чем это нам известно в историческую эпоху. На северном склоне Альп кельты соседнили с италиками, где-то в Тюрингии — с германцами. На Дунае они одно время потеснили иллирийское население. На собственной своей территории они должны были найти прежних обитателей, ретоллигуров. На той же территории археология знает одну этническую группу, отличавшуюся короткоголовием: это так наз. народ "разведчиков", принесший с собой колокольчикообразные бокалы (Glockenbecher). Этот народ не был многолюден, не оста-

вался долго на одном месте, но именно он мог дать толчок к усилению кельтского короткоголовия. Сропление всех этих разнородных этнических элементов, именно ввиду их разнообразия, произошло гораздо позднее первоначального периода расселения индоевропейцев. Во всяком случае, к началу железного века кельты уже представляли, не только этнически, но и национально, единое целое, о котором свидетельствуют культуры Гальштадта и Ла-Тен (см. табл. № 21). Им не хватало лишь единой государственной организации. Однако ее роль временно сыграли вожди отдельных племен, переведшие кельтов от племенного к "дворовому" быту. Под руководством этих вождей кельты, прозябавшие в течение тысячелетия, вдруг проявили, во второй половине первого тысячелетия до Р.Х., способность к военной экспансии и совершили те походы на запад, юг и восток, о которых упоминают выше.

Пример кельтов показывает, где и как происходили эти антропологические скрещения и социальные расслоения, сопровождавшиеся подъемом культуры до того уровня, на котором стояли индоевропейцы (см. ниже). Ответа нельзя искать в северном круге, где германское население, сравнительно недавнее, но захолустное и отсталое, сохранило и после индоевропеизации в неприкосновенности свои архаические расовые особенности. Территория между германскими колонистами северной равнины и населением лессовой полосы долго оставалась почти незаселенной. Естественнее всего, напротив, ожидать, что процесс индоевропеизации начался в тех частях Европы, где население уселось всего раньше, жило всего дольше и пережило всего более перемен, то есть в благодатной области лесса, в средней полосе Европы, где раньше всего развилось оседлое земледелие и куда нам постоянно приходилось возвращаться. Сюда относится южная предгорная и гористая часть Германии, Чехия, южная Польша и верхне-дунайский бассейн. Именно здесь мы повсюду встречаем население, сохранившееся из времен миоценового; здесь распространен древнейший обряд погребения в скорченном виде со следами окраски; здесь же находим и первоначальную форму жилища — круглую землянку. Влияние эпимиолитического населения сказывается на стародавней, незатронутой ледником территории Тюрингии и Саксонии. От миоценового сохранилась и часть населения, избегавшая непроходимых лесов и нашедшая убежище в свайных постройках Швейцарии. Находят эпимиолитическое население и на дюнах северной Венгрии и южной Польши. Оно дает о себе знать и на Дунае. Его присутствие сказывается и в археологических находках верховьев Эльбы и Заалы. Наконец, по справедливому замечанию Айлио, микролиты Литвы, нижнего Днепра (прибавим также: южной Польши, Прикарпатья, Подолья и Волыни, течения Оки) доказывают и здесь непрерывность пребывания донеолитического населения. Это как раз и есть тот внутренний

круг, где древнейшие индоевропейцы встретили "субстрат", в котором преломилось их влияние и отдельные наречия кристаллизовались в самостоятельные языки. Если где-нибудь, то именно внутри *этого* круга и надо искать индоевропейского "праязыка" и "прародины" — если вообще этим понятиям соответствует что-либо в реальности.

Конечно, динамический процесс совершался здесь далеко не в порядке одной только мирной эволюции. Мы уже говорили, что переход от сельского быта к "дворовому" — с чем обычно связано происхождение народности — почти всегда вызывается появлением над мирным населением высшего слоя хищников. С большой отчетливостью мы можем наблюдать этот процесс в дунайском бассейне, которому посвящено специальное исследование Гордона Чайльда. Уже около 2500-2100 гг. — исходный пункт расселения индоевропейцев из "прародины", связанного, вероятно, с ухудшением климата суббореальной эпохи, (см. табл. № 21) — Чайльд обращает внимание на появление в средней Европе нового элемента. Пришельцы — не крестьяне, а охотники. Согласно своей теории Чайльд предпочитает называть их "пасторалистами" и отмечает появление степной лошади. Они выделывают наступательное оружие — боевые топоры и наконечники стрел. Возле плодородных долин, уже занятых земледельцами, они избирают для поселения вершины холмов, где строят свои укрепления и откуда, совсем как средневековые феодалы, господствуют над населением равнин. Они вводят новых домашних животных и акклиматизированные растения. Все это — разрыв с старой традицией. Эту новую культуру германские ученые считают принесенной с севера. Чайльд склоняется к противоположному мнению — движению с юго-востока и, чтобы остаться нейтральным в остром споре, придумывает компромиссное название: Danordic. С Дуная эта культура идет на восток от Эльбы, покидая традиционный лесс. Она переходит в верхнюю Силезию, Познань и Великую Польшу, распространяется вверх по Одере и Марху, вниз по Висле, от Люблина направляется на верхний Буг до Волыни, доходит в северном направлении до окрестностей Праги и до Саксо-Тюрингии. На запад она проникает вверх по Рейну до Вадена. Ложась верхним пластом на эппалеолитическое население, новый владельческий слой приносит с собой весьма характерную черту, которую никак нельзя объяснить простым заимствованием: новый ритуал погребения — посредством сожжения. Можно проследить, как обряд этот постепенно заменяет собой скорченные скелеты, тогда как на юго-западе над ними насыпают курганы. Местами, как, например, в альпийской зоне, нет следов массового нашествия. И там, где было завоевание, как, например, на австро-баварской территории, оно уже успевает принять стационарные формы. Вожди организуют оседлых земледельцев и оставляют по себе, как знак своего могущества, богатые по инвен-

тарю могилы. Военное ремесло остается их профессией, о чем свидетельствуют многочисленные клады, забота о вооружении и устройство укреплений для обороны от конкурентов такого же типа. Обыкновенно властители продолжали и дальше жить на возвышениях ("дюнах"), а подчиненное население жило и работало в долинах. Есть, однако, признаки, что иногда эти социальные слои подходили ближе друг к другу и сближались для совместной мирной жизни бок о бок. Все отмеченные здесь черты можно наблюдать, например, на верхнем Дунае, в северных Альпах, где военная каста хоронила своих покойников в курганах, тогда как рядовое население довольствовалось простым зарытием погребальных урн в землю в ровном поле, без особых внешних знаков на месте погребения.

В этой сводной картине я, конечно, должен был опустить все подробности и все специальные названия, характеризующие отдельные археологические круги, которые вошли в общую характеристику. Но важна тут одна общая черта, которая их объединяет. Здесь вырисовывается впервые, в конце неолита, некоторая более или менее обширная территория, объединенная общим типом культуры. Заметим, что эта территория довольно точно соответствует той, на которой мы находили следы древнейшего расселения человека, начиная с эпохи Ориньяка. Это — благоприятная для земледелия территория лесса. Покойный проф. Стоцкий определял ту же территорию распространением "ленточной" культуры Дуная. Не предвещая пока того пути, по которому шло это объединение, заметим лишь, что бассейны Эльбы, Одера и Вислы с притоками участвовали в нем не в меньшей мере, чем бассейн верхнего Дуная.

Отсюда — естественный переход к территории, почти тождественной с только что упомянутой, на которой развивается столь же — или еще более — объединенный тип культуры, последовавший за только что описанным в самом конце неолита, но уже относящийся к эпохе меди и бронзы. Впрочем, уже в культуре Danordic можно было наблюдать появление, правда редкое, медных вещей и даже плавильных форм; в одиночных случаях уже попадалась и бронза. С другой стороны, и тип, к которому мы переходим, начинает свое развитие в обстановке кончающегося неолита, составляя переходную ступень к эпохе чистой бронзы. Я говорю о так называемой Унетичской культуре (нем. Aunetitz), получившей это название от Unétice — места типичной находки около Праги. Унетичская культура еще в большей степени, чем предыдущая, представляет среду, в которой могли сложиться на эпимолитическом субстрате индоевропейские народности. Мы поэтому и остановимся на ней с особым вниманием.

На карте № 30 я нанес (по Зегеру и Схранилу) территорию Унетичской культуры в первой половине второго тысячелетия до Р.Х. Она охватывала тогда соседние части четырех государств:

юг Германии, запад Польши, север Чехии и Моравию (юг Чехии занят другим населением, хоронившим в курганах) и север Нижней Австрии. На этом обширном пространстве, конечно, и эта культура не вполне однородна. Но она носит, несомненно, фамильный — и притом повсюду одинаково смешанный характер. Чайльд на этот раз считает объединителями "расу торговцев, промышленников и земледельцев, усвоивших секреты металлургии от народа колокольчиковых бокалов (Bell-Beaker) и троянских разведчиков". Эти предприниматели, короткоголовая раса среди длинноголовых, засели, по мнению Чайльда, на торговых путях, связывавших балтийские залежи янтаря с Адриатическим морем и верхней Италией и — чешское олово с словацкой медной рудой. Остроумная гипотеза Чайльда не отвергается, по-видимому, и археологами старшего поколения, одинаково склонными искать южных связей для средней Европы.

Чешские археологи делят развитие Унетичской культуры на две фазы: раннюю (от 19-го до 17-го столетия до Р.Х.) и позднейшую (от 17-го до 15-го столетия до Р.Х.). В древнейшем пе-

№ 30. Унетичская культура (отграничена крестиками). Германская колонизация (отграничена черточками). Ф — Фихтель. Ч.М. — Чехо-Моравская возвышенность. Пути колонизации Чехии (мелкие крестики)

риоде скелеты менее скорчены и беспорядочно ориентированы, что означает небрежное выполнение ритуала. В этих древнейших гробах найдено только 6,22% бронзы, 0,83% золота и никакого янтаря; 98,66% (?) составляла керамика. В позднейших погребениях уже 49,67% бронзы, 3,69% золота, 17,41% янтаря, 4,93% оружия и только 45,23% (?) керамики (цифры взяты у Стоцкого). Руки и ноги скелета здесь притянуты (очевидно связаны) к голове и груди; правильно выдержана поза скелета на правом боку, и направление — головой к югу, лицом к востоку. В типах вещей несомненны влияния "отживающей керамики колокольчиковых бокалов, младшей шнуровой керамики (по Одру), пережитки северной керамики и некоторые элементы иордансмюльской керамики" (Стоцкий). Но все эти составные части представляют, по определению Схранила, "систематическое дальнейшее развитие предшествовавшей пред-унетицкой культуры, в которой произошёл замечательный процесс трансформации, постепенно нивелировавший старые признаки отдельных составных частей — особенно в керамике. Результат развития сказался в синтезе форм, в котором совершенно исчезли реминисценции прежних групп и все слилось в единой культурной группе". Трудно изобразить нагляднее процесс сращения индоевропейского элемента с до-индоевропейским "субстратом", уцелевшим при переходе от неолита к металлам. Сращение расовых или этнических элементов — или того и другого?

Было много споров о том, откуда произошла эта "пред-унетицкая культура". Зегер видел ее из Силезии, то есть с севера. Чешские ученые указывают на юг и на Венгрию. Как бы то ни было, все согласны, что уже и пред-унетицкая культура была "конгломератом", в котором началось постепенное и мирное слияние составных элементов. Хронология предунетицкой культуры возводится к концу третьего тысячелетия, на два или больше столетия старше Унетицкой (не позже 2.100 г.).

Значительно сложнее вопрос о *преемниках* Унетицкой культуры. Сложнее уже потому, что за полтысячелетия своего существования она успела оказать влияние на соседние страны. Параллельно с ней появляются сходные культуры, переходящие вместе с ней в так наз. "поля погребальных урн" (с сожжением). Однако, кроме этих боковых отраслей у Унетицкой культуры есть и прямой наследник, с которым она связана самым тесным образом: связана прежде всего уже самой территорией распространения. У этой последующей культуры, так наз. Лужицкой (по местам первых находок) территория почти та же самая, как и у Унетицкой культуры. В некоторых местах находок одна культура прямо переходит в другую. Способ погребения, от скорченных скелетов к погребальным урнам, как и некоторые формы керамики постепенно развиваются из Унетицкой культуры в Лужицкую. Однако чешские исследователи объясняют появление Лужицкой культуры в Чехии приходом

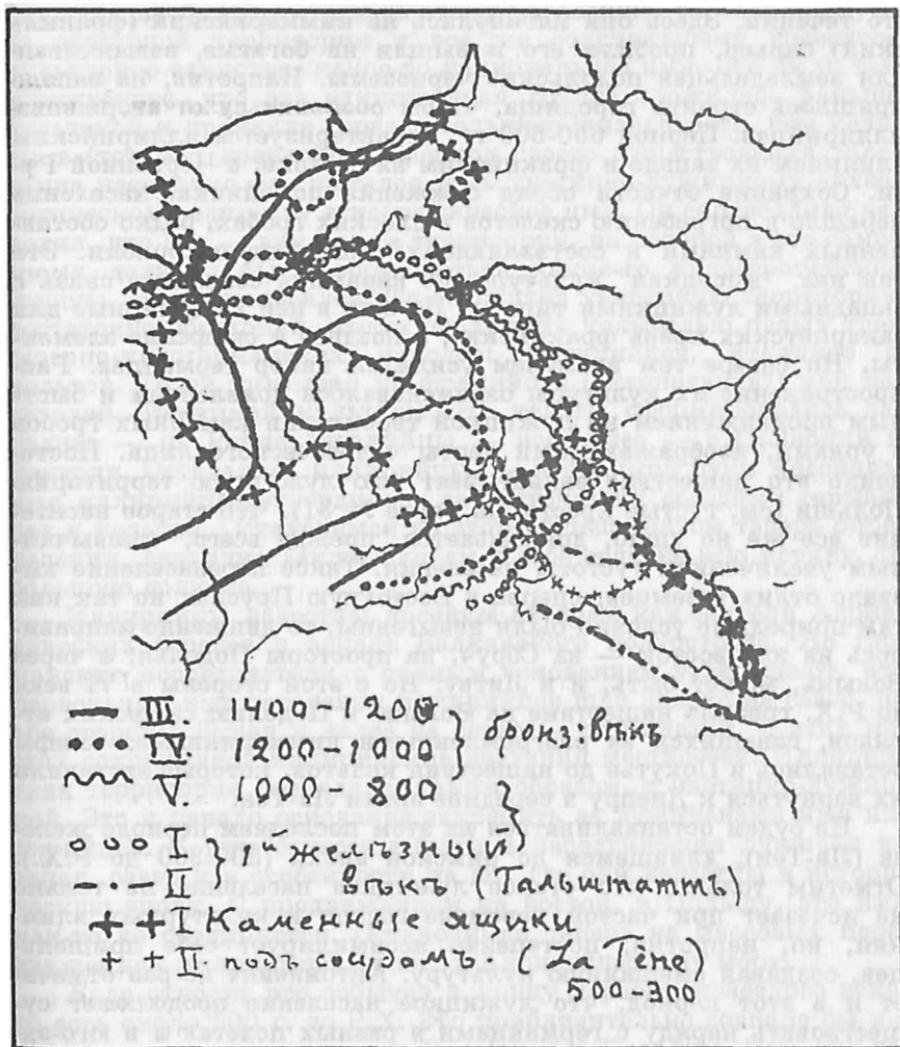
другого народа в среду унетичских обитателей. Может быть, это затруднение можно объяснить способом распространения Лужицкой культуры и населения. Взгляд на карту № 30 показывает, что население, как унетичское, так и лужицкое, двигалось вдоль рек и обходило горные хребты. Даже такая незначительная сравнительно возвышенность, как отделяющая Чехию от Моравии (Ч.М.), оказалась препятствием при расселении. Еще при Унетичской культуре два потока поселенцев прошли отдельно в Чехию и отдельно в Моравию, разными горными проходами. Это, между прочим, само по себе предполагает заселение с севера, то есть из Силезии. Юго-западные влияния, отмеченные выше, должны, следовательно, считаться плодом торговых сношений, а не переменной этнического состава населения. То же самое направление — с севера на юг — еще с большей определенностью вырисовывается и для Лужицкой культуры. Ее исходной точкой являются Лужицы и Силезия, где она у себя дома. Отсюда лужицкое население передвигается в Чехию и Моравию, вслед за первой волной своих унетичских родичей. Таким образом, можно было бы примирить вторжение как бы *нового* населения в Чехоморавию с теорией *непрерывности* лужицко-унетичской народности. При таком предположении Лужицы суть не только культурно, но и этнографически прямое продолжение Унетич: мы получаем факт непрерывного пребывания одного и того же населения на одной и той же территории уже не в течение полувека, а в течение более чем целого тысячелетия.

В течение этого тысячелетия лужицко-унетичское население не оставалось, однако же, только на своих первоначальных местах, отмеченных на карте № 30 для первой половины второго тысячелетия. Во второй половине этого тысячелетия (то есть после 1500 г.) начинаются передвижения лужичан на запад, юг и восток. К северу, где понемногу распространялись германцы, их не тянуло. Граница Унетичской культуры, показанная на карте № 30 крестиками, далеко не доходит до границы, которой достигает между 1750 и 1400 гг. германская колонизация, продвигаясь внутрь Германии с севера. Не ранее 750 г. до Р.Х. эти встречные движения столкнулись друг с другом. Что касается движения лужичан на запад, в долины Майна и Неккара (1000-800), где они оставили свои следы, — это движение, несомненно, было успешно. Германский археолог Вале замечает, что лужичане ушли отсюда обратно по своей воле, не будучи теснимы кельтами, которые уже после их ухода продвинулись на освобожденные ими места.

К позднейшему движению лужицкого населения на юг мы еще вернемся. Наиболее значения в описанном промежутке времени имело его движение на восток — в пределы теперешней Польши. Я намеренно пользуюсь для характеристики этого движения не исследованиями проф. Козловского, подробно ха-

рактизирующего все отдельные круги, на которые разветвилась Лужицкая культура, а изложением Антониевича, которое считается более объективным. Осторожность Антониевича проявляется именно в спорном вопросе о народности лужичан, к которому я перейду ниже.

На карте № 31, составленной по Антониевичу, черной чертой обозначены первые оазисы лужицких поселенцев между Одером и Вислой, пришедших сюда из Силезии и подчинивших себе прежнее население. Длинная линия, идущая от одного из этих оазисов на Приморье, указывает на раннее (1400-1200) продвижение лужичан в этот, оставленный ими потом угол. Здесь они подчинились восточно-балтийской бронзовой культуре, доходившей, в известной степени, до Литвы и Белоруссии. Восток Малой Польши и Червоная Русь были заняты тогда фракийскими племенами. В следующем периоде (1200-1000) лужичане продвинулись двумя потоками, великопольско-бранденбургским и силезско-моравским, и захватили весь западный берег Вислы. Курганы уступили здесь место польским могилам, и различия между двумя исходными центрами заселения выровнялись. В керамике это отразилось смягчением профилей сосудов, резко угловатых в предыдущем (третьем) периоде бронзы. В пятом периоде бронзы (1000-800) начинается напор германцев на северо-запад Польши. Это вызывает выселение лужичан на юг и объясняет сгущение населения на юге Великой Польши. Зато удержалось лужицкое население в Холмской земле. Отхлынувшее с северо-запада население двинулось также на слабозаселенные земли востока, менее пригодные для земледелия, — по линии Буга, в Мазовию и Подляшье. В то же время замечается, однако, ослабление единства и распадение культуры на местные группы. Проникает запоздавшее на два столетия влияние первого железного века (Гальштадта). Проникают и венгерские, альпийские и венето-иллирские влияния — путем торговых сношений, ведущих и дальше — в Червоную Русь. В период 800-650 гг. наконец доходит до Польши Гальштадтское железо — из иллирийского круга — и прививается особенно там, где сохранилось единство племенной организации, разрушенное в Мазовии и в Малой Польше. Дошедший до Моравий клин иллирской народности ослабил торговые сношения Западной Польши с произведениями фракийских бронзовых изделий Венгрии. Под влиянием юга несколько изменяется характер сожжения: в погребальную урну высыпаются не одни остатки костей, но и все содержимое погребального костра — чтобы не бесчестить в золе костра остатков покойника. Колонизация лужичан направляется теперь с запада через малопольскую возвышенность в урожайную долину Дунайца. Это дальнейшее продвижение вызвано новым напором германцев, занявших на Поморье левый берег Вислы. Границу с севера охраняют лужицкие городища (Тарнов). Лужицкое население, хоронившее

№ 31. Продвижение лужицкой культуры на территории Польши (по Антониевичу). Римские цифры — деления эпохи бронзы (по Монтелиусу) и подразделения Гальштадта и Ла-Тен.

в одиночных гробах с урнами, сохраняется некоторое время и среди наступления германских каменных гробов в надвислянском Поморье; но гораздо дольше оно удержалось и сохранило свою этническую культурную особенность на правом берегу Вислы, в холмской земле. В некоторых поветах лужицкое население продержалось до предримского времени (эпоха Ла-Тен). Колонизация на восток привела лужичан на Днестр в верхнем

его течения. Здесь они наткнулись на киммерийский (фракийский) барьер, пробили его и вышли на богатые, заманчивые для земледельцев подольские черноземы. Напротив, на западе пришлось строить городища, чтобы оборониться от вторжения иллирийцев. Период 650-500 гг. характеризуется иллирийским влиянием на западе и фракийским на востоке, в Червонной Руси. Сохранив отчасти обряд сожжения покойника, население перешло к погребению скелетов в плоских гробах, редко обставленных камнями и составляющих обширные некрополи. Это так наз. "высоцкая" культура. Ее керамика сохраняет связь с западными лужицкими типами. Но есть в ней характерные для закарпатских краев фракийские, а позднее и скифские элементы. На севере тем временем усилился напор германцев. Распространение их культуры ознаменовалось появлением и быстрым продвижением на лужицкой территории каменных гробов с урнами, изображающими черты человеческого лица. Постепенно это нашествие захватывает всю лужицкую территорию Польши (см. густые кресты на карте № 31). Что старое население все же не ушло, доказывается, прежде всего, чрезвычайным увеличением густоты населения. Такое перенаселение вызвало отлив туземцев, сперва в Восточную Пруссию; но так как там природные условия были невыгодны, то движение направилось на юго-восток — за Сбруч, на просторы Подолья, а через Волынь, может быть, и в Литву. Но с этой стороны в VI веке до Р.Х. грозило нашествие на Волынь и Подолию скифских отрядов, гнавшихся за разгромленными киммерийцами. Скифы оставались в Покутье до нашествия кельтов, которые заставили их вернуться к Днепру в середине эпохи Ла-Тен.

Не будем останавливаться на этом последнем периоде железа (Ла-Тен), длившемся до римской эпохи (500-300 до Р.Х.). Отметим только, что старое лужицкое население не только не исчезает при частой перемене господ и культурных влияний, но, напротив, постепенно ассимилирует себе пришельцев, создавая смешанную культуру. Антониевич не раз отмечает и в этот период, что лужицкое население продолжает существовать наряду с германцами в разных поветах и в юго-западной Польше.

Непрерывность существования унетичко-лужицкого населения вплоть до римского периода — таков главный вывод, который мы извлекаем из этой истории целого тысячелетия. Другой вывод — тот, что — чем дальше, тем больше археология начинает говорить языком этнографии. Лужичан окружают иллирийцы, фракийцы, кельты, скифы, германские племена. Кто же такие сами лужичане? Неужели в этой среде они одни не носят никакого национального имени?

Для ответа мы должны вернуться назад, к западной части лужицкой территории, где она продолжает унетичкую и доунетичкую традицию. Германские исследователи первые почув-

ствовавали необходимость дать этому населению, расселившемуся на обширной территории и все же сохранившему известное культурное единство, какое-то национальное имя. Это было тем естественнее, что эта единственная группа сложилась раньше кельтской и проявила гораздо большую жизнённость, чем кельты (тот же) древнейший период своего существования. Коссинна несколько раз пытался дать унегицко-лужицкому археологическому единству этнографическое имя. Он справедливо находил, что это — как раз та территория, на которой в это самое время должны были образоваться какие-то индоевропейские группы. Но он колебался. То он считал унегицкую территорию достаточно обширной, чтобы послужить колыбелью целых трех северно-индогерманских народов: иллирийцев, италиков и кельтов. То он указывал на фракийцев ("карподаков") как носителей Лужицкой культуры. Но кельты сформировались западнее — на Рейне; фракийцы — восточнее — в Паннонии и Венгрии. Оставались иллирийцы, — и с легкой руки Коссинны имя иллирийцев утвердилось за восточными соседями германцев и кельтов. Остановимся на этом общепринятом теперь определении, очевидно заключающем в себе если не всю истину, то большую долю ее.

Иллирийцы известны древним авторам как жители Адриатических берегов и запада Балканского полуострова. Но германские исследователи с полным основанием утверждают, что первоначальные поселения иллирийцев шли далеко на север, по обе стороны Дуная и далее на север — до Силезии. В этих местах сохранились иллирийские названия местностей. Иллирийская территория совпадала, таким образом, с унегицко-лужицкой. Это и давало основание закрепить за лужичанами имя иллирийцев. К ним отнесены были и передвижения лужичан на запад, север и в особенности на юг, где они известны в историческую эпоху. С продвижением на восток, в Польшу, это имя как-то не соединяется. Остановимся теперь на массовых передвижениях иллирийцев на юг, к Адриатическому морю.

Вале относит это событие к концу первого железного века, то есть около 500 г. до Р.Х. Это приблизительно совпало бы и с передвижением лужичан на Волынь и в Подолию. Там оно совершилось под давлением германцев. Движению на юг также предшествовал постепенный напор, но уже с двух сторон: германцев с севера (после 750 г.) и кельтов с запада. Решающая встреча с кельтами (после отхода иллирийцев на восток) произошла, во всяком случае, на протяжении Гальштадтского периода. Имеется очень определенный признак, по которому мы узнаем топографию и хронологию этой встречи. И кельты, и иллирийцы были одинаково захвачены бронзово-железной культурой Гальштадта. Но кельты продолжают хоронить своих покойников в земле, в скорченном виде, тогда как иллирийцы их сжигают и хоронят остатки сожжения в урнах — вероятно под

невысокими насыпями, совершенно сгладившимися в течение веков. Возле Гальштадта, небольшого местечка в богатом соляными залежами Зальцбурге (hall есть древнее название соли), на горе раскопано было до тысячи погребений. Само название Гальштадтского периода происходит от этого некрополя. Из раскопанных могил 525 оказалось со скелетами и 455 с сожжением. Древнейшими признаются похороны с сожжением; их относят к 900-700 гг. до Р.Х. Позднейшими (здесь) являются могилы со скелетами, относимые к 700-500 гг. Само собой напрашивается заключение, что более ранним населением Гальштадта были иллирийцы и что после 700 г. их сменило или подчинило себе другое население. Трудно представить себе, чтобы это были не кельты, хотя обыкновенно их приход в эти места сопоставляется с эпохой их нашествий, то есть около 400 г. до Р.Х. (Дешеллетт). В самом Гальштадте добывание соли и поселение внезапно прекращается именно в это время. Но объясняется это не столько появлением пришельцев (которым было бы тоже выгодно продолжать разработку соляных копей), а ухудшением климата, сопровождавшимся проливными дождями, разрушившими старую технику добывания соли. Так же внезапно кельты в своем движении с запада на восток приносят новую бронзовую культуру Ла-Тен, сменившую Гальштадтскую в течение 500-400 гг. Вале догадывается, что эта культура, более сдержанная и художественная, чем изобильные, но грубые формы Гальштадта, была выработана при дворах двух кельтских династий, выделившихся из массы и увлекших кельтов в походы, после тысячелетия бездельности и раздробленности. Как бы то ни было, но движение кельтов на юг, в Италию, а потом и на восток, вплоть до южной России и Малой Азии, везде перекрывает пришедший ранее их иллирийский слой населения¹⁵. Это особенно ясно видно ближе к исходной точке кельтских передвижений — в Швейцарии. Швейцарские археологи давно уже отметили деление Швейцарии на две части: северо-западную, где в бронзовую эпоху господствовали кельты, с некоторым налетом северного (длинноголового) типа, и юго-восточную, население которой оставалось загадочным. Пока господствовала теория о переселении этрусков в Италию с севера, это население склонялись считать этрусским. Но когда снова окрепла теория переселения этрусков с востока Средиземного моря, некоторые швейцарские археологи признали это население иллирийским. Кельты и здесь перекрыли иллирийцев в эпоху Ла-Тен, а может быть, и раньше. Приход сюда иллирийцев, во всяком случае, должен быть отнесен к эпохе Гальштадта. Через проходы восточных Альп иллирийцы прошли, вероятно, тогда

¹⁵ Первые поселения кельтов в северо-западной и северо-восточной Италии Юбер относит уже к первой половине Гальштадта, то есть задолго до эпохи нашествий.

же к Адриатическому морю, где хорошо знают их классические писатели и где сохранился до наших дней обломок этой народности — албанцы.

Расселение иллирийцев и перекрытие их кельтами представляет для нас особый интерес, который выяснится в дальнейшем изложении. Повторим здесь замечание, что на огромной территории, заселенной оставшимся там непрерывно, в течение более тысячелетия, населением — что совпало с периодом расселения уже дифференцировавшихся индоевропейских народностей, *не могло* не происходить процессов, связанных с этой дифференциацией. Мы видели, что Коссинна первоначально допускал, что на этом пространстве могли образоваться и поместиться даже *несколько* таких народностей. Но какие? Прагерманцы передвинулись из Саксо-Тюрингии в Данию и Южную Швецию и имели в своем захолустье отдельную историю уже со второй половины третьего тысячелетия. Индоиранская ветвь уже к концу третьего тысячелетия достигла Малой и Передней Азии. Италики и греки тоже успели уйти на свои полуострова раньше развития если не Унетичкой, то, во всяком случае, Лужицкой культуры. Кельтская народность сложилась на территории западнее унетичко-лужицкой. Остаются для этой территории из индоевропейской семьи иллирийцы и фракийцы в первом ряду и балтославяне во втором. Но фракийцы дифференцировались восточнее унетичко-лужицкой территории в тесном смысле. Они были соседями иллирийцев с востока (Паннония, Венгрия, восточные Балканы и южная Россия). Остаются иллирийцы и балтославяне — или, точнее, именно славяне, так как территорию отделившихся балтов мы представляем себе на северо-восток от польско-лужицкой территории.

Как видим, при современном состоянии вопроса о расселении индоевропейских народов нельзя уже считать ученой ересью поисков среди них и славянства — не позднее времени перехода к эпохе металлов и в той же географической среде средневропейского лесса, когда и где мы встречаемся с древнейшими членами этой семьи. Процесс выделения славян должен был совершаться в те же приблизительно сроки и в той же обстановке. Но когда само собой с большой вероятностью вырисовывается точное место славянства среди индоевропейских родичей, исследователи встречают какое-то психологическое затруднение. Как отождествить эту народность с данным кругом археологической культуры? Между тем все серьезные исследователи уже сделали шаг в этом направлении, признав, что лужичане были определенно индоевропейцами. Признается в науке и то, что широкое распространение лужичан доказывает их важное значение в процессе арианизации Европы. Но как назвать этих индоевропейцев славянами? Ученые предпочитают оставить здесь пустое место и признать, что на общей доисторической карте Европы эта часть — чуть не единственная — остается темным

пятном. Например, Henri Hubert отмечает огромное распространение Лужицкой культуры "от Галиции до Рейна" — и даже склонен объяснить его соответственным "перемещением населения", но недоумевает, почему же это перемещение "не отразилось прочным образом на этнографических картах". И он сближает загадочную народность с чем-то вроде "цыган"! Еще занимательнее рассуждения по тому же поводу Жоржа Пуассона, новейшего исследователя арийского вопроса. Пуассон также признает, что лужицкая культура "поднимает много вопросов, важных для эволюции европейской цивилизации", но и ему "тем более жаль, что ее нельзя связать ни с каким историческим народом". Предположить здесь прародину индоевропейских народов вообще? Слишком поздно: они, как только что сказано, уже разошлись по сторонам раньше. Предположить, по следам Заборовского, что унетицко-лужицкая культура славянская? Слишком рано, ибо "славяне появились позже" (хотя весь вопрос и заключается в том, когда они появились). "Все, что можно сделать, — заключает Пуассон, — это отнести, вместе с Коссинна, эту культуру к иллирийской группе, как уже сделано с унетицкой культурой, от которой, по-видимому, происходит лужицкая. Но для этого нужно значительно расширить имя и роль иллирийцев". И Пуассон останавливается в недоумении перед нерешенным вопросом.

Действительно, здесь мы наталкиваемся на запутанный и трудный вопрос, осложненный еще национальными страстями — в особенности в последнее время германско-славянским спором. Достаточно познаться с тоном и содержанием полемики германского археолога Болько фон Рихтхофена с польским археологом Костржевским по вопросу славянами или немцами было первоначальное население Поморья ("коридор"), чтобы убедиться в психологических и политических препятствиях к чисто-научному решению вопроса. Славянские — и в частности русские — патриоты так наз. "автохтонной" школы с очень давнего времени еще ослабили свою позицию, принявшись, без знания сравнительного языкознания, смело толковать местные названия и собственные имена, попадавшиеся на современных картах и в древних источниках, как славянские. Против такого, лишенного всякого метода злоупотребления вульгарной филологией уже в первой, а особенно во второй половине XIX века должна была, вполне законно, начаться реакция, которая однако впала в другую крайность. Историю славян и их передвижений стали начинать лишь с того времени, как появились упоминания имени славян в письменных источниках, отрицая или игнорируя весь доисторический период. При таком методе славянская история начиналась только с пятого-шестого столетия после Рождества Христова. Очевидно, и на этом историческая наука не могла остановиться — особенно после развития археологии. Осторожно, отмечая всякое баснословие, пошел в новом

направлении чешский ученый Нидерле. Более решительны оказались польские археологи. Русские колебались между старой шовинистической традицией и современной научной осторожностью. Мне приходится, пользуясь новейшими научными достижениями, продвинуться несколько дальше, на этой все еще мало разработанной почве, не нарушая требований научности и не впадая в грех старых и новых патристических утрировок.

Славяне появляются в истории впервые под именем венетов, вендов, винидов, виндов. Попытки разделить эти названия, как делают германские ученые, я не считаю правильными. Лингвистических препятствий для их отождествления не имеется. А взятые вместе, они помогают нам возвести появление славян как раз к тому времени, на котором мы остановились. Германские археологи, правда, полагают, что имя вендов дано славянам, появившимся гораздо позже германцами, которые перенесли на них имя прежних народов, которых славяне заменили. Конечно, и при таком толковании все же приходится допустить, что замена одного населения другим произошла не "после долгого перерыва", о котором говорят германские ученые, а немедленно. Так и утверждает Зегер, признающий непрерывную связь между населением Унетицкой и Лужицкой культур. Этим единым народом он, однако, считает иллирийцев: по его мнению, непрерывность иллирийского населения лишний раз доказывается именно "уравнением венеты = вендам, которое основано на перенесении имени иллирийцев — восточных соседей германцев на их наследников, славян". Но, во-первых, *имя вендов дано не германцами*; оно распространено на всей периферии славянского рассеяния, где соседями были не одни только германцы. Во-вторых, *связь славян с иллирийцами не есть связь последовательности, а сосуществования*; это видно уже из того, что славяне оказываются живущими повсюду, где были иллирийцы, — и трудно предположить, что они всюду пришли по их следам. Наконец, надо отметить, что *реально* имя иллирийцев соответствует лишь населению северо-западной части Балканского полуострова, а распространение этого имени на остальную вышеописанную территорию есть только научная догадка; между тем *имя венетов-вендов известно* и по историческим источникам, и по существующим до сих пор остаткам славянского населения *на территории всей унетицко-лужицкой культуры*. Это мы сейчас увидим.

Древнейшим упоминанием о венетах (энетах) являются два места у Геродота, где он говорит, что энеты живут на Адриатическом побережье (V, 9) и что они "иллирийские" (enetoí illýrion). Этого достаточно, чтобы подтвердить письменным свидетельством то, что известно нам из археологии: иллирийцы около 445 г. до Р.Х., когда писана история Геродота, уже жили на территории венецианской (венетской) области, куда пришли, вероятно, несколько раньше (см. выше). Указания на тождество

народности венетов с народностью иллирийцев нельзя искать в родительном падеже (illygion) у Геродота; в позднейших источниках венеты постоянно отличаются от иллирийцев. Особая бронзовая культура, найденная в некрополе Эсте, едва ли принадлежит нашим венетам; вероятно, она относится уже к эпохе вторжения кельтов. Но из Полибия (II, 17, около 150 г. до Р.Х.) мы узнаем, что и при кельтах венеты сохранили свою национальную особенность. "Нравами и украшениями они мало отличаются от кельтов, — говорит Полибий, — но языком пользуются иным". О том, какой это язык, мы, конечно, не можем узнать из источников. Язык так наз. "венетских" надписей может принадлежать народу, населявшему до них венетскую область, которому они передали свое имя (мнение проф. Конвея). Иллирийский язык известен нам только из немногих надписей и собственных имен, и судить о нем мы можем только по скудным остаткам этого языка в теперешнем албанском.

Сходство албанских элементов языка со славянскими несомненно существует, но оно обыкновенно возводится к общеевропейским корням и суффиксам; притом же албанский язык дошел до нас в очень позднем и смешанном виде. При пересмотре этого вопроса, может быть, найдутся и черты специального сходства с славянскими языками (см. Йокль); но и тогда отождествлять иллирийский язык со славянским не будет никакой возможности.

Против тождества адриатических венетов с позднейшими, несомненно славянскими, обыкновенно возражают, что имена венетов встречаются и в таких неожиданных местах, как Пафлагония в Малой Азии и Арморика в сев.-зап. углу Франции. Эти одиночные поселения венетов, однако, покажутся менее странными, если вспомним, что кельты в своих скитаниях создали малоазиатскую Галатию по соседству с Пафлагонией и дошли до Бретани (где, кстати, и археология указывает специфические черты унетигской культуры). В составе двадцатитысячного населения, наполовину вооруженного, кельты могли взять с собой в Малую Азию и венетов, как потом гунны и авары увлекали в свои походы славян.

Важное значение для определения распространения венетов имеют, конечно, не эти случайные оазисы, а сохранившиеся имена, охватывающие обширную *непрерывную* территорию, в общем соответствующую территории распространения иллирийцев. Хронологически ближайшие к адриатическим венетам указания мы имеем на северо-западе от Адриатики, в восточных Альпах, где Помпоний Мела (около 48 г. по Р.Х.) называет Боденское озеро "венетским" (lacus venetus), и еще более важные указания в северо-восточном направлении — относительно распространения венетов по Дунаю. Эти последние сведения дает так наз. Пейтингерова таблица — почтовый дорожник Римской империи, дошедший до нас в том виде, какой он принял между

271 и 285 гг. по Р.Х., но в своем первоначальном виде составленный по поручению Августа Агриппой в 7 г. до Р.Х. Здесь дважды помечены венецы: на среднем Дунае, под названием *Venedi Sarmatae*, и на нижнем Дунае — просто *Venedi*. Сопоставление венецов с сарматами получает через полвека после составления Пейтингеровой таблицы любопытное разъяснение. Во время боев Константина Великого с дунайскими варварами в 334 г. произошло внутреннее восстание на территории сарматов, поселившихся между Дунаем и Тиссой. Часть сарматов, которых хронисты того времени называют "рабами" (*servi sarmatarum, duloi, oiketai*) — взбунтовались против своих господ (*domini, sarmatae liberi*) и изгнали их за Дунай, в пределы римской территории, где Константин дал им места. "Свободные" и "рабы" едва ли принадлежали к одной народности; перед нами знакомая уже нам картина наслоения верхней правящей группы завоевателей-кочевников над побежденным местным земледельческим населением. Элемент сарматов-кочевников выделяет и Пейтингерова карта, называя их *ataxobii*, то есть живущие на телегах, и *vagi sarmatae* — бродячие сарматы. Очевидно, "рабы" не были рабами в тесном смысле: это был низший слой населения, не свободного в смысле социального подчинения, но все же достаточно многочисленного и тесно связанного между собой, чтобы произвести организованное восстание, результатом которого было вынужденное выселение 300.000 населения "свободных" (тут, очевидно, разумеется не только войско, но весь состав жителей этого слоя). Под несвободными сарматами можно здесь, следовательно, разуметь только венецов, как полагает и проф. Нидерле.

Местности на север от Дуная вплоть до эпохи германских переселений очень мало известны древним географам и историкам. Первое исключение составляет, однако, побережье Балтийского моря — благодаря доисторическим торговым сношениям, в особенности торговле янтарем. Адриатические венецы недаром считались специалистами по торговле янтарем. Находки янтарных украшений в обилии усеивают путь к Адриатике через горные проходы Швейцарии в Италию. Геродот, правда, не верит слухам о янтаре (III, 115: "Я не допускаю существования реки, которую варвары называют Эриданом, которая будто бы впадает в Северное море и от которой, как говорят, приходит янтарь"). Но мы знаем, что путь янтаря с Балтийского моря к Адриатическому был открыт уже в конце неолита. Возможно, что южной частью этого пути и спустились иллирийцы с венецами на юг — несколько раньше времен Геродота, принеся с собой и самый янтарь, и отрицаемые Геродотом слухи. Конечно, еще Полибий (150 г. до Р.Х.) добросовестно признается, что "пространство между Танаисом и Нарбонной, лежащее к северу", оставалось до его времени совершенно неизвестным. Только около Р.Х. древние географы начинают называть реку Вислу,

которую они считают границей между Сарматией и Германией, и сообщать сведения о народах по обе стороны этой границы. В этой связи Плиний (около 77 г. по Р.Х.) упоминает, что Сарматы и Венеты (или сарматы-венеды?) живут "вплоть до Вислы" (ad Vistulam usque fluvium); а Птоломей (ум.ок. 178) уверенно говорит, что "Сарматия населяют величайшие народы" (ethne megista), в том числе "венеды по всему Венедскому заливу" и т.д. Венедский залив здесь, очевидно, есть берег Балтийского моря, "место жительства полабских и поморских славянских племен, которые могли придти сюда из венедско-иллирского центра — быть может, северной половиной янтарного пути"¹⁶. Тацит, написавший свою "Германию" в самом конце первого века, пользовался, по-видимому, теми же источниками, как и его предшественники. Но, по свойственному ему таланту и глубоко-мыслию, он обработал эти данные по-своему. Он заметил, что между "сарматами" и германцами есть полоса особых народностей, не легко поддающихся классификации, и остроумно указал признаки, по которым можно отнести их к той или другой группе. Его выводы не всегда верны, но его метод очень поучителен. Он не верит, что жившие за Маркоманнами и Квадами "Осы" — германцы, на том основании, что они, во-первых, го-

¹⁶ Свидетельство живых торговых и культурных отношений — на почве, как можно предположить, единой этнической базы — на всем пространстве "янтарного пути" от Адриатики к Балтике можно видеть в мало-исследованном, к сожалению, факте употребления почти одинаковых начертаний букв алфавита, ведущих свое происхождение от так наз. "финикийского" и областных древнегреческих и итальянских алфавитов. Хотя проф. Нидерле вообще отрицает употребление письма у древних славян, но его скептицизм, мне кажется, идет слишком далеко. Напротив, другой чешский славист, Иосиф Ружичка, в своей книге *Slovanska Mythologie* (1924, Praha) проявляет большую неосторожность, пытаясь доказать, что славянские "руны" употреблялись на всех пространствах янтарного пути. Он напрасно старается превратить божества "венетских" и "этрасских" надписей северо-восточной Италии, заведомо этрусские (Tinia, Turms, Turan, Fufluns) в славянские. Не удалось и мне в скопированных мною надписях этого рода, хранящихся в музеях Хура и Больцано (из Mesocco, Mendrisio, Livalonga, Collalto), найти ничего славянского. Напротив, далее на север поиски Ружички были более успешны. Никак нельзя отрицать славянский язык, например, следующей надписи, сделанной среднеевропейским вариантом "рун" ("иллирико-ретийско-паннонским", по правдоподобной терминологии Ружички) и найденной в Велестуре (на присоединенной теперь от Венгрии территории по течению р.Вага, при впадении р.Туроч): "пр(и)ехах(в) в Симиан от Поране (,) зрумих Кремениту те Туру и всиа (р) рада и бе годо (течению) Туру двесте те осмд(е)с(я)т". Неправдоподобна и подделка такой надписи. Гор. Симиан находится при впадении Туроча в Ваг; Кременица — вверх по течению Туроча. Знаменателен самый факт нахождения этой надписи на одном из путей, соединяющих Дунай с Силезией ("Моравский коридор" — вариант янтарного пути). Нет никакого сомнения для меня и относительно употребления варианта "рун" для славянского письма. В скандинавских источниках они и называются *Venda Runir*, то есть "вендские руны". Конечно, вопрос о хронологии употребления этих древних письмен славянами остается открытым.

ворят на "паннонском языке", а во-вторых, что на них, как на людей "чуждого происхождения", сарматы, с одной стороны, и квады, с другой, наложили подати, то есть обращались с ними как с подчиненным населением. Относительно, вене-дов он колеблется, отнести ли их к сарматам или к германцам — ибо их социальный строй соединяет противоположные черты. С одной стороны, они "бродят, как разбойники, на всем пространстве горной и лесистой страны, отделяющей певкинов от финнов". С другой, они все-таки "имеют постоянные жилища, носят щиты, быстро ходят пешком; все это противоположно сарматам, которые живут в повозках и ездят верхом на лошадях". Нельзя отчетливее отделить кочевников от оседлых соседей, продолжающих, однако, прирабатывать грабежом на неприступных горных дорогах. Тацит все же относит вене-дов к германцам, но его сжатые строки бросают яркий свет на встречу трех народностей, германцев, вене-дов и сарматов в верховьях Одера и Вислы.

Еще ближе подводит нас к разбираемому вопросу другое наблюдение Тацита. Разделив совершенно правильно Германию (Свевию) на горную и равнинную, разделяемые "на всем протяжении горным хребтом", он относит к "загорным обитателям", у которых мало равнин, а много лесных гор и вершин (типические черты пастушеского месторазвития, сохранившиеся до нашего времени на всем пространстве северных, восточных и южных Карпат), "наиболее известное племя лигиев, распространяющееся на многие местности" и делящееся на "много племен". Страбон тоже считает "лугиев" "великим народом", а Птоломей точно определяет их местопребывание — в верховьях Вислы и Одера, на север от "Корконтских" гор, которые и теперь носят в Чехословакии название "Кркноше" (Судеты). Птоломей делит этих "лугов" на три большие группы (ср. *plures civitates* Тацита). Его топография прямо приводит нас к верхнелужицкой территории. Здесь вместе с Нижними Лужицами и до сих пор уцелел небольшой остаток славян, которых немцы называют вендами и которые сами себя называют сербами. Территория эта расположена между Дрезденом и Берлином — точнее, между Бауценом в Саксонии и Коттбусом в Бранденбурге. Сохранившийся обломок лужичан имеет несомненную связь с древними "лугами" или "лугиями". После работы Нидерле мне нет надобности доказывать филологическое тождество этих названий (Нидерле производит их не от "луга", а от "лужи" — означавшей в славянских наречиях болото, лес на болоте). Конечно, связь древнего названия лужичан с новым археологическим термином "лужицкой" культуры — случайна. Но территория коренной лужицкой культуры все же включает и лужицкую область. Если верны поиски происхождения "лужицкой" культуры в областях, соседних с Силезией, то теперешние лужицкие венды оказываются обитателями искомого нами первоначально-

го местожительства славян-венетов после отделения их от других индоевропейских народов.

О тождестве венетов со славянами в этих местах около 600 г. по Р.Х., говорит хронист Фредегар, соединяя в одно все три названия: "*surbi, gens ex genere sclavinorum, sclavi cognomento vlnadi*": *сурбы*, племя из славян; *славяне* по прозвищу *винады*".

На показаниях Фредегара стоит остановиться, так как они сохранили память о древнейшей попытке политического объединения этих самых "винидов-славян-сурбов" под властью Само. В этом рассказе дело не в спорной хронологии или в происхождении Само, который мог быть и франкским купцом, и хорутанским славянином, а в общей этнической, географической и бытовой обстановке, чрезвычайно ярко рисующей положение славян-венетов в первой половине VII века по Р.Х. "Виниды" здесь рисуются "пастухами", то есть не чистыми кочевниками, "хунны" ("авары" с "каганом") обычно ставили их впереди перед неприятелем, чтобы завязать бой и выдержать начало сражения. Зимой "хунны" приходили к своим "*esclavos vlnidos*" и брали в заложницы их жен. Очевидно, виниды находились у "хуннов" в таком же подчинении, как, тремя веками раньше, близко от них "сарматы-рабы" (в них мы нашли тех же венетов) у "сарматов свободных". Это было не личное домашнее рабство, а подчинение целыми группами. И исход был тот же самый. Виниды взбунтовались. Организатором восстания и явился Само, пришедший к ним с караваном торговцев. Восстание оказалось удачным; тогда виниды выбрали Само своим царем и под его руководством неоднократно побеждали "хуннов". Дальше дело осложняется. "*Sclavi cognomento vlnidi*" перебили и ограбили торговцев-франков. За них вступился австразийский король Дагоберт (626-639) и двинул на винидов войска "со всего царства Австразии". Австразийское войско было, однако же, разбито и частью истреблено главными силами винидов. Но союзники Дагоберта, алеманны и лангобарды, разбили винидов и "увели огромное количество пленных из славян". Что это не ослабило винидов, видно из того, что и после этого они неоднократно вторгались в Тюрингию и "другие области" для разграбления царства франков. Князь племени, "*surbiogum*, которые из рода склавинов", присоединился при этом к царству Само. Едва ли следует искать "винидов" Само, как обыкновенно полагают в Чехии. Территории Тюрингии, Австразии, алеманнов и лангобардов окружают юго-западный славянский выступ "сорбов" и лужичан с запада и с юга. В этих же местах, после падения эфемерной попытки славянского объединения под властью Само, мы встретим разрозненные поселения венетов, потерявших политическую связь и опустившихся до положения приниженной этнографической массы, оттесненной в пустынь-

ные леса и болота, но не покинувшей своих старинных мест жительства.

Откуда происходит самое название "венеды"? Наиболее обычно производство этого названия от кельтского корня *vind*, что значит белый. Но, во-первых, термин "венеты", вероятно, древне наступления кельтов на иллирийские земли — и шире распространен. Во-вторых, при кельтской гипотезе трудно объяснить самый смысл слова. В-третьих, при объяснении из кельтского языка местных названий, начинающихся с "*vind*", получается серьезное затруднение. "Виндобона", "Виндонисса", "Винделиция" принято объяснять из кельтского, тогда как бесчисленные имена, начинающиеся с "*windisch*" и т.п., приходится производить от славянских вендов. Я предложил бы объяснение, которое кажется мне более близким к фактам и более осмысленным. Гораздо естественнее, чтобы венеты получили свое название не от немцев, когда-то соединившихся с иллирийцами (чье место венеты заняли по этой теории много позднее), а непосредственно от самих иллирийцев, с которыми они, по моему предположению, жили в ближайшем контакте. Мое толкование объясняло бы — или, точнее, подтверждало бы — и характер этого контакта. В албанском (иллирийском) языке имеется слово *vendes*, в значении "туземец", *einheimische*. Если термин "венеды" имеет *этот* смысл, то можно сделать интересные сопоставления. В России до последнего времени население часто вместо этнического имени "русских" называло себя просто "тутошними". Белоруссы, по наблюдениям поляков, называли себя "тутейшими", что подавало польским националистам надежду — превратить этот сырой материал в поляков¹⁷. Эти явления, конечно, свидетельствуют о малоразвитом национальном самосознании. А это в свою очередь могло бы объяснить, почему, живя бок о бок с иллирийцами, славяне так долго оставались, так сказать, анонимами. Их собственное название, если не отождествлять их со спорными *suobenoj* (*suovini*, по современному греческому произношению) в географии Птолемея, появляется лишь в середине шестого столетия по Р.Х. — одновременно в двух формах: краткой — *sclavi*, *sclab(v)oi*, *stlavi*, *sthla(b)voi* и в продленной суффиксом *in* — *sclaveni*, греч. *slave(i)noi*, *stlave(i)ni*, греч. *stlave(i)noi*¹⁸.

¹⁷ Уже после высказанной здесь догадки я встретил дальнейшие параллели к ней в статье проф. А.И.Соболевского, Русско-скифские этюды (Изв.Отд.Р.Яз. и Слов. Р.Ак.Н., 1921). Он производит греч. *Daos* от *daha*, жители страны, земляне, обыватели и сопоставляет с *Zemaltis* — Жмудь, где название "туземец" превращается в этнографическое, латинизир. *Davus* — раб. Страбон указывает, что этнические имена *Getal Daos* в Аттике давались рабам.

¹⁸ Первую попытку истолковать уже древнее название (венеты) в хвалебном смысле находим у Иордана в его готской истории (551 г. по Р.Х.): *Veneti id est*

Переходим теперь к дальнейшему доказательству того, что славяне обитали как раз на всей той территории, где древнейшие источники знают венетов вместе с иллирийцами, а археология знает унетичко-лужицкую культуру. Славянские ученые находили это доказательство в славянских названиях местностей, расположенных именно на этой самой территории. Правда, в этой филологической области "автономистская" школа совершила особенно много злоупотреблений и подняла много полемической пыли, начиная с Тредьяковского и Венелина и кончая Иловайским и Богуславским. Но после строгой расчистки, произведенной Шафариком, с его компромиссной теорией, и особенно после Нидерле, с его ученым скептицизмом, мы можем уже смелее искать путей на этой опасной почве.

Первые шаги, сделанные Нидерле в этом направлении — со всей осторожностью и только в пределах исторического периода, — совершенно бесспорны. Не впадая в ошибки "автономистов", Нидерле мог противопоставить германской "исторической" школе свое утверждение, что славяне уже занимали места до наступления германских племен там, где германские "историки" признавали приход славян — позднейшим. Так, например, не отрицая позднейших, засвидетельствованных источниками нашествий славян на Балканский полуостров — в VI-VII столетиях, Нидерле доказал, что славяне уже были на Дунае в I-IV веках по Р.Х., что предполагает возможность — и даже вероятность — их прихода сюда уже до Р.Х. Из славянских имен, признанных Нидерле бесспорными, назовем наиболее несомненные: реки Вуку (от "влк") и Врбас на Драве и Саве, Черну и Брзаву — ниже по Дунаю, за Тиссой. Эти и другие соседние местности со славянскими названиями показаны уже в дорожнике Пейтингера, вместе с названием "сарматов-венетов". Правда, Нидерле предполагает, что эти ранние свидетельства доказывают лишь одиночные поселения славян-пионеров среди чуждого населения, и очень нерешительно углубляется отсюда в доисторическую эпоху. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Дальше от римлян, на западной границе, где в историческую эпоху славяне соседнили с германцами, славянская топографическая номенклатура не может оказать нам такой услуги,

alnetoi, Laudabiles. Павел Диакон наивно поясняет эту этимологию: "Венеты, если прибавить по-латыни одну букву, по-гречески называются достойными хвалы". Как известно, и производство названия славяне от "славы" широко распространено в "автономистской" школе. Другое толкование, противоположного характера, производит славян от латинского *sclavi* — рабы. Оно ближе к их древней зависимости (ср. *servi sarmatarum*); но и оно давно оставлено. Третье производство — от "слово" — "говорящие", в противоположность "немым" — "немцам", появилось только в XIV столетии. Оно ближе других к форме "словене", как славяне сами себя называли; но и это толкование нельзя признать удовлетворительным.

как на Дунае. Здесь бурные передвижения германских племен, особенно с III века по Р.Х., сильно затерли старые границы. Исторические памятники называют по большей части германские имена, тогда как древнее население срединной Европы, среди которого эти германские племена передвигались, продолжает оставаться безымянным. Германские ученые даже предполагают, что это — германское же или догерманское население — было полностью сдвинуто с места, оставив запустевшие земли, на которые лишь после известного промежутка двинулись славяне. Именно здесь спор со славянскими учеными принимает, особенно в последнее время, политический характер. Все же и здесь топографическая славянская номенклатура, хотя и гораздо более поздняя, может дать нам полезные указания.

Граница славян с германцами была формально определена в начале IX века Карлом Великим с целью положить конец славянскому расширению на запад. Где же застал славян знаменитый капитулярий 805 года, изданный в Тионвилле и установивший эту границу — *limes sorabicus*? Она шла на запад от Эльбы, соприкасаясь с ней только в двух пунктах: около Гамбурга и у Магдебурга, оттуда граница шла на запад от Заалы (Эрфурт, Форхгейм, Регенбург, то есть почти по линии распространения унетицкой культуры). Дальше линия поворачивала на юго-восток и шла по северному берегу Дуная до Лорха. По установленной германской теории славяне пришли сюда после ухода германских племен. Но для этого они должны были быть предварительно изгнаны отсюда германским нашествием, а потом снова вернуться. Это противоречит и быстрой переходов германцев по этой территории в первые столетия их переселений, и обычной картине передвижений доисторического времени, когда движется один только верхний слой завоевателей; а таким именно и являются германцы по германской же теории. Конечно, в северной заэльбской части *limes*'а, где самое название (*Lüneburger Heide*) указывает на бедную, лесисто- и болотисто-гористую местность, где подпочвенный слой (так наз. орштейн) не пропускает влаги и корней, население вообще не могло быть густым. Заэльбские славяне ("древане" — "венды") могли здесь явиться более поздними колонизаторами. Но в южной части "сорабской черты", за Заалой, положение должно было быть сложнее (см. выше: царство Само). Здесь от верховьев Унструта (на север от Эрфурта), где еще в X веке сохранялся *Ragus vinidon*, в самой глубине Тюрингенского леса, где сходятся истоки Фульды, Верры, Заалы и притоков Майна, мы встречаем целый ряд славянских реминисценций. Памятники X-XI вв. по Р.Х. говорят о *terra sclavorum, regio sclavorum*. Тут, в верховьях Майна, мы снова встречаем отождествление славян с вендами — "*in terra sclavorum, qui sedent inter Moinum et Radantium Moin — Vinidi et Ratanz — vinidi* (грамота

846 года). Документы X-XI вв. застают здесь славян язычниками, не платящими податей и поселившимися в лесах.

Епископ бамбергский Арнольд жалуется, что *se parvum inde fructum habere; totam illam terram pene silvam esse; sclavos ibi habitare* ("он мало получает доходов оттуда; почти вся земля покрыта лесом; живут там славяне"). Последней фразой как будто все сказано; чего же ждать от такого племени! В 1035 г. синод той же бамбергской епископии прямо говорит о "*простонародье* этой епископии, по большей части славянском, преданном обычаям язычников" (*plebs hujus episcopii utpote ex maxima parte sclavonica, ritibus gentilium dedita*). Мы, таким образом, находим здесь ту же обстановку славянской колонизации, как у народа лугиев-лужичан. Самая возможность сохранения этих древних поселений в безлюдных лесах и напоминает нам, что именно эти местности на верхнем Майне было когда-то заселены иллирами в их доисторическом движении на Запад; во всяком случае, несомненна их связь с поселениями "винидов" эпохи Само.

Переходя к южной, дунайской части *limes sorabicus*, занятой германцами лишь в V-VIII столетиях по Р.Х., мы снова встречаем ту же примитивную обстановку расселения славян. В 740 г. закладывается монастырь на р. Liubase (теперь Loibach в баварских Альпах), и по этому случаю упоминается *palus magnum Wynidouva dictum*. Дальше на юг к Тиролю мы имеем документальную справку Кентржинского: *Althusern primitus silva fuit sed extirpata est a hominibus qui vocantur Winda... Similiter et Birchi exculata ad ipsis hominibus*. То есть Альтхусерн и Бирхи были когда-то лесом, разработанным вендами.

Отсюда, вверх по Инну, мы попадаем в горные проходы восточной Швейцарии и Тироля, австрийского и итальянского, ведущие в область адриатических венетов. Не знаю, была ли отмечена славянская номенклатура в этих горных ущельях, где присутствие иллирийцев было уже выше отмечено. Все туристы знают Маложа — у озера Сильс; но с ней связан проход на юг, к Сондрио, по долине "Маленко", и путь на запад, по долине "Брегалья". На восток от г.Хура имеется проход "Стрела", а вверх по "ретийской" железной дороге две станции называются "Сурава". Под вершиной Latsch, около Бергюна, имеется долина "Исподлятча". В среднем Энгадине местечко "Цернец" и т.д. Новые раскопки в швейцарско-итальянских горных проходах¹⁹ свидетельствуют о продвижении через эти проходы гальштадтской и особенно латенской культур, — надо думать, в ее иллирийском, а не в кельтском варианте. Что касается проходов че-

¹⁹ Castaneda, Darvela, Mesocco, Cama, Molinazzo, Tesereto, Aranno, Mendrisio, Giubiasco, Cerinasco, Carasso-Gorduno и т.д. См. Музеи Хура, Цюриха, Берна. Здесь имеются и так наз. "этрусские" надписи венетского типа.

рез Тироль, следует обратить внимание на старинное название Vintschgau (= vindisch, — итал. Venosta), в верховьях Эча, куда выходит проход через Решен (Resia) в Венецию (трентинскую). У другого прохода, из Зальцбурга через Тауэрн, сторожит вершина (Gross-) Venediger, составляющая pendant к "Триглаву", откуда начинается уже словенская топографическая номенклатура. Отмечу также немецкое название той "Крайны" на Саве, где германцы столкнулись со словенцами: Windische Mark. Конечно, эти названия — разной степени древности, требующей дальнейшей проверки. Но их накопление и распределение не случайно. Они помогут нам, вместе с древним названием Боденского озера, восстановить доисторическую связь северных венедов с адриатическими венетами.

Всего труднее установить границу древнего славянского расселения на востоке — и это очень характерно. Мы здесь возвращаемся к той территории, где славянская номенклатура, по общему признанию, является преобладающей и сохранилась местами в наиболее чистом виде. Близок отсюда и тот лужицко-силезско-познанский центр, в котором древняя унетичская культура наиболее наглядно переходит в лужицкую и откуда идет распространение этих связанных между собой культур на юг, запад и восток. В Чехии, куда та и другая культура приходят извне, отдельными волнами, они уже составляют два различных слоя — два периода, почти два различных населения (Сохраниль). Но если где-нибудь можно говорить о непрерывности существования определяемой народности с самого времени ее выделения из общего индоевропейского целого, то это именно в этих местах. Естественно, что именно польские археологи настойчивее других утверждают эту непрерывность, признавая данную народность славянской, тогда как чешская наука, и наиболее развитая, и особенно компетентная в вопросах скрещений чешского узла, или колеблется, или прямо отрицает факт такой непрерывности. В самом деле, археологические ступени, следующие за лужицкой культурой на севере Чехии и за курганной (пра-кельтской) культурой на юге (так наз. кновицкая, потом платеницкая, наконец, добриховская в ее двух разветвлениях), отнюдь не составляют непрерывной нити; каждая вносит свои самостоятельные элементы, вытесняющие не только старые формы культуры, но, по заключению чешских археологов, и самые народности, являющиеся носителями исчезающих форм. Так, дело идет до позднего Ла-Тен, после которого все местные особенности сглаживаются в римской провинциальной культуре. Только уже на ее почве появляются первые признаки несомненно славянских погребений, связываемых с так наз. культурой городищ. Именно этот недостаток связи между следовавшими друг за другом культурами заставил Нидерле отказаться от первоначального взгляда на лужицкую культуру как на славянскую. Однако в своем новейшем труде (Rukovét) он

признает, что польские археологи сделали новые шаги в иско-мом направлении, и ждет разрешения загадки от русских археологов. Вернемся вместе с ним к этой части Европы, где нет тако-го детального изучения, но зато и самые факты развивались, по-видимому, не так сложно, как в центральном средне-евро-пейском узле.

Естественно ожидать, что в Польше, стране, совершенно не-ведомой римлянам, переходной к восточной Европе, мы встре-тим иные доисторические сочетания. Не случайно то, что тер-мин "венеты", связанный со славянами в средней Европе, далее верховьев Вислы не доходит. Возникает вопрос и о роли илли-рийской культуры, которую до сих пор мы считали связанной с лужицкой. Польский археолог Л.Козловский отрицает эту связь, считая, что только в Гальштадтскую эпоху, то есть в на-чале железного века, лужицкая культура подпала влиянию ил-лиров с восточных Альп, а в эпоху бронзы она развивалась не-зависимо от иллирийской культуры. Я считаю эту гипотезу ве-роятной именно по отношению к Польше: если она подтвердит-ся, то в ней можно будет видеть новое подтверждение моего взгляда, что в самой лужицкой культуре уже существовало раз-двоение: под иллирийским (и лужицким) покровом существо-вал уже слой славянский — или праславянский.

Но где же специфическая славянская *культура*? Где ее ос-татки в могилах и археологических находках? Не находя их от-дельно, археологи принуждены были или отрицать всякие сле-ды славянизма лужицкой культуры, или, напротив, признавать ее славянизм всецело, не оставляя места для иллирийцев. Раз-виваемый здесь взгляд открывает возможность некоторого про-межуточного решения. Уже Костржевский, для которого лу-жицкая культура — всецело славянская, принужден был объ-яснить полное отсутствие упоминаний о славянах у римских писателей тем, что для них "покоренная народность была безы-менной массой". Мой взгляд лишь распространяет это объясне-ние и на прошлое. Славянский элемент мог и должен был ос-таться безыменным и для археологии, если допустить, что сла-вяне в иллирийской культуре занимали — сначала и надолго — место низшего слоя. Не нова для археологов мысль и о том, что подчиненное население не оставило нам своих могил, ибо его погребения (по обряду сожжения) были примитивнее сохр-анившихся могил высшего класса. Албанец, этот единственный уцелевший наследник иллиров, еще в начале XX века²⁰ считал себя выше славянского населения, которое заставлял, под стра-хом своих разбойничьих наездов, платить себе дань. В местнос-тях, населенных славянским и албанским элементом, можно было постоянно видеть вооруженного ружьем албанца, высоко-

²⁰ Говорю это по личным наблюдениям в прежней "Старой Сербии".

го, стройного, с начальственным видом расхаживавшего среди приземистых фигур славянских крестьян, которым было запрещено носить оружие. Место "куль", средневековых башен, с высоты которых албанский бег наблюдал за копошащимися на его полях земледельческими рабочими из "райн", занимали в доисторическое время известные нам песчаные "дюны", на которых селились завоеватели — среди плодородных земель равнины. Этот быт сохранил до последнего времени свой доисторический характер. Когда у самих славян появились "городища", укрепленные места для обороны от неприятельских (в данном случае германских) нашествий, — то это уже явилось результатом и внешним доказательством эмансипации данного племени славянства. Польские археологи склонны относить часть городищ уже к эпохе лужицкой культуры. Вообще же городища относятся к гораздо более позднему времени. Исторический пробел между спорной лужицкой культурой и бесспорно славянскими городищами объясняется крайней скудостью и бедным содержанием находок как на этих городищах, так и в бесспорно славянских могилах, — когда они наконец появляются. Так объясняет этот пробел и Нидерле, установивший две основные черты этих бедных находок: 1) небольшой горшок с горлышком, под которым в один или несколько рядов врезан горизонтально волнистый орнамент, 2) "заушницы" — металлические серьги, подвешивавшиеся к ушам, сделанные из гнутой проволоки, иногда с загибом одного конца в виде S (почему и называются "эсовитыми"). Притом же древность даже и этих отличительных признаков — незначительная: происхождения волнистого орнамента как заушного колечка ищут не глубже, чем в римской провинциальной культуре.

Польские археологи решаются идти дальше. Они заполняют этот — почти тысячелетний — пробел косвенными доказательствами непрерывности славянского населения. Даже осторожный Антониевич, пользующийся именно поэтому особым авторитетом у германских археологов, все-таки признает, что, начиная с 1300-1200 гг. до Р.Х., лужицкая культура представляет "какое-то замкнутое этническое целое, отличающееся от соседей — от германцев, подунайцев (кельтов) и от паннонских фракийцев". Остаются после всех этих исключений только славяне. В дальнейшем, при всех переворотах Антониевич систематически отмечает, что часть старого населения сохранилась в той или другой области Польши. Отброшенное германцами с северо-запада лужицкое население сгустилось, как мы видели, на юге Польши, а потом хлынуло на слабо заселенные земли востока, обходя бесплодные земли, пуши и болота. Позднее началось движение того же населения в Подолию и на Волынь. При этом коренное лужицкое население не только уцелело (например, в Холмской земле), но и ассимилировало себе германских завоевателей. Отступая на дюны или смешиваясь с германским,

это население дожило до римского периода. Влияния иллирийцев и фракийцев (начиная с Гальштадта) Антониевич уже рассматривает как влияния внешние и чуждые, так же как и позднейшее влияние кельтов. Все это открывает широкий путь для славянского толкования, от которого, однако, сам Антониевич воздерживается. Костржевскому остается сделать следующий шаг. Он пользуется смешанным могильником у Голенцина (Познань), чтобы поставить в один хронологический ряд пять типов погребений, встречающихся там между 500 г. и концом II столетия до Р.Х. Этот ряд должен доказать непрерывную эволюцию погребального обряда от германских каменных гробов и лицевых урн — к полям урн и простым погребением в яме. Такая эволюция показывает, по мнению Костржевского, что господствующая (германская) народность быстро усвоила религиозные представления подчиненной (славянской) народности и слилась с нею — вплоть до усвоения языка. В параллель с наблюдениями Костржевского можно поставить менее разработанные, хотя и обстоятельно описанные русскими археологами типы погребений в обширных могильниках окрестностей Житомира. Эти типы тоже складываются в некоторый хронологический ряд.

Переходим теперь, после сопоставления археологических и лингвистических данных, к третьему важному признаку, могущему свидетельствовать об этническом единстве унетицко-лужицкой культуры и недостаточно использованному исследователями. Я говорю об объединяющей эту культуру антропологической черте: о резко выраженном антропологическом типе, связывающем изучаемую территорию в одно целое. Мы видели, правда, что археологический тип самой унетицкой культуры — смешанный. Конечно, таким же смешанным должен быть и антропологический тип населяющих данную территорию народностей. Но чем дальше мы углубляемся в прошлое, тем расовый элемент играет более значительную роль и тем легче даже в смешанном этническом типе отличить преобладающие расовые черты. Я думаю, что для данной народности — или народностей — такими характерными чертами являются черты так наз. *динарской расы*.

На карте № 24 мы видели район распространения этой расы: нетрудно заметить, что, поскольку он не заслонен миграциями альпийской расы, он в значительной части совпадает с районом распространения унетицко-лужицкой культуры и славянского древнейшего расселения. Как увидим, пропорция численности динарской расы в разных частях этой территории различная. Затем пределы распространения этой расы частью уже, частью значительно шире, чем пределы изучаемой территории, и нельзя никоим образом утверждать полного совпадения динарской расы с каким-нибудь отдельным языком — иллирийским, славянским и т.д. Нельзя, наконец, не отметить, что гос-

подство обряда сожжения у иллиров и у древнейших славян лишает нас возможности на протяжении целого тысячелетия установить непрерывность существования динарского типа на унетичко-лужицкой территории. В трупогребениях унетичкой культуры даже засвидетельствована наличие другой, длинноголовой расы, которую иногда прямо считают северной, но которая, мне кажется, принадлежит к той, сохранившейся от неолитического населения расе, от которой произошла и так наз. "северная". Присутствие этого "северного" элемента в позднейшем составе населения всех входящих в данный круг стран совершенно несомненно — так же как и присутствие короткоголовой расы альпийского типа. Но при всех этих оговорках наличие и численность динарской расы везде, где мы знаем иллирийцев и славян, не может быть случайной. А ее преобладание именно в этих местах и слабая распространенность или отсутствие в странах, где имеются другие этнические сочетания, подтверждает особую связь динарской расы именно с иллирийской и древне-славянской национальностями.

Типические черты динарского типа указаны выше. Для наглядного пояснения его связи с прошлым я сопоставил на рис. № 32²¹ современные типы албанца из Kruja, немца из Бадена и поляка (треугольник наибольшего распространения динарской расы) с ископаемым динарским черепом (около Вормса) и с особенно поучительными изображениями венето-иллирийских типов на так наз. ситулах (бронзовых ведерках). Эти сосуды изготовлялись в венетской области в начале эпохи Латен и экспортировались оттуда в Крайну (Ватч) и в нижнюю Австрию (Куффарн). Короткоголовие, выдающийся нос, срезанный сзади затылок — все эти главные черты типа отмечены здесь очень резко. Важно отметить, что на изображенных сценах яств и развлечений господ и домашняя прислуга (ср. oiketai: это не рабы в позднейшем смысле) оказываются принадлежащими к одной и той же расе. Это лишний раз подчеркивает связь иллирийских господ с подчиненными славянами — *venadi servi*. Отмечу также на рисунке Куффарнской вазы головной убор развалившегося хозяина: он очень близко передает современный убор тирольских крестьян. Особенное значение венетские рисунки имеют потому, что они приблизительно современны Геродоту, впервые сочетавшему имена "венетов — иллирийцев". Ситулы и показания Геродота относятся одинаково к V столетию до Р.Х.

21 На рисунке № 32 сопоставлены современные динарские типы: 1. Албанца; 2. Германца; 3. Поляка и 4. Ископаемый динарский череп с древними динарскими типами V — VI веков до Р.Х.; 5 и 7. Сцены, изображенные на ситуле из Вагча; 6. На такой же ситуле из Куффарна.

1

2

3

4

5

6

7

№ 32. Типы динарской расы

Наиболее чисто динарский тип представлен, конечно, в населении динарской горной системы, от которой и получил свое название: Далматский берег и горы, Босния, Герцеговина и Черногория. Господствует он и среди албанцев (Реке). Достаточно пересмотреть затем фотографические снимки в двух основных сочинениях Гюнтера, чтобы удостовериться в распространении динарцев в Тироле, верхней и нижней Австрии, австрийских Альпах, Форальберге, а также в верхней Баварии, Вюртемберге и Бадене, в Швейцарии, северной Италии, Польше и даже Украине. Мои личные наблюдения на улицахерна, Хура, Вены и Праги (Pittard прибавляет к этому Триест и Венецию) оставили впечатление об особой численности динарского типа в этих местах. Антропология еще не может дать точной статистики соотношения динарского типа с другими в каждой данной местности. Но, например, относительно словенцев, ближайших навливает (из 189 измерений м.п.) след. цифры: динарцев и близких к ним 19,45%, а если прибавить к ним динарскую разновидность по р.Саве ("савидную") и другую разновидность белокурых динарцев ("норидную" — от Noricum), то динарский элемент словенцев поднимется до 44,79%. Если же отбросить 20% неопределенных типов, то по отношению к остальным динарцы составят даже 57,2%, то есть больше половины. Тот же антрополог утверждает, что среди горных и прибрежных хорватов "динарская раса есть, несомненно, одна из важнейших составных частей". Из новейших данных Лебцельтера и Малеша среди сербов "ясно видно сильное влияние динарской расы". Длинноголовые расы — северная и средиземная составляют у словенцев около 8,1%, и в 10,8% представлен тип "балтидный" (см. ниже). Швейцарский антрополог Питтар признает связь венетских горных динарцев с динарскими черепами кладбищных черепов кантона Граубюндена.

Что касается Австрии, др. Лебцельтер признает "главными составными частями теперешнего населения две длинноголовые расы, темную средиземную и светлую северную — и две короткоголовые, "светлую норидную и темную динарскую". "Загадку" динарской расы, "отразившейся около 1000 г. до Р.Х. сильным приливом высоких черепов в Австрии, как и в Баварии и Югославии", Лебцельтер разрешает при помощи следующего любопытного наблюдения: динарцы селились в Альпах, Карпатах, Балканах — территориях мелкого пастушечьего скотоводства; выйдя позднее из этих "горных пустынь", они смешались с остальным населением, и их значение усилилось". Гипотеза Лебцельтера близко подходит к моему толкованию: напомню те горные пустыни и лесные болота, где сохранились остатки вендов. Дальше на восток, в Венгрии, северная и средиземная расы, по наблюдениям др. Бартуца из Будапешта, играют еще менее значительную роль: 4-5% первая и не больше 1% вторая. Отстает здесь и альпийская раса, насчитывающая не

больше 15%. Зато растет и составляет 30% (35%) "восточно-балтийская" раса, составляющая "одну из существенных составных частей современного мадьярства". Но главное значение Бартуц приписывает здесь расе, родственной балтийской, которую он называет homo rannonicus или "кавказско-монгольской", — около 25%. И при всей этой пестроте, все же динарская раса дает себя знать и в Венгрии. "К югу и юго-востоку Венгрии рост населения становится выше, лица длиннее, нос больше и крепче, глаза и волосы темнее. Это, без сомнения, заставляет заключать, о постепенном проникновении (по-моему, о возрастающей степени сохранности. П.М.) динарской расы. Ее численность может в среднем составлять 20% всего населения". Наконец, в Чехии, при 33% альпийской расы (а с примыкающими к ней — больше половины), динарцы занимают, вместе с балтийцами, оба следующих места: каждая из этих рас по 20%, по расчетам Матейки. Северная раса играет здесь незначительную роль (5%), но к ней примыкает образовавшаяся из смеси с нею субнордическая раса (15%). Средиземная и другие расы составляют около 0,5-1%. В Румынии динарская раса занимает первое место среди славянских поселений Мармароша и Буковины, на теперешней северной границе, по соседству с Чехословакией и Польшей, в Карпатах, почему Лебцельтер и называет ее здесь карпатской расой. О роли Карпат в расселении славян мы уже говорили.

В пределах Швейцарии уже антрополог Питтар обратил внимание на динарские черепа в кладбищенских складах (оссуариях) кантона Граубюнден. Коллеги Питтара нашли здесь и в горных проходах иллирийскую народность, связанную, по нашему мнению, со славянами. "Загадки", связанные с появлением динарцев в том или другом месте Европы, легко разрешаются излагаемым здесь построением. Сюда относятся и наблюдения Гюнтера над "преобладанием" динарской расы "почти на всей территории баварского наречия, особенно на юг от Дуная", — ее усилением в юго-восточном направлении — к словенской языковой границе, а также над проникновением "более сильных динарских влияний (Einschiage) в Альпах на запад, внутрь Швейцарии", и "более слабых еще дальше и на север, через Баварию и Вюртемберг, до самого Майна", а в другом направлении — по Висле, у мазуров и в Восточной Пруссии. Все эти указания точно соответствуют сделанным выше наблюдениям над распространением славян на теперешней германской территории.

Мы оставили в стороне в этом антропологическом перечне — Польшу. Территория современной Польши является переходной от запада к востоку Европы, — и в этом состоит как главный интерес, так и главная трудность изучения антропологических процессов, происходивших на этой территории. С точки зрения археологической картина представляется довольно

ясной: мы уже видели, что здесь продолжают те же процессы, которые мы наблюдали на соседних западных территориях. Карты проф. Козловского с полной очевидностью устанавливают тот факт, что население двигалось в сравнительно скудные от природы и безлюдные местности Польши с соседнего запада. По наблюдениям того же археолога, унетицкая культура проникает на Вислу с Одера очень слабо — уже в период своего полного расцвета — и застаёт Великую Польшу покинутой прежним неолитическим населением. Обезлюдение Польши и перерыв в составе ее населения Козловский связывает с ухудшением климата в суббореальную эпоху. Связующей нитью служат здесь только поселения на дюнах эпипалеолита и микролита. Особенно запустела юго-восточная Польша. От трех наблюдавшихся там культур — крашеной керамики, шнуровой керамики с скорченными скелетами и мегалитических каменных ящиков — не осталось, по наблюдению Козловского, почти и следа, за исключением слабых пережитков шнуровой культуры в населении Прибалтики. Непрерывное культурное развитие идет только в Силезии. Только там и можно проследить постепенные переходы унетицкой культуры в предунетицкую, с одной стороны, и в лужицкую, с другой. Отсюда в конце второго периода бронзы (1700-1400) и в третьем периоде (1400-1200) уже сложившееся этническое лужицкое население двигается из западной части Польши на восток и на юго-восток. Правда, тут оно встречает уже в предлужицкий период местное (дюнное) население, достаточно сильное, чтобы наложить свою печать на местную культуру. Коссинна считает эту культуру, направившуюся в Поморье, иллирийской. Как бы то ни было, главный поток лужицких переселенцев направляется к Висле только тогда, когда (конец суббореального периода) климат вновь значительно улучшается, становясь суше и теплее теперешнего. Это пришлое население уже остается на своих местах, по Козловскому, вплоть до того времени, когда новое ухудшение климата в периоде субатлантическом приводит в движение германские племена (северные расы), спасающиеся от сырости и зимнего холода. А это прочно осевшее население эпохи поздней бронзы Козловский, как и другие польские археологи, считает славским.

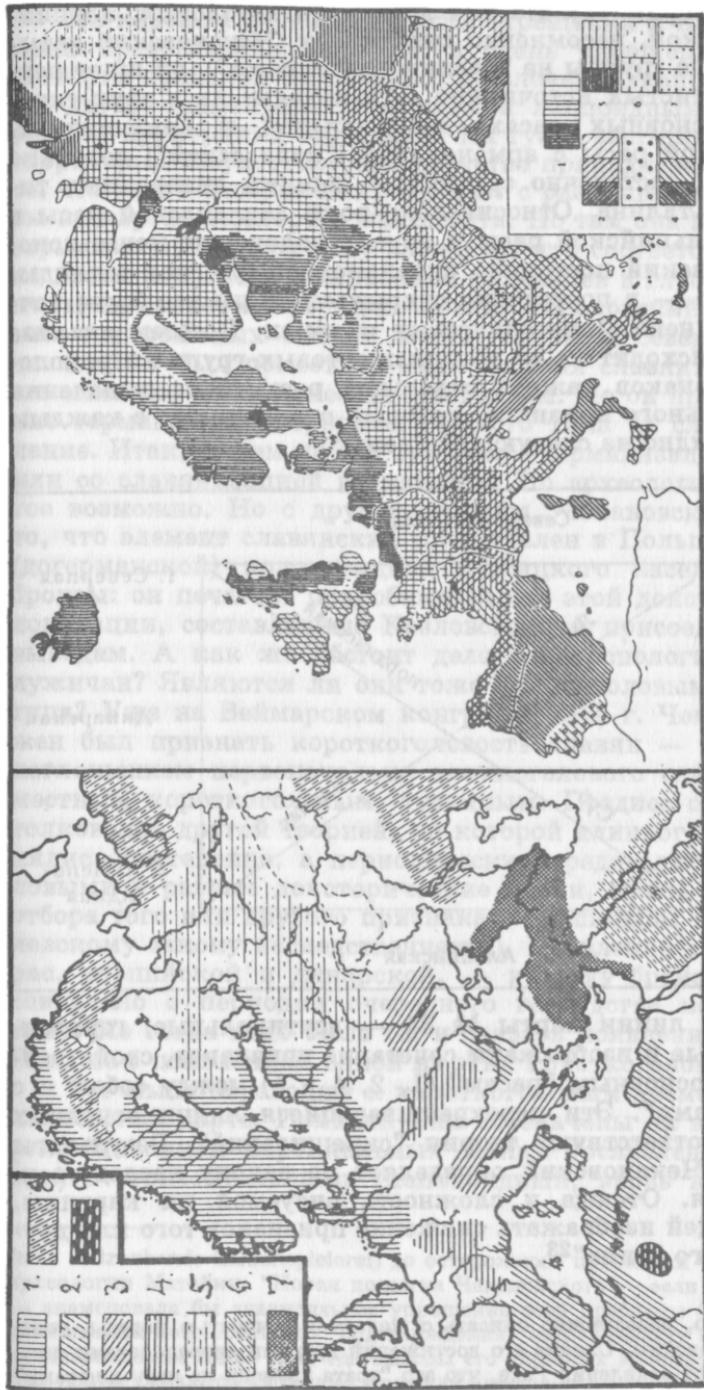
До сих пор мы не встречаем тут противоречия с нашим предыдущим изложением. Но вопрос осложняется, когда мы пытаемся связать археологические процессы с антропологическими и этническими. Мы упомянули, что при переходе к Польше мы уже не встречаем прежних упоминаний о "вендах" и что иллирийцы являются здесь лишь чуждыми налетчиками. Несомненно, надо считаться с тем, что здесь мы переходим в область иного характера и что славянская народность развивается здесь на ином антропологическом субстрате. В этом, конечно, нет ничего невероятного. Нужно считать общепризнанным, что антро-

пологический состав славянства — так же как и других народностей, германцев, французов и т.д., — разнороден. Но каков же именно был доисторический антропологический состав польского славянства? Здесь мы прежде всего наталкиваемся на учения польских антропологов, оперирующих над рядом антропологических групп, до сих пор нами не затронутых, и на иные методы изучения. Необходимо остановиться внимательнее на этой новой антропологической комбинации.

На прилагаемых картах № 33 и 34²² я сопоставил взгляды Гюнтера и польского антрополога Чекановского на распределение рас в Европе. Кроме известных нам двух длинноголовых (северная и средиземноморская) и двух короткоголовых (динарская и альпийская) рас карта Гюнтера содержит еще пять других (№ 5-9). Из них нас интересуют сейчас две: "восточно-балтийская" (№ 5) и "передне-азиатская" (№ 7). Гюнтер осторожно переносит на карту лишь те места, где данная народность представляет бесспорное большинство. Гораздо более широкие цели преследует карта Чекановского. Этот ученый в ряде своих последних работ развивает теории, долженствующие, по его мнению, превратить антропологию в "точную науку". Он исходит из положения (Człowiek), что все различия между человеческими антропологическими группами происходят исключительно от скрещивания четырех основных рас. Две основные длинноголовые расы нам известны: северная и средиземноморская (последней Чекановский приписывает гораздо более широкий круг

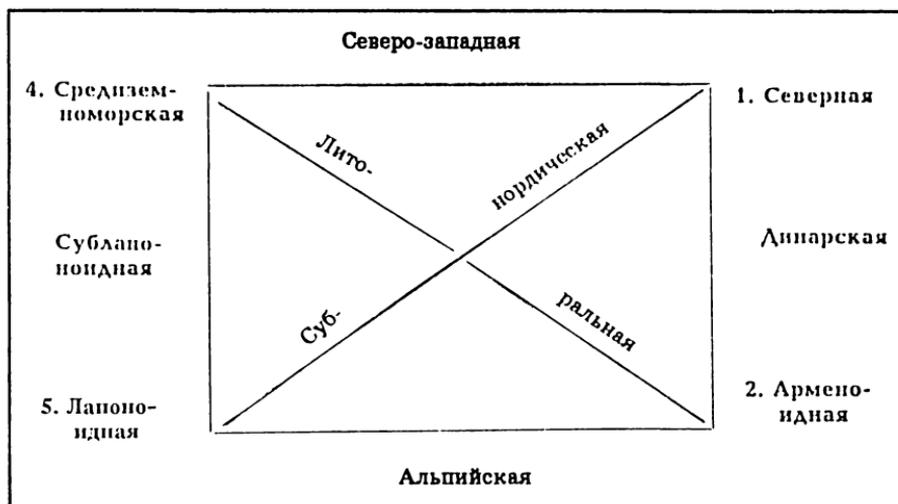
22 На карте Гюнтера (№ 33), изображающей распределение рас в Европе и в частях Азии и Африки, цифры, соответствующие разным штриховкам, означают следующие расы: 1. Северная, 2. Средиземная (Westisch), 3. Динарская, 4. Альпийская (Ostisch), 5. Восточно-Балтийская (Ostbaltisch), 6. Восточная (Orientalisch), 7. Переднеазиатская (Vorderasiatisch), 8. Внутриазиатская (Innerasiatisch), 9. Эфиопская. Черточки выделяют территорию "недостаточно выясненной, так наз. "рязанской" расы", наблюдаемой Чепурковским (Чекановский считает ее "литеральной" или "средиземноморской").

На карте (№ 34) цифры означают следующие "расы" (R.) и "типы" (T.): 1. Северная раса (R.), 2. Арманоидальная (R.), 3. Ориентальная (T.), 4. Средиземноморская (R.), 5. Лапоидальная (R.), 6. Пацифичная (T.), 7. Палеазиатская (T.). Другие типы смешений между смешанными расами здесь не указаны. При каждой штриховке на этой карте густые штрихи означают абсолютное большинство данной расы, менее густые — относительное большинство или два главных равносильных элемента; редкие штрихи — значительное меньшинство. По указанию Гюнтера, термины Чекановского сближаются с терминами Гюнтера таким образом: "Subnordisch" соответствует смеси nordisch-ostbaltisch; "Mediterran" — приблизительно westisch; "Alpin" и "Lapponoid" — приблизительно преобладанию "Ostisch"; "praeslavisch" — приблизительно смеси ostbaltisch-sudetisch. Сам Чекановский считает термин homo balticus соответствующим своим типам северо-западному (phälsch по Гюнтеру), субнордичному и дославянскому. "Элемент арменоидальный и его тип альпийский", по его же указанию, соответствуют homo caucasicus. "Элемент иберийско-инсулярный — homo mediterraneus".

№ 33 — 34. Распределение рас в Европе по Гюнтеру: 1. Северная; 2. Средиземная; 3. Динарская; 4. Альпийская; 5. Восточно-Балтийская; 6. Восточная; 7. Переднеазиатская; 8. Внутриазиатская; 9. Эфиопская; по Чекановскому: 1. Северная; 2. Арменои́дная; 3. Ориента́льная; 4. Средиземноморская; 5. Лапоидная; 6. Палеазиатская; 7. Палеофинская.

влияния, чем принято). Но для двух короткоголовых, альпийской и динарской, несомненно смешанных (Чекановский называет смешанные группы не "расами", а "типами"), он ищет первоначальных чистых источников — и находит их в двух гипотетических основных расах: лапноноидной и арменоидной. Связь динарской расы с арменоидной ("кавказской") довольно общепризнана: достаточно сравнить с нашими динарскими типами голову Сталина. Относительно роли лапландской расы в образовании альпийской расы и других положение менее ясно, и сам Чекановский постоянно видоизменяет тут свои взгляды. Причина этого — в постепенно открываемых им все более точных (по его мнению) методических приемах. В своем анализе Чекановский исходит не из обычных готовых групп антропологических признаков каждой отдельной расы, а из выделения каждого отдельного признака, который он соединяет с каждым другим, как видно из следующей схемы:

Отдельные линии карты № 34 — вертикальные, горизонтальные и косые и изображают сочетание признаков, свойственных четырем основным "расам" (1, 2, 4 и 5) между собою и с другими "типами". Эти перекрещивающиеся линии основных рас вполне соответствуют теории "скрещиваний". Результаты скрещиваний Чекановский определяет по закону наследственности Менделя. Отсюда и сложность рисуемой им картины, долженствующей изображать сложение признаков того или другого смешанного "типа"²³.

²³ Здесь, конечно, невозможно описать с желаемой точностью методы, употребляемые Чекановским. Оценка его достижений другими антропологами весьма колеблется — от заявления Рехе, что это "трата времени на игру цифрами"

На карте № 34 картина этих скрещений к настоящему времени представлена, впрочем, в очень упрощенном виде. Три четверти польской территории, по словам Чекановского, заселены двумя элементами: северным и лапоидным, в разных по местам пропорциях смешения. На густо заштрихованной части территории безусловное большинство принадлежит северной расе, что почти совершенно совпадает с размещением северной расы на картах Гюнтера и Эйкштедта. Но там она приравнивается германскому этническому элементу, что соответствует и картине постепенного проникновения германцев в глубь польских земель, по свидетельству археологии. Чекановский, который считает первобытных славян длинноголовыми северного же типа, должен бы был поместить сюда и своих славян. Германцы, по его мнению, даже менее длинноголовы. Но он признает и влияние германского антропологического типа на славянское население. Итак, имеем ли мы тут дело с германизацией славянства или со славянизацией германства? По археологии, и то и другое возможно. Но с другой стороны, Чекановский признает и то, что элемент славянский представлен в Польше постепенной (догерманской) колонизацией лужицкого населения в эпоху бронзы: он печатает подробные карты этой доисторической колонизации, составленные Козловским, и присоединяется к его выводам. А как же обстоит дело с антропологическим типом лужичан? Являются ли они тоже длинноголовыми германского типа? Уже на Веймарском конгрессе 1912 г. Чекановский должен был признать короткоголовость славян — и объяснил ее поглощением первоначально длинноголового славянского типа местным короткоголовым, туземным. Позднее он заменил это толкование другой теорией, по которой длинноголовые не заменялись постепенно, а периодически чередовались с короткоголовыми в разные доисторические эпохи, путем попеременного отбора того или другого признака в смешанном типе (по менделевскому закону наследственности). Появление короткоголовых рас, альпийской и динарской, — в эпоху бронзы, — как раз совпадало с периодом очередного господства короткоголового типа. Но тогда надо было бы и связать появление славянства в Польше с появлением одной из этих короткоголовых рас.

Тут мы и переходим к короткоголовым элементам антропологической карты Польши. Они обозначены на карте № 34 перекрещиванием вертикальных линий (ослабленный северный тип) с горизонтальными (лапоидный, вновь выделенный из

(eine zeitraubende Zahlenspielerel) до осторожного признания чешского ветерана археологии Матейки: "Новая попытка Чекановского — если она подтвердится — знаменовала бы значительное упрощение всей проблемы (классификации)". В ожидании компетентного "подтверждения" неспециалисту остается следовать за Чекановским лишь там, где выводы его сложных математических вычислений подтверждаются выводами прежних антропологов.

альпийского, в результате нового применения методов автора 1934 г., и соответствующий гюнтеровскому *ostisch*). Для простоты здесь опущены еще три переходных типа: субнордичный, сублапоноидный (смесь нордичного с лапоноидным), заменивший прежний термин "дославянский" и — отдельно — динарский — продукт смешения арменоидного с северным (что соответствует обычному объяснению) или с лапоноидным (что является нововведением Чекановского). Вся эта мешанина вращается около одного антропологического типа, называемого Гюнтером "восточно-балтийским" (№ 5 карты 33): приземистый — как говорится, неладно скроенный, но крепко сшитый — с широким, скуластым лицом, глубоко сидящими глазами, смотрящими как бы исподлобья, с широким и коротким носом, с жесткими волосами, то светлого, то темноватого цвета. Наименее культурный вариант этого типа, "сублапоноидный", у которого рост ниже, нос особенно широк, переносица особенно углублена, скулы особенно выдаются. Чекановский считает древнейшим типом, уцелевшим от неолита; прежде он называл его "дославянским". Этот элемент, сохранившийся повсюду в захолустьях, составляет, по-видимому, действительно, субстрат польского населения.

Какой же или какие антропологические группы принесли сюда славянский язык? Необходимо тут прежде всего припомнить, что польская территория, по признанию польских же археологов, была переходным этапом при продвижении славянского населения с запада на восток²⁴. Наслоясь на разные субстраты, оно могло славянизировать и длинноголовых севера ("не обязательно германского типа"), и короткоголовых центра и юга. Возможно, конечно, что оно уже пришло сюда смешанным. Но едва ли можно настаивать на том, что руководящими элементами смеси были северный тип с альпийским. Это значило бы возвращаться к так наз. "кельто-славянской" теории, которая разделялась, правда, прежде большинством французских антропологов, но теперь считается совершенно устаревшей. Остается вернуться, прежде всего, к мнению тех польских антропологов, которые, как Познанский, Рутковский, Талько-Гринцевич, считали славянский тип с самого начала смешанным — отчасти длинноголовым, отчасти короткоголовым, — или же исправить кельто-славянскую теорию, как сделал Олехнович в работе 1902 г. относительно польской шляхты, заменив альпийский элемент смеси — динарским. Это еще ближе подошло бы к моим предположениям. Динарский элемент занимает, главным образом, восточную Галицию, то есть территорию древней-

²⁴ У Чекановского эти массовые переселения принимают характер движений взад и вперед — попеременно с северо-запада на юго-восток и с юго-востока на северо-запад. Чекановский заимствует здесь у Козловского и его мнение о влиянии изменений климата на переселения.

шого славянского населения, какое мы нашли на обоих склонах Карпат: он примыкает непосредственно к динарцам Карпатской Руси, верхней Венгрии, Буковины и Украины.

Как видим, несмотря на проблематичность методов Чекановского и перетонченность выводов из его теории "расщепления" и "скрепления" отдельных антропологических признаков, его данные, в общем, довольно близко примыкают к полученной нами выше картине славянского выделения и расселения на запад и на юг от Польши. Мало того, некоторые из предпосылок Чекановского идут навстречу моему собственному толкованию фактов. Так, в спорном вопросе о славянской "прародине" Чекановский правильно ищет разрешения *западнее* русских пределов (на Висле). Продвинувшись еще немного на запад, в Силезию и Лужицы, он, по моему мнению, нашел бы правильное решение²⁵. Далее, принявши славянизм лужичан (хотя и более позднего происхождения, чем следует) как "простейшую и правдоподобнейшую гипотезу", Чекановский делает основательный вывод, что в таком случае лингвистическая группа балтийская, наиболее родственная славянам в ряду индоевропейских языков, должна была отделиться раньше выделения лужицкой культуры, с которой у нее нет ничего общего. Верно и то, что в таком случае дифференциация славяно-балтийской группы должна была быть "совершившимся фактом" к тому времени, когда славяне вошли в контакт с иранцами: у балтийцев нет никаких следов этого контакта, тогда как они имеются в славянских языках. Прибавлю только, что под иранцами здесь не следовало бы разуметь скифов; контакт славян с иранцами должен быть отнесен тоже к более раннему времени, чем появление скифов на юге России.

Наконец, я обращаю внимание еще на один важный вывод из рассмотрения *подробной* антропологической карты Чекановского, — вывод, который нам очень понадобится в дальнейшем. Как видно из этой карты, помещенной в его "Zarys", движение на восток через польскую территорию шло (в разное время) тремя главными потоками, разделенными географически: на северо-восток, на восток и на юго-восток. В направлении северо-востока Польша связана непосредственно с землями балтийской культуры единством антропологического субстрата, восходящего к древней, вероятно, эпипалеолитической эпохе: это "восточные балтийцы" Гюнтера или субнордичный и дославянский типы Чекановского. Тут даже трудно объяснить это единство передвижением. Прямо на восток — по направлению вверх по западному Бугу, потом вниз по притскам Припяти и, наконец,

²⁵ Соответственно этому должна быть исправлена главная ошибка карты Иогансена, помещающей славян на Днепре; их надо отодвинуть на унетичко-лужицкую территорию, откуда передвинуть вплотную к Рейну кельтов; иллирийцы и италики должны поменяться местами.

вверх к верхнему Днепру — мы имеем несомненные и яркие следы продвижения длинноголовых, и в этом нельзя не видеть славянской миграции. Это признает и Чекановский, но он относит эту миграцию, по моему мнению, опять к слишком позднему времени. Наконец, в третьем направлении, на юго-восток, мы имеем отдельный поток миграции, вниз по Днестру и южному Бугу — в степи и к нижнему Днепру. Антропологической основой этого последнего передвижения является уже не длинноголовый, а (славянский) динарский тип, что опять-таки, Чекановский вполне признает, но снова относит это продвижение к чересчур позднему времени. Мы имеем, следовательно, два потока продвижения славян через Польшу на русскую территорию. Впоследствии мы увидим, что оба потока отличаются не только антропологически, но и этнографически, давая начало двум разновидностям восточного славянства. Не исключена возможность, что дифференциация разновидностей могла сопровождать различие их антропологического типа и, следовательно, начаться уже на территории их разделения. Ограничимся пока этими замечаниями, дальнейшие выводы из которых мы сделаем в следующей главе "Очерков".

В наших последних наблюдениях мы уже стоим на рубеже доисторического и исторического периодов. Но мы не можем покинуть области преистории, не вернувшись теперь к тому, что мы уже знаем из преистории России, не приведя сказанного там в связи с нашими новыми, средневропейскими данными и не пополнив нашего доисторического очерка вопросом о связи восточно-русской и южно-русской территории с Азией — вопрос, который мы намеренно отложили до конца этой главы.

В вопросе о связи доисторических явлений России и средней Европы нас опять встречает основная проблема распространения индоевропейской семьи языков и народов. Я уже упомянул о новейших попытках искать центр этого распространения в Азии или в южно-русских "степях". После всего сказанного выше должна быть особенно ясна невозможность оторвать эти поиски от тысячелетий векового процесса в лессовой и прилессовой полосе Европы и направить их или в пустоту не сложившихся еще степей, или в среду другого, более древнего и тоже органического процесса развития и смены древнейших культур средиземного и переднеазиатского востока. Мы знаем, что влияния из этой последней, более культурной среды приходили в центральную и восточную Европу. Но это были именно влияния культурные, распространявшиеся по торговым путям. Чайльд наглядно проследил их из Малой Азии и Трои в область Дуная и морем — от Адриатики до Балтики, по тому самому "янтарному пути", на всем пространстве которого мы находили — в венецкой области у Констанцкого озера на Дунае, в Моравии, на Висле, у сказочного Эридана — наших славянских венецов. Бош Гимпера, каталонский исследователь, нашел пути среди-

земных влияний в Португалии — центре распространения по океанским и морским берегам мегалитических построек, и в Испании — родине колокольчиковых бокалов и исходной точке "проспекторских" военно-торговых экспедиций. Все эти возбудители культуры, несомненно, оказали свое действие на среднему Европу — и действие весьма важное, содействуя социальному расслоению и образованию из мелких местных групп — больших объединений экономического, а потом и политического, и этнического характера. Но самый процесс этих образований — процесс, который мы называли органическим, — происходил тут, на месте, и плодом именно этого процесса явилось создание — именно в этом средневропейском центре — и распространение именно из него семи индоевропейских языков и народов.

Что может противопоставить этому компромиссная между Европой и Азией теория "южно-русских степей" как индоевропейской прародины? Мы имеем на эту тему самую последнюю сводную работу Жоржа Пуассона (Les Ariens, 1934); здесь использован весь материал новейших раскопок и специальной литературы по этому поводу. Каковы же выводы Пуассона? На его карте "прото-арийский район" занимает самую южную часть русского чернозема — даже не луговую, а ковыльную степь (см. карту № 9), откуда тянутся две стрелы к "протоарийцам Азии" и к "протокельтам". Этому соответствует, в главе о положении Европы около 2500 г., ссылка на известные нам "курганы", то есть охровые могилы, как на район протоарийцев, и автор присоединяется к теме, кто ведет происхождение шнуровой культуры и топоров известной формы из "русско-азиатских степей" и из Месопотамии. Новостью здесь является только ссылка на будто бы до-шнуровую керамику сосудов, найденных в неолитической стоянке в Усатове (около Одессы), с неудачным комментарием Розенберга, и гадания об антропологии степного населения (несомненно, длинноголового), к которому Пуассон привлекает, с одной стороны, палеолитические типы Предместья, с другой, даже гипотетическую миграцию наших эскимойдов в южную степь из отдаленной Сибири. Привлечение "кочевников русских степей" к разрушению трипольской культуры отнюдь не увеличивает силы доказательства. Совсем фантастическими являются дальнейшие гипотезы о переселениях этих "эмигрантов из степей" на север, где будто-бы они основали Фатьяновскую культуру, и на северо-запад, вплоть до Тюрингии, куда они принесли, по этой теории, шнуровую культуру. Материалы для опровержения всех этих притянутых за волосы толкований читатель найдет в моем предыдущем изложении.

Любопытнее всего, что, разместив, при помощи искусственных переселений из "степей" своих "протоарийцев" по местам в Европе, где мы их знаем, и напомнив при этом неоднократно об их мнимых миграциях, Пуассон в дальнейшем, начиная с эпо-

хи бронзы, уже присоединяется к общепризнанным передвижениям разных отраслей индоевропейской семьи обратно — из Европы, что совпадает с обычным толкованием. Для срединной Европы — он даже признает исключительное значение протонетичской и нетичской культуры, считая, что она "сыграла большую роль в этнической формировке известного количества арийских народов, — а именно иллирийцев, венедов — только не славян, а, по его словам, их "предшественников, которых я (Пуассон) лично считаю корнем (la souche) летто-литовцев"! Я уже отметил выше искусственность этого обхода славян, особенно странного, когда считается возможным рядом находить "корень" балтийской группы. Впрочем, Пуассон отсюда же ведет еще происхождение даков и гетов. Принимая происхождение лужицкой культуры из нетичской, Пуассон, естественно, отказывается и в лужичанах видеть славян. Но характерным образом он прибавляет: (хотя) "от этого решения вообще отказались, но не представили никакого лучшего".

Не будем следить за дальнейшим изложением Пуассона, касающимся преистории других народов, якобы превращенных в индоевропейские "военной аристократией, вышедшей из русско-азиатских степей". Остановимся лишь на тех, присутствие которых уже в этом раннем периоде (и независимо от теории Пуассона) можно предполагать на территории России. Оставляя в стороне арктическую и гребеночную культуру, где, очевидно, никак нельзя искать индоевропейцев, мы имеем здесь две исчезнувшие культуры — Фатьяновскую и Трипольскую, уже введенные в индоевропейский круг Пуассоном, и одну, действительную пустившую глубокие корни на месте, — "ямочную" культуру охровых курганов. Из принятия нами центрально-европейского происхождения индоевропейских народностей вытекают неизбежные последствия и для выяснения этнического характера этих культур. Эти последствия определенно подчеркнуты на карте Иогансена (см. карту № 29). Здесь указаны две линии предполагаемого продвижения индоиранцев из Европы в Азию: одна — через территорию русского центрального междуречья на Волгу — это территория Фатьяновской культуры; другая — через излучины Днепра и Дона в Предкавказье и за Волгу и Урал к Аральскому морю. Это — территория охровых курганов. При нашем толковании происхождения этих культур с запада и при их хронологии нет препятствий связать их с неизбежным процессом продвижения индоиранцев на восток. Исчезновение Фатьяновской культуры в этом случае объяснялось бы именно дальнейшей миграцией фатьяновцев на восток (см. карту № 35). А сохранение на месте населения ямной охровой культуры скорченных скелетов объясняло бы наилучшим образом, почему, при первых надежных сведениях об этническом составе южно-русского населения, мы застаем там иранцев. Что касается трипольской культуры, мы видели, что русский угол

этой культуры является ее периферией. Ее коренные нити идут на Дунай, на Балканы и в район Эгейской культуры. Мы указали и на этапы этой культуры: в последнем из них трипольская культура уступила место насильникам с севера. Эти последние и могли быть индоевропейцами (фракийцами?), разрушившими культуру до-индоевропейского трипольского населения. Таковы наиболее вероятные предположения об этническом характере доисторических культур на русской территории, возможные при современном состоянии наших знаний.

Переходим теперь к юго-востоку России, соприкасающемуся, через луговые и ковыльные степи, с азиатским поясом пустынь²⁶.

Мы уже выделили культуры, распространенные в европейской части этого месторазвития, как "степные" и "аральско-понтийские". Но только в более позднее время, чем разобранное нами выше, эти культуры достигают широкого развития и влияние их распространяется далеко за пределы, указанные им географией. Собственно, эта расширенная территория влияния и составляет одну из главных трудностей при изучении истории, этнографии и антропологии степных культур. Мы снова употребим тут уже испытанный раньше прием — перехода от более широких кругов, связанных единством известных признаков, к более тесным.

Несомненно, самым широким из кругов, характеризующих культурное влияние степных культур является распространение так наз. "звериного" стиля. Стиль этот определяется употреблением животных форм, сперва в их натуральном виде, а затем в стилизованном, переходящем в линейный орнамент, в котором становится трудно отличить животные формы от растительных и даже геометрических. Именно в последних стадиях этого развития "звериный" стиль является достоянием всей западной, средней и северной Европы — и распространяется вплоть до Тибета и Китая. Недаром именно в Китае искали его источник одни исследователи, а другие давали тому же стилю названия венгерского, скандинавского, готского и "меровингского". Однако, теперь уже нельзя отрицать, что все эти варианты звериного стиля являются периферическими и возникают во всех упомянутых местах в сравнительно позднее время. Сальмони, вслед за Теплоуховым и Ростовцевым, относит начало влияния звериного ("скифского") стиля на Китай к периоду династии Хан (202 г. до Р.Х. — 220 г. по Р.Х.), — а знаменитые сибирские золотые пластинки Эрмитажа и собрания антиквара Ллоо — даже к периоду "шести династий" — около 500 г. после Р.Х. А на европейской периферии распространение этого стиля

²⁶ См. карты №№ 7,8,9 с диаграммами №№ 2,4,5. Я настойчиво советую читателю освежить в памяти все эти предшествовавшие указания, прежде чем перейти к чтению дальнейшей части главы.

современно эпохе упадка Римской империи и времени переселения народов — с последующим средневековьем.

Переходя отсюда к *внутреннему* кругу распространения звериного стиля, то есть к юго-востоку России, сибирским степям и культурам передней и средней Азии, мы уже встречаемся с колебаниями — где именно на пространстве столь обширных территорий искать родины звериного стиля. Однако и тут выбор в наше время значительно облегчается новыми раскопками. Он дается теперь путем более детального изучения, с одной стороны, вариантов звериного стиля, с другой — его связи с археологическими и этнологическими данными. Как раз этот внутренний круг нас более интересует, и на нем надо остановиться подробнее.

Общие хронологические рамки мы можем тут определить сразу. Это — последние века бронзы и первые века железа. Если это условное археологическое определение не может еще прямо привести к абсолютно-хронологическому, то это потому, что, передвигаясь с юга на север, культура звериного стиля застает все более поздние переживания эпохи начала металлов — и даже дометаллический неолит. Опять-таки сразу можно сказать, что древнейшая *абсолютная* хронология должна относиться к той части территории, где железо появляется всего раньше, — то есть к территории древних азиатских культур. Следующие по времени хронологические даты будут относиться к области распространения этих культур на близлежащие азиатские и восточно-европейские степные территории, а последней в хронологическом порядке восприятия звериного стиля окажется восточная Россия и западная Сибирь²⁷.

Эта хронологически-географическая установка, в сущности, предрешает и вопрос о происхождении стиля, и вопрос об условиях его распространения. Наш внутренний круг распадается, таким образом, на четыре провинции: древнейшие передне-азиатские культуры, ставшие известными в последние годы; степные евразийские культуры, степные восточно-европейские и сибирские культуры. Употребляем множественное число "культуры" при каждой из провинций, так как в пределах каждой имеются подразделения, характеризующиеся разными вариантами звериного стиля. Затем само слово "культуры" показывает, что из родства *культур* вовсе не следует еще непосредственно заключать об этническом родстве *народностей*, разбросанных на всем указанном громадном пространстве. Чтобы выделить народности, связанные единой культурой, одних показаний звериного стиля недостаточно: необходимо искать других связующих признаков в археологии, лингвистике и антропологии. Необхо-

²⁷ Для всего последующего см. сводную карту евразийских переселений № 35, подводящую итог этой части изложения.

димо также не забывать меняющиеся условия месторазвития. Звериный стиль в рассматриваемую эпоху, несомненно, есть прежде всего стиль степной. На это указывает прежде всего назначение предметов, находимых в могилах с изображениями звериного стиля. Громадное большинство этих предметов относится именно к обиходу степной и кочевой жизни: оружие, пояс и костюм кочевника, изображения охот и военных столкновений, покрытые обильными украшениями седло и сбруя лошади и т.д. Мы уже не раз подчеркивали особенности кочевого быта, нелегко превращающегося в оседлый. Тем не менее, несомненно, что пределами степи и пустыни даже и этот внутренний круг звериного стиля не ограничивается. Самого происхождения его приходится искать вне пределов степи-пустыни. Вполне сложившись, он проникает — очевидно, позднее — и в области лесной культуры, там где имеются способы более легкого сообщения, то есть течения рек, горные проходы и установленные этими же географическими особенностями традиционные торговые пути. Уже эти условия показывают, что в областях лесной культуры звериный стиль является — по крайней мере первоначально — предметом импорта, прежде чем принять местное обличье. Наконец, еще одно самое существенное условие акклиматизации и местного развития звериного стиля: нахождение в данном месте более или менее обильной медной и железной руды и золотых местонахождений.

Сочетание всех этих условий создает для истории звериного стиля довольно извилистый путь. Начало этой истории кроется в доисторическом мраке, который только в наши дни начинает рассеиваться. Мы уже упоминали о реалистических изображениях животных в пещерах и на скалах эпохи миолита (позднего палеолита). По-видимому, традиция этого стиля продолжала существовать среди населения северной Африки, откуда и ведут часть палеолитического населения Европы. Во всяком случае, теперь выясняется существование целого "афразиатского" пояса культур, расположенных в сухой климатической зоне, пересекаемой плодородными наносами Нила, Евфрата, Тигра и Инда, а также (в силу закона вертикальности зон) лучше орошаемыми и годными для земледелия и скотоводства высокими плоскогорьями Анатолии, Загроша, Элама и Ирана. Ряд древнейших культур этой зоны, хронологию которых можно определить лишь общим обозначением — раньше 3000 лет до Р.Х. — культуры "прото-египетская", "прото-сумерская" (= "прото-иранская"), "прото-индийская", несомненно, связаны друг с другом. Одним из признаков этой связи является как раз присутствие во всех них реалистических изображений представителей местной фауны, — изображений, свидетельствующих о тонком понимании жизни и форм зверей и о развитом художественном вкусе. Но это еще не наш звериный стиль: фигуры зверей большею частью изображаются здесь отдельно и имеют пре-

имущественно характер племенных тотемов, постепенно становящихся местными божествами, а в частном быту — "зверовидных" (териоморфных) форм сосудов. Культурная связь всей этой зоны — от Атлантического океана до Инда (включая вновь открытые преиндийские города в Мохенджо-Дара и Хараппа) — несомненна; но мы не знаем, есть ли за этой связью этническое единство, хотя антропологически — преобладание здесь длинноголовых средиземного типа весьма вероятно.

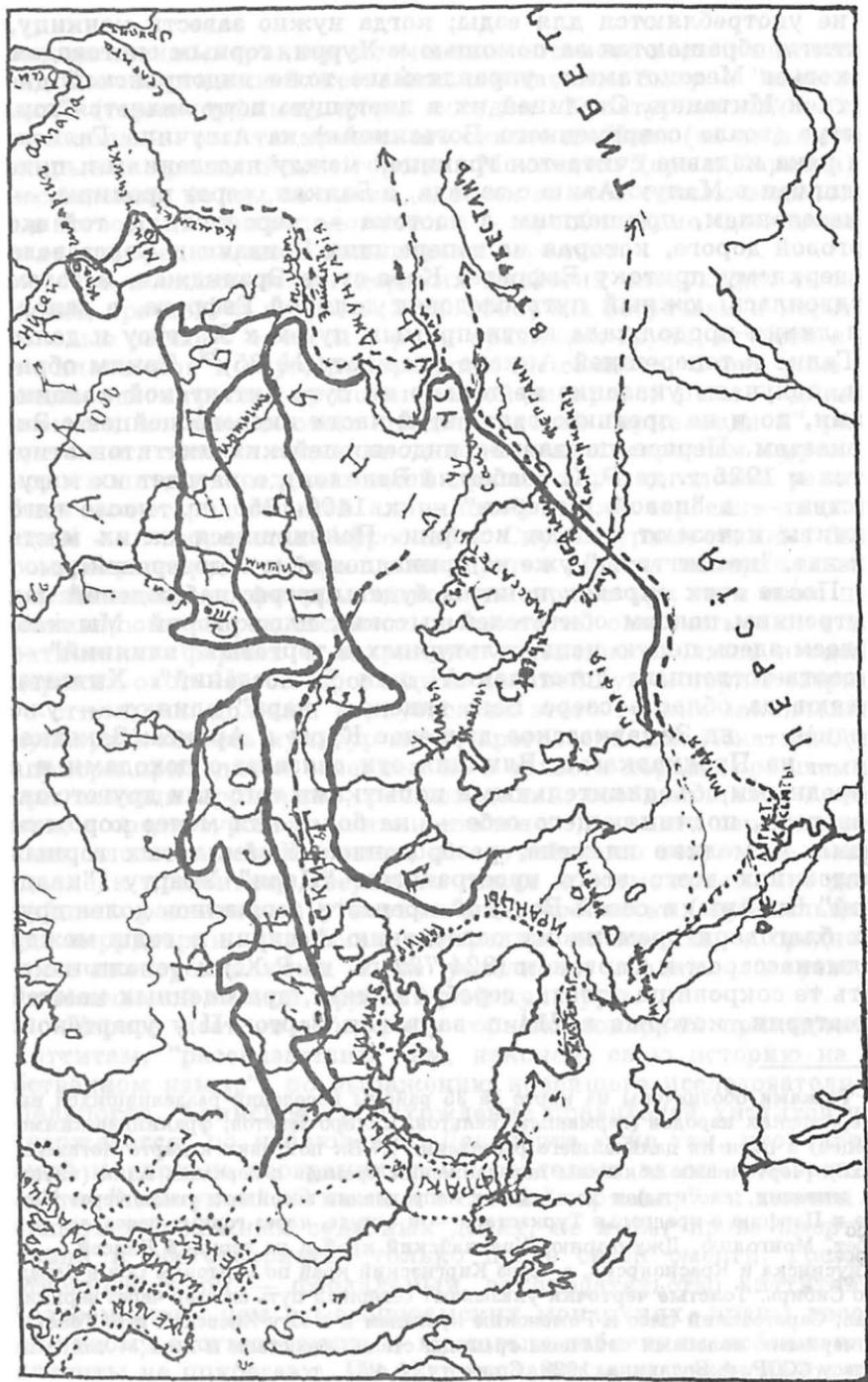
При возникновении царских династий следующих тысячелетий, третьего и второго (3000-1000) мы встречаем и короткоголовые расы — отчасти в роли правящих групп, отчасти в роли пленников и слуг, покоривших их семитов. Очень рано находим здесь грубый прототип нашей динарской расы — длинноносых и короткоголовых представителей "арменоидной" расы, тут же и в том же социальном подчинении встречаем широко- и коротколицых представителей другой короткоголовой расы — быть может родственной альпийской (то же строение лица позднее — в терракотах Афросиаба). Скульптурная техника быстро прогрессирует в борющихся друг с другом монархиях этих тысячелетий, но фигуры животных теряют при этом свою примитивную непосредственность и свежесть; они застывают в гиератических формах и сохраняют жизненность лишь в сценах царских охот. Чтобы проследить дальнейшую историю звериного стиля, мы должны вернуться из этого тупика законченных культур в область культур менее прогрессивных. Искать их уже априори приходится севернее: не в области хорошо орошаемых, при помощи ирригации, речных долин, сообщаемых с океаном, а среди сурового континентального климата переднеазиатских плоскогорий. Вероятно, не случайно мы встречаем возвращение к примитиву звериного стиля и возможность его дальнейшего развития — у первых индоевропейских пришельцев в эти территории: они более однородны по климату с средне- и восточно-европейскими и не успели ни создать, ни усвоить классической южной афразийской культуры.

Первое место в этом ряду горных монархий принадлежит хиттитам, "рассказавшим нам, наконец, свою историю на собственном языке", по выражению новейшего исследователя их Делапорта. Арийское происхождение правителей хиттитов подтверждается, по наблюдению Делапорта, уже тем, что хиттитский монарх не неограничен. Он разделяет власть с собранием знати, "панкуком". С ними и с своей "марианну" он должен совещаться в важных судебных делах, не имеет права смертной казни и обоготворяется только после своей смерти. Государственный строй — феодальный, законодательство хиттитов — более мягкое, чем в месопотамских монархиях, нравы населения этому соответствуют; к массовым избиениям побежденных хиттиты не прибегают. Их главное занятие — интенсивное земледелие и садоводство; их армия — пешая; лошади известны,

но не употребляются для езды; когда нужно завести конницу, хиттиты обращаются за помощью к Хурри, горным скотоводам верховьев Месопотамии, управляемым тоже индоиранской династией Митанни. Столицей их в цветущую пору является гор. Хаттус (возле современного Богазкойя) на излучине Галиса. Эта река издавна считается границей между населенными, пришедшими в Малую Азию с запада, с Балкан, через проливы, — и населением, пришедшим с востока — вероятно, по той же торговой дороге, которая из теперешних Эривани и Карса вела по верхнему притоку Евфрата, Кара-су, в Эрзинджан, а затем раздвоилась: южный путь следовал долиной Евфрата, а западная линия продолжала вести прямым путем к Хаттусу и далее за Галис к теперешней Анкаре (см. карту № 35)²⁸. Таким образом, получаем указание не только на путь хиттитской колонизации, но и на древнюю связь этой части индоевропейцев с Закавказьем. Первое появление индоевропейских хиттитов относится к 1925 г. до Р.Х. (набег на Вавилон), а расцвет их могущества — в "новой империи" — к 1400-1255 гг., после чего хиттиты исчезают с поля истории. Появившиеся на их месте так наз. "неохиттиты" уже не принадлежат к индоевропейцам.

После этих справок понятен будет интерес наблюдений над внутренним поясом обитателей высоких плоскогорий. Мы наблюдаем здесь целую цепь культурных и торговых "влияний" — и соответственных "отставаний" или "запозданий". Хиттиты влияют на область озера Ван, ванские "цари" влияют — уже позднее — на Закавказское двуречье Куры и Аракса; Закавказье — на Предкавказье. Влияния эти связаны с походами и с очередными объединительными попытками того или другого завоевателя, подчиняющего себе — на более или менее короткое время — мелкие племена, разбросанные в замкнутых горных котловинах всего этого пространства. "Цари" Урарту ("халдской" Биайны) в своей Ванской крепости держались долее других благодаря временному ослаблению Ассирии в годы между Салманассаром и Саргоном (824-722 гг. до Р.Х.) и успели накопить те сокровища золота, серебра и меди, драгоценных камней и материи, которые в 714 г. захватил Саргон II у урартского

²⁸ Точками обозначены на карте № 35 районы поселений разделившихся индоевропейских народов (германцев, кельтов, иллиро-венетов, фракийцев-киммерийцев) и пути их дальнейшего расселения (N.B.: поправки к карте Йогансена № 29). Черточками показаны передвижения иранцев в передней Азии (хиттиты, митанни, касситы) и дальнейшее направление звериного стиля через Персию и Парфию в предгорья Туркестана — и оттуда, через горные перевалы — в Тибет, Монголию, Джунгарию, Урянхайский край и на верхний Енисей — до Минусинска и Красноярска, а через Киргизский край по притокам Оби в Западную Сибирь. Толстые черточки указывают северный путь скифов через верхний Урал, Саратовский плес к Роменским курганам и к югу Киевской губ. Толстыми черными полосами означены границы степи, лесостепи и леса — тайги по Атласу СССР. А.Белавина, 1928. Ср. карту № 40.

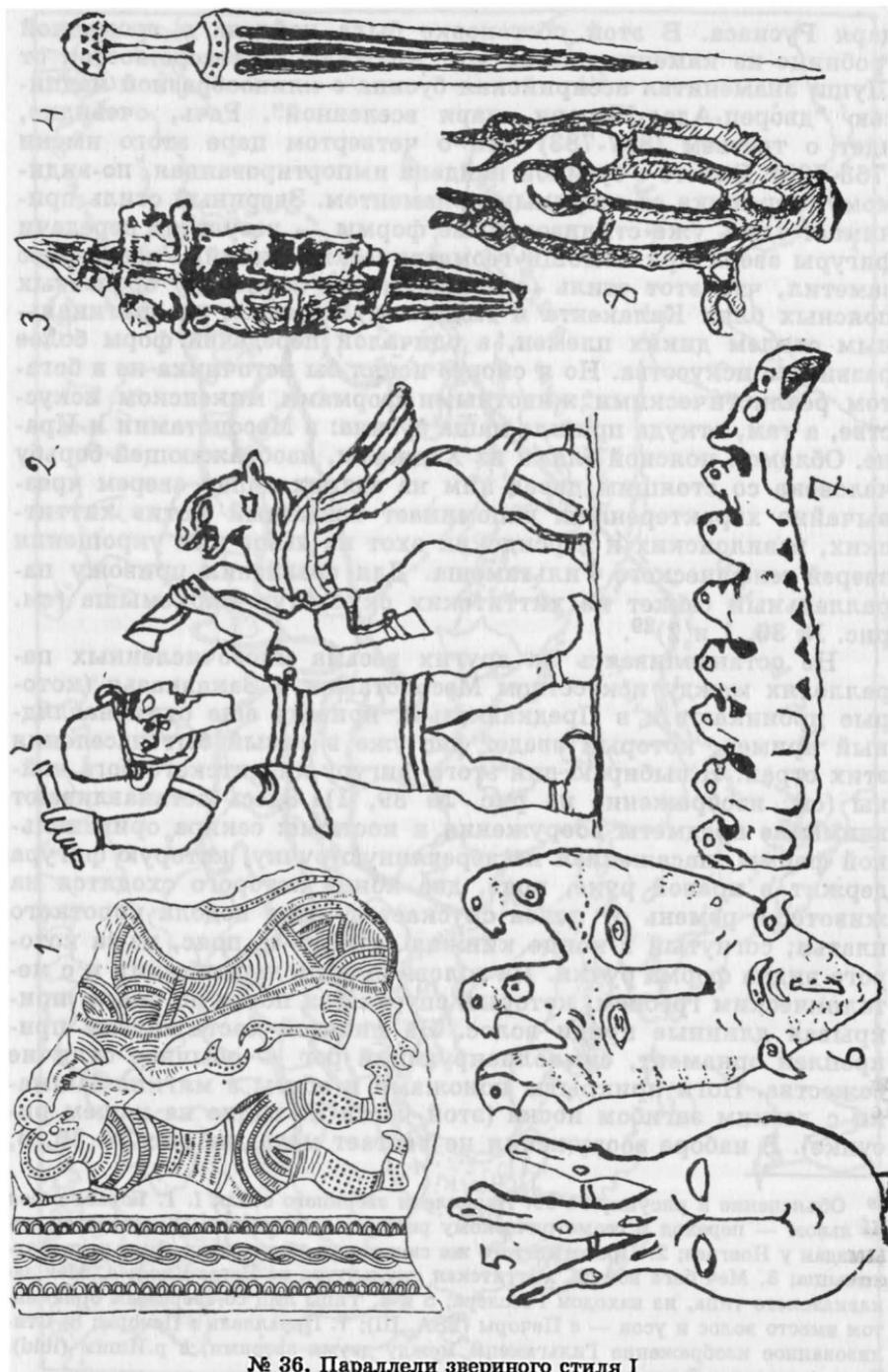

№ 35. Карта евразийских переселений

царя Русиаса. В этой обстановке была найдена в громадной гробнице из каменных плит у с. Ходжалы на северо-восток от Шуши знаменитая ассирийская бусина с клинообразной надписью "дворец-Адад-Нирари, царя вселенной". Речь, очевидно, идет о третьем (807-783) или о четвертом царе этого имени (763-765). Вместе с бусиной найдена импортированная, по-видимому, керамика со звериным орнаментом. Звериный стиль принимает здесь уже стилизованные формы — результат передачи фигуры зверя при помощи геометрических линий. Уже Хернес заметил, что этот стиль (он говорит это по поводу бронзовых поясных блях Калакента и Ходжалы) является не оригинальным стилем диких племен, а одичалой передачей форм более развитого искусства. Но я скорее искал бы источника не в богатом реалистическими животными формами микенском искусстве, а там, откуда пришла наша бусина: в Месопотамии и Иране. Обломок поясной бляхи из Ходжалы, изображающей борьбу человека со стоящим перед ним на задних лапах зверем чрезвычайно характерен: он напоминает известный мотив хиттитских, вавилонских и персидских охот на львов или укрощения зверей мифического Гильгамеша. Для сравнения привожу параллельный сюжет из хиттитских скульптур Кархемыша (см. рис. № 36, 1 и 2)²⁹.

Не останавливаясь на других весьма многочисленных параллелях между искусством Месопотамии и Закавказья (которые проникают и в Предкавказье), приведу еще один наглядный пример, который введет нас уже в самый быт населения этих стран. Я выбираю для этого фигуру хиттитского бога войны (см. изображение на рис. № 39, 1). Здесь останавливают внимание предметы вооружения и костюма: секира оригинальной формы, насаженная на деревянную ручку, которую фигура держит в правой руке, пояс, два конца которого сходятся на животе, а ремень от пояса спускается ниже подола короткого платья; согнутый в конце кинжал заткнут за пояс, из-за которого видна форма ручки. На голове шлем с наушниками и с металлическим гребнем, который спускается почти до пояса, прикрывая длинные пряди волос. На лицевой части шлема прикреплен орнамент, символизирующий рог — обычное отличие божества. Ноги прикрыты поножами и обуты в мягкие башмаки с легким загибом носка (этой части не видно на нашем рисунке). В наборе вооружения не хватает меча; на рис. № 36, 3,

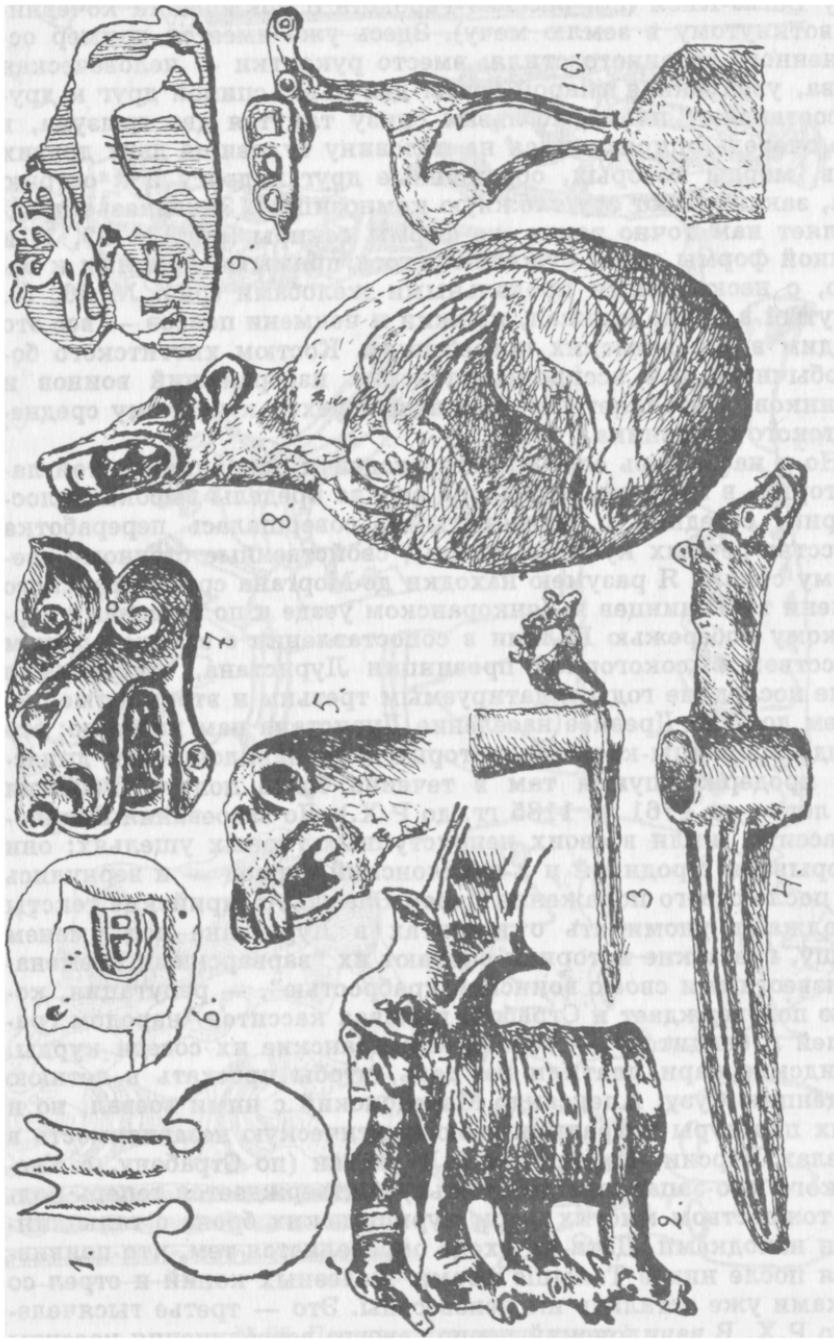
²⁹ Объяснение к рисунку № 36: Параллели звериного стиля I. 1. Борьба героя со львом — переход к геометрическому рисунку в Калакенте (Закавказье), переиздан у Ноернес; 2. Прототип того же сюжета из хиттитских скульптур Кархемыша; 3. Меч бога войны, хиттитская скульптура из Богаз-Кюя; 4. Меч закавказского типа, из находок Ресслера; 5 и 6. Типы лиц со звериным орнаментом вместо волос и усов — с Печоры (ESA, III); 7. Параллель с Печоры; 8) Стилизованное изображение Гильгамеша между двумя зверями, с р.Ишим (ibid). Ср. скульптуры Луристана.

№ 36. Параллели звериного стиля I

мы даем изображение хиттитского бога меча на "Писаной скале" у Богаз-Кюя (ср. рассказ Геродота о поклонении кочевников воткнутому в землю мечу). Здесь уже имеется пример осложненного звериного стиля: вместо рукоятки — человеческая голова, увенчанная тиарой богов: два льва, спиной друг к другу, составляют плечи. К львам снизу тянутся два грызуна, в свою очередь опирающихся на половину туловища двух других львов, морды которых, обращенные друг к другу и к острию меча, заканчивают эту сложную композицию. Закавказье представляет нам точно такие же формы секиры (рис. № 37, 1) и длинной формы меча, суживающегося прямыми линиями к острию, с несколькими продольными желобами (рис. № 36, 4). Согнутый в конце кинжал, пряжки и чекмени поясов — все это находим в закавказских погребениях. Костюм хиттитского бога, обычный для ассиро-вавилонских изображений воинов и охотников, составляет несомненный переход к костюму среднеазиатского кочевника.

Но у нас теперь есть средство подойти еще ближе к той лаборатории, в которой, не выходя еще за пределы высоких плоскогорий, соседних с упомянутыми, совершалась переработка искусства речных культур в типы, свойственные степному звериному стилю. Я разумею находки де-Моргана среди иранского племени талышинцев в Ленкоранском уезде и по соседнему персидскому побережью Гиляни в сопоставлении с замечательным искусством высокогорной провинции Луристана, открытым в самые последние годы и датируемым третьим и вторым тысячелетием до Р.Х. Древнее население Луристана нам известно: это те индоевропейцы-касситы, которые дали Вавилону свою династию, продержавшуюся там в течение более полутысячелетия (576 лет — от 1761 до 1185 гг. до Р.Х.). До завоевания Вавилона касситы жили в своих неприступных горных ущельях: они не порывали с родиной и в вавилонский период — и вернулись туда после своего поражения царем Элама. Ассирийские тексты продолжают упоминать о касситах в Луристане под именем Кашшу, греческие историки считают их "варварскими племенами, известными своею воинскою храбростью", — репутация, которую подтверждает и Страбон, называя касситов "народом грабителей и бандитов" — совсем как иранские их соседи курды. Персидские цари платили им дань, чтобы проехать в летнюю резиденцию Сузу. Александр Македонский с ними воевал, но и до сих пор луры сохранили свою фактическую независимость в пределах Персии. Их приход в Луристан (по Страбону, с Каспийского юго-западного побережья) подтверждается теперь полным тождеством многих форм луристанских бронз с талышинскими находками. Дата их ухода определяется тем, что появившиеся после них в Талыше формы железных копий и стрел со втулками уже остались им неизвестны. Это — третье тысячелетие до Р.Х. В вавилонский период своего возвеличения касситы

№ 37. Параллели зверного стгла II

заимствовали ряд форм из Элама и Месопотамии. Но только в третий период, после возвращения в горы, они развернули свое оригинальное искусство — переделывая заимствованные типы в более грубые, но зато все более самостоятельные типы звериного стиля и варьируя их до бесконечности. В этот период несомненно влияние на них неизвестного, пришедшего с севера народа, вновь поселившегося в Закавказье. Но он только дал толчок к новым художественным выдумкам творческого воображения. Если бы кроме Луристана мы не знали ничего другого и забыли географию, то именно отсюда пришлось бы непосредственно вести начало настоящего степного звериного стиля. Вероятно, на деле не один Луристан был его источником. Но несомненно, что здесь, в условиях полной неприступности для позднейших влияний, не только сохранились древнейшие формы этого стиля, но можно проследить и тот творческий процесс, в результате которого этот стиль сложился. Чтобы дать хотя бы слабое понятие об этом процессе, мы сопоставляем вышеприведенные формы секиры в руках хиттитского бога с тождественной формой Закавказья, с ее дальнейшим развитием в Луристане и с соответствующими формами Ананьина и Алтая (рис. № 39, 1; № 37, 1, 2, 3 и 4)³⁰. Интересна также эволюция типа, упомянутого покровителя стад Гильгамеша. Заимствования из Талыша и Месопотамии при этом отбрасываются, тип варьируется до бесконечности; луристанские художники, по выражению Андре Годара, новейшего исследователя луристанских бронз, "выполняют произведения, реализм и элегантность которых не имеют более ничего общего с искусством передней Азии". Исчезает в конце концов фигура самого Гильгамеша. Остаются бесконечные варианты обращенных друг к другу в геральдической позе голов животных: вот источник их происхождения в зверином стиле³¹. То же и с булавками: из примитивных форм простого стержня с головкой они — после прекращения вавилонского влияния — начинают заканчиваться разными формами зверей,

³⁰ Объяснение к рис. № 37: Параллели звериного стиля II. 1. Секира из закавказских раскопок (ср. хиттитского бога войны, рис. 38); 2. Превращение ее в художественную вещь звериного стиля в Луристане (по Годару); 3. Сибирский вариант: кирка с изображением оленя (Мерхарт); 4. Ананьинский вариант кирки с изображением вепря с клыками (ESA, III); 5 и 8. Головы зверей с раскрытой пастью и тип согнутого зверя (обратная сторона ложки) — поделка из кости, из скифского кургана Биш-Оба, возле Орска; 6. Литейная форма зверя с раскрытой пастью, найденная в могиле литейщика около Ольбии (Тальгрэн); 7. Тот же тип из алтайских находок Радлова, резьба по дереву; 9. Деревянное резное изображение фантастического зверя с изображением голов грифонов на оконечностях рогов, из тех же находок в западной Сибири; 10. Тип приготовившегося к прыжку оленя, из западной Сибири.

³¹ Интересна отдаленная реминисценция типа Гильгамеша, держащего в двух руках зверей, в дегенеративной находке с р. Ишима (см. рис. № 36, 8). Человеческая фигура (руки, ноги, голова) превратилась здесь в геометрические линии, а головы представляют сибирских грифонов.

затем является расширенный тип головки, напоминающий формы Кубани; с другой стороны видим целые квадратные прорезные бляхи, внутри которых помещается звериный узор (прецеденты сибирских блях). Простая сбруя лошадей, занимающая особенно обширное место в могилах коневодов и кавалеристов, дает повод превратить форму "псаллий" в тяжелые прорезные прямоугольные пластинки размером в 15-20 сантиметров, заполненные чаще всего вариантами Гильгамеша. Они предназначаются специально для подкладывания под голову покойника. Нет возможности, конечно, перебрать здесь все иллюстрации, к которым дает повод атлас Годара и коллекция Лувра.

Опираясь на бронзы Луристана как на твердую исходную точку, мы сможем легче понять, каким образом обе отрасли звериного стиля, европейско-скифская и азиатско-сибирская, при всей близости друг к другу, могли сохранить известную самостоятельность. Исследователи, как Мерхарт Ростовцев и др., уже давно пришли к заключению, что тут должен быть общий источник, из которого разными путями пошли европейский и азиатский варианты стиля. Местом нахождения этого общего источника сама по себе должна была оказаться передняя и средняя Азия. Находки в Луристане уточняют этот общий вывод, вводя в объяснение один из недостающих звеньев. Остальные звенья придется искать уже не на кавказско-иранских плоскогорьях, а в примыкающих к ним травяных долинах степи.

Географически этот переход очень близок. Но надо все же помнить, что между тем и другим месторазвитием имеются существенные различия. Кочевое скотоводство плоскогорий, служившее основой существования горцев Закавказья и Загроса, отличалось от широких передвижений кочевников на раздолье степей. В области вертикальных растительных зон население было связано сравнительно ограниченным пространством для пропитания стад во время летней засухи на горных пастбищах, откуда на зиму приходилось ежегодно спускаться в "зимовники" (по тюркски "кышлаки"), очень плохо устроенные, но все же постоянные. Здесь открывалась возможность перехода к первоначальным формам земледелия. Поэтому мы застаем здесь население уже в эту эпоху конца бронзы и начала железа полуоседлым. Этим определяется и ступень социальной дифференциации, уже достигнутая в этих местностях. Те 23 "царя", которых покорил урартский завоеватель Сардур вместе с их "странами" и "дворцами" или замками, все помещались на одном берегу Севанского озера (Гокчи). Это, очевидно, уже не были простые старейшины племен, но не были и властители феодальных "государств". Это было то переходное от родового к государственному быту состояние с примитивной формой властвования, которое мы уже встречали на пути от "крестьянского" быта к "дворцовому". Развалины закавказских замков с "Нур-Баязетом"

во главе, только теперь обратившие на себя внимание исследователей, вероятно, помогут нам восстановить реальные черты той эпохи; но и до сих пор горские нравы, в особенности у курдов (или албанцев), сохраняют быт того времени. Победители брали дань с владельцев этих "дворцов" не только скотом, но и драгоценными металлами и камнями: если первый источник богатства горцев свидетельствовал о скотоводческом быте, то второй напоминает о систематических набегах горцев на более богатые страны, набегах, которые при благоприятных условиях могли превратиться в кампанию очередного государственного объединения.

Совсем другое — чистый быт кочевников в месторазвитии равнинных степей, пограничных с пустынями. О нем мы говорили выше. Тут все принимает более широкие размеры: скотоводство уступает первое место разведению многоголовых конских табунов; земледелие совершенно отсутствует; мужчины живут на конях, а жены и дети — в кибитках. Перевыживания происходят всем табором, племенной быт с родовыми старейшинами сохраняется, но принимает формы обширной военной организации, руководимой удачливым вождем. Разбойничьи набеги превращаются в отдаленные экспедиции, а когда в результате военных успехов "орды" появляются постоянные жилища, то они носят характер не крепостей или городов, а царских ставок, богатых награбленным добром и собирающих около своих шатров пестрое население пришлых ремесленников, искусников и забавников всякого рода. Эта картина мало меняется в течение не только столетий, но и целых тысячелетий. Геродот описывает ее теми же красками, как Аммиан Марцеллин, как Приск, как Плано-Карпини, Рубрук или Марко Поло. При таких крепко сложившихся особенностях быта трудно представить себе, чтобы он мог быть легко усвоен оседлыми или даже полуседлыми обитателями. За единством быта здесь легче всего предположить единство этноса, народа определенного типа — иной раз, может быть, даже расы. Это наблюдение надо постоянно иметь в виду при определении отношений кочевников степи к покоренному ими земледельческому населению.

Оставим теперь на время звериный стиль плоскогорий и займемся выяснением его распространения в чисто-степные культуры. Собственно, круг этого распространения очень точно очерчивается границами соприкосновения степи и пустыни, именно травяной степи, переходящей в ковыльную на юге и граничащей с лесостепью на севере (ср. карты №№ 9, 11 и 35). Но мы выберем другой материальный признак, придающий степной культуре еще большее единство — может быть, отчасти и этническое: форму погребений. Мы имеем в виду одну из этих форм среди многих — и выделяем ее по несомненной связи ее именно с кочевническим бытом. Речь идет о погребениях в

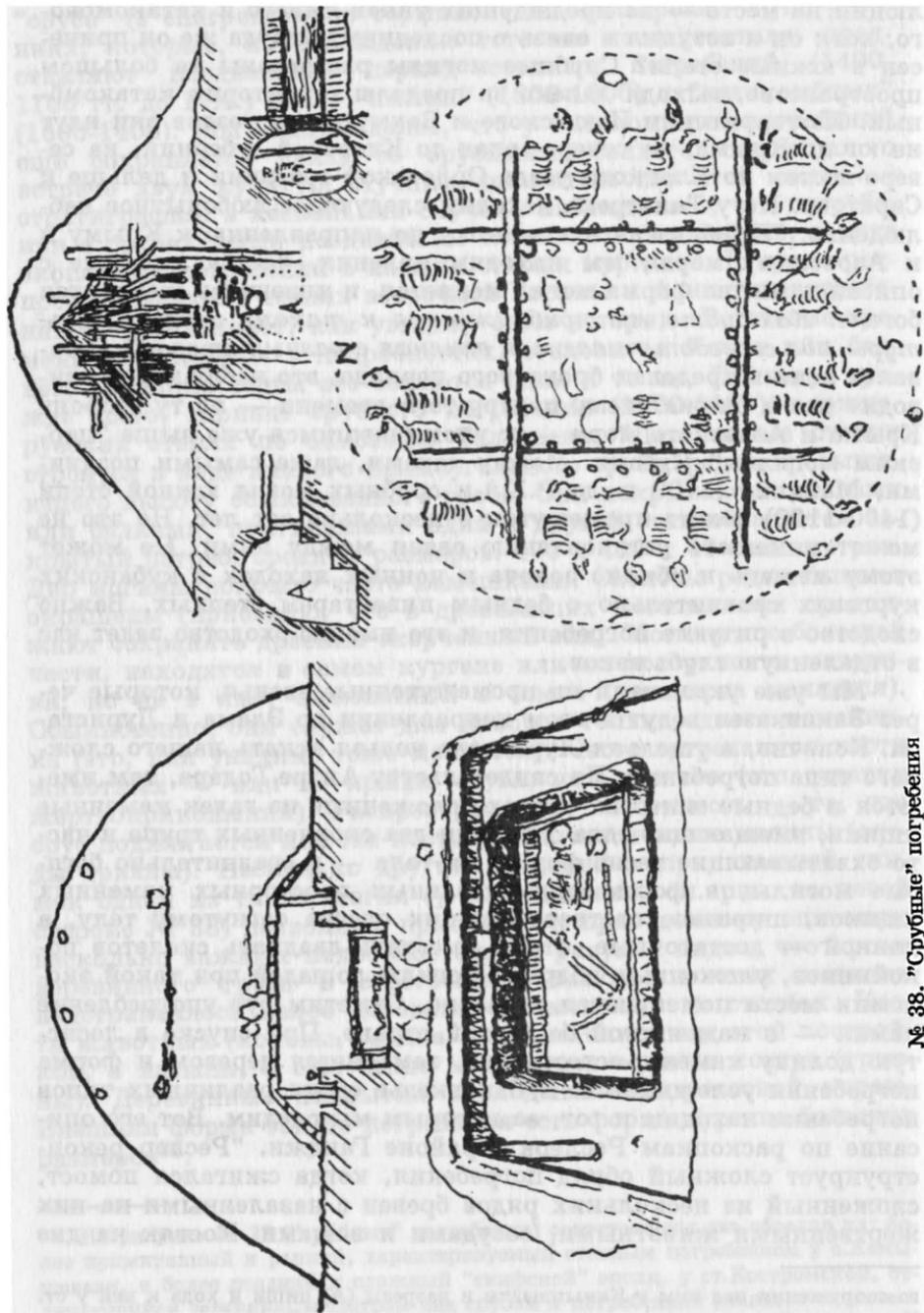
"срубe" (à charpente), по терминологии Тальгрена, — погребения, которые, по наблюдению того же исследователя, представляют позднейший период степных погребений (1400-1100 гг. до Р.Х.) после "ямных" (1800-1600) и "катакомбных" (1600-1400). Мы увидим далее, что у катакомбных погребений еще сохраняется связь со срубными, свидетельствующая о встрече двух культур. Лучшее доказательство этой связи — стратиграфия: в нескольких случаях наблюдалось, что погребения в срубах легли позднейшим слоем на катакомбные, в виде вкопанных погребений в насыпи старых курганов. Широко распространенный в степях восточной Европы и Азии тип погребений в срубах имеет, как увидим, свою историю. В течение времени он меняется в подробностях, становится богаче или беднее; но общие черты его остаются одни и те же. Приведу, прежде всего, вариант срубного погребения (1400-1100) в южнорусских степях по описанию Тальгрена. "Деревянные стенки строятся в виде низкого прямоугольного сруба, редко превышающего высоту обыкновенного гроба. Они покрываются досками или балками, пригнанными одна к другой; так образуется закрытый погреб, средних размеров: 170 x 120 x 45 сантиметров. Дно могилы покрыто часто камешками. Скелеты редко бывают окрашены (прибавлю, что в древнейших могилах они продолжают сохранять древний скорченный вид). Могила, по большей части, находится в самом кургане или на поверхности материка, но не в яме, выкопанной в земле (эта черта меняется). Обыкновенно, они служат для похорон только одного покойника (это, как увидим, тоже меняется). Часто встречаются кости животных — или на крыше сруба, или вне его (это остатки жертвоприношений). Распространенная особенность — та, что сруб поджигается или же костер зажигается возле могилы (следы тризны). Несколько других описаний и прилагаемый снимок одной из таких могил (у Камышевахи, см. рис. на левой стороне № 38) позволяют прибавить к приведенному описанию несколько важных подробностей. Из рисунка видно, что кроме деревянного гроба в собственном смысле, в этих могилах надстраивалось целое деревянное помещение на столбах. Кости животных (коровы, барана) располагались над этой постройкой, в насыпи, а еще выше замечались остатки костра (тризны). Деревянные покрытия обкладывались древесной корою. Внешняя форма такого погребения есть форма кургана больших размеров³².

³² На рисунке № 38 ("срубные" погребения) сопоставлены два образца их: более примитивный и ранний, характеризующий степным погребением у с. Камышевахи, и более поздний и сложный "скифской" эпохи, у ст. Костромской, отличающийся деревянным шатром над срубом и погребением главного скелета в нише ("катакомбе"), причем кругом сруба расположены целые гекатомбы людей и лошадей. Рисунок дает разрезы курганов, перспективу гроба и деревянно-

Никто не думает, что этот тип погребения есть продукт эволюции на месте — из предыдущих типов ямного и катакомбного, хотя он и вступил в связь с последним. Откуда же он принесен в южные степи? Срубные могилы разбросаны на большом пространстве, выходя далеко за пределы территории катакомбных. Из территории Изюмского и Бахмутского уездов они идут на юг до Крыма, на северо-запад до Киевской губернии, на северо-восток до Елецкого уезда Орловской губернии и дальше к Саратову. Но у Тальгрена находим следующее любопытное наблюдение. *"Приближаясь к востоку по направлению к Крыму и к Азовскому морю, мы находим явления, частью сходные с описанными, но форма могил меняется, и инвентарь становится богаче. Как-будто мы приближаемся к такому центру культуры, где сосредотачиваются влияния с разных сторон"*. Оставаясь пока в пределах бронзового периода, это наблюдение приводит нас к ближайшему центру того времени — по ту сторону Крыма и Азовского моря — к упоминавшимся уже выше "царским могилам" Кубани. Между датами, даже самыми поздними, Майкопа (1700 г. до Р.Х.) и срубных могил южной степи (1400-1100) лежит промежуток в несколько сот лет. Но это не может помешать установлению связи между ними. Не может этому мешать и обилие золота и ценных находок в кубанских курганах сравнительно с бедным инвентарем степных. Важно сходство в ритуале погребения, и это именно сходство ведет нас в отдаленную глубь веков.

Мы уже указывали на промежуточные звенья, которые через Закавказье ведут в этом направлении до Элама и Луристана. Конечно, в ущельях Луристана нельзя искать нашего сложного типа погребения. По свидетельству Андре Годара, там имеются и бедные могилы — плохо сложенные из галек каменные ящики, вмещающие едва один или два скорченного трупа и часто охватывающие тесно формы их тела — и сравнительно богатые могилы, в форме прямоугольных просторных каменных ящиков, шириною соответствующих слегка согнутому телу, а длиной — достаточные, чтобы вместить двадцать скелетов покойников, уложенных подряд. Могилы лошадей при такой экономии места помещаются отдельно. Отметим тут употребление камня — в каменной безлесной стране. При спуске в лесистую долину камень, естественно, заменяется деревом и форма погребения усложняется. В Закавказье среди различных типов погребения находим и тот, за которым мы следим. Вот его описание по раскопкам Реслера в районе Ганджи. "Реслер реконструирует сложный обряд погребения, когда сжигался помост, сложенный из нескольких рядов бревен с наваленными на них жертвенными животными, сосудами и вещами. Костяк на дне

го сооружения над ним у Камышевахи и разрезы (А) ниши и хода к ней у ст. Костромской.

№ 38. "Срубные" погребения

грунтовой ямы оказывался заваленным грудой обуглившегося дерева, костей, обломками керамики и сплавившимися бронзовыми предметами. Вариант такого погребения выступает особенно отчетливо в кургане "Паша-Тапа" у с. Болчалы. Ряды бревен здесь были расположены в три яруса на уступах глубокой могильной ямы, причем на верхних двух располагались положенные животные и предметы, а на нижнем сам покойник. Все это сооружение было сожжено и забросано потом землей с камнями".

Но следы нашего типа погребения идут не только в отмеченном здесь направлении. Они ведут также вслед за степями, в Азию, классическую область кочевничества. Отметим сразу же, что этот другой путь следует полосе степи на северо-восток, обходя нижнее течение Волги с примыкающей к ней с востока абсолютной пустыней. Мы уже упоминали, что по розыскам П. Рыкова в области Нижнего Поволжья ("Хвалынской культуры") срубная культура доходит туда около 1300-1100 гг. до Р.Х., что сопровождается, по его мнению, и сменой местного населения. Оставим пока в стороне его предположение, что эта культура (вместе с населением) спустилась сюда с северо-востока из своей родины в Сибири. Отметим лишь особенности, характеризующие переходный характер, которые она принимает на данной территории. Чаще срубов здесь встречаются деревянные (иногда из хвороста) покрытия могилы. Ориентировка покойника, которая в южной степи колеблется, склоняясь от ВЗ к С и СВ, здесь становится преобладающей в этом последнем направлении, а в дальнейшей стадии окончательно фиксируется на север. Окраска скелета исчезает, скорченность уменьшается; но жертвы покойнику в виде кострищ с костями челюстей и ножных частей коров и овец, изредка лошади, сохраняются. В позднейшей стадии появляется трупосожжение. Исследования того же Рыкова сопровождают нас и дальше: за Волгу, по Еруслану и Большому Караману к повороту течения Урала с западного направления на южное. Рыков правильно отмечает, что здесь по верхнему Уралу лежит наиболее естественный путь с запада на восток и обратно, между предгорьями южного Урала с севера и Чижинскими разливами с юга. Есть, правда, другой, более северный доисторический путь между ледником и водной трансгрессией — там, где Урал всего ниже, перевал почти незаметен и верховья притоков Камы и Оби близко подходят друг к другу; но к нему мы еще вернемся. Здесь, следя за нашей формой погребения в верховьях р. Урала, мы отметим структуру двойного кургана № 3 и 4 у с. Фриденберга. В № 4 вырыта уступами яма, на дне которой на березовых досках лежит на спине мужской скелет; над ним настил, опирающийся на плечики могилы. В № 3 под досками скелет женщины на спине. Выше (обоих) помост из колотых плах. Над помостом скелет лошади с седлом на хребте и с стремянами. Погребение относит-

ся к более позднему времени, которое Рыков определяет "скифо-сарматским"; но известная нам традиция, как видим, и здесь сохраняется.

Поднимаясь выше по р. Уралу к г. Орску, мы встречаемся с раскопками М. П. Грязнова — курганов, обложенных сверху камнями, около которых обыкновенно располагаются несколько плоских могил, отмеченных снаружи правильными кольцами из камней. Эти последние могилы, по-видимому, представляют более упрощенные дешевые погребения той же эпохи. Деревянный сруб здесь состоит из немногих звеньев, покрытых накатом, и непременно обложен с внешней стороны камнями — очевидный переход от каменных ящиков к срубам. Напротив, курганы представляют более сложный тип, неточно описанный Грязновым. Если соединить погребения в насыпи, которые он считает "впускными" с главным, то и получается искомый нами тип. А именно: под насыпью выкопана яма в материке; в ней два скелета, обложенные деревянным срубом с каменной обкладкой. Выше в насыпи — костяк с костями барана около плеча; недалеко от него, в другом "впускном" погребении, еще один скелет головой на запад на спине с одной стороны обгоревший, так как возле были "положены дрова, зажжены и тотчас же завалены камнем и землей".

Ворота верхнего Урала выводят нас на просторы степей и пустынь средней Азии — той части громадного материка, где контрасты жары и мороза доходят до крайних пределов, где реки, не доходя до океанов, пересыхая, теряются в подвижных песках или сохраняют остатки вод во внутренних соленых озерах. Вся эта территория представляла бы сплошное мертвое дно высохшего моря третичной эпохи, если бы не горы, окаймляющие пустыни с юга в западной части (Иранское плоскогорье, Гиндукуш, Памир, Тянь-Шань с Алатау) и окружающие их кольцом, которое отделяет Монголию от Тибета и Китая — в восточной части пустынного пояса (Алтай и Яблоновый хребет с севера, Куэнь-Лунь, Алтын-Даг, Нань-Шань — с юга и поперечный хребет Хингана — с востока, см. любую физическую карту Азии). Горы оживляют ландшафт и, поднимаясь от степных предгорий до вечных снегов, вносят по закону вертикальных зон то разнообразие культур (интенсивных, зерновых, травяных, лесных), которое мы видели в Туркестане. В этих горных продольных долинах и развиваются древнейшие земледельческие культуры срединной Азии — на почве арийской колонизации; а соседство этих долин со степью и пустыней подвергает их вечной опасности хищнических набегов и прочного завоевания со стороны обитателей пустынь, номадов. В этой борьбе побежденными политически и антропогеографически оказываются земледельцы; их плодородные почвы постепенно засыпаются песками наступающей пустыни. Верховным законом этого наступления пустыни является вековой процесс высыхания вод

центральной Азии. Этим процессом объясняется и потребность кочевников искать все новых и новых пастбищ на западе, необходимость для них организовать для переселения и борьбы за новые места в большие орды и налагать свое ярмо на оседлое население, которое они постепенно ассимилируют, сажают на коней и заставляют сопровождать их в далекие походы. Начало этого процесса кроется в доисторическом прошлом, конца нет еще и в наше время. То, что называют "желтой опасностью", имеет свое происхождение в этих климатических, зоо- и антропогеографических условиях жизни степно-пустынного месторазвития. Культуры, здесь создавшиеся, не выходят за пределы предназначенной для них закономерности — и потому не имеют будущего. Вот почему все вековые культуры Азии, оказавшиеся способными достигнуть большой высоты, лежат за пределами этого центрального пояса: это — Персия, Индия, Китай, а в последние века — полоса русской колонизации Сибири.

Возвращаясь от этого общего очерка к интересующей нас территории³³, мы, естественно, должны будем искать древнейшего контакта земледельческих культур с кочевыми на стыке предгорий и горных долин со степями и пустынями юга или на территории постепенного перехода тех же пустынь и степей в плодородные, хорошо орошаемые равнины севера.

Первую картину мы найдем, передвигаясь на юго-восток от Урала — в теперешний Казакстан и Туркестан; вторую картину представит переход из Киргизского края на северо-восток — в область притоков Оби. В первом направлении — на юго-восток — в обозримый нами период времени могли передвигаться только кочевые набеги или военные и ученые экспедиции: здесь ожидал путников труднейший переход через пески, усеянные костями людей и животных, как описывал еще в XIII веке свое путешествие через страну "кангитов" Плано-Карпини. Быть может, за пределами истории дело стояло иначе. Пока вода в озере Иссык-Куль стояла на 60 и более метров выше теперешнего уровня, река Чу, прорываясь через узкую Боамскую теснину, могла доносить свои воды до нижнего течения Сыр- и Аму-Дарьи и увлекать их за собой в Каспийское море. Тогда вся теперешняя сухая почва могла орошаться каналами и вмещать в себя более или менее многочисленное население. В это время за одно или два тысячелетия до Р.Х. тут могли найти временное помещение арийцы, двинувшиеся сюда через уральские ворота. Но когда уровень Иссык-Куля опустился, река Чу обмелела и потерялась в песках, недалеко от Сыр-Дарьи, а воды Сыра и Аму остановились и составили Аральское море, арийцам по закону высыхания почвы пришлось сняться с мест и идти на юг. Зенд-Авеста и гимны Ригведы, по предположению одного рус-

³³ Для дальнейшего я отсылаю читателя к "карте евразийских переселений" № 35, в той ее части, которая касается Азии, и к карте Туркестана № 12.

ского писателя, сохранили живую память об этом трагическом перевороте³⁴.

В исторический период мы очень далеки от этого благополучия. Обе монархии — Дария и Александра Великого не могли перейти грани, за которой и теперь кончаются плодородные долины Зарявшана и верховьев Аму- и Сыр-Дарьи. Попытка Александра погнаться дальше за саками в пустыни по ту сторону Сыр-Дарьи — кончилась гибелью всего его отряда — быть может, где нибудь в теперешней Голодной степи. Надо предположить, что и задолго до них, то есть до V и IV веков до Р.Х., культура проникала в горные долины, где и до сих пор сохранились следы иранского населения, не с севера, а с юга, следуя полукругу гор, окаймляющих туркестанскую пустыню.

Таким образом, мы находим в непреложных условиях оседлого месторазвития связующее звено между древнейшими культурами Туркестана и Иранского плоскогорья. Линия, прослеженная нами от Кавказа до Индии, дает свое ответвление через Луристан и Мидию к северу. Здесь и звериный стиль должен был получить, на службе кочевникам, свое окончательное оформление. Где и когда именно, сказать трудно, ввиду почти полного отсутствия археологических изысканий на рассматриваемой территории. Вероятно, это случилось в более позднее время, чем то, к которому относится хиттитская, халдская и касситская культуры. Посредниками, следуя полукругу гор, могли явиться парфяне при арсакидах (250 г. до Р.Х.—226 г. по Р.Х.), Бактрия при селевкидах, с ее легендами о борьбе с туранцами, или, наконец, крайняя на север Согдиана. Все эти территории сплошь были населены арийцами, далеко распространившимися на восток, в пределы горных долин. Тут находим и тохарцев, чей язык был открыт в письменах, засыпанных песком пустыни, и предков сартов, согдийцев, дошедших в своей культуре до употребления алфавита. К сожалению, кроме клада золотых вещей на Оксусе (Аму-Дарье), мы не имеем археологи-

³⁴ Я разумею здесь очень слабую в научном отношении книгу А.П. Чайковского: "Родина арийской расы, где она была и отчего покинута", Москва, 1914 г. Своего тезиса об арийской "прародине" автор, конечно, не доказывает; но его указания на связь "геологического" переворота в долине Иссык-Куля с высыханием речной системы Туркестана и на соответствие современных географических терминов с географией Авесты и Ригведы очень правдоподобны. Боамскую расселину он сопоставляет с "Бумией" Авесты и Ригведы, для Сыр- и Аму- находит соответствия в "Сира" и "Ямуна" ведийских гимнов и даже отыскивает "высокий берег Dargja" в старом высохшем русле Джан-Дарьи, где, по преданию Авесты, Зороастр беседовал с Ахурамаздой. Авеста и Ригведа, несомненно, сохранили память о бывлом полноводье прежнего местожительства, об искусственном орошении его каналами и об "обильных жатвах" — щедром даре реки, которая, по гимну Ригведы, "спускается с холмов, чтобы течь до самого моря". Я не касаюсь многочисленных неправдоподобных толкований и выводов Чайковского.

ческих остатков этой связи. Некоторое влияние упадочного греческого искусства на развитие стиля мы должны предположить в период кратковременного существования грекобактрийского государства.

Но где же "туранцы", кочевники? Мы знакомы с результатом их захвата только что перечисленных местностей Туркестана: он выразился в разных пропорциях смещения тюркского типа с древнейшим иранским. На юго-западе и в горных долинах, как мы видели, преобладают — у таджиков, сартов, туркмен — иранский тип; на северо-востоке, среди кочевников — тюркский. Чему соответствуют эти составные элементы в древности? Сведения греческих писателей кончаются, как и пределы завоеваний Александра, там, где начинается степь. За ее пределами мы можем получить сведения, притом сравнительно поздние — только из китайских летописей. Так же, как в истории Ирана, набеги соседних кочевников-варваров вплетаются в легендарную историю Китая с незапамятных времен, которые китайцы считают тысячелетиями. Из этих кочевников очень рано на западной границе начинают упоминаться вероятные предки гуннов, "хунну", которые постепенно усиливаются и овладевают всей Монголией и Ордосом, тогда как Китай распадается на мелкие феодальные владения. Не раньше объединения Китая под властью династии Хан (206 г. до Р.Х.) китайцы обратили внимание на западные территории. Хунны в это время разбили и отогнали к Каспийскому морю племя Юэчи, и китайские политики решили искать у побежденных союза против общих врагов. Контраст между дикими кочевниками и цивилизованным Китаем очень ярко изображается в это время в одной речи, которую китайский историк³⁵ влагает в уста китайского посла, передавшего на сторону хунну и подавшего им добрые советы против Китая. Вот его сопоставление обеих стран (170 г. до Р.Х.). "Численность хунну не может сравниться с населенностью одной китайской области; но они сильны потому, что имеют свое особое одеяние и пищу. Хунны питаются мясом скота, пьют его молоко, одеваются его кожами, а скот питается травой и пьет воду; смотря по временам, они переходят с места на место; в скудное время они упражняются в конном стрельбании из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся. Напротив, китайский народ упражняется в земледелии и шелководстве, чтобы снискивать одеяние и пищу; строит города, чтобы обезопасить себя. При неурожае он не имеет времени заниматься воинскими упражнениями, а при урожае заботится о своем достоянии. Законы хунну легки и удобоисполнимы. Государь просто обращается с чинами и управляет целым государ-

³⁵ Историк старшего дома Хань, Бань-гу, умер в 92 г. по Р.Х. История закончена его зятем. Ян Шы-гу (в половине VII в. по Р.Х.) написал на нее комментарии, приводимые в соответственных местах Иакинфом.

ством, как одним человеком. Напротив, в Китае излишество церемониальных обрядов производит взаимное неудовольствие между высшими и низшими; при множестве общественных работ истощаются силы народа. Хунны по смерти отца и братьев берут за себя их жен, чтобы род не пресекался, хотя бы и ценой кровосмешения. В Китае постановлено обратное: родственники даже переменяют родовые названия и столь удаляются друг от друга, что нередко друг друга убивают. Отсюда — междоусобия. К чему же служит образованность?"

Таковы невыгоды культуры и преимущества варварства в изложении китайского предателя. Это сопоставление объясняет, почему китайская дипломатия решила противопоставить варварам подобных им варваров и послала для этой цели разведчика Чжан-Кяня в западные края. Посланный дважды попадал в плен к хунну, прожил несколько лет среди народов Туркестана и вернулся через 13 лет, потеряв почти все свое военное снаряжение, но снабженный ценными сведениями о населении по соседних им стран. Как и следует предвидеть, он резко различает между населением мирным и немирным, кочевниками — "такими же, как хунну", — и земледельцами, более близкими к китайской культуре. Мы заранее готовы к тому, что границу между теми и другими он проведет там же, где мы ее видели столетиями раньше: между горами и степью. Разберемся в его сведениях³⁶.

Культурной оказалась прежде всего страна Давань, ставшая центром разведок Чжан-Кяня. Давань — плодородная долина Ферганы в верховьях Аму-Дарьи (в теперешней Узбекской республике). Тогдашняя столица Гуйшень соответствует Коканду. "Даваньцы ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рожь и пшеницу, есть у них виноградное вино, до 70 больших и малых городов, население простирается до 100.000". В таком же положении оказалась соседняя привольная долина Зарявшана — древняя Согдиана со столицей Самаркандом. Китаец знает эту область под названием Дахя: "там ведут оседлую жизнь, имеют города и дома, в обыкновениях сходны с даваньцами, не имеют верховного главы, почти каждый город поставляет своего правителя. Войска их слабы, робки в сражениях, разбиты юэчи. Жители (очевидно, сарты — древние согдийцы) искусны в торговле, торгуют с Индией". Следуя далее линии гор, — на другом конце горной дуги, в Аньси (Парфия; так называли китайцы парфянскую династию арсакидов), посланный нашел не только культурную страну, но и "великое государ-

³⁶ На почвенной карте Туркестана, граница эта вырисовывается очень наглядно (карта № 12). Города отмечены буквами: в долине Или, на юге от озера Балхаш, Ал(ма-ата) — прежний Верный, Дж(аркент). В долине Ферганы: Ко(канд), Фе(ргана), Ди(лижан). В долине Зарявшана: Бу(хара), Са(марканд). В долине Аму-Дарьи: Ча(рджуй), Дю(шамбе).

ство" с множеством городов и со "сплошным населением". Важно указание Чжан-Кяня, что на всем пространстве "от Давани на запад до государства Аньси хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга": то есть мы имеем здесь сплошное иранское население. Посланный указывает и на бросившиеся ему в глаза антропологические признаки этого населения: "впалые глаза и густые бороды". Указал он и на то, что парфяне ведут большую внешнюю торговлю — "даже за несколько тысяч ли". Скоро они явятся посредниками на вновь налаженном "шелковом" пути в Китай.

Ни Фергана, ни Согдиана, ни Парфия войти в союз с Китаем против хунну не пожелали: все это — страны с оседлым населением. Другое дело — кочевники. Большую часть Юэчи посланный нашел на западе от Ферганы, в низовьях Аму-Дарьи, с средоточием на территории позднейшего Хивинского ханства. "Следуя за скотом, они перекочевывали с места на место" и "в обыкновениях сходствовали с хунну". На север от Юэчи кочевали кангюйцы, на северо-запад до Каспия — Яньцай, зависевшие от Кангюя и позднее "переименованные в Аланья" (то есть аланы). Однако Юэчи тоже не захотели помогать китайцам против хунну: "обитая в привольной стране, редко подверженной неприятельским набегам, их владетель расположился вести мирную жизнь, а по отдаленности от дома Хань вовсе не думал об отмщении хунну". Иначе отнеслись к предложению союза подлинные кочевники, обитавшие в широкой долине Или, непосредственно связанной с Кульджей (Восточный Туркестан), где сильно чувствовался пульс азиатских пустынь, обладаемых хунну. Там Чжан-Кянь нашел "кочевое владение Усунь, коего жители переходят со скотом с места на место, смотря по приволью в траве и воде, и в обыкновениях сходствуют с хунну; они отважны в сражениях. В их владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4.000 до 5.000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству. Прежде усунь были под зависимостью хунну, но впоследствии, усилившись, подчинили себе многие другие владения. Они собрали своих вассалов и отказались ездить в орду хунну". Это были, следовательно, подходящие союзники, и Чжан-Кянь даже попытался уговорить их переселиться поближе к Китаю, чтобы "отсесть правую руку у хунну". Полного согласия он, однако, и тут не получил; скоро китайцы убедились, что "усуньцы держатся двух сторон", почему и "трудно вступать в договор с ними". Посланную владетелю, в знак дружбы, китайскую царевну вождь усуней сделал второй своей женой, а старшей супругой объявил дочь владетеля хунну. Оставленная в пренебрежении престарелым супругом, китайская царевна затосковала и выразила свое горе в следующих стихах: "Выдали меня родственники за дальнюю сторону, отдали в чужое царство за усуньского царя. Живет он

в круглой хижине, обтянутой войлоком, питается мясом, пьет молоко. Как вспомню об отчизне, сердце занает. Хотела бы диким гусем быть, чтобы вернуться на родину". Так и не состоялось тесного союза между государством избалованной культурной обстановкой принцессы и властителем, живущим суровой жизнью кочевника.

Территория этих номадов, не затронутых оседлой культурой, расположена на крайнем северо-востоке Туркестана — между предгорьями Илийской долины и озером Балхаш. Она составляет уже переход к Казакстану — киргизскому краю. Чжан-Кянь отметил, что и природа здесь иная: "земли ровные и травянистые, страна слишком дождливая и холодная (конечно, сравнительно с его привычным климатом). На горах много хвойного леса". Это — теперешняя Семиреченская область, где кочует Большая киргизская орда. На север от Аральского моря и озера Балхаш, после полосы песчаной пустыни, пресекающей постоянные сношения, начинается, действительно, за водоразделом между средне-азиатским и сибирским бассейнами, полоса ковыльных и типчаковых степей на каштановых почвах, а за нею полоса шоколадного чернозема, где протекают притоки Оби. Путь на север и северо-восток отсюда также открыт и легок по сплошной равнине, как он затруднен пустынями и горами Туркестана — между севером и югом, западом и востоком. И естественно, что здесь мы вступаем в иную полосу месторазвития и антропогеографии. Единство территории и населения Казакстана с областью узуней на юг от Балхаша иллюстрируется уже тем, что и в настоящее время одна и та же народность киргизов-казаков живет в этих местах в одинаковых условиях кочевья: Большая орда на юге, Средняя и Малая на западе и на севере.

Киргиз-казаки (кайсаки), конечно, здесь недавние пришельцы. Гораздо раньше они становятся нам известны в своем местожительстве в верховьях Енисея, под китайским названием "хакасы". Китайский историк династии Тхан (618-907) описывает их как обитателей лесной, холодной страны, где "даже большие реки наполовину замерзают", и как народ полуседлый: с одной стороны, они "сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень"; "богатые землепашцы" владеют стадами коров и овец в несколько тысяч голов; с другой стороны, их властитель живет в войлочной палатке, а другие начальники — в малых палатках; конники вооружены луком и стрелами, питаются мясом и кобыльим молоком. Может быть, эта двойственность быта и очевидное социальное расслоение на "богатых" и "низших" связаны со смешанным этническим составом древнейших "хакасов". Выяснение его ставит перед нами очень интересную проблему. По характеристике китайского историка X века по Р.Х., "жители, вообще говоря, рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и с голубыми глазами", тогда как

обладатели "карих глаз" почитались знатью — потомками Ли-Лин, китайского полководца, а "черные волосы считались нехорошим признаком" — очевидно, людей низшего происхождения. Такую смесь историк объясняет тем, что "жители перемешались с динлинами". Именно белокурые и голубоглазые динлины и должны считаться древнейшими обитателями этой местности. Но судя по тем же китайским источникам, динлины тоже не автохтонны. Когда-то они обитали в Чжилийской и Каньсийской провинции Китая и лишь к концу V века до Р.Х. переселились в Манчжурию, к Байкалу и в Алтайско-Саянский горный район. Это, несомненно, европейская раса — но только в смысле тех "европидов", которые переселились в Сибирь в эпоху Ориньяка, затем прошли обратным порядком северную Россию до Прибалтики и положили в неолите начало "северной расе". Это, очевидно, еще не индоевропейцы — не члены семьи языков, сложившейся в средней Европе на смешанной антропологической основе, и, в частности, не иранцы, пришедшие в переднюю Азию (горные долины Туркестана) через Закавказье и Мидию или через Уральские ворота в доисторическую эпоху полноводья Дарьинской речной системы (см. карту № 35). "Европиды" типа динлин (если они тождественны с ди-ли китайских летописей) уже в конце IV века по Р.Х. смешались с тюрками (название, которое, правда, становится известно только с VI столетия по Р.Х.) и начали говорить языком, "сходным с хуннуским, но с небольшой разницей". Вместе с этим переменился, по-видимому, и их образ жизни. По крайней мере китайский летописец X века по Р.Х. изображает образ жизни своих "хакасов" уже по обычному трафарету кочевников. "У них не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину. По природе грубы и свирепы; хлеба не имеют, вина не делают. Имеют много лошадей и рогатого скота, питаются мясом и кобыльим кумысом; одеваются кожами. Переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде". Ездят на "высоких колесах со множеством спиц". При свадьбе и похоронах имеют место конные упражнения. Покойник ставится в выкопанную могилу с натянутым луком в руках, опоясанный мечом, с копьём под мышкой, "как будто живой". Но могилу не засыпают, а "для принесения благодарности духам закалывают множество разного скота и сжигают кости его". Мы видим тут появление вновь основных черт знакомого нам погребального обряда. В летописи дома Дулга (монгольское название "туки", то есть тюрков) 535-715 гг. по Р.Х. находим дополнительные черты похоронного обряда тюркских кочевников: после обильных жертв лошадьми и овцами любимую лошадь и вещи покойника сжигают и "в определенное время года зарывают в могилу"; "в здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений; по числу убитых им врагов ставят камни на могиле;

число таких камней простирается до ста и даже до тысячи". Орхонские надписи (то же VIII столетие по Р.Х.) сообщают нам название этих каменных фигур покойников: *балбал*. Бартольд совершенно правильно сопоставляет это слово с русским названием каменных "баб". Все эти черты, свойственные кочевникам, уже не касаются динлинов, сохранивших свою белокость среди так наз. енисейских остояков. Естественно, что Абульгази в XVII столетии уже делает такой вывод из описанного процесса: настоящих киргизов (то есть старых енисейских) осталось теперь очень мало, но это имя присваивают теперь себе монголы и другие, переселившиеся на их прежнюю землю.

С этими сведениями мы можем вернуться к народу усунь, обитавшему между Балхашем и предгорьями Илийской долины, наверное, раньше II столетия до Р.Х., когда их нашел там китайский посланник Чжан-Кянь. Усуньцы разделяют с динлинами и первоначальными киргизами-хакасами европидные антропологические черты: они, по сообщению комментатора истории дома Хань, Шы-гу, "обликом весьма отличны от других иностранцев Западного края". И он делает интересное пояснение: "ныне (то есть в VII ст. по Р.Х.) тюрки с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть их потомки". Итак, некоторые из тюрков сохранили антропологические особенности — или иранцев (мы уже знаем это относительно иранских тюрков Туркестана), или европидов Сибири. К какой же категории отнести узуней: к иранцам, подобно остальному древнему населению туркестанских горных долин, или к европидам, то есть родичам хакасов? Решить это нелегко. Китайский историк сообщает об этническом составе страны узуней следующее. "Первоначально, — пишет он, — эта страна принадлежала народу Сэ", то есть тем сакам-кочевникам, которых не мог одолеть Александр Македонский. Их обыкновенно считают иранцами. Но еще до узуней саского владетеля выгнали "Большие Юэчи", разбитые в их прежнем местожительстве хунну, — откочевав затем, как мы видели, дальше на запад, в Согдиану. После ухода Юэчи, "усуньский владетель остался на его землях: посему-то между усуньцами находятся отрасли племен саского и юэчического", очевидно, оставшиеся на месте. В итоге территория узуней оказывается занятой — смешанным населением, в большинстве "сходным в обычаях с соседними хунну", то есть кочевым (120.000 кибиток, 630.000 душ). В VII в. по Р.Х. в этой смеси только некоторые тюркизированные "потомки" узуней сохранили голубые глаза и рыжие волосы своих древних узуньских предков. Но еще в первом веке до Р.Х. узуней резко отличались от "других иностранцев западного края", то есть они еще сохранили в чистом виде свои европидские черты, хотя в своем быте уже вполне усвоили черты кочевников. Очевидно, в промежутке между V в. до Р.Х. и V-VII вв. по Р.Х. узуней разделили судьбу европидских динлинов-ха-

касов: они передали свое имя завоевателям-тюркам и постепенно распустились в их среде, лишь отчасти передав им свой антропологический тип. Несколько раньше, как увидим, то же самое произошло со скифами — с той только разницей, что тут, наоборот, скифы-завоеватели — передали свое имя туземцам, распутившись в их среде и не передав им своего антропологического типа. Можно сразу указать и причину этой разницы: в Азии кочевники степи взяли верх над оседлыми земледельцами, какими, вероятно, были первоначальные узунь; в восточной Европе, напротив, оседлое население ассимилировало себе кочевников. Напомню, что, в свою очередь, разница эта опирается на различие месторазвитий: в южно-русских степях осадки составляют от 500 до 400 миллиметров, черноземные почвы степи сливаются с лесостепными, умеренный климат не достигает всей резкости континентального, тогда как в Туркестане осадки колеблются между 300 и менее ста, степные почвы переходят в почвы пустыни, оставляя черноземы в предгорьях, а теплый климат переходит в жаркий, оставляя умеренные температуры для тех же предгорий. В этом — все различие между Европой и Азией.

Возможность племенного сближения первичных узуней с первичными хакасами ставит перед нами дальнейший вопрос — о древнейших связях населения Илийской долины с населением верхнего Енисея. О географической возможности этих связей мы уже говорили. Именно Илийская долина представляет наилучшую из этих возможностей, открывая через верховье Или путь на Кульджу, в Джунгарию, а через р.Аягуз, втекающую в Балхаш с противоположной, восточной стороны, на верховья Енисея³⁷. Есть и другие пути — через верхние притоки Иртыша, Бухтарму, или приток Оби Чулышман, в обход Алтая с севера; но я останавливаюсь, прежде всего, на отмеченном пути, потому что именно он ведет на территорию древних хакасов и также потому, что по нему нас сопровождает древнейший из гидов: каменные бабы и другие остатки древностей. Покойный писатель С.Р.Минцлов, последний посетивший Урянхай с научной целью и обнаруживший тонкую наблюдательность, сообщает нам чрезвычайно важные сведения об этом пути. Согласно его выводам, совершенно не имевшим в виду моих наблюдений, "главное тяготение этой страны (Урянхая) было направлено не к Китаю, а западнее его, в сторону восточного Туркестана". "Пустынный и дикий ныне, Урянхай служил великим путем с далекого юга на север в Сибирь". Что касается населения, вы-

³⁷ В обход хребта Тарбогатая, перевалом через Кокбекты в долину озера Зайсан и по втекающему в озеро Черному Иртышу и его продолжению р. Кран — в Кобдо; отсюда двумя перевалами (Богосук и Шапшал-Даба), обходя хребет Танчу-Ола, к верховьям р. Кемчик, впадающей в Енисей в Урянхайском крае (см. карту № 35).

вод Минцлова следующий: "урянхайский край пережил несколько смен народов: длинноголовые культурные первонаследники его были вытеснены потом круглоголовым племенем за Саяны в Минусинский край и, может быть, в сторону Туркестана. Пришлецы, в свою очередь, были вытеснены из него, и нынешние обитатели его сойоты или Туба — лишь недавние гости в крае, ушедшие с родной реки под давлением сибирских казаков". "Длинноголовые" — это, конечно, наши европиды. Они были оттеснены частью на север (енисейские остяки), частью на юго-запад, в Туркестан (узуни?), но частью остались на месте и смешались с завоевателями. Если эти завоеватели были короткоголовые, то речь может идти только о монголах, — и тогда это первое вытеснение должно относиться к очень давнему времени — до передвижений хунну-тюрков. Новые пришельцы, вытеснившие в свою очередь короткоголовых, должны были быть тюрками, и тогда это — то самое передвижение хунну — II-I столетий до Р.Х., о котором шла выше речь со слов китайских историков.

Хронология различных стадий заселения Урянхайского края основывается у Минцлова на совершенно бесспорном факте. Древнейшие археологические памятники — бронзового периода — расположены на самой верхней террасе — единственной, которая возвышалась над уровнем воды в реках того времени. Запомним форму курганов, которые находятся на этой террасе: это невысокие круглые насыпи, меньше сажени в высоту, обведенные по подошве кольцом из круглых камней; в них погребены длинноголовые рослые скелеты головами на юг — в скорченном положении, иногда по двое, лицом друг к другу; у черепов медные вещи — наконечники стрел, кинжалы. Над скелетами — деревянные срубы, покрытые плахами с неснятой корой. Это очевидно, динлины эпохи энеолита или бронзы; форма их погребения нам известна из других мест. Позднее, по спаде вод, открылась вторая терраса, сажени на две ниже; на ней помещаются совсем другие могилы — кочевников железного периода. Их скелеты — менее высокого роста; черепа их "круглоголовые, с выдавшимися скулами, зачастую почти с полным отсутствием лба, скошенного назад, и с резко выпуклыми надбровными дугами". Находки в этих курганах, "исключительно железные, указывают на крайнюю бедность и дикость кочевавшего здесь племени". На этих же вторичных террасах — и исключительно на них — Минцлов встречал каменные изваяния; отношение их к курганам он оставляет под сомнением и одну из них, воспроизведенную мною на рис. № 39, 10 признает принадлежащей тюркскому типу. Независимость каменных баб от могил подтверждается и другими путешественниками по этим местам, как Потанин, Чайковский. Большая часть найденных на месте баб расположена по направлению дорог и отмеченных выше горных перевалов: сюда относятся и со-

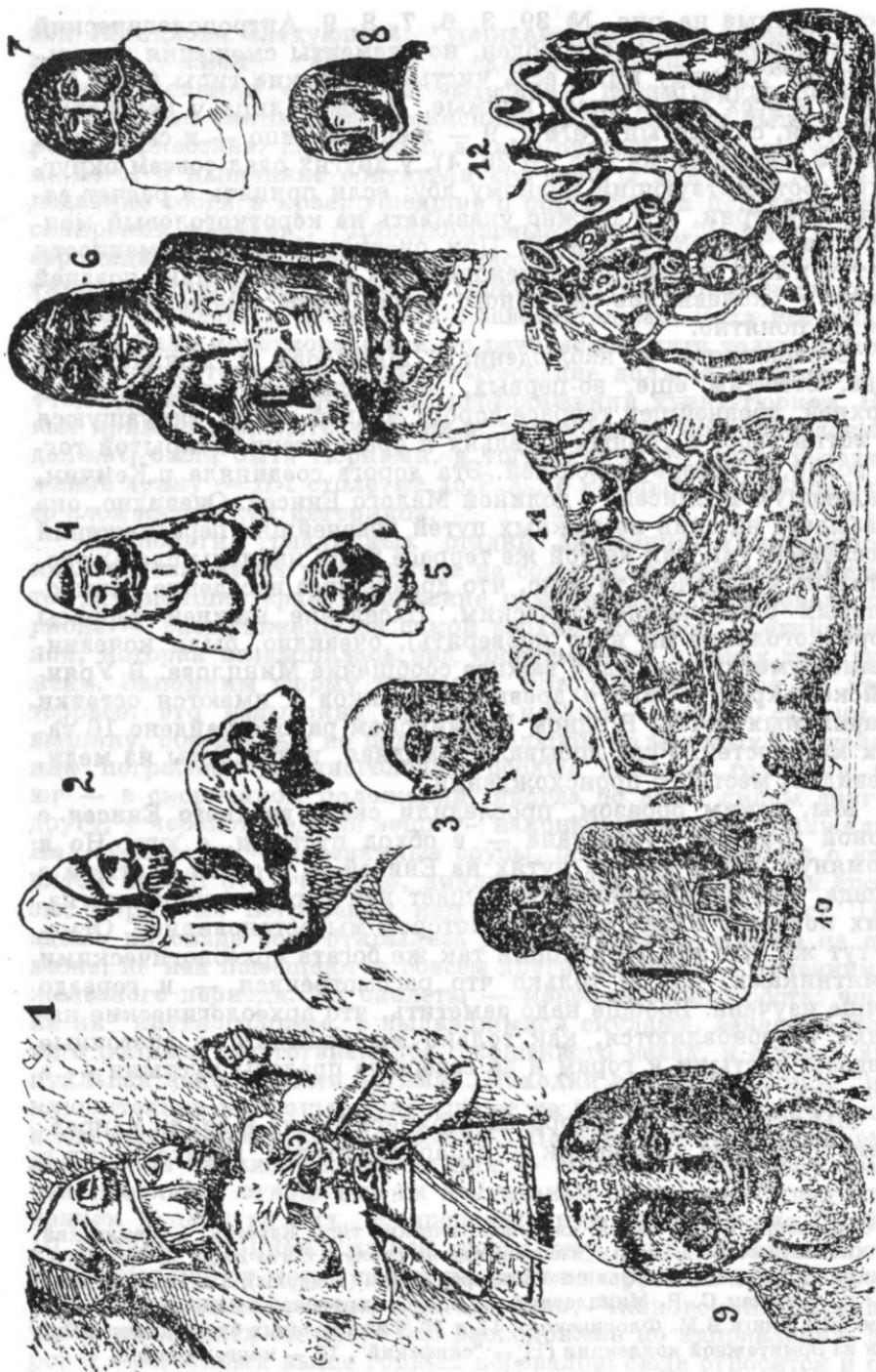
поставленные на рис. № 39, 3, 6, 7, 8, 9. Антропологический тип каменных баб неоднороден, но элементы смешения довольно ясны³⁸. Между ними есть чистые тюркские типы (№№ 6 и 10), и у всех нос и глаза прямые. Но овал лица у некоторых широкий, скуластый (№№ 7, 9 — женское лицо — и снимок из той же местности на рис. № 26, 4), у других овал совсем округлый, соответствующий низкому лбу; если принять в расчет закон симметрии, это должно указывать на короткоголовый монгольский тип (№№ 3 и 8). При очевидной одновременности статуй и при общей принадлежности их к сравнительно поздней эпохе — кочевников железного века, такое смешение типов вполне понятно.

Возвращаясь к наблюдениям Минцлова в Урянхайском крае, отметим еще, во-первых, великолепно построенную на верхней, древнейшей террасе дорогу медной эпохи, тянувшуюся на сотни верст в горных ущельях и среди степи, покрытой тогда водой, а теперь высохшей. Эта дорога соединяла р.Кемчик, впадающую в Енисей, с долиной Малого Енисея. Очевидно, она указывает на один из важных путей древнейших передвижений населения. Так как на той же террасе были найдены следы оросительных каналов, то ясно, что древнейшее население длинноголовых было земледельческим. Население нижней террасы (короткоголовие их надо проверить), очевидно, были кочевниками. Отметим еще одно важное сообщение Минцлова. В Урянхайском крае — много древних рудников и имеются остатки плавильных печей. В одном Кемчикском районе найдено 16 таких местностей. Руда добывалась медная, и предметы из меди, очевидно, местного происхождения.

Мы, таким образом, проследили связь верхнего Енисея с горной долиной Туркестана — в обход пустыни, с юга. Но я упомянул уже о других путях на Енисей — в обход пустыни с запада. Это направление возвращает нас к территории киргизских кочевьев Казакстана, на которой мы остановились. Отмечу тут же, что эта территория так же богата археологическими памятниками, как и только что рассмотренная — и гораздо лучше изучена. Вообще надо заметить, что археологические находки возобновляются, как только мы выходим за восточные пределы пустыни к горам и за северные пределы пустыни — в степь (см. карту № 35).

Мы остановились в воротах верхнего Урала и взяли направление оттуда на юго-восток — в царство степей, переходящих в

³⁸ Объяснение к рис. № 39: антропологические типы Евразии. 1. Семитский тип хиттитского бога войны: изображение на скале в Богаз-Кюе; 2, 4, 5. Египетские изображения скифов по Флиндерсу Петри (Memphis); 3 и 10. Каменные бабы по снимкам С. Р. Минцлова; 6, 7, 8, 9. Семиреченские каменные бабы по снимкам в книге В.М. Флоринского; 11 и 12. Типы золотых блях западной Сибири из Эрмитажной коллекции (11 — "скифский", 12 — монгольский).

№ 39. Антропологические типы Бразилии

пустыни. Вернемся к исходному пункту, чтобы обойти пустыню степью, переходящую в лесостепь бассейна Оби. Первое, что мы тут находим, — это новое доказательство древнего единства степной культуры от Урала до верхнего Енисея. Об этом единстве свидетельствует обширная территория погребений так наз. "андроновской" культуры. Восточный ее предел отмечен С.А.Теплоуховым в раскопках Минусинского края. На западный указал Грязнов в упомянутых выше раскопках на левых притоках р. Урал, ниже Орска. Главные признаки погребений андроновского типа: почти расплывшаяся насыпь, огражденная кольцом камней; в неглубокой могиле — один или два костяка в скорченном положении на боку, головой на запад или юго-запад. Они ограждены, смотря по доступному на месте материалу, каменными плитами или четырьмя бревнами — удешевленная символика ящика или сруба. Находки, очень бедные, принадлежат бронзовой эпохе; наиболее характерна "баночная" форма керамики, украшенной довольно сложным геометрическим орнаментом. В западной группе погребений — по Уралу, Ишиму, Тоболу, сосуды эти несколько отличаются от восточной группы — по верховьям Иртыша, Оби, Енисея. Кроме керамики андроновскую культуру характеризуют особенные формы топоров, кельтов, кинжалов. Такое единство андроновской культурной области заставляет предполагать и этническое единство населения. Измерение черепов Грязнова М.Н. Комаровым прибавляет к длинноголовию другие признаки: широкое лицо и широкий нос. Рост костяков — несколько выше среднего. Повидимому, мы опять имеем дело с северными длинноголовыми. Судя по бедности и по общему характеру культуры — это население оседлое, слабо дифференцированное в социальном отношении (ср. рис. № 41: тип "скифа").

Чтобы найти здесь следы иной, кочевой культуры, нас интересующей, надо обратиться к большим курганам, размеры которых делали невозможным их раскопки для частных лиц; поэтому нам приходится довольствоваться работами, произведенными еще в 1860-х гг. академиком В.В.Радловым. Подобно Минцлову, Радлов резко различает погребения медного и бронзового периода от могил древнейшего железного века. По его словам, "все могилы в долинах Енисея и в Алтае, а также многие из могильных холмов в Киргизской степи, у Кулунды и в Барабинской степи принадлежат к медному или бронзовому периоду. Это по преимуществу небольших размеров погребения в каменных ящиках, покрытых плитами и только иногда деревом. Костяки — частью на спине, частью в скорченном положении. Материал для постройки этих "каменных" могил имелся под руками, так как они расположены по большей части "на более возвышенных пунктах, где грунт каменистый и не подвержен наводнению" (ср. замечания Минцлова о верхней террасе). Радлов обращает внимание на то, что звериный стиль в на-

ходках этого периода еще склоняется к реализму изображений. "Всякие ненатуральные искривления, всякие фантастические изгибы или изображения мифических чудовищ (а в этом состоят особенности звериного стиля в его полном развитии. П.М.) — чужды орнаментике того времени". Медь и золото, служившие материалом, по наблюдению Радлова, находились и здесь в Алтае и Саянах, в Киргизской степи и Кузнецком Алатау, в таком изобилии, "что добытым металлом народ этот производил еще обширную торговлю". Обломки меди, сохранившиеся повсеместно от выплавки, скелеты рудокопов с полными мешками руды в обвалившихся копях, медные орудия, найденные в глубине золотоносного песка, — все это твердо обосновывает вывод Радлова. Население, остатки которого еще в XVII столетии носило прозвище "кузнецов" (Енисейские остяки, Котты, Арины, Ассане) — и которое говорит своим особым языком — Радлов считает оседлым: он ссылается на многочисленные остатки оросительных каналов, на редкость находок конской сбруи, на преимущественные изображения пеших людей на рисунках на скалах.

Совсем другую картину представляют археологические остатки населения железного периода. Это уже — бесспорные кочевники, могилы которых ("насыпные, из полевых камней", в отличие от "каменных") эпохи бронзы Радлов раскапывал в верховьях Иртыша, Катуня и Енисея (Уйменская степь, Бухтарма, восточная Киргизская степь, Барабинская степь, окрестности Барнаула, Кулунда). Тут мы опять встречаемся с типом погребений, нам уже хорошо знакомым. Это — больших размеров могилы, окруженные иногда маленькими, той же эпохи, и содержавшие в себе богатое погребение вождя. Общие черты этих погребений, к сожалению недостаточно тщательно исследованных, характерны соединением примитивности с роскошью. Главное погребение, одиночное или двойное, обыкновенно находится на значительной глубине ниже уровня почвы: на груди скелета часто положены спинные позвонки барана — остатки жертвы. Яма покрыта сложной деревянной конструкцией из толстых балок, положенных в два ряда — вдоль и поперек, и прикрытых березовой корой. Под или над крышей остатки цветного роскошного платья из дорогого (горностаи и соболь) меха и шелка, иногда хорошо сохранившиеся (во льду). Среди больших каменных глыб, насыпанных на крышу, — следы жертвоприношений, лошадиные и человеческие кости. В более роскошных погребениях этого типа скелеты лошадей положены отдельно, причем в могиле Верельской степи в верховьях Бухтармы (на перевале) число принесенных в жертву лошадей доходило до 16, по четыре в ряд; первые два ряда были "покрыты густым слоем украшений, вырезанных из березовой коры и дерева и по большей части обложенных золотыми пластинками". В другой части этой же могилы, глубже уровня лошадиных

скелетов, найден выдолбленный ствол дерева в полтора аршина ширины, на четырех углах которого "приделаны были вылитые из меди птицы — с каждой стороны по одной птице с поднятыми и по одной с опущенными крыльями" (прототип балдахина?). На полтора аршина ниже этой крыши лежал остов лошади, а под ним, еще ниже, остатки (главного?) скелета, возле которого лежали остатки медных и золотых пластинок (очевидно, нашитых на покрывало). Следует отметить, что Радлов нигде не встретил в могилах этого типа следов сожжения — остатков тризны вместе со срубом, и только в могилах "новейшего железного периода в Абакане" встретил сожжение "известных частей жертвенного животного". Отсюда следует заключить, что тип кочевнических могил данной местности древнее типа с сожжением тризны, не говоря уже о сожжении самого покойника. Что касается звериного стиля могил древней железной эпохи, Радлов описывает его так: "Мы находим почти во всех могилах древнего железного века украшения, вырезанные из кости или дерева. На костяных или деревянных пластинках очень часто вырезаны изображения зверей, которые отличаются от таких же изображений бронзового периода тем, что это не копии с настоящих форм животных, а различные изображения фантастических чудовищ: лошади с птичьими головами, птицы с головами тигров, тигры с хвостами, на конце которых изображены змеиные или птичьи головки, лоси или олени, у которых на рогах находятся птичьи головки, а морды кончаются птичьим клювом". Рядом с животными мотивами Радлов отметил и другую особенность орнамента кочевников железного периода: "арабески и изогнутые линии, заимствованные, очевидно, у растений". Итак, здесь мы присутствуем при полном расцвете звериного стиля. (Ср. сибирские параллели звериного стиля на рис. №№ 36 и 37.)

Резко различая находки железной эпохи от бронзовой, Радлов, однако, принужден признать и существование переходной стадии между ними. Он замечает, что ряд железных форм просто копирует предшествовавшие бронзовые формы. Принятие промежуточного периода влечет за собой и другой вывод: население, принесшее железо, было иного происхождения, нежели жители бронзовой эпохи; оно пришло туда из степей, с юга, а старое население, сохранившее свою бронзовую культуру, передвинулось от него вместе с могилами смешанного типа к северу.

С этими данными и выводами перейдем теперь к крайним на восток оазисам степи, окружающим Красноярск и Минусинск (рис. № 35). Здесь мы имеем очень обстоятельное и вполне научное исследование настоящего археолога Мерхарта, которое оказывается естественным продолжением наблюдений Минцлова и Радлова, вполне подтверждая и закругляя только что приведенные выводы их. С остатками андроновской культуры в

Минусинском крае Мерхарт отказывается считаться, считая их недостаточно изученными. За ними следуют курганы "полного расцвета бронзовой культуры", принимающие здесь форму невысоких холмов, ограниченных прямоугольной оградой с четырьмя более высокими каменными плитами по углам, ориентированными неизменно с запада на восток. Костяки — не больше пяти — лежат в этих могилах в яме ниже грунта; стенки обставлены деревянными балками или каменными плитами и покрыты деревянной крышей, на которую положены тяжелые каменные глыбы. Над такой глыбой уже насыпаны мелкие камни и над всем высится земляная насыпь кургана. Инвентарь — обычный для бронзового периода: ножи, топоры, стрелы, кольца, бусы и т.п. "Звериный стиль в орнаментировке предметов получает немаловажное, но ограниченное в выборе тем применение", то есть носит неразвитый характер.

Переход отсюда к железному периоду вызывает особенно интересные наблюдения Мерхарта. Курганы типа железной эпохи представляют собой "коллективные погребения"; число костяков в них постепенно возрастает до ста, даже до двухсот. Вместе с тем постепенно увеличивается размер кургана, появляется известное нам сожжение деревянного сооружения, которое возводится над могилой в форме покрытия или двускатной или куполообразной крыши. В дальнейшем эти курганы с коллективными погребениями переживают новую стадию эволюции: от сожжения крыши переходят к сожжению главного костяка; параллельно с сожжением костяков другие получают гипсовые или глиняные лицевые маски. Появляются и новые формы звериного стиля, которые, по наблюдениям Мерхарта, не могли развиться на месте, а пришли готовыми из другого источника. Мерхарт ведет их происхождение не из западной Сибири, отделенной от верхнеенисейских оазисов горами и тайгой, а с юго-запада или с юга, то есть или через знакомые нам перевалы из Киргизской степи, или из Урянхайского края. Отсюда пришла вполне развитая культура железного периода; напротив, "коллективные могилы" без масок и без сожжения костяков относятся к самому началу проникновения железа, при полном еще сохранении бронзовой культуры. Подобно Радлову, Мерхарт ищет в этой переходной стадии признаки ухода прежнего населения на север, вниз по Енисею. Доказательством такого передвижения служит для него то, что до Красноярска доходят уже одни коллективные могилы; прямоугольных с угловыми столбами Минусинского края там уже нет. Особенностью работы Мерхарта является попытка определить абсолютную хронологию всего описанного процесса. По его мнению, полная бронзовая культура существовала в Минусинском крае уже в VI веке до Р.Х. В III столетии появляются наряду с ней первые признаки железа в "коллективных могилах" без масок и без сожжения. Переход их в Красноярск относится ко II или к I столетию

до Р.Х., а проникновение с юга железной культуры в полном виде датируется уже III ст. по Р.Х. Все эти, сравнительно поздние даты Мерхарт объясняет окраинным положением Минусинского края и трудностью сообщений его с западной Сибирью, где развивался свой тип звериного стиля; взаимное влияние этих двух вариантов стиля существовало, но оно имело второстепенный характер, тогда как общие им формы объясняются не этим влиянием с запада, а происхождением из одного источника, который надо искать, очевидно, где-то на юге.

Закончив обзор территорий, соприкасающихся с юга и с севера с абсолютной пустыней (горы на юге, степи на севере), мы повсюду нашли некоторые общие черты, которые позволяют нам сделать предварительные выводы из обзора. Эти выводы мы представим в следующих положениях:

1) Нигде абсолютная пустыня не дает возможности независимого существования кочевникам. Повсюду кочующие народности принуждены опираться на оседлых соседей — в предгорьях на юге, в лесостепи на севере. Некоторое исключение составляют, по закону вертикальных зон, возвышенности, находящиеся в пределах самой абсолютной пустыни. Господство кочевников над оседлыми соседями выражается или в форме набегов, или в форме длительного подчинения, или, наконец, в сочетании того или другого способа хищников кормиться за счет оседлой культуры.

2) Мы не встречали в нашем обзоре бесспорных случаев перехода от одного быта к другому — от кочевнического к оседлому или наоборот. Закон месторазвития является, по-видимому, роковым для выбора быта и действует принудительно; раз сложившийся быт не может покинуть месторазвития, в котором он создан.

3) Закон кочевнического быта — неподвижность и неизменяемость в течение длинных промежутков времени. Несмотря на то, что наши наблюдения относились к разным векам, наблюдающим не менее тысячелетия до и по Р.Х., мы всегда заставали кочевой быт на одной и той же ступени развития. Появлением внешних признаков более высокой культуры кочевники обязаны сотрудничеству оседлых соседей.

4) Прочность быта и трудность ассимиляции приводят к тому, что на больших пространствах времени и места кочевники сохраняют черты одной и той же народности. Хотя для периода времени, нами обследованного, еще рано говорить о тюрках, но все этнические признаки в пределах пустыни, очерченной на карте № 35, указывают именно на тюркскую народность как носительницу кочевого быта. Различные названия, меняющиеся с течением времени — отчасти в зависимости от той или другой фамильной группы или династии, добившейся очередного господства, по большей части лишь прикрывают это этническое единство. Однако даже в это древнейшее время нельзя отри-

цать возможности примеси к тюркскому типу — типа других, более восточных кочевников — именно монгольского.

5) Оседлое население, окружающее пустыню, также относится, в большинстве своем, к определенной народности. На севере это — первичная длинноголовая раса "европидов", на юге — дифференцированная от других индоевропейцев народность иранцев. Если первая связана с древнейшей колонизацией Сибири и уводит нас своим происхождением к временам каменного века, то вторая отражает собой процесс расселения иранцев после второй половины третьего тысячелетия — по плоскогорьям Закавказья и Ирана. Граница между иранцами и европидами проходит, по всей вероятности, в Илийской долине. Более молодые засельники, иранцы, являются притом носителями более передовой культуры конца эпохи бронзы и начала железа, и в их среде создаются первые формы звериного стиля, переносимые затем с Иранского плоскогорья на север двумя путями: через Кавказ на юго-восток России — и оттуда вверх по Волге и по Уралу в западную Сибирь — и через Парфию, Бактрию и Согдиану — через перевалы верховьев Аму, Зарявшана и Или — в Тибет, Монголию и на верхний Енисей (см. эти линии передвижений, отмеченные черточками, на карте № 35).

6) Материалом для развития производства в меди, бронзе и золоте являются на всем этом пространстве многочисленные и богатые копи Кавказа, Каменогорска, Алтая, Урянхая и Саян. Горное дело находится в руках оседлого, полужемледельческого населения, которое и обслуживает кочевников.

7) Именно из этих горнозаводческих центров начинает распространяться железо, появление которого совпадает с переходом кочевников к особенно активным передвижениям и завоеваниям. На обследованной нами территории кочевники являются именно носителями новой железной культуры, сменяющей, с большей или меньшей быстротой, бронзовую. Чем отдаленнее от центров, тем этот переход совершается позднее и медленнее; его начало восходит к началу последнего тысячелетия до Р.Х., но даже и первые столетия нашей эры еще не видят его окончания.

8) О разных стадиях этого процесса свидетельствуют перемены в обрядах погребения и формах могил. В ходе этого процесса выделяются из рядовых могил особенно дорогостоящие погребения военных вождей кочевников, сопровождаемые варварскими жертвоприношениями, приближенных слуг и лошадей покойника. Выделяется затем момент погребения от момента тризны, сопровождаемой сожжением деревянного сооружения над покойником. Эти явления сопровождали нас на всем пространстве степей, соседних с пустынями.

9) Сообразно новым потребностям усилившихся и разбогатевших предводителей кочевников меняется и характер звериного стиля, принимающего более сложные, фантастические

формы. Так создается, при сотрудничестве оседлых литейщиков и художников, специфический степной стиль, разносимый кочевниками на всем пространстве их походов и завоеваний.

С этими выводами мы подходим к явлению, которое должно нас особенно интересовать: к роли кочевников в степях южной России, иначе говоря, к так наз. скифскому периоду русской истории.

По скифскому вопросу существует обширная литература, но тем не менее — а отчасти и поэтому — скифский вопрос очень запутан. Не говоря уже о безнадежных усилиях автохтонной школы историков-националистов — найти во что бы то ни стало при помощи фантастических словопроизводств в обитателях Геродотовой Скифии славян, — необходимый для решения археологический материал в значительной степени испорчен безвозвратно дилетантами-любителями раскопок, продолжавших разрушительную работу кладоискателей прежних столетий. Но и специалисты долгое время искали в скифских могилах не столько разрешения загадок местной истории, сколько находок золотых и серебряных произведений лучшей поры греческого искусства. Что касается историков — не-археологов, очень долго они ограничивали свою задачу мучительными комментариями к уцелевшим историческим источникам — прежде всего к Геродоту, ценные сведения которого тонули в бессильных попытках истолковать сообщенные им древние легенды, разместить на существующей карте сбивчивые показания его о топографии и этнографии Скифии и отыскать смысл упоминаемых им собственных имен. Более правильный метод — сочетание археологических находок с историческими данными и с современным лингвистическим, этнографическим и антропологическим материалом начал применяться лишь новейшими исследователями — и уже дал первые блестящие результаты в работах М.И.Ростовцева, Макса Эберта, Всев.Миллера и др. Прежде всего выяснилось, что роскошные могилы вождей могут характеризовать лишь правящие верхи древнего населения; что местные обитатели южнорусской степи населяли ее задолго и независимо от этих завоевателей; что завоевание отразилось различно на местностях, близких к культурному влиянию греческих колоний на Черном море (главным образом двух из них, Ольбии в устьях Днепра и Буга, и Пантикапея на крымской стороне Керченского пролива), и дальше на севере, где степь граничит с лесостепью. Были отмечены и различия между последовательными ступенями скифского господства: постепенное слияние завоевателей с завоеванными на черноморском побережье, под влиянием соседней греческой культуры; в противоположность этому — сравнительная примитивность быта во внутренних странах. Были, наконец, указаны сменяющиеся влияния разных стадий греческого искусства — ионийского, афинского, местного колониального и эллинистического: это дало

возможность установить точную хронологию могил. Намечены и источники восточных влияний, а вместе с тем — и вероятное происхождение звериного стиля.

На почве этих, уже добытых результатов остается лишь уточнить и углубить их — и сделать возможные выводы, приводя в еще более тесную связь разные источники нашего знания о прошлом, чем это делалось до сих пор. Предыдущий обзор показал читателю, что именно я имею здесь в виду. Прежде всего, Скифию — даже древнейшую Скифию — еще менее, чем прежде, следует толковать как единое целое. Разница месторазвитий должна быть проведена строже, чем прежде, — и принята за основу при толковании местных процессов. Вместе с этим внесенный на русскую территорию кочевой быт должен быть резко отделяем от оседлого быта прежних насельников; мы уже видели это резкое различие в показаниях китайцев относительно древней этнографии Туркестана. Затем новые археологические работы дают возможность точнее определить центры восточных влияний и хронологию евразийских передвижений. Вместе с тем уточняются ответы на старые вопросы: *когда и откуда?* Если при этом вопрос о связи с западом, за которой мы следили внимательно в предшествовавших периодах, здесь оставлен несколько в тени, то это лишь для того, чтобы вернуться к нему в связи с дальнейшими процессами. Сейчас наш главный интерес сосредоточивается на процессах, начавшихся и развернувшихся в месторазвитии степи. Нам приходится остановиться на этом более подробно ввиду новейшего учения о преобладающей роли степи в древнейшем периоде русской истории.

Припомним прежде всего несколько сообщений о древней Скифии V века до Р.Х., принадлежащих Геродоту, который, при всех своих неясностях и противоречиях, все же остается главным источником наших письменных сведений об этой стране. Я выбираю лишь такие данные, которые, как кажется, спору не подлежат и являются основными (ср. для дальнейшей карту № 40 распределения скифских курганов по группам)³⁹.

1) "К востоку от этих (ольвиополитских) скифов-земледельцев... обитают скифы-кочевники, ничего не сеющие и не пашущие... на четырнадцать дней пути до реки Герра (IV, 19).

³⁹ Объяснение к карте № 40. В основу ее положено распределение скифских курганов по местным и хронологическим группам согласно исследованиям М.И. Ростовцева. Хронологически мною выделены три группы: до VI в. до Р.Х., VI и V вв. до Р.Х. По местностям выделены и детально показаны на карточках I, II и III группы роменская, киевская и керченская. При этом распределении сами собою выделелись два главные периода скифского нашествия и два разные пути его (см. в тексте). Северный путь показан толстыми чертами и согласован с древнейшими археологическими находками севера, причем точками очерчена территория степной черноземной области, в пределах которой совершались передвижения северных скифов-завоевателей.

По ту сторону реки Герра находится страна, которая называется царской". Здешние местные жители "самые отдаленные из подчиненных скифам народов". Геррами "владеют храбрейшие и многочисленные скифы, которые на остальных скифов смотрят, как на своих рабов" (20). Река Герр⁴⁰ "отделяется от Борисфена (Днепра) в том месте, до которого он известен ("течет с севера, на 40 дней плавания", (53); "судоходен", (73). Она носит то же имя, как и область Герр, разграничивает в дальнейшем течении к морю земли кочевых от царских скифов" (56). Они (то есть "кочевые", — "свободные скифы" (110) простираются на юг до Таврики, на восток до ... Меотидского озера (Азовского моря). Земли к северу от царственных скифов заняты ... народом особым, не скифским" (20). "В Геррах, до которых Борисфен судоходен, находятся гробницы царей" (71). Следует описание скифских похорон.

2) "Скифы не имеют ни городов, ни укреплений, но постоянно передвигают свои жилища вместе с собой ("в повозках живут дети и женщины (121), а лук и стрелы носят при себе верхом на лошади" (46). "Страна и реки этому благоприятствуют, потому что страна совершенно ровная, поросшая травой и хорошо орошенная" (47). В борьбе с наступлением Дария скифы решили "отступать со своими стадами, засыпать попадающиеся в пути колодцы и источники и истреблять ("жечь?") траву" (120). Все повозки с женами и детьми и весь лишний скот, ненужный для пропитания, они отправили "с приказанием двигаться неизменно к северу", а сами отступали на восток (121-122).

3) Обе легенды о происхождении скифов (скифская и греческая) говорят о разделении "обширного царства скифского на три части, из которых одна — царская". Но Геродот "более доверяет" третьему рассказу (204): "скифы, жившие кочевниками в Азии, были потеснены в войне массагетами, (которые "занимают немалую часть необозримой равнины на восток от Каспийского моря", "носят одежду, подобную скифской, и ведут подобный же образ жизни... употребляют медь для наконечников копий, стрел и боевых топоров, а шлемы, пояса, нагрудники украшают золотом. Также лошадям на грудь они накладывают медные панцири, а уздечки, удила и головные украшения делают из золота. Железа и серебра они не употребляют, так как их нет в их стране, а медь и золото имеются в большом изобилии" (204, 215). Перейдя реку Аракс (у Геродота, вероятно, Сыр- или Аму-Дарья), они ушли в киммерийскую землю, потому что страна, населяемая теперь скифами, прежде принадлежала киммерийцам (11). "Несомненно, что киммеряне бежа-

⁴⁰ Здесь начинается путаница Геродотовой гидрографии. Если вообще искать реку, соответствующую Герру, то ее (см. ниже) можно найти только в Суле, в ее верхнем течении.)

№ 40. Распределение скифских курганов

ли от скифов в Азию и поселились на полуострове (Малой Азии), где теперь построен греческий город Синоп... Киммеряне бежали вдоль (Черного) моря, а скифы преследовали их, имея Кавказ справа, пока не вторглись в страну мидян, повернув на пути вовнутрь материка" (очевидно через Дарьял) (12).

Переходя теперь к сопоставлению этих показаний Геродота с данными археологических раскопок (см. карту № 40), мы сразу же должны отметить, что область Кубани, Тамани и Боспора Киммерийского (Керченского пролива), то есть вся территория, находящаяся в сфере культурного влияния Пантикапеи, остается почти совершенно неизвестной Геродоту. Свои сведения о Скифии он черпает от жителей другой милетской колонии, Ольбии, основанной в VII веке, немного ранее Пантикапеи. Отсюда идут наиболее достоверные географические и этнографические сведения Геродота. Поездка из Малой Азии в Ольбию — к устьям Буга и Днепра — была гораздо короче и легче, чем более отдаленное путешествие в Керченский пролив. Быть может, самый выбор Ольбии для путешествия вызван также и тем, что она сохранила демократическое устройство греческого "полиса", тогда как в Пантикапее уже в 438 году водворилась династия Спартока, носившая титул "архонтов" по отношению к городским согражданам, но уже называвшая себя "царями" по отношению к окружающим город "варварам". Геродот не любил "тиранов". Но на Буге и Днестре степь кончалась. Тут жило по преимуществу земледельческое население, частью уже производившее хлеб для экспорта — и в известной части грецизированное. К настоящим кочевникам-скифам оно было в отношении подчинения ("рабы"). Кочевья шли дальше на восток, от порогов Днепра до Дона. Здесь жили "свободные скифы", те, которые сами называли себя не скифами, а "сколотами" (1, 6). Объединяли их политически их "цари", резиденция которых находилась "к северу", за р.Герросом, куда "свободные скифы" отправили своих жен и детей в кибитках, на восток, чтобы держать персидское войско все время в пределах голой, выжженной пустыни и не пускать его к Герросу, месту могил и, очевидно, главной ставке "царских скифов". Собственно как уже заметили комментаторы Геродота, все его сведения о скифах и касаются именно территории скифов-кочевников между Днестром и Доном.

Наложим теперь эти данные на карту распространения курганов скифской эпохи, то есть VI-III вв. Геродоту могли быть известны, конечно, лишь места скопления курганов древнейшей части этой эпохи VI-V вв., ибо его история написана в третьей четверти пятого столетия (450-425). (Эти курганы отмечены на нашей карте крестиками.) Таким образом, под расположенными "к северу" царскими могилами Герросса необходимо разуметь именно скопление могил возле теперешнего города Ромен, в верховьях Сулы (см. подробную карточку). Интересно от-

метить, что поселившиеся здесь "царские" вожди "свободных" кочевников выбрали место для постоянной ставки в стороне от подлинной степи, которая на территории подвижных кочевьев "свободных скифов", "без городов и укреплений", носит преимущественно характер ковыльной степи. А в верховьях Сулы начинается лесостепь, другое месторазвитие, которое (как и места на запад от Днепра) занято было уже до скифов "земледельцами", оседлым населением, "отдаленнейшим из подчиненных скифам народов". Уже Завитневич отметил удобства этой местности "как для жизни, так и для обороны"⁴¹.

Отчасти в подобном же положении, то есть за пределами степной области, среди "пахарей", были и недалекая от Роменской группа курганов — на южной окраине Киевской губернии, по р. Тясмину к ее притокам (см. на карте № 40 отдельную карточку). Ростовцев и другие исследователи недаром отмечают ближайшую связь между этими двумя группами курганов, Полтавской и Киевской. Обе они резко отличаются от южных групп — Кубанской, Таманской и Крымской — архаическим характером звериного стиля и ослаблением влияния греческого искусства. Очевидно, эта линия скифского вторжения совершенно независима от южной, и исходные точки обоих вторжений, северного и южного, должны быть различны. Связывают их только общее происхождение из кочевого быта и звериный стиль передней Азии.

Из этого не следует, однако, чтобы южное вторжение было одновременно с северным. Будучи непосредственно связано с Кавказом и Закавказьем, оно, напротив, должно относиться к более древнему времени. Как мы видели, оно имеет также связь и с "катакомбной" культурой на обширной территории южно-русских степей — от Изюмского и Бахмутского уезда Харьковской губернии до Крыма и Саратова, с несомненным культурным центром на Кубани. Мы уже пытались отыскать источник южно-русских "катакомб" (точнее, боковых ниш) в средиземноморской культуре и указать в то же время на ее связь с предшествовавшей "ямной" культурой охровых могил и с началом "срубной" культуры, охватившей ту же территорию во второй половине второго тысячелетия до Р.Х. Курганы Майкопа, Ца-

41 "Притоки Сулы, протекающие по богатым растительным долинам, покрыты были в старое время дремучими лесами... собственно на северном (правом) берегу, тогда как левая сторона представляет однообразную степь, которая тянется до р. Псла. Всякий кочевой народ, переходя на правый берег, попадал в противоположные условия: обилие воды и пастбищ освобождало от необходимости перемещать место кочевья, а густые леса и высокие обрывистые берега ставили в выгодные условия относительно обороны, на случай нападения врагов... Сула удалена на север от главного пути, по которому шли восточные народы на запад. Кочевник обращался в мирного скотовода, а потом и земледельца". Прибавлю, что в последнем переходе не было надобности, потому что царские скифы Герроса могли пользоваться трудом подвластных им здесь земледельцев.

ревской и Ульской отделены столетиями от "срубной" культуры русских степей — и целым тысячелетием от ее продолжения в древнейших скифских курганах; тем не менее этот ряд явлений представляет одну общую линию, объединенную общим ритуалом погребений и сходным характером похоронного инвентаря. Я не умею иначе объяснить этого единства, как появлением на Кавказе, на Волге и в южной степи какого-то пришлого элемента населения с характером завоевателей и с бытом кочевников. Судя по особенностям похорон, эти пришельцы были немногочисленны и разместились среди прежнего неолитического населения, принеся с собой медь и бронзу, что и доставило им военный перевес над земледельческими массами. Такой же перевес получают их преемники и продолжатели — скифы, принося с собой железо. Отделяя резко кочевой быт от оседлого, я предполагаю в этих завоевателях и культуртрегерах — представителей одной и той же или родственной народности, принесшей кочевую культуру из степей и пустынь, где сложился их быт, и чуждой расселению индоевропейцев, происходившему в ту же эпоху. Все это по отношению к явлениям древнейшей поры остается пока загадочным и недостаточно доказанным. Но однородность явлений и прочность кочевого быта в течение тысячелетий убеждает меня в правдоподобности именно такого объяснения. Одним из доказательств непрерывности культурного процесса является то, что на территории охровых могил скифские погребения часто "впускаются" в старые ямные курганы и сохраняют скорченность скелетов, ориентировку с запада на восток и охровую окраску, впоследствии замененную окраской пола мелом или красной краской. Часто также применение скифами "катакомб", то есть особой ниши для похорон главного скелета. Но несомненно, мы встречаем тут и доказательства дальнейшей эволюции похоронного "срубного" ритуала — соответственно вновь приобретенным богатствам кочевников нового притока. Древнейший инвентарь с украшениями звериного стиля в его примитивной форме является при этом общим достоянием северной и южной группы, что и дало основание для правильного заключения, что эта скифская культура пришла в Россию в готовом виде, сложившись предварительно вне ее, то есть на территории передней Азии. Это само по себе решает и вопрос об общем источнике скифских вторжений. Но дальше идут существенные различия между северной и южной группой, которые показывают, что вторжение произошло двумя отдельными потоками. Южная группа при этом отличается особенной близостью к закавказским ("иранским") источникам культуры, с одной стороны, и к греческим, с другой. Сохраняя варварский характер кочевников, что особенно выражается обилием человеческих жертвоприношений и громадным количеством принесенных в жертву лошадей (число их достигает в некоторых курганах до трехсот), кубанские "скифы" продолжают

сохранять связь с иранским искусством Азии и, по мере близости к Пантикапее, усваивают каменную кладку погребального свода, свойственную Босфору Киммерийскому; они наполняют камеры греческой керамикой и произведениями искусства, уменьшают количество лошадиных жертв и обилие тризны, сохраняя, однако, скифское наступательное вооружение и украшения лошадиной сбруи и задавая греческим мастерам старые скифские сюжеты. Эволюцию их погребального ритуала можно наглядно представить себе, сравнив скромные формы древнейшего срубного погребения (Камышеваха) с похоронами в хорошо раскопанном кургане станицы Костромской (на левой и на правой стороне рис. № 38). Ниша главного скелета, шатровый свод деревянного покрытия, обилие лошадиных и (на заднем плане) человеческих скелетов, просторное размещение всего этого в отдельных частях кургана, с коридором к главной нише, — все это характеризует богатые курганы южной группы.

Иной характер носят курганы северной группы. Прежде всего, тут надо отметить, что они составляют особый ряд, связанный некоторыми общими признаками. В центре ряда расположена упомянутая выше сплошная группа Роменских курганов, древнейшие из которых мы признали остатками царских могил Герроса. На запад к ней примыкает группа курганов юга Киевской губернии. На восток — одиночные курганы Воронежской губ., Поволжья и Урала (см. на карте означенную черточками линию северного пути скифов). Общей чертой этого ряда надо признать свойственную им всем более значительную суровость быта и скудость материальных достатков. Похоронный ритуал остается неизменным в основе, но с особенностями, которые напоминают раскопки Радлова в степях Сибири. Сюда относится деревянное перекрытие из толстых дубовых балок, покрытых досками и глиняным слоем, отдельная тризна на насыпи, с меньшим расходом конских табунов, менее численных на этой северной окраине степи, и с заменой лошадиных жертв жертвами свиней, козлов и баранов. Зато чаще попадает традиционный бронзовый (медный) котел для варки мяса. Главный скелет большей частью хоронится в полном вооружении конного воина, с обычным скифским железным панцирем, обилием стрел при луке, с более дешевым конским убором. Золото сохраняется в наших бляшках, но заменяется серебряными и костяными украшениями. Звериный стиль носит здесь более примитивный и грубый характер, сближаясь с сибирскими типами. На всем указанном пространстве замечается постепенное внедрение, рядом с погребением, также и сожжения, первоначально применяемого только при тризне относительно людей, животных и верхнего деревянного сруба могилы. Ориентация скелета постепенно меняется с западно-восточного направления на северно-южное. Нагляднее вырисовывается, наконец, связь пришельцев-кочевников с прежним оседлым населением, пере-

ходя в Киевской губернии в эпоху Галльштадта и Ла-Тен и приближаясь к последующему периоду плоских могил, а в центре — и особенно в Поволжье и Приуралье — вливаясь в запаздалый здесь период ямных и срубных погребений. Если в Киевской губернии чувствуется преобладание греческого влияния из Ольбии (что соответствует наблюдениям Геродота над эллинизированными борисфенитами-”ольбиополитами”), то на восток более живо чувствуется, как сказано, непосредственная связь с Сибирью. В общем, этот северный ряд не уходит так глубоко в прошлое, как южный, но его происхождение все же сливается с обычной датой вторжения скифов-”сколотов”, то есть с VIII-VII вв. до Р.Х. Если характер этого северного вторжения представляется позднейшим, то это, во-первых, потому, что на границе с лесостепью вообще все явления (в частности, и изменения похоронного ритуала) запаздывают (не по абсолютной, а по относительной хронологии) и, во-вторых, потому, что здесь мы имеем дело с более обособленным и устойчивым бытом, который держится почти без изменений в течение столетий и проходит весь процесс развития на месте, в стороне от посторонних влияний, быстро сменяющихся в степи и в Черноморье.

Для полного доказательства передаваемого Геродотом предания скифов об их приходе из Азии недоставало, однако, промежуточного, связующего звена между нашим северным рядом курганов и ближайшими азиатскими местностями. Это недостающее звено дают недавние раскопки курганов скифского типа в Поволжье и Приуралье, в том числе тщательно распланный Граковый, хотя и не самый древний курган А.12 (возле дер. Блюменфельд Палазовской волости, недалеко от Камышина). Здесь находим главные черты известного нам скифского ритуала погребения, но с особенностями, сближающими его с нашим северным рядом: погребение двух воинов в полном вооружении, отсутствие балдахина и повозки, сожжение тризны с массой остатков лошадей, коров и овец, но при отсутствии отдельных лошадиных погребений; типичные черты архаического звериного стиля с началом последующего развития его в сложные извивы форм, с переходом животных форм в орнамент; наконец, особая близость к сибирским типам при сохранении общего скифского фонда. На нашем рисунке № 37 этот фонд характеризуется развитием одного сюжета — разверстой пасти зверя — от форм ольбийского литейщика, работавшего уже в VI столетии на массовый заказ скифского потребителя (рис. № 6), до сибирской деревянной резной поделки из радловских находок в Алтае (№ 7). В качестве промежуточного звена здесь показаны костяные работы из кургана Биш-Оба, около Орска (№№ 5 и 8).

Имея теперь все звенья северного пути, мы можем спросить себя, родился ли этот стиль в ионийских мастерских греческих колоний, как думает Эберт, или в горах Луристана, или среди

литейщиков Казакстана и Алтая? Луристан и Парфию мы склонны были считать общим исходным пунктом, откуда не зародыши только, но уже развитые типы стиля распространялись по двум направлениям: через Кавказ в южную Россию и через горные долины Туркестана — в Тибет, Монголию, Джунгарию, верхний Енисей и по притокам Оби в западную Сибирь. Конечно, звериный стиль не выработан в русских степях, ибо он пришел туда, по признанию сторонников того и другого пути, северного и южного, в совсем готовом виде, хотя и доступном дальнейшему развитию. Мы проследили теперь оба пути отдельно, северный и южный — и пришли к заключению, что то движение "сколотов", единственное известное Геродоту, которое положило начало скифской эпохе VI-V веков, есть движение с севера. Откуда же именно? В западную Сибирь и тем более в Минусинск звериный стиль пришел слишком поздно, чтобы послужить точкой отправления оттуда. Другое дело — степи, занятые теперь киргизскими ордами, но привлекавшие такое же кочевое население, по китайским данным, уже не позднее II века до Р.Х., по греческим — не позднее VI века, а по антропогеографическим — еще гораздо ранее этого времени. В эпоху, когда массагеты толкнули скифов к походу на запад, звериный стиль был, несомненно, уже вполне выработан в своем северном варианте, сохраненном в Сибири. В его выработках, вероятно, приняли участие литейщики рудных местонахождений Алтая и Каменогорска, — так же как и оседлые иранцы Туркестанских предгорий. Мы не знаем имен этих ближайших сотрудников, не знаем и названий кочевых племен, воспринявших плоды их искусства. Но мы знаем последствия, которые не так далеко отстоят хронологически от этой культурной завязи, чтобы лишить вероятности наши догадки. Неизбежный для нас вывод — тот, что именно в Казакстане мы должны искать центра распространения северного варианта звериного стиля, вместе с разнесшими его в Сибирь и в южно-русские степи народностями. Напомню, что именно здесь, в стране усуней, мы нашли этнографический водораздел между кочевниками киргизских степей и оседлыми иранцами Туркестана. Первые связаны с севером, вторые с югом.

Но вернемся теперь к судьбе южной части Скифии, связанной с греческим Черноморьем. Мы прежде всего должны остановиться здесь на не упоминавшейся до сих пор группе курганов, свидетельствующей о том, что жизнь развивалась тут более быстрым темпом, нежели на севере. Именно наши курганы, обозначенные на карте кружками и относящиеся к периоду от середины IV до середины III столетия, характеризуют серьезную перемену в положении степи сравнительно с временами Геродота. Курганы эти как раз расположены в самой степи, от Перекопа до Днепровских порогов, по обе стороны Днепра, и отмечают собою самую блестящую пору скифского владычества

над степью. Это — пора наибольшего расцвета торговли греческих черноморских колоний — хлебом, скотом, рыбой и рабами из южной степи, пушниной и товарами Дальнего Востока. Особенно Боспор и Пантикапея выигрывают во влиянии после поражения Афин в Пелопоннесской войне, подчиняют себе крымских конкурентов по торговле (Феодосию, Нимфею), заставляют и соседей скиндов признать свою власть. Благосостояние Пантикапеи продолжается при трех преемниках Перисада I (310-252); боспорские мастерские являются главными поставщиками художественных изделий для скифских вождей, приспособляясь к их вкусам. Это и время постройки разбогатевшими вождями самых знаменитых курганов Скифии. Куль-Оба, Чертомлык, Александропольский курган, Солоха и т. д. — все относятся к этой эпохе — и все принадлежат к упомянутой Днепровской группе. Ростовцев отмечает, что на пространстве этого столетия достигается полное единство скифской культуры; другими словами, в организованной для торговли степи устанавливается тесная связь между северным и южным течениями, получается не только культурно, но и географически нечто среднее, общее обоим. Наследники геродотовских "царских скифов" находят теперь возможным спуститься из укрепленной самой природой страны Герроса, от могил предков VI и V веков, в самую глубь степи, где кочуют "свободные скифы", замиренные под их властью. Объединение культуры является, таким образом, плодом установившегося мира. Но мир длится недолго. Уже к концу III столетия значение Боспора падает. Торговля хлебом переходит в руки эллинизированных и иранизированных варваров, мы далеки от времен, когда скифы убивали своих царей за увлечение греческой культурой. Скифы и другие инородцы внедряются в города и составляют торговую аристократию греческих колоний. А в то же время извне оставшиеся кочевниками "свободные скифы" становятся все грознее и опаснее для самого существования благоустроенных городов. В дезорганизованной стране открывается простор для появления (с 200 года до Р.Х.) новых кочевников, близко родственных скифам, но со свежей силой новых варваров. Мифрадат VI Евпатор, считая себя полуйранцем, в качестве родственника Ахеменидов, пробует использовать все отдельные скифские, меотские, сарматские племена, чтобы объединить под своей властью не только мелкие скифские державы Крыма, но и всю Малую Азию для неравной борьбы с Римом, пользуясь римскими смутами 90-71 годов до Р.Х. Но первая же его неудача сопровождалась восстанием против него греческих городов; однако вместо получения независимости, к которой они стремились, им пришлось подчиниться Риму. Это был конец. Греческое население все равно иранизировалось; Ольбия пала под ударами фракийцев, кочевые хищники эксплуатировали сенокос и урожай под самыми стенами Пантикапеи.

Мы теперь обращаемся к вопросу, кто же были эти скифы — не в период своей ассимиляции с местными элементами населения, а в начале их вторжения. Мы разумеем при этом не тот вековой процесс, который происходил на юге степи и в котором трудно отличить — именно вследствие его длительности — господствующую народность в смеси кочевников, иранцев и кавказцев, а то население, о котором говорит Геродот и которое разместилось между двумя границами, отмеченными на нашей карте точками и отделяющими черноземную степь от подзолистых лесостепных областей с севера и от областей каштановых и бурых почв — сухих солонцеватых степей и полупустынь с юга. О народности этих скифов ведется давний ученый спор, еще не закончившийся. Большинство ученых признало иранское происхождение скифов, но Эберт, Миннс, Чайльд, Мищенко, Вс.Миллер вновь выдвинули учение об их тюркизме и даже монголизме, защищавшееся когда-то Нибуром и Нейманом. Антропологи Пайк, Флер следуют тому же взгляду. Надо, конечно, различать, о ком именно идет речь. Геродот говорит (IV, 8), что он не может ответить на вопрос, сколько было скифов: одни говорят, что много, другие, что "подлинных скифов мало". По его же сведениям, и то и другое может быть верно. "Подлинных" скифов — то есть кочевников-завоевателей — было, очевидно, мало. Живописная легенда, по которой Киаксар отделался от двадцативосьмилетнего господства скифов над Мидией тем, что пригласил их всех на пир и перебил до последнего, вероятно, касается только вождей. Но основная идея анекдота верна: скифов-завоевателей не могло быть много. Если, однако же, распространять название "скифов" на все покоренные ими народы, включая и заведомых иранцев, то скифов окажется, конечно, много. Различая последовательно завоевателей-номадов от покоренных ими полуоседлых или совсем оседлых земледельцев, мы не только не должны искать единства национальности (или даже расы) между теми и другими, но, напротив, скорее должны предложить различие. После нашего обзора территории, которую надо считать прежней родиной скифов, мы не можем уйти от заключения, что наши кочевники были смесью тюрков и "европидов", быть может с примесью монгольской крови. Но можно ли найти следы этого происхождения среди населения, носящего название скифов во времена Геродота? Обычные изображения скифов на вазах Куль-Обы, Чертомлыка и Воронежского кургана считаются доказательством иранства скифов: у них, вопреки показанию Геродота, большие бороды и волосы, прямые носы и линия глаз, продолговатое в профиль лицо. Вопреки М.И. Ростовцеву я склонен считать, что этот тип не выдуман и не составляет простого варианта греческого типа сатира, а соответствует реальному облику приморского населения IV-III веков. Но, во-первых, поворот лица не в профиль, а en face, несколько меняет впечатление облика скифов. Я нароч-

но приложил сцену зубной операции с Куль-Обской вазы. Пациент изображен здесь *en trois quarts*, — и ясно видны выдающиеся скулы и широкое лицо (см. рис. № 41). Это впечатление подтверждается египетскими изображениями скифов, собранными Флиндерсом Петри (рис. № 39, 2, 4 и 5). Профиль как будто тот же, что в изображениях курганных ваз, но фас дает впечатление хотя и бородатого, но широкого лица. Некоторые

№ 41. Профиль и фас скифа

лица каменных баб, несомненно портретные, воспроизводят этот же тип, который мы признали "европидами" (рис. № 26, 4). Что же говорит Геродот, описывающий, по-видимому, скифов в собственном смысле — тех, кого "мало"? Вот его описание: "Что касается внешнего вида скифов, — говорит он, — то скифский народ не похож на все другие народы и, подобно египтянам, сходен только сам с собой. Цвет кожи у них рыжий" (спорное слово *руггос*, собственно, значит: огненный, огненно-красный, рыжий). Обыкновенно переводят: желтый, что наводит на мысль о монголизме скифов, но едва ли Геродот имел в виду выразить именно эту черту, как это видно из следующего затем объяснения (хотя бы и считать его неверным): "...рыжий вследствие холода, так как солнце здесь не сильно жжет, а от холода белая кожа становится темнее и рыжее. Их фигуры толсты и мясисты, без отчетливо выступающего расчленения, мягки и без твердости; особенно живот гораздо мягче, чем у других людей. Вследствие толщины и отсутствия бороды они похожи фигурами, мужчины на женщин, женщины на мужчин. У них кривые и широкие ноги — прежде всего пото-

му, что детей не завертывают в пеленки, как в Египте, и также потому, что они не считают этого правильным — ради верховой езды, чтобы сохранять хорошую посадку; а затем и вследствие сидячего образа жизни, ибо дети, пока они не могут еще ездить, большую часть времени сидят в повозках и при постоянных переездах очень мало пользуются ногами". Бесспорно, это — описание *кочевников и завоевателей* по быту и облику. Но и "европиды" ваз не совсем ему чужды.

Слабая расчлененность и меньшая стройность фигуры, короткая шея, руки и ноги — эти черты вообще считаются антропологами особенностью восточно-европейских и азиатских рас. В этом отношении скифы Геродота могут быть противоположены только вообще западно-европейским, и в частности именно высокорослым, расам Европы. Эта характеристика, конечно, еще недостаточна для выделения определенной народности. Можно, пожалуй, сказать, что широколицый бородатый облик каменных баб и египетских скульптур больше всего напоминает примитивный тип веддов и айно, сохранившийся в местах последнего отступления примитивных рас человечества. Если в этом более широком круге "скифов", куда ведет нас характеристика Геродота, видеть следы иранцев, то придется принять, что здесь они уже усвоили черты какого-то евразийского антропологического типа.

Едва ли этот тип подходит для характеристики чисто иранского элемента, который должен был встретиться на изучаемой территории с восточно-европейским. Наличие здесь иранского элемента следует, конечно, считать несомненной — как в результате принятой нами теории распространения индоевропейцев, так и в свете новейших лингвистических исследований. Мы слишком мало знаем о фракийско-киммерийском языке, а кельты не оставили язычных следов своих набегов; но иранский элемент доскифского населения Черноморья, бесспорно, доказан сопоставлением имен греческих припонтийских надписей с языком теперешних осетин — древнейших алан. Из языка осетин проф. Всеволоду Миллеру удалось объяснить смысл длинного ряда собственных имен, сохраненных надписями черноморских греческих колоний. Из 425 варварских имен, собранных В.В.Латышевым, 260 принадлежали городам Ольбии и Танаису (в устье Дона); из сотни ольбийских имен около половины, а из 160 танаисских около двух третей поддаются объяснению из иранского (осетинского) и древнеперсидского. Вопрос только в том, могут ли сами осетины считать себя чистыми иранцами. Мы встретили "аланья" в китайских летописях как кочующих жителей северо-восточных окрестностей Каспийского моря, пришедших, под именем Яньцай, с востока (карта № 35). Если именно они (то есть, вероятно, тюрки) дали имя алан осетинам или, вероятнее, получили его от них, на что намекает выражение китайского источника, что Яньцай были по-

зднее "переименованы" в "аланья", то мы имеем тут случай, когда или кочевники-завоеватели передают свое имя оседлому (иранскому) населению, или, наоборот, сами получают его имя. В результате должно было получиться смешение оседлого элемента с кочевым — такого же рода, как то, память о котором сохранилась в переданной Геродотом легенде о происхождении сарматов из браков между скифскими юношами и женщинами нескифского происхождения, обитавшими в степях за Доном ("амазонками"). Я вовсе не думаю, конечно, утверждать тождества легенды с историческим фактом, но хочу лишь подтвердить преданием возможность тюрко-иранского смешения уже в данный период и в данной географической обстановке. Дальнейшее доказательство, что такое смешение действительно произошло с осетинами, я нахожу в недавно констатированном В.И.Абаевым факте очень значительной близости осетин по языку и быту с тюрками Кавказа (горскими татарами, балкарцами и карачаевцами). Такую степень близости, видимо, нельзя уже объяснить простым позднейшим заимствованием, как предполагали прежние исследователи, Всев.Миллер и М.М.Ковалевский.

Помимо иранских элементов, пришедших с европейского запада, и тюркских, пришедших с азиатского востока, естественно, искать еще одного элемента среди населения Черноморья уже в это отдаленное время. Я говорю об элементе кавказском. Элемент этот, как видно из предыдущих археологических сопоставлений, должен был даже предшествовать по времени не только скифскому вторжению, но, быть может, и появлению индоевропейцев. Сближались же "керкиты" Геродота с черкесами, и отчислялись киммерийцы к группе "яфетидских" народностей. К сожалению, в настоящее время я не решаюсь вступать на эту почву, монополизированную так наз. "яфетидоведением" покойного академика Н.Я.Марра. Выше я использовал некоторые первоначальные выводы этой теории по отношению к доиндоевропейскому населению Средиземноморья в осторожном изложении лейпцигского (ранее петербургского) проф. Ф.Брауна. Но определить отношение Кавказа к древнейшей этнографии Черноморья по теории Марра гораздо труднее, ибо тут, во втором периоде деятельности ленинградского академика, теория эта получила, в его же руках, гораздо более проблематическое применение. Сам Н.Я.Марр говорил о своих позднейших (после 1917-1924 гг.) теориях как о "плоде активного участия в революционном творчестве СССР, углубившего учение до ленинского понимания теории познания, до сталинской четкой формулировки определения национальной культуры". Это было время, когда Н.Я.Марр оказался на несколько лет отрезанным от своих работ на Кавказе, разошелся со своими прежними учениками-грузинами, не успел создать новой школы в Москве, и его "теоретические построения начали перерастать

накопление материалов". Он окончательно порвал в эти годы с "индоевропеистикой" как с "буржуазной" наукой, перешел от "фонетики" к "семантике" (толкованию древнейшего смысла слов в зависимости от "стадиальных" переворотов в производственном и общественном строе) и построил собственную "палеонтологию" звуковой речи. Его производства позднейших племенных названий, как "скиф", "славянин" и т.д., из фактов "палеонтологии" языка, относимых им самим к каменному веку, могли, в его собственном представлении, характеризовать лишь такую отдаленную "стадию", когда "яфетидский" (гипотетический) строй языка не успел еще перейти в индоевропейский — непременно путем внутреннего развития *на месте* — вместе с оставшимся (предположительно) все время на том же месте населением. Ученики второго призыва попытались было упростить эту сложную схему учителя, перенеся его квази-"палеонтологические" толкования в позднейшие стадии истории. Но, по свидетельству биографа Марра, сам этот ученый считал их наивные попытки "искажением палеонтологического метода". Они даже вызвали с его стороны "изгнание нечестивых" из храма науки. Тем менее можем мы принимать их в соображение.

Нам остается теперь коснуться вопроса о распространении влияния культуры скифов за пределами собственного района их господства в южно-русских степях. В течение полутысячелетия этого господства эта территория не могла, конечно, остаться совершенно замкнутой от соседей. Тесную связь скифов со степным населением Азии мы уже видели. Они оттуда вышли разными путями, но сохранили фамильное родство и, судя по сходному развитию позднейших форм стиля, не прекратили даже непосредственного общения. Другое дело — отношение скифов к западу. Тут мы можем еще раз проверить связь месторазвития с бытом. Скифы были первыми пионерами кочевнических набегов на западную Европу. Но при переходе в другое месторазвитие их напор скоро остановился. В новых местах они оставили даже меньше следов, чем последующие набеги родственных им азиатских полчищ. Знаменитая находка в Мекленбурге в Феттерсфельде (золотая рыба с изображением звериной охоты, рыб, ястреба, бараньих голов и дельфина с женской головой) скорее доказывает влияние скифского стиля, чем присутствие скифской народности. В Силезии исследование Яна Мартина обнаружило присутствие скифов только между 500-400 гг. до Р.Х., после чего они исчезают бесследно. Далее на юг кольцо гор останавливает и такие вторжения. По другой, южной стороне карпатского кольца, в равнине нижнего Дуная, надо бы было предположить более сильное влияние скифов через Добруджу. Но его не замечается. В Болгарии влияние скифов поверхностно и кратковременно. И только одна страна с месторазвитием, подобным русским степям, составляет исключение из всех

перечисленных случаев. Это — венгерский "Альфелд", наполняющий восточную большую половину теперешней Венгрии, возвращенной в границы старой господствующей национальности, с 90% тюркского населения. По описанию современного антропогеографа (Ансея), венгерская долина представляется огромной пустыней. "Часами едешь по древней степи, по тем же черноземным полям на лесе. Легкая холмистость; ни одного дерева; от времени до времени огромный колодезь с журавлем возвещает близость фермы; громадные деревни, разбросанные в далеком расстоянии друг от друга, прорезаны единственной большой дорогой". В этой "пусте" "сохранилась примитивная степь; пастухи верхом в огромных фетровых шляпах, задрапированные в широкий толстый шерстяной белый плащ с шитьем, окруженные густыми стадами лошадей и белых длинноногих быков. Более скромные, пастухи бараньих стад закутываются до ног в шкуру, покрытую шерстью..."

Тут — и еще в Седмиградии (в теперешней Румынии) — сосредоточивается наибольшее количество следов скифского пребывания. Скифы пришли сюда с верхних притоков Днестра по верхним притокам Тиссы или по более южному проходу Карпат — на Марош. Прямые продолжатели северного пути — по линии роменских и южно-киевских курганов — они принесли сюда, по наблюдениям Ростовцева, архаические формы стиля, без всяких следов греческого влияния. Но, по-видимому, и они оказались здесь временными посетителями — скорее предшественниками будущего кочевого населения венгерской пусты, чем ее постоянными обитателями.

Замечается, напротив, в тех же местах сильное встречное влияние с запада, сталкивающееся со скифским влиянием с востока. Это — влияние Гальштадта, переходящее позднее в Ла-Тен и ощущаемое по всей ширине перехода от центральной Европы к восточной, от Польши до Кавказа. Мало изученное, оно тем не менее отчетливо чувствуется и в южной России. В орнаменте керамики влияние Гальштадта характеризуется черным линейным узором, геометрически расположенным и переходящим иногда в схематические изображения людей и животных. А.И.Спицын был первым, выставившим предположение о вторжении Гальштадтской культуры на Украину еще до скифов; продолжателями его явились Н.Макаренко и А.Потапов: к спицынской керамике они присоединили бронзовые находки на Немировском городище (Братисл. уезд Подольской губ.), потом в Киевской губ. (Данилевич), около Жаботина (Черкасский уезд), наконец, в Бельске (Полтав. губ.: белая инкрустация по черному). Эти находки они относят к древнейшему времени, после прихода скифов (VIII-VII вв. до Р.Х.). Это соответствовало бы иллирийскому периоду Гальштадта и фракийским передвижениям через Паннонию в придунайскую Болгарию, южную Россию (киммерийцы) и Македонию. Чрезвычайно трудно разо-

браться в этой далеко еще неизученной мешанине передвижений, начало которых должно восходить ко времени расселения индоевропейцев, а конец упирается в нашествия кельтов. Наш частный вопрос — о появлении Гальштадтской культуры — с иллирами или с кельтами — в южной России осложняется еще тем, что Гальштадт был не только дающей стороной, но и получающей. Бронзовые фигурки Гальштадтского могильника есть несомненный импорт, и между ними особенно выдается, в качестве символа влияния кочевников, знаменитый бронзовый котел с фигурами коровы и теленка на месте ручки и на борту, найденный в могиле с сожжением (то есть иллирийской). Прибавлю, что искать в этих передвижениях славянского элемента было бы бесплодно при теперешнем состоянии наших знаний, хотя мы и не могли отрицать присутствия венетов в кельтских войсках в Малой Азии.

Отголоска скифского влияния можно искать еще в ближайшем соседстве, на север от степной южной России. Но здесь снова месторазвитие ставило непроницаемую преграду: мы сразу попадаем в область другой культуры. Мы уже говорили, что, сравнительно с южной, эта культура отличается большой костностью и неподвижностью. Кость и камень как материалы для орудий, охота и рыбная ловля как средства добывания пищи, определяющие быт населения, — таковы известные нам черты, которые между 1000 и 500 гг. до Р.Х. продолжают оставаться неизменными на всем пространстве между Неманом и притоками Оби. Исключение составляет речная сеть Волги, где, на север от Самары, не могли не отразиться те процессы, которые мы наблюдали на юг от Волжской излучины. Здесь не замирали ни торговые сношения с югом, ни связь с западной Сибирью. И как результат развилась, от нижней Камы до Урала, на материале "чуждских" медных копеек и пермских отложений на Каме и Белой, бедная, но своеобразная местная культура бронзы, распространявшая слабое влияние на запад до Финляндии. На этой почве, между 600 и 300 гг. до Р.Х., были усвоены черты и сюжеты звериного скифского стиля. Эта культура получила название Ананьинской. Ее связь именно с северным источником звериного стиля подчеркивается полным отсутствием каких-либо следов греческого влияния. Скифское влияние здесь запаздывает, оно усиливается только к концу господства скифов в степях и скоро сразу обрывается. На несколько сот лет культура снова беднеет, оставаясь в этом состоянии анабиоза вплоть до нашей эры, когда, под влиянием водворившейся на Боспоре власти Римской империи, возникает так наз. Пьяноборская культура, — все еще пользующаяся и пережитками Ананьина. Причина этого перерыва та же, что и в южных степях: перерыв торгового кровообращения и прямых сношений со Скифией. Лишь редкие римские монеты доходят до этого захолустья — по догадке Тальгрена, из парфянского царства. Даль-

ше на север культура еще примитивнее. Несколько упрощенных образчиков дошедшего туда на Печору звериного стиля мы поместили на рис. № 36, 5-7. Влияние западно-сибирского варианта здесь очевидно. Этим определяется и культурный кругозор крайнего русского северо-востока в последние столетия перед нашей эрой. Вздоражили все Приуралье лишь новые толчки из Азии. Но о них мы будем говорить уже в следующей главе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Причина непосредственного перехода в этой книге от "начала культуры" к "происхождению национальностей", минуя предполагаемую эволюцию до-родового человеческого общества, объяснена в предисловии. Руководящие для старой теории сочинения Lewis H. Morgan, *Systems of congnuity and affinity of the human family* в "Smithsonian Contributions to knowledge", XVII (1871) и *Ancient Society New-York* (1871). Образец особенно неудачного применения традиционной схемы представляет вступительная статья Равдоникаса к "Готскому сборнику" (ГАИМК, Известия, т. XII, вып. 1—8), где отрицается самое существование готов, чтобы не мешать применению теории "стадиального" развития на месте, с соответственными "диалектическими" превращениями быта и хозяйства и с изменениями языка. Пример критики Равдоникаса, исходящей от той же школы Марра, см. в книге А.П.Круглова и Г.В.Подгаецкого, *Родовое общество степеней восточной Европы* (ГАИМК, 119, ОГИЗ, 1935). Возражения новейшей этнографии против односторонности Моргана и его последователей см. в интересной работе Robert Lowie, *Traité de Sociologie Primitive*, éd. française revue et complétée par l'auteur (Payot, 1935). Мой взгляд на происхождение национальности и на отношение между национальностью и расой изложен подробнее в моей книге *Национальный вопрос*, Библиотека издательства "Свободная Россия", IV (Берлин, Logos, 1925), есть чешский перевод. Из моих положений исходит Albert Magnata, *Nationalités et Fédéralisme* (Payot, 1933). Критика расизма: Frank H. Hankins, *La race dans la civilisation, Une critique de la doctrine Nordique*. Сжатый и объективный обзор вопроса об отношении расы и национальности (с библиографическим указателем) в книге Friedrich Herz, *Rasse und Kultur* (я пользовался английским переводом: *Race and Civilisation* (London, 1928). Солидная работа Эйкштедта и книги расиста Гюнтера указаны выше. Оригинальную позицию занимает Dr. George Montandon, см. его книгу *La race et les races: mise au point d'éthnologie somatique* (Payot, 1933), многие выводы автора совпадают с нашими. По археологии эпохи неолита и металлов богатейший материал в словаре Эберта, см. указатель в последнем томе. Karl Schuchardt, *Alteuropa, eine Vorgeschichte unseres Erdteils*, 2 Aufl. (1926), остроумная, но ненадежная конструкция. По отдельным странам: Ernest Wahle, *Deutsche Vorzeit* (Leipzig, 1932). Очень обстоятельна и полезна монография: Gordon Childe, *The Danube in Prehistory* (Oxford, 1929). Прекрасные работы дала чешская археологическая школа: Albin Stocky, *Pravěk Zeme Ceske*, Dil I, *Věk Kamenny* (Praha, 1926), есть французский перевод, и его же ряд статей в "Pamatky Archeologicke" *Uneticka Keramika v Cechach*, XXXV (1927), в "Anthropologie", IX, 4 (1931), *Studie o ceskem neolitu*, I и II (1919-20),

Spolecnost c. sl. Prehistoriku, I-II (Praha Praveku, 1925). *The prehistoric population of Bohemia*, "Anthropologie" (Praha, 1929). *Lid unetické kultury*, "Anthropologie", IX (1931) и другие. Joseph Shranil, *Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens*, с введением Obermaier'a, из серии "Grundriss d. slav. Philologie und Kunstgeschichte" (Berl. und Leipz., 1928). Его же *Studie o vzniku kultury bronzové v Cechach* (Praha, 1921). См. также Oswald Menghin, *Einführung in die Urgeschichte Böhmens, und Mährens, Reichenberg* в "Aanstalt für Sudetendeutsche Heimatforschung". Для Польши: Dr. Joseph Kostrzewski, *Wielkopolska w czasach przedhistorycznych*, второе, значительно расширенное издание (Poznan, 1923). Wl. Antoniewicz, *Archeologia Polski* (Warsz., 1928). Leon Kozłowski в "Archiwum Towarzystwa Naukowego we Lwowie", Dział II, hist. filozof., Tom II *Młodsza epoka kamienna w Polsce* и Tom V, *Weczesna, starsza, i środkowa epoka brązu w Polsce w świetle subborealnego optimum klimatycznego i jego wpływu na ruchy etniczne i zaludnienie Polski* (1928). Для археологии России в эпоху эпимиолита и металлов см.: для гребеночной керамики А.Аеугерпää-Еuropeus, *Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland*, I-II, "Acta Archæologica" (Köbenhavn, 1930). Vol. I, fas 2—3. Ailio, *Fragen der russischen Steinzeit* Hels. (1922); *Zeitschr. d. finn. Altertums*, XXIX, I. Относительно Фатьяновской культуры: Tallgren, *Fatjanovokulturen i Centralryssland в Finsk Museum*, XXXI (1924). Его же, *L'âge du cuivre dans la Russie centrale* (Helsinki, 1920) (СМЯ XXXII, 1922). Его же, замечания в "Anzeiger der Finn-ugr. Forschungen", V. XIV (1925), Heft 1—3. О находках на дюнах: Н.В.Сибилев, *Древности Изюмщины*, вып. I. Альбом рисунков (Изюм, 1926), вып. 2. *Археологические разведки в бассейне Донца* (1926) и вып. 3 *Старовинности Изюмщины* (Изюм, 1928). Тут же П.Ефименко, *Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма*, и А.И.Спицын, *Изюмская керамика. Лявданский, Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губ.* "Научные Известия Смоленского Государственного Университета", т. IV, вып. 3 (Смол., 1927). *Материалы по изучению Владимирской губ. под ред. директора музея А.И.Иванова* (Влад., 1928), вып. II. Проф. В.А.Городцов, *Памфиловская палеолитическая стоянка. Ф.Я.Селезнев, Приокские древнейшие поселения* (Владимир, 1928). О Трипольской культуре: первоначальные раскопки Хвойко описаны им в статье *Каменный век среднего Поднепровья*. Дальнейшие раскопки в "Записках отд. русск. и слав. археологии Рус. арх. общ.", т. V, вып. 2 (1904). Раскопки 1901 г. в области Трипольской культуры. Мнение проф. Штерна в "Трудах XIII Арх. Съезда (1907). Доисторическая греческая культура на юге России. Раскопки у с. Колодистого, см. статью Спицына в "Изв. Арх. Комиссии", XII. Гамченко, *Спостереження над даними дослідів Трипільської культури* (1909-1913) в сборнике "Трипільська культура на Україні", вып. I (Клев, 1926). Там же статья Петро Куринний и Вадим Щербаківський *Защита ритуального значения "площадок" против Шухарта, Коссинны и Чайльда*. Hubert Schmidt, *Cucuteni in d. Oberen Moldau, Rumänien* (Berl. u. Leipz, 1932). Ailio, *Zeitschr. für finn. Alterth. Ges. Helsingfors*, XXIX (1932). Ailio, в словаре Эберта, XIII. Для шнуровой керамики: кроме вышеупомянутых чешских работ и статей в словаре Эберта, см. Tadeusz Sullimirski, *Die schnurkeramischen Kulturen und das indoeuropäische Problem*, доклад на седьмом международном съезде историков в Варшаве (1933), в сборнике "La Pologne", vol. I. Ivan Borkovsky, *Snurova Keramika na Ukrajině* в "Obzor Prähistorický", I, (1930-31). Его же, *Problemy*

stredoevropske snurove kultury в "Pam. Arch., Nova Rada", III (1933), его же, доклад на II съезде славистов в Варшаве, см. Kslega referatow, seksya III. A. Аегерпää-Europeus, *Veber die Streitaxtkulturen in Russland* в "Eurasia Sept. Ant." VIII (1923), в приложении критика G. Rosenberg, *Kulturströmungen in Europa zur Steinzeit* (КоренhEgen, 1931), где делаются неправильные выводы из раскопок в Усатове, Одесса, см. стр. 255, Ж. Пуассон. Aaberg, *Die Typologie der nordischen Streitäxte* (Würzburg, 1918). M. Wosinsky, *L'attitude repliée des morts aux temps préhistoriques*, в "Compte-rendu du Congrès scientifique international des catholiques" (Paris, 1891). Aagne Europeus, *Bootaxkultur* в словаре Эберта. W. Bremer, *Kugelamphore*, там же, капитальная работа об "охровых" могилках степи: Tallgren, *La Pontide préscythique après l'introduction des métaux* в "Eur. Sept. Ant." II (Hels., 1926). О "Хвалынской" культуре: Рыков, *К вопросу о культурах бронзовой эпохи в нижнем Поволжье* "Известия Краеведческого Института Изучения Южно-Волжской области", т. II (1927). Его же, *Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.*, предварительный отчет из "Краеведч. и т.д. института" (Саратов, 1926). Его же, *Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga* в ESA, I (1927), P. Rau, *Neue Funde aus Hockergräber des Wolgadeutschen Gebietes*, ESA, IV (1929). О "гекатакомбных" погребениях: Tallgren, *Etudes sur la Caucase du Nord* (раскопки Веселовского 1909 г.) в ESA, I (1929). О индоевропейцах в Малой Азии (я общий обзор вопроса): Gordon Child, *The Arians* (London, 1926). *Die Tocharer*, статья у Эберта. Главные этапы арийского вопроса: I. Schmidt, *Die Verwandtschaftsverhältnisse der Indogermanischen Sprachen* (Weimar, 1872). Schrader, *Sprachvergleichung und Urgeschichte* (Iena, 1888). Pösche, *Die Arier, ein Beitrag zur historischen Anthropologie* (Iena, 1878). Penka, *Origines Ariacae* (Wien, 1883). Isaac Taylor, *L'origine des Ariens et l'homme préhistorique* (trad. fr.) (Paris, 1895). Gluseppe Sergi, *Arii e Italici* (Torino, 1898). Его же, *Gli Arii in Europa e in Asia* (Torino, 1903). E. de Michells, *L'origine degli Indoeuropei* (Torino, 1903). Kossinna, три последовательно менявшиеся теории: *Die indogermanische FrEge archäologisch beantwortet*, *Zeitschr. für Ethnologie* (1902); *Der Ursprung der Urfinnen und der Urindogermanen* (Mannus, 1909-1910); *Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtlicher Zeit* (1926). Hermann Hirt, *Die Indogermanen, Ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur* (Strasburg, 1905). Sigmund Feist, *Kultur, Ausbreitung und Heimat der Indogermanen* (1913). Его же, *Europa im Lichte der Vorgeschichte. Ein Beitrag zur FrEge nach den Ursitzen der Indogermanen* (Berl., 1910). Его же, *Indogermanen und Germanen, 2-te vermehrte Ausg.* (Halle, 1919). Friedr. Braun, *Die Ubevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen e Japhetische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens*, I (Berlin, 1922). Georges Poisson, *Les aryens* (Paris, 1934). Henri Hubert, *Les celtes et l'expansion celtique jusqu'a l'époque de la Tène* (Paris, 1932) и его же (посмертное изд.), *Les celtes depuis l'époque de la Tène et la civilisation celtique* (Paris, 1932), оба тома в серии "L'évolution de l'Humanité", XXXI и XXX-bis. Об унетичкой культуре, выше цитированные работы чешской школы. Seger, *Lausitzische Kultur*; его же, *Aunetitzer Kultur*. Jokl, *Albaner*; все три статьи в словаре Эберта. Реферат Менгина *Über die IllyrerfrEge*, с последующими прениями в "Mitteilungen der Anthropol" (Gesellsch. in Wien, 1916-17). О Гальштадте: *Das volgeschichtliche Hallstadt*, von Dr. A. Mahr (Wien, 1925). По вопросу о происхождении и начале славянства классический

труд принадлежит профессору Любору Нидерле, *Slovanske Starozitnosti, Oddil prvni (historicki)* в четырех частях: I) *Puvod a pocatky naroda slovanskeho*, II) *Slovane jizni* в двух отделах, III) *Slovane zapadni* и IV) *Slovane vychodni* (1902-25). К сожалению, последнюю часть автору пришлось выпустить без окончательной отделки. Доступнее сокращенное французское изложение этого труда: Lubor Niederle, *Manuel de l'Antiquité Slave*. Tome I, *L'histoire*. Tom II, *La civilisation* (Paris, 1923-26). Исторический отдел, цитированный выше. Наконец, имеется новейшее, еще более сокращенное изложение, где сведены последние мнения автора: *Rukovet Slovanske Archeologie* (Praze, 1931), издание Пражского славянского института. О лужицкой колонизации Польши: Leon Kozlovski, *Mary Kultury luzyckej, Kwartalnik Historyczny*, R. XL. И. Антоневич, см. выше. Josef Kostrzewski, *Cmentarzysko z wezesnego srodkowego okresu latenskigo w Golecinie*, в пов. "Poznanskim wschodnim" (Poznan, 1926). Его же, *O wzajemnych stosunkach kultury "Luzyckiej" i kultury grobow skrzynkowch* (Poznan, 1925). Ярым противником теории непрерывного жительствова славян на германизованных территориях является Dr. Bolko Frh. von Richthofen, но его полемика носит определенно политический характер: ряд тенденциозных статей напечатан им в таких органах, как "Ostdeutsche Morgenpost", "Der Ueberschlesler", "Deutsche Blätter in Poland", etc. В ответ на статью Рихтхофена, *Gehört Ostdeutschland zur Urheimat der Polen*, Коstrжеvский доказывает в ст. под загл.: *Urgeschichtsforschung und Politik* (Poznan, 1930), ненаучную националистическую основу критики Рихтхофена, но и сам не переходит на научную почву. Ср. реферат Рихтхофена на съезде славянских филологов в Варшаве, *Kslega Referatow*, секция IV, (1934), *Die Urheimat der Slaven in der Vorgeschichtsforschung*, где докладчик принимает тезис об иллирийском характере лужицкой культуры, но не предвидит возможности близкого сожительства иллиров с венетами. В параллель с Голенинским могильником Коstrжеvского следует поставить могильники Житомира, см. статью Сергея Гамченко, *Житомир за перводжерелами передисторичной археологii* в "Записках всеукраїнського Археологичного Комiтету", т. I (Київ, 1931), с рисунками. Классификация культур здесь требует проверки. Для статистики распространения динарской расы использована главным образом интересная анкета PrEger Presse (1934), *Die Rassen Zentraleuropas*: I. *In der Tschechoslovakei*, 13 nov., v. Dr. I. Matiegka; II. *In Oesterreich*, 25 nov., v. Dr. Victor Lebzelter; III. *In Jugoslaven*, 2 des., v. Dr. Skerlj; IV. *In Rumanien*, 8 dec., v. Dr. Victor Lebzelter; V. *In Polen*, 16 dec., v. Dr. Chekanovski; VI. *In der Schweiz*, 23 dec., v. Dr. Eugene Pittard; VII. *In Frankreich*, 30 dec., v. George Montandon; VIII. *Die Juden* (6 Jan., 1935) v. Dr. Czortkover; IX. *In Ungarn*, 13 Janv., v. Dr. Bartucz; X. *In Deutschland*, 20 Janv., v. Dr. Matiegka. См. также реферат д-ра Шкерля на последнем съезде в Варшаве о "расовом типе словенцев". Работы Чекановского с определенными, часто интересными, но проблематическими выводами, основанными на не проверенном пока наукой его личном методе сопоставления средних математических величин из шести отдельно взятых соматических признаков каждой сравниваемой группы: Jan Czekanovski, *Anthropologische Beiträge zum Problem der slavisch-finnischen Beziehungen*, SMYA, XXXV (Hels., 1925). *Wstep do Historji Sloviań, Lwowska biblioteka slavistyczna*, III (Lwow, 1927), *Zarys Antropologii Polski*, ib., XI (Lwow, 1930). *Czlowiek w czasie i przestrzeni, Biblioteka wiedzy*, т. 9 (Warszawa, 1934). О хронологии "скифских" древностей в Китае: Теплоухов в "Материалах

для этнографии", т. I, IV, ч. 2. Alfred Salmony, *Sino-Siberian Art in the collection of C.T. Loo* (Paris, C.T. Loo publisher, 1933). Для истории "звериного стиля": G.Fougères, G.Contenau, etc., *Les premières civilisations*, 3 édition (1935), в серии "Peuples et civilisations", Halphen et Sagnac. Gordon Childe, значительно расширенное издание английской книги автора: *The most ancient East* (1929). По отдельным странам: С.Leonard Woolley, *Les Sumeriens* (Paris, 1930). Ernest Mackay, *La civilisation de l'Indus* (1936). Обе книги в серии "Bibliothèque historique", Payot. Louis Delporte, *Les Hittites* (1936), в серии "L'évolution de l'humanité", dir. par Henri Berr. Otto Weber, *L'art hittite* (1922), Coll. "Orbis pictus". Edm.Pottier, *L'art hittite*, 1 fasc. (1926). Ряд параллелей с Кавказом и Туркестаном. В конце два этюда: *L'Asie et L'Europe* (по Франкфурту) и *Les indoeuropéens et le rôle de hittites* (по Untersuchungen Христиана). G.Contenau, *Musée du Louvre, Les antiquités orientales, Sumer, Babylonie, Elam*, много образцов звериного стиля за 3000-2000 лет до Р.Х. Т. Пассек и Б.Латынин, *Очерки до-истории Сев. Азербайджана*, и Мешанинов, *К вопросу о ассирийской бусине* и т.д., "Известия общества исследования и изучения Азербайджана", № 3, частью по Ресслеру, *Zeitschrift für Ethnologie* (1892-1905), и Chantre, *Recherches Anthropologiques dans le Caucase*, tt. I et II (1885, 1886); de Morgan, *Mission scientifique en Caucase* и его же, *Mission scientifique en Perse*, t. IV (1896), и др. André Godard, *Les bronzes de Luristan* (1931), богатый материал, собранный новейшим исследователем. П.Грязнов, *Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане*, и Комаров, *Черепя бронзовой эпохи по левым притокам р. Урала*, в сборнике "Казакки. Антропологические очерки", под ред. С.Н.Руденко, изд. Ак. Наук, Мат. Особ.комитета, вып. 11, (Лен., 1927). O.M. Dalton, *The treasure of the Oxus*, Second ed. (Lond., 1926). Ссылки на китайские летописи сделаны по изданию монаха Иакинфа Бичурина *Собрание сведений о народах средней Азии в древние времена*, ч. III (СПб., 1851): *Повествование о Давани и о Западном крае*. Издания *Шаваппев* я не имел под руками. К антропологии хакасов, динлинов и усуней: Г.Е.Грум-Гржимайло, *Белокуроя раса в средней Азии*, "Сборник в честь семидесятилетия Г.Н.Потанина" (СПб., 1909). В.В.Радлов, *Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири*. Пер. с немецкого (Aus Sibirlen) гр. А.А. Бобринского (СПб., 1896). *Archeology of Siberia* by prof. А.А.Zakharov, в ESA, III, С.Р.Мишлов, *Памятники древности в Урянхайском крае* (Петр., 1916, Зап. Вост. Отд. И.Рос. Арх. Общ.). В.М.Флоринский, *Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни*, I, ч. 1 и 2 (Томск, 1894 и 1896), описание местности и снимки каменных баб. Gero v. Merhart, *Bronzezeit am Jenissej, ein Beitrag sur Urgeschichte Sibiriens* (Wien, 1926). Для скифской эпохи, основной труд, к сожалению, незаконченный: М.И.Ростовцев, *Скифия и Боспор*, Критическое обозрение памятников литературных и археологических, "Изд. Росс. Ак. ист. мат. культ." (1925), с предисловием С.Жебелева. Издано по рукописи в отсутствие автора. Его собственное издание, дополненное, вышло по-немецки: *Skythien und der Bosporus*, V.I. Krit. *Vebers der schrift. u. archäolog. Quellen* (Berlin, 1931). Хорошее научно-популярное изложение вопроса в целом, с рисунками, Dr. Max Ebert, *Südrussland im Altertum* в "Bücherel der Kultur und Geschichte" (Bonn und Leipzig, 1921). В словаре Эберта прекрасные статьи: *Südrussland* и под названиями отдельных курганов, хорошо иллюстрированные. Добросовестное описание скифского быта см. у Лаппо-Данилевского, *Скифские древности*, Зап. отд. р. и слав. Археологии ИРАО, т. IV,

(1887). Ellis H. Minns, *Scythians and Greeks* (Cambr., 1913). В "Addenda" снимки Flinders Petrie. Rostovtsev, *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxf., 1922). Русское популярное изд.: *Эллинизм и Иранство на юге России*, общий очерк в серии "Круг Знания" (Петр., 1918), с рисунками. Н.П.Толль, *Скифы и гунны*, евраз. издание (Прага, 1928). G. Borovka, *Scythian Art* (1928), полезный атлас снимков. Специально для "звериного стиля", Ростовцев, *The animal style in South Russia and China* (Princeton, 1929). Его же, *Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль* в "Skithika", I, Seminarium Kondakovianum (Прага, 1929). Там же, III (1930), Ю.Н.Перих, *Звериный стиль у кочевников северного Тибета*. Tallgren, *Die Russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im National Museum Finlands*, ESA III (отсюда взяты рисунки с Печеры и Ишима № 5-8). Текст Геродота по переводу Ф.Г.Мищенко, *Геродот*, История в девяти книгах (Москва, 1885-86). Обширная биография Геродота, Jakoby в "Pauly Realencyclopädie d. klass. Altertums", Supplement, 2-tes Heft (Stuttgart) со ссылкой на статью Maizat относительно маршрута поездки Геродота в Скифию. О Роменских и Киевских курганах см. гр. А.А.Бобринского, *Курганы места Смеля*, особенно III том (1901). B. Grakov, *Monuments de la culture scythique entre la Volga et les Monts Ural*, ESA, III. Всев. Ф.Миллер, *Осетинские Этюды*, ч. III, "Исследования" (М., 1887). Его же, *Эпиграфические следы иранства* в Журн. "Мин. Нар. просв." (1881). В.И.Абаев, *Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев* в сборнике "Язык и мышление", изд. Акад. Наук под ред. Н.Я. Марра. "Избранные работы" Марра издаются после его смерти Академией Наук, т. III, *Язык и общество* (1934), т. V, *Этно- и глоттология восточной Европы* (1935). В.А.Миханкова, Н.Я.Марр, биография (1935). Свод скифских находок в Венгрии составлен для немецкого издания М.И. Ростовцева Нандором Феттихом: *Bestand der skythischen Altertümer Ungarns*, zusammengestellt von Nandor Fettich. А.И.Спицын, *Скифы в Гальштадте*, Сборник арх. статей, подн. гр. Бобринскому (СПб., 1911). А. Ротаров, *Inkrustirte Keramik von Belsk*, Eur. Sept. Ant., IV (1929). Там же, Tallgren, *Etudes sur le Caucase du Nord* отмечает сходство катакомбной керамики с Мондзее и Лайбахом в восточных Альпах и склоняется к признанию связи культуры вост. Альп и паннонской. Н. Макаренко, *La civilisation des scythes et Hallstadt*, ESA (1930). В.Мяков, *Предисторические селища и находки в Болгарии* (София, 1933). Stanley Casson, *Macedonia, Thrace and Illyria. Their relations to Greece from the earliest times*, etc. (Oxf., 1926). Tallgren, *L'époque dite d'Ananino dans la Russie Centrale*, в "Finska Förminnens förenings Tidskrift" (Hels., 1919). Его же, *L'Orient et l'Occident dans l'âge de fer finno-ougrien jusqu'au IX siècle de Notre ère*, Conférence d'installation... à l'un, de Hels. (1924). Дает общую картину о венгерской "пусте", см. Jacques Ansel, *Manuel géographique de politique européenne*, t. I. *L'Europe Centrale* (Paris, 1936), — прекрасный обзор территории, населяемой или прежде населявшейся славянами, с точки зрения "genre de vie" — французский вариант моего понятия "месторазвития".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая эту первую часть первого тома "Очерков" и под-ходя к выводам, я считаю необходимым, прежде всего, подчеркнуть ту единую мысль, которая соединяет отдельные части этой работы в одно целое. Речь идет о попытке теснее, чем это делалось до сих пор, связать исторический процесс со средой — или, как я условился говорить, с "месторазвитием" русской культуры. Как уже сказано выше, идея связи человека с природой, дающая исследованию искомое единство, далеко не нова. Она развивалась многократно в европейской литературе и сделалась "почти общим местом" в изложении русского исторического процесса — особенно в предисловиях к такому изложению. Но я не рискую ошибиться, утверждая, что только в последние десятилетия, в свете новейших данных и выводов целого ряда наук, явилась серьезная возможность выйти в этом вопросе за пределы общих рассуждений и более или менее остроумных сопоставлений — и доказать на фактах связь данного "месторазвития" с происходившим в его пределах историческим процессом. Правильнее, конечно, говорить теперь о *нескольких* месторазвитиях и *нескольких* процессах, развивавшихся в них и лишь постепенно слившихся в одно органическое целое.

Именно к такой постановке приводит самый первый шаг исследования: точное определение характера той части территории Евразии, на которой эти процессы происходили. Мы подошли к этому определению, сопоставляя различные составные элементы "климата" данной территории: метеорологические, педо-, фито-, зоо- и антропогеографические — и их своеобразные сочетания. Это сопоставление дало возможность выделить особое положение европейского месторазвития в целом среди других месторазвитий мира. Затем мы приступили к более подробному изучению местных условий восточной Европы и здесь отметили те особенности, которые подразделяют обширное целое европейской — а затем и азиатской территории России — на несколько отдельных месторазвитий. Все значение этих подразделений выяснится только при дальнейшем изложении исторического процесса. Но уже и в данном периоде, сопоставляя географические данные с показаниями археологии и антропологии, мы получили возможность выделить обособленные процессы, совершавшиеся в различных частях теперешней России, и определить их взаимоотношения. При этом, прежде

всего, удалось установить соотношение между самым началом заселения России, и соответствующей стадией европейской антропогеографии, как по отношению к территории заселения, так и по отношению к его хронологии. *Территорией* этой оказалась "лессовая" полоса, проходящая лентой с юго-запада России на северо-восток и дальше — в обширные пространства Сибири. Единство характера найденной территории дало возможность установить и единство процесса древнейших передвижений и их направление — из соответствующей полосы средней Европы по направлению к северо-востоку. Что касается *хронологии* первоначального заселения, мы определили его эпохой *не ранее и не позже* так наз. ориньякского периода второй половины каменного века. Сам собою при таком построении нашел свое первое приложение эмпирический закон, проходящий через всю конструкцию "Очерков": закон запоздания исторического развития при переходе от запада Европы к ее центру, от центра в европейскую Россию, отсюда в западную Сибирь, резко отделенную от восточной и, наконец, от западной Сибири на дальний восток ее. Последнее выражение этого закона запоздания мы нашли в том, что там, на дальнем сибирском востоке, встретили последнюю ступень отступления наших, первоначальных насельников. Не форсируя фактов и не прибегая к рискованным гипотезам, мы узнали там уже известные нам пережитки типа и быта древнейших поселенцев "лессового" месторазвития Европы и России. *Антропологическим* типом, связующим эти два отдаленных конца, оказалась, всего правдоподобнее, недавно только установленный итальянским ветераном антропологии Джузеппе Серджи тип "лофоцефала", свойственный древнейшему человечеству. А *этнографическим* носителем типа до настоящего времени остались вымирающие племена так наз. "палеазиатов" (эскимоидов). Применение идеи месторазвития к изучению "начала культуры" оказалось, как видим на этом первом примере, удачным эвристическим методом, давшим здесь свои первые плоды. Конечно, то, что есть оригинального в этих выводах, подлежит дальнейшей научной проверке, и в популярном изложении здесь, как и в других местах, я не мог дать полного научного доказательства их. Но читатель сам оценит прочность базиса, на котором эти выводы построены.

Несколько менее ответственным является автор за другой вывод, составляющий продолжение первого и связывающий другое, северное месторазвитие европейской России с сибирским востоком и европейским западом. На этот раз древнейшая колонизация должна была идти в обратном направлении — с востока к западу, — ибо она следовала за процессом таяния ледника, покрывавшего сплошь эту часть Европы. Внимательное ознакомление с процессом таяния ледника помогло установить и *хронологию* первоначального заселения севера. Здесь также обнаружился закон запоздания процесса: с юга на

север — так же как ранее — с запада на восток. Свежие провалы ледниковых озер и каменистый ландшафт севера резко отличаются от расплывшихся морен и вторичных речных террас юга. Но антропологический тип сохранился, по-видимому, прежний. Из Сибири вернулись на север Европы "европиды". Сюда, как в "дальневосточное убежище", они тоже принесли с собой примитивные черты быта, сохранившиеся надолго. Но все же этот быт охотников и рыболовов был уже более развит, нежели древний быт "палеазиатов".

Итак, приложение нашего метода к изучению "начала культуры" дало возможность впервые составить хотя и очень общее, но тем не менее связанное представление о ходе этого процесса на русской территории, тогда как до сих пор мы имели дело с отрывочными, лишенными связи эпизодами, так сказать, отдельными островками, разбросанными среди океана полной неизвестности.

Работа над приложением понятия месторазвития к дальнейшей стадии исторических процессов на русской территории должна была получить иной характер. Обилие материала и богатое разнообразие попыток его использовать представляло здесь не меньшую трудность, чем скудность данных и воздержание исследователей от общих выводов — в предыдущем периоде. Самая задача исследования была здесь гораздо труднее: переход к позднейшей стадии культуры (конец неолита и начало металлов) заставлял поставить сложный вопрос о времени и способах "происхождения национальностей". Только современная разработка данных археологии, антропологии и лингвистики давала надежду на разрешение этого вопроса. Она прямо ставила на очередь задачу — использовать данные всех этих наук и поставить их в связь с известными нам расами и народностями исторического периода. При этом тотчас же ставился и требовал разрешения предварительный вопрос: об отношении *национальности к расе*. Автор счел себя вправе по отношению к этому последнему вопросу ограничиться выводами из своей предыдущей работы о "Национальном вопросе", — тем более, что выводы эти совпадают с заключениями современной науки, — конечно, не той, на которую стараются опереться сторонники так наз. "расизма". Во всяком случае, постановка вопроса о происхождении национальностей *в связи* с вопросом о роли месторазвития как фактора создания национальности сама по себе заставляла конкретизировать чересчур общие выводы о законах развития *всякого* доисторического общества.

Первым средством для такой конкретизации, конечно, явились выводы, полученные уже при изучении предшествовавшего периода. Древнейшей частью Европы и России, где следовало ожидать дальнейшего развития культуры, естественно, должна была оказаться та же самая территория, где давно уже жил древнейший человек — на западе и куда он впервые пришел —

на востоке. Каково было содержание этих дальнейших процессов? Развитие оседлого быта, переход к земледелию, приручение животных, социальная дифференциация племени, усиленная появлением металлов и вооруженных металлическим оружием групп населения. Но все это и являлось необходимыми предпосылками для выделения групп, объединенных национальным языком и сознанием. Итак, происхождение национальностей в Европе следовало искать в пределах той же лессовой полосы, где привились прежде всего начала европейской культуры. Принятие этой "рабочей гипотезы" само по себе сужало границы поисков и давало возможность выбрать между предложенными ранее решениями более вероятные, отбросив неправдоподобные.

Очередная трудность тут и состояла — не в отсутствии, а в изобилии материала археологической науки. Подходящих для образования национальностей оседлых групп на территории лессовой полосы современная археология знает не одну, а многое множество. Ее собственная очередная задача заключается не столько в дальнейшем уточнении и дроблении этих групп, а, наоборот, в соединении более близких между ними в более обширные сочетания, которые могли бы послужить базой для соответственного объединения языков и власти, то есть для процесса, составляющего сущность появления национальностей. Здесь идея "месторазвития" как объединяющего начала должна была опять сыграть роль принципа, направляющего поиски. Надо сказать, что уже сама археология пошла, по собственной сознанной необходимости, навстречу этой очередной задаче. Она постаралась объединить пеструю картину своих мелких находок в несколько "культурных кругов"; эти круги, как оказалось позднее, более или менее соответствовали отдельным "месторазвитиям" в пределах Европы. Оставалось определить отношение этих кругов к "расам", а "рас" — к национальностям. Для русского исследователя присоединялась к этому задача — найти соответствие между этими западными исканиями и русскими явлениями подобного же рода.

Но прежде всего надо было нащупать на русской территории самые эти явления. С этого я и начал. Искомые археологические группы были уже известны. Оправданием моего метода было то, что они сами собою распределялись по "месторазвитиям", выясненным уже в первой главе. Пределы северного месторазвития оказались при этом близко соответствующими распространению так наз. "гребеночной" культуры, — древнейшей для всей северо-европейской равнины. Наблюденная нами раньше запоздалость и примитивность этой культуры вполне соответствовала ее неподвижности. Далее, южное месторазвитие ("второе", по моей терминологии) дало место двум крупным культурам: так наз. "росписной" и "шнуровой" керамики (названия взяты от характера украшений на глиняных сосудах).

Первую из них, так наз. "трипольскую" культуру, пришлось сразу же отнести как периферическую для России, составляющую часть более широкого балканского круга. Значение второй ("шнуровой"), как возможной носительницы одной из индоевропейских народностей оказалось важнее, но и определить его было труднее. Прежде всего, нужно было разобраться в спорном вопросе о пути распространения этой культуры — с востока на запад или с запада на восток. Для меня вопрос этот решался, помимо прямых доказательств (большая древность западных форм орудий и керамики этой культуры), также и принятой мною предпосылкой: о наибольшей вероятности происхождения индоевропейских народностей в лесовой полосе центральной Европы. Это решение подтверждалось и последующим развитием на месте, в степях южной Европы, культуры, так наз. "охровых могил", несомненно связанных в своем происхождении с "шнуровой" культурой.

Помимо установленных таким образом двух археологических кругов, совпавших с двумя основными месторазвитиями России, северным и южным, само собою выделилось среднее между ними, промежуточное по характеру месторазвитие лесного центрального междуречья Оки-Волги. Оно было занято так наз. Фатьяновской культурой, одновременной с двумя предыдущими. Ее происхождение с запада, как и шнуровой культуры, и ее внезапное исчезновение к востоку до некоторой степени предreshало и подчеркивало ее национальный смысл. Хронологически и географически Фатьяновская культура оказалась переходной, и ее недолгая история определила передаточную роль центрального междуречья уже для этого, древнейшего времени.

Наконец, особо выделилась археологическая группа, соответствовавшая территории нашего "третьего" месторазвития — Черноморья, Кавказа и нижней Волги. Его культура уже в это раннее время характеризовалась как связанная не с упомянутыми типами процессов внутри русской территории, а с процессами средиземноморского и переднеазиатского кругов. Она была отрезана от остальной России и почти чужда ей. К этому культурному кругу нам пришлось вернуться только тогда, когда он вошел во временную связь с процессами, происходившими помимо него и до него в южно-русской степи.

Одновременно с выяснением соответствия намеченных археологических кругов различным русским месторазвитиям определилось, как мы видели, и отношение их к соответствующим европейским кругам. Это отношение было здесь почти всегда более получающим с запада, чем дающим ему. Оно отсылало нас, таким образом, в наших поисках соответствия археологических кругов позднейшим народностям назад, на запад.

Можно было ожидать, что здесь мы подойдем к самой трудной части задачи. Среди множества испробованных решений желаемое сплошь и рядом принималось здесь за действительно

существующее, искомое — за доказанное. Данные, установленные одними науками, произвольно и искусственно налагались на данные других наук. Во всем этом необходимо было разобраться, найти руководящие линии и выбрать строго научные критерии. Прежде всего, оказалось необходимым устранить ненаучные тенденции "расизма", сохранив, однако же, то, что было научного в работах исследователей этого направления, отделив доказанное от недоказанного и недоказуемого. И вот этот трудный переход от отрицательной задачи к положительной был также облегчен нам применением понятия месторазвития.

Связь главного стержня культурно-исторического процесса в Европе с направлением лессовой полосы, как уже сказано, сама собой направила поиски происхождения главных европейских национальностей ("индоевропейской" семьи языков) в центральную Европу, оставив в стороне теории, связанные с северным месторазвитием, черезчур поздним и наименее культурным, с азиатским, черезчур, наоборот, древним, и с южно-русским, игравшим лишь передаточную роль. Древнейшие из центральных месторазвитий как раз соответствовали кругам так наз. "шнуровой" и "ленточной" керамики, то есть южно-германскому и дунайскому кругу. Граница между обоими близко соответствует тому стыку, на котором встречаются европейские расы: древнейшие, длинноголовые, и более поздние, короткоголовые. В связи с этим возникает трудный — может быть, неразрешимый при современном состоянии знаний вопрос, как и в какое время вообще появились короткоголовые в Европе. Обе короткоголовые расы, альпийская и динарская, могли уже придти такими (их родственников, более примитивных, антропологи указывают на северо-востоке и юго-востоке Европы) или же могли развиться на месте в результате смешений и эволюции. Подчеркнув участие последнего процесса, я все же оставил этот вопрос, по необходимости, открытым. Во всяком случае, наличие короткоголовых именно в данном месте Европы и их присутствие тут как раз в тот период, когда должны были образоваться индоевропейские народности, устраняет поиски происхождения индоевропейцев исключительно среди длинноголовых, как утверждала старая теория, охотно воспринятая и развитая германскими расистами. В связи с нашей ориентировкой на лессовую полосу Европы как на средоточие древнейших культурных процессов в Европе следовало заранее допустить, что в этом процессе играло роль смешанное антропологическое население. Это вполне отвечало и установившемуся мнению в современной науке, что индоевропейские народности складывались на слое уже готового населения, предшествовавшего процессу, бывшего здесь налицо перед появлением металлов. Наличие до-индоевропейского населения длинноголовых на северных и южных окраинах Европы была бесспорна; в центре можно было предполагать существование того же "субстрата",

вошедшего одним из элементов смешения с короткоголовыми. Археология указала, в том же центре, и подходящие *территории*, достаточно обширные, чтобы послужить ареной для таких смешений, — и достаточно долгие *сроки*, в течение которых именно здесь могло совершиться слияние отдельных антропологических, археологических, лингвистических черт в один общий агломерат. Место это все в той же лессовой полосе средней Европы, на стыке шнуровой и ленточной культур. Время — не позже второй половины третьего тысячелетия до Р.Х. (после 2500 г.), когда признаки готовой индоевропейской речи уже обнаруживаются среди индоевропейцев, пришедших в переднюю Азию.

Из всех индоевропейских народностей меня, конечно, интересовала одна, славянская: ее появления и надо было искать в этих заранее выяснившихся пределах наиболее вероятной индоевропейской "прародины". *Внутри* этих пределов, географических, этнографических и хронологических, вопрос оставался, однако, неясным. Было, во всяком случае, ясно одно: решение должно быть найдено именно тут и именно одновременно с выделением других индоевропейцев. Для других индоевропейских народностей оно уже было найдено другими. Мне оставалось сделать для славян вычет из спорного круга, выделив все те территории, где, более или менее правдоподобно, наука отвела место для других индоевропейских народностей, после их выделения. За вычетом оставался некоторый географически-археологический остаток, для которого не решились указать кандидата, хотя, с другой стороны, единственная народность, славянская, оставалась при этом дележе без места. Отдать славянам оставшееся место мешал какой-то ученый или национальный предрассудок, через который надобно было наконец перешагнуть. Но не будет ли такой рискованный шаг одной лишь голый, недоказуемый и, стало быть, бесполезной гипотезой?

Здесь на выручку исследователю приходили готовые, достаточно прочные данные, добытые новейшей археологией, лингвистикой и антропологией. Если все их показания сойдутся в одном и том же выводе, то, казалось, на такой вывод следует решиться. Итак, что давала археология? На самом искомом месте она указывала территорию, почти не изменявшую свой культурный облик в течение более тысячелетия. На этой территории последовательно сменились за это время, — не вследствие переселений населения или приходов нового, а последовательно развиваясь одна из другой, на месте, три родственные культуры: так наз. "пред-унетицкая", "унетицкая" и "лужицкая". Другие индоевропейские народности расположились кругом этой территории, — на север, запад, юг и восток от нее. Оставшееся незанятым среднее место германские ученые, после долгих колебаний, отвели иллирийцам. Что говорила лингвистика?

Иллирийский язык почти неизвестен. Но повсюду, где упоминаются иллирийцы, с ними вместе упоминаются и их древнейшие сожители — венеты-венды. А венды — древнейшее название славян. Одинаковое географическое распространение иллирийцев и вендов можно проследить по языку местных названий от эпохи Гальштадта до средних веков. Но, конечно, иллирийцы — не венды. В каком же отношении стояли друг к другу обе эти народности, чем-то, очевидно, связанные? Здесь снова пришло на помощь понятие месторазвития. Повсюду, где обе народности жили вместе, между ними существовала, как оказалось, связь подчинения — славян иллирийцам. В том же состоянии подчинения венды-виниды перешли от иллирийцев к "сарматам", "хуннам", "аварам", кончая германцами. Этому состоянию соответствует их анонимат. По моему толкованию, даже само название вендов значило первоначально просто — "тутошние". Этому состоянию соответствует, наконец, самый характер местностей, которые венды занимали, будучи отброшены в эти места другими, вытеснявшими их народностями. Они селились в стороне от больших дорог, в наименее поддававшихся культуре местах: на горных хребтах, в лесах и болотах, что, вероятно, и содействовало переходу их из подчиненного полукрепостного положения к отдельному, более независимому существованию горных пастухов или обитателей малодоступных лесных рощистей. Лучшие места они нашли, продвинувшись на восток от лужицкой родины, в слабо заселенные местности Польши. Оттуда далее на юго-восток, мы наметили два отдельных потока дальнейшей колонизации, и на этом пока остановились, связав темные начала с все более несомненным продолжением, когда тождество венетов-вендов-славян становится совершенно бесспорным. Пробелы исторических источников на этом длинном пути понятны для народа бесписьменного, подчиненного чужому господству. Пробелы археологических находок объясняются скудостью культуры такого народа.

Наконец, в-третьих, показание антропологии. Там же, где жили иллирийцы и где с ними соседили венды, везде оказалось возможным отметить заметное преобладание одной из короткоголовых смешанных рас — динарской. Отсюда не следует, конечно, выводить, что динарский тип является монополией славянской народности. Ни одна современная народность не имеет одного только антропологического обличья. Но в этом случае говорит за нас логика: закон так наз. сопутствующих изменений. Оказывается, что, чем гуще славянское население, тем в данном месте численнее преобладание динарцев. Где славяне жили раньше, но ассимилировались, динарский тип сохраняет их следы. Где никогда не было их поселений, там чаще всего нет и следов динарского типа. Единственное *славянское* исключение (не говорим пока о восточной Европе) составляет Польша, напоминая нам, что все же и антропологический тип славян,

как всех остальных народов, не однотипный, а истари смешанный.

Понятие месторазвития оказало нам еще одну, весьма существенную услугу. Речь идет об исторической судьбе того месторазвития, которое мы назвали "третьим". Мы уже видели, что с древнейшего периода это месторазвитие оказалось наиболее отрезанным от участия в органических процессах остальной территории России — и наиболее связанным с процессами в частях соседних материков Афразии. На исходе преистории мы встречаем эту, позже других сложившуюся, степную территорию в обладании кочевников передней Азии, получивших — вероятно, случайное, но прочно за ним укрепившееся — название скифов. Чтобы отличить здесь роль пришлых кочевников от роли оседлого населения, населявшего уже до их прихода наиболее пригодную для культуры часть русских степей, нам пришлось установить "прежде всего" взаимное отношение этих двух месторазвитий. Они соответствуют двум типам быта, трудно переходящим один в другой, — оседлому и кочевому. Мы проследили соприкосновение обоих в их источнике — в местностях передней Азии, — там, где сложился кочевой быт и откуда вышли кочевники. Чтобы связать в одно целое всю территорию кочевого месторазвития, мы выбрали два объединяющих кочевую культуру признака: распространение так наз. "звериного стиля", во-первых, и особый способ погребения кочевых вождей, во-вторых. Проследив сложную историю звериного стиля от первых его элементов в древних горных монархиях малой и передней Азии, через предгорья Туркестана и Казакстана, до западной Сибири и Минусинска, мы пришли к ряду заключений, формулированных на стр.291-293. Повсюду в этом круге можно было наблюдать, что творцами стиля являются, собственно, не сами кочевники, а подручные им обитатели полукольца плоскогорий и речных долин — по роду жизни горные скотоводы, спускающиеся на зиму в долины и там соприкасающиеся с оседлым населением. Происхождение элементов звериного стиля нужно было отнести к эпохе бронзы, а его развитие в законченный стиль — к эпохе проникновения железа. Средоточием этой эволюции мы могли признать Луристан, а передаточными пунктами при его распространении с одной стороны, — для южной России — Закавказье, с другой — для Сибири и средней Азии — горные долины Туркестана. Скотоводами и оседлым населением там и здесь оказывались иранцы. Труднее определить народность завоевателей-кочевников, появившихся на сцене в эпоху железа. Вопрос осложняется тем, что, примерно на территории Киргизского края и долины р. Или с ее бассейном, мы нащупали этнографический водораздел, отделяющий иранцев Туркестана от "европидов" ("динлинов" — древнейших "хакасов"). Только для более поздней эпохи железа выясняется присутствие в степях-пустынях профессиональных ко-

чевников-тюрков, которых китайские летописи точно и определенно отделяют от более раннего оседлого населения горных долин. На появление чистых кочевников-тюрков, сменивших туземцев-рудокопов эпохи бронзы, указывают и раскопки и наблюдения Радлова в Алтае, Минцлова в Урянхае, Мерхарта в Минусинске.

Другой исследованный нами признак единства кочевой культуры — погребения вождей — подтвердил связь этого этнографического и бытового единства с тем же определенным месторазвитием — за границами гор и лесостепи — внутри кольца степей и пустынь. Возможность существования кочевников в бесплодных песках пустынь объясняется, кроме указанного соседства, также наличием внутри пустынь горного ландшафта, вносящего разнообразие почв и растительности вертикальных зон.

С этим запасом наблюдений можно было уже легче подойти к выяснению темных сторон так наз. скифского вопроса. Здесь подтвердилось, прежде всего, прежнее наблюдение специалистов, что два варианта звериного стиля имеют один общий источник. Исследование различных месторазвитий дало только возможность точнее определить пути из этого общего источника — с одной стороны в южную Россию, с другой — в Сибирь. Но пути стиля были вместе с тем и путями передвижения его носителей: так становился вопрос о двух путях проникновения скифов в Россию. Геродот знает только один из них: северный из Азии. Мы могли проследить его по раскопкам и пришли к заключению, что этот путь вел прямо к геродотову "Герросу", в удачно выбранный стратегический пункт на границе степи и лесостепи, в верховьях р. Сулы, откуда "царские" скифы, опираясь на покоренных ими (не-скифских) земледельцев лесостепи, господствовали над своими ордами "свободных" скифов, кочевавших в южных степях. Путь этих завоевателей указывает и на исходный пункт их нашествия: таким должны были быть степи-пустыни Киргизского края, а сами завоеватели — потомками древних "хакасов"-"европидов". Туземцы знали, что этих завоевателей было "мало"; "много" было подвластного населения, названного тем же именем скифов, но принадлежащего к другим народностям, а также и "свободных" кочевников степей. Среди покоренных земледельцев доказана наличие иранцев; среди кочевников — наличие тюрков, — быть может, с легкой примесью монголизма. Имелись, несомненно, в Приморье и остатки фракийцев ("киммерийцев"), затем носителей культур Гальштадта и Ла-Тен; вероятно, были среди населения и кавказские, пока неопределимые элементы.

От северного вторжения скифов в область нашего "второго" месторазвития из Киргизского края через Уральские ворота нужно отличать гораздо более раннее внедрение их одноплеменников в области "третьего" месторазвития — на берега Черного

моря. Исходным пунктом последнего должно было быть Закавказье. Первое вторжение — из Казакстана — современно поздней эпохе железа. Начало второго следует отнести к эпохе бронзы и, быть может, даже раньше, если связать его не только с "срубными" погребениями бронзовой же эпохи, но и с более древними кубанскими курганами. Этот вопрос тоже пока приходится оставить открытым. Оставаясь в пределах "скифского периода", мы застаем этих южных скифов, вступивших в непосредственную связь с расцветшими греческими колониями. Они постепенно приручаются, эллинизируются, и центр торговли переходит в четвертом-третьем веке с Днепра, от Ольбии, посещенной в пятом веке Геродотом, к Пантикапее, на Босфор. Хронологическая классификация курганов М.И.Ростовцева, уже послужившая нам для выделения древнейших из них, дает возможность выделить и эту вторую стадию: расцвет скифского господства, принявшего теперь более мирный характер. Из стратегических центров VI-V столетий — на опушке лесостепи, — на Суле и на юге Киевской губ., эти курганы второй эпохи (IV-III ст.) спускаются в замиренную степь и подают руку курганам Черноморья. Так вырабатывается общий стиль культуры, и организация хозяйства для заморской торговли принимает наиболее широкие размеры. Господство над степью теряет чисто военный характер, население само втягивается в торговлю, и создается смешанная греко-варварская культура. Она отражается в выработке усложненных форм звериного стиля, параллельных сибирским железной эпохи, но создаваемых не доморощенными сибирскими металлургами, а тонкими греческими мастерами. Так, между обоими центрами, южно-русским и сибирским, устанавливается взаимная связь. В свете описанного процесса и вопрос об антропологическом типе скифов получает иное освещение, чем прежде резкое противопоставление монгольского типа кочевников — иранскому. Элементов монголизма нельзя отрицать уже в эту пору. Но "скифы" киргизского края должны были представлять смешанный тип европидов-хакасов, а местное население, ими завоеванное ("земледельцы"), при всей несомненности иранского элемента в его языке, быть может, уже смешанного с тюркским, в антропологическом отношении представляло некоторый местный, пока трудно определяемый тип. Весьма вероятно, что свидетельство Геродота, которое неправильно было толковать как доказательство монголизма скифов, может бросить свет на принадлежность этого типа к одной из восточно-европейских рас.

Конец скифского кочевого господства над степью вызван, очевидно, ослаблением тех же причин, которые его породили. Военный дух азиатских завоевателей, укрепивших свою власть над оседлым населением на основе заморской торговли: таковы источники силы кочевников. По самому существу — источники эти должны были оказаться временными и внешними. Не успе-

ла пришедшая с греческой торговлей культура замирить степь и приручить кочевников, как иссякли, по внешним причинам, источники этой торговли — особенно после 200г. до Р.Х. И в то же время, на смену прирученным "свободным" скифам явилась новая волна кочевников-завоевателей ("сарматов"), оттеснившая предшественников. Что эти явления не случайны по отношению к условиям степного месторазвития, а тесно с ним связаны, показала позднейшая история, в которой те же явления несколько раз повторились.

В заключение, было бы черезчур самонадеянно утверждать, что процесс превращения доисторических "культурных кругов" в современные народности на субстрате древних рас и в горниле данных месторазвитий окончательно выяснен в пределах настоящей главы. Мы лишь пытались установить общие линии, по которым шло это превращение, но далеко не могли представить с желаемой точностью все этапы процесса. Даже там, где мы знаем достоверное начало процесса и еще более достоверный его исход, промежуточные звенья часто скрываются от нас во тьме. Ряд поставленных выше проблем нам пришлось оставить открытыми. Но мы считаем себя вправе сказать одно. Без употребленного нами метода — наложения всех изучаемых процессов на те условия реальных месторазвитий, где они должны были совершаться, самая постановка этих проблем была бы невозможна. Всякий отход от этого, единственно правильного методологического пути, в область ли чисто социологического отвлеченного схематизма или в обратную сторону признания, готовых изначала, независимо от реальной среды, национальных типов, должен считаться недопустимым возвращением к приемам прошлого. Эти приемы могут вести лишь к рецидивам старых ошибок и к тупику гипотез, не допускающих, в противоположность применяемым здесь, никакого дальнейшего объяснения.

Часть вторая

ОТ ПРЕИСТОРИИ
К ИСТОРИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Публикуемая в т о р а я часть первого тома "Очерков по истории русской культуры" Павла Николаевича Милюкова — результат многолетнего труда — была в основном закончена автором приблизительно за три года до его смерти в Экс-ле-Бен 31 марта 1943 года.

Рукопись была написана по старой орфографии на машинке, с многочисленными сделанными от руки приписками и изменениями автора, и хранилась у близкого друга П.Н.Милюкова и его душеприказчика Б.И.Элькина. Его заботами этот труд нашел своего издателя. Текст книги печатается по новой орфографии, без каких-либо изменений или дополнений и с сохранением стиля П.Н.Милюкова. Также полностью сохранена авторская транскрипция исторических и географических имен и названий. Вставки редактором недостававших слов в тексте, а равно дополнительные данные библиографического характера заключены в квадратные скобки. Карты и надписи на них приготовлены П.Н.Милюковым, почему в них сохранена старая орфография.

Следует подчеркнуть, что публикуемый текст связан с п е р в о ю частью первого тома "Очерков", напечатанную в Париже (Юбилейное издание, издательство "Современные Записки").

Публикуемая книга существенно дополняет прежде сформулированные П.Н.Милюковым исторические построения, предлагая цельную концепцию по вопросам, связанным с месторазвитием и миграцией восточных славян и с ходом русской колонизации, — то есть по темам, которые продолжают вызывать немалое внимание историков и все еще не получили бесспорного решения. П.Н.Милюков интересовался этими проблемами в течение всей его долгой жизни ученого. Его наблюдения и выводы, изложенные в этой книге, представляют значительный и объективно интересный вклад в научную литературу и в то же время подводят итог немалым усилиям иссле-

дователей, работавших до второй мировой войны. Концепция П.Н.Милюкова может, как и все его другие концепции, быть критикуема и уточняема. Но его метод останется мерилom и образцом осторожности и основательности исследователя в столь сложной и увлекательной научной области, как преистория и начало истории русской культуры.

Текст книги подготовлен к печати при разностороннем — советом и делом — содействии Б.И. Элькина, которому редактор обязан глубокою благодарностью.

Н. Андреев

*Cambridge University,
Slavonic Department,
1963.*

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Колонизация России и примыкающей к ней части Сибири как основа для развития русской государственности составляет основное содержание второй части первого тома *Очерков русской культуры*. Мы снова встретимся здесь с запозданием тех же, по существу, процессов, которые развивались и на европейском западе. Запоздание это, прежде всего, объясняется особенностями русского месторазвития — точнее, русских месторазвитий, на которые делится огромная территория восточно-европейской равнины. Из трех главных месторазвитий (опуская переходные) — степи, леса и великих рек северной тайги — первое совершенно отсутствует в Европе (за исключением венгерской равнины), а третье сливается со вторым, в связи с горным рельефом, который, напротив, не находит своего продолжения в России. Колонизация Западной Европы есть факт доисторического периода, заканчивающийся переселением народов из европейского же центра, в котором мы согласились искать индоевропейскую "прародину". Напротив, колонизация России восточным славянством, на "субстрате" доисторического населения, только начинается из того же индоевропейского центра, когда остальные его части уже расселились по своим местам в Европе и в передней Азии. Моя концепция колонизация России восточно-славянскими племенами всецело опирается на это принятие центрально-европейской прародины, обоснованное в первой части первого тома.

Помещаемая здесь сводная карта главных процессов колонизации (№ 42) показывает читателю ту роль, которую каждое из трех месторазвитий — степи, леса и северного речного бассейна — играло в ходе этих процессов. Степь, приют кочевых народов, приливавших из Азии, надолго играла роль задерживающую — и даже разрушающую плоды оседлого заселения леса. Так погибла, после блестящего, но короткого периода существования, попытка образования государственности по соседству со степью на русском лесостепном юге. Часть мирных племен, здесь поселившихся, была совершенно истреблена, а начатки государственности, зародившиеся в южной России, пришлось перенести севернее, на территорию смешанного леса.

Этот лес, переходящий в хвойный, и явился основной территорией для расселения восточно-славянских племен. Процесс

№ 42. Сводная карта восточно-славянского расселения
и набегов кочевников

этого расселения, в связи с дальнейшей колонизацией, и составляет первую тему, развиваемую в этой части первого тома. Мне пришлось подробно развить эту тему, так как выводы, полученные в первом томе, существенно меняли принятые до сих пор взгляды наших историков на ход восточно-славянской колонизации. Вместо краткого изложения я должен был посвятить много места фактическим доказательствам, в которых, надеюсь, внимательный читатель не найдет недостатка.

"Борьба леса со степью", как известно, составляет главное содержание русской истории и после того, как восточные славяне расселились по своим местам, а попытка создания южной государственности была задушена степняками. Оставляя ход создания северной государственности до последней части первого тома¹, я здесь лишь обосновываю его ходом колонизационных процессов в связи с новыми языковыми образованиями, положившими начало созданию "русского" языка к моменту, когда руководство колонизацией перешло в руки Москвы. В этом отношении центральное междуречье сыграло главную подготовительную роль, которую надо было подчеркнуть, как необходимое звено моей общей концепции. Здесь протекало главное русло исторического синкретизма, — тогда как два другие процесса по обе стороны центрального, украинский и поморский, в своей сравнительной изолированности, сохранили больше при-

¹ Эта часть не была опубликована — *Ред.*

митивной чистоты от позднейших смешений. В частности, книжное название "великорусского" для поморян не должно вводить в заблуждение относительно приписанной им особой связи с другими, более центральными частями, продолжающими, по инерции, до сих пор носить название "великорусских". Специальной ролью колонизаторов Приморья было подготовить особый тип первых колонизаторов Сибири. Что касается группы так наз. "средневеликорусских" говоров, мне пришлось высказать, опираясь на выводы предыдущих исследователей, отрицательное мнение по поводу введения их в единую группу. Здесь уже сказались результаты различных исторических смешений, характеризующих переход к "русскому" языку, ставшему общим.

ОТ ПРЕИСТОРИИ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ

Вторая часть этого тома неразрывно связана с первой. Речь все еще идет в ней о "происхождении народностей". Но там мы имели дело с их возникновением из смешения рас в *доисторическую* эпоху и лишь гадательно могли сопоставить те или другие из образовавшихся комплексов с существующими ныне. Переходя теперь в *историческую* эпоху, мы встречаемся с народностями уже сложившимися — и можем называть их имена с большей уверенностью. К данным археологии — единственным, какие мы имели, — начинают присоединяться другие источники осведомления. Прежде всего, это — современные языки, а затем и письменные источники, правда, в первое время далеко не достаточные и неясные. Современная ученая мода, распространенная в советской России, дополняет эти источники еще одним: теоретическим представлением о "стадиях развития", переживаемых всяким человеческим обществом. Мы уже высказали свое отношение к этой социологической теории, встретимся с нею и дальше.

Для древнейших "стадий" она слишком искусственно накладывается на слишком скудные наши данные о тех временах. Для всех стадий она черезчур злоупотребляет уверенностью в одних и тех же процессах на самых различных точках земного шара, затушевывая тем самым разное содержание процессов. Затем, для стройного проведения этой теории оказывается необходимым принять одну предпосылку, которая заранее отрицает целую категорию фактов, особенно важных именно для древнейшего периода: народные передвижения. Теория "стадиальности" социального развития предполагает, что народные организмы, среди которых происходит "последовательный" переход от одной стадии к "другой", остаются жить в одних и тех же условиях месторазвития — на одном и том же месте. И то и другое предположение — противоречат действительности. Как раз в изучаемый период население наиболее подвижно. Процесс его передвижений и окончательного оседания в различных месторазвитиях составляет ближайшую задачу нашего изучения.

Мы при этом уже связаны выводами, полученными в первой части этого тома. События исторической эпохи должны или оправдать, или опровергнуть эти наши выводы. Они оправдают

их, если окажется, что изучаемые теперь исторические процессы естественно связаны с доисторическими, как их прямое продолжение. С другой стороны, правильность наших прежних заключений подтвердится, если они дадут возможность осветить неясные до сих пор стороны в явлениях исторической эпохи. Надежной проверкой послужит при этом тесная связь того или другого процесса с тем или другим определенным месторазвитием. Надо помнить при этом, что передвижения населения в эту историческую эпоху происходят уже не на пустом месте. При окончательном формировании современных национальностей антропологический и этнический состав их, уже смешанный раньше, должен окончательно определиться сожителем и смешением новых пришельцев с осевшим уже на месте доисторическим субстратом.

ТРИ ПУТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Всего яснее и лучше засвидетельствованы источниками, письменными и археологическими, передвижения народностей в степной полосе России, соответствующей нашему "второму" и отчасти "третьему" месторазвитию. Тут в особенности, соответственно характеру месторазвития и примитивной технике народного хозяйства той эпохи, население подвижно. Оно задерживается в степи не надолго, стремясь пройти дальше — в направлении с северо-востока на юго-запад. Это направление нами выяснено для скифского периода (см. 1-ю часть тома, табл. № 8: здесь проходит полоса чернозема — № 5). Для периода, к которому переходим, яснее становится разбросанность исходных точек переселений — от Камы до Закавказья: веером эти линии сходятся к русской степи — и теряются за ее пределами, на европейском западе. Только отдельные части проходящих кочевых народов осаживаются на пути по обе стороны степи — пустыни: севернее ее или южнее. Преобладающая национальность передвигающихся кочевников — тюркская — с теми поправками на монголов, о которых мы говорили по поводу скифов.

Вторая серия передвижений¹ происходит вне подлинной степи, в следующей к западу полосе, составляющей переход от средней Европы к восточной, то есть в районе "западных лесов". Здесь встречное движение происходит с северо-запада на юго-восток. Тут и наличность "субстрата" (старого населения) гораздо явственнее, нежели в районе степных кочевьев, ибо месторазвитие это пригодно для более продолжительного оседания пришельцев на месте. Но на первый раз это условие не облазняет новых пришельцев. Столкнувшись с кочевыми ордами на востоке, они поворачивают, в их сопровождении, на юго-запад,

¹ Эта серия не показана на сводной карте № 42.

отыскивая не новые пастбища, как их кочевые спутники, а более культурные страны, привлекающие их накопленными богатствами. Это передвижение приводит их в пределы греко-римского мира; кочевники гибнут там, производя опустошения; а осевшее население принимает культурные черты нового месторазвития. Для древнейших "стадий" она слишком искусственно накладывается на слишком скудные наши данные о тех временах. Для всех стадий она черезчур злоупотребляет уверенностью в одинаковости процессов на самых различных точках земного шара, затушевывая тем самым разнообразие процессов. Затем, для стройного проведения этой теории оказывается необходимым принять одну предпосылку, которая заранее отрицает целую категорию фактов, особенно важных для древнейшего периода: народные передвижения. Теория "стадиальности" социального развития предполагает, что народные организмы, среди которых происходит "последовательный" переход от одной стадии к "другой", остаются жить в одних и тех же условиях месторазвития — на одном и том же месте. И то, и другое предположение — неподвижность населения и однообразный ход его развития — противоречат действительности. Как раз в изучаемый период население наиболее подвижно. Процесс его передвижений и окончательного оседания в различных месторазвитиях составляет ближайшую задачу нашего изучения. Этнический состав переселенцев очень пестрый; но преобладающая национальность их — германская. Это исходная часть того процесса, который, задевая Россию, сливается с так наз. "великим переселением народов".

Третья линия передвижений, наиболее для нас важная, но и всего труднее поддающаяся изучению, расходится в тройном направлении — веером с запада на юго-восток, на восток и на северо-восток. Предупреждая подробное изучение этого тройного потока, скажем, что его исходной точкой должен явиться тот гипотетический общий центр распространения восточного славянства, который, согласно выводам первой части этого тома, должен был находиться в восточной части территорий, принадлежавших Польше, а именно в Малой Польше, Мазовии и польском Поморье (Кашубы). Предположительно, надо искать линии расчленения и распространения из этих трех частей восточно-славянского потока по следующим направлениям: из Малой Польши — в Прикарпатье, Закарпатье, Волынь и Подолию; из Мазовии — на верховьях Припяти, Днепра и Двины; наконец, из польского Поморья к Балтийским берегам в Озерную область. Это построение является не только моей "рабочей гипотезой". Оно вполне подтверждается изучением фактических данных (см. карту трех путей передвижений № 42)²

² На сводной карте № 42 эти три течения показаны черточками, под цифрами 1 (поморское), 2 (кривичско-вятичское) и 3 (Днестровско-Волынское).

I

ЮЖНАЯ РОССИЯ И КОЧЕВНИКИ СТЕПИ

САРМАТЫ

В первой части этого тома мы неоднократно возвращались к происхождению русской степи, к ее связи с азиатским месторазвитием и с ее выклиниванием при приближении к западному Черноморью. Направление передвижений в этой части России определяется этим ее географическим положением. Это — территория кочевников, проникавших сюда из азиатских пустынь и сохранявших черты кочевого быта. Мы уже знакомы с древнейшими передвижениями этого рода. Мы остановились там на так наз. скифском периоде. Он теперь продолжается, переходя постепенно в период "сарматский". Сарматская эпоха длилась, приблизительно, шесть столетий — от начала третьего века до Р.Х. до четвертого века после Р.Х. Народность сарматов, в первоначальном смысле этого этнического термина, мало чем отличалась от "скифской"; но оба названия испытали ту же судьбу: они постепенно теряли этнографический смысл и становились чисто географическими обозначениями, охватывая при этом очень обширную территорию. Чтобы сохранить за понятием "сарматы" его первоначальный смысл, надо вернуться к первому появлению "сарматов" на горизонте южнорусской степи. Об этом моменте знал уже Геродот. В этом незаменимом источнике первый народ, который следует за скифами на восток, суть "савроматы". *"Начиная от отдаленных частей Азовского моря, они занимают пространство к северу на пятнадцать дней пути. Страна эта совершенно лишена деревьев (в стране будинов деревья имеются в большом изобилии)..." "Савроматы говорят скифским языком, но их наречие всегда было нечисто, так как амазонки (согласно легенде, жены савроматов, — П.М.) недостаточно ему научились"*.

Подчеркнутые места совершенно точно определяют как исходный пункт продвижения сарматов по южнорусским степям, так и их родство со скифами (в тесном смысле). То и другое согласно с нашими собственными выводами. Традиционный взгляд также признает, что народность сарматов родственна скифской; но он считает тех и других иранцами. Мы уже возражали про-

тив огульности такого суждения. Теперь нам остается распространить наше мнение о народности скифов также и на сарматов. Те и другие представляются нам смесью тюрков с "европидами" Азии. Но примесь монгольского и кавказского элементов у сарматов становится заметнее.

Наше определение подкрепляется тем, что и во время своих передвижений сарматы оставались кочевниками. Пять веков после Геродота мы встречаем сарматов уже на Дунае и в верховьях Одера и Вислы, но и тут они все еще слыт в источниках как "бродячие" (*Vagi*), живущие в телегах (*amaхobii*), "жители телег" Пейтингеровой карты — *in plaustro equoque viventes* — "на возу и на лошади живущие", по Тациту. При этом всякий раз они оказываются в этих местах обитающие в ближайшем соседстве с поработанными ими славянами (*venedi sarmatae*, что мы отождествили с *servi sarmatarum*, см. там же). Славяне им "платят подати". Надо при этом, конечно, помнить наше резкое различие кочевников от оседлых земледельцев, связанное, по нашему мнению, с этнографическим различием. Это различие между сарматами и венедами (славянами) проводит и Тацит. Следует затем различать между западом и востоком русской степи. Еще В.В. Докучаев отметил, что "климатические условия юго-западной России несомненно более благоприятны для лесной растительности, чем климат соответствующих широт центральной и восточной России". А "так как юго-западная Россия примыкает к старому лесному Карпатскому кряжу, то естественно допустить, что здешние степи скорее уступили свое место лесам, чем где-либо в соответственных широтах России..." Этому благоприятствовал и "холмистый" рельеф местности. Недаром уже Геродот поместил здесь, в отличие от кочевников степи, своих "земледельцев" и "пахарей". Напротив, на восток, в Поволжье и за Волгой, степь, постепенно расширяясь, отнимала у лесостепи значительно больше пространства по направлению к северу, чем теперь. Именно здесь, на границах с Азией, сарматы должны были сохранить в наиболее чистом виде черты своей азиатской культуры.

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Эти соображения приводят нас в первую очередь к тому восточному пограничью, где вклинивается в степь единственный в России кусок азиатской абсолютной пустыни с каштановой почвой и солончаками. Нам поможет здесь новейшая сводная работа известного знатока археологии Нижнего Поволжья, П.С. Рыкова. К сожалению, этот серьезный ученый именно в этой работе подчинился обязательному для советских археологов и историков учению о "стадиальности", о котором мы только что говорили. Он принужден поэтому ступевывать разницу между севером и югом, — лесостепью и степью-пустыней — в Нижнем

Поволжье. Рыков отождествляет поэтому народности той и другой части — только чтобы доказать для всей этой территории одинаковую последовательность "стадий", требуемую теорией. Конечно, это ему не удастся; научная добросовестность требует постоянных поправок, которые и помогают установить истинную картину различия между населением степи-пустыни и населением волжской лесостепи. Из собственных указаний Рыкова совершенно ясно, что степь и ее население продолжают сохранять свой особый характер со времени первого своего заселения вплоть до исторических времен.

Мы принимаем при этом деление на периоды в истории степи, которое принадлежит Рыкову. Наша "сарматская" стадия является в его классификации последнею (точнее предпоследнею) ступенью изучаемого им периода. До нее он насчитывает (несколько меняя при этом выводы прежних своих работ, использованных нами в первой части тома) три главных периода. Они охватывают, в сущности, всю историю степи, включая и тот длительный "засушливый" период (4000-1000 до Р.Х.), когда степь находилась еще в процессе образования. На этом огромном протяжении трех тысячелетий сам Рыков принужден прежде всего выделить период тех "нескольких тысячелетий" — вплоть до эпохи бронзы, — когда ничтожное количество сохранившихся курганов свидетельствует о "малочисленности населения на обширном пространстве Нижнего Поволжья, от Урала до Хопра и от Каспийского моря до р. Суры". "Напротив, огромное количество курганов последующего времени", то есть с эпохи бронзы, должны свидетельствовать о густоте населения. Но как раз тут, где, в сущности, и начинается связанная история степи, Рыков вынужден постоянно отмечать резкое различие культурных процессов в северной, лесной, и в южной, степной и пустынной, части Нижнего Поволжья. Сопоставим показания Рыкова относительно этих различий:

Северная лесная часть Нижнего Поволжья Южная степная
и пустынная часть Нижнего Поволжья

Период первый (2500—1300 до Р.Х.)

"Хвалынская" стадия А. Погребения в яме с накатами и ступенями.
Хотя одно и то же "пастушеско-земледельческое" население,
но "менее устойчиво-оседлое" (?)

Период второй (1300 до Р.Х. — 200 по Р.Х.)

1200-900 до Р.Х. (нижние слои) поздне-срубная хвалынская культура поздней бронзы в курганах.

900-700. Ранняя эпоха железа. В верхних слоях грубая керамика с "рогожным" и "сетчатым" орнаментом.

Курганы отличаются от северных. Поселения "кратковременные", без сохранившегося культурного слоя, очевидно принадлежащие скотоводам. "Полуоседлое

600- до нашей эры. Развитие городищ с рогожной керамикой, принадлежащих "родовым группам, из которых развивается (?) мордовское племя".

Незащищенные селища с "мощными" остатками культурного слоя, принадлежащими земледельческому населению.

пастушеское общество, по ж е (?) ставшее кочевым". Появление племен с известными именами, но это "не миграция, а лишь естественное продвижение". (?)

Период третий. (400 до Р.Х. — 300-400 по Р.Х.)

Городища превращаются из мест постоянного обихода в убежища в случае опасности; возле них вырастают селища и "рядовые" невысокие курганы. Новый слой валов покрывает "рогожную" керамику. Инвентарь могил относится к первым векам нашей эры. Типичный Армеевский могильник 300-600 лет содержит культуру, общую с рязанско-окской (связанной с 1200-1300 по Р.Х.). Это — мордва. "Скифского типа стрелы пока не указывают на присутствие здесь скифов".

Скотоводы скифо-сарматы. От скифов к сарматам — "стадиальные" изменения. Скифы Поволжья — "скотоводы", мало связанные с греческими колониями. Они связаны обменом с северной частью (мордвой), с востоком и с Сибирью.

РАЗРЫВ НАСЕЛЕНИЙ ЛЕСОСТЕПИ И СТЕПИ-ПУСТЫНИ

Как видим, различия между приволжской лесостепью и степью-пустыней не только существуют, но они и в показаниях самого Рыкова углубляются по мере развития "стадий" культуры. Рыков, настаивавший на тождестве населения по обе стороны черты, сам делает открытие, что в лесистой части живет мордва, тогда как степь принадлежит "скифо-сарматам". Контраст этот не уменьшается тем, что мордву он отказывается причислять к финнам, а "скотоводам" пустыни лишь "позднее" позволяет превратиться в кочевников. Кочевой характер населения степи подтверждается и тем, что Рыков не находит в степи "ни сарматских городищ, ни более или менее значительных стоянок" — тогда как имеются "серьезные намеки" на оседлые поселения в лесной части. Отнеся эти последние к мордве, он тем не менее и здесь старается найти следы сарматов, ссылаясь на отдельные находки сарматских вещей и на существование здесь нескольких "подбойных" (см. ниже) погребений. Если бы это подтвердилось, то присутствие кочевников в лесостепи лишь подтвердило бы любопытный факт, который мы отметили относительно "царских" скифов. Это — отдельная колония завоевателей-кочевников, воспользовавшихся стратегическим прикрытием леса и заставлявших работать на себя местное оседлое население.

Отметим другое обстоятельство, не менее важное. Рыков очень правильно отмечает разницу между приволжско-оренбургскими "скифо-сарматами" и скифами Черноморья. В противоположность черноморским скифам, сарматы пограничных с

Азией степей "мало связаны с греческими колониями". Их связи севернее: они идут к мордве и Сибири. Это вполне соответствует нашим указаниям на две различные линии скифских переселений: северную и южную. На основании той же работы М.И. Ростовцева, которую мы пользовались для этих выводов, мы можем теперь утверждать, что та же разница поселений и культур продолжала существовать — и еще более усугублялась — в "сарматском" периоде. Правда, в IV столетии до Р.Х. она несколько ступшевуется постепенностью перехода от скифов к сарматам. Здесь, очевидно, сказалась этнографическая близость тех и других и постепенность внедрения новой волны азиатских кочевников.

Но чем дальше, тем противоположность двух типов сказывается резче; по выражению Ростовцева, она из "эволюции" переходит в настоящий "разрыв".

Разрыв этот особенно ярко вырисовывается в той классификации подразделений сарматского периода, который является выводом из всех работ Рыкова и его товарищей в Поволжье. Вот как характеризует он эти подразделения:

*1. Эллинистическое
время — III в. до Р.Х. по I в. по Р.Х.*

Погребения близки поздним скифским. Костяк в нем широк о й яме на спине ориентирован на юг, меловая подстилка, стенки иногда уложены плахами и покрыты ими. В инвентаре короткие мечи с прямой крестовиной. В женских могилах бронзовые зеркала с украшениями скифского времени.

*2. Римское
время — I-II вв. по Р.Х.*

Форма ямы почти квадрат или удлиненная. Ориентировка головой к Ю.З. или Ю. Особенно богаты инвентарем. Короткие мечи типа кинжала. Бронзовые фибулы римского типа. Ожерелья с подвесками. Кости овец. Разнообразная глиняная утварь, частью импортная.

*3. I-IV вв. по Р.Х.
(главным образом в Калмыцкой степи)*

Погребения в к в а д р а т н ы х обширных ямах, головой к Ю.В. Богаты оружием. Мечи массивные, широкие, без крестовин, длиной почти в 1 метр в деревянных ножнах, окрашенных красной лаковой краской. Также и кинжалы. Костяные обкладки лука, остатки колчана. Железные кольца от сбруи и удила. Фибулы с широкими, удлиненно-овальными спинками и широкими четырехугольными пластинками, для застегивания плаща на левом плече. Д е ф о р м и р о в а н н ы е черепа.

4. III-IV вв. по Р.Х.

(Калмыцкая степь, Ахтуба, Урал, Аткарский район)

Могилы с узкой и невысокой нишей (подбоем) большей частью в западной стене, где лежит покойник. Закрыты досками. Ориентировка на С. или на Ю. или на Ю.В. Черепа в с е г д а д е ф о р м и р о в а н ы. Длинные мечи, как в III типе, но без кинжалов. Длинные луки, напоминающие башкирские. Фибулы тех же форм с прибавкой новой формы — звездчатой с шестиугольным щитком, покрытым *цветной пастой с кружочками по концам*. При костях овец встречаются и *кости лошади*.

Разрыв между первыми двумя группами и третьей и четвертой совершенно несомненен. Обе последние группы (I-IV вв. по Р.Х.) характеризуются деформированными черепами — характерная черта кочевников. Длинные копыя удобны лишь при езде верхом. Появляются вместе с тем и остатки удил и колец для сбруи. Кости лошади присоединяются к костям овцы. В четвертом периоде (III-IV вв. по Р.Х.) к длинному мечу присоединяется длинный лук, напоминающий башкирский, и усиливается элемент украшений нового стиля — расцветка драгоценными камнями или стеклами и цветной пастой. Самый тип могилы напоминает нам погребения воинов в Сибири. В пятой группе, которую Рыков присоединяет к первым четырем (IV-V или V-VII) сюда присоединяется седло и кожаная сбруя, украшенная золотыми чеканными пластинками; формы украшений окончательно принимают "готский" тип. Найденный в раскопках шелковый кафтан малинового цвета с длинными рукавами возвращает нас к костюмам Радловских раскопок и к тканям китайского происхождения. Все это — уже подлинная азиатчина.

АЗИАТСКИЕ ВЛИЯНИЯ

Чтобы определить народность несомненных азиатских кочевников, похороненных в этих гробах Поволжья и Приуралья, обратимся к обобщениям М.И. Ростовцева, охватывающим более широкий кругозор. В немецком издании "Скифии и Босфора" (1931) он уже знает о первых раскопках Рыкова, Рау и Грекова и пользуется ими, чтобы ввести дополнительные оттенки к своим прежним выводам, основанным, главным образом, на изучении черноморского материала, лучше ему известного. Он именно проводит более резкую грань между северным вторжением кочевников с их более грубой, но вполне оригинальной культурой, и смешанной культурой Кубани, более богатой и проникнутой иранскими влияниями со стороны передней Азии, воспринятыми в последнюю минуту пантикапейскими мастерами. Эти мастера уловили вкусы новых заказчиков и разработа-

ли на основании их требований тот окончательный стиль, который пошел вместе с варварами гулять по Европе под названием "готского". Окончательная формула Ростовцева в конце первого тома его книги (второй том остался ненаписанным: в нем эта формула, конечно, могла измениться) следующая: "Новые колонисты этой (кубанской) области принесли с собой искусство, в котором... преобладали два направления: тенденция к многоцветности и тоже многоцветный новых звериный стиль. Оба эти нововведения колонисты принесли с собой из своей родины. Так как обе тенденции обнаруживают, особенно в технике, сильное иранское влияние, то необходимо принять, что и многоцветность, и новый звериный стиль развелись в странах, в которых были очень сильные поздние персидские влияния и традиции, а также не были неожиданными и китайские. Это указывает на те части центральной Азии, которые в IV столетии были сильно связаны с Персией: Туркестан, Афганистан, Белуджистан, Тибет. Характерно также, что старейшие произведения нового звериного стиля находятся в Аму-Дарьинском кладе. Как известно, этот клад состоит почти исключительно из персидских вещей IV столетия, которые также столь типичны для старейшей Оренбургской группы. Придя в Россию, оба эти течения развились дальше различно. Кубанский культурный склад подпал под сильное влияние Пантикапеи и блестящим образом развил многоцветный (полихромный) стиль, пренебрегши звериным стилем. Напротив, в Сибири и в степях звериный стиль расцвел сильно и могущественно, как показывают сибирские вещи и находки из Новочеркасска и из Донской области. П а н т и к а п е й с к и е ю в е л и р ы т у т н и п р и ч е м. Видно, что создали и разработали новый звериный стиль туземные художники".

Оговорки и нюансы в этой цитате указывают на некоторое колебание. Ростовцева стесняла, очевидно, его теория об одинаковом иранском происхождении скифов и сарматов. Китай и "туземные художники" Сибири укладывались с трудом в эту картину. Во всяком случае, Ростовцев признал, что "появление новой культуры сменило спорадическое влияние иранского культурного типа"; что тут была налицо "компактная волна" завоевателей, принесшая с собой "исключительное господство погребения в нишах" и новые формы оружия и украшений, без всякого влияния старых скифских элементов. Относительно нового способа носить мечи Ростовцев указывает, как на изобретателей, на "кочевых иранцев и л и м о н г о л о в", в противоположность мнению Пеллио и Эберта, считающих этих изобретателей китайцами. Затем приходится Ростовцеву обращаться уже к подлинным кочевникам средней Азии за аналогиями и прототипами, например, стремени, двухколесной повозки, зеркала из белого металла для женщин и т.п.

Очевидно, для дальнейших объяснений нам необходимо

выйти из рамок возможных влияний иранской культуры на более широкий простор, где становятся ясны и культурные связи Сибири, Алтая и Китая. Рыков уже позволил себе, "хотя и с большими оговорками", истолковать некоторые погребения "сарматского" времени как "гуннские". Для этого типа он ввел даже в свою классификацию *пятую* группу IV-V веков, "близкую к гуннскому времени". Остановимся же теперь на роли гуннов в этом общении между Китаем и русской степью.

ГУННЫ В БОРЬБЕ С КИТАЕМ

С гуннами мы уже встречались. На рубеже III и II столетий до Р.Х. упомянутый нами гунно-тюрк Мете (он же Моде, Мотун, Багдур) воспользовался расстройством дел в Китае, чтобы объединить огромную средне-азиатскую территорию от верхнего течения Желтой реки до долины Орхона и от Джунгарии до восточных границ Монголии. Но в то же время в самом Китае воцарилась новая династия Хань (202 г. до Р.Х. — 220 г. по Р.Х.), постепенно восстановившая государственный аппарат, реорганизовавшая вооруженные силы, укрепившая границу по верхнему течению Хоан-хо (исключая пустынную излучину Ордоса) — и приступившая к борьбе с гуннами и к распространению своего влияния на бассейн Тарима (восточный Туркестан). Через этот бассейн шла дорога к кочевым союзникам Китая против тех же гуннов. Территория между Алтаем и Куэнь-Лунем сделалась предметом длительного соперничества между гуннами и китайцами. В 104 г. до Р.Х., не зная как следует препятствий на пути от границы по Желтой реке в Фергану, китайское войско выступило в поход через восточный Туркестан, не запасшись продовольствием. Оно наткнулось на ряд независимых владений в долине Тарима, потратило силы в осаде городов и в борьбе со степью — и вернулось, проплутав два года, и потеряв почти всю армию (8 человек из каждых 10). В то же время 20.000 конницы сдались гуннам. Тогда, через год, было мобилизовано 60.000 войск, снабженных огромными стадами скота: половина армии дошла до Ферганы и навела страх на Даван. Городов она не взяла, но зато открыты были регулярные сношения Китая с культурными областями (русского) Туркестана. По дороге китайскими колонистами были устроены в бассейне Тарима хлебные запашки, построены укрепления, продлена Великая китайская стена вверх по Желтой реке. Против гуннов и перешедших к ним владетелей Восточного Туркестана (их числилось 36, потом 50) была направлена в 72 г. по Р.Х. громадная армия в 150.000 человек. Одновременно усунь двинулись с запада с 50.000, и гунны были атакованы на их собственной территории. Тогда гунны, избегая встречи, предпочли уйти на север; лишь несколько десятков тысяч их со стадами скота и табунами лошадей были взяты в плен китайцами и

усунями. К довершению поражения динлины напали на гуннов с севера. От такого удара гунны не могли оправиться. Часть их (юго-восточная) склонилась с тех пор (после 55 г. до Р. Х.) к подчинению Китая; другая часть (северо-западная) предпочитала для дальнейшей борьбы опереться на тюркское заселение Джунгарии. Юго-восточные гунны, под управлением хана Хохайши, согласились поселиться на китайской границе и защищать ее от своих соплеменников. Но на новом месте для этой части гуннов не хватало продовольствия. С разрешения императора Хохайша откочевал по другую сторону пустыни Шамо на старые места — в долину Орхона. Западной орде пришлось тогда откочевать дальше на запад — к уйгурам, кочевавшим между хребтами Таннуй-Ола и Великим Алтаем и между Алтаем и Тянь-Шанем. Западный путь вел дальше через область Кобдо к верховьям Енисея; второй, более удобный и, вероятно, испытанный ранее, — через Джунгарию к Черному Иртышу и в долину Или.

ТЮРКИЗАЦИЯ МОНГОЛОВ

Но здесь мы вступаем в область известного уже нам водораздела климатического и этнического. Очень точно этот переход от средне-азиатской фито-зоо- и антропогеографии так же, как и роль Джунгарии — коридора народов, — описаны в путешествии Каррутерса. Навстречу монгольской обстановке и населению выступает здесь тюркское, а за ним древнейшее, динлинское. Вспомним здесь наши наблюдения над тюркизацией динлинов, европидов и над такой же участью усуней, над появлением смешанного типа киргизов. Принудительное откочевание западных гуннов и связанное с ним передвижение на север киргизов — хакасов как нельзя лучше совпадает и с археологическими наблюдениями Минцлова и Радлова в Урянхайском крае и в области Минусинска.

Подтверждается и датировка этих новых пришельцев, принесших железную культуру, концом эры до Р.Х. и началом нашей эры.

Несколько позднее и последние остатки западных гуннов должны были окончательно оторваться от своего старого гнезда на Орхоне, тогда как южная орда окончательно слилась с Китаем, несла военную службу в пограничных и пустынных провинциях (Шенси и Шанси) и даже дала Китаю несколько императоров. Северные гунны, оставшись в одиночестве, уже по Р.Х., потерпели ряд новых поражений. В 74 г. китайцы разбили их на северной границе Восточного Туркестана; в 85 г. на них одновременно напали их китаизированные родичи с юга, динлины с севера и — новая гроза — сиен-пи — с востока. Удар повторился в 87 и в 89 гг. Раненый хан гуннов едва спасся бегством, и несколько тысяч его сородичей [гуннов] было убито,

200.000 перешли к Китаю, а Орхон был брошен. Зато завязались связи западных гуннов с кочевниками между Аральским и Каспийским морями, каньгюйцами и аланами.

ГУННЫ В ЕВРОПЕ

Мы здесь уже в обстановке дальнейшего продвижения гуннов к Уралу и Нижнему Поволжью. Определить точно хронологию этого последнего продвижения мы пока не можем. Отход западной орды под управлением брата Хохайши, Тситки, и восстановление им господства гуннов на указанной территории относятся к тридцатым годам по Р.Х. В 36 г. китайцы уже послали через Восточный Туркестан и через Джунгарию войска, которые разбили Тситку (сам он был убит). Но существование западной орды на этом не прекратилось. Продолжалась, как мы потом видели, и борьба с ними китайцев за обладание Восточным Туркестаном. Победы китайского полководца Пан-чао дали даже возможность китайцам установить через долину Тарима постоянное сообщение с Персией и Парфией тремя путями "шелковой" торговли: по северным склонам Тянь-Шаня в бассейн Или — к кочевникам — каньгюйцам и аланам; через Кашгар в Фергану, Парфию и Сирию и через Хотан, Кабул, Кашемир в северную Индию. Но с падением младшей линии Ханьской династии в конце II века по Р.Х. и с водворением в III веке (265-420) династии Цзинь — Китай очутился в положении, близко напоминавшем положение в те же века провинций Римской империи. На всем громадном пространстве обоих материков создалось благоприятное положение для разбойничьих набегов кочевников. Этим воспользовались новые кочевые племена востока Монголии: сиен-пи, жуан-жуани, а также и гуннские племена востока и запада.

Западная гуннская орда, сохранившая сравнительную чистоту своего состава, к этому времени уже успела откочевать с территории киргизских степей (Казакстана) на территорию между Аральским и Каспийским морями, а отсюда на верхний Урал и в низовья Волги (см. карту № 42). К ним, надо думать, и относится характеристика, какую дает Ростовцев "сарматскому" искусству этих местностей: "грубость, примитивность, подчеркнуто-военный характер нравов и образа жизни". Но он же подчеркивает также оригинальность и свежую силу этой культуры, которая не могла произойти из "утонченной и лишь постепенно грубевшей" культуры припонтийских скифов. Художественные шедевры этой культуры читатель мог видеть в жанровых сценах золотых сибирских пластинок: см. сцену охоты тюрка-европида и сцену отдыха воина монгольского типа (см. табл. № 39). Но этот путь гуннов был не единственный. По только что отмеченным "шелковым" дорогам выход на запад был возможен и южнее. И именно тут мы сталкиваемся с сме-

пением культурных влияний и этнических типов, которое окончательно обращает имя "гуннов" в собирательное понятие, объединяемое лишь признаком кочевого образа жизни.

Таково было "гуннское" племя "Иета" ("Хайталь" персов и армян), освободившееся от подчинения жуан-жуаням и вторгшееся на территорию Кушанского царства юечей, занявшее Согдиану (около 385 г.), а оттуда перебравшееся в западную Персию. Разбитые здесь сассанидским царем Баграм-Гором, они бросились в 450 г. на Пенджаб и на северную Индию. Греки называли этих кочевников "белыми гуннами", "евталитами" (то есть белокожими) и даже, по-видимому, считали их сравнительно культурными. Это подтверждает и Прокопий, предпочитающий их гуннам Атилы. Но в индийском походе они проявили чрезвычайную свирепость. Во всяком случае, проходя через культурные местности Туркестана, Согдианы, Бактрии и Персии, они попали в центр тех художественных влияний, которые, по Ростовцеву, и обнаружались в "сарматских" находках. Из Парфии сообщение с Кубанью через Кавказ, в связи с набегами кочевников, засвидетельствовано источниками для несколько более позднего времени; оно могло иметь место уже и в это время. Этим объяснялось бы более раннее проникновение нового переднеазиатского стиля на Кубань, помимо вторжения гуннов через Урал и Волгу. Но для этого необходимо признать, что тут произошел тот этнический разрыв, которого не знает Ростовцев и хочет затушевать Рыков. Чисто "сарматский" период истории степи должен был кончиться раньше, чем предполагалось. Начался период "гуннский".

ГУННЫ И ГОТЫ В ЮЖНОЙ РОССИИ

Помимо сарматов, гунны встретили, однако, на своем пути и другие народности, в том числе и германцев. Мы уже знакомы по археологическим источникам с постепенным проникновением германцев вверх по бассейну Вислы. С верхних притоков Вислы готы пробираются по Днестру и Бугу, следуя северному склону Карпат, в юго-западную Россию. Уже в начале I века до Р.Х. появляется здесь их первый авангард, бастарны. Около 190 г. до Р.Х. скифы в сообществе с галатам (кельтами) нападают на ослабевшую Ольбию. Это только первое предостережение, как и нашествие кимвров и тевтонов на Италию в том же столетии. По выразительной характеристике Плутарха, бастарны — это люди, которые "сражаются за плату, не умеют обрабатывать землю, кормить скот или плавать на кораблях: единственная их профессия — сражаться и завоевывать". Позднее эта характеристика наемных бродяг несколько изменяется: германцы идут на завоевания (и переселения) целым народом, с женами и детьми. Кроме денег они ищут новых земель для обработки.

По-видимому, среднюю категорию между наемниками и переселенцами представляли готы. В первой половине III века по Р.Х. и они, по следам галатов, ищут добычи, нападая на Ольбию (230), низовья Дуная и на Балканский полуостров. С середины этого века мы видим их поселившимися прочнее у Азовского моря. Оттуда во главе коалиции с бастарнами, герулами, и при содействии сарматов, они совершают набеги на берега Черного моря, проникая через Боспор и Архипелаг в Малую Азию. Император Клавдий Готский, победой при Нише (269) кладет предел этому первому нашествию варваров. Нашествие варваров отсрочено на столетие. Но наследник Клавдия Аврелий принужден очистить задунайскую Дакию: римская империя с этого времени переходит к обороне.

Пройдя через славянские земли и укрепившись у Меотиды, готы подчинили себе местных сарматов и жителей Боспора. Со своей стороны, готы тоже поддались культурному влиянию Боспорского царства. По сообщению Зосимы, "пока (в Боспорском царстве) были цари, получавшие власть по праву наследования от отца к сыну, то, благодаря дружбе с римлянами, правильно организованным торговым сношениям и ежегодно посылаемым им императором дарам, готы постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию". Но затем, по сообщению того же Зосимы, боспорцы, "скорее из страха, нежели по расположению", дали самим готам суда и показали им путь для переправы в Малую Азию.

С конца III века среди готов начало распространяться христианство — около 340 года Ульфила перевел для них Евангелие.

ГОТЫ И СЛАВЯНЕ

К сожалению, мы здесь вступаем в самый темный период готской истории. Ее историк Иордан, занимавший видное положение у готов в V столетии, уже только по преданиям и песням знает начало этой истории. К еще большему несчастью для нас, пропала подробная история готов, написанная Кассиодором, савонником при дворе Теодориха. Иордан держал ее в руках только три дня и скопировал ее весьма неудачно. Мы и по существу не можем верить в существование сколько-нибудь прочной великой державы полусказочного короля Германариха, будто бы объединившего под своею властью обширную территорию от Тиссы до Дона и от Балтийского моря до Дуная. Вероятно то, что во всех этих местах готы побывали в разное время своих странствий. Вероятно, они собирали и дань с народов, через которые проходили во время этого "полюдья". Это был тогда способ — образовать фиктивно — обширные государства. Тем важнее отметить, что славянские племена, которые попадались им на этом пути, были расселены уже на более широкой территории в направлении к востоку (см. ниже мое указание на

Ermenland) и к югу, чем знал их лет двести перед тем Тацит. Шли ли готы через Дакию или они, как предположил Нидерле, отклонились на юго-восток по западному Бугу, чтобы пройти верхними притоками Припяти на Днепр, — во всяком случае, они должны были пройти через земли, ставшие славянскими. Это и подтверждает Иордан, относя столкновение готов с славянами к легендарным временам Германариха. "После герулов Германарих направил оружие против венетов, которые хотя и не внушали уважения своим вооружением, но были богаты численностью. Сперва они пытались сопротивляться, но потом все служили власти Германариха". Кто эти "все", увидим позднее.

Поселения готов, ко времени, когда начинается их движение в римские провинции (последняя четверть IV столетия), обходят славянское население с двух сторон: с запада — визиготы занимают покинутую римлянами провинцию Дакию; с севера — остроготы граничат с славянами (антами) на Днепре. Более ранняя готская волна — около Азовского моря — стоит особо. Совершенно напрасно Прокопий, далекий от описываемых мест, помещает еще "безмерные народы антов" на север от Азовского моря, на Дону. До Дона славянские поселения в это время не доходили. Здесь тогда хозяйничали кочевники и для оседлых поселений не было места.

НАРУЖНОСТЬ И НРАВЫ ГУННОВ

Таково было положение на юге России, когда в 375 г. гуннский хан Баламбер, двигаясь на запад, перешел Дон. Появление новой кочевой орды произвело именно то впечатление, о котором мы говорили по поводу раскопок Рыкова: впечатление разрыва с тем, к чему население привыкло раньше. Сарматские племена, вероятно сильно перемешанные со старым иранским населением степей, такого впечатления дикости уже не производили. Их первоначальный азиатский тип должен был значительно смягчиться. Но появление гуннов вновь вызвало те же чувства отталкивания и ужаса, которые в свое время, судя по описанию Геродота, вызывала наружность скифов. И немудрено. Гунны вышли из тех же мест, откуда мы вывели скифов. Д.И.Иловайский, когда-то сражавшийся целых тридцать лет со сторонниками "норманнизма и туранизма" и видевший в гуннах славян, настойчиво обращал внимание на то, что источники, описывающие безобразия гуннов, не говорят ни о раскосости глаз, ни о выдающихся скулах (то есть о признаках, свойственных монголам), а потому ничто не мешает признать гуннов славянами — пусть хоть с нашими "мордовскими" физиономиями! Мы уже знаем, однако, по данным современной антропологической науки, что положение было намного сложнее. Тюркские кочевники, несомненно, представляли уже тогда смешанную расу. Мы видели в этом смешении черты "европидов" и

черты восточного евразийского типа — может быть, с примесью монгольских и кавказских элементов.

При первом своем появлении в Европе гунны, как и скифы, несомненно, произвели впечатление чего-то нового и невиданного. Вызванный их дикостью и жестокостью страх, вероятно, сгустил и усилил это впечатление, и в описании римских поэтов и прозаиков мы встречаем большую дозу риторики и преувеличений. Но основные черты азиатского кочевого быта выступают тут совершенно определенно. Вот выдержки из Аммиана Марцеллина, Иордана, Клавдиана, Апполинария Сидония, сопоставленные мною без соблюдения порядка источников. "У них крепкие, плотные части тела: сутулые, с толстым затылком, они похожи на двуногих животных или на грубо изваянные фигуры, которые ставят на выступах мостов... Лицо похоже на бесформенный кусок мяса с двумя дырами вместо глаз; круглая масса головы стягивается в узкий затылок. Переносица вдавливается пленками с детства. Они малы ростом и стареют безбородые; широкоплечи. Никогда двойная природа не соединяла теснее всадника-центавра с сросшимся с ним конем. Сидя по-женски на спине лошади, они отправляют свои дела, едят и пьют, погружаются в глубокий сон, прислонившись к шее; съезжают верхом, чтобы сообща обсудить важные дела, ибо ими не управляет суровость царей; они совершают свои набеги под импровизированным руководством знатных. Они не варят и не приправляют своих кушаньев, питаюсь корнями диких растений или сырым мясом, согреваемым под седлом. Никто у них не обрабатывает землю. Их телеги служат им жилищем: там их жены шьют их жалкое платье, там рожают детей и держат их до возмужалости. Из всех воинов они — самые страшные — издали и вблизи. Быстрота их необычайна. Не успеешь оглянуться, как они уже перескочили рвы, разграбили лагерь неприятеля. Издали они пускают стрелы, с костяными наконечниками вместо железных. Вблизи они размахивают беспорядочно мечом и, когда противник следит за грозящим острием, набрасывают на него аркан, который парализует его движения. Рассеянные силой, они моментально перестраиваются и в беспорядочной скачке сеют смерть. Таков народ, переправившийся на своих телегах через замерзший Истр, избородивший колесами его мокрый лед и вторгшийся внезапно".

Описанные здесь азиатские кочевники составляли полную противоположность германским племенам вроде готов, с которыми столкнулись. Те тоже искали добычи; но, получив ее, выговорив себе субсидии, требовали еще земель для постоянного поселения; в качестве "федератов" они делили фермы с римскими хозяевами, перенимая их нравы. Эти, напротив, разграбив страну и уведя в рабство жителей, оставались вне оседлых поселений, выбирая себе степь, напоминавшую им их привычное месторазвитие. Пустынная степь Венгрии, заливные луга доли-

ны Тиссы — вот их последнее убежище в Европе. Опустошив Мезию на правом берегу Дуная, Аттила ставит условием мира (448 г.), чтобы весь дунайский берег от Белграда до Систова оставался пустынным на пять дней пути от реки. Это — не только стратегическая мера; так кочевники искусственно расширяют свое месторазвитие. Но вернемся к началу.

ДВИЖЕНИЯ ГУННОВ

Из Киргизских степей, где мы оставили гуннов, они перекочевали в аральско-каспийскую низменность, а греческий географ II века Дионисий Перизетт знает их уже на западном берегу Каспийского моря. Здесь они прежде всего наткнулись на кочевья аланов, которые к этому времени уже успели распространиться на весь северный Кавказ; оттуда аланы уже давно совершали набеги в Закавказье через Дарьял и Дербентские ворота. По-видимому, северные кочевья аланов доходили уже тогда до Дона. Гунны обрушились на среднюю часть всего этого пространства и увлекли за собой здешних аланов в дальнейшие свои походы вплоть до Франции, Испании и северной Африки.

Аммиан Марцеллин резко отличает здесь аланов от гуннов. "Почти все они (аланы) высокорослы и красивы, волосы их более светлы. Взгляд их страшен, но не противен. Вооружением и быстротой они сходны с гуннами; но их образ жизни и культура менее дика".

Перейдя Дон, гуннский хан Баламбер (или Валамир) в 375 г. разбил остроготского короля Витимера, пытавшегося остановить продвижение гуннов. Подобно аланам, часть остроготов подчинилась и сопровождала гуннов в их европейских передвижениях. Остатки их долго существовали в Крыму и на Таманском полуострове. Вестготы, уже не дожидаясь очередного поражения, отступили и искали спасения в горах Трансильвании. Оттуда они соединились с другой своей частью, получившей разрешение римского императора Валента (376 г.) поселиться во Фракии. За ними перешли Дунай и остроготы — уже без разрешения императора. Не дождавшись поддержки своего западного коллеги Грациана, Валент дал готам сражение при Адрианополе, был разбит и пропал без вести (378 г.).

Так начиналась эпоха великого переселения народов. В конце 399 г. гот Гайнас ввел солдат в Константинополь. В 410 г. его земляк Аларих разграбил Рим. В то же время аланы переходят Рейн и опустошают Галлию (406-409 гг.). Характерным образом последний полководец римского происхождения Аэций, будущий победитель Атилы при Марне, обращается за помощью к гуннам, чтобы защитить Галлию от вторжения германских племен. Воспитанный в качестве заложника при дворе дяди Атилы, Аэций не раз приводил гуннские войска на запад. Но гунны шли по следам визиготов, которых продолжали

считать "беглецами" из своей армии. Все другие спутники гуннского нашествия оставались в рядах Аттилы: остроготы, скиры, гепиды, часть аланов, сармат и т.д. С ними Аттила двинулся из своего деревянного дворца между Тиссой и Корошем и дошел до Орлеана, под которым встретил его Аэций с визиготами. Не разбитый, но сильно ослабленный, Аттила вернулся в Паннонию, оттуда совершил еще набег на Рим и через год умер от удара. Его эфемерная "империя", как и все создания кочевников, оказалась недолговечной: борьба наследников и отпадение покоренных народностей (гепидов, остроготов) положили ей конец. Остатки гуннов были поселены в Мезии и Добрудже. В противоположность гуннам готы и другие германские племена внедрились прочно в тело римской империи и положили начало новым государствам. Отметим теперь же, что *участия славян* в этих походах и набегах IV и V столетий на запад *мы пока не видали*. В истории русской степи эпизод готов, гуннов вообще составляет скорее перерыв, чем особую главу.

ШЕСТОЙ ВЕК В ЮЖНОЙ СТЕПИ

Переходя теперь к шестому и следующим столетиям, мы встретим в русских степях иную, более сложную картину. На смену осколкам орды Аттилы уже надвигаются с восточного края степи новые племена кочевников того же корня. С другой стороны, следом за ними появляются первые предвестники нового нашествия, вызванного очередным переворотом в центральной Азии. На этот раз тюрки выступают, наконец, под своим собственным именем. Меняются вместе с тем и характер, и цели, и последствия кочевых набегов. Провинции римской империи уже достаточно разорены, чтобы по-прежнему служить заманчивой целью новых, чисто разбойничьих набегов. Венгерская ставка Аттилы только и имела смысл, чтобы сохранить в неприкосновенности кочевой быт завоевателей.

Прочная земледельческая колонизация римских земель не интересовала чистых кочевников: они ограничивались военной добычей и данью с побежденных. К тому же земли в Западной Европе теперь были уже захвачены германскими племенами, победившими Аттилу или освободившимися от гуннского владычества при распаде его монархии. Все это объясняет, почему гуннские племена, занявшие русские степи в тылу у Аттилы, больше не стремятся повторять его опыт. Степь на ближайшие столетия перестает поэтому служить проходным коридором на европейский запад.

Место римских провинций отныне занимает юго-восток Европы: Закавказье и Персия. Там есть что пограбить, и прямой путь туда открыт из русских степей.

Но тут сильным соперником является Византия. Навстречу варварским нашествиям она выдвигает более сложную полити-

ку — разложения варваров. Она старается, прежде всего, возбуждать вражду между варварскими племенами, а затем заключать союзы с одними против других. Постепенно первоначальный дикий напор кочевников при этом слабеет, уступая культурным влияниям. Помимо военной тактики византийских регулярных войск, кочевники заимствуют также и внешний облик восточной культуры, принимают одну из монотеистических религий и проникаются элементарными задачами государственного творчества. Весь этот процесс, конечно, требует нескольких столетий для своего завершения: от VI столетия он длится до IX-XIII ст. В промежутке втянутые в него племена теряют свои прежние названия и создают новые народности. Остановимся на начале этого процесса.

Из гуннских племен юга России некоторые становятся участниками отмеченного процесса. Они носят два имени, появляющиеся впервые: болгары и хазары. К ним присоединяется третье имя: аварской орды, которая является авангардом будущих нашествий. Все три народности начинают с обычных проявлений варварской дикости; все три окультуриваются и кончают попытками образования новых государств.

Из трех Аварская орда единственная, пробившись через русскую степь на Запад, остается кочевой и пытается создать там — наименее удачно — более широкие государственные образования. Другая орда, болгарская, направляется на Балканы и в своих усилиях государственного творчества достигает исключительного успеха. Обе эти орды вовлекают, наконец, и старых поселенцев, славян, в процесс своего государственного строительства. Авары, как увидим, кладут основу государственного объединения западных славян, болгары — восточных. Третья орда, хазарская, по степени успеха занимает среднее положение между аварской и болгарской. Начав с разбойничьих набегов на Закавказье и Персию, она отбрасывается в Предкавказье и в восточные русские степи; там она создает государство, принимающее культурные формы и просуществовавшее несколько столетий, но все же не пустившее корней для прочного роста. В Европе, как и в Азии, создать прочные государства кочевникам не удалось.

С конца V столетия вместо Западной Европы главной целью набегов становится Балканский полуостров. По свидетельству Прокопия, "с начала царствования Юстиниана (527 г.) гунны (болгары), славяне и анты почти каждый год страшно опустошали Иллирию и всю Фракию — все земли Ионического моря до предместий Константинополя, Элладу и Херсонес". Набеги эти зарегистрированы византийскими источниками в 533, 545, 547-548, 549, 550, 551 гг. Такое направление набегов в значительной степени объясняется ошибочной политикой Юстиниана. Вместо защиты подступов к Константинополю Юстиниан поставил своей задачей восстановить империю, вернуть ей Италию и

римские провинции, безнадежно потерянные на Западе. На Востоке византийская дипломатия пыталась отвлечь опасность, противопоставляя одних варваров другим.

По обе стороны Азовского моря и Дона кочевали тогда два "гуннских" племени: на запад от реки — кутригуры (они же оногуры); на восток — утигуры (они же котраги). Первым Византия платила дань; вторых, как более отдаленных, она натравливала на первых. Беспочвенность этой политики видна из ответа, данного однажды вождем утигуров Сандилисом византийцам. "Хотя он и желает быть в дружеских отношениях с Византией, — говорил он, — однако он считает неприличным и незаконным истреблять своих соплеменников, не только говорящих с утигурами одним языком, но и ведущих одинаковый образ жизни, носящих одинаковую одежду и родственников с ними, хотя и подвластных другим вождям". Сандилис соглашался лишь отнять у кутригуров лошадей — главное средство их наступлений. Византийцы возбуждали против кутригуров, с другой стороны, и "антов", которые в первой половине VI века участвовали, как мы видели, в набегах кутригуров (болгар) вместе с "склавенами", а с 534 г. поссорились с теми и другими и сделались союзниками Византии, хотя и бессильными. К антам и склавенам мы скоро вернемся.

На очереди стояло продвижение авар, которых византийцы тоже зачислили было в состав своих союзников, но которые в VII веке оказались опасными врагами. Это была свежая орда ("араг" орхонской надписи), прорвавшаяся, в результате нового переворота в средней Азии, сквозь гунно-болгарское население русских степей. Самое свое имя она заимствовала от тунгусских жуань-жуаней, давших толчок этому перевороту из восточной Монголии. Это движение выдвинуло, наконец, на арену тюрков (тукиу) под их собственным именем. Одна из надписей на реке Орхоне документально иллюстрирует скромное начало великой турецкой империи в Азии, блеснувшей в VII веке новым метеором, но оставившей по себе длительные и прочные последствия. "Мой отец, — говорится в этой интересной надписи, — выступил сначала с 17 мужами. Услышав, что он бродит за пределами, жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и составили отряд в 70 мужей. Двигаясь с войском вперед и назад (на восток и на запад), каган собирал и поднимал мужей, так что у него стало 700 мужей. 47 раз он ходил с войском и дал двадцать сражений. Он отнял племенные союзы у тех, кто имел их, и отнял каганов у тех, кто имел каганов". Другими словами, он уничтожил отдельную социальную и политическую организацию присоединяемых племенных единиц. В сущности, таково же было, спустя четыре столетия, и происхождение власти Чингис-хана (см. ниже).

ТЮРКИ

Обширная, хотя, по обычаю, и непрочная, империя тюрков была основана во второй половине VI столетия Тумынем с братом и с сыновьями обоих. В 582 году она уже разделилась на две — и ранее довольно самостоятельные друг от друга — части: восточную и западную. Западные тюрки направили свои завоевательные походы, как и следовало ожидать, в культурные области русского Туркестана, где покончили с господством "белых" гуннов-эфталитов и разрушили Кушанское (иранское) царство, оказавшись затем соседями персов. С персами сладить было труднее. Западные тюрки вошли в сношение с Византией, предлагая ей бороться против общего врага.

Авары тоже искали новых земель — и попытались добиться их у Византии. Предложенные им земли между Дравой и Савой, по-видимому, им не понравились, и они предпочли последовать приглашению лангобардов, обещавших им половину добычи, десятую часть скота и земли в Потиссье, если они выгонят оттуда гепидов. Авары выполнили условие, заняли всю Паннонию, и сами лангобарды принуждены были перебраться оттуда в Италию. В южно-русских степях авары оказались очень кратковременными пришельцами, пройдя все эти степи в короткий срок десяти лет. Едва ли они могли успеть подняться за эти годы к северному лесному краю степей. Об их неудачной попытке поработить славянские племена в центральной Европе мы говорили еще по поводу Само. Не удалась и их попытка навести страх на Византию своими хвастливыми угрозами. Средняя Европа оказалась еще менее благоприятным для кочевых набегов средоточием, нежели для орды Аттилы. Грозные и страшные при первой встрече, авары принуждены были остаться в первоначально занятых местах — и были окончательно уничтожены Карлом Великим.

Однако одно из последствий появления авар — правда, косвенное — оказалось более прочным. На своем пути с северного Кавказа в черноморские степи они (как потом и хазары) разрезали пополам болгар, отбросив одних из них к Волге, а других к Дунаю. Собственно говоря, нам трудно отделить болгар от упомянутых выше гуннских племен, ибо они оказываются живущими в тех же местах и в то же время, как и эти племена; часто имя этих последних и заменяется в источниках более конкретным именем болгар. Таким образом, эта часть болгар уже в 488 г. появляется на Дунае, в 502 г. нападает на Византию, тогда как так наз. Великая Болгария остается между Азовским морем и низовьями Волги, где кочуют утургуры. Известно предание, хронология которого колеблется на промежутке целого столетия. По этому преданию пять сыновей болгарского вождя Куврата расселились по смерти отца как раз на всем этом широком пространстве — от Волги до Дуная. Считать

их тюрками можно лишь с одной важной оговоркой. Как известно, русский хронограф сохранил генеалогию древнейших болгарских князей после переселения их на Балканы — с указанием годов их правления. Эти загадочные цифры были объяснены специалистами из чувашского языка. А чувашский язык считается тюркологами независимым от турецкого — точнее, представляющим какую-то первичную стадию образования тюркского языка. Этническая связь дунайской части болгар с волжской совершенно несомненна: об этом свидетельствует и антропологическая черта — одинаковое строение черепов. Окончательный толчок к уходу дунайской части болгар из русских степей дало, по-видимому, наступление хазар. В 679 г. эти болгары под начальством Аспаруха перешли Дунай и вторглись во Фракию. На правом берегу Дуная они нашли уже сплошное славянское население, дали ему свое имя и скоро с ним слились, передав ему и некоторые свои антропологические черты. Дальнейшая история болгарского царства слишком известна и выходит за пределы нашего рассказа.

С волжскими болгарам дело обстоит сложнее. Низовья Волги были уже заселены — и оказались для них, очевидно, слишком беспокойны. Им пришлось подняться вверх по давнишнему пути, продолжение которого шло к низовьям Камы, считавшейся в то время непосредственным продолжением Волги. Здесь они очутились среди финских племен и на подчинении их построили свою державу. Ее процветание относится к более позднему времени, а попытка расширения господства в направлении северо-запада вызвала конфликт — уже не с отдельными племенами, а с русским государством, расширившимся навстречу болгарскому. Нам придется еще вернуться к волжским болгарам (см. ниже).

ВЫСТУПЛЕНИЕ ХАЗАР

Несколько подробнее следует остановиться на хазарах, история которых представляет интересный пример быстрого перехода от дикого варварства к сравнительно высокой ступени культуры. Одним из факторов этого перехода является торговля; другим, не менее важным — переход от язычества к монотеистической религии. Потребность обмена продуктов охоты, скотоводства и человеческого товара на шелк, индийские и китайские ткани и золото вызвала и у хазар борьбу за обладание торговыми путями, ведшими через Персию и через культурные предгорья Туркестана в Китай и Индию, с одной стороны, в Византию — с другой. Из этих культурных стран шла и проповедь монотеизма в разных его формах. К древним влияниям буддизма, арианства и манихейства присоединилось в интересующих нас местностях влияние еврейских колоний Малой Азии и Сирии, а затем могучее влияние проповеди ислама. О цели пере-

хода к высшей форме религии красноречиво говорит одна надпись IX века, поставленная уйгурским ханом и выражающая пожелания какого-то проповедника новой веры. Надпись ставит задачей принятия новой веры, "чтобы страна с варварскими нравами, где лилась кровь, превратилась в страну, где питаются овощами; чтобы государство, где совершались убийства, преобразовалось в государство, где побуждают к добру". К этой пацифистской цитате Бартольд прибавляет мнение арабского писателя IX века (которое тут же оспаривает), что "принятие манихейства отразилось на военных качествах тогузгузов (турок — строителей вышеупомянутой тюркской державы): они "утратили свою храбрость под влиянием религии воздержания и мира".

В действительности начало хазарских выступлений ознаменовалось иными чертами. Они проявили крайнюю дикость и жестокость в борьбе против Персии в роли народности, подчиненной тюркам и союзной с Византией.

Самая наружность хазар производила в то время не менее удручающее впечатление, чем азиатское обличье гуннов. "Безобразная, гнусная, широколицая, бесресничная толпа в образе женщин с распущенными волосами (чуб на бритой голове) устремилась на жителей осажденного ими Дербента; меткие, сильные стрелки одожили их как бы сильным градом и, как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города, не оставляя в покое даже безвредных увечных и старых. Сердце их не сжималось при виде мальчиков и зарезанных матерей". Через год (627 г.) то же повторилось с осадой Тифлиса. "Стоны и вопли матерей и детей раздавались подобно бляению многочисленного стада овец к ягнятам своим. За ними вслед бросились жнецы немилосердные; руки их проливали кровь, ноги давили трупы, глаза смотрели на трупы, как на кучи града. Когда замолкли голоса и никого не осталось в живых, тогда только насытились мечи их" ("История Агван").

Эти первоначальные хазары говорили на языке, не похожем на тюркский и близком к болгарскому; их антропологический тип с широким лицом и носом, узкими глазами, редкой растительностью не совсем тождествен с монгольским; он напомнил одному исследователю "южно-сибирский" тип. Нельзя не видеть тут сходства с гуннами и первоначальными скифами.

Первое известное нам (не гипотетическое) место жительства хазар в Европе — северный Дагестан. Их грабительские походы направлены первоначально на Закавказье и Персию, что подтверждает их более южное местопребывание. Но с середины VII века хазары встретили сильного противника в лице арабов-мусульман. Началась восьмидесятилетняя кровопролитная ссора, шедшая с переменным счастьем и закончившаяся в 737 г. решительным поражением хазар и принятием частью народа му-

сульманской религии. Однако еще в 799 г. они вторглись в Армению, совершили страшные жестокости и увели множество пленных. Тогда же они были окончательно изгнаны из Закавказья полководцем Гарун-аль-Рашида и должны были передвинуть свои поселения и свои завоевания на север.

При переходе в этот период своего существования правители хазар приняли еврейскую веру. Состав населения в Предкавказье стал более сложным; разбойничьи набеги заменились торговыми сношениями; страна разбогатела и достигла известной степени культуры. Чтобы отразить опасность со стороны турок, хазары должны были еще раз переменить веру и перейти в магометанство (868 г.). Смягчение нравов и здесь сопровождалось ослаблением дикой воинственности. Хазары стали терять свою силу и с IX века должны были уступить место в степях новым кочевникам. В начале XI столетия их держава пала под ударами византийцев и русских. В годы своего расцвета (VIII в.) хазары распространили свое влияние на левый берег Днепра и верховья Оки; они брали здесь дань с восточно-славянских племен, полян, северян, радимичей и вятичей. Это дало даже повод проф. Ламанскому начинать русскую историю с "хазарского периода" — без достаточного основания, конечно, так как кратковременная и поверхностная власть над названными племенами на периферии двух возникавших государств нисколько не изменила основного характера того и другого. Старое основное население Хазарии даже не потеряло еще окончательно своего кочевого образа жизни, тогда как новые элементы, среди которых оно затерялось, сошлись исключительно под влиянием выгодного торгового положения нового (после передвижения на север) хазарского центра. "Страна хазар не производит ничего для вывоза", — свидетельствует об этом периоде Масуди. "Мед, воск, меха, которые Хазария вывозит в Персию, ввозятся туда из Руси, Булгара и Киева. Их свозят в восточную часть города Итиля (на рукаве Волги), населенную преимущественно купцами. А материи приходят с южных берегов Каспийского моря, из Византийской империи и из других соседних стран. Государственные доходы Хазарии состоят из пошлин, платимых путешественниками, и из десятины, взимаемой с товаров по всем дорогам, ведущим к столице" (Ибн-Даста). Таким образом, хазарское государство превратилось в большую торговую контору. Соответственно этому и "население города — смешанное: в восточной, большей части Итиля, живут магометане, христиане, евреи и язычники". Естественно, что и для отправления культа там существовали отдельно мечети, церкви и синагоги, а для отправления правосудия были организованы смешанные суды.

Правящий класс помещался в другой, западной части Итиля в "хижинах, построенных из дерева или из войлока"; каждую весну в апреле они "выходят в степь, где и остаются до приближения зимы (ноябрь)", работая на полевых участках и

свозя жатву в город "на повозках или на лодках". Естественно, что этим определяется и военная оборона Итиля: "зажиточные и богатые поставляют всадников сообразно количеству имущества и доходности промыслов". Их набирается не больше 10.000. Для усиления этого незначительного количества правительство содержит на постоянном жаловании 12.000 гвардии, причем большая и лучшая часть этой гвардии состоит уже не из природных хазар, а из мусульман, переселившихся из средней Азии. Этим определяется, наконец, и внешняя политика этого купеческого государства. Оно предпочитает поддерживать с опасными соседями мирные отношения посредством брачных союзов. Аланы, венгры, даже византийские базилевсы вступали в брачные союзы с хазарской знатью и с царским домом. Только самая верхушка власти, главный каган и его представитель — бек сохранили архаическую форму двоевластия (когда бек был местным исполнительным органом тюркского "северного царя"). Правящий дом сохранил и еврейское исповедание.

Все это могло держаться лишь при условии сравнительного спокойствия в степи. Но это спокойствие не могло быть продолжительным. Оно скоро было опять нарушено новыми вторжениями кочевников, и хазарский каган был отрезан от своих владений по северную сторону степи. Торговые связи хазар с внутренне-русскими путями, как увидим, прервались здесь, как и в Киеве, в связи с новыми внутри-азиатскими переворотами, и все здание торговли рухнуло вместе с той хрупкой политической постройкой, на которой она держалась. На смену рассмотренной серии кочевников опять выступали другие.

Заканчивая краткое описание выступлений этой группы кочевников VI столетия, родственной гуннам, мы снова отметим объединяющие их общие черты. Оставаясь, по существу, кочевниками, они, однако, оказываются более оседлыми, чем их предшественники. От простых набегов для грабежа оседлого населения они переходят к более длительной эксплуатации побежденных, путем наложения дани. Менее численные по составу — какой-нибудь десяток или полтора воинов-всадников, они налагают свою власть на сравнительно редкое население земледельцев средне-восточной Европы и образуют в короткое время необычно грандиозные "государства". Это напоминает нам "разведчиков" дунайской преистории, сарматов, с своих "телег" господствующих над венетами-славянами Германариха готского с его сказочной империей, болгар за Дунаем, хазарское господство над Приднепровьем, предприятие Само и т.д. Для нас важно отметить, что построенные ими государственные объединения в значительной части стоят на славянской базе. По существу, эти "государства" очень непрочны — пропорционально своим громадным размерам. Мы увидим, что последнее из них — "государство" норманнов-варягов — метко охарактеризовано од-

ним исследователем как государство "властителей дорог" — дромопритов. "Дорог", по которым движутся кочевники-кавалеристы, но не население, управляемое не только страхом, но и надеждой на поддержку против других таких же завоевателей. Надо отметить также и другую общую черту этой группы. Осаживаясь среди оседлого населения в роли господствующего класса, они приносят с собой не только лучшее вооружение, но и начатки высшей культуры, в виде одной из монотеистических религий: Иеговы, Христа и Магомета. Кончают они слиянием с местным населением, ими возглавленным.

Но их власть над славянами упрочивается в этот период только на западе и на юге. Что касается восточных славян, история их огосударствления относится к более позднему времени. В ожидании этого момента русская степь продолжает играть прежнюю роль, с той только разницей, что ее кочевое население уже не ищет счастья на занятом соплеменниками западе и центре Европы. К отношениям новых кочевников степи к лесному населению восточных славян мы теперь и вернемся.

АЗИАТСКИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВЫХ ХОЗЯЕВ СТЕПИ

Государство восточных тюрков-огузов в Монголии в 745 г. уступило место уйгурам. Сто лет спустя (840 г.) они тоже были изгнаны киргизами, пришедшими с верхнего Енисея. Киргизы, в свою очередь, принуждены были опять вернуться на Енисей в начале X века, когда их выгнало монгольское племя Китай, окончательно очистившее Монголию от тюрков. Для нас интереснее судьба западных тюрков-огузов, поселившихся десятью ордами на юг и на север от р. Или. Их владение распалось под ударами арабов у Сыр-Дарьи; места их на р. Чу были в 866 г. заняты другим тюркским племенем — карлуков. Арабы, однако, в VIII веке не пошли дальше завоевания культурных местностей Туркестана. Они перешли к оборонительной политике и отгородились стенами и валами от тюркских кочевников. Граница тут прошла между иранцами и турками, оседлым и кочевым населением, мусульманами и "неверными". Арабы назвали завоеванную ими область на юг от Аму-Дарьи Мавераннахром. Арабская династия Саманидов, правившая здесь между 840-1000 гг., перешла, однако, за эту черту в наступление и основала на нижнем течении Сыр-Дарьи несколько мусульманских колоний в области тюрков-огузов. Отсюда путь шел на Иртыш — к племени Кимак, позднее получившему более известное название Кыпчак, по имени одного из входивших в его состав племен. В X столетии мы впервые встречаем для карлуков и огузов название "туркмен", свидетельствующее о том, что оба племени подверглись влиянию иранского элемента Туркестана.

В том же конце X века династия Саманидов была сменена первой в Трансоксании турецкой династией Караханидов. Тогда же карлуки и огузы приняли магометанство. Этим определяются границы завоеваний ислама к началу XI века.

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ, БЕРЕНДЕИ

Ни карлуки, ни огузы не имели ханов и не были народами-объединителями. Но от них пошли две большие волны переселений. Часть огузов в конце IX века двинулась с северных берегов Каспийского моря к Приволжью под именем печенегов. По нашей летописи, они в 915 г. прошли "русскую землю", направляясь к Дунаю, а в 968 г. осадили Киев. Другая, отделившаяся от огузов часть одновременно проникла в Малую Азию. Обе эти тюркские волны с двух сторон, хотя и совершенно независимо друг от друга, грозили Византии. Нас, конечно, интересует тюркская волна печенегов, появившаяся в южно-русских степях в сопровождении двух других народностей: торков и берендеев, родственных им. Печенеги перешли Урал в IX столетии. По утверждению Масуди, они были вынуждены к этому нападениями кимаков, огузов и карлуков (еще до принятия ими ислама). Сочетание этих имен уже показывает, что давление шло широким фронтом, причем завоеванные арабами местности, то есть культурная часть Туркестана, были обойдены. Совершенно правильно молодой исследователь Д.А. Расовский напоминает при этом, что фронт переселения на этот раз отодвинулся далеко на север. Мы уже не раз отмечали тесную климатическую и культурную связь русско-азиатского пограничья на протяжении между левыми притоками Оби и средней Волгой. Это единство с особенной яркостью подчеркивается соприкосновением кочевых территорий кимаков и огузов. Те и другие перегоняли свои стада на лето к низовьям Камы, тогда как их зимовники находились у кимаков на Ишиме и Тоболе (см. карту № 42), а у огузов, примерно, на реке Чу, где находился их центр, г.Баласагун. Это громадное пространство, примерно соответствующее теперешним Татарской, Башкирской республикам и сев. половине Казахстана, не должно вводить нас в заблуждение относительно чрезмерной численности кочевников. Вспомним, что кочевой образ хозяйствования допускает плотность не больше 1-2 человек на кв. милю. Волжские болгары начали свои завоевания в этой среде всего с 500 семьями.

Другая волна огузов, получившая название узов (у византийцев) и торков (у русских), появляется в южно-русских степях несколько позднее — уже в XI столетии; но возможно, что, идя с северо-востока, она, как догадывается Расовский, уже в X в. оставила свой след в названии города Торческ, среди волжских болгар и в суздальских поселениях торков, которых Владимир привел с собой против тех же болгар в 985 г. Весьма ве-

роятна также догадка Бартольда, что последний толчок был дан узам кыпчаками, которые в XI столетии уже приобрели большой вес и распространение в передней Азии. Арабские географы, называвшие степь в X столетии степью гузов, теперь, в XI ст., называют ее "кыпчакскою". Дальнейшее доказательство этого толчка заключается в том, что в середине XI в.¹ и сами кыпчаки появляются в России под названием половцев (у византийцев и венгров — куманов).

РУССКИЕ КНЯЗЬЯ, ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ И ПОЛОВЦЫ

Так складывается последняя группа тюркских кочевников, с которой приходится иметь дело зародившемуся русскому государству, вплоть до прихода монголов в XIII веке. Особенность положения этих последних тюрков та, что вместо неорганизованных восточно-славянских племен, только что плативших дань хазарам, они наталкиваются на княжескую династию, их объединившую. Другая особенность та, что при быстроте, с которой они появляются друг за другом, печенеги, торки и пришедшее с последними племя берендеев (от "берен") не успевают войти в определенные отношения ни между собой, ни с русскими князьями. Их поведение диктуется появлением сильнейшего врага — половцев, которые заставляют их объединиться под названием черных клобуков для общей защиты и искать поддержки у князей, которые сами нуждаются в их помощи — как против общего врага, так и в междоусобной борьбе. Это устанавливает своеобразные отношения на границе лесостепи с теми кочевниками, которых русские князья начинают, в противоположность "диким половцам", называть "наши поганые", "надобные" Руси.

Казалось, за полтораста лет постоянных отношений с черными клобуками могли бы сложиться признаки взаимного сближения и влияния культур. Но этих последствий полуневольного соседства мы не замечаем. Это объясняется, прежде всего, тем, что кочевники до самого конца — то есть до монгольского нашествия — сохранили в неприкосновенности черты своего кочевого быта. Они продолжали жить в своих "вежах" с женами и детьми, окруженные стадами, скотом. После того, как прошли первые десятилетия "беспрепятственной великой рати" с ними первых князей и когда часть печенегов отхлынула в Венгрию, киевские князья употребили оставшихся главным образом для защиты столицы. Только в последние десятилетия XI века князья перешли от системы защиты укрепленных подступов к Киеву — валом и городков "по Десне, и по Востри, и

¹ В 1061 г. "придоша половци первое на Русьскую землю воеват" [Повесть Временных лет, изд. 1950 г., I, стр. 109].

по Трубежеви, и по Суле и по Стугне” — к системе расселения черных клобуков, преимущественно по р. Роси, чтобы загородиться от внезапных набегов половцев. Поселенцы сохраняли при этом полную самостоятельность по отношению к князьям: помогали им, когда было выгодно (“ты наш князь, коли силен будеши, и мы с тобою; а ныне не твое веремя, поеди прочь”), “льстили” и двоедушничали, когда было невыгодно. Они вызвали даже разочарованный отзыв одного обманутого ими князя: “Не дай бог поганому веры имати николиже”. Связывал их взаимный интерес: князей — поддержать при их обязательном содействии свою кандидатуру на киевский престол, а черных клобуков — улучшить момент, чтобы напасть на половцев с каким-нибудь “дерзким” молодым князем — и вернуться в свои “вежи” с награбленным добром: золотом, серебром, оружием, табунами лошадей и стадами скота, а также дорогими украшениями конской сбруи и драгоценными тканями костюмов и с “полоном” рабов и рабынь. За взятых в плен половецких ханов брали хороший выкуп. Зная лучше положение в степи, черные клобуки не раз отклоняли князей от несвоевременных походов на половцев. Научиться кавалерийской тактике кочевников, их быстрым налетам и таким же отступлениям русские рати никак не могли. Черные клобуки предпочитали ставить княжеские полки позади, предоставляя себе первую атаку. В случае разногласий они даже позволяли себе уведомить своих половецких “сватов”, что на них идут русские князья, и тем предупреждали нападение. Ходили князья и одни в степь, но в таком случае черные клобуки слагали с себя ответственность за результат: так было в 1184 г. с неудачным походом Игоря Святославича.

Как видно из сказанного, сношения князей с половцами редко бывали непосредственными; обыкновенно посредниками являлись поселенные на границы “свои поганые”. Этим объясняется, почему сблизиться с половцами, минуя “своих поганых”, было еще труднее, нежели сойтись ближе с этими последними. Собственно говоря, физический тип половцев (как и группы черных клобуков) не отталкивал так, как это было с гуннами, аварами и первоначальными хазарами. Самое имя половец — “половых” — “плавных”, то есть с волосами соломенного цвета, указывает на иной антропологический тип, — как и следует предположить по их приходу с самого севера тюркской территории, где, как мы знаем, население сохранило тип “динлинов”-европидов. “Белый” элемент подобного же типа мы встречаем и у “белых гуннов” (эфталитов), “белых хазар”, и у “белых болгар” и т.д. (На табл. № 39 черты “белого” и монгольского типа представлены как контраст, особенно ясно номерами 11 и 12.) Мы знаем о браках между половцами и русскими. И при исполнении гениального произведения Бородина не следовало бы изображать Кончака чистым монголом.

Но "кочевая цивилизация" все же не сливалась с "оседлой", как хотел бы думать Д.А.Расовский. Из походов князя привозили с собою ту же добычу, как и черные клобуки: "помчаша красные девки половецкыя, а с ними злато и паволокы и драгья оксамиты (парча, бархат). Орътмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотам и грязивым местом и всякими узорочьи половецкыми". А "чрълен стяг, бела хоруггов, чрълена чолка, сребрено оружие — храброму Святъславличю". Так говорится в знаменитом месте "Слова о полку Игореве", напрасно заподозренном в своей подлинности. Нельзя отрицать, что из браков с "красными девками половецкими", а еще более — вследствие передвижения в лесостепь некоторой части кочевого населения, спасшегося от следующих кочевых волн, могло и должно было сложиться смешанное пограничное население. "Черниговские были", все эти "шельбиры и топчаки" Ярослав Всеволодовича, а также и те "кураяне", которых хвалил Игорь за их тонкое знание степного рельефа и за постоянную готовность к бою из луков, колчанов и острых сабель, относятся, очевидно, к этому роду пограничного смешанного населения. Население Сквирского уезда Киевской губ. (в верховьях Роси) еще в XVI веке называло себя половцами. Но едва ли от такого населения описываемого времени могло много сохраниться. Монгольская гроза XIII в. прошла по степной зоне с такой силой разрушения, что уцелевшие до того времени пограничные инородцы вместе со своими укреплениями должны были быть сметены начисто. Шесть лет спустя после разрушения Киева (1240 г.) Плано Карпини, проезжая киевской землей, отметил живые следы опустошения. "Мы встречали бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; город (Киев) сведен на ничто: там двести домов, и людей тех они держат в самом тяжелом рабстве". Большая часть кочевников отхлынула в Венгрию, а других повлекли в помощь себе монгольские орды. Степь опустела на всем пограничном пространстве с лесостепью: и на территории Переяславского княжества, и вверх по Дону, и в рязанской земле².

КОЧЕВОЙ БЫТ В СТЕПИ

Мы довели историю русской степи до первой четверти XIII столетия и убедились, что за это время ни сама степь, ни подвижное население, избравшее ее временным местом жительства

² Любопытно отметить, что кочевники, оставшиеся жить в Венгрии, вступили с местной властью в иные отношения, чем те, какие сложились на русском юге. Они также были использованы для защиты границ; но тогда как на Руси эти отношения остались бесформенными, в Венгрии права и обязанности поселенцев были точно определены договорными грамотами с каждой отдельной их частью. Быт уже был закреплен правом в ближайшем соседстве Запада с Русью.

ва, не изменили своего характера. Мало того, разрушения, произведенные в степи монголами, вернули ее в первобытное состояние.

Этой паузой мы воспользуемся, чтобы отдать себе отчет во внутреннем строе сменявшихся здесь народностей. Единство месторазвития, в котором они сформировались, племенная этнографическая близость, а отчасти и антропологическая связь между ними уже гарантируют нам большую степень сходства в их быте. В свое время мы уже отметили "неподвижность и неизменяемость в течение длинных промежутков времени" как "закон кочевнического быта". Все это уполномочивает нас искать общих черт этого быта там, где быт кочевников описан сравнительно подробно, — в древнейших памятниках исторической эпохи. Таковы монгольские и арабские источники, относящиеся ко времени, предшествовавшему возвышению Темучина (Чингис-хана). В основу нашего изложения мы положим последнюю чрезвычайно ценную работу покойного Владимирцева.

На примере Рыкова мы уже видели те преувеличения и беспочвенные догадки, к которым обязательное советское мировоззрение принуждает даже серьезных работников науки³. У Владимирцева мы встречаем внутреннее противодействие этому насилию над ученой мыслью (черты его, впрочем, мы отметили и у самого Рыкова). Речь идет о приложении понятия "феодализм" к кочевому быту изучаемой эпохи. Традиционное изображение общественного строя кочевых народов строится обыкновенно на идее родового быта. Обязательная советская доктрина требует признания, что быт этот вступил в "стадию" феодализма. Можно, конечно, употреблять *термин* "феодализм" в том общем смысле, в котором оно приложимо к любому народу, не создавшему еще настоящего государственного строя или, напротив, находящемуся в состоянии распада государственности. На обеих переходных ступенях — развития и упадка — мы имеем дело с смешением признаков государственной власти с признаками власти территориально-хозяйственной. Но от такого общего, чисто терминологического обозначения тех и других процессов мы мало выиграем в понимании специальных форм, которыми отличается переход *до* или *от* государства в том или другом определенном месте и времени. Конечно, понятие родового быта, которое само по себе соответствует примитивному состоянию, больше подходит к данному случаю, ибо кочевой быт неизбежно характеризуется запоздалостью и примитивизмом. Но, несомненно, это определение грешит в другую сторону, изображая на чересчур уже низкой ступени развития кочевой

³ Однако же, судя по предисловию к № 2 сборника "Советская археология" (1937 г.), замечается некоторая реакция против "вульгарно-социологических рассуждений" в интересах "конкретно-исторических исследований". Пожелаем успеха этому возвращению к науке от модной халтуры.

быт известных нам исторических народов. Метод "Очерков" — связать исторический период с доисторической эпохой — уже приводил нас к неизбежному заключению, что общественные формы вообще развивались гораздо ранее, нежели было принято думать прежде. Следовательно, при вступлении в историческую эпоху эти формы являлись уже значительно усложненными. В частности, и родовый быт кочевников, хотя и сохранивший примитивно-патриархальные основы, оказывается уже пережившим известный период разложения к началу исторической эпохи. Говорить о "золотом веке", когда "не было ни богатых, ни бедных", тут уже не приходится. Уже в эпоху бронзы, не говоря о начале железного века, мы встретились с богатыми погребениями вождей. Уже в скифскую эпоху эти вожди обладали вооружением, украшениями и костюмами, свидетельствовавшими о сношениях с далекими торговыми путями, которыми эти товары привозились из культурных стран, и о наличии предметов местного натурального хозяйства и человеческого товара, на которые эти предметы обменивались. Геродот уже различал между немногочисленными "царскими" скифами с их могилами — и просто "свободными", находившимися в той или другой степени зависимости от них. В погребениях средней Азии мы опять нашли вождей, одетых в дорогие меха и китайские шелковые ткани: это снова свидетельствует о сношениях обитателей "войлочных палаток" с отдаленными странами и об эксплуатации кочевниками народов, добывавших для продажи лесную пушнину. Сравнивая все эти наблюдения с показаниями орхонских надписей и с данными XI-XIII вв., рисующими быт древних монголов, мы констатируем одни и те же черты и приходим к подтверждению нашего вывода, что не следует считать кочевой быт слишком примитивным. Правда, известная нам китайская характеристика II в. до Р.Х., что хунны "перекочевывают с места на место, судя по приволью в траве и воде", и что они "не имеют ни городов, ни оседлости и земледелия", повторяется и в V-VII вв. по Р.Х. относительно аваров, уйгуров, киданей и т.д. Правда, и путешественники XIII в. (Плано Карпини, Рубрук) говорят о татарах (монголах), что они "не имеют постоянных жилищ и не знают, где будут жить завтра". Но в тех же источниках мы встречаем и необходимые поправки к этим основным чертам всякого кочевого быта. У хуннов, по тем же китайским летописям, "у каждого есть определенный участок земли", так что при перекочевках с зимы на лето "каждый сарпанаус сообразно с большим или меньшим числом людей, которых он имеет под своей властью, знает границы своих пастбищ и знает, где он должен остановиться". В этом смысле надо понять и показание Рубрука, что татары "поделили между собой всю Скифию". Вспомним и "хазарские летние работы за стенами Итиля", и — в грандиозных размерах — соседство кочевий огузов и кимаков (торков и половцев), не задевающих

друг друга в низовьях Камы. Во всех этих случаях, очевидно, уже имеется представление об условной собственности на уголья.

В персидских и арабских источниках XII-XIII вв. мы получаем более подробные сведения, подтверждающие и развивающие наши прежние наблюдения. Прежде всего, напомним нашу необходимую поправку к самому понятию "кочеванья в степи". "А б с о л ю т н а я" степь для такого кочеванья непригодна. На этом основывается наше разделение двух направлений скифского движения, северного и южного, по обе стороны пустынной степи в собственном смысле. То же самое разделение между северными и южными кочевниками мы видели по обе стороны пустыни Гоби или Шамо. Орхон здесь сыграл роль геродотовского Герроса. Иранизация и эллинизация южных скифов соответствуют китаизации южных хуннов. Напротив, северные тюрки, сохранившие свой быт, дали все те волны кочевников, которые одна за другой покрывали русскую степь. Но и эти северные тюрки, как оказывается, не разрывали своей связи с населением лесостепи, держась в соседстве с ней на Тоболе, Иртыше, Енисее и Байкале.

Мы узнаем, действительно, что и древнейшие монгольские племена жили по границе сибирской лесостепи, в непосредственном соседстве с "лесными" звероловами, — и даже сами делились на "лесных" и скотоводческих, спустившихся с горных пастбищ в настоящую степь, начиная от озера Кулун-Буир до западных отрогов Алтайских гор (теперешние ханства Тушету и Цепен до Великого Хингана). Хотя предание и говорит, что раньше сами скотоводы были лесными звероловами, мы вправе усомниться в такой крутой перемене быта. Раньше мы говорили о случаях вытеснения с юга на север, в Сибирь, якутов и тунгусов и о превращении их при этом из "лошадных" в "оленьих". Но это все же была перемена в составе стад, а не в полном изменении быта. О полной непримиримости двух бытов говорит еще Рашид-ад-Дин, писатель, живший [между 1247 и 1318 гг.]. "Лесным", по его сообщению, "казалась невыносимой жизнь кочевника-скотовода, так же как и жизнь горожанина: лучше их жизни не может быть ничего; нет людей блаженнее их". Со своей стороны, "поколения, живущие в войлочных кибитках", не знающие лесной лыжной охоты на "черных лисц и голубых белок", привыкшие к широким горизонтам и к более обильным источникам дохода, наверное, отвечали им тем же. Охота, правда, и для степных обитателей кибиток была большим подспорьем, когда не было случая пограбить соседей. Но это была "облавная охота", с загонщиками, на степного красного зверя. Только в худшем случае охотились на тарбоганов (сурков) и полевых мышей. Напротив, лесные племена "соболевщиков" (булагачин) и "белковщиков" (кердмючин) доставляли меха. Они попали позднее в зависимость от скотоводов и

стали их данниками. Как и леса в этой местности, "лесные племена" были разбросаны небольшими группами. По Рашид-ад-Дину, "от леса до леса будет пути один месяц, два месяца или десять дней". Соответственно этому географическому разобщению эти "многочисленные", но мелкие группы охотников очень различались между собою языком и обычаями: новое доказательство, что они были не монголами — какими могли быть олениводы, — а уже известными нам сибирскими племенами, как палеазиаты, быт которых сохранился в неприкосновенности от глубоких доисторических времен каменного века (см. следующую главу о Восточной Сибири).

Скотоводы степи представляют совершенно другую категорию. Они подчиняли себе поставщиков пушнины, чтобы иметь средство обмена на недостающие предметы — в том числе и на хлеб, который еще в XIII веке привозился в виде муки, на вьюках из-за "северных гор". Невозможно отрицать и существование земледелия; но признаки его, в виде остатков древних оросительных канав, составляют редкое исключение в степи. Оно связано с рельефом местности, с горными скатами, с исключительным накоплением воды. Лишенная этих вспомогательных средств, равнина превращалась в "голодную" степь. Движение по ней было возможно только с запасами питья и пищи. Китайцы, по мере расширения своих дипломатических сношений, давно позаботились завести правильные запашки на пути следования своих караванов по наиболее употребляемым направлениям (см. выше). Присяга на верность Темучину предвидела и такую санкцию: "если преступим твои приказы... отними у нас жен и имущества и покинь нас в безлюдных пустынях". В таких "песках", как описывает их китайский историк "Западного края", "совершенно не видно тропинок; путешественники ищут человеческих или скотских костей — и по их направлению идут. В дороге иногда слышны пение и плач, и путешественники, следуя на голос, часто заблуждаются". Это та "звучащая" пустыня, которую гениально передал Бородин последними тактами своей пьесы "В степях средней Азии".

В очерченных пределах скотоводство действительно составляло единственный источник существования. Из одного предания о молодости Чингис-хана мы узнаем, что уже в этой области хозяйства происходило социальное расслоение на коневодов и овцеводов. Когда с другом детства Джамугой они меняли пастбища для скота, Джамуга, который был "демократом", предложил на выбор: или остановиться у горы, где будет лучше для "пасущих коней" богачей, имеющих табуны, или спуститься к потоку, где "пасущие овец и коз", то есть простой народ, "карача", может достать себе пищу. Темучин, пробывавшийся в вожди кочевой аристократии, выбрал горные скаты — и поссорился с Джамугой, нажив себе в нем непримиримого врага.

Обычно, однако же, оба рода стад соединялись. Стада овец и баранов служили ходовой пищей. Табуны лошадей — форма накопления богатства — были средством быстрого передвижения в случае набегов. Быки и коровы употреблялись для перевозки подвижных жилищ на примитивных кибитках. На остановках кибитки располагались в древности "куренем" — кольцом, с кибиткой вождя в центре. Форма "куреня" сохранилась и позднее, как способ защиты при встрече с неприятелем. Но когда аристократия разбогатела от размножения стад, а степь была замирена путем подчинения слабых сильным, то владельцы больших стад предпочитали кочевать отдельными группами, "аилами", вместо "куреней". Это не значило, однако, что исчезло родовое начало. Оно лишь приняло искусственные формы. Род вообще и раньше не получил законченной юридической формы; размножаясь, родичи постоянно образовывали новые ветви, которые теряли связь друг с другом, — то падая, то поднимаясь в богатстве и в социальном весе. На пропорциональной силе их и строились их отношения. Формально, поскольку сохранялась память об общем родоначальнике — ("зоюге"), они были равноправны: они — "родственники" ("урух") в противоположность чужим ("джад"). Но так как жен приходилось выбирать вне рода, то образовался слой родственников по жене ("тергюд"); они назывались "сватами" ("худа"). Совершенно чужими были роды, побежденные в борьбе, обращенные формально в коллективное рабство и ставшие "слугами" победителей ("унаган боголы"). Фактически это были подданные, часто в процессе совместной службы сближавшиеся с владельческим родом. Иное положение занимали индивидуально-подчиненные личные рабы и домашние слуги; в особом положении были также, с другой стороны, свободные воины ("некед-нукеры"), "друзья", составлявшие свиту вождей, их дружины, служившие и на войне, и в частном быту, — связанные с господином клятвой, но сохранившие право уйти и перейти от него к другому вождю. По новой теории, это и были "вассалы"; в действительности они скорее напоминают дружинников первых русских князей.

Класс аристократии, о котором только что говорилось, тоже мало походил на иерархию феодалов. Ядром его были представители разделившихся родов, достаточно влиятельных. Но род мог упасть и вновь возвыситься, как было и с собственной семьей Темучина. Когда отец его Иесугай-багатур был предательски убит, подчинявшийся ему род откочевал, уведя с собой "людей" его семьи, угнав весь скот и тем заставив вдову, которую лишили права участвовать в родовых жертвоприношениях, прекратить кочевое хозяйство и перейти на охоту за мелкими грызунами и на рыбную ловлю. Но вот сын Иесугая оказался в силах вновь подчинить одних, привлечь к себе других — и восстановить род своим степным удалством. И у него вновь поя-

вились "без счета супруги, слуги, табуны и стада". Про него прошел слух: "этот царевич снимает платье с себя и отдает; сходит с лошади и отдает; у него есть страна, он питает войско и хорошо держит улус. Пойдем к нему, успокоимся в тени его благоденствия". И главы родов в семейном совете-курултае волей-неволей "провозгласили его ханом, принесли ему присягу и обязались признать его власть". Это не "выбор", это — санкция личного успеха. Таковы были, по словам Владимирцева, "эфемерные вожди неопределенных групп с неопределенной, всегда оспариваемой властью". Они скорее напоминают "воевод" Тацитовой Германии, нежели средневековых "сюзеренов". Их власть действительно напоминает "прерогативу атамана разбойничьей шайки"; и самый "выбор" их совершается в очевидном расчете на набеги, грабежи и добычу. "В битвах мы будем впереди, прекрасных девиц и добрых коней — и пойманных в облове зверей — будем отдавать тебе". Так клянутся новые слуги — в расчете на справедливый дележ.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Описание социального строя монголов в XI-XII вв., представленное здесь по последней работе Владимирцева, дает нам возможность перейти теперь к последней стадии в истории степи: к образованию государственной власти Чингис-хана (Темучина), положившей начало эпохе "татарского ига" в русской истории. Между бытом кочевников, сменявших друг друга в южно-русских степях, и строем полчищ, завоевавших лесную Россию, имеется, несомненно, существенное различие. Советские ученые определяют это различие как переход от "патриархального" быта к "феодальному". Эту официальную терминологию в общем принимает и Бартольд. По этому взгляду, империя Чингиса вышла из "борьбы классов", на которые распались старые патриархальные единицы, причём Чингис явился представителем степной "аристократии", а его противник (Джамуга) представлял "демократическую" программу. Как мы видели, аргументация Владимирцева, отказавшегося от этого, чересчур схематического взгляда, гораздо тоньше и ближе соответствует фактам. Он, конечно, признает факт разложения патриархального строя в средней Азии, характеризующийся переходом от кочевания "курениями" к кочеванию "аилами" (см. выше). Но новые социальные явления, порабощение более слабых племен более сильными, появление подчиненного слоя "уначан-боголов" и даже низшего слоя "харачу", непосредственных слуг кочевой экономики, — все это, по Владимирцеву, совершается в рамках старой, хотя и разлагающейся монгольской семьи. Из элементов этого разложения собирает и вождь свою дружину, составляющую кадры монгольской армии в походе.

И при этом, более близком к фактам, толковании, однако же, разница монгольской волны XIII-XIV вв. от всех предыдущих тюркских волн VII-XII вв. чрезвычайно велика и глубока. Половцы, последние степные пришельцы, по совершенно правильному заключению их новейшего исследователя, Д.Расовского, были и остались чистыми кочевниками, без всякой примеси государственных целей. "Настоящего наступательного движения на Русь у половцев никогда не было": они "не желали выходить из степей и расширять свою территорию за счет лесостепной и лесной области". Вот почему "северные пределы половецких кочевий и южные границы днепровских русских княжеств оставались неизменными до второй половины XII в. и до конца существования половецкой независимости". Многочисленные набеги половцев на Русь никогда не имели целью — завоевание, и своими победами половцы не умели и не хотели пользоваться для установления постоянного господства. Они лишь преследовали цели — получение добычи и плена. В периоды неудач и упадка половецкие орды сами переходили на пограничную службу к соседям, оказавшимся сильнее их, — к венграм, к грузинам; а в последний момент нашествия монголов — сами оказались союзниками русских князей. Это нашествие и было, в первую голову, направлено именно на них.

ДЕШТ-И-КИПЧАК

В арабских и персидских источниках половецкая степь носит название Дешт-и-Кипчак, и "кипчаками" они называют половецкое население. Границы Дешт-и-Кипчака трудно определить точно, как вообще границы всякой степи. Но в эту территорию, помимо собственной степи между Днестром и Волгой, включались также и соседние оседлые населения нижней Волги, где половцы-кипчаки являются наследниками хазар и постепенно тюркизируют их; господствовали кипчаки и над Крымом; восточная часть половцев, отброшенная Владимиром Мономахом в Предкавказье, служила грузинским царям. Если прибавить сюда Булгар на средней Волге, Кавказ на север от Дербента и часть Хорезма со столицей Ургенч, то это и будет та территория степей Дешт-и-Кипчака, с прибавками соседних оседлых поселений с давней культурой, которая со времени монгольского завоевания получает название "Синей Орды" или "Джучиева улуса" в восточных источниках и "Золотой орды" — в русских. Надо прибавить, что население кипчаков (половцев) вовсе не ушло с этой территории: оно не только осталось на ней, но постепенно ассимилировало себе (тюркизировало) сравнительно немногочисленное монгольское население, оставшееся здесь после завоевания.

Несколько хронологических справок покажут, что под на-

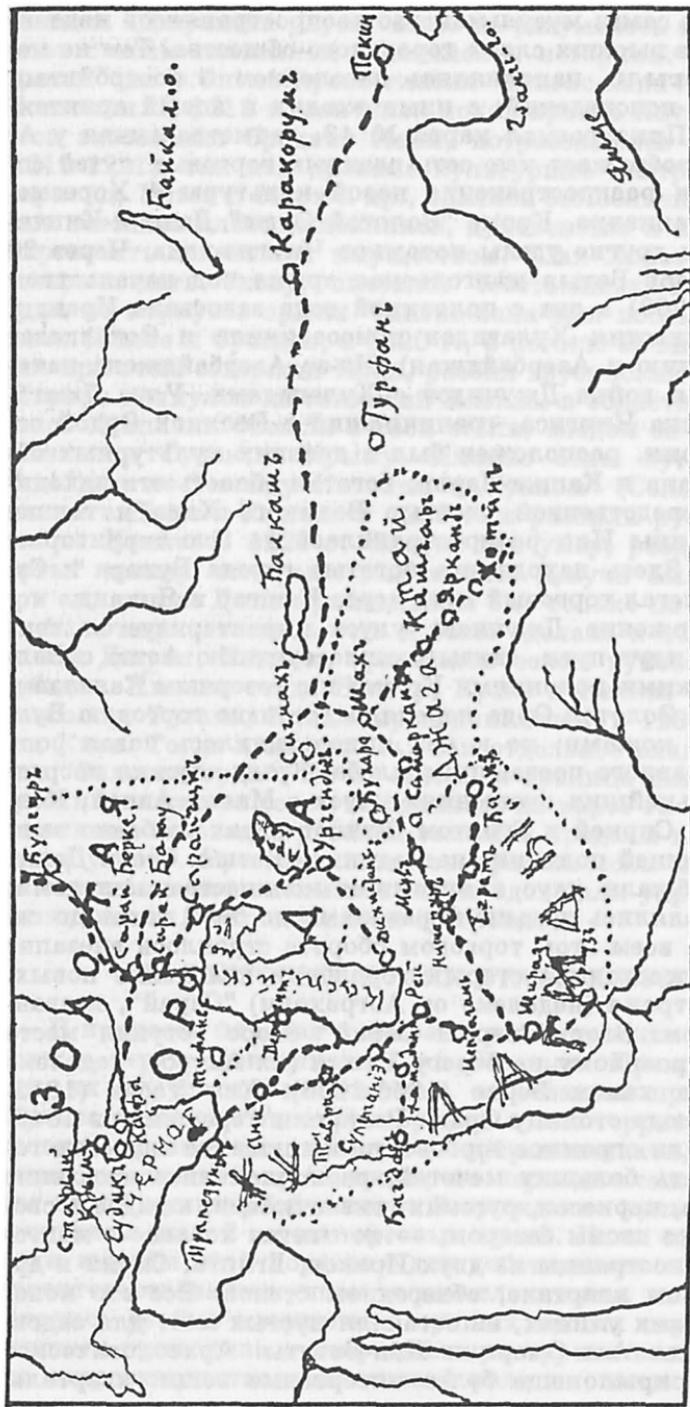
званием "Джучиева улуса" вовсе не разумелось того, что соединяют с этим названием евразийские историки. В 1206 г. "курултай" на р.Ононе провозгласил Чингис-хана "каганом" всей Монголии. К 1211 г. кончился поход против Китая; затем началось завоевание Средней Азии, потребовавшее всего трех лет (1219-1221), так как древние культурные центры, Бухара, Самарканд, Ургенч, Мерв и др., сдались без большого сопротивления: высший класс чиновников, духовенства и купцов не хотел жертвовать жизнью и имуществом. Шах Хорезма Магомет не решался дать битву, опасаясь собственных военачальников. Один из корпусов армии Чингис-хана был послан, под начальством Джебе и Субадея, в 1220 г., в погоню за Магометом, разорил при этом северный Иран, разбил грузинские войска и через Ширван двинулся на северный Кавказ, в области аланов и кипчаков. Кипчаки бежали в свои степи; следом за ними монголы захватили Судак в Крыму. Именно этим путем (см. карту № 42), а не "между Каспием и Уралом" (Соловьев) монголы вошли в Дешт-и-Кипчак в 1223 г. и разбили русских и половцев на Калке. В 1227 г. Чингис-хан умер, разделив "улусы и юрты" между четырьмя сыновьями. Джучи был старший, но при его жизни Дешт принадлежал ему только по имени. Его надо было еще завоевать, что и было сделано к 1236 г. старшим сыном Джучи, Батыем, при фактическом руководстве того же Субадея. Именно тогда Булгар, Крым и Кавказ попали в руки монголов; Рязань, Владимир подчинились в 1238 г., в 1240 г. пал Киев. Тогда и появилась, как отдельное владение, "Синяя" или "Золотая орда". Но ее северная граница шла по границам русских княжеств (см. эти границы на карте № 43). Восточные источники не вводят русских земель в пределы владений "Джучиева улуса". Русские княжества *фактически* платили дань и не считались независимыми, но продолжали управляться своими князьями, сохранявшими суверенитет.

НА ТОРГОВЫХ ПУТЯХ СТАРЫХ КУЛЬТУР

В процессе походов и завоеваний постепенно сложились основные черты монгольского *государства*. Прежде чем прилагать их к русским княжествам, завоеватели приложили их к первым завоеванным территориям, а эти территории были областями древнейших культур — прерывавшихся, правда, периодами упадка и запустениями, но периодически воскресавших для новой культурной жизни. Возрождение культур здесь обеспечивалось целой сетью торговых путей. Ханы прекрасно понимали выгоды этой торговли для собственного обогащения, покровительствовали купцам и ремесленникам, из которых образовались особые кварталы в лучших частях городов. С иностранцами приходила и очередная культурная волна ислама. Ханы покровительствовали и новой религии, хотя долго не решали

лись принять ее сами; мусульманство распространялось медленно — и только в высших слоях городского общества. Тем не менее, города богатели, наполнялись населением и постройками храмов разных исповеданий; с ними входил и новый архитектурный стиль. Прилагаемая карта № 43, заимствованная у А. Якубовского, изображает как сеть главных торговых путей сообщения, так и распространение новой культуры в Хорезме, Иране и Мавераннахре. Кроме "Золотой Орды" Дешт-и-Кипчака, здесь видим другие уделы потомков Чингис-хана. Через 20 лет после походов Батыя монгольская армия под начальством Хулагу (1251-1259) в два с половиной года завоевала Иран; к нему новая династия Хулагидов присоединила и Закавказье (Грузию, Армению и Азербайджан). Из-за Азербайджана началась длительная война Джучидов с Хулагидами. Улус Джатага, второго сына Чингиса, граничивший с Великой Ордой основателя империи, расположен был в древних культурных областях Зарявшана и Кашка-Дарьи; богатая область эта находилась под непосредственной властью Великого Хана и только позднее из долины Или распространилась на всю территорию Мавераннахра. Здесь находились богатые города Бухара и Самарканд и пролегал торговый путь через Кашгар и Ярканд.

Особое положение Джучиева улуса характеризуется тем, что через него идут пути, связывающие среднюю Азию с Волгой, черноморскими колониями Крыма и с северным Кавказом. Вверх по Волге Золотая Орда переняла древнюю торговлю Булгара мехами и кожами; но к ней присоединилась новая роль Булгара как главного поставщика хлеба. Крым служил посредником при дальнейших сношениях улуса с Малой Азией, Константинополем, Сирией и Египтом. Египет играл особенно важную роль в внешней политике наследников Батыя. Степи Дешт-и-Кипчака снабжали улус в огромном количестве лошадьми, которые отправлялись дальше караванами до 6000 голов до самой Индии. На всем этом торговом обороте строилось внезапно выросшее благосостояние старых городов и появление новых. Сам Батый построил (недалеко от Астрахани) "Сарай", названный его именем. Этот "Старый Сарай" скоро уступил место "Новому", построенному на берегу Итиля (на Ахтузе, недалеко от [Волго]града ханом Берке (1255-1266). Хан Узбек (1312-1340) перенес сюда столицу Орды. Раскопки Терещенко в 1840-х годах выяснили огромное торгово-промышленное значение города. Тринадцать больших мечетей, разноплеменное население алов, кыпчаков, черкесов, русских, византийцев, каждое в своем квартале и со своим базаром, — не считая хозяев — монголов; купцы и иностранцы из двух Ираков, Египта, Сирии и др. — в специальном квартале, обнесенном стеной. Все это копилось на широких улицах, не оставляя пустых мест для садов. Таковы описания Аль-Омара и Ибн-Батуты. Археологическое исследование вскрыло еще более интересные вещи: кварталы

№ 43. Торговые пути и города наследников Чингис-хана

ремесленников, разделенным по артелям: металлисты всех родов, литейщики, кожевники, ткачи из шерсти и хлопка, горшечники; базары хлеба, мяса, масла, сыра, шерсти, кожи, — ежедневно наполняемые торговцами из степи и с нижней Волги. И все это богатство сразу становится жертвой огромной катастрофы: Тамерлан в 1395 г. так разорил и сжег Сарай-Берке, что цветущий город уже не мог подняться из развалин.

Это характеризует другую сторону дела: эфемерный характер нового расцвета промышленной культуры. Двухсотлетний эпизод империи Чингис-хана закончился. Что оставил он по себе?

На этот вопрос отвечали различно. Одни целиком отрицали историческое значение монгольского завоевания; другие чрезвычайно его преувеличивали. Нас интересует преимущественно та сторона вопроса, которая касается роли монгольского завоевания относительно России; мы к ней вернемся в главе о росте русской государственности. Но уже сейчас нельзя не отметить противоположного значения, какое монгольское нашествие имело для южной и для северной России. На юге, по границе со степью, разорение Киева положило конец вступительному периоду русской истории. В лесной области России то же нашествие совпало с началом конструктивного периода и, несомненно, оказало влияние на возникновение новой формы русской государственности. Нельзя сказать, что оно целиком определило собой эту форму; но оно содействовало более быстрому выявлению тех новых начал, которые ее определили. Мы не будем касаться подробностей и вернемся к ним в другом месте. Скажем лишь, что оформление новых начал касалось преимущественно области русского военного устройства, управления и финансов.

Но имело ли монгольское завоевание также и культурное влияние на русский исторический процесс, как часто утверждали в последнее время? Нам кажется, что ответ можно извлечь из только что сказанного о характере монгольской культуры. Все ее черты не идут далее заимствования; оригинальных черт в оставленном наследстве мы не находим. Затем, эта заимствованная культура находится в теснейшей связи с культурой тех оседлых стран, где расположились кочевые и полукочевые завоеватели. Местная культура этих стран, поскольку она уцелела от старины, была, несомненно, выше примитивной культуры завоевателей. Занятые сохранением завоеванного, а затем и внутренними раздорами, монголы брали готовое — как в области религии, так и в области материальной культуры. То и другое приходило извне и поддерживалось искусственным покровительством властей и спросом пришлого населения. Когда то и другое отпало, — погиб и цветок, взлелеянный в теплице. Киев передал, погибая, ценное культурное наследство. Сарай-Берке этого наследства по себе не оставил.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ввиду связи содержания этой части "Очерков" с главами первой части первого тома данные там библиографические указания здесь не повторяются. [См. P. Bosch-Gimpera, *Les Indo-Européens* (Paris, 1961)].

Общие обзоры: Ю.В.Готье, *Железный век в восточной Европе* (М.-Л., Госиздат, 1930); М.С.Грушевский, *Киевская Русь*, т. I (СПб., 1911), его же, *История Украины-Руси*, т. I-XI (Киев). С.М.Середонин, *Историческая география* (Петроград, 1916). Н.П.Барсов, *Очерки русской исторической географии*, изд. 2-е (Варшава, 1885), его же, *Материалы для историко-географического словаря* (Вильна, 1865). Д.И.Ивайловский, *Разыскания о начале Руси*, 2-е изд. с приложением *Дополнительной полемики* (М., 1882-86), его же, *Вторая дополнительная полемика* (М., 1902). F.Lot, *Les Invasions Germaniques* (Paris, 1937). F.Lot, *Les invasions barbares*, vols. 1-2 (Paris, 1937). М.П.Погодин, *Исследования, замечания и лекции по русской истории*, т. V (М., 1857) (выписки из летописей). [A.L.Mongait, *Archeology in the U.S.S.R.* London, 1961].]

Специально о сарматах: А.П.Круглов и Г.В.Подгаецкий, *Родовое общество степей восточной Европы*, Гос. Академия Истории Материальной Культуры (1935). Об иранстве сарматов: Müllenhoff, *Deutsche Alterthumskunde*, т. III. В.Ф.Миллер, *Эпиграфические следы иранства на юге России*, "Журнал Министерства Народного Просвещения", ССХ VII, 2, его же, *Осетинские этюды*, т. III (М., 1887), его же, *Словарь осетинского языка*. [Вопросы Скифо-Сарматской археологии (М., 1954). См. также сводный очерк, *Сарматские племена в Северном Причерноморье*, в *Очерках истории СССР*, том "Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР", под ред. П.Н.Третьякова и А.Л.Монгайта (Академия Наук СССР, Москва, 1956)].

О готах и гуннах: Ф.А.Браун, *Разыскания в области гото-славянских отношений*, I, Готы и их соседи до V века (СПб., 1899). [А.Н.Бернштам, *Очерк истории гуннов* (Ленинград, 1951); см. сводные главы: Готы и гунны в Причерноморье и славянские племена, в книге П.Н.Третьякова, *Восточнославянские племена* (М., 1953), *Гуннское объединение в Забайкалье* в "Очерках истории СССР", том под ред. Третьякова и Монгайта (М., 1956), также М.А.Тиханов, *Готы в причерноморских степях*, "Очерки истории СССР", III-IX вв. под ред. Б.А.Рыбакова, АН СССР (М., 1958). F.A.Thompson, *A history of Attila and the Huns* (Oxford, 1948). F.Althelm, *Geschichte der Hunnen* (Berlin, 1959). J.Werner, *Beiträge zur Archeologie des Attilareiches* (München, 1956). Л.Н.Гумилев, *Хунну* (Москва, 1960).]

О хазарах: М.И.Артамонов, *Очерки древнейшей истории хазар* (Соцэкгиз, М.-Л., 1937). П.С.Рыков, *Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам* (Саратов, 1936). Статьи В.В.Григорьева в сборнике "Россия и Азия" (СПб., 1876). [Сводный очерк, *Хазарский каганат*, по материалам М.И.Артамонова, *Очерки истории СССР*, III-IX вв. (1958). A.Zajaczkowski, *Ze studiów nad zagadnieniem Chazar skim* (Krakow, 1947). D.M.Dunlop, *The History of the Jewish Khazars* (Princeton, 1954). М.И.Артамонов, *История хазар* (Ленинград, 1962).]

О тюрках: В.В.Бартольд, *История культурной жизни Туркестана* (Л., 1927), его же, *12 Vorlesungen über die Geschichte Mittelasiens*, deutsche Bearbeitung von Th. Menzel (1937). J.Marguart, *Osteuropäische und Ostasiatische*

Streifzüge (Leipzig, 1903). [*Очерки истории СССР, III-IX вв.*, см. главы III и IV (1958). Л.Н.Гумилев, *Удельно-лестничная система у тюрков в VI-VII вв.* К вопросу о ранних формах государственности, "Советская этнография", 3 (1959).]

О печенегах, тюрках, черных клобуках, половцах: статьи Д.А.Расовского в *Seminarium Kondakovianum*, I (Прага, 1927); III (1929); VI (1933); VII (1935); VIII (1936); IX (1937); X (1938), XI ([Белград], 1940), его же, *Les Comans et Byzance*, "Actes du IV Congres International des Etudes Byzantines" (Sofia, 1935). П.В.Голубовский, *Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар; история южно-русских степей IX-XIII вв.* (Киев, 1884). [С.П.Толстов, *Города гyzов*, "Советская этнография", 3 (1947), его же, *Древний Хорезм* (М., 1948), его же, *По следам древнехорезмийской цивилизации* (М., 1948).]

О внутреннем строе кочевников капитальное исследование Б.И.Владимирцева, *Общественный строй монголов* (Л., 1934).

О Золотой орде: В.Греков et А. Якубовский, *La Horde d'Or* (Paris, 1939). [В.Спuler, *Die Geschichte der Goldenen Horde* (Leipzig, 1943). В.А.Рязановский, *Обзор русской культуры*, I (Eugene, Oregon, U.S.A., 1947, см. главу IV). Б.Д.Греков и А.Ю.Якубовский, *Золотая Орда и ее падение* (М.-Л., 1950); см. также соответственные разделы в "Очерках истории СССР, IX-XIII вв.", под ред. Б.Д.Грекова, Л.В.Черепнина, В.Т.Пашуто, АН СССР (М., 1953).; М. de Ferdinandy, *Tschingis Khan* (München, 1958). См. дальнейшие библиографические указания в книгах: G.Vernadsky, *The Origins of Russia* (Oxford, 1959), его же, *Ancient Russia* (New Haven, 1943), *The Mongols and Russia* (New Haven, 1953).]

II

ЛЕСНАЯ ПОЛОСА И РАССЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

КОНТРАСТ МЕСТОРАЗВИТИЙ СТЕПИ И ЛЕСА

Мы теперь переходим от степных пространств в южной России к лесостепной и лесной зоне. Мы должны здесь заранее быть готовы встретить другую картину, прямо противоположную той, которую представила нам степь. Там мы имели дело с набегающими одна на другую волнами азиатских кочевников, смывавших друг друга и в конце концов оставивших южно-русскую степь пустой и безлюдной, без всяких следов человеческой культуры, такой же, какой она была в процессе своего образования. Здесь, напротив, уже по самому характеру местности мы имеем дело с медленным продвижением по рекам, среди непроходимых лесов, населения приходившего не толпами, а в одиночку, оседавшего более или менее прочно на месте и не столько уходившего прочь с границ перед напором новых пришельцев, сколько постепенно сливавшегося с ними. Начав с самых примитивных форм культуры, это население не остается на одной точке и не теряет приобретенного, а постепенно поднимается вверх по ступеням культуры. Рассеянное и малолюдное вначале, оно долго не представляет таких удобств для объединения и для создания форм государственной жизни, как кочевники. Но зато, раз достигнув объединения, оно не рассыпается, подобно кочевникам, в прежнюю пыль, а развивает и совершенствует приобретенные формы быта. Его медленность в достижениях противоположна быстрым взлетам и столь же быстрым падениям кочевников; зато она и не похожа на то однообразие и неподвижность в веках, какие мы встретили, изучая формы кочевнического быта.

Немудрено, что именно здесь и проходит стержень прогрессирующего процесса истории.

Первый из этих процессов, который мы должны проследить здесь, есть процесс заселения лесостепной и лесной полосы восточно-славянскими племенами. К этому изучению мы подготовлены выводами, полученными из знакомства с доисторичес-

кой эпохой. Раньше своего выделения и окончательного расселения восточные славяне должны были пройти период совместной общеславянской жизни, а до него и отчасти параллельно с ним — период общения с другими индоевропейскими народами. Напомню в самых общих чертах ту картину, которую мы получили в разбросанном виде в разных частях первой части первого тома.

ИСХОДНЫЕ ТОЧКИ РАССЕЛЕНИЯ

Мы приняли за исходную точку расхождение индоевропейских народов из предполагаемого центра, который при этом оказался соответствующим наиболее благоприятной для заселения — и наиболее рано заселенной — *лессовой полосой* средней Европы. Расхождение это совершалось на границе двух доисторических культур, так наз. "шнуровой" и "ленточной", и двух антропологических типов ("рас"), длинно- и коротко-голового. Географически эта граница соответствует предгорьям и гористой части Германии (Тюрингия и Саксония), верхне- и среднедунайскому бассейну Чехии, северной Венгрии, южной Польше с Прикарпатьем. Хронологически исходной датой расхождения индоевропейцев мы приняли 2500-2000 лет до Р.Х. Наиболее ранние сведения за этот период мы имеем о выделении прагерманцев, с одной стороны, и индо-иранцев — с другой. Последние прошли, по-видимому, на свои места в Азии через Россию двумя путями. Первый путь вел через центральное междуречье Оки и Волги и через другое междуречье, Сыр- и Аму-Дарьи, в Индию (см. карту № 29). Переселенцы оставили на первом месте след в виде оазиса "Фатьяновской культуры", на втором пути — воспоминания об эпохе полноводья и топографические имена. Второй путь, южнее, по-видимому, соответствовал территории и культуре охровых могил со скорченными скелетами и вел по двум кратчайшим направлениям: через Кавказ в Малую Азию и через Урал, в обход Каспийского моря, — на плоскогорье Ирана. Конец "Фатьяновской" и "охровой" культуры мы определили, как 1700-1600 гг. до Р.Х. Около 1600-1400 гг. мы имеем признаки расселения италиков и греков. Данные о средней Европе менее определенны, но, очевидно, к той же поре — эпохе бронзы — мы должны отнести выделение других индоевропейцев: кельтов, иллирийцев, фракийцев, балтийцев — и славян. Для кельтов мы нашли место на правом берегу Рейна, для иллирийцев — территорию, о которой сейчас будет речь, для фракийцев — Паннонию и Балканский полуостров. Балтийцев мы признали раньше отделившимися от славян, чем это обычно принято думать. Для славян оставалось место на так наз. Унетицко-Лужицкой территории, которая, подобно Дунайской территории, представляла достаточно обширное и в то же время уединенное пространство для развития здесь единой

культуры и для образования единой или нескольких народностей. История предоставила для этого процесса целое тысячелетие. Если древнейшей предунетичской и унетичской культуры (2100-1600 до Р.Х.) нельзя еще с уверенностью связать с определенной народностью, то относительно лужицкого периода (1600-1400) у нас не остается сомнений. Здесь, вместе с иллирийцами, мы находим признаки совершившегося или совершающегося процесса — возникновения древнейшего славянства.

Вывод этот — не новый: его делали уже некоторые славянские ученые — к сожалению, с недостаточной осторожностью и с примесью националистических тенденций. Для меня он с неизбежностью вытекает из общей постановки индоевропейского вопроса в современной европейской археологии и лингвистике — и подкрепляется наблюдением над антропологическим типом — короткоголовыми и высокорослыми динарцами, — господствующим на территории древнейшего славянского расселения. Могу прибавить, что лично я был немало удивлен, когда этот вывод обрисовался передо мной — без заранее обдуманного намерения — в ходе моей работы.

В ПОИСКАХ "ПРАРОДИНЫ"

У противников этого решения их представление о славянской "прародине" связано с помещением общей индоевропейской прародины где-то на востоке, — если не в Азии, что было бы чересчур старо, то в южной России — тезис, который защищается до сих пор некоторыми исследователями¹. Однако же, отсюда общеславянская "прародина" постепенно сдвигается другими исследователями все далее на запад: на правый берег Припяти с рокитненскими болотами; потом на территорию между Днестром и верховьями Вислы (Нидерле); на верховья Припяти, Зап. Буга, Вепржа и Сана (Одинец) и даже на нижний Дунай (ряд русских историков). В последнее время покойный А.А. Шахматов (и, отчасти, поляк Ростафинский) построил чрезвычайно искусственную гипотезу о *двух* прародинах славян — сперва на нижнем течении Немана и Двины, а потом, в связи с нашествием готов, в "Повислинь" (*только* оттуда будто бы "откололась западная ветвь" славянства). К этому Шахматов присоединил еще *две* прародины *восточных* (русских) славян: сперва на нижнем Дунае, где откололась южная ветвь, а потом на "территории антов, следовательно в области между Прутом и Днестром". Вторая и последняя "прародина" русских — Волынь и северная часть б. Киевской губернии.

¹ В новейшей работе представителя этого взгляда проф. Жоржа Пуассона (*Le peuplement de l'Europe*, Paris, 1939) мы встречаемся с прежней загадкой: "нет лучшего решения вопроса о народности лужицкой культуры, как решение славянское; но — оно невозможно".

Не имея твердой опоры в доисторических процессах и не справляясь с условиями месторазвития, все эти построения, по необходимости, исходят из пустого места и вынуждены строить свои схемы исключительно на филологических догадках. В них можно найти поэтому некоторые правдоподобные частности; но в целом они страдают гипотетичностью своих исходных точек зрения. Неправильные исходные точки ведут за собой необходимость искусственных и незащитимых толкований и построений и лишают возможности поставить рисуемую картину на единственно реальную почву. Именно эта почва дана уже в моем изображении доисторического начала процессов расселения. Связанный с этим началом, дальнейший ход расселения не отрывается от почвы и приобретает тот динамический характер, которого совершенно не хватает предыдущим объяснениям. Совпадение этого хода с разбросанными и не объясненными до сих пор данными из разных отраслей знания само по себе ручается за правильность решения, избранного мною. Частичные толкования становятся при этом совершенно естественными и неизбежными. Так, например, западному и южному отделам славянства нет уже никакой надобности "откалываться" от мнимой восточной "прародины" и странствовать на свои окончательные места из далеких русских равнин. Далее, все прежние толкования, сознательно или несознательно, исходили из старого представления о "генеалогическом" разделении славянских языков. Между тем принятый нами за исходную точку центр расселения из лужицкой территории на все стороны по периферии — гораздо естественнее соответствует так наз. "волнообразному" распространению языков и народностей, принятому уже ранее для объяснения исхода европейских языков из общей индоевропейской прародины. Славяне повторяют то же самое, что произошло с европейцами вообще в более дальние времена (ср. картограмму теории И.Шмидта — № 28, с моими поправками к ней на стр. 208. и карту Иогансена — № 29). Таким образом, при приложении "волнообразной" теории к процессу расселения славян из этого центра, где преистория указала нам их естественную "прародину", все явления возвращаются на свое естественное место.

БЛИЗОСТЬ СЛАВЯНСКИХ НАРЕЧИЙ-ЯЗЫКОВ

В задачу "Очерков" не входит изучение всего вопроса о расселении славян в целом; наша задача — найти в этом процессе место для славянства восточного. Только попутно мы должны будем касаться других славянских ветвей. Но в связи с тем, что будет говорить дальше, необходимо сделать одно общее замечание, связанное с периодом славянского общего сожительства. Память об этой общей связи сохранилась у славян, судя по близости языков, свежее, нежели у германской группы: расхожде-

ние славян, очевидно, произошло позднее, и разделившиеся языки сохранили больше сходства между собою. Еще в IX-X вв. по Р.Х., когда по почину болгарских (солунских) первоучителей создан был, благодаря их переводам священных книг, древнейший общеславянский литературный язык — сперва для моравов, потом для сербо-хорватов, болгар и русских, — славянские языки были еще в состоянии "наречий", мало отличавшихся друг от друга. Тем ближе друг к другу они должны были быть в V-VI столетиях и раньше, по степени их приближения к центральной лужицкой территории. Лишь по мере распространения из этого центра "волнами" на периферию должны были появиться заметные различия форм и звуков. Эти различия должны были затем закрепиться — при наступлении более или менее полного географического разрыва с братскими племенами. Наконец, распространению сложившихся местных различий на весь оторвавшийся коллектив должно было содействовать ассимиляционное влияние более или менее сильных политических центров, вновь образовавшихся в процессе расселения. Племенные поднаречия при этом подчинялись наречию господствующего местного политического центра. В случаях, благоприятных для создания целой отдельной народности, они сливались затем в общий национальный язык. Ровная пока-тость язычных оттенков, постепенно переходивших друг в друга, превращалась при этом в прерывистую лестницу ступеней, с выпадением промежуточных звеньев. Если географические границы между племенами (например, горы или дремучие леса) препятствовали постоянному общению, то расхождение превращалось в полную изоляцию. Бывшие соседи развивали свою речь параллельно и независимо; при новой встрече на общей границе — после того, как она определилась ходом истории, — они уже говорили друг с другом на родственных, но различных языках. Чем позже происходила такая встреча, тем, конечно, больше накапливалось различий. При новом столкновении славянских соседей речь могла идти уже не о первоначальном единстве, а о позднейшем влиянии — взаимном или одностороннем. При разнице условий реальной исторической жизни эта общая картина допускала, конечно, множество вариантов. Среди них особенно важную роль в процессе ассимиляции наречий должно было играть подчинение чужим государственным центрам, связанное притом с перестановкой прежних государственных границ.

Все эти замечания имеют силу не только по отношению к образованию отдельных славянских языков, но — с еще большей наглядностью — и к истории образования наречий внутри каждой отдельной группы. В группе восточных славян окончательное закрепление наречий происходит особенно поздно — как мы увидим, в тесной связи с ходом расселения русского народа на территории России. Это явление само по себе уполномо-

чивает нас считать, что, несмотря на все позднейшие изменения, русский язык — не в его литературном выражении, конечно, а в народной речи — сохранил черты глубокой древности, современные началу этого расселения. Привести в связь развитие наречий с процессом колонизации и становится нашей дальнейшей задачей.

ДРЕВНИЕ ПЛЕМЕНА И СОВРЕМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ

Попытки этого рода уже делались неоднократно. Но они затруднялись, во-первых, неверным представлением о прародине и о процессе расселения из нее; во-вторых, ошибками при установлении связи между отдельными наречиями и соответственными племенами. Подчеркиваю снова, что и связь различных потоков колонизации с разными месторазвитиями, среди которых они развивались, была недостаточно подчеркнута. В результате этих неудач самая возможность существования связи между древними племенами и современными наречиями стала казаться — совершенно напрасно — сомнительной. Конечно, эпоха первоначального расселения племен отделена долгим промежутком в несколько столетий от окончательного формирования наречий, а современное состояние наречий отделяется от того и другого процесса расстоянием не менее чем в шесть-семь веков. За это время наречия продолжали жить и меняться, отчасти развивая внутренние тенденции, вынесенные из периода общей жизни славянства, но отчасти — и подвергаясь всякого рода внешним историческим влияниям. Однако, чем больше мы изучаем наречия, тем более эти позднейшие наслоения выделяются особо, сами становясь источником для изучения дальнейшего хода того же колонизационного процесса. Отмечу, что именно эта разница между издревле колонизованной и позднее заселенной частью русской территории очень плохо сознавалась исследователями и мешала установлению исторической традиции между настоящим и прошлым. Наше сопоставление исторически известного периода с явлениями доисторической эпохи позволяет отодвинуть эту традицию далеко в глубь веков от общепринятого начала русского расселения. Из статической — картина этого расселения становится динамической уже в той ее исходной точке, дальше которой до сих пор не заходили.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЧНОЙ СЕТИ В ПРОЦЕССЕ КОЛОНИЗАЦИИ

Такой исходной точкой служили обыкновенно показания начальной русской летописи. В свете всех дальнейших работ эти показания, в самом деле, оказываются удивительно правильными. Но они, конечно, недостаточно полны и точны для научных выводов. Около столетия тому назад Н.И.Надеждин

указал на богатый источник для их пополнения, заключавшийся в изучении топографической номенклатуры. Но он уже не успел разработать этого источника, и только в 80-х годах за это взялся Н.П.Барсов. Им установлена связь некоторых частей колонизационного процесса с одним из месторазвитий, именно с лесной территорией России. Из первой части этого тома мы знаем, что поселения в лесистых, болотистых и горных местностях были для славян обычными в древнейший период их истории. Этим мы объяснили анонимность древнейшего существования славян и — в известных случаях — их подчиненное положение. Пути, по которым, при таких условиях местности, совершались неуловимые для них передвижения, могли быть только реки, а границами — или, по крайней мере, остановками в пути — речные водоразделы. Простой взгляд на распределение речных бассейнов России уже может привести к некоторым заключениям о характере расселения племен. Эти заключения подтверждаются и топографической номенклатурой.

Конечно, пределы бассейнов не останавливают переселения, особенно в тех случаях, когда верховья рек соседних бассейнов близко подходят друг к другу у их водоразделов. В таких случаях существовал издревле выработанный способ преодолеть препятствие: лодки "переволокивались" через водораздел из одного верховья в другое. Географическая номенклатура сохранила во многих случаях память об этих "волоках", которые и указывают на направление переселенческих движений. Это направление часто подчеркивается также одинаковым названием рек по сую и по ту сторону "волока". Очевидно, переселенцы уносили с собой старые названия из прежних этапов расселения, раскрывая тем его динамику. Правда, одинаковых названий рек и урочищ имеется великое множество на всем пространстве России, и далеко не все эти случаи совпадений могут свидетельствовать о направлении колонизации. Имеются, однако, случаи бесспорные: это тогда, когда реки разных бассейнов с одинаковыми названиями сближаются своими верховьями — и в особенности когда и дальнейший речной путь в противоположные стороны от водораздела тоже отмечен одинаковыми названиями. Поучительные примеры этого мы увидим дальше.

ПОКАЗАНИЯ АРХЕОЛОГИИ

Самым основным источником для изучения древнейшей внутренней русской колонизации, по отношению к которому другие являются второстепенными, должны были бы служить археологические раскопки. К сожалению, они производились в России бессистемно и неполно — в особенности по отношению к предполагаемым границам племен. Однако и тут кое-что сделано и достигнуто в работах А.А.Спицына, в комментариях к археологическим картам отдельных губерний и т.д. Я в особен-

ности обращаю внимание на образцовую работу А.В.Арциховского о вятичах, прекрасно осветившую границы этого племени с соседними — исключительно по данным археологии.

Нужно прибавить, однако, что работа и метод Арциховского вызвали энергичные возражения со стороны последователей модных идей в советской археологии. Н.П.Третьяков не соглашался с самим принципом определения древних племенных границ на основании показаний археологии и летописи. Границы эти существуют, соглашался он, но это не границы племен, а границы позднейших "феодальных" единиц, объединивших древние племена. Что касается племен, называемых в летописи, они уже успели разложиться ко времени археологических находок XII-XIV вв., а более древнее их расселение неизвестно — особенно потому, что древнейший обряд сожжения вместо погребения в курганах лишает возможности установить наборы украшений и других предметов, которыми определяются поселения племени. Арциховский очень удачно отразил это нападение на "буржуазность" и "национализм" старых приемов. Он указал на продолжительность существования племенных союзов и после появления княжеских центров, на полное соответствие археологических находок с *одновременными* показаниями летописи, на известную степень постоянства "женских наборов" украшений, определяющих племенные территории, — наконец, на необходимость знать показания летописи не хуже теорий Энгельса. Все эти возражения я считаю вполне основательными и в дальнейшем буду руководствоваться для истории расселения племенных союзов вышеуказанными источниками, принятыми в науке. Выше я указал и на значение политических центров для унификации населения подчиненных им территорий. Но это — процесс очень продолжительный, и относится он к более позднему времени, чем то первоначальное расселение восточного славянства, о котором сейчас идет речь.

После того как эта работа будет проделана, получится достаточно прочное основание для сопоставления древних племен с современными живыми говорами. Конечно, при этом необходимо будет считаться с теми изменениями, которые произошли в расселении населения на пространстве веков и в самих говорах — путем их смешения и внутреннего развития. Необходимо предварительно устранить и другие затруднения, о которых речь будет дальше. Мы увидим, что правильная постановка этого метода использования языковых различий для освещения исторической жизни населения может дать неожиданные и чрезвычайно важные результаты.

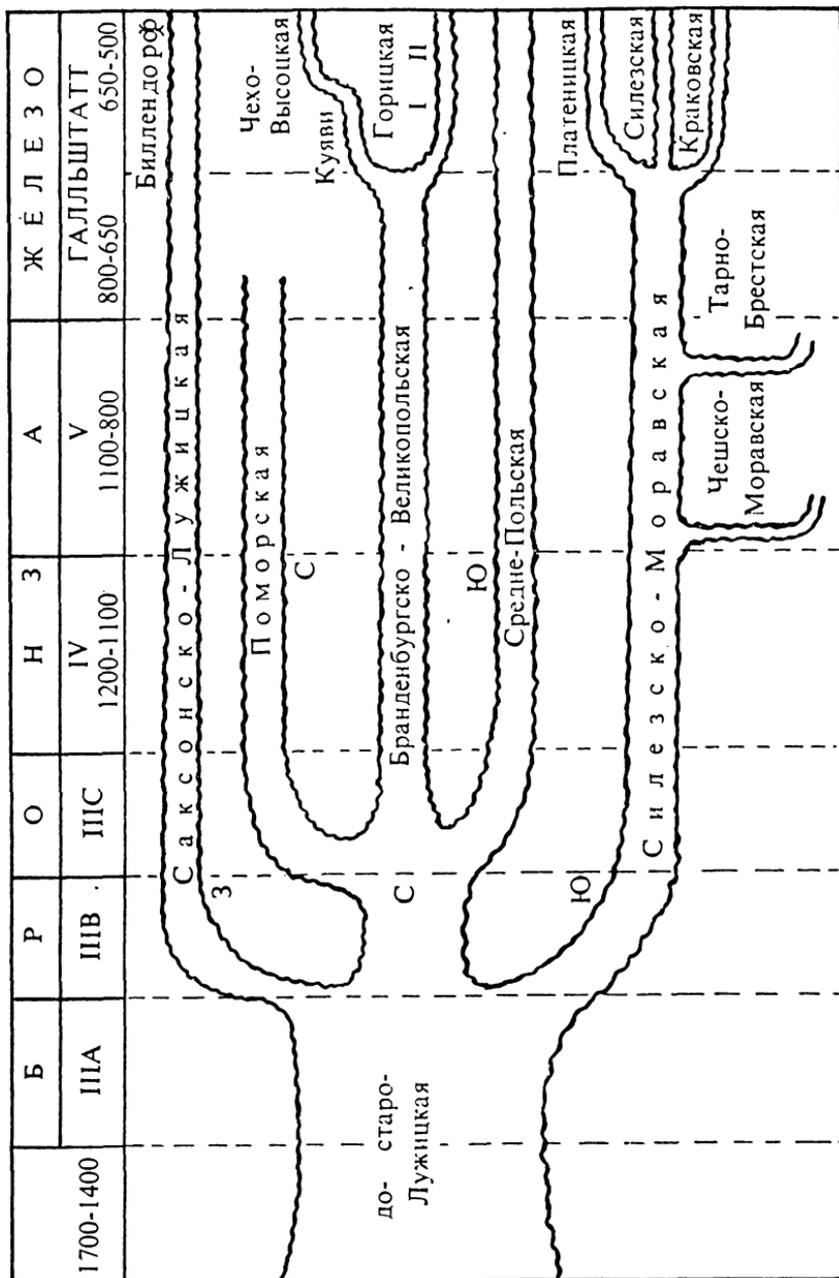
После этих предварительных замечаний мы можем перейти к истории восточно-славянских миграций, исходя из нашей основной предпосылки об общем направлении движения из принятой нами "прародины" с запада на восток. При этом три исходных пункта представляются подлежащими специальному

изучению: оба склона Карпат, бассейны верхних притоков Вислы и поморское побережье Балтики. Все три направления проходят через территорию, принадлежавшую или принадлежащую Польше. Надо вспомнить, что сами польские археологи характеризуют именно эту территорию как промежуточный этап, через который совершалось продвижение разных частей населения с запада на восток. Необходимо при этом помнить и другую нашу исходную предпосылку — о малой разнице между наречиями общеславянского языка в эпоху первоначального переселения и о том, что в разных частях этого первоначального единства признаки будущего разделения заключались лишь в потенциальном состоянии.

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЬШУ

В первой части первого тома мы дали общий очерк продвижения "лужицких" племен через территорию Польши с запада на восток (с отклонениями на юг и на север) на основании исследований Антониевича (карта № 31). Возвращаясь теперь к этому, чрезвычайно важному для нас процессу, мы уточним его на основании работы проф. Козловского, который разделил продвижение лужицких племен через Польшу по группам и представил свои выводы в ряде географических карт. Результат получился чрезвычайно наглядный. Мы изложим его по обоим методам расчленения племен: по принципу разветвления "генеалогического древа" и по принципу расселения племен (будущих народов) концентрическими кругами из центра, играющего роль "прародины" данной (в нашем случае — восточно-славянской) этнической группы. Схема генеалогического расчленения племен (и наречий) на территории Польши принимает, по Козловскому, следующий вид (диаграмма № 44).

Как видим, здесь *общий ствол* до-лужицкой (1700-1400) и старо-лужицкой (1400-1200) культуры в течение последнего ("третьего" по классификации Рейнеке) периода бронзы разветвляется в период III В на *три основные ветви*: Саксонско-Лужицкая, самая западная, Бранденбургско-Великопольская, северная, и Силезско-Моравская, южная. Ориентация их видна уже по самым названиям, присвоенным этим делениям. Нас интересует главным образом *северная*, Бранденбургско-Великопольская ветвь. Она дает в отделе С третьего периода бронзы тоже три ветви: центральная сохраняет это имя, северная идет в Поморье, южная остается в средней Польше. *Средне-Польская* переживает четвертый и пятый периоды бронзы (1200-1000 и 1000-800) и оба отдела С и Д Гальштадтского периода (800-650 гг. и 650-500 гг. до Р.Х.). История Поморской ветви теряется под напором германцев в Гальштадтском периоде; мы найдем позже ее продолжение. Бранденбургско-Великопольская ветвь под тем же германским напором разбивается в Галь-

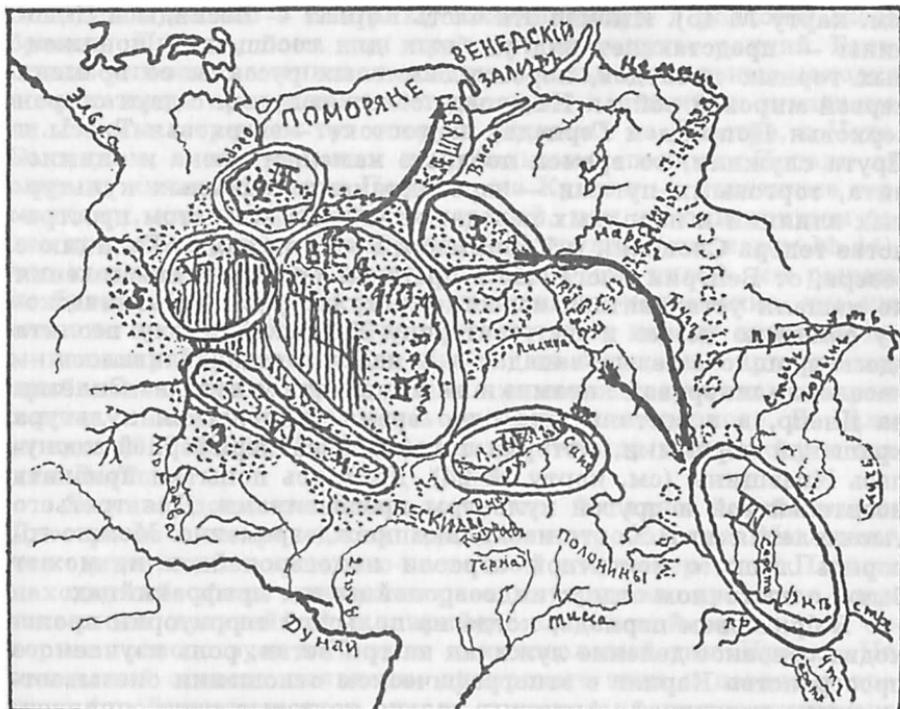

№ 44. Генеалогическое разветвление польских наречий на территории Польши

штадтском отделе С на две группы: западную Герницкую и восточную Куявскую; последняя поднимается вверх по Висле и переходит на Днестр.

Южная, главная ветвь лужичан, Силезско-Моравская, дает ответвления в Чехо-Моравию (IV период бронзы), а в отделе Т Гальштадта ответвляет две отрасли: западную Платеницкую и восточную Краковскую, ближе подходящую к изучаемой нами территории.

Такова картина "генеалогических" разветвлений. Более живой вид она принимает, положенная на географическую карту. Здесь мы находим очень интересную иллюстрацию к "волнообразной" теории. На моей комбинированной карте № 45 основной ствол старо-лужицкой культуры, остававшийся нераздельным до отдела III В бронзы, представлен центральным вертикально заштрихованным кругом. Развертывание этого центра по всем направлениям в периодах В и С показано точками. Здесь мы находим все три главные ветви третьего периода бронзы, выделившиеся на север, запад и юг, с ответвлениями силезской экспансии на юго-восток. Для избежания чрезмерной сложности сводной картины я минуя первый период Гальштадта и обвожу двойной чертой круги, окончательно сложившиеся к 500 г. до Р.Х. Второй период Гальштадта, здесь представленный, вносит, действительно, в картину важные изменения. В это время оказывает свое действие напор германцев, начавшийся еще в пятом периоде бронзы (см. карту Антониевича — № 31). Тогда уже началось движение лужичан на юг, которым Антониевич объяснил сгущение населения на юге Великой Польши. Теперь Германская культура каменных гробов прежде всего оттесняет поморское лужицкое население на восток, "в сторону пустыни пограничной с балтами", то есть примерно в Восточную Пруссию (ср. ниже). То же нашествие, как только что упомянуто, разбивает на части Бранденбургско-Великопольскую группу, отбрасывая восточную из них (куявскую) в Мазовию. А вверх по Висле и Бугу — вплоть до верховья Днестра — встречаем продвижение особенно интересной для нас группы — Чехо-Высоцкой (см. ниже). К особенному характеру погребений этого типа мы сейчас вернемся. Козловский и Антониевич отмечают также, что в этот самый период Д Гальштадта с юга начинается напор иллирийцев, а с востока, на Днестре, переселенцы из Польши наталкиваются на фракийцев, преследуемых скифами, а потом и на самих скифов. Среди этих передвижений в самой Польше население задерживается на левом берегу Вислы, очевидно в Великой Польше, которая и является средоточием образования польской народности. Задерживается также и часть "средне-польского" населения. Принимая во внимание, что старо-лужицкое население мы признали славянским или праславянским, мы получаем в картине, нарисованной польскими археологами, необходимое связующее зве-

№ 45. Волнообразные разветвления польских наречий

но между общеславянской "прародиной" и расселением будущих *восточных* славян из того центра, где они жили еще в полном единении с будущими *западными*. Непосредственного контакта с будущими *южными* славянами мы на польской территории не видим. Вместо этого встречаем лишь какие-то глухие сведения о столкновениях, несколько южнее этой территории, с "иллирийцами". Мы должны предположить распространение славян на юг, на Дунай, и в Паннонию не через польскую, а через чехо-моравскую территорию. В нашем польском материале славянский элемент проникает в Восточную Галицию и на Карпаты только уже в конце доисторического периода. Переходя теперь к изучению этого, наиболее южного течения восточных славян через Польшу, мы должны вернуться к тому, что предшествовало тут польским данным.

КАРПАТСКИЙ ПУТЬ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Прикарпатье и Закарпатье, верховья Вислы и Тиссы с их притоками с древнейших времен, несомненно, служили проходной дорогой с запада на восток, с севера на юг и с юга на север

(см. карту № 45). Именно эта часть Карпат — Бескиды и Полонины — представляет ряд удобных для сообщения, пониженных горных проходов, хорошо памятных русским со времени первой мировой войны. На западе сближающиеся с двух сторон верховья Попрада и Гернада, на востоке — верховья Тиссы и Прута служили, со времен позднего каменного века и эпимиолита, торговыми путями — проводниками взаимных культурных влияний и народных передвижений. На всем этом пространстве теперь Словакия и Карпатская Русь² отделяют Галицию с севера, от Венгрии с юга. Но в прошлом политические деления не мешали установиться известному культурному и этническому общению по сю и по ту сторону Карпат. В эпоху неолита здесь прошло с северо-запада — и надолго останавливалось — население шнуровой керамики на его длинном пути из Силезии на Днепр, а с востока шла одно время трипольская культура крашеной керамики, которая только своей периферией коснулась Киещины (см. карту № 24). Делались попытки признать носителей той и другой культуры праславянами. Для третьего тысячелетия до Р.Х. это несколько преждевременно. Можно говорить лишь о восточной отрасли индоевропейцев и, может быть, о восточном отделе индоевропейцев и о прафракийцах.

В бронзовом периоде, когда на польской территории происходит основное деление лужичан на три ветви, роль изучаемого пространства Карпат в этнографическом отношении оказывается чисто пассивной. Активны только торговые пути, приносящие культурные влияния с севера, но главным образом с юга, из Венгрии, где развертывается тогда сильная бронзовая культура. Народ трипольской культуры, по наблюдению чешского археолога Пастернака, которому мы здесь следуем, ушел на юг, оставив данную область на уровне отсталой неолитической культуры. Только к концу бронзового периода (конец II и III вв., по Рейнеке) появляются все в большем количестве поселения лужицко-силезского типа, оставившие по себе воспоминание на так наз. гладких (без насыпей) похоронных полях с остатками сожжения в урнах. Как известно, этот тип считается специфически славянским. Постепенно этот народ поднимается вверх по Висле и Сану; но активными остаются торговцы венгерской бронзой, идущие навстречу с юга. Германские ученые прежде приписывали это переселение на юг фракийцам; теперь, согласно последней из теорий Коссинны, переселенцы считаются иллирийцами. Но славянские ученые (чешские и польские) отождествляют их с праславянами. Это — то, quasi-иллирийское, движение, за которым, как говорилось выше, скрывались славяне. Они приносят с собой через карпатские проходы галь-

² Я употребляю старую терминологию, не считаясь с искусственными изменениями, внесенными венским "арбитражем" в ноябре 1938 г. и последующими событиями.

штадтское железо в Венгрию, закостеневшую в роскоши своей бронзы. Правда, пока они проходят этот путь, ранний Гальштадт успевает заместиться поздним; только отдельные находки в карпатских проходах свидетельствуют о конечных этапах пути. Но мы встречаем тут опору в находках на Днестре, в Чехо-Высоцком, с их гладкими погребальными полями. Попали ли сюда лужичане с севера Польши, из Куявии — изгнанные германцами, как утверждает Козловский, или же они пришли более прямым путем — из Краковской группы (см. карту № 44), что кажется мне более правдоподобным (см. ниже), мы решать не будем. Я не стал бы также утверждать непременно, что эти славяне на верхнем Днестре соответствуют народу невров, упоминаемому Геродотом. Как бы то ни было, мы приобретаем приблизительную дату появления славян в изучаемом направлении: они появились здесь в последнем периоде Д Гальштадта (650-500 гг. до Р.Х.), ближе к концу и переходу к стадии Ла-Тен.

Важное доказательство того, что славяне появились на Днестре не с севера, а с запада, дает антропология. Мы знаем, что единственно в этом юго-восточном углу теперешней Польши находит себе место динарская раса, которую мы признали носительницей древнейшей иллирийско-славянской культуры. Севернее господствует в Польше длинноголовый тип. Правда, Чекановский относит появление динарского типа к позднему времени (проблематического отхода сюда казацкого населения русских степей); но этого толкования разделить невозможно. Динарцы восточной Галиции представляют здесь не менее древний элемент, чем в соседних местностях Чехословакии и Венгрии, а в более отдаленном прошлом — в австрийских, итальянских и динарских Альпах, где мы проследили их распространение (см. карты №№ 24, 31). К ним теперь нужно будет прибавить и юго-западную Украину (см. карту № 24). В самом деле, именно сюда идет полоса ровных полей с погребальными урнами, а несколько позднее славянский поток получает здесь же и свои этнографические наименования.

Уже Ю.Готье указал на Чехо-Высоцкую культуру как на отправную точку для выяснения круга погребальных полей на территории бывшей трипольской культуры. Но прежде, чем идти в этом направлении, мы продолжим наблюдения над областью Прикарпатья и Приднестровья — первое место, где лес проникает месторазвитие степи, сходящейся здесь клином.

СЛАВЯНЕ НА ДНЕСТРЕ (СКЛАВЕНЫ И АНТЫ)

Мы здесь находимся в самом темном периоде славянской истории. Показания лужицкой культуры прекращаются, тогда как показания исторических источников еще покрыты густым туманом. Приходится искать связующих нитей между преисто-

рией и историческим периодом. По отношению к данной местности мы нашли такую нить в показании Тацита, по которому венеты жили в болотистых, лесистых и гористых местах "между певкинами (устье Дуная) и финнами". Между этими двумя точками путь ведет к низовьям Дуная и Днестра, в обход, или прямо через карпатские проходы, Паннонию и римскую Дакию. Надо думать, что оба пути были уже использованы до Тацита. Другое наводящее указание заключается в роли, которую при славянских передвижениях сыграли германцы. Их постепенный захват Польши нам известен. Начавшееся уже в пятом периоде бронзы (1000-800), продвижение германцев продолжалось с усиленным напором в период Гальштадта, захватив всю Польшу мегалитическими формами своих погребений и дав отросток в направлении верхнего Днестра и Волыни (см. карту Антониевича — № 31 и карту Козловского — № 44). Мы видели, что первые отряды бастарнов и скифов уже в конце II столетия до Р.Х. появились на Черном море (Ольбия) и в устьях Дуная. В гораздо больших количествах теми же путями приходят с верховьев Вислы готы, вынуждая римские легионы очистить Дакию и отступить за Дунай. Так как мы уже видели венетов на среднем Дунае около времени Р.Х., то естественно поставить вопрос, откуда и когда они сюда пришли. Некоторый ответ на это дают готские предания, хотя и смутно сохранившиеся в героическом эпосе. Древняя лангобардская песня, по мнению проф. Ф.Брауна, заимствованная у готов, сохранила память о пути готов с верховьев Вислы к Азовскому морю. Она называет народности: гунда, антаиб, вантаиб и бургундаиб, попавшие готам на этом пути. По мнению Брауна, эти названия соответствуют литовской голяди, славянским антам и вантам и тюркским "уругундам" близ Меотиды (утургурам). Мы можем сомневаться в точности песенного сказа, но не можем отвергнуть показания Иордана о венетах, основанного на непосредственном знании о них. Как известно, Иордан уже расчленяет общее название венетов на две различные группы, расселившиеся на путях готских скитаний. "На огромных пространствах, — свидетельствует он, — расселилась многолюдная нация венетов. Хотя имена их теперь и меняются соответственно различию племен и местностей, но главным образом они называются склавами и антами". Надо признать очень точным и указание Иордана, как распределялись эти две группы географически. Склавы "живут до Днестра, а на север — до Вислы". Это вполне соответствует территории восточной Галиции. А анты — "которые из них сильнейшие" — тянутся от Днестра (то есть ниже склавы) до Днепра (очевидно, его низовьев), "там, где морской берег составляет излучину". Мы имеем дело, таким образом, с делением на северо-западную и юго-восточную группу славян. Далее речь будет пока идти только о последней — об "антах" (см. карту № 46).

Выше мы говорили о столкновении готов с гуннами в южнорусских степях и роли тех и других в нашествии на римские провинции. В этих громких событиях начала переселения народов мы не видали участия "антов" Иордана (не говоря о "склавенах"). Иордан уже предупредил нас, что в отличие от антов склаваны "вместо городов имеют леса и болота" (в которых чуть не потонули готы во время своих передвижений). У Иоанна Эфесского находим прямую ссылку на те времена, когда славяне "не дерзали еще выходить из лесов и показываться в безлесных местах — и не знали, что такое оружие". Инвентарь древнейших славянских погребений подтверждает этот первоначальный мирный характер славянской культуры. Припомним и указание Иордана, что в то раннее время славяне были "неопытны в оружии и рассчитывали больше на свою численность". Даже позднее, в IV веке, когда положение изменилось, Маврикий в своей "Стратегике" свидетельствует, что славяне "не умеют сражаться в строю и вблизи, — не любят встречаться с неприятелем в открытом и ровном месте, а предпочитают держаться лесов, приобретая там значительный перевес, так как умеют сражаться в теснинах". Это, конечно, тоже относится скорее к склавам, занимавшим лесистые и болотистые места, через которые готы с трудом перебрались. Очень яркую иллюстрацию этого лесного быта склаван дает (от первой эпохи железа, 700-400 гг. до Р.Х.: верхние слои доходят до IX-X вв. по Р.Х.) новая находка городка "лужицкой" культуры на северо-западе Польши (Zninski powiat — предварительный отчет в *Przegląd Archeologiczny*, V, 2, 3). Городок, весь из дерева (дубы), прекрасно сохранился под слоем торфа на мысе Biskupinского озера. Он представляет настоящую воинскую казарму из восьми параллельных барачков, разделенных улицами, мощеными дубовыми бревнами. Каждый барачок разделен на квартиры, человек на 50, состоящие из сеней, большой комнаты в 6-6,5 метров в квадрате, с каменным очагом сбоку. Весь барачок крыт одной, по-видимому, двускатной крышей. Выход — на улицу, широкие входные двери служат также и вместо окон. Главное занятие жителей — земледелие; охота и рыболовство играют подсобный характер. Женщины занимаются ткачеством из льна; много роговых орудий. Полный комплект домашних животных — корова, лошадь (также и верховая, и следы грубого колеса), овца, свинья, собака. Вероятно, и население, и скот жили вне городка, в лесу и на полянах, а в городок, окруженный солидными бревенчатыми стенами в два ряда, с землей и глиной в середине, забирались только в случае нападения. Постройки свидетельствуют о хорошей организации коллектива, с авторитетной распорядительной властью³.

³ Русский отчет в *Вестнике древней истории*, 2-3 (1938).

Анты, занимавшие более близкие к степи места, были в ином положении. Но здесь мешал созданию прочной военной организации внутренний строй, "беспорядочный и безначальный", при котором одинаково и "славяне и анты не управлялись одним человеком, но с древних времен жили в демократии, вследствие чего сообща обсуждали, что для них полезно или вредно" (Прокопий). Маврикий даже вывел отсюда практическое указание: "Так как у славян множество царьков и они между собою несогласны, то нелишне некоторых из них, особенно пограничных, привлечь подарками — и потом уже нападать на остальных. Иначе, вступив в борьбу со всеми сразу, можно вызвать среди них объединение или монархию". Тактика — нам известная. Но в данном случае она очень наглядно показывает, почему анты не могли участвовать в завоевательных походах V в. Мы знаем, что только уже в VI столетии это положение изменилось. Новая волна кочевников могла захватить с собою и часть славянства. Мы видели, что с 527 г. славяне и анты вместе с болгарами ежегодно опустошали области Балканского полуострова. Но после 602 г. имя антов вообще перестает упоминаться. Этот факт говорит в пользу того, что широкий антский "союз", о котором говорят некоторые исследователи, вообще не успел создаться. Мы уже отметили, что показание Прокопия о "бесчисленных народах антов к северу от Азовского моря" надо считать недоразумением. Эта степная территория не выходила из-под временных поселений кочевников, сменявших друг друга; анты же остались жить на ограниченном пространстве лесистых низовьев Днестра и Днепра, у "лукоморья", где знал их Иордан.

Славяне (в более широком смысле), напротив, развернули в VI в. широкий фронт нашествий — от Адриатики до Константинополя, который они осаждали в 559 г. Кто же они были? Никак нельзя думать, что это были те самые "скламены", которые, по Иордану, жили от Карпат до устьев Вислы в своих лесах и болотах. Славяне, о которых идет речь, массами наступали на юг — от восточных Альп, от Силезии и Моравии, из Паннонии и Дакии. Исследователи, при своих прежних представлениях о позднем расселении славян, затруднялись объяснить, каким образом было возможно быстрое превращение Балканского полуострова в "Славинию" — и притом еще с сохранением славянского языка, который, по теории, должен был уступить место языку прежних насельников. Болгарский (славянский) язык, действительно, и пережил, вместе с иллирийцами и греками, период упрощения древних форм. Но там, где этнический "субстрат" был слабее, а славянское переселение древнее, — там славянские языки не имели таких конкурентов — и сохранились в сравнительной неприкосновенности: это опять подтверждает наш взгляд на более ранний процесс их расселения. Мы знаем, что славянский резерв в Иллирии и на Дунае

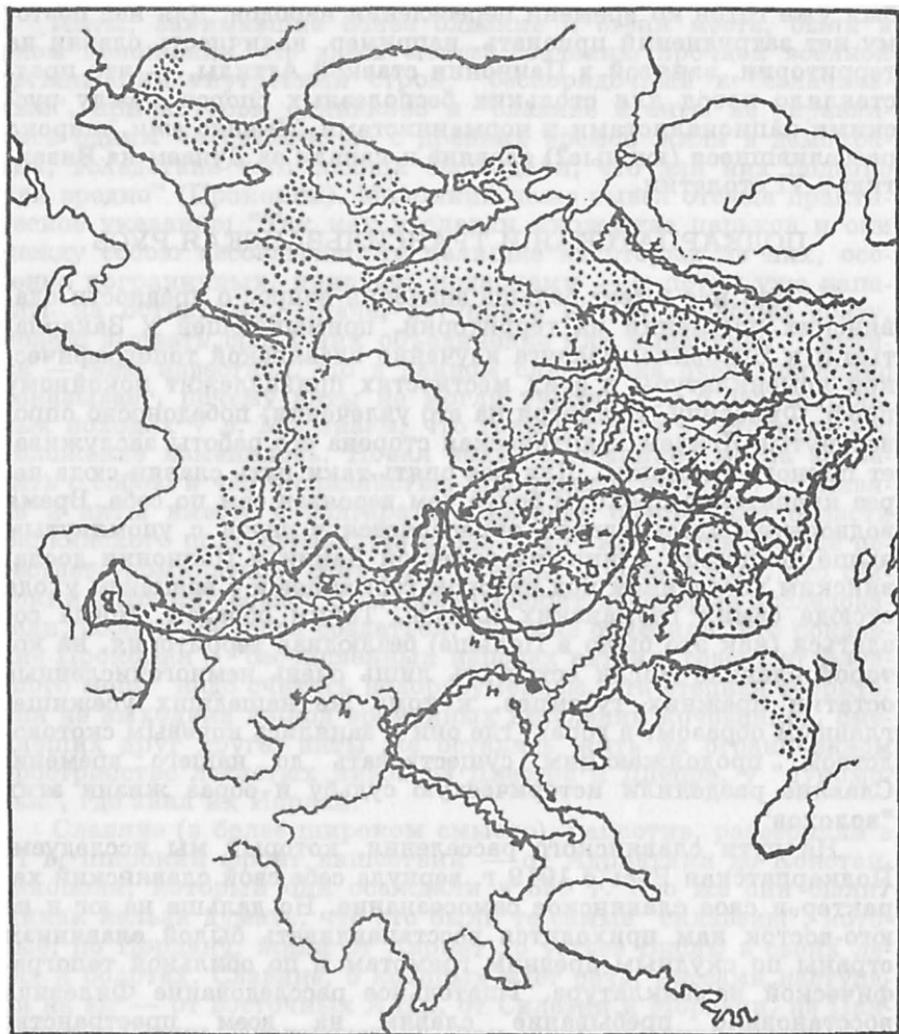
был уже готов ко времени переселения народов. Для нас поэтому нет затруднений признать, например, наличие славян на территории, занятой в Паннонии ставкой Атиллы, — что представляло повод для стольких бесполезных споров между русскими националистами и норманнистами. Именно эти, широко расселившиеся (южные?) славяне и напали за Дунаем на Византию в VI столетии.

ПОДКАРПАТСКАЯ И ТРАНСИЛЬВАНСКАЯ РУСЬ

Но для нас имеет больше значения вопрос о древности славянских поселений на территории, примыкающей к Закарпатья и к Буковине. Заслуга изучения славянской топографической номенклатуры в этих местностях принадлежит покойному проф. Филевичу. Несмотря на его увлечения, победоносно опровергнутые Ягичем, фактическая сторона его работы заслуживает полного внимания. Для нас опять-таки путь славян сюда через карпатские проходы более чем вероятен сам по себе. Время водворения здесь славян определяется в связи с упомянутым выше процессом очищения северной Дакии и Паннонии дославянским населением под напором германцев и с временем ухода отсюда самих германских племен. Таким образом, могла создаться (как это было в Польше) безлюдная территория, на которой славяне могли встретить лишь очень немногочисленные остатки прежних туземцев, к тому же нашедших убежище, главным образом, в горах, где они и занялись кочевым скотоводством, продолжающим существовать до нашего времени. Славяне разделили историческую судьбу и образ жизни этих "волохов".

На пути славянского расселения, который мы исследуем, Подкарпатская Русь с 1919 г. вернула себе свой славянский характер и свое славянское самосознание. Но дальше на юг и на юго-восток нам приходится восстанавливать былой славянизм страны по скудным древним грамотам и по обильной топографической номенклатуре. Тщательное расследование Филевича восстановило пребывание славян на всем пространстве Трансильвании (см. карту № 46).

Там, где горы переходят в долины, прекращаются и эти исторические следы. Такое распределение населения сохранялось до географического описания Белы, относящегося к 1777 г. "Насколько распространяется равнина, поселенцы (абайуварской) провинции — венгры... Но на горах частью живут славяне (под ними здесь разумеются, очевидно, словаки), частью русские (Russi), которых называют рутенами — "руснаки" на германском наречии". От прикарпатских "полонин" это руснацкое население сплошь тянулось по расходящимся сторонам горного треугольника — вплоть до "Пол(я)ны Русской", до "Восточных" и "Железных" ворот на Дунае (где втекает в него реч-

№ 46. Древнейшие культуры на территории России и расселение славян
(карта не завершена)

ка Черная) по западной стороне этого треугольника, а по восточной стороне — по Серету с его правыми притоками до Галаца на том же Дунае. Между Железными воротами и Галацем — южная сторона треугольника, "Подгорье", представляла гласис, на котором держалось дославянское население, пася свои стада овец летом и спускаясь на зиму в излучину Дуная. Именно отсюда и шли набеги славян на Балканский полуостров; и надо предположить, что долина между горами и Дунаем была также

заселена славянами, быть может, перемешанными со старым населением (которое карта Пейтингера обозначила классическим именем "сарматы").

Когда пришло в Трансильванию и к нижнему Дунаю оставшее нам свои имена славянское население, сказать трудно уже потому, что едва ли здесь речь может идти о единовременном заселении. Но началось это заселение очень давно. Прежде всего, бесспорно, оно было здесь до прихода венгров с Урала через русские степи, то есть до 890-х годов по Р.Х. Об этом свидетельствует вся славянская номенклатура, носящая явные следы переделки со славянского на венгерский и румынский лад. Но, конечно, надо искать начала гораздо раньше этой даты. Эпоха Ла-Тен, с одной стороны, движения германцев, с другой, — таковы термины *a quo* и *ad quem*, между которыми должны располагаться эти даты, то есть примерно 300 лет до Р.Х. и 300 лет после.

Для непосредственной нашей цели важно отметить, что эти процессы находились в неразрывной связи с процессами, происходившими в Приднестровье. Из многочисленных примеров сходства гидрографической номенклатуры, свидетельствующего об однородности племенных передвижений, я приведу один, особенно наглядный. С левой стороны впадает в Днестр р. Серет, текущая с севера. По соседству с верховьем Серета, у Станиславова, р. Золотая Быстрица впадает в Стрый. Но тут же, за верховьями Прута, течет на юг другой Серет, более известный приток Дуная, а в него справа впадает (в теперешней Румынии) другая "Золотая Быстрица". Что тут мы имеем дело со следами колонизационного движения, видно и из того, что здесь же, в сходящихся верховьях названных рек, имеем и "Волоки" — между Черемошем и Прутом, между Сучавой и Прутом. Назову еще в том же районе три речки Лопушны: правый приток М. Серета, левый приток Прута и правый приток верхней Черной Тиссы. Однородность населения, сидевшего на этих водоразделах, наконец, иллюстрируется пребыванием здесь и сейчас гуцулов, народца смешанного, но несомненно славянского в основе. Обыкновенно эти карпатские говоры считаются западноукраинскими. Но как раз спор между украинством и руссизмом подкарпатского наречия показывает, что делать здесь окончательные выводы преждевременно, пока эти говоры не подверглись серьезному научному изучению. Можно лишь сказать, что в самой неопределенности их принадлежности к тому или другому законченному наречию заключается указание на ту древнюю эпоху, когда о такой определенности не могло быть и речи. Вся славянская полоса, от Прикарпатья до Дуная, поскольку она связана с Балканами, составила переход к южным славянам: здесь мы находимся снова на тех рубежах, где восточные, западные и южные славяне только еще находились в процессе дифференциации в изучаемую эпоху.

Еще несколько замечаний — по поводу обилия "русских" названий (Orosz) в Трансильвании. Противники скандинавского происхождения слова и народности "Русь" видели здесь сильнейшее доказательство того, что "Русь" была южнорусским племенем, живущим от Киевщины до Карпат и Дуная задолго до прихода норманнов, и что именно отсюда "пошла русская земля". Доказательство это имело бы несомненное значение, если бы можно было доказать, что формы названий от корня "Рус-" существовали в этом виде уже в донорманнскую эпоху. Но они нам известны лишь с XIII столетия. Очевидно, самое название "рутенон" могло появиться только тогда, когда потерян был первоначальный смысл, противоположавший (норманна) русина славянину, и когда сама южная Русь стала называться "русской землей". Таким образом, эта теория должна быть отвергнута. Как же объяснить иначе происхождение "русских" названий в Закарпатье? На территории Закарпатья начиная с IX века переменялось много хозяев. После завоевания Крума болгарского эта территория входила в Великую Моравию, потом пришли венгры. Только походы на Червенскую землю Владимира Святого в 981 г. и [Ярослава с Мстиславом в 1031 г.] могли закинуть в эти области понятие о принадлежности населения к *русскому* народу и о связи с *русской* землей. С этим понятием связалось тогда же понятие восточной православной веры, принятой после проповеди Мефодия. Поставленная перед двойным нажимом, между протестантами-немцами и католиками-венграми, угорская Русь сохранила свою национальность именно благодаря этой религиозно — этнографической традиции. Автор исследования 1802 г. "О следах русинов в Трансильвании" сообщает, что, даже теряя язык, но не потеряв веры, русины хотят "сохранить себя чистыми", а потому избегают браков и более тесного общения с чужеродными. Этому отчуждению содействовало и их подчиненное социальное положение — пастухов или земледельцев, которых с XIII века князья и крупные помещики стали употреблять для крепостной колонизации.

Возвращаясь к восточной Галиции — Червенской Руси наших летописей, — мы уже видели, что именно отсюда должны были спуститься к морскому берегу анты. Сколько я знаю, нет лингвистических трудностей признать в их названии вариант древнего имени "венеты". Колебания носового звука (юса малого и большого in и an) известны в польских наречиях. Мы предупреждены, с другой стороны, Иорданом, что венеты есть *общее* имя, покрывающее отдельные местные названия. Но и взятые вместе "народы" антов, по указанным уже соображениям, не составляли могущественного союза. Их участие в походах на Балканы всегда происходило вместе с другими народностями — болгарами и словенами. Притом они участвовали в этих походах редко, а после 602 г. и вовсе перестают упоминаться.

наться как целое. Выступают их отдельные племена. Едва ли мы ошибемся, признав именно племенами антов два юго-западных народа России, тоже игравших второстепенную роль и скоро исчезнувших навсегда из истории под влиянием передвижений кочевников. Это — уличи и тиверцы. Как самое слово "уличи" с носовым знаком (Унличи), так и их место жительства у луки моря, между Днестром и Дунаем, указывают на их преемство от антов, занимавших те же места. Хронология их появления здесь определяется серединой VII века, когда летописец Никифор, указав на то, что на этом самом месте остановился Аспарух, перед своим уходом за Дунай, называет эту местность "онгрос", то есть угол (ср. выше Иорданово определение), и прибавляет, что слово это — болгарское (то есть, в его понимании, славянское). Другими словами, болгарская орда Аспаруха нашла здесь славянское племя уличей полвека спустя после того, как источники перестали упоминать живших на этих самых местах антов. Наша летопись знает уже только по преданию, что уличи принуждены были отойти с Днепра за Буг (карта № 46); весьма вероятно, что их вытеснили печенеги. Затем с ними воевали, по дороге в Константинополь, Олег и Игорь. Вероятно, эти постоянные опасности заставили уличей уйти из этого проходного приморского коридора окончательно на запад, — и этим кончается их история. Тиверцы — ближайшие соседи и, вероятно, союзники уличей — разделили их судьбу; о них не упоминается после 945 г., и летописец знает о них как о далеком предании: "суть бо гради их и до сего дне", то есть, очевидно, сохранились только остатки их городов.

Как видим, приднестровское направление колонизации восточных славян, одно из наиболее древних, не дало плодотворных результатов для истории. Следуя по коридору всевозможных вторжений, им навстречу, и выходя к опушке степи, откуда отбрасывала их назад живая сила кочевников, эта колонизация упиралась в тупик и не оставила прочных следов. Другое дело — колонизация Закарпатья. Среди лесов и гор славяне чувствуют себя в своей обычной обстановке и незаметно колонизируют закрытые горные места, останавливаясь перед равнинами. Равнины они переходят только в походном порядке, увлекаемые воинственными ордами, на юг за Дунай. Но в этом процессе они выявляются уже не как восточные, а как южные славяне. Это значит, что самый процесс дифференциации происходил в данном случае по мере их удаления от общего славянского центра. Те из групп, которые остались в горах и лесах, становятся материалом для чужих колонизаций королей, монастырей и крупных земельных собственников. Постепенно они, за исключением Карпатской Руси, теряют свою национальность, омадьяриваются и орумыниваются. Такова в общих чертах эта поучительная колонизация юго-западного угла России

при первых попытках ее тщетной борьбы перейти из лесной области в степь.

ВТОРОЙ ПОТОК СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ (ВОЛЫНЬ)

Но мы этим еще не кончили с историей передвижений, связанных с Приднестровьем. Невысокий водораздел между верховьями притоков Вислы, Тиссы и Днестра находит свое продолжение в еще более доступном водоразделе — Авратынской возвышенности — между левыми притоками Днестра и правыми притоками верхнего течения Припяти. Между теми и другими вкрапливаются — не то разделяющей, не то связующей их чертой — верховья двух Бугов, Западного и Южного. Это интересное сплетение гидрографического узла заслуживает внимательного изучения, ибо оно вскрывает перед нами следы *второго* потока славянской колонизации, связанного своими истоками с первым, только что рассмотренным (карта № 46, территория под буквой Т). Связь эта характерным образом подчеркивается однородностью антропологического типа — динарского, который соединяет территорию гуцулов и бойков, через Ополье и верховья Днестра, с Саном и Дунайцем (с центром во Львове), с одной стороны, и с верхними течениями Отыри, Горыни и Случа — с другой. Мы здесь — на повороте восточно-славянской колонизации с южного направления на восточное. Путь дальше Волыни — на север — здесь отрезан болотами правого берега Припяти, составляющими непроходимую географическую границу. Путь на восток ведет в древлянские леса и на полянскую равнину. Колебания между этими двумя направлениями оставляют свой след в речной номенклатуре⁴. Но вся намечаемая здесь территория связана не только названиями рек. Свидетельство о связи между ее частями, вероятно еще более древней, дает нам археология. Археология устанавливает тут единство погребального обряда уже с конца неолита и начала бронзы. Речь идет о пределах распространения упомянутых выше ровных полей погребальных урн, содержащих остатки сожжения — и не сопровождаемых насыпными курганами над могилой.

Доисторическая подкладка этих находок определяется сразу, если мы вспомним, что как раз на этой территории в эпоху перехода от неолита к металлам господствовала шнуровая культура (карта № 24). Мы могли наблюдать здесь постепенный

⁴ Путь *на юг* нам уже известен от Серета (приток Днестра) к Серету (притоку Дуная). Поворот *на север* характеризуется р. Иквой (притоком Буга у Мельника) и Иквой (притоком Стыри). Ушица (приток Днестра) находит себе двойника в Уже (приток нижней Припяти); Сдвиж (приток Тетерева) — в Сдвиге (приток Припяти, ниже Горыни).

переход от камня к бронзе и от похорон скорченных скелетов в яме или в каменном ящике (на запад от Днепра) — к обряду сожжения. Но тот же самый переход широко распространен и в центральной Европе. Чайльд назвал эту переходную культуру условным термином "Danordic". В своей большой работе "*The Danube in Prehistory*" Чайльд проследил целых пять вариантов этой культуры в "Дунайском коридоре" — и в каждом из них нашел ту же переходную стадию от погребения скорченных скелетов к сожжению и к погребению на ровных полях без курганов. В частности, типы шнуровой керамики переходят при этом в типы унетичкой культуры (1900-1450). Мы в свое время отметили, что местами (как в Силезии и в Лужицах) унетичкая культура непосредственно переходит в лужицкую, а в других местах — на той же общей почве шнуровой культуры — развиваются параллельные явления, причем главным и общим признаком их является переход от погребения к сожжению и от курганов с скорченными скелетами к постановке урн с пеплом в некрополях без курганных насыпей.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ

Изучение вариантов культуры погребальных полей в разных частях центральной Европы приводит к любопытным выводам относительно способов распространения этой культуры. Наиболее простым, примитивным и, следовательно, первоначальным типом населения, сжигавшего своих покойников и сохранявшего пепел в урнах в обширных некрополях без курганных насыпей, является население северной части унетичкой территории — восточного берега средней Эльбы и среднего и верхнего течения Одера с Вартой. Это — та территория, на которой развилась "лужицкая" культура. По отношению к ней уже непосредственно связанные с ней территории Чехо-Моравии и Польши были территориями колонизации, причем в Чехии более сильный "субстрат" населения создал варианты, свидетельствовавшие о приходе "нового" народа, тогда как направление на Вислу оказалось более пустынным: сухой климат суббореального периода, по замечанию Чайльда, должен был осушить и разредить леса, облегчив возможности расселения.

Переходя от этого территориального комплекса к более отдаленным частям, мы уже присутствуем при столкновении новых переселенцев с более сильными и законченными местными культурами. В таком положении находится территория будущей Венгрии, сильная своей медью и бронзой. На этой территории Чайльд различает не менее пяти местных групп погребаль-

ных полей с более или менее сложным прошлым и внешними влияниями. Мы видели, что по отношению к Прикарпатьяю верховья Тиссы были исходной точкой импорта на север. Еще характернее — изменения, происшедшие при внедрении погребальных полей на территорию, объединяемую Чайльдом под названием "северно-альпийской". Это — местности на верхнем Дунае (Бавария, Нижняя и Верхняя Австрия и восточные Альпы; течение Майна, Неккара и дальнейшее распространение той же культуры вниз по Рейну). Мы находили в этих же самых местах следы иллирийско-славянской колонизации, более или менее поздние и затухшие историческими процессами, хотя и сохранившие след в динарском антропологическом типе. Но естественно, что здесь самостоятельность местного развития была еще сильнее — и варианты культуры погребальных полей еще более глубокими. Приведу очень поучительное сопоставление Чайльда между самым простым (лужицким) и самым сложным (северно-альпийским) типами. "Несмотря на многие характерные черты сходства, северно-альпийские и лужицкие поля урн различаются не менее значительными контрастами. Лужицкие некрополи очень бедны бронзой; северно-альпийские иногда очень богаты. Лужицкая культура имеет мирный и демократический характер; северно-альпийская — решительно боевой и аристократический. Лужицкие поселения никогда не бывают укреплены; баварские и тиролевские места для поселений специально выбраны с целью обороны". Однако можно прибавить к этой характеристике, что признаки зачатков господствующего класса и социального расслоения, хотя и гораздо более слабые на востоке, нежели на западе, все же имеются налицо. Самая сущность лужицкой культуры, поднявшейся над шнуровой культурой скорченных скелетов, свидетельствует о более сложной социальной организации (обширные и густо заполненные некрополи вместо одиночных курганов и каменных ящиков) с наличием командных центров (позднейшие "городища") среди племенного быта. Точно также повсюду в культуре полей урн мы имеем признаки усилившегося торгового общения по рекам, а также и по проторенным сухим путям между речными системами. Одинаков повсюду земледельческий характер населения с усложненными культурами и составом домашних животных. Распространение железа укрепляет и развивает все эти явления; помимо импорта извне — в более сильной степени разрабатываются и местные минеральные богатства (железо, медь, олово, золото, а также соль — в обмен на янтарь).

Переходя с этими критериями к территории полей с остатками сожжения в урнах на территории⁵, на которой мы остановились, идя с юго-запада к северо-востоку, что мы найдем? Раз-

⁵ На карте № 46, территория Т, соответствующая Волини.

работка археологического материала здесь гораздо слабее, чем на западе; но некоторые выводы все же можно сделать и из того, что имеется. Прежде всего, следует отметить непосредственное примыкание этой территории к "лужицким" полям погребений в Галиции и Польше. Смычка идет здесь по правому берегу Зап. Буга от верховья до Брест-Литовска. В Польше, как и западнее, лужицкая культура настолько тесно связана с предшествовавшей курганной, что польские археологи (как Костржевский) и тут колеблются между признанием развития ее на месте и гипотезой прихода нового народа в конце второго периода бронзы (причем дальнейшее переселение того же народа продолжается и в третьем периоде). В процессе напора с севера (германской) культуры каменных ящиков культура погребальных полей слабеет и исчезает (или ассимилируется) в период позднего железного века. Это соответствует отмеченному Козловским передвижению лужицкого населения на линию Зап. Буга — и дальше на Волынь. Территория Волыни и является средоточием культуры полей сожжения. По верхним притокам Припяти она несколько поднимается к северу, следуя сравнительно сухим местам; но потом спускается южнее, обходя припятские болота и выходя к Днепру у устья Припяти. Южная граница территории полей сожжения следует приблизительно Авратынской возвышенности и верхнему течению Южного Буга, переходя отсюда в бассейн Роси. Подолия остается вне ее. Занимая правый берег Днепра между устьями Припяти и Роси, погребальные поля переходят и на левый берег у устья Десны, поднимаясь по ее левому берегу в пределах лесных почв и доходя в лесной полосе до верховьев Сулы, но избегая, по-видимому, перехода в степь. Эта полоса точно соответствует второй линии славянской колонизации.

ПЕРЕХОДНЫЕ СТАДИИ КОЛОНИЗАЦИИ НА ВОЛЫНИ

Вопрос о степени древности этой колонизации здесь так же сложен, как и в Польше, ибо здесь нелегко отделить новый приток колонистов от предшествующего населения. Между тем и другим и здесь есть связь и переходная стадия. Основной характер новой культуры и здесь несомненно "лужицкий", хотя здесь она значительно беднее, чем в Польше и в других местах лужицкой колонизации. Субстратом для нее здесь являются, рядом со шнуровой культурой, остатки трипольской (глиняные площадки, формы керамики, фигурки и т.д.). Обряд погребения скорченных скелетов под курганами здесь переходит медленнее в обряд сожжения, на полях урн. Хотя городища и стоят в связи с лужицкой культурой, но они, по-видимому, являются позднее — когда и сюда доходит германский напор. Население ос-

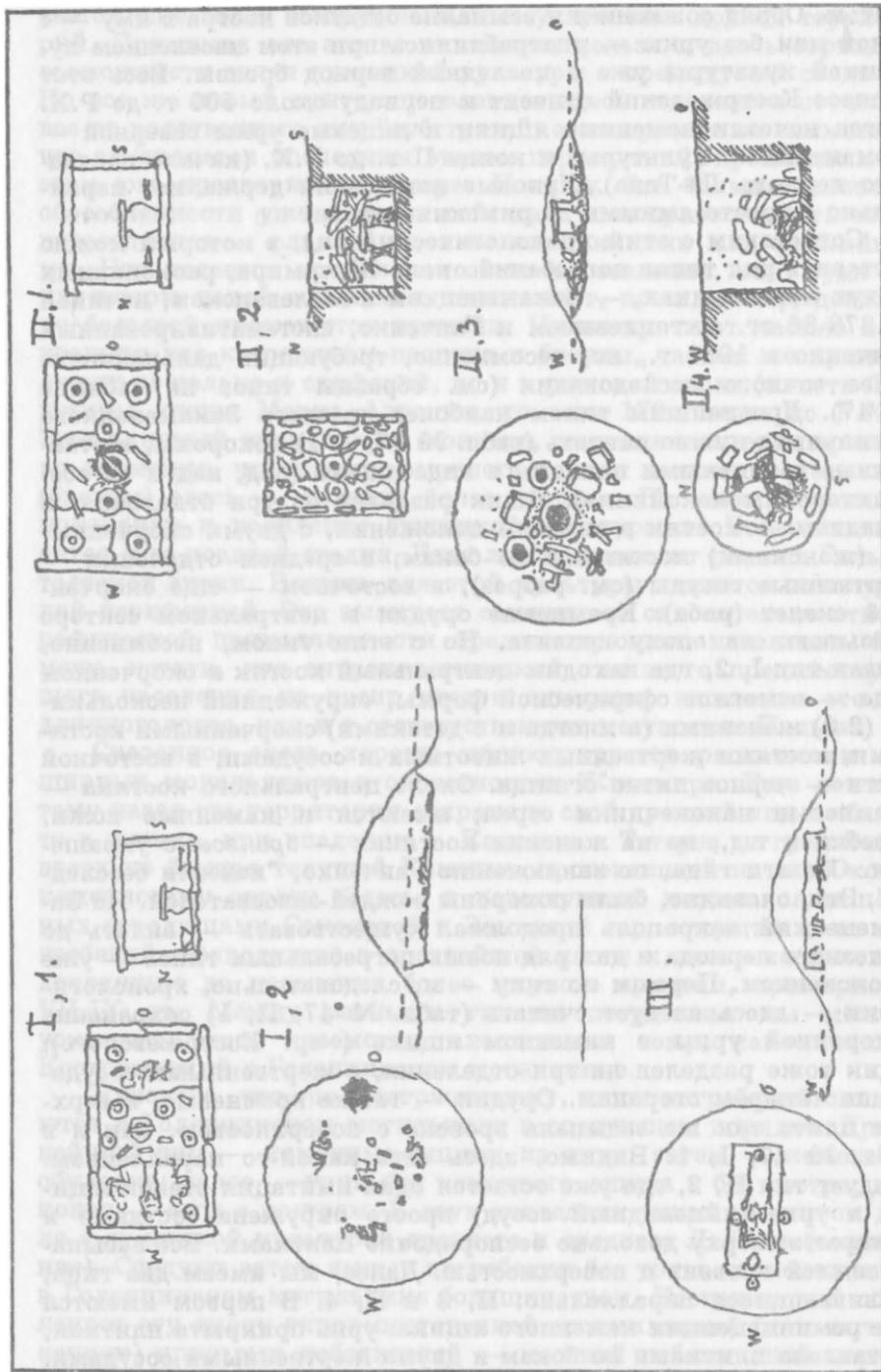
тается еще более безоружным, чем у лужичан других территорий. Принимая все это во внимание, нельзя и здесь отрицать возможности связи лужицкой культуры с предыдущей стадией. Но все же новый приток поселенцев здесь отделяется отчетливее от родственного ему "субстрата", если примем во внимание, что он является последним этапом переселений, прошедших на этом юге предварительно через Польшу. Эта большая степень обособленности уже сама по себе дает нам право считать этих переселенцев — славянами, а не иллирийцами или фракийцами. Что касается хронологии этого переселения, она, судя по инвентарю полей сожжения, охватывает, по-видимому, довольно большой промежуток времени. Инвентарь этот частью возвращает нас к границам неолита и бронзы, частью же принадлежит не только к скифской, но и к римской эпохе (монета Фаустины, жены Марка Аврелия, то есть 170-е годы по Р.Х.). Этот длинный промежуток, конечно, сокращается, если примем во внимание, что конец каменного века и появление металлов (бронзы) здесь — явление более позднее. По всем указанным признакам и появление лужицкой культуры на Волини относится к ее поздней стадии. Едва ли она восходит раньше Гальштадтской эпохи. Волинь для этой культуры является захолустной периферией. Это вызывает сомнение и относительно этнографической принадлежности предшествующего населения. Отмечу, кстати, что антропологический тип этого предшествующего населения не носит следов динарцев; население это — длинноголовое, как и в соответственных местностях Польши.

Сказанное очень хорошо иллюстрируется раскопками обширных могильников в окрестностях Житомира. Еще лет сто тому назад эта территория сохраняла свой древний вид — болото в низине, при впадении р. Каменки в Тетерев, и густой лес вверх по быстро текущей Каменке, протекающей по глубокому каменистому оврагу. Здесь, в недоступных местах, защищенных городищами Соколовой и Замковой гор, открыты поля погребений, восходящие в древнейшей части к эпохе костяков и доходящие до населения более мирного времени, примерно в VII-IX вв. Между разными типами погребения мы можем усмотреть здесь преемство, аналогичное тому, какое нашел Костржевский в Голенцинском могильнике.

Напомню, что, по Костржевскому, типы погребений сменяются в Голенцинском могильнике в следующем порядке. Древнейший тип — каменные ящики из плит; затем — каменная обкладка; далее — урны без каменного ящика и без костра; наконец — ямы с костром. В двух последних типах мы имеем дело с лужицкой культурой древнего и среднего Ла-Тена (сожжение). Следуют затем ямные погребения без урны, становящиеся в Голенцинском могильнике большинством. Костржевский объясняет эту смену типов постепенной ассимиляцией (или вытеснением) пришлых победителей — местной побежденной народ-

ностью. Обряд сожжения и всыпание остатков костра в яму — с урной или без урны — употреблялись при этом населением лужицкой культуры уже в последний период бронзы. Весь этот процесс Костржевский относит к периоду около 500 г. до Р.Х. (когда исчезли каменные ящики и лицевые урны северной — германской — культуры) и конца II в. до Р.Х. (начало последнего периода Ла-Тена). Урновые погребения держались параллельно с просто ямными до римских времен.

Сопоставим с этим хронологический ряд, в который можно поставить ряд типов погребений около Житомира, раскопанных в двух могильниках, — Закаменецком и Малеванском, начиная с 1878-86 гг. Антониевичем и Ганченко, систематизированных Ганченко в 1931 г., но, несомненно, требующих дальнейшего, более точного исследования (см. образцы типов на таблице № 47). Древнейшим типом наиболее древнего Закаменецкого могильника нужно считать (табл. № 47, I, 1) похороны, обставленные гранитными плитами в виде ящика (под, над и по обеим сторонам покойника). Ящик разделен на три отделения: в западном — костяк в сидячем положении, с двумя скорченными (женскими) костяками по бокам; в среднем отделении — жертвенные сосуды (см. разрез), в восточном — еще скорченный скелет (раба). Кремневые орудия в центральном секторе указывают на эпоху неолита. Но с этим типом, несомненно, связан тип I, 2, где находим центральный костяк в скорченном виде — в могиле сферической формы, окруженный несколькими (2-3) женскими (а иногда и с детскими) скорченными костяками, костями жертвенных животных и сосудами; в восточной части — черное пятно огнища. Около центрального костяка — кремневые наконечники стрел; имеются и каменные ножи, скребки и т.д., но на женских костяках — *бронзовые* украшения. Оба эти типа, по заключению Ганченко, "исчезли бесследно". Это, очевидно, были похороны вождей-завоевателей. Но Закаменецкий некрополь продолжал существовать — вплоть до железного периода и дал ряд новых погребальных типов — уже с сожжением. Первым по типу — и, следовательно, хронологически — здесь следует считать (табл. № 47, II, 1) сохранение похоронной урны в каменном ящике (ср. Костржевского): ящик тоже разделен на три отделения, с жертвенными сосудами по четырем сторонам. Орудия — также кремневые, и верхняя плита так же засыпана вровень с поверхностью, как и в табл. № 47, I, 1. Видимо, здесь есть какой-то параллелизм. Следует тип II, 2, где уже остается одна имитация стенок ящика, а урна (яйцевидный сосуд) просто окружена сосудами и прикрыта сверху довольно беспорядочно плитками. Все засыпано землей вровень с поверхностью. Далее, мы имеем два типа, развивающиеся параллельно: II, 3 и II, 4. В первом имеются еще реминисценции каменного ящика: урна прикрыта плиткой, обставлена плитками по бокам и двумя жертвенными сосудами.

№ 47. Типы погребений Жытэомырскэго могылннка

Остальное — свалено в беспорядке. Здесь имеется и переход к насыпке кургана, для чего земля берется тут же, кругом, и образуется небольшой ров у подножия кургана. Наконец (II, 4), урна уже вовсе исчезает, и продукты сожжения, просто заваленные камнями, кладутся в круглую яму и засыпаются землей вровень с землей.

В стороне от этого ряда, составляющего непрерывную цепь похорон в Закаменецком могильнике, мы имеем другой могильник, Малеванский, отделенный от предыдущих большим хронологическим промежутком. Здесь и были начаты раскопки 1878-96 гг. Но они нашли очень однородный по составу, несомненно славянский могильник VII-IX вв. по Р.Х.; население здесь уже вернулось от сожжения к погребению в земле; скелеты положены в длину и окружены обычным скудным инвентарем: мужчины с железными креслами, женщины с серебряными колечками без запайки, стеклянными бусами в серебряной или золоченой обкладке и т.д. Это, конечно, славянское население древлянского края, очень мирное, занимающееся земледелием, безоружное. Вопрос о его отношении к типам Закаменецкого могильника требует дальнейшего изучения и осложняется тем, что тут, во всяком случае, нужно предположить какой-то перерыв. Что касается древнейшего населения Закаменецкого могильника, его славянский характер вытекает из допущенной нами принадлежности полей погребений славянской (лужицкой) культуре и из всего изучаемого нами процесса передвижения восточных славян с территории теперешней Польши на свои окончательные места, засвидетельствованные летописью и раскопками. Ганченко различает здесь между древнейшими типами похорон скорченных скелетов, которые он готов отнести: I, 1 к западному или северо-западному происхождению, а I, 2 к степнякам, — и типами сожжения в урнах и ямах. На запад, очевидно, указывает мегалитический тип, свойственный германцам, — но не только им. Что касается I, 2, мы знаем степные могилы скорченных скелетов в "охровых" погребениях и уже отнесли их к периоду шнуровой керамики в южной России к индоевропейскому типу. Славянскую непрерывность надо, очевидно, искать не раньше серии типов сожжения. Очень интересны антропологические наблюдения Ганченко: согласно им, черепа в могилах типа I, 1 — мужские — субдолихоцефальные, женские — длинноголовые; типа I, 2 — короткоголовые. Период трупосожжения измерений не допускает; что касается Малеванского (славянского) могильника, немногие хорошо сохранившиеся черепа дали 50% длинноголовых, 37,5% поддлинноголовых и 12,5% среднеголовых, то есть смешанное население, в котором, однако, обнаруживается связь с длинноголовым населением Польши. Все это представляет первостепенный интерес, и остается пожалеть, что до сих пор на Каменецкий некрополь не было обращено более пристального внимания.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАЗВАНИЯ СЛАВЯН

Не только археологическое, но с известного момента и этнографическое единство пояса второй колонизации подчеркивается и именами восточно-славянских народностей, с ним связанных. Все они принадлежат к древнейшему известному слою и так же, как "склавены" Иордана, хранят память о ранних, потом исчезнувших *общих* названиях всего славянства. Самое название "славяне" относится к этой категории. В разных вариантах мы встречаем его на самых противоположных окраинах славянства: у чешских словаков, крайнских словинцев, поморских словинцев и новгородских словен. Общее правило в таких случаях — то, что общие видовые имена сохраняются преимущественно на окраинах, где данная народность окружена чужими племенами. Более тесный и более близкий к общеславянскому центру круг представляет, в меньших размерах, то же явление. Особенно поучительно в этом отношении название хорватов. Не будем останавливаться на спорном производстве этого имени от Карпат; но где-то в Прикарпатье и на верхней Висле — во всяком случае, в восточной Галиции по соседству с Волынью — мы уже встречаем показания исторических источников о древнем пребывании хорватов. С верховьев Вислы и Одера это племенное имя переходит по соседству на верховья Эльбы. Константин Багрянородный ведет их из этой "Белой Хорватии" севера на Саву и к Далматскому побережью, точно обозначая эту миграцию хронологической датой царствования императора Гераклия, то есть между 630-640 гг. Его показание было заподозрено на том основании, что славяне жили уже раньше в этих местах: мы, действительно, видели, что динарцы пришли сюда уже за полтысячелетия до Р.Х. Но одно другому не мешает; здесь, как и на других окраинах, хорваты могли оказаться лишь новым слоем родственного им населения. Археологические данные все же связывают их всего теснее со старым слоем на территории лужицкой культуры и полей урн. Мы можем предположить, что "склавены" Иордана на верхней Висле уже носили племенное название хорватов, так же как и их приднестровские единоплеменники. Возражения шли еще с другой стороны. Ведь все эти хорваты говорят разными славянскими языками. Есть хорваты-поляки, хорваты-чехи, хорваты-сербы и хорваты-русские. Нидерле уже ответил на это возражение, что, разойдясь в разные стороны из общего местожительства, они могли ассимилироваться с новой славянской средой. Но более глубокий ответ заключается именно в допущении их прежнего общего местожительства. Из него вытекает признание, что их язык до расхождения был общий, то есть для *данного* племени "прародиной" должны были служить верховья Днестра и Вислы. На частном случае — прекрасная иллюстрация того, как в больших размерах происходило расхождение вообще славян-

ских племен, прасербов, прачехов, праполяков и прарусских. По мере отдаления от центра это расхождение и положило начало формированию отдельных славянских языков. Хронологию расхождения данной группы мы должны определить не позже VI-VII столетий по Р.Х., но, по всей вероятности — гораздо ранее.

Следующее архаическое имя, с которым мы встречаемся на территории второй колонизации, есть имя дулебов. С ними повторяется та же история. Имя ду(д)лебов встречается и в верховьях чешской Влтавы, и в нижней Паннонии, и на р. Муре, и на юг от Граца; встречается и в топографической номенклатуре (например, около Минска). Для нас название дулебов имеет даже особый интерес, оно сплетается с именами племен, живших на Зап. Буге и на Волыни, — и ведет нас далее на северо-восток в пределах изучаемой полосы второй колонизации. При этом имя дулебов связывается в нашей летописи с определенной хронологической датой: с нашествием авар, то есть с серединой VI столетия. Географическая разбросанность дулебов вызывает разногласия ученых относительно определения их народности: Шафарик относил их к чешским племенам, Маркварт — к лехитским. Сейчас увидим их в связи с восточно-славянской колонизацией. Моя точка зрения делает эти разногласия ненужными. Как и с хорватами, дело решается тем, что тут происходил все тот же процесс расхождения из центра близкого к вышеупомянутому, но расположенного несколько севернее его. Дулебы могли не быть в то время ни чехами, ни восточными славянами, — ибо лишь в процессе дифференциации славянства могли стать и теми, и другими, и третьими. Но вернемся к восточной линии распространения народности дулебов. Здесь показание русской начальной летописи подтверждается арабским писателем Масуди. Приведем, прежде всего, это интересное показание, относящееся к 943-944 гг. "Жительство славян находится на севере, — говорит Масуди, — они распространяются на запад. Они составляют различные племена, которые воюют между собой. У них имеются короли, одни из которых исповедуют христианство якобитского толка, тогда как другие не имеют никакого откровенного писания, но суть язычники, ничего не знающие о предписаниях религии. Эти последние образуют несколько наций. Между ними имеется одна, которой спокой веков принадлежало господство. Король назывался Маджаком. Эта нация называется Валинана. Этой нации издавна повиновались прочие славянские племена, так как ей принадлежала власть и прочие короли ее слушали..." Далее следует перечень "королей" на западе, в числе которых упоминается "Дулеба, король которых в настоящее время называется Винислаф (Венцеслаф)". После перечисления племен (Морава, Хорватин, Чакхин и т.д.) следует общее замечание. "Что касается имен некоторых королей этих народов, которые мы называли, то это твер-

дые (постоянные) имена (то есть звания, соответствующие народностям)". Далее Масуди возвращается к Маджаку, царю Валинана. "Этот народ — одно из славянских племен чистойшей крови, которое высоко чтилось среди их наций и могло ссылаться на свои старые заслуги перед ними. Затем наступило разъединение между их нациями; их организация прекратилась, и их нации сомкнулись (поодиночке); каждая нация по числу их королей, которых мы упомянули".

Здесь мы имеем наглядное подтверждение нашей догадки. Речь идет о далеком прошлом, когда Валинана составляли единое целое и стояли во главе славянских племен (или "наций"), расположенных к западу от них. Потом их "организация" распалась, и отдельные "нации" (названные выше) назначили себе отдельных королей. Валинана — племя "чистойшей крови" — сохранило лишь уважение ввиду "старых заслуг". По прямому смыслу этого рассказа другие нации отделились, уйдя на запад от своего старого ядра. Сопоставим теперь это свидетельство с показанием нашей летописи: "Дулэбы живяху по Бугу (Западному), где ныне Волыняне", и дальнейшее пояснение: "Бужане, зане сядят по Бугу, после же — Волыняне". Итак, волыняне есть позднейшее название дулебов и бужан. А параллельно с этим говорится: "Обры (авары) воеваша на словены и примучиша дулэбы, сушая словены, и насилье творяху женам дулэбским". Каким дулебам авары творили насилье, бужским или чешским, здесь неясно; летописец предусмотрительно говорит вообще о "словенах". Но все же он приурочил своих дулебов к Бугу, отождествив их, очевидно, с бужанами и отделив от современных ему волынян. Масуди, напротив, соединяет дулебов и с позднейшими волынянами. Соединяя все эти показания, мы можем заключить, что именно аварское нашествие и разогнало дулебов — так же как оно разогнало антов, по разным местам славянской территории. Тем самым оно положило конец господству волынян "чистойшей крови".

Южнее волынян мы находим еще одно славянское племя той же архаической категории — лучан; и опять связь их с древнейшей общеславянской группой подчеркивается тем фактом, что и они были разбросаны по разным местам: имеются "лучане" на Эгере и "ленчанине" в Польше на Бзуре (как в "венетах" и "антах", юс большой и малый меняются, оставляя, по видимому, варианты древнейших наречий).

После сказанного до сих пор мы можем несколько смелее приступить к труднейшему вопросу второй полосы колонизации: к перечислению северян в Посемье к той же группе древнейших племенных имен. Северян сопоставляли с приуральскими "савирами". Более вероятной кажется мне перестановка "севры" из "сербы". Название сербов — одно из древнейших общих названий славян; племена этого имени мы встречаем почти везде в соседстве с хорватами. "Сорабов" мы встречаем, по-

мимо их позднейших мест, между средним Дунаем и Хорватией, также и в верховьях Заалы и Эльбы (ср. также "сериште" — Цербст). "Сербов" знает и Фредегар в похождениях Само. О "белых сербах" в связи с "белыми хорватами" говорит и Константин Багрянородный по поводу их переселения на запад Балканского полуострова. Западные и южные сербы, подобно хорватам, получают свое дополнение в восточных, если примем перестановку их имени в "северу". Эту форму, во всяком случае, знают Феофан и Анастасий; первый называет даже архонта северов "Склавуна" (расселены на Дунае, у Малого Балкана и в Эпире). Напомню, что сюда же доходят к низовьям Десны и к верховьям Сулы и плоские поля пепельных урн. Река Десна ("правая") самым своим названием указывает направление этой колонизации на восток, от Днестра с юга. Таким образом, весь второй пояс колонизации представляет одно целое, археологически, хронологически и этнографически.

ПОМОРСКИЙ ПОТОК ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

От юго-восточной части восточно-славянской колонизации, — части более или менее освещенной показаниями археологии, топографии и исторических источников — я прямо перейду теперь, минуя пока среднюю лесную полосу, к противоположной окраине — балтийскому и русскому Поморью. Эта часть чрезвычайно мало освещена и допускает только гадательные выводы. Я делаю этот географический скачок от южного края карты к северо-западному, именно потому, что считаю оба эти направления колонизации наиболее древними и уже поэтому — труднее уловимыми для историка. Однако мои гадания в этой темной области все же основываются на некоторых опорных точках, которые представляются мне достаточно надежными. Определяются эти опорные точки: 1) моей общей концепцией о движении восточно-славянской колонизации к востоку от места древнейшего известного нам заселения восточных славян; 2) единством месторазвития, в котором разворачивается эта линия колонизации; 3) выходом темной полосы в ней к явлениям, освещенным данными позднейшего периода и непосредственно связанными с явлениями периода, скрытого в доисторическом мраке; 4) наблюдениями над сродством говоров на протяжении этой, наиболее западной линии восточно-славянской ("словенской") миграции.

Что касается месторазвития, моей опорной точкой является здесь географическое соображение, высказанное уже в I-й части этого тома. Территории с морским климатом являются особенно благоприятными для заселения, как по сравнительной мягкости климата, так и по большей открытости и доступности пере-

движения. Прибалтийское побережье в том и другом отношении, несомненно, более благоприятно, нежели дремучие леса и непроходимые болота более центральных местностей. Чисто априорно можно уже предположить, что приморские полосы заселяются ранее, нежели континентальные, и имеют, следовательно, более древнюю историю.

Надо, однако, оговорить, что речь идет не о приморской колонизации в тесном смысле. О чисто приморской колонизации трудно и говорить, вдоль извилистых балтийских берегов с их выступами и углублениями. Нашим "приморским" колонизаторам приходилось, прежде всего, продвигаться не по пустым местам; берега и особенно выступы суши были уже, несомненно, заняты предыдущим населением. В тылу этого "приморья" в собственном смысле тянется географически объединенная в один тип (см. карту Семенова Тянь-Шанского) полоса "Озерной равнины", заключающая в себе бассейн Чудского озера, Волхов с тремя притоками, Ильмень, южные берега Ладожского и Онежского озер, бассейн р. Онеги и выход к Белому морю у устья Сев. Двины. С юга эта равнина граничит с холмистой, покрытой валунами поверхностью "морен" (см. карту № 17 Танфильева, 1 и 5); с севера — с оконечностями Финского гранитного массива, включая южный берег Финского залива. Эта равнинная полоса, продолжающая польскую равнину, одинакова по супесчаной и суглинистой почве (вначале) и по климату. Она одинаково неблагоприятна для земледелия; но зато гораздо лучше изрезана реками, связывающими между собой сеть многочисленных округлых озер средней (сравнительно с северными) величины. Это месторазвитие чрезвычайно удобно для колонизации рыболовческого населения. Притом упомянутые реки и озера представляют кратчайшее расстояние и ближайший путь между двумя поморьями, балтийским и северным.

Следуя этим путем, поморяне германской Прибалтики находили ту же обстановку, в какой расселились поморы русского севера. Дело тут не только в сходстве названия, а в близости быта и характера населения, а может быть, и его физического обличья — на всем протяжении изучаемого колонизационного потока. Близость к морю и там, и здесь обусловила одинаковость занятий и промыслов, а речные сообщения с морскими берегами обусловили привычку к передвижению по внутренним речным системам и распространили приобретенный в рыбной ловле опыт на эксплуатацию рыбных богатств озерной области. Нельзя лучше представить себе психологию колониста-помора, добравшегося через тысячи северных озер до Белого моря и берегов Ледовитого океана, чем это выразил сам помор в разговоре с исследователем-этнографом Максимовым: "У нас все холода стоят; где ему тут, хлебушку, уродиться... Вон, коли хочешь, поле-то наше: это поле и пахать не надо, само без тебя рожает... Даст Бог рыбу, даст Бог хлеба". "Море наше, где ни

возьми, везде с рыбой, везде с добычей”, — откликается кольский помор помору архангельскому и онежскому.

У меня нет более осязательных *географических* доказательств вероятности передвижения вендов — словен из одного поморья в другое, чем эта тесная связь колонизации с месторазвитием. Но на вендский характер переселенцев указывают также и следы, сохранившиеся в языке.

Мы видели название “вендов” в центральной Европе и на Юге: из области лужицкой культуры оно сопровождало нас на Дунай, через Дунайскую равнину и на юго-восток России вместе с готами. Оно не покидает нас и на территории, куда мы теперь переходим. Напоминаю о древнем классическом названии “Венедского залива” у Птолемея для части балтийского приморья, богатой янтарем (карта № 45). Нельзя не сопоставить этого древнего названия славян с именем, которое дают соседним славянам финны Эстонии и Финляндии: они называют их до сих пор “народом веннов” — “Venälaiset”. Но имеются и живые следы языка. Ближайшей этнографической связью следует искать среди остатков славян на балтийском поморье. Их очень мало, но они имеются. Древнейший говор “кашубов”, правда, слишком затерт позднейшим общением их с соседними польскими племенами, и польские лингвисты более заинтересованы изучением результатов этого позднейшего сближения и ассимиляции, нежели древнейших сепаратных черт. Все же, кашубский говор сохранил ряд особенностей, которые польские специалисты (Лер-Сплавинский) объясняют либо архаическими остатками черт, которые раньше были свойственны и другим частям примитивного польского языка, либо специфическими чертами именно поморских и полабских славянских говоров⁶.

Одно объяснение, конечно, не исключает другого, если вспомним о первоначальной близости всех славянских языков и о раннем возникновении некоторых диалектических особенностей. Еще в IX-XI столетиях кашубы представляли переход к западным поморянам и к исчезнувшим надбалтийским славянам вообще. Между прочим, они уже разделяли особенность, получившую название “мазуркания”, — то есть не различали, как и жители Малой Польши и Мазовии, согласных *ч, ж, ш* от *ц, з, с*. Это напоминает нам, что мазуры из Мазовии переходили в се-

⁶ К основным чертам, которые и доныне яснее чувствуются при приближении к морю и сближают кашубский говор с другими поморскими и полабскими, Лер-Сплавинский относит следующие черты: 1) употребление *ар* вместо польского *ро* между согласными (варна — пол. врона, бардавка — пол. бродавка); 2) *ло* вместо пол. *ле* между согласными (млоц — пол. млец, плоц — пол. плець, млеко — пол. млеко); 3) *эл* или *лу* вместо пол. *ль* (волк — пол. вилк, полни — пол. пелны, долге — пол. длуге); 4) смягчение перед *ар* (чвиарти — пол. чварть, цвярди — пол. тварды, мертвы — пол. мартвы). Из “внешних” признаков отметим: свободу ударения, различие долгих и кратких.

верную приморскую часть Восточной Пруссии, так наз. *Ermenland*. Еще, по переписи 1910 г., там на 303 тысячи немцев значилось 213 тысяч, говоривших *masurisch*; но уже тенденциозная немецкая перепись 1925 г. показала для говорящих по-немецки 481 тысячу, в по-мазурски только 41 тысячу, — что, конечно, на таком коротком пространстве невозможно. Таким образом, мы тут имеем дело с промежуточным восточным этапом славянского поморского населения.

Самыми западными из этих славян были упомянутые нами древане, наречие которых известно по грамоте 1004 года и существовало до первой половины XVIII столетия. Но к лингвистической стороне мы еще вернемся.

ПРИБАЛТИЙСКИЙ "СУБСТРАТ"

Процесс прохождения поморского — славянского — населения с "венедской" Прибалтики к Чудскому озеру и притокам Волхова — самое темное место в истории этой миграции. Мы попадаем в этой полосе на теорию А.А. Шахматова, который ищет здесь территорию "первой прародины славян". Об ошибочности этой теории в ее исходной точке (в нашем предположении, об общем направлении славянской колонизации с запада на восток) мы уже говорили. Неверная предпосылка ведет моего покойного коллегу, знаменитого слависта, к целому ряду искусственных построений, основанных на слишком общих соображениях и совершенно игнорирующих как условия месторазвития, так и археологические данные (правда, в его время мало исследованные). Мнимой "прародине" здесь просто негде было поместиться по условиям местности, неудобной для начала оседлости и крайне слабо заселенной. Древнейшие доступные нам археологические данные, эпохи каменного века, указывают в Прибалтике на следы двух, нам известных, культур: севернее — слабые следы "Фатьянова", южнее — более явственные следы шнуровой культуры и погребений скорченных костяков. Оба течения прошли дальше — в том же географическом порядке: фатьяновский тип в среднее русское междуречье Оки и Волги, отсюда, по нашим предположениям, фатьяновцы проследовали за Урал, к Аральскому морю. Второй тип так наз. "степных" охровых могил с скорченными костяками оставил более явственные следы и развился на месте, в южной России, в последующие типы. Оба типа нами отнесены к колонизации арийских народностей после их отделения от индоевропейского центра средней Европы. Иххождение, которое должно было, при нашей конструкции, задеть Прибалтику, не оставило там никаких прочных следов, а их уход — именно по этому отрицательному признаку — должен был оставить страну почти безлюдной. Мы знаем, что местная гребеночная культура и каменный век продолжали существовать очень долго в этом глухом

углу. Металлы (медь и бронза) появились там с большим запозданием и, при примитивности культуры местного немногочисленного населения, тоже оставили слабые следы, — так что наступление железного века еще застаёт здесь каменную культуру.

Дальнейший процесс я позволю себе резюмировать словами итога, подведенного специалистом по данному вопросу К.Энгелем в заключении своего "Путеводителя по доисторическому собранию" Рижского музея — плода многолетних трудов местных археологов и любителей древностей. "В конце каменного века в балтийских землях на первоначальное население гребеночной культуры, ориентированное на европейский восток, налег слой западных переселенцев (людей с ладейными топорами), которые, очевидно, принесли с собой новые формы культуры — скотоводство и, в ограниченном размере, вероятно, также и земледелие. Из смешения обеих культур возникает в период бронзы (1500-500 гг. до Р.Х.) на пространстве между Двиной и р. Пассарге, прибалтийская культура, которая уже в младшем отрезе бронзовой эпохи (500 г. до Р.Х.) делится, по-видимому, на восточно-балтийскую (литовско-латышскую) и западно-балтийскую (прусскую) группы. Западно-балтийская группа "восточно-прусской" культуры курганных погребений (в младшую эпоху бронзы 500-0 гг. до Р.Х.) воспринимает сильное культурное влияние соседящих с юго-запада "лужицких" кругов, а в период доримского железного века — из соседящих с запада группы привислинских лицевых урн. Уже в этом промежутке времени в ней можно заметить первые зародыши племенных образований (старопрусские главные племена самландцев — натангов, судавцев, галиндов и куров), которые уже в период древне-железного века (I-IV в. по Р.Х.) выступают в резких очертаниях (исторически подтвержденных к тому же Птоломеем около 150 года по Р.Х.) в качестве отдельных племен; их можно проследить затем осевшими на тех же местах жительства вплоть до начала исторической эпохи. В противоположность этой, рано дифференцирующейся западной балтийско-прусской группе восточно-балтийская (литовско-латышская) группа сохраняет — по крайней мере до конца древне-железного века (IV век по Р.Х.) — гораздо более замкнутую и единую культуру".

Итак, на интересующей нас территории смешались, с конца каменного века, люди гребеночной культуры, люди ладейных топоров (их северный поток — наши "фатьяновцы"), за ними (по-нашему, отдельно) люди литовско-латышско-прусской языковой группы, оставшиеся на этих местах от начала металлов до исторической эпохи и только в конце этого долгого промежутка подвергшиеся с своего юго-западного конца некоему "лужицкому" с юго-запада, а затем германскому (лицевые урны) с нижней Вислы (культурному)(?) влиянию. Тут нет места ни для какой "славянской прародины"; зато есть несомненное

подтверждение: 1) прохождения арийцев, 2) поселения, вслед за ними, на постоянное жительство племен литовской группы и 3) позднейших "культурных" влияний на них лужичан и германцев. Этим подтверждается, конечно, — в общем ходе расселения из средней Европы — передвижение двух отраслей индогерманцев: арийцев и литовцев. В частности, подтверждается и ближайшее родство тех и других, удивившее когда-то лингвистов близким сходством форм санскритского языка с формами языка литовского, сохранившими даже более древнее обличье, — он самый захолустный (из данной вообще захолустной группы). К "лужицким" влияниям мы еще вернемся. Во всяком случае, о продолжительном соседстве праславян с литовцами здесь не может быть и речи. Ранее мне пришлось уже высказать предположение о более раннем разделении славян и литовцев, чем это принято было думать. Однако это не исключает продвижения поморян в этом соседстве, более позднего, но все же в сравнительно раннюю эпоху. Тут могут пригодиться, конечно, и наблюдения Шахматова над более поздними литовско-славянскими заимствованиями слов, свидетельствующих о более высокой культуре. Может помочь — и притом очень серьезно — топографическая номенклатура, когда она будет лучше изучена. Обращу пока внимание на широкое распространение во всей нас интересующей полосе, богатой большими и малыми озерами, слова "езеро" (латышская форма *ezerš*), которое, очевидно позднее, заменено местами (в Эстонии) финским названием озер *järv*. Надо заметить при этом, что самая форма слова "езеро" есть древнейшая, восходящая к эпохе общеславянского единства: напоминаю, что и язык балтийского поморья (кашубы) сохранил архаические черты. Названия "езеро" сопровождают нас по всему западно-латвийскому побережью, перебрасываясь на восточный берег Рижского залива, заходя и внутрь территории и переходя затем (наискось, через Эстонию к Вирц-ерви — *ezerš*) до "Плисковского" (древняя форма Пскова — Плесков) озера. Несомненно, эта сеть древнеславянских "езер" сохранила свое славянское имя от предшествовавшего латышскому слою славянского населения, что подтверждает более раннюю славянскую колонизацию. Самое название "вендов", как мне кажется, также сохранилось на латвийской территории; ср. р. Венту, в устье которой стоит город Вентопилс (Виндава), а немного выше, по той же реке, — Вендзава, гор. Венден, *Vendan* на юго-восток от Дерпта и т.д. Если бы оказалось, что древнеславянские названия отсутствуют в северной половине Эстонии, то это показывало бы, что финское население этой части было уже на месте, когда происходила через южную пустынную часть поморская колонизация. Археологи подчеркивают, что Эстония с древнейших доступных их наблюдению времен (то есть каменного века) обладала хотя и скудной, но собственной культурой, а позднейшие культурные влия-

ния проникали в нее не с Вислы, как в литовскую группу, а с моря (см. двухтомную работу Тальгрена).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЯЗЫКА

Мы подходим теперь к наиболее осязательному следу изучаемой нами балтийской волны восточно-славянского переселения. До нашего времени уцелел остаток древне-славянского населения, занимающий юго-восточный угол Эстонии, так наз. Печерский край. До 1919 г. он принадлежал России. Здесь всецело сохранилась экономическая база поморской колонизации, речное и озерное рыболовство, старинный быт и поверья, восходящие к языческим временам, и, повидимому, даже антропологический тип населения. В последние годы перед войной 1939 г. власти обратили внимание на этот глухой и заброшенный край с определенной целью — денационализировать его. Употреблявшиеся ими средства грозили быстро затушевать живые следы старины. Тем важнее было зарегистрировать теперь же наличие этих остатков. Обыкновенно считают, что восточно-славянское население пришло в эти места с востока. Как увидим, это не лишено основания. Но откуда же должна была выйти и колонизационная поморская волна с юга. Граница между этими двумя течениями должна была отразиться особенно наглядно на различии говоров, которое уже было отмечено предыдущими наблюдателями. Я просил молодого исследователя Л.Ф.Зурова определить точнее, где проходит граница между столкнувшимися у Чудского озера двумя говорами — окающими и акающими. Оказалось, что теперь южный берег озера занят акающим (псковским) населением; на восточном берегу, "русском" или "русманском", скоро начинается окающее наречие ("гдовское" — новгородское и петербургское), которое переходит и на юго-западный берег озера севернее деревни Лисья. Отчасти оканье поддерживается здесь русманскими бабами, выходящими замуж за "ловцов" юго-западного берега; но отчасти, по-видимому, так когда-то говорило (по-новгородски) исчезнувшее славянское население северной большей половины Чудского озера. Отсюда это население новгородских "словян" шло уже сплошь до Ильменя, Волхова и дальше — к южным берегам Ладожского и Онежского озер.

Резкое столкновение двух говоров, из которых один (псковский), правда, является смешанным (см. ниже), но зато другой, нужный нам (новгородский) чистым и хранящим некоторые архаические черты, подтверждает, несомненно, тот факт, что едсье столкнулись два течения колонизации, причем одно, новгородское (северно-великорусское западной группы), является более ранним. Конечно, понадобилось время, чтобы пройти весь тот путь, по Прибалтике, который мы проследили, и в особен-

ности трудно установить начало этого переселения. Наиболее вероятным я считаю момент, когда готские передвижения очистили низовья Вислы и начались передвижения в Восточную Пруссию, где археология свидетельствует о каком-то перерыве в первые века христианской эры, а затем — целый ряд наиболее ранних и наиболее частых перемен (сожжение — погребение — опять сожжение — опять погребение, и смена ровных полей погребения курганами). На северо-восток отсюда литовские поселения, по-видимому, еще не установились, хотя уже с VI столетия они налицо — и остаются на раз занятых местах доисторической эпохи. На морском берегу, конечно, должен был оставаться древний субстрат населения, но территории озер, болот и лесов внутренней полосы не допускали плотного и оседлого заселения. Очевидно, дата III-VI вв. по Р.Х. будет наиболее правдоподобной. Она подтверждается, далее, и тем, что к VI столетию, по данным языка, нужно отнести уже последний этап этого потока миграции — встречу поморских колонистов с финскими племенами Эстонии и Ингерманландии. Лингвисты свидетельствуют, что "Чудь" заимствовала от восточных славян отдельные слова в их древнейшей форме. Так, слово "борода" карелы и вепсы произносят "парда", финны — "парта". Вспомним соответствующую особенность *ap* в кашубском наречии. Слово "сунтио", соответствующее нашему "судья", свидетельствует, что поморские переселенцы сохраняли еще и древние носовые звуки (юсы). Слова "кирко" (фин.), "кирикко" (карелы и вепсы) не могли быть заимствованы от формы "църкы", а только от формы более древней — *k j ь r k y*, где звук *k* еще не смягчился в *ц*. Звук, означаемый буквой *ь*, еще произносился как дифтонг ("мера" — "мяара"). Глухие *з* и *ь* еще произносились как гласные. Финский профессор Сетеле и русский проф. Будде по всем этим признакам относят встречу поморян с чудью к VI в., — Будде даже к его началу.

НОРМАННСКИЙ "КАГАНАТ" НА ВОЛГЕ

Факт раннего общения проникших к взморью Финского залива поморян — словен с местными финскими племенами помогает нам осветить новым светом события, сопровождавшие дальнейшую словенскую колонизацию. Общее направление этой колонизации и ее размеры определяются распространением на всем севере России и на верхней и средней Волге с ее притоками северно-великорусских говоров (карта переселений № 46 и карта наречий № 48). Но мы сейчас займемся только первой стадией этой дальнейшей колонизации. Давно уже было обращено внимание на ряд показаний арабских и персидских писателей, что к волжским болгарам и хазарам по "русской" или "славянской" реке приезжают купцы из какой-то северной страны "руссов" или "Славонии" с товарами, свойственными

этой стране. Они же совершают и набеги на берега Каспийского моря. Многие в этих показаниях казалось сказочным или необъяснимым. В последнее время, однако, утвердился окончательно взгляд, что между норманнами и низовьями Волги и Дона установился торговый путь, более ранний, нежели пресловутый путь по Днепру "из варяг в греки", положивший начало русской государственности. Мое выделение поморского потока восточно-славянской колонизации позволяет уточнить хронологию этих событий, связав поволжские события с балтийскими, и выяснить роль в них новгородских "словен".

Мы можем тут, прежде всего, проследить ход скандинавских вторжений — и их культурного влияния — от берегов Восточной Пруссии и Финского залива в их хронологическом передвижении с юга на север и с запада на восток по внутренним русским бассейнам. Самым ярким и ранним известным нам эпизодом эпохи викингов является поселение у Либавы купеческой колонии с Готланда и гарнизона из средней Швеции. Память о них сохранилась как в обширных могильниках, охватывающих период 650-800 гг. по Р.Х., так и в житии св. Анхария, написанном Римбертом. Римберт рассказывает историю, похожую на нашу новгородскую: до 850 г. куры платили дань шведам, но потом восстали и свергли их иго. Но вскоре шведский король Олаф покорил их снова, сжег их исторический Seeburg, осадил и завоевал богатое куронское укрепление "Апуалию" (в сев.-зап. Литве). Для нас особенно интересно отметить, что эта "приморская крепость" у Либавы вместе с некрополем носит славянское имя "Гробин". А самый город вместе с озером, у которого он стоит (Либава), называется по-латышски "Лепая" — название, которое трудно произнести не по-русски. Это — очевидное доказательство пребывания там уже в эти столетия наших поморян на пути к Чудскому озеру. Скандинавское влияние с этих пор, то есть с VII века, особенно в IX-X вв. чувствуется в богатой культуре ливов — на р.Аа и на Двине. Она как-то внезапно развернулась здесь вместе с нашествием этого финского племени (см. ниже). Но, по-видимому, все же прибрежная культура оказалась недостаточно привлекательной для норманнов; они перенесли свои подвиги севернее — к Финскому заливу и к его бассейну. Здесь они использовали (открытые, конечно, до них) речные пути вверх по южным и юго-восточным притокам Ладожского озера на верховья Волги, открывшие широкий простор для их дальнейших разбойничьих набегов и торговых предприятий.

Очередной для нас вопрос, который ставится в связи с этими норманнскими передвижениями, сводится к тому, в каком отношении они находятся к процессам восточно-славянской колонизации, которыми мы теперь занимаемся. Специально этому вопросу посвящено недавнее исследование П.Смирнова (Киев, 1928), имеющее целью доказать, что по волжскому пути скан-

динавы прошли на среднюю и нижнюю Волгу раньше, чем показались там славяне; что они уже несли с собой имя "русов", закрепленное за ними более или менее продолжительной стоянкой у Ладожского озера, и что они образовали среди финнов Владимиро-Суздальской области первую завязь "русского" государства, волжский "каганат" — титул, заимствованный из сношений с хазарами.

Нет никаких затруднений признать, что торговый путь по Волге был известен гораздо раньше появления там и славян и норманнов — "руси". Об этом свидетельствуют не только индо-парфянские монеты начала христианской эры, но и все те связи целого ряда волжско-камских культур, о которых упоминается в "Очерках". Вопрос становится сложнее и труднее, если ограничить его более тесным промежутком времени, когда могли встретиться на средней Волге эти три культуры — финская, скандинавская и славянская. Основным положением П.Смирнова является то, что "правильные" сношения скандинавов с хазарами устанавливаются в VIII и в начале IX в., чем и связываются уже в это время оба конца волжского пути, тогда как славяне не могли колонизовать верхней и средней Волги раньше IX столетия. Но мы уже знаем, что новгородско-поморское течение колонизации вышло к бассейну Финского залива уже в VI столетии; следовательно, поселения славян могли показаться на верхней Волге ранее VIII столетия, то есть до водворения там норманнских военно-торговых колоний. Если не считаться с традицией персидско-арабских сказочных генеалогий, возводящих патронимику "руса" и "хазара" к VII столетию, и не искать славян со времени Птолемея в низовьях Дона и у Азовского моря (см. выше), то первые надежные известия Хордадбега (847-848), Ибн-Русте (913), анонима "Книги границ света" (982-983) и Гардизи (1050-1052) говорят одновременно о славянах и русах (норманнах) на средней Волге — и притом в том смысле, что русы уже нашли славян в местах своего поселения — и их эксплуатировали, брали в плен, продавали в Булгаре и Багдаде и заставляли "служить" себе, очевидно, как плательщиков дани и участников в их походах. Для IX столетия показания этих авторов очень интересны, довольно обстоятельны и действительно бросают свет на население территории Волжско-Окского междуречья, а также, может быть, и на верховья Дона этого времени, если относить их именно к этому месту и времени. Мы узнаем, во-первых, что сплошные поселения славян находились западнее колонизации "русов", которые, в свою очередь, доходили вниз по Волге до камских болгар. Поселения славян в верховьях Дона (очевидно, вятичи рязанской земли, см. карту № 48), граничили с мадьярами (в период их странствий) и, на большом промежутке, с печенегами (уже показавшимися из-за Волги, см. выше). От последних их отделяли десять дней пути по бездорожной степи (Ибн-Русте). Я

№ 48. Древние племена и новые наречия

отказываюсь искать на карте "большой город славян" (Хурдаби-Джеервад), где три дня в неделю бывает базар, и реку Руту, на которой стоял этот город. Но вполне правдоподобно и соответствует другим данным — что на север от этой колонизации простирались пустыри, что население проводило зиму в "ямах и подземельях" (землянках), летом жило в лесах, которыми

была сплошь полна их земля, а от нападения врагов спасалось в свои "многочисленные крепости и укрепления" (ср. многочисленные городища по берегам Оки). Источник называет и имя князя славян, которое имеет, несомненно, славянский характер: Самотсвит, по другому варианту Свиат Малик. Корень "свет" имеется в обоих вариантах; второй толкуется как "светлый князь" — соответственно титулу, который встречаем в договоре Олега с греками 912 г.

Не выше Ярославля и Костромы по Волге, русы (норманны) соседнили с славянами. Границу их с славянской сплоченной колонизацией Смирнов очень правдоподобно проводит по р. Нерли и по линии озер Ростовского (Неро) и Переяславского (Клещина). Между обоими тянется, действительно, ряд "ростовских городищ", опирающихся на сильно укрепленное Сарское городище (Городца на Сарре), где найдены монеты VIII и первой половины IX столетия, но саманидских монет второй половины IX и X века не найдено. Однако и на "русской" стороне источники упоминают "племя из славян", которое им (русам) "служит". Репутация "русов" плохая: они "дурного нрава, лукавы, своевольны, войнолюбивы, воюют со всеми соседними "неверными" (пишет Монотеист) и одерживают верх. Их государь называется "хаканом", — очевидно, по хазарскому образцу. Характерной чертой такого же устройства власти служит также присутствие при хакане "жрецов-кудесников", которые, собственно, и "повелевают царю, как будто его начальники" (ср. "бек" при хазарском хакане).

Несомненно, именно к *этому* "хакану-русу" относится известное сообщение Бертинских летописей о посольстве, отправленном хаканом для "дружбы" в Константинополь (вероятно, вниз по Дону) и оттуда переправленном в Ингельхейм к германскому королю Людовику II. Послы русов не хотели возвращаться к себе назад степями, в которых появились "варварские и чрезвычайно жестокие народы". Людовик принял их за шпионов. Когда они назвали титул своего хакана и свое племя "рос" — имена незнакомые Людовику, — то он задержал послов, навел справки, и оказалось, что эти "рос" "из рода свеонов", то есть шведов. Загадка, волновавшая исследователей, разрешается, таким образом, очень просто: в 839 г. существовал "русский" каганат в глухом месте на средней Волге. При этом объяснении падают все неудачные домыслы толкователей этого вполне достоверного известия.

Из своего каганата русы предпринимали вниз по Волге торговые поездки — прежде всего в г. Булгар, привозя туда с севера пушной товар: меха собольи, горностаевые, беличьи и нивольников. Туда же, с другого конца, с юга из хазарского Итиля привозили свои товары хазарские купцы. Булгар был, очевидно, первым этапом взаимной встречи. После него не одни торговые поездки русов доходили с караванами до Багдада; их

военные набеги добирались и до берегов Каспийского моря. Все эти сведения бесспорны и все они относятся к событиям первой половины IX века. С этого времени, по гипотезе П. Смирнова, каганат, после своего короткого существования, как раз около 839 года, пал под ударами угров (венгров). Угры задели его на своем пути из северного Приуралья через Окское междуречье в южные степи ("Лебедия") и оттуда за Днепр (в "Ателькузу"). Новые кочевники совершенно разорили территорию каганата и заставили русов покинуть едва насиженное гнездо. Исторический материал, привлекаемый автором для обоснования этого вывода, разнообразен, но весьма ненадежен. Однако впечатление какого-то крутого поворота, случившегося с норманнами средней Волги, все же остается от этих смутных преданий (см. ниже).

КОНЕЦ "КАГАНАТА"

Раз признав их правдоподобность, хотя бы в общих чертах, мы получаем соблазнительную возможность принять дальнейшее предположение Смирнова — и поставить изгнание русов из междуречья в связь с известным рассказом летописи об изгнании варягов за море и о призыве русов обратно "княжить и владеть" четырьмя пригласившими их племенами. Действительно, словене (новгородские колонисты), кривичи, чудь и меря — были как раз теми племенами, над которыми русы из каганата в какой-то форме осуществляли свою власть до 839 г. А факт изгнания и нового призвания варягов, утверждаемый летописцем, после исправления хронологической ошибки начальной летописи, должен относиться не к 862 г., а к 842 г. Как известно, факт призвания — и легенда о нем — не одиночны на Скандинавском севере (см. пример с Олафом), и драматизированный рассказ летописи близко подходит к возможной действительности. Естественно и то, что русы — варяги уже не возвращались на разоренное пепелище на средней Волге. Они послали управлять покинутой территорией своих "мужей" в Ростов и Муром. Зато относительно Новгорода начальная летопись уже могла выразиться: от них новгородцы прозвались русской землей: "ту суть люди ноугородци от рода варяжска, преже бо беха словени". Этот вид Новгород имел еще при Владимире и при Ярославе, который, как известно, не без труда и не без насилия отделался от своих варягов. Во всяком случае, волжский путь очень скоро после предполагаемого изгнания русов уграмми потерял для русов единственный интерес, который их привлек сюда, — интерес торговый. Мы уже видели в истории хазарского Итиля причины непрочности волжской торговли. Смирнов подобрал небольшой список кладов, в которых арабские монеты не идут дальше 835-842 гг. В самом Новгороде найден в 1920 г. клад из 203 диргенов, даты которых, по Фас-

меру, дают возможность иллюстрировать цифрами кривую этой торговли. За время от 739 г. до 874 г. эти монеты распределяются по четвертям и половинам столетия таким образом:

	Число монет	Отношение в %
<i>VIII век</i>		
Первая половина	15	7,39
Третья четверть	28	13,79
Четвертая четверть	43	21,18
<i>IX век</i>		
Первая четверть	69	33,99
Вторая четверть	21	10,35
Третья четверть — до 864 г.	27	13,30

Как видим, даже и помимо опустошительного нашествия угров, у русов интерес к дальнейшему пребыванию на волжском пути должен был упасть. Зато быстро поднялся интерес к днепровскому пути, и это было также достаточной причиной сосредоточения варяжской колонии, вместо средней Волги, в Новгороде — и расселения их на днепровском пути "в греки". Хронология и тут сходится. Вероятно, именно внуки тех послов, которые в 839 г. приходили кружным путем искать "дружбы" в Константинополь — по "русской" или "славянской" реке Дону, и сыновья тех, которые были призваны "из-за моря", вновь появились в Константинополе по Днепру с Олегом. Это были те люди "от рода русского" с скандинавскими именами, которые от Олега и от "всех светлых бояр, иже суть под рукою его", были посланы в 912 г. "утвердить любовь" с греками. Томсен точно указал происхождение этих имен из шведских провинций заморского балтийского берега. Они тоже могли бы пожаловаться, три года спустя, на свирепых кочевников, которые помешали бы им вернуться на своих ладьях или караваном в Киев. Только на этот раз это были не угры, а печенеги.

СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ МЕЖДУРЕЧЬЯ

Для нас, однако, скандинавское продвижение вниз по Волге имеет особый интерес, как указано, в связи с историей колонизации славянами центрального междуречья. Мы должны теперь проверить данные, сообщенные персидскими и арабскими авторами по поводу каганата, показаниями других источников. Правда, недавно Д.М.Одинец сделал попытку построить историю приволжской славянской колонизации на основании данных тех же авторов. Он принял мнение П.Смирнова о появлении славян в этих местностях *п о з ж е* норманнов и думал установить этапы их колонизации на основании меняющихся от-

ношений к ним норманнов. Одни восточные писатели сообщают, действительно, что "русы нападают на славян, забирают их в плен и продают болгарам и хазарам", а другие считают "русских купцов" "племенем из славян"; третьи даже свидетельствуют, что славяне передали свой язык "главнейшим племенам севера, потому что смешались с ними". Но ставить подобные показания в хронологический ряд значило бы требовать от этого источника больше, чем он может дать. Восточные авторы рисуют процесс уже законченным, изображая разные его стороны не динамически, а статически. Старейшие из них правильно различают "славян" от "русов" — и даже, как мы видели, разделяют топографически их места жительства и различают их занятия и образ жизни. Но тут же этническая терминология начинает смешиваться — и это вовсе еще не значит, что совершилась ассимиляция. Было тут известное сходство антропологического типа — и это нужно отметить. Норманны и новгородские "словене" (не случайно восточные источники называют их именно этим именем) были одинаково высокорослыми, рыжими великанами — особенно на взгляд семитских малорослых брюнетов. Масуди даже дал этому рационалистическое объяснение — из различия северного и южного климата. "Холод и сырость взяли перевес в их краях" (он именно распространяет это наблюдение и на славян, рядом с франками и "соседними" с ними народами). "Их тела стали велики, их натуры — сухи, их характеры — жестки, их понятия — тупы, их языки — тяжелы, их цвет — чрезвычайно бел, их кожа тонка, их глаза переходят в синеву, их волосы густы и рыжи по причине преобладания мокрых паров" и т.д. Норманны и славяне появлялись из тех же мест, приходили теми же путями, преследовали те же цели: немудрено, что и названия их стали означать одно и то же.

Необходимо, для дальнейшего выяснения вопроса, обратиться к источникам археологическим, хотя здесь нам придется несколько предварить содержание дальнейшей части изложения. Славяне, соседи "русов" каганата и подчиненные им, принадлежат не только к новгородским, но и к другим славянским племенам, о которых речь впереди. Здесь нам предстоит лишь, по возможности, установить границу между ними. На территории, где помещают славян восточные источники, сделать это сравнительно легко. Новгородцы столкнулись с кривичами на Валдайском водоразделе, в "Оковском лесу" летописи. Верховье рек Тверцы и Мологи, все течение р. Медведицы и Кашинки, левых притоков Волги, принадлежали им. Здесь повсюду разбросаны новгородские сопки и курганы раннего периода, что указывает на давнее начало колонизации. Верхняя Волга от истока до Рыбинска, с правыми притоками до окского водораздела, была колонизована кривичами. Но приблизительно на границе с каганатом, указанной П.Смирновым, — от Рыбинска до

Владимира, вопрос о дальнейшей славянской колонизации становится спорным. В низовьях Мологи и на Шексне новгородцы встречались с норманнами, которые спускались речными путями и переволоками из своей Ладожской крепости. Очень близко от этой границы, около Ярославля (Темирево городище), археология указывает вероятный центр каганата. Здесь имеется до полутора тысяч курганов с специфически скандинавскими вещами — оружием и украшениями. Такая стоянка свидетельствует о довольно продолжительном пребывании обширной норманнской колонии завоевателей, а резкая разница этого могильника от всего окружающего показывает, что завоеватели составляли своего рода касту, державшуюся особняком от местного населения.

ФИННЫ ИЛИ СЛАВЯНЕ?

Для определения состава этого населения мы, к сожалению, обладаем все теми же раскопками 50-х годов прошлого века, произведенными чересчур суммарно гр. Уваровым и не столько осветившими вопрос, сколько уничтожившими возможность его научного освещения последующими исследователями. Раскопав огромное количество курганов (7.729), гр. Уваров объявил их принадлежащими племени меря — одному из немногих финских племен, исчезнувших без остатка, хотя и сохранивших свое имя в многочисленных топографических названиях. Следует ли объяснить это исчезновение постепенным слиянием с славянами, или отступлением перед славянской колонизацией, или, быть может, гибелью в угорской катастрофе, остается неизвестным. Как бы то ни было, со второй половины 1870-х годов вывод гр. Уварова перестал считаться бесспорным. Порайонная разработка археологического материала обнаружила известное разнообразие типов погребений. В девяностых годах А.А.Спицын, взявший на себя руководство археологическими работами из Петербургского центра, поставил на очередь вопрос об этнической принадлежности различных местных типов и о точной хронологии археологических памятников. Так наз. "мерянские" курганы гр. Уварова он объявил "чисто русскими" (то есть славянскими): это отчасти соответствовало тогдашней моде — искать повсюду славянство. На Тверском археологическом съезде 1903 г. Спицын высказался очень определенно в двух тезисах относительно древней колонизации Суздальской области: 1) новгородские славяне вовсе не принимали непосредственного участия в колонизации Ростово-Суздальской области и в состав великорусской народности вошли уже в московский период и 2) финский элемент в образовании великорусской народности едва заметен. Оставались кривичи, которых тогда ошибочно считали великороссами. В 1905 г. Спицын подтвердил свое второе утверждение после более подробного знакомства

с владимирскими курганами. Он также возражал И.А.Тихомирову, прилежному исследователю, но несколько провинциального типа, когда тот стал на ту самую позицию, которую теперь усвоил П.Смирнов. Тихомиров объявил древнейшее население Ярославской области "германским" (это был наш "лофоцефальный" тип, с черепами, которые А.П.Богданов назвал "крышеобразно-приподнятыми"), а курганы VIII-IX вв. норманскими. Славянскими он признавал лишь погребения, крайне скудные по инвентарю и появившиеся лишь в X столетии. Спицын утверждал, впрочем, что и в X в. трудно различить норманнский инвентарь от славянского. Возражение было не по адресу, так как контраст норманских колоний VIII-IX вв. с славянскими X в. несомненен, так же как и хронологический пробел между ними (объясненный Смирновым падением каганата, хотя допускающий и другие объяснения).

Вопрос вступил в третью стадию, когда более детальные раскопки обнаружили разнообразие там, где предполагалось единство. Новые выводы были сделаны под впечатлением реакции против предыдущей, славянизирующей стадии изучения — на этот раз в пользу финнов. Сам Спицын начал склоняться в пользу признания финского субстрата под славянским. Ренников нашел его под норманским слоем городища Старой Ладogi (913). Финны были найдены и на пути новгородской колонизации от Ладogi, и на территории междуречья (см. ниже). Последний итог — компромиссного характера — подвел Ю.В.Готье в своей полезной сводной работе о железном веке. "Славянские насельники должны были появиться в Суздальском крае очень рано, и курганный быт, обнаруженный раскопками гр. Уварова и Савельева, должен был быть смешанным — финским и славянским... Что финская доля была все-таки больше, чем склонен думать А.А.Спицын, показывает значительное количество финских вещей, добытых во владимирских курганах... Смешанная культура обнаружена и к северу от Волги, например по Шексне, в Белозерском уезде, где инвентарь курганов очень напоминает "мерянские" "владимирские погребения". Я все-таки думаю, что не следует забывать о двух тезисах, выдвинутых Спицыным в 1893 г., ограничив их, однако, территорией каганата, болотистой и лесистой, богатой озерами, среди которых, при высоком стоянии вод, вероятно, можно было бы найти и тот "остров" — трясиину, за которой, по восточным источникам, скрывалась центральная крепость "русов". Эта территория была, очевидно, менее благоприятна для славянской колонизации и очень слабо заселена финским субстратом. Норманны здесь не имели шансов слиться ни с тем, ни с другим населением, а от последнего и намеренно держались в стороне. Этот сравнительный пустырь отделял и северо-великоруссов (новгородцев) от проникновения на окский водораздел, то есть на бассейн Москвы, заселенный вятичами (см. ниже). Что касается

их соседей с севера, кривичей, они м о г л и начать массовое заселение южной части Суздальской области уже после ослабления каганата.

ТРЕТИЙ — СРЕДНЕ-ЛЕСНОЙ ПОТОК ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

До сих пор мы характеризовали течения восточно-славянской колонизации, начала которых теряются в доисторической эпохе. Предшествовавшее этой колонизации население ускользало от нашего наблюдения, и только конечные стадии допускали наблюдения над этническими конфликтами. Не случайно, конечно, оба ранние потока колонизации, причерноморский и прибалтийский, восходили к давним доисторическим временам: благоприятствовавшие этому обстоятельства — в климате ли или в соседстве с народами более ранней культуры — были выше указаны. Теперь мы переходим к изучению той, более поздней, стадии русской колонизации в менее благоприятной среде лесной полосы, о которой только что заговорили. Здесь, как мы уже видели, предшествовавшие слои населения выступают более явственно.

С древнейшим этнографическим субстратом лесной полосы мы отчасти уже ознакомились, изучая его состав в доисторическую эпоху. Здесь мы дополним наше изложение и сделаем из него некоторые выводы.

"СУБСТРАТ" СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ⁷

Первое переселенческое движение, которое мы могли уследить на почве костяной и гребеночной культуры русского севера, определялось признаками распространения так наз. "ладьевидных" каменных топоров (Bootäxte) шнуровой культуры и похорон покойников в скорченном виде (карта № 24). Хронология этих переселений — конец неолита и начало появления металлов (2000-1500 гг. до Р.Х.). Теперь можно считать признанным, что переселенцами этого типа были индоевропейцы, искавшие пути из центральной Европы в культурные области передней Азии. Индоевропейская отрасль, разнесшая по территории России "ладьевидные" топоры, представляла "арийцев" в тесном смысле, то есть индоиранцев. Мы пытались проследить и те два отдельные пути, по которым пошли индийский и иранский потоки. Теперь при посредстве тех же "ладьевидных" топоров мы можем точнее наметить то распустье, на котором разошлись эти оба потока арийских переселений, северный и южный (см. на

⁷ Для последующего изложения см. карту № 46.

карте № 46 пространство, покрытое точками). Это именно то пространство, через которое *Bootähte* вошли в Россию широкой полосой из-за Вислы и Южн. Буга. Они тут же должны были встретить препятствие — в болотах Припяти и в примыкающем к ним пространстве между Припятью и Неманом (карта № 46). Отсюда южный поток, отделившись, направился по левому берегу Буга к Черному морю, проходя через Крым и устье Дона (но оставив свободной всю территорию между Донцом и Доном) на Кавказ. Оттуда он, вероятно, распределился между Малой Азией, Месопотамией и Ираном (см. карту евразийских поселений № 35). Другой, северный, арийский поток направился в Прибалтику и на верховья Днепра, на его приток Десну с Сеймом и на верховья Оки и Волги, заполнив все междуречье и принеся туда так наз. Фатьяновскую культуру (2000-1500 гг. до Р.Х.)⁸. Но фатьяновцы, как мы знаем, на месте не остались и прошли дальше, на среднюю Волгу. Там они встретили другой поток *Bootähte*, поднимающийся с Кавказа вверх по Волге к бассейну Камы. Это течение создало другую культуру, оставшуюся на месте надолго и связанную, с одной стороны, с закавказской передней Азией, а с другой — с Сибирью через притоки Оби. Археологи согласны в том, что этим путем пришли на Каму с юга и с востока влияния так наз. "звериного стиля" и что создан там ряд поздних культур бронзы, переходящих в железный век. Первой из таких переходных культур явилась так наз. Ананьинская; Тальгрэн датирует ее 600-300 гг. до Р.Х. (карта № 46, В). Хронологически она соответствует скифской эпохе, почти в одно время с нею слабеет и кончается ввиду перерыва торговых сношений с югом. Но она была независима от влияния юга России и сохранила местный характер звериного стиля. После периода обеднения, продолжавшегося от 300 г. до начала христианской эры, Камская культура пережила новый период расцвета — так наз. Пьяноборскую культуру, исследованную Спицыным. Тальгрэн склонен датировать ее не VI-VII вв. по Р.Х., как Спицын, а первыми веками по Р.Х. (100-400) — ввиду ее зависимости от римской культуры на Босфоре. Однако некоторые могильники (Айша, Казань, Безводное) Тальгрэн относит к 300-600 гг. Все эти группы между собою связаны; население нижней Камы не переменилось с конца бронзового века до конца великого переселения народов. Эволюция эта прервалась лишь с нашествием волжских болгар, принесших на нижнюю Каму тюркскую цивилизацию взамен финской. Надо считать, что здешние финны были предки "восточных", финно-уральских племен. Другое дело — верхнее течение Камы — территория пермско-вотской группы. Чтобы не возвращаться к этому преддверью Сибири, остановимся на своеобразной доисторической культуре, соответствующей примитивности

⁸ Территорию Фатьяновской культуры см. на карте № 24, 6.

и изолированности края. Мы найдем источники этой культуры в древнейшей связи верховьев Камы с Сибирью. Тальгрэн совершенно правильно различил этот тип культуры, который назвал "чудским", от "казанской" культуры нижнего течения Камы. "Чудская" культура отличается, прежде всего, особенным распространением "звериного стиля", который приходил сюда из южной Сибири через Сибирь и притоки Оби. Это был, по-видимому, древнейший путь; более новый, отодвинувший его на второй план, шел через р. Урал и был использован, как мы знаем, скифским нашествием около VII в. до Р.Х. Но он не лишил верхне-камской культуры ее оригинальности. О ней свидетельствует, например, специфически свойственная этой культуре фигура птицы с распростертыми крыльями и с человеческой (или звериной) головой на груди. Вместе с фигурками людей и животных эти формы "звериного стиля" служили шаманскому культу, особенно сильному в этом глухом углу. Сюда распространялось также и нивелирующее влияние "Ананьинской" культуры, внесшей свои типы в "чудскую" культуру. Об этой эволюции свидетельствует Гляденовское "костеносное" городище, найденное около г. Перми, а затем и знаменитый Пьяноборский могильник в Елабужском уезде на мысу между Камой и Печерой (I-VI вв. по Р.Х.). Вместе с могильником "Атамановы кости" (ниже Малмыжа на берегу р. Вятки), с которым он связан некоторой примитивностью своих типов (и особенной формой так наз. "эполетной" застежки), Пьяноборский могильник служит переходом к ряду более поздних (Кошибеевский, Сергачский, Борковский и Кузьминский), расширяющих территорию аналогичных находок на нижнюю Каму и дальше, к Рязани и Нижнему Новгороду. Но тут же встречаем типичный подбор находок Окского междуречья. Особенно развиваются типы женских украшений, начиная с затейливого женского убора, нагрудных блях и своеобразной обработки женских кос. А дальше идут уже "шумящие" побрякушки, стилизованные коньки с цепочками, кончающимися гусиными лапками, бубенцами или "бутылочными" привесками. С X-XI вв. (Максимовский и Муромский могильники) вторгаются сюда и русские "лунницы", тонкие височные кольца, особого вида серьги, бусы и т.д. В одном месте русская могила перерезала финскую, свидетельствуя о появлении ранних русских колонистов.

Гляденевская и Пьяноборская культуры вводят нас в тот северо-восточный угол России, где общение с Сибирью было издревле установившимся фактом. Упадок южных культур и неоднократные удары, нанесенные волжской торговле со времени тюркских нашествий, оторвали пермскую группу от культурных влияний и до некоторой степени ее деградировали. Она и не подверглась, с другой стороны, тому воздействию, которое оказали тюркизированные болгарами народности — чуваша на мари и буртасы на мордву. Но позднейшее татарское влияние

не прошло без последствий: здесь, как и в других местах, оно приняло форму завоевания населения высшим правящим классом князей и мурз. Возвращаясь к территории Фатьяновской культуры, мы должны предположить, что арийцы, пересекшие поток "ладьевидной" культуры, поднимавшийся по Волге, направились дальше, через Урал с его притоками к Аральскому морю в оседлую часть Туркестанских предгорий (карта № 12). Они, таким образом, очистили территорию Окского междуречья. Если здесь не было до них этнического субстрата финнов, то он должен был появиться теперь, с их уходом. Во всяком случае, мы находим эту территорию заселенной финнами в очень древнее время. Об этом заселении свидетельствует особый доисторический тип находок: культура городищ, так наз. типа Дьякова (карта № 46, В). При этом, судя по городищам, финский элемент был распространен тогда значительно дальше к юго-западу сравнительно с предполагаемой Фатьяновской территорией; он занимал северную часть б. Орловской губ. и спускался по Днепру до Орши и по Зап. Двине до Витебска. Еще дальше в тех же направлениях ведут нас финские названия рек, захватывающие Чернигово-Северскую область. Не говорю уже о всем севере, где господствовали западно-финские племена, распространяясь отсюда на оба берега Финского залива.

Но в центральном междуречье мы встречаем некоторую борьбу названий: здесь навстречу финским встречаются в губерниях Смоленской, Калужской, западной части Московской, юго-запад Тверской и Псковской, по наблюдениям Фасмера, литовские имена. Эта встреча соответствует очень древним, доисторическим расселениям племен.

Хронология городищ Дьяковского типа — довольно поздняя сравнительно с этим временем финно-литовской встречи. Самые древние показания относительно этих городищ относятся к началу христианской эры, их развитие — к IV-V вв., их процветание к VI-IX вв., затем, с появлением славянских колонистов, следует их быстрый упадок. В камской культуре, наиболее ясной и последовательной, весь этот "Дьяковский" период распространения финнов соответствует, как мы видели, периоду расцвета Пьяноборской культуры и ее прямых наследников. Что в это время приволжские племена (восточных) финнов распространялись далеко к западу, об этом можно найти косвенное свидетельство у Иордана — в том неясном месте, где он говорит о подчинении державе Германариха племен *merens*, *mordens* и *gremniscans*. В них нельзя не видеть мерю, мордву и черемису. Державы Германариха в этих размерах, конечно, не существовало; но с этих племен готы могли кратковременно брать дань — как брали ее хазары с южно-русских племен. Это и показывает, что названные племена в то время должны были обитать западнее своего позднейшего местожительства — где-нибудь в юго-западной части их отмеченной территории Дьяков-

ских городищ. Тогда понятно было бы специальное сродство в языке, обнаруженное между мордвой и эстонцами. Готские арбалетные фибулы и другие предметы, находимые на этих городищах и в могильниках, также подтверждали бы свидетельство Иордана, — который, кстати, знает и каких-то thiudos, переданных новгородскими славянами в "чудь", и отмечает, повидимому, их местожительство (где-то in Aunscis).

Наконец, более западное расселение финнов объясняло бы и их контакт с литовцами. Следы расселения литовцев навстречу финнам на восток сохранились не только в проживании литовского племени голядь на р. Протве, около Москвы, вплоть до [XII] века, но главным образом и в сходстве роскошной бронзовой культуры литовских и окских могильников VII-VIII столетий нашей эры (см. расселение литовцев на восток на карте № 46, А).

Я приводил уже выше резюме трудов местных археологов над древним населением прибалтийского края. По их свидетельству, при первой же возможности этнических выводов из археологических данных литовско-латышская группа уже обнаруживается на своих теперешних местах. В среднем веке железа (V-VIII вв. по Р.Х.) среди литовцев появляется очень характерная и яркая культура — "оригинальнейшая, превосходная, можно сказать, восхитительная", рекомендует ее Спицын с энтузиазмом археолога. А несомненное продолжение этой ("Рящанской") культуры, "Люцинскую" культуру X в., он же характеризует так: "это наиболее богатые и наиболее распространенные древности края. В пышности металлических украшений одежды далее некуда идти... Литвинка X в. вся сияла в золоте (вычищенной меди), но и литовец ей не очень уступал". Должен сразу прибавить к описанию Спицына, что на меня произвели такое же впечатление результаты раскопок Н.Н.Черепнина на городище Старой Рязани. То же впечатление производит и описание Городцовым этих могил рязанского края: "Женщины сопровождалась множеством бус, бронзовых и серебряных, шумящих привесок, фибул, браслет, гривен, блях и др. ...Некоторые покойницы оказываются почти сплошь покрытыми всевозможными металлическими украшениями". Городцов отмечает также, что находки "часто несут примесь готских вещей или ярко выраженной готское влияние". Термин "готский", очевидно, здесь может означать только влияние балтийской культуры — через литовцев. Городцов датирует эти курганы VII-IX вв. по Р.Х. Как видим, археологическая параллель, связывающая Неман и Оку, совсем не случайна. Ее следует даже продолжить дальше к востоку, на притоки Оки, Мокшу, Цну и дальше к Волге; здесь мы тоже находим в могильниках те же тяжелые бронзовые женские украшения, сходные по типу. А еще дальше, за Волгой, по течению Камы, эта зона встречает продолжение в могильниках Камской культуры, откуда идет встречное

культурное влияние. Таким образом, с запада к востоку мы имеем дело с целым огромным поясом, следы которого особенно живы как раз в тех местностях, до которых еще не дошла древняя славянская колонизация. Но именно весь этот пояс составлял некогда этническую подпочву колонизации восточных славян. В составе и характере этой подпочвы очерченный пояс и помогает нам разобратся.

Эти наблюдения над древнейшим расселением литовцев подтверждают, между прочим, наше предположение, высказанное в первой части этого тома, что выделение литовцев из индоевропейского круга предшествовало расселению славян. Факт этот теперь подтверждается промежуточным географическим положением литовцев между Окой и Прибалтикой, занятым ими, очевидно, задолго до христианской эры. Впереди литовцев прошли индоевропейские племена арийского типа (фатьяновцы), и мы проследили их прохождение через Россию по пути "ладьевидной" культуры. Фатьяновская культура арийцев занимала почти ту же территорию, которую потом заняли городища Дьяковского типа и финские могильники. В промежутке, географическом и историческом, литовцы и помещались между арийцами и восточными славянами, еще не начавшими своего расселения. Таково же было и их лингвистическое положение. С одной стороны, как известно, литовский язык обнаруживает родство с арийскими, с другой — с славянскими языками. Целые столетия отделяют окончательное формирование этих групп: это соответствует их географическому обособлению на протяжении этих столетий. Фатьяновская культура раньше отделившихся арийцев отнесена Тальгреном к 2000-1700 гг. Козловский относит начало отделения литовцев от славян к предлужицкой эпохе второго периода бронзы (1700-1400); он же находит "балтийскую" культуру литовцев окончательно самоопределившейся к третьему периоду бронзы (1400-1200 гг. до Р.Х.). Между тем, окончательное выделение славян (вообще) происходит в течение "Лужицкой эпохи" — 1400-500 гг. до Р.Х.

Ко времени доисторического сожительства финнов с арийцами следует отнести и культурное влияние литовцев на охотнический и рыболовнический быт полукочевых тогда финнов. Об этом влиянии свидетельствуют финские заимствования из литовского языка. От литовцев финны заимствовали, именно, названия металлов (меди, серебра, золота, олова), орудий земледелия и войны (нож, топор, меч, стрела, молот, лемех), рогатого скота, овец и т.д. Отмечу еще раз, что вся эта более точная концепция доисторических переселений стала возможной только после принятия гипотезы о средне-европейской, а не азиатской и не южно-русской прародине индоевропейцев и — в частности — славян. Именно в этом порядке передаются культур-

ные влияния вдоль доисторического средне-русского пояса литовско-финско-арийских поселений.

Читатель видит, зачем нам нужен был этот длинный экскурс в доисторическую эпоху. Мы теперь можем перейти к расселению восточно-славянских племен в лесной полосе России, занятой до их прихода только что рассмотренным этническим субстратом. Славянское вселение повлияло на этот субстрат различно: отодвинуло его на север и восток в одних местах, ассимилировало в других, оставило в прежнем виде в третьих. Это различие последствий зависело отчасти от степени древности колонизации, а отчасти и от степени сопротивления и степени высоты культуры туземцев.

КОЛОНИЗАЦИЯ КРИВИЧЕЙ⁹

Первым по очереди изучения стоит могущественное, широко раскинувшееся в лесной полосе колонизационное движение кривичей. Я исхожу при его изучении из моих прежних предполож. Кривичи должны были выйти из общей восточно-славянской территории — старо-польских земель, не сделавшись от этого ни "ляхами", ни даже "лехтами". Литовцы сохранили для теперешнего русского (белорусского) населения этих земель старое название "кревов" (kreewz), так же как финны сохранили для поморян-новгородцев старое название "венов" (венетов). Один этот факт свидетельствует о том, что кривичи должны были пройти на свои места через литовские земли. Попытаемся выяснить вероятный маршрут и обстановку этого прохождения. Это не так легко, ибо прослойка нескольких этнических субстратов отразилась здесь на сложности и пестроте археологических находок, среди которых нам приходится искать славянского элемента. Устроители Рижского музея делят для (заповедного) периода древнейшего железного века балтийской культуры (I-V вв. по Р.Х.) погребения на три группы: 1) культура гладких полей погребений — для Восточной Пруссии; 2) культура курганов для территории между Двиной и Неманом (Литва и латыши на юг от Двины) и 3) культура каменных могил (Steinsetzungen) — от Двины до Финского залива. Для следующего, "среднего" века железа (V-VIII вв. по Р.Х.) археологи признают третью культуру каменных могил, сохранившуюся в одной Эстонии.

Это топографическое деление могло бы иметь и хронологическое значение. Камни, курганы и погребальные поля отличаются три степени культуры: в Эстонии — самая отсталая, в Восточной Пруссии — наиболее прогрессивная. Однако такая "стадиальная" классификация могла бы иметь применение только к очень значительным отрезкам времени, включая дохристианс-

⁹ Пособием здесь продолжает служить карта № 46.

кую эру. В области лесной колонизации мы такими просторами не располагаем. Все известные нам погребения на изучаемой территории относятся к сравнительно позднему времени. Не надо, конечно, забывать и того, что здесь мы находимся в захолустье, где сохранились очень древние формы быта. Из более передовой тогда Восточной Пруссии шли сюда предметы экспорта: оружие, женские украшения, но формы быта оставались прежние. И в области погребений мы можем здесь встретиться только с двумя более отсталыми формами — курганов или каменных погребений. Среди них мы и должны найти искомый путь кривичей.

Нам приходит тут на помощь такой компетентный археолог, как А.А.Спицын. Он, конечно, не имел в виду моей конструкции славянской колонизации и, наталкиваясь на подтверждающие ее факты, останавливался в недоумении. Но тем объективнее его нерешительные предположения.

Описывая подробно археологические остатки на Литовской территории и давая им предварительную классификацию, А.А. Спицын наталкивается на одну группу, которую он не знает, куда отнести. Это "*виленские курганы*", которые он датирует VIII-IX вв. по Р.Х. "Курганы идут широкой сплошной полосой от среднего Немана до Двины, в Виленской губ. и в Ковенском крае — более всего Виленской губ." По большей части это — сожжения, хотя, "в виде исключения", попадают и скелеты. Кости "чаще в ямке", иногда в "ограждении из камней" или "обложены камнями" ("пирамидки из камней"); невысокие курганы обложены рядами камней, иногда же "состояли целиком из камней". Иногда слои золы и пепла "уходили в землю"; "часто остатки сожжения — на поверхности материка"; "иногда выше". Культура — железная, вещи "великолепной западной поделки", — и Спицын указывает, как на место экспорта, на Восточную Пруссию, где "есть эта железная культура, но нет курганов". В составе вещей обращает внимание количество оружия, показывающее, что продвижение совершалось не мирным путем. Эта культура "совершенно не литовская", и "в остальном прибалтийском крае таких вещей нет". Ощупью Спицын разрешает эту "очень трудную, но занимательную задачу". "Естественнее всего думать, что эти курганы сооружены славянами, пришедшими с запада, например с Вислы, и осевшими здесь за спиной Литвы. Они могли здесь остаться — или же уйти к Новгороду". Мы видим, что проницательный исследователь невольно становится на верный путь.

Идем дальше: *гродненские курганы* X в. опять "способны довести археолога до полного отчаяния". Совершенно не знаем, кому принадлежат эти курганы" ("кучи камня", "сожженные косточки в яме", "горшочек с костями на куче угля", "невысокие насыпи", "находки на всех горизонтах в полном беспорядке"). "Распространены в Гродненской, Седлецкой и Сувалкской

губ.". "Горшки украшены славянским орнаментом, волнообразным и линейным". Опять курганы "забиты камнями, среди которых попадаются сожженные косточки"; есть "косточки, сожженные в яме"; иногда целые курганы "из плит и камней" — и все тот же беспорядок находок "на разных горизонтах". Далее — хронологически — опять продолжают эти "каменные могилы", и расширяется их территория. "Русские курганы" уже "вливают на курганы ливов X и XI столетий". "Совершенно не знаем, чем это следует объяснить", — замечает исследователь, не могущий ни отрицать, ни объяснить наблюдаемого бесспорного факта. В гродненских "каменных могилах" XI века "все вещи западного происхождения, близкие к русским; все имеются на Дрогичинском городище, все они найдутся и в Польше". И "еще более, чем в Гродненской, таких могил имеется в *Седлецкой и Ломжинской губерниях*" ("*Цехановец-Брянск-Нарев-Мельник*"). "Большинство исследователей признавало (эти могилы) ятвяжскими, но ... это какие-то христианские славянские погребения; ятвяги не были в XI ст. христианами".

Нельзя не заметить, что все эти "каменные могилы" разных веков имеют общую фамильную физиономию и что, продолжая свое существование, в пределах доступных исследованию, от VIII до XI ст. (и позже), они захватывают обширную территорию, примыкающую, по историческим данным и по топографической номенклатуре, к расселению кривичей. Так как в конце хронологического периода VII-IX вв. кривичи уже сидели на своих, позднее известных местах, то надо принять, что расселение их из этой проходной территории шло не позднее VIII в., а вероятно, и раньше — и что значительная часть кривичей оставалась жить в промежуточной полосе и значительно позже. Надо думать, что из этого обширного пространства они шли не одним путем, а несколькими: это объясняет разделение кривичей на три части между бассейнами Днепра и Двины, рек Великой и Ловати — и верховьев Оки и Волги. Повсюду мы их встречаем именно в верховьях этих речных путей, восходящих к одному центральному водоразделу Валдая ("Оковского леса"). На карте № 46 я отметил волнистыми линиями (под № 2) весь прорезанный выше путь и его разветвления.

Выходя где-то ниже Брест-Литовска из-за Зап. Буга и из-за низовья Нарева у Ломжи, этот путь пересекает Неман у Гродно, направляясь, через литовские поселения, прямым путем на Вильну, Двинск и заканчиваясь у Пскова. Первым из разветвлений я считаю ответвление по северным притокам Припяти (под № 1, дреговичи, см. ниже). От него (предположительно) ответвляются по древней дороге с Зап.Двины на верховья Днепра смоленская линия кривичей (№ 3 на карте). Что это ответвление — несколько позднее главного пути, доказывается не только большей древностью Виленских курганов на главном пути, но и находками в знаменитом Гнездовском некрополе у

Смоленска. Спицын отмечает в них полное отсутствие типов литовской Люцинской культуры (см. выше) и, наоборот, присутствие вещей, которые "все относятся к более позднему времени и совершенно другим культурам", а именно типы скандинавские и восточные. Хронологическая разница не может быть велика, ибо к IX в. кривичи уже сидят в Смоленске; но она все же имеется. Дальше, та же линия № 3 кривичей идет с верховьев Днепра в центральное междуречье, обходя Москву с севера и подходя к низовьям Оки; мы знаем, что кривичи играют большую роль в колонизации Суздальской земли (см. выше). Между двумя линиями (1 и 2) дреговичей и кривичей (псковско-смоленских и полоцко-смоленских) помещается (совершенно предположительная) линия № 6 (вятичей), с ответвлением № 5, по которой должно было пройти на р. Сож небольшое племя радимичей. Путь радимичей затерся среди перемен, произведенных позднейшими пограничными столкновениями Москвы с литовским княжеством. Но он должен был пролегать где-нибудь здесь. Родство радимичей с вятичами можно считать доказанным, и линия переселения вятичей (6) по верховьям Десны и Оки (обходя Москву с юга) к Рязани является продолжением этой общей миграции.

Летопись передала предание, по которому оба родственные племени происходят "от ляхов". В известном смысле, все переселения восточных славян, по моей конструкции, идут через восточную Польшу. Но предание летописца интересно тем, что оно свидетельствует о сравнительно недавнем факте переселения обоих племен. Еще Н. Барсов сделал этот вывод, выразив его, по тогдашней терминологии, как "более позднее обособление по-окского и по-сажского населения из *общей массы славянства*". Моя конструкция — переселение восточных славян с запада, а не с Днепра — освобождает от необходимости такого, слишком суммарного и упрощенного объяснения. "*Общая масса славянства*" остается далеко позади. Но наблюдаемый факт остается бесспорным: здесь мы имеем дело с последней стадией передвижения восточно-славянских племен на постоянные места. Что же касается ссылки Барсова на то, что и эта часть переселенцев идет из "*общей массы славянства*", то и здесь кроется инстинктивно верная догадка, лишь неверно обоснованная. С Поморья ли идут эти колонисты или с Прикарпатья, из Мазовии ли или из Малой Польши и Подляшья, — все идет из какой-то "*общей массы славянства*". По переписи 1931 г., в Польше значилось около двух миллионов населения, которое до сих пор называет себя или "русскими" (через одно "с"), или "тутейшими" (то есть "здешние", не сознающие своей национальности). Вспомним по этому поводу и "русских" Прикарпатской Руси. Характерно, что именно на двух концах этого общего фронта переселения восточных славян через Польшу сохранилось это древнее имя "русский", переделанное в "русина", но означа-

ющее людей, которые, не имея литературного языка, говорят наречием, представляющим до сих пор древнюю форму языка этой "общей массы". Являясь ярким подтверждением принятого мной исходного направления восточно-славянской колонизации, эти "русские" Прикарпатья, Малой Польши¹⁰, Подляшья и Холмщины сохраняют и до сих пор в своем имени смутную память о том далеком прошлом, когда они составляли единую — не только этническую, но и языковую — группу.

Для полноты объяснения карты № 46 напомним, что я уже ссылался на нее по поводу двух древнейших потоков переселения восточных славян с запада на восток: черноморского и балтийского. Под № 7 показано на этой карте движение антов с Прикарпатья к морю и их отступление с Днестра к Бугу. Это — территория, опустошенная степными набегами; здесь исчезли для истории и уличи и тиверцы — племена, родственные антам (см. выше). На противоположной стороне продвижения "поморцев" — из-за Вислы через побережье к Чудскому озеру и оттуда к Новгороду, со всеми дальнейшими передвижениями новгородцев по речным путям на озера Ладожское и Онежское, на Волгу к Твери, вверх по Ловати к Двине, вниз по Шексне и Волге к Ярославлю и междуречью, наконец, в "Заволочье" по Сев.Двине к Архангельску и Вятке — показаны под № 4. Этот поток поморской колонизации, как видно на карте, везде, начиная с Пскова и кончая верхней и средней Волгой, сталкивается непосредственно с северной границей поселений кривичей. Отдельные факты этого столкновения мы видели раньше, увидим и далее.

ПЛЕМЕНА И НАРЕЧИЯ

Знакомство с общим ходом расселения восточно-славянских племен дает нам возможность поставить теперь дальнейший вопрос: насколько это расселение отразилось в дальнейшем процессе русской истории. Для ответа на этот вопрос у нас есть надежные данные двух родов: во-первых, распределение наречий общерусского языка на современной карте; во-вторых, сравнение этого распределения с расселением древних племен — на этот раз уже точнее установленным при помощи археологичес-

¹⁰ По польской переписи 1931 г., из 1.219.600 чел., говорящих "русским" языком (через одно "с"), огромное большинство — 1.197.300 чел. жило на территории Галиции (четыре воеводства Малой Польши); по-малорусски (украински) говорили в этих воеводствах 1.677.400 чел. Очевидно, здесь граничили два потока восточно-славянской колонизации. В Полесском воеводстве эта перепись показала 707.100 чел. "тутейших", то есть, всего вероятнее, белорусов. — Нанесенные на карту доисторические образования: продвижение Литвы к Оке и р.Москве, район городищ типа Дьякова, район Анаьинской культуры и район погребальных полей на Волыни и в Киевщине — под буквами А, Б, В, Г — объяснены раньше.

ких остатков и топографической номенклатуры. На первый взгляд самое сопоставление этих двух рядов данных кажется чересчур смелым. Возможность сопоставления современных наречий с древними племенами отрицалась — по мотивам, из которых некоторые отчасти, действительно, ограничивают область применения этого метода. Все, что на юго-восточной территории России разрушено степными кочевниками, уже потеряно для исторического изучения древнейшего периода. Сюда относятся такие племена, как уличи и тиверцы, поляне, древляне. Затем, не все русские наречия поддаются сопоставлению с древностью — уже потому, что часть их сравнительно нового происхождения. Те же степные набеги очистили от старого населения весь юго-восток России, а позднейшее заселение этой области смешало древние черты и усложнило исследование. Полоса, затронутая набегами, отмечена на картах № 48 и № 49 с одной стороны рядом степных "шляхов", по которым совершались нападения, с другой — линиями укреплений, противопоставленными им в XVI и XVII столетиях. Все население, занявшее опустевшие места после того, как московская власть, отбросив кочевников, сделала их безопасными, принесло с собой говоры в их позднем, большей частью смешанном виде. Таким образом, и эту область позднейшей колонизации придется откинуть при решении вопроса о связи теперешних наречий с древними славянскими племенами. Ограниченная этими рамками задача представляется более доступной для разрешения, так как на северо-запад и на юго-запад от отмеченной черты самые наречия чище, границы между ними более явственны и древняя топографическая номенклатура вместе с археологическими остатками гораздо лучше сохранилась. Этой, более древней территории расселения мы теперь и займемся¹¹.

Прежде всего, одно общее замечание. Русские наречия в окончательной форме сложились довольно поздно: в XIII-XIV столетиях и позднее. Но современное состояние русской диалектологии позволяет возвести их различия к более раннему времени. Не говоря уже о трех главных отраслях общего русского языка, великорусской, белорусской и малорусской, разделение которых восходит ко временам доисторическим, каждая из них делится на две главные половины, различие между которыми, по заключению Н.Дурново, "несомненно восходит к диалектическим группировкам общерусской эпохи". Это значит, что корней северно-великорусского и южно-великорусского, северно-белорусского и южно-белорусского, северно-малорусского и южно-малорусского надо искать уже на разных частях общей территории, из которой они вышли. Должен отметить, что удовлетворяет этому требованию, предъявляемому лингвистами,

¹¹ Последующее изложение иллюстрируется картой № 48 "Древние племена и новые наречия" (см. подробные объяснения к ней выше).

только мое построение — расхождения языков-наречий уже на этой территории и переселения их по трем направлениям — на юго-восток, восток и северо-восток из близких, но все же разных мест. Это построение также само по себе предreshает вопрос о связи между переселившимися в разные стороны племенами — и говорами, которые они принесли с собою и которые легли в основу современных наречий и языков. Два основных деления малорусского наречия, очевидно, соответствуют двум потокам колонизации: с Прикарпатья и с Волыни. Средние малорусские говоры и распределяются по степени близости — одних к карпатским, других к северо-малорусским говорам. С белорусским наречием начинаются затруднения, — по-моему, мнимые. Уже Спицын жаловался тут на "противоречие" между отнесением кривичей к "северной группе" древне-русских племен, то есть к великоруссам, между тем как "все местности, где археологическими раскопками обнаружено распространение кривичских (полоцких и смоленских) курганов в IX в., заселены в настоящее время не великоруссами, а белоруссами". "Выхода из этой дилеммы мы не видим", — признается Спицын, не решаясь посягнуть на авторитет русских лингвистов — прежде всего А.А.Шахматова. А между тем выход очень прост. Из полного соответствия территории раскопок с белорусской территорией можно вывести только один вывод: кривичи и соответствуют в полном составе белоруссам; их никак не следует относить к северной группе. Остановившись на этом выводе, мы получим объяснение и для двойного деления белорусского наречия на юго-западное и северо-восточное. Оно очень близко соответствует уже отмеченным мною двум потокам колонизации с Буга¹². Один идет (1) прямо на восток, по левым притокам Припяти; это население дреговичей, которые расселены довольно точно в пределах юго-западного белорусского наречия¹³. Другой поток (2) направляется на север, но здесь расслаивается¹⁴.

¹² Ср. карту № 46 с картой № 48. Отмечу, что это расхождение между юго-востоком и севером подтверждает и предположение Н.Дурново, что когда-то белорусский язык "жил одной жизнью" с одной стороны, с западными говорами северо-великорусского и с западно-славянскими, а южная группа — с северо-малорусскими.

¹³ Сюда, быть может, относятся и "тутейшие" польской переписи 1931 г. (см. выше).

¹⁴ Место и момент этого дальнейшего расслоения кривичей остаются, конечно, гипотетическими. Направление колонизации и здесь, как на юге, подтверждается совпадениями в речной номенклатуре. Между Белостоком и Ломжей в Нарев впадает р.Бобр, вверх по которой можно добраться почти до Немана (у Гродно). Несколько выше в Неман впадает слева р.Свислочь. Поднимаясь отсюда вверх по Неману, переселенцы встречали его правый приток, р.Березину. Поднявшись по ней до истока (где стоял "городок"), они переваливали к Заславу, над Минском, и спускались по реке, которую называли Свислочью, впадающей в большую реку, правый приток Днепра, которую они назвали Березиной; а левый приток Березины (ниже Борисова) получил название Бобр, как бы под-

Часть продолжает северный путь до Пскова, составляя основу псковского говора. Другая часть по волокам между Неманом, Вилией и Двиной, с одной стороны, и Березиной и верхним течением Днепра, с другой, поворачивает на восток и составляет Днепровскую (Смоленскую) группу кривичей. Эта группа также точно соответствует северо-восточной части белорусского наречия. Таким образом, здесь мы видим полное совпадение между расселением древних племен и современными наречиями.

Но далее остается разрешить новые затруднения. Кривичи-белоруссы вступили в область, уже занятую до них финским субстратом. Они продолжают свое движение на восток с верховьев Днепра широкой полосой, охватывая с севера истоки Волги и ее верховья до Мологи, а с юга продвигаясь по верховьям Сожа и Десны (Остра и Болвы) через Угру в центральное междуречье, где они обходят полукольцом Оку (от Юхнова до Коломны) и р. Москву, направляясь от Коломны прямо на восток к Касимову. Их следы теряются среди поселений Мери и Муромы.

Чтобы исчерпать это направление колонизации, напомним о "лехитских" племенах радимичей и вятичей, для которых остается свободным выход из Подляшья к устьям Березины и Сожа. Радимичи остаются на Соже (без его верховья, занятого кривичами) до пределов бывшего Северского княжества, а вятичи идут дальше, гранича на севере с южной границей кривичских поселений, а на юге охватывая весь бассейн Оки от г. Жиздры до г. Москвы и от Мосальска до Рязани и Спасска. Благодаря тщательной работе А.В.Арциховского, мы очень точно знаем их границы, за исключением юго-востока, где их заделали степные нашествия. Так как тут же начинается и район московской колонизации XVI века, то вместе с этническими границами запутываются и отношения наречий (см. ниже).

Однако же, до этого предела отношение всей этой колонизации — кривичей, радимичей и вятичей — к современным наречиям довольно ясно. Колонизация эта соответствует распространению северо-восточного района белорусского наречия, который покрывает собой всю территорию радимичей и западную часть территории вятичей. Остальная часть вятичской области могла сохранить свой первоначальный говор только в рязанском наречии. На территории, выходящей за эти пределы, можно гово-

черкивающее связь начала и конца. Другой путь приводил сюда же, если спуститься по Неману ниже до Ковно, где впадает в него Вилия, и подняться по Вилии до ее истоков, откуда "волоком" вел путь на верховья той же Березины (тут же и селение Кривичи). Наконец, из Вилии можно было подняться по Свенте и перебраться с ее верховья по озерам в Зап.Двину, а по Двине, поднявшись выше Витебска, перебраться старым, очень известным путем по р.Каспле на Днепр к Смоленску. Все эти пути, вероятно, были использованы кривичами при повороте на восток, — тогда как путь на запад был загорожен литовцами и латышами.

рить или о смешанных говорах или, в предположении родства всех трех групп колонизаторов, об области распространения того же кривичско-белорусского наречия. В частности, родство радимичей с вятичами иллюстрируется, археологически, сменой, как раз на этой границе, двух близких одна к другой форм височных колец: так наз. семи (пяти)-лопастных — самого распространенного украшения, зараз и сходного и различного в могилах обеих народностей.

Сопоставление этой части древней колонизации с распределением современных наречий затруднялось, прежде всего, той же ошибкой А.А.Шахматова, перед которой остановился в недоумении Спицын: отождествлением кривичей — по крайней мере полоцких и смоленских — с северно-русской группой и сближением их с новгородцами, с которыми они постоянно сталкиваются. При этом на долю белоруссов оставалась только маленькая группа дреговичей, — что совершенно неправдоподобно. Из этой ошибки вытекали две другие. Так наз. "средне-русская" группа (о ней ниже), смешанная и разнородная, считалась, в основе своей, территорией северной же колонизации. А идущая на юг от ее средней части полоса получала название — "южно-великорусской". Таким образом, территория древней колонизации смешивалась в одно целое — великорусского языка — с территорией позднейшей, смешанной колонизации. Роль древних племен в области междуречья при этом совершенно затушевывалась. В итоге Шахматов упрощенно делил русский язык на три группы: южно-славянскую (включая тут и восточно-украинский говор), западно-славянскую и восточно-славянскую (включая тут и север и юг "великоруссов"). Такая классификация грубо соответствовала современной классификации русских наречий (на малорусское, белорусское и великорусское), но совершенно не считалась с историей их распространения.

Возвращаясь к этой истории — и к конкретным фактам прошлого, — Шахматов и принужден был поправлять самого себя; но это не отражалось на общем выводе. Он, конечно, признавал, что в Псковской и Новгородской губерниях северно-великорусское наречие прямо сталкивается с белорусским (то есть в действительности словене с кривичами). Он далее должен был признать, что "южно-великорусское" наречие "родственно по происхождению с наречием белорусским". Точнее, надо было признать, что западная часть так наз. "южно-великорусского" наречия находилась под сильнейшим влиянием белорусской (кривичской) колонизации, тогда как восточная часть подвергалась влиянию, шедшему из Москвы.

После всех этих поправок, и роль так наз. "средне-великорусских" говоров представится нам в совершенно ином свете. Уже давно признано, что эта промежуточная полоса составлена

искусственно из трех разных частей¹⁵. Западная из них (верховья рек Великой и Ловати) находится целиком в сфере наступления псковских кривичей (белоруссов) на новгородские поселения. Средняя часть соответствует колонизации полоцких и смоленских кривичей в области верхней Волги до Твери (то есть тоже против новгородских колоний) и вятичей, охвативших с юга бассейн р. Москвы. Что касается третьей, восточной части "средне-великорусского" говора, которая распространяется на восток за Оку, по бассейнам Цны с Мокшей и Суры, среди лесных мордовских поселений, то она относится к области позднейшей колонизации, не ранее XIII-XVI столетий. Туда переносятся те говоры, которые уже сложились западнее. Никакого единства явлений, объединенных названием "средне-великорусских", мы, таким образом, не находим.

Далее, полоса "средне-великорусских" говоров должна, по этой ошибочной классификации, отделять северно-великорусский (новгородский) говор от "южно-великорусского". Но при объяснениях, только что данных, южный великорусский говор теряет тесную связь с северным великорусским, и самое название "великорусского" может прилагаться к нему в ином смыс-

¹⁵ См. карту № 48, где эти части отмечены номерами 1, 2 и 3 и все вместе обведены двойной чертой. Объяснения к карте №48: "Древние племена и новые наречия". Три главные деления русского языка обозначены: малорусский (украинский) — крестиками, белорусский — кружочками. Двойной чертой обведена территория так наз. "средне-великорусских" говоров. Цифры 1, 2 и 3 делят эту территорию на три части — совершенно разнородного характера (см. текст). На север от нее — великорусские говоры в тесном смысле: Западный, Восточный — соответствующие поморской колонизации, и более смешанный Владимиро-Поволжский. В свою очередь, белорусское наречие ("язык") делится на две группы, обозначенные буквами Ю.З. (юго-западное) и С.В. (северо-восточное). Говоры малорусского языка разделены черточками: с запада на восток три карпатских: бойки (Б.), лемки (Л.), гуцулы (Г.), подольский (П.), опольский (О.), южно-волинский (Ю.В.), полесско-украинский, полесский, восточно-украинский (территория колонизации).

Границы древних племен, где было возможно, означены т о ч к а м и. Сюда относятся расселения кривичей. Буква Ю стоит у поселения дреговичей на сев.берегу Припяти. На запад от нее — граница кривичей с литовцами. Кругом цифры 1 — пределы псковского говора. Дальше граница кривичей с словенами (новгородскими) идет от истоков Волги до впадения р.Мологи. Граница между кривичами и дреговичами между Припятью и Березиной показана, где буква З. На левом берегу Днепра показана с.в. граница радимичей, идущая дальше на ю.з. вдоль надписей: радимичи. На верхней Оке и р.Москве показана граница кривичей с вятичами; она дальше окружает г.Москву с севера, отделяя ее (на север) от кривичей (крив.) Юго-восточная граница вятичей — неопределенна.

Черными полосами обозначены две линии укреплений против степи середины XVI и середины XVII столетий. Тонкие волнистые линии по обе стороны Днепра означают татарские "пляхи", по которым производились набеги кочевников. Их направление определяет границы оседлого населения и исходные пункты колонизации на юг в оба эти столетия. Более отчетливое изображение "пляхов" и укреплений см. на карте № 49.

ле, нежели к северному, новгородскому. Недаром еще Костомаров различал этнографию и психику "двух народностей". Противопоставляя малорусскую народность великорусской, он выделял Новгород особо и искал более тесной связи новгородцев с украинцами, нежели с "великороссами". Здесь сказался верный инстинкт историка, и северно-направленный. По моей схеме украинские говоры и северно-великорусские (новгородские) действительно сближаются друг с другом тем, что и те и другие относятся к наиболее раннему этапу восточно-славянской колонизации и, следовательно, должны представлять язык (и, если угодно, "народность") в более "чистом" виде, нежели так наз. "южно-великорусский". Этот последний есть продукт позднейшей колонизации и более сложных смешений. Именно центральная часть "средне-великорусских" говоров оказалась частью той лаборатории, в которой совершилось слияние нескольких говоров. Из нее, унифицированный путем такого слияния, средний говор сперва объединил русский государственный центр, а потом, положенный в основу "русского" языка, объединил и всю Россию. Но это был уже не "великорусский" язык; это название надо оставить для северных говоров, не пытаясь распространить его на центральные и более южные смешения.

Какие же говоры приняли в этом процессе сращения наиболее близкое участие? Остановимся, прежде всего, на роли "северно-великорусского" (новгородского) говора.

НОВГОРОДСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРА

Южная граница "северно-великорусского" (новгородского) говора определяется северной границей "средне-великорусских" наречий. На север он охватывает огромное пространство до Северного Ледовитого океана, а на восток — Волгу вниз по течению от Ярославля до [Волго]града. Конечно, занятие такого огромного пространства не могло быть делом обычной колонизации, — тем более, что совершилось оно в сравнительно короткий промежуток времени. Это объясняется, прежде всего, тем, что самое это пространство было (и остается до нашего времени) чрезвычайно скудно населено и передвижения по нему производились по течениям больших рек, впадающих в Ледовитый океан. Но затем мы видели, что самый характер "поморских" переселенцев был чрезвычайно приспособлен именно к этому образу деятельности. Рыболовы и охотники, новгородцы такими и остались на новых местах. Но и в инородческом населении, среди которого они продвигались, они нашли людей, занятых теми же промыслами. Им не понадобилось ни сгонять их с места, ни завоевывать, ни ассимилировать себе. Это был превосходный материал для эксплуатации природных богатств края. Новгородцы брали с туземного населения дань не медом и воском, не

невольниками, а пушным товаром, в поисках которого они продвигались все дальше и дальше на восток, по мере того, как наиболее дорогие сорта истощались или уходили от охотников на восток. Вот почему новгородцы, вероятно без большой борьбы, пожертвовали своими колониями на юге своих владений, отступив здесь перед оседлыми колонистами-земледелцами (кривичами) и сосредоточив все усилия на эксплуатации северного востока, так наз. "Заволочья". Самое понятие "Заволочье" (за волоком) постепенно отодвигалось вслед за походами новгородских "ватаг". Сперва, к середине XI в., так называлась страна за ближайшим "волоком" озерного бассейна; потом — с половины XII в., когда новгородцы стали твердой ногой на правом берегу Сев. Двины, — это было "Задвинье". Наконец, к середине XIII в. название перешло к Печерскому краю, где упрочилась власть новгородцев над местными инородцами¹⁶. Оседлые колонисты шли за промышленниками: так заселилась к XIV столетию вдоль по реке "Двинская земля". К концу того же столетия новгородским "ушкуйникам" удается сделать последнее усилие и перекинуть свою эксплуатацию на р. Вятку (гор. Вятка основан в 1374 г.). К этому времени началось, однако, вмешательство среднерусских князей, и на всем протяжении от Твери до Устюга новгородская колонизация была остановлена. Мало того, "Двинская земля" попыталась отложиться, опираясь на Москву. На замиренных — и даже заселенных — местах стали появляться монастыри; но только с XIV-XV вв. их деятельность становится заметной, и только после присоединения Новгорода к Москве, с XVI столетия, крупные монастыри начинают вести обширную промышленную эксплуатацию в Поморье, заводя там свои латифундии¹⁷. Больше значения до колонизации имела деятельность измелъчавших княжеских линий XIV-XV вв. Имена этих линий напоминают речное расположение их

¹⁶ К роли иноплеменного населения в этой части колонизации мы вернемся ниже.

¹⁷ Относительно роли монастырей в колонизации севера вообще существуют несколько преувеличенные представления. До XIV в. нам известны только два монастыря на севере, которые могли иметь колонизационное значение: Палеостровский на острове Онежского озера и Спасо-Каменный на острове Кубенского озера. Самое их местоположение говорит скорее об изоляции от местного населения, нежели об обратном. В XIV в. на севере возникают 17 монастырей, в XV в. около 22. Но из первых только 7, из вторых 13 играют сколько-нибудь заметную роль в процессе колонизации. Большая половина этих двадцати монастырей теснится в трех соседних уездах б. Вологодской губ., Грязовецком, Вологодском и Кадниковском. Только в XVI веке монастыри развивают, так сказать, наступательную деятельность, как центры колонизации: они пробираются на перешеек между Ладожским и Онежским озерами, спускаются вниз по р. Сухоне и поднимаются вверх по р. Вычегде, навстречу монастырям Стефана Пермского, которые они далеко превосходят в роли колонизаторов. Но все это колонизационное движение развивается на юг и на север от района, охваченного новгородцами, и происходит при том или другом содействии Москвы.

маленьких владений (Белозерские — Кемские, Карголомские, Ухтомские; и Ярославские — Сицкие, Моложские, Заозерские и Кубенские).

ВЛАДИМИРСКО-ПОВОЛЖСКИЙ ГОВОР И КОЛОНИЗАЦИЯ

По мере заселения края появляются и новые северо-великорусские говоры: к первоначальному, "западному" новгородскому прибавляется "восточный". Западный уже к середине XIII в. доходит до устья р.Онеги и до полуострова Колы. Восточный, заняв Двину, Печору и Вятку, открывает дорогу в Сибирь. Но нас особенно интересует третий говор, причисляемый к северо-великорусским: говор Владимирско-Поволжский, иногда соединяемый с Ярославским. Тогда как западная группа, наиболее чистая, сохранила такие архаические особенности, которые сближают поморян с западными славянскими языками (см. выше), Ярославско-Владимирские говоры ("залесские") давно уже выделились из остальной северо-великорусской территории и, утратив эти черты, сблизились с югом. "Это был степной остров ("поле") среди остальной северо-русской территории, — характеризует их Н.Дурново, — население его политически в историческую эпоху никогда не тянуло ни к Новгороду, ни к Твери и, наоборот, еще со времен Владимира Св. поддерживало связи с Южной Русью". Однако, эти говоры не содержат главной черты, которая характеризует всю границу, отделяющую средние от северных великорусских говоров: они не заменяют древнего "оканья" — средним и южным "аканьем", неизменно свидетельствующим о влиянии кривичей-белоруссов. Мы должны бы были заключить отсюда, что главный славянский элемент, колонизовавший Владимирско-Суздальскую землю (ибо о ней идет речь), все же был новгородский, а не кривичский. Но этот вывод, как мы видели, пока не подтверждается ни археологией, ни топографическими названиями. Как бы то ни было, связь владимирско-поволжского говора с центральной частью (2) средне-великорусских говоров (Москва) является несомненной. Конечно, и вся владимирско-поволжская группа — особенно в своем продвижении вниз по Волге — представляет более поздний этап, нежели распространение западной группы. Об этом напоминает хронология дальнейшего продвижения на восток и на юго-восток этой группы (3) и соседней восточной части (2) средне-великорусского говора. Начало этого наступления — уже под прикрытием княжеской власти — отмечено постройкой в 1172 г. Городца недалеко от впадения Оки в Волгу. В то время — еще до татарского нашествия — владими́ро-суздальские войска вместе с муро́мо-ряза́нскими собирались на "устье Оки", чтобы вместе идти на волжских болгар. Тогда мещера еще жила по обе стороны Оки (у Елатьмы), а мордва соседила по Оке с

муромой, отбиваясь от русского наступления. Подчинение болгар и мордвы татарам остановило эту борьбу. С распадением орды в середине XIV в. русская колонизация была задержана внутренними ордынскими смутами. В 1365 г. один ордынский претендент, Булат-Темир, захватил Великие Болгары и "отнял весь волжский путь". Другой, князь Тагай, хозяйничал в мордовской земле. Русским границам снова, как до замирения с татарами, грозили татарские набеги. Однако, хотя и медленно, русские колонисты все же продвигались вперед. Колонизатор нижегородского края, князь Константин Васильевич, по преданию (около 1350 г.), "повеле русским людям селиться по Оке и по Волге и по Кудьме рекам и на мордовских селищах (следовательно, уже покинутых мордвой), где кто похощет". Колонисты, как видно, все еще жалась к защищенному разными "городцами" междуречью. Мордва и чувашаи отступили недалеко (см. ниже). В ожидании более благоприятного времени возобновились походы вниз по Волге на болгар; удалось даже наложить на них контрибуцию. Татарские набеги были отброшены, мордва наказана опустошением ее земли, волжская торговля Нижнего Новгорода восстановлена. Но опустошение татарами нижегородской земли и сожжение Нижнего в 1378 г. показали непрочность этих успехов. Приходилось покориться ханам. Из рук Тохтамыша этот русский форпост и перешел к Москве в 1394 г.

Относительно белорусского (кривичского) наречия необходимо еще раз подчеркнуть его влияние, вместе с вятичами, на создание московского говора ("среднего" № 2). Это влияние предполагает первоначальное родство между кривичами и вятичами. Отметим, что кроме "аканья" (одной из постоянных черт белорусского языка) является "дзеканье" (адзин, сидзяць), происхождение которого подчеркивается термином "мазураканье". В Польше мазураканье распространено в Мазовии и Малой Польше. Так называется смешение *с, з, ц* с *ш, ж, ч* в один средний "шепелявый" звук. Именно этими двумя территориями — польскими — должны были проходить кривичи, радимичи и вятичи. Дзеканье и мазураканье, несомненно, не являются позднейшим заимствованием, а древней диалектической чертой, связавшей три родственных племени еще в местах их общерусской прародины. Отмечу, что дзеканье имеется и в северно-магурских говорах.

КОЛОНИЗАЦИЯ НА ЮГ И ОБРАЗОВАНИЕ "РУССКОГО" ЯЗЫКА

Ознакомившись с пределами влияния "северно-великорусских" говоров на так наз. "средне-великорусские", мы перейдем теперь к влиянию этих последних на создание языка, который, со времени его образования в московско-суздальской среде, мы

вправе называть просто "русским". Этот последний процесс сам собой выделяется из предыдущих после того, как выяснена искусственность попыток связать его с "северно-русскими" говорами, установлена незатертая веками граница между новгородской колонизацией севера и заселением Волжско-Окского междуречья, кривичами в его северной части и вятичами в южной. Для большей ясности вернемся к началу процесса и прежде всего напомним об особенностях месторазвития, на котором он происходил.

Мне приходилось уже в первой части этого тома отметить особое положение центрального окско-волжского междуречья, как промежуточного или переходного месторазвития между северным и южным. На севере — хвойный лес, переходящий в тайгу и тундру, послуживший территорией новгородской (северно-великорусской) колонизации. На юге — лесостепь и чернозем, в древности сфера влияния кочевников, а позднее — территория украинской и южно-великорусской колонизации, к которой вернемся ниже. Посредине между севером и югом — полоса смешанного леса на умеренно-подзолистой почве. Она и составляет тот восточно-европейский центр, в котором кристаллизовалась и откуда распространилась этническая и языковая амальгама, легшая в основу русского исторического строительства, как целого.

Мы видели, что эта территория междуречья сама тоже делится по составу населения на две части, с одной промежуточной между ними. Она представляет, таким образом, как бы сокращенный языковый образ всей остальной России (см. на карте № 48, 3). Население северной части ее, каково бы оно ни было издревле, прикрито верхним слоем кривичей, а потом подверглось влиянию Москвы. Эта языковая амальгама соответствует территории Владимиро-Суздальской земли. Южная часть междуречья, с Москвой, как центром центра, составляет древнюю территорию вятичей. Отсюда идет на юг прорыв русской колонизации в степь. Наконец, имеется промежуточная, между суздальской и московской, полоса средних говоров. Это продукт сочетания языковых влияний с севера и юга; она служит исходной точкой колонизации прямо на восток, к Волге.

Если прибавить, что вся эта амальгама центра строится на древнейшем субстрате финских народностей, — а частью и литовском, — то увидим, насколько уже с самого начала сложен этот центральный продукт разнообразных влияний. Мы теперь берем его за исходный пункт продвижения населения из междуречья на юг, навстречу набегам кочевников и татарскому завоеванию. Эта задача создает необходимость и окончательно закрепляет образование сильной централизованной власти. К политической стороне этого государственного новообразования мы в свое время вернемся. Но теперь мы остановимся на создании, в процессе колонизации, особой народности, амальгамирован-

ной, так сказать, в квадрате или в кубе. Название "великорусской" к ней может применяться только условно. Из этой сложной лаборатории выходит продукт, который нельзя назвать иным именем, кроме имени "русского".

На карте № 49 нанесены, на основании работы Н. Дурново, три главные разновидности "южно-великорусских" говоров. На территории I, где лежит центр московского продвижения в степь, отмечены (1-5) пять более мелких подразделений. Шестое приходится на землю Донского войска (низового) под Ia. Территория II включает исходную полосу колонизации и обороны юга: от Москвы до Тулы. Территория III объединяет "Рязанские города" и их (вятичскую) долю в колонизации. С запада эта колонизация граничит с Белороссией и Украиной; с востока она подходит вплоть к инородческому населению. (О дальнейшей колонизации среди инородцев на восток и в Азию см. ниже, карта № 50.)

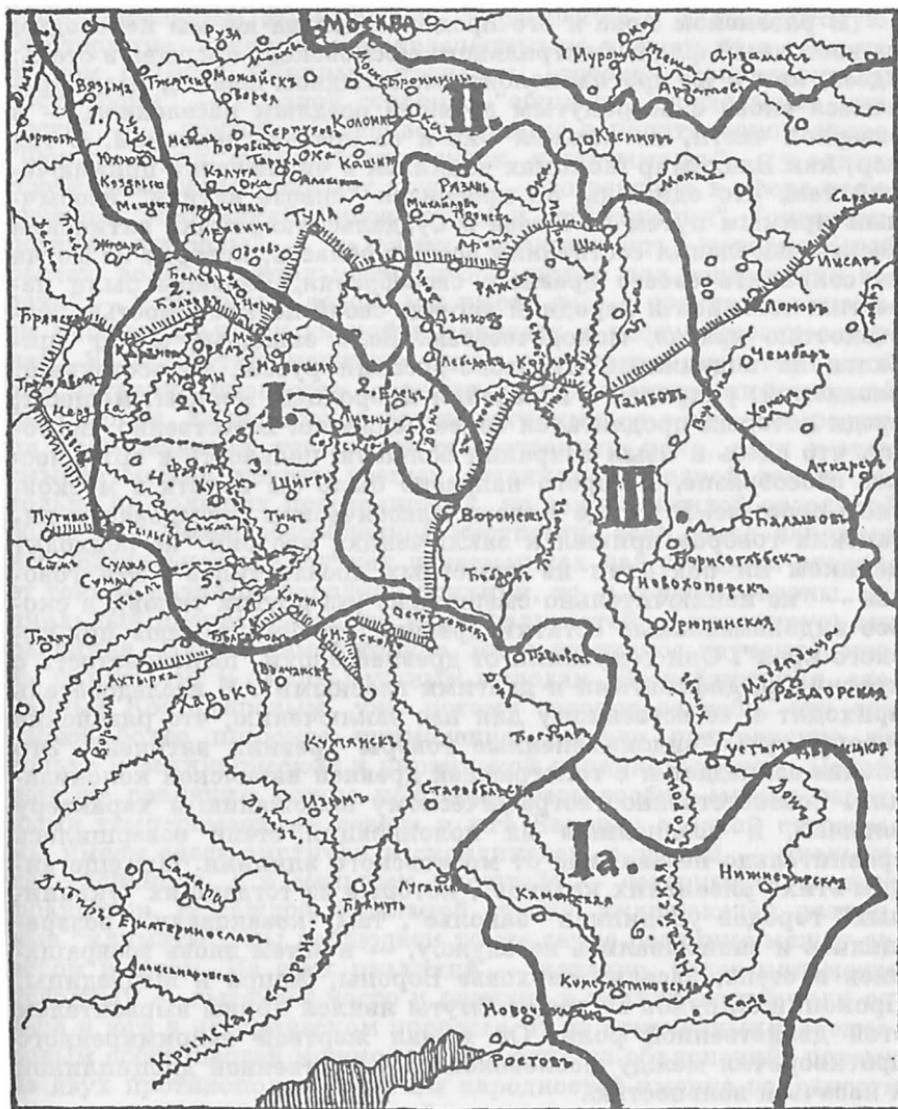
ЧЕРТЫ НОВОЙ ЯЗЫКОВОЙ АМАЛЬГАМЫ¹⁹

Главное отличие языка на всем выделенном пространстве — так наз. "аканье". Эта черта, как мы видели, проникает и в промежуточную полосу средне-великорусских говоров. И там, и здесь она стоит в несомненной связи с такой же отличительной чертой белорусского наречия и напоминает о широком расселении кривичей. Влияние это, вместе с некоторыми другими чертами, настолько сильно на западе полосы I, что А.А. Шахматов и вообще объединял белорусское наречие с южно-великорусским; но он только строил на этом свою ошибочную классификацию. Н. Дурново также считает совпадение южно-великорусского и северной части белорусского говоров "указывающими на безусловную связь их в прошлом". Но древняя колонизация кривичей тут же на западе сталкивается с поселениями вятичей: смешанная полоса тех и других поселений идет по линии Юхнов-Жиздра-Карачаев (см. карту № 49), северная часть отдела I, 1, 2). Дальше вступает в действие новый, вятичский элемент, который, однако, тут же пересекается идущим с севера, позднейшим московским. Западная часть территории II и заселена более старым населением этого типа. Восточнее, по линии Серпухов-Тула-Мценск начинается уже полоса запустения и татарских набегов. Их пути отмечены на карте волнистыми линиями "шляхов", идущими обыкновенно по речным водоразделам. Население, какое сохранилось, прячется от татар в лесистых верховьях рек. На территории I сосредоточивается наибольшее количество "шляхов", сходящихся в один узел на водоразделе выше г. Корочи — и отсюда разбегающихся в разные стороны: к Севску, Карачеву, Болхову-Мценску, Туле, Епифани. Здесь,

¹⁹ Для этого отдела см. карту № 49.

как мы знаем, строится против татар в 1550-1570 гг. и первая (после "берега") линия обороны. Естественно, тут встречаем и наибольшее количество вариантов говоров. Дурново различает их по разным типам "аканья" — и типы эти, характерным образом, совпадают с разными этапами колонизации. Все они "диссимилятивные"²⁰. Но один, как № 5 карте, отличает "архаический" тип населения, укрывшегося от набегов в верховьях Псла и Ворсклы. Это очевидный обломок старого населения Переяславского княжества. Другой тип, "суджанский", объединяет №№ 1 и 4, то есть западную часть территории I со старыми городами (по московской терминологии XVI в., они составляли "группу городов" — "Запцких") и северянские верховья Десны и Сейма. Связь между той и другой частью разорвана типом "умеренно-диссимилятивного" говора (№ 2), то есть уже воздействием Москвы. Действительно, Москва здесь строит и укрепляет новые города: Орел, Ливны, Кромы ("первые воры"). Собственно, Кромы и послужили теми воротами, через которые самозванец пришел к Туле и Москве, сопровождаемый казаками с "поля", пришедшими ему на помощь по "Крымской дороге". Территория № 3 составляет третий, "щигровский", тип диссимилятивного аканья. Он расположен между двумя "шляхами" и прикрыт с севера лесами Сосны. Этот тип не играл той роли в колонизации, как предыдущие; оставалось в стороне и верхнее течение Дона (№ 5), сохранившее тот же архаичный тип, и уголок между Пслом и Ворсклой. Напротив, непосредственная связь с Москвой и с началом колонизационного движения создала язычное единство территории II, определяемое Дурново, как тип "умеренного аканья" (Москва, Тула, Одоев). Затем, очень интересна языковая близость Донской территории Ia (№ 6) с территорией I. Она объясняется тем, что "низовое" донское войско образовалось из выходцев, опустившихся на нижнее течение Донца и Дона еще тогда, когда промежуточное пространство степи оставалось "диким полем". Эта незаселенная степь и препятствовала Москве наложить свои руки на низовое донское войско и заставила установить тот временный режим признания казачьей воли, который просуществовал до последней трети XVII столетия (см. ниже). Позднее, как мы видели, началась распашка донских притоков новыми пришельцами с "верху"; но они шли уже другим путем, спускаясь по территории III из "рязанских городов". Эта полоса ря-

²⁰ Принцип "диссимилятивности" в "аканье" состоит в том, что характер гласного звука предыдущего слога зависит от характера гласного звука последующего слога (и также от мягких согласных). Так, *а* без ударения — перед гласными верхнего подъема (*у, ы, и*) гласные среднего *и*. Звук нижнего подъема (*о, е*) — перед гласными среднего и верхнего подъема (*у, ы, и, е, о*). Гласные верхнего подъема (*у, ы, и*). Гласные среднего и нижнего подъема (*о, е*) перед *е, уо* под ударением.
(Дурново, 125)

№ 49. Языковые следы колонизации юго-востока.

занской колонизации опять объединена особым говором, который характеризуется как "сильное аканье". Два разных пути, два хронологических периода, две этнографические разновидности и составили различие между коренным "низовым" войском и новозаселенными "верхними" городками, с которыми, как увидим, Петр расправился бесцеремонно и жестоко (см. ниже).

В рязанском крае и его продолжении на юг мы переходим на восточный фланг центрального московского прорыва в степь. Здесь, как и на противоположном, западном фланге, мы встречаемся снова с нетронутым древним оседлым населением — в северной части, по нижней Оке и ее правым притокам. С тех пор, как Владимир Мономах хвалился в числе своих приключений тем, что однажды он пробрался "сквозе вятичи" необычным прямым путем от Киева в Суздальскую землю, вятчские лесные поселения составляли особую область, которая не могла не сохранить своего древнего своеобразия. Рязанцы были известны летописи и народной легенде своей неукротимостью, жестокостью нравов, молодечеством. Если западный фланг опирался на подвижный литовско-русский рубеж, то восточный, рязанский, упирался в поселения инородцев, мордвы, мещеры, среди которых продвигался более медленно. Естественно, поэтому, что здесь и язык сохранил большую цельность и архаическое своеобразие, которого напрасно было бы искать в московском прорыве. Е. Будде в своем классическом исследовании рязанских говоров пришел к заключению, что они "не подходят целиком ни под один из известных доселе типов". Эти говоры — "не исключительно смешанные (из других типов), а скорее видоизмененные остатки древних русских говоров при-окского края". Они сохранили от древней эпохи "шепелявость с кратким *y*, дифтонгами и долгими гласными". И исследователь приходит к естественному для нас заключению, что рязанские говоры суть "видоизмененные говоры древних вятичей". Это вполне совпадает и с топографией древней вятчской колонизации. Соответственно географическому положению и характеру вятичей, и позднейшая их колонизация степи совершилась сравнительно независимо от московского влияния. Мы еще видим этих "рязанских казаков", которые из тогдашних "украинных" городов уходили в "заполье", там "козаковали", возвращались и записывались на службу, — а затем вновь возвращались в степь, заселяя верховье Вороны, Хопра и Медведицы. Прокопий Ляпунов во время Смуты явился ярким выразителем этой двойственной роли. Он и пал жертвой непримиренного противоречия между московской государственной дисциплиной и казачьей вольностью.

Может быть, это противоречие в одном лице между рязанским "воеводой" и запольным "атаманом" соответствует двум вариантам рязанской народной психологии — на севере и на юге России. В таком случае оно могло бы служить полезной поправкой к известной теории Костомарова о двух русских народностях. С ссылки на "географические условия" и на "жизненные исторические обстоятельства", как на причины изменений в народной психологии, начинается его знаменитая статья. Под этими влияниями слагается и крепнет народная "душа". Костомаров различает их две: южно- и северно-русскую или, по более

употребительным выражениям, украинскую и великорусскую. Оба термина — книжны и отвлеченны; но примем их в этом условном смысле. "Личный произвол, свобода, неопределительность форм" — с одной стороны; "общность, поглощение личности" — с другой, — таково различие в политической сфере. "Форма, обряд, буква, предрассудок, нетерпимость" — у одних; противоположные черты у других — это различие в сфере религиозной. "Фантазия", "игра сердца и воображения", "опоэтизирование природы" — у южан; "практичность, материальный расчет, воля и деятельность, необходимые для совершения задачи" — у северян. Словом, мы имеем дело с противоположением эмоциональности южной народности и рассудочности северной. Я не считаю научную почву достаточно подготовленной для изучения процессов создания и дифференциации народной психологии. Если заранее можно соглашаться с тем, что различия месторазвития тут играют существенную роль, если в этом смысле можно искать разных оттенков "народной души" не только на больших пространствах, но даже в каждой отдельной более или менее обособленной местности, если даже народная наблюдательность в шутках и насмешках над соседями отмечает тонкие различия народной психики, то, с другой стороны, социальный процесс создания национальностей — нивелирует эти различия. Нужно самое тонкое, мало доступное изучение, чтобы придти тут к строго-научным выводам. Но наблюдения, сделанные Костомаровым, уже потому говорят за себя, что они имеют более широкое применение, нежели приурочение их только к великорусской и украинской национальностям. Подобные же различия можно констатировать вообще между народными темпераментами севера и юга Европы; с одной стороны, мы имеем здесь англичан и скандинавов, с другой — итальянцев, испанцев, а в меньшем масштабе — северных и южных французов. В каждой отдельной стране, включающей различные "климаты", мы наблюдаем то же самое различие между севером и югом. Из этих различий — конечно, более или менее условных — вытекает часто и различие в политической роли севера и юга в историческом процессе. И из отмеченных Костомаровым особенностей можно извлечь одно из объяснений, почему из двух противоположаемых им народностей именно народности севера суждено было историей сыграть завоевательную и объединительную политическую роль.

МАЛУРУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Переходя к малорусскому наречию ("украинскому языку"), отметим прежде всего, что большая часть территории, которую оно занимает теперь (восточно-украинское наречие), есть область позднейшей колонизации. Вся эта территория была обращена в пустыню кочевниками, о которых говорилось выше. На-

селение древних племен киевского и переяславского княжеств, конечно, не ушло в суздальскую землю, как предполагал Погодин и за ним Ключевский. Но оно отчасти было истреблено, отчасти образовало пограничный пояс, смешанный с кочевниками же (ср. "люди татарские" на правом берегу Днепра: Понизье, Болховская земля, Потетережье; "бродники" на левом берегу), отчасти разместилось среди ближайших соседей. Волнистые линии татарских набегов из Крыма (волнистые линии на карте № 48) указывают предел постоянных опасностей, которым подвергалось население от грабителей и искателей "полона". Старое малорусское население и старые говоры уцелели лишь западнее этой угрожаемой полосы. Наиболее древние из них суть те, которые ближе всего к западной границе — к Подляшью и к Карпатам. Мы оттуда и вывели весь украинский колонизационный поток. Характерно для общего направления древнейшей колонизации то, что малорусские говоры идут четырьмя параллельными линиями с запада на восток: 1) полесские (переходные к соседним белорусским), 2) полесско-украинские, 3) южно-волынские (Ю.В.), 4) опольские (О) и подольские (П). Еще западнее сохранились архаические обломки лемков (Л), бойков (Б) и гуцулов (Г). Между ними я пропустил еще на карте средне-закарпатское наречие. Эти племена, видимо, остались сидеть на своих древнейших местах, чем и объясняются архаизмы их языков и их этнографические особенности.

Авторы диалектологической карты, положенной в основу моей № 48, приводят любопытное наблюдение: помимо деления на горизонтальные полосы, только что отмеченные (по карте Зелинского), имеется еще вертикальное деление, при котором западные части всех полос стоят в ближайшей связи между собою, так же как и средние и восточные. При этом, в северномалорусской полосе различия трех вертикальных частей больше, нежели в южных. Отсюда следует прямой вывод: малорусское население двигалось, в общем, полосами с запада к востоку, причем наиболее прочно и продолжительно оседало на севере. Это и понятно, если обратить внимание на то (карта № 48), что татарские набеги по "шляхам" не щадили ни Подолья, ни даже Волыни, и только Полесье отталкивало их своей сравнительной неприступностью.

Восточно-украинское наречие и начинается там, где набеги прекращаются, — потому что нечего взять. Тут, между Росью, устьем Буга и Днепром начинается область колонизации правого берега Днепра. Литовско-польские правительства до конца XV в., однако же, были бессильны обезопасить эту область, и население там не селилось. Еще в середине XVI в. жители города Черкас свободно эксплуатировали уголья на огромном пустыре между верховьями р. Тясмина, устьем Днепра, течением Ворсклы и верховьями р. Самары. Жители Канева также свободно владели угольями по всей Суле с притоками до путивльс-

кого рубежа, по рекам Хоролу и Пслу. Под самым Житомиром жители "на селищах не смеют перед татарами жити". Все пусто на восток от Винницы. На левом берегу только на Десне и за Десной ютятся несколько сел. Только после того, как Москва построила в 1550-1560 гг. укрепленную "Тульскую" линию, доведя ее до Путивля, заселение этих мест пошло быстрее. Значительно позднее польское правительство приняло также за постройку укреплений на севере Полтавщины. Очевидец и участник этой военной колонизации, французский инженер Боплан оставил нам живое свидетельство о ней. "В течение пятнадцати лет на службе двух польских королей (1630-1647), — пишет он, — я основал более пятидесяти значительных слобод или колоний, образовавших, в свою очередь, в несколько лет до тысячи деревень, благодаря приросту новых поселений. Это население раздвинуло границы государства...; эта страна (большая часть которой заселена была при мне) составляет теперь неприступный оплот против могущества турок...; в провинции, которая открывала врагам беспрепятственный путь к победам, они, к величайшему своему изумлению, встречают теперь неизбежный позор и гибель".

КОЛОНИЗАЦИЯ ЛЕВОГО БЕРЕГА ДНЕПРА

Население пришло, однако, в Полтавщину вовсе не для того, чтобы прикрывать собой границы польского государства. Народ бежал за Днепр, чтобы спастись от польских порядков. Дорога на юг была ему закрыта польским правительством, которое, по требованию султана, отняло у казаков их "хлеб", воспрепятствовав их набегам на Черное море и переняв путь из Запорожья вновь построенной крепостью. Население поэтому двинулось на восток. Эмиграция приостановилась, как только началось восстание Хмельницкого. Но когда надежда на благополучный исход борьбы с Польшей была потеряна, эмиграция за Днепр и дальше на восток — от восточной границы Полтавской губ. до заволжских татарских поселений снова растет (с 1651 г.) и скоро принимает небывалые размеры. "И повелел народу (Хмельницкий), — так рассказывает малорусский летописец (Грабянка), — вольно сходить с городов, кидаячи свои пожитки, к Полтавщине, також и за границу у Великую Россию, чтобы там селиться городами. И от того часу стали селиться: Сумы, Лебедин, Харьков, Ахтырка и все слободы до самого Дона казацким народом". Показания летописца вполне подтверждаются фактами. В 1652 г. уже намечаются границы малорусской иммиграции: на западе основываются Сумы, на востоке — Острогжск. В Острогжск пришел целый полк — 1.000 человек — из Волыни, после поражения под Берестечком. В 1654 г., не говоря о более мелких поселениях, является Ахтырка, тоже полковой город с населением более 1.000 человек муж. по-

ла, и Харьков. Вслед за тем, с принятием Малороссии под высокую царскую руку по Переяславскому договору 1654 г., эмиграция малороссов опять приостанавливается с тем, чтобы снова усилиться в эпоху Руины. Правый берег Днепра, вернувшийся к Польше по Андрусовскому договору 1667 г., был совершенно опустошен в это время поляками и татарами (особенно тяжела была вторая половина семидесятых годов). Вот свидетельство другого малорусского летописца о том, какой вид представляла польская Украина после этого "сгона". "Переходя Украину того берега, — говорит Величко, — я видел много городов и замков пустых и безлюдных ... и стены видел ... разваленные, к земле прикившие, лесом заросшие и покрытые сорной травой, в которой гнездятся змеи, гады и черви. И поля, и сады, и ловли, и озера — все запустело; повсюду множество костей человеческих, голых и сухих, прикрытых одним небом. А недаром поляки звали ту Украину раем польского мира; потому что до войны Хмельницкого она была как вторая земля обетованная, текущая млеком и медом". Зато на московской стороне появляется в это время ряд новых городов, основанных малороссами: Суджа, Белополье, Волчанск, Тор, Золочев и несколько городков на донецких перевозах.

Таким образом, за какие-нибудь 30 лет (1650-1680) заселяются юг Курской губ., вся Харьковская, за исключением восточных уездов, и запад Воронежской губ. Только что построенная московским правительством Белгородская черта (см. ниже) оказывается совершенно заслоненной малорусскими поселениями. Для защиты вновь колонизованных мест приходится в 1680-х годах устроить третью дополнительную линию укреплений — по Донцу. Но и эта линия тотчас же опережается с юга новыми поселениями. Одновременно с ее устройством поселяется южнее ее Изюмский полк. Тогда же возникает поэтому идея — провести новую (четвертую) укрепленную черту, которая загородила бы от набегов водораздел Днепра и Донца; по этому водоразделу шел один из главных татарских шляхов (см. карту). Но здесь колонизация осложняется отношениями московского правительства к Турции. К этому моменту мы вернемся.

СТЕПНЯКИ И РАССЕЛЕНИЕ "ЮЖНО-ВЕЛИКОРУССКОЙ" НАРОДНОСТИ

Нам остается ознакомиться с расселением южно-великорусской народности, судьбу которой мы уже отделили от судьбы северно-великорусской. Процесс расселения здесь тесно связан с процессом образования русской государственности. Оставаясь в пределах темы этой главы, мы прежде всего отметим некоторое сходство продвижений населения с тем, что мы знаем относительно лесостепной и степной территории украинской груп-

пы. Последнее из степных нашествий, татарское, отражается и здесь серьезными опустошениями и оказывает влияние на расселение и смешение отдельных элементов населения. Замирение степи также сопровождается передвижением населения на опустошенные, более плодородные места, и так же, как там, переселение это, сперва вольное и стихийное, привлекает организационные усилия государства — там польского, здесь московского. Однако, оба потока колонизации, с запада и с севера, с середины XVII в. сливаются в один, подчиняясь центральному руководству Москвы. Именно Москве, после ее усиления в процессе двойной обороны от степных хищников, принадлежит отныне роль окончательного замирения степи. В этом проявляется преимущество ее организационного таланта, связанного, конечно, с особенностями политического строения московского государства (см. третью часть первого тома "Очерков"²¹).

Процесс борьбы государства с кочевниками здесь, по самому существу лесного месторазвития, начинается позже, чем на юге, и растягивается на многие столетия. Уже в середине XIII в., одновременно с разгромом Киева, начинаются и вторжения в северные княжения. Но население реагирует здесь более энергично и более организованно.

Восстания населения против сборщиков татарской дани, правда, вызывают тотчас же примерное наказание. Летопись говорит, что не было "ни места, ни веси, ни сел таких редких", где татарские загоны "не воевали в Суздальской земле". В 1239 г. татары заняли мордовскую землю, сожгли Муром, воевали по Клязьме; был "полън зол по всей земли; сами бо себе люди не видяху, кто где бежит от страха". В 1252 г. татары попленили "весь Переяславль", уведя в орду множество жителей: Александру Невскому пришлось собирать разбежавшееся население. В 1281-1282 гг. татары опять рассыпались по всей Суздальской земле, запустошили ее, пограбили и увели в плен мужчин, женщин и детей из окрестностей Мурома, Владимира, Юрьева, Переяславля, Ростова, а также и в округе Торжка и Твери. Пострадали не только города, но волости, села и погосты. В 1293 г. пострадали, помимо той же территории, и Москва с Коломной, Можайском, Дмитровом, Волоком и Угличем. До конца XIII в. население сбегалось, спасаясь от татар, на древнейшую территорию Москвы; по притокам рек и между речьям, по окраинам ранее заселенных "станов" садилось это новое население, привлекаемое в "слободы" и волости князьями, боярами и монастырями. В XIV в. опустошение чужих волостей и увод к себе населения становятся специальной профессией московских князей. Но, сосредоточив в своих руках власть над соседями и став "великими" князьями, они меняют такти-

²¹ [В части, подготовленной автором к печати]. Эта часть не была опубликована. — *Ред.*

ку и делают Москву сборным пунктом для защиты объединенной территории от южных нашествий, а также и от Литвы, которая во второй половине XIV в. повела (при Ольгерде) наступление на русские земли. После Куликовской победы, сильно ослабившей военные силы Москвы, Тохтамыш (1382) взял Москву и Переяславль, пограбил и взял в плен население в волостях до самого Владимира, Звенигорода, Можайска, Дмитрова, Юрьева, Волока, а на обратном пути взял Коломну и разорил Рязанскую землю. Борясь против Литвы, пришлось все же дружить с татарами. Но эти мирные отношения снова испортились, когда Золотая Орда начала разлагаться и на месте ордынского хана появились отдельные мурзы, отказывавшие ему в повиновении. Сильнейшие из них стали тотчас образовывать целый ряд самостоятельных владений, среди которых особенно выдвинулись владения крымской и нагайской орды.

Русское население, спокойно соседившее с татарами, после расстройтва мирных отношений, должно было быстро отодвинуться на север, подальше от степи. Весь юг России, начиная с б. Орловской губ., представлял уже и без того совершенную пустыню в XIV и XV столетиях. Теперь и на север от Орловской губ., в б. Тульской и Рязанской, население старалось держаться поближе к Оке — преимущественно между Окой и Проней с Упой, а дальше на восток — между Окой, Волгой, Пьяной и Тешей (см. карту № 49).

Продвижение населения на юг и планомерная борьба Москвы со степными врагами начались только с середины XV века, когда только что образовалось Казанское царство и когда набеги усилившегося Крымского ханства стали особенно тяжелы. Потребность в защите стала настолько велика, что надо было во что бы то ни стало найти средства для ее удовлетворения. Московское государство было для этого в тот момент еще недостаточно сильно. Формальное свержение ига Золотой Орды (1480) несколько не ограждало ее бывших вассалов от набегов. Пришлось искать союзников в этой самой среде. На первых порах Москва и ограничилась только тем, что было безусловно необходимо для ее собственного самосохранения. Она решила защищать ближайшую естественную границу — "берег" (Оки). И для обороны "берега" она употребила на первый раз не собственные силы, которые еще не были созданы, а силы подручных татарских царевичей. Такие "служилые" царевичи появляются во второй половине XV в. в городах по Оке — в Кашире, в Серпухове, в Касимове.

ПРОДВИЖЕНИЕ НА ЮГ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ

Пока в Крыму сидел союзник Москвы, Менглы-Гирей, эти первоначальные меры достигали своей цели. Но они оказались слишком недостаточными, когда Менглы-Гирей сменил враж-

дебный Москве Махмет-Гирей и когда три ханства — крымское, астраханское и казанское — соединились в руках династии Гиреев. Страшный набег 1521 г. показал, что услуги царевичей не могут спасти Москву от неожиданностей со стороны степи. Пришлось сделать новое усилие и позаботиться о регулярной охране "берега". На "берег" ежегодно начинают командироваться полки. Но в этот момент "берег" уже перестал быть государственной границей. Исчезновение прежней сильной власти в степи открыло эту границу для массового переселения на юг всех тех, кто страдал от московских порядков. И московскому правительству пришлось идти вслед за своими беглецами. На юг от Оки стали выставлять сторожевые войска в известных местах "поля". К середине XVI в. создалась таким образом первая правильная линия обороны. Места стоянки войск превратились в крепостцы; между ними проведены были укрепления, валы и засеки. Общее направление позднейшей оборонительной линии можно видеть на картах № 48 и 49²². Эта линия является вместе с тем и границей оседлого населения в середине XVI в. Так была включена в состав населения и использована для защиты страны и самих себя первая волна переселенцев. Восточнее Шацка русское население жило уже среди инородцев и не решалось продвигаться на юг из Запьянья, колонизованного еще в XIV в. (см. выше).

Прямо на юг от "Тульской" линии шла во второй половине XVI в. оживленная работа построения новых городов (карта № 49). За это время возникла большая часть городов Орловской губ. Города западной части этой губернии, существовавшие раньше, были вновь укреплены или перестроены. Наконец, южнее Орловской губ. появляется в последние годы XVI столетия Белгород; несколько раньше выстраивается Воронеж.

Политический, социальный и экономический кризис русского центра во второй половине XVI в., к которому нам придется не раз возвращаться, оказал очень сильное действие на переселение населения на колонизируемый юг. В целях военной обороны — и в связи с перетасовкой служилецкого землевладения при Грозном — много служилых людей было переведено на юг от Тулы; так как их не хватало, то правительство стало верстать и раздавать земли и поместья всем, кого могло захватить: торговым людям из посадов, "казакам", ходившим из тогдашней "украины" в "поле" и возвращавшимся назад, осужденным судом преступникам, которых переводили, вместо наказания, на линию обороны, наконец, даже холопам. Зато тыл быстро

²² Так наз. "Тульская" линия соединила укрепленные города: Путивль, Рыльск, Трубчевск, Брянск, Карачев, Болхов, Мценск, Крапивна, Тула, Дедилов, Епифань (а раньше: Михайлов, Пронск), Ряжск и Шацк. Все эти пограничные города-крепости построены или вновь укреплены между 1550-1560 годами.)

пустел. Уход служилых с Ливонского рубежа сказался на победах Стефана Батория; разбегались и крестьяне от царских налогов и помещичьих поборов и искали новых земель там, где начинался чернозем, где не истощены еще были, по лесным рекам, звероловческие угодья, а в "поле" — пашенные земли. Побег крестьян из московской округи создали там истинно трагическое положение землевладения, потребовавшее от властей ряда экстренных мер. Словом, все пришло в движение. На составе населения на юг от Оки все эти правительственные "приборы" и крестьянские "заимки" не могли не отразиться самым существенным образом. Отсюда произошло и то разнообразие языковых групп, которыми, как увидим, отличается особенно территория центрального переселенческого потока.

Смутное время сразу останавливает все это движение на юг. Наиболее южные форпосты (как Царев-Борисов) исчезают бесследно. Татарские "шляхи"²³ снова протаптываются кочевниками. Население разбегается из бассейна реки Оскола (по обе стороны которой тянутся два "шляха") и ищет убежища на лесных притоках Донца, кругом Белгорода, — или на еще более отдаленном Воронеже, защищенном лесами Тихой Сосны. Севернее Белгорода, в Курской губернии, где сходятся (у Корочи, на водоразделе донских, днепровских и окских притоков) все татарские шляхи, население пока не решается селиться. Часть сорвавшегося с мест населения превращается в разбойничьи банды и пополняет собой шайки "воров", поддерживающих восстание Болотникова и движение обоих самозванцев. Особенно эти толпы горожан, беглых крестьян и холопов, всякого сброда, скопляются в Северной области. По предположению А.Палицына, в первые годы XVII в. в украинные города сошло более 20.000 способных носить оружие.

В таком положении находилось дело колонизации, когда правительство, оправившись от смуты и испытав, во время второй польской войны (1634), все неудобство границы, открытой со стороны степи, — принимается вновь за строительство и колонизационную деятельность. В течение двадцати лет (1636-1656) создаются теперь три новые оборонительные линии, смыкающиеся друг к другу: Белгородская, Симбирская и Закамская²⁴. Почти на всем протяжении этой черты правительству

²³ Дороги (см. карты №№ 48 и 49). Центральный (идущий из Крыма на Тулу) шлях назывался Муравским. Восточнее его шел Калмиусский. На Муравский шлях выходил западнее Бакаевский (на Мценск и Волхов). Его пересекала с юго-запада Бахмутцова дорога, целившая туда же и своими ответвлениями грозившая Карачаеву и Севску; от Бахмутцовой дороги отделялась и шла прямо на север Свиная. Всего западнее выходил на Путивль, Рыльск и Севск — Ромодановский шлях.

²⁴ Ахтырка, Белгород, Короча, Острогожск, Коротожак, Воронеж, Усмань, Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы, Инсар, Саранск, Корсунь, Симбирск,

приходилось строить новые города, специально с целями обороны; во многих местах ему приходилось вместе с городами создавать и население. В западной части черты население, правда, местами выходило даже за пределы укрепленной линии; но в восточной части, где вольная колонизация сделала гораздо меньше успехов, пришлось насильно перевести на черту переселенцев. Так, в Инсар переведены были колонисты из Темникова, в Корсунь — из Алатыря, в Симбирск — из Тетюшей. Где было налицо крестьянское население, правительство обращало его и тут в служилое; не брезговали и инородцами для заселения новой военной границы.

ПРОДВИЖЕНИЕ "ЮЖНО-ВЕЛИКОРУССОВ" К НИЗОВЬЯМ ВОЛГИ И ДОНА

На правом берегу Волги великорусское население — вместе с "южно-великорусской" речью — продвигается, за средне-великорусской колонизацией (см. выше), к низовьям Волги и, широкой полосой, по донским притокам Хопру и Медведице, по Дону до его низовьев и по низовьям Донца, по Волге, обходя инородческое население ее устьев, вливается на территорию Предкавказья. Но это население особого бытового типа — донские казаки.

Первое упоминание о донских казаках уже рисует их беглецами из Рязанской земли. Иван III наказывает вел. княгине рязанской Аграфене (1502) казнить тех, "кто ослушается и пойдет с а м о д у р ь ю на Дон в м о л о д е ч е с т в о". Рязанские казаки должны были служить проводниками послов вел. кн. Аграфены, чтобы этим послам "от заполяна лиха никакого не было". Видимо, эти охотники "погулять за полем" сохраняли связь с рязанским служилым казачеством. Матвей Михов пишет о "заполянах", что, пересекая обширнейшие степи, они "никому не подвластны и живут грабежом, объединяясь в шайки по 10-20-60 человек". Встречая такие ватаги вольных казаков на границах, где строились укрепления, воеводы "жаловали" им угодья, записывали на службу и давали "жалованье" деньгами или хлебом. Но донские "заполяне" забирались далеко и при желании могли спокойно сохранять свою "волю".

Однако их нападения на послов, которыми москвичи обменивались с крымцами и нагайцами — этим самым путем, — заставили в 1530-х годах оба государства взаимно обязаться ловить и казнить этих "баловней-казаков". "Те люди, как вам тати, так и нам тати: *и наших окраин казаки, с ними смешавшись, ходят*". В середине XVI в., однако, в Москве начали интересоваться этими "татами"; в 1551 г. турецкий султан писал

Сингилей, Мензелинск. См. 2-ю черту на карте № 49. Продолжение этой черты за Волгой указано на карте № 50.

ногайскому князю: "царь Иван Дон от меня отнял, казаки его с Азова оброк емлют". И сами донцы определяли свои формальные отношения к Москве в отписке 1632 г. как восьмидесятилетнюю службу России, то есть возводили их начало к 1552 г. Это было почти то же самое время, когда Баторий своей грамотой принял на службу запорожских казаков. Но грамоты на Дону не было, и характер здешних отношений к Москве остался неясным. Казачьи историки очень дорожат возможностью вывести из этого неясного положения формальную независимость Донского казачества. Прилагать к тогдашнему времени теперешнюю государственную терминологию, однако, не приходится. Всего вероятнее, что положение так и оставалось неопределенным до тех пор, пока Московское правительство не почувствовало нужды — и возможности — обратить эту неопределенность в свою пользу. Обычной для Москвы нормой была "служба", оплачиваемая "жалованьем". Донские казаки служили "с земли и с воды": жалованье небольшое, но и служба была невелика. Во внутреннее устройство казаков Москва не вмешивалась; в своих "городках" казаки жили своим обычным, военно-выборным строем.

В новой форме здесь продолжался известный нам колониционный процесс. С половины XVI в., в связи с некоторым замирением степи, он еще усилился — и постепенно передвигался к югу. Чтобы иметь возможность контролировать его, уже Борис Годунов приблизил обсервационный пункт Москвы к Дону: на Днепре был построен город Царев-Борисов. Донцам царь даже грозил послать "большую рать" и согнать их с Дона, "только почтене воровати, как ныне воруете". В результате казаки перешли на сторону Лжедмитрия. Это был первый "казачий царь". Донцы заявили себя "в готовности и подданстве царевичу, яко природному государю своему". Часть их поддержала восстание Болотникова, другие прошли к "Тушинскому вору", третьи поддерживали дюжину мелких "царевичей", появившихся в "поле". Земщина тут разошлась с "казатчиной". Радикальная роль казаков как представителей социального поравнения и укрывателей беглых была признана; земская дума решила вернуть беглых крестьян в опустевшие служилые поместья и их вотчины. Ярославское ополчение было против казачества; но его роль при взятии Москвы заставила прибегнуть к компромиссу, результатом которого был выбор Михаила на царство.

Вопрос о "сбитии с Дону" казаков был снят с очереди. Донцам были возобновлены "царское жалованье" и свободный проезд в пограничные города, а они обещали царю "служити и прямити во всем, как прежним государям", и не мешать сношениям Москвы с Турцией на азовских речевозах. Но когда в 1632 г. от них потребовали принесения присяги и регистрации, то казаки ответили, что "целованье на Дону не повелось". Достаточно, что "ни к Турскому, ни к Крымскому, ни к Литов-

скому, ни к иному которому царю и королю служить не ходим, кроме вас, великих государей”.

Аргумент был очень сильный. Казаки были с тех пор (1614) переданы из Разрядного приказа в Посольский, и московские государи посылали им, в знак подчиненных отношений, особое знамя. Донцы считались в Москве посредниками при сношениях с другими войсками, яцкими (уральскими), терскими и гребенскими, а иногда и с запорожскими.

По установлении обычных отношений Москва, однако, начала постепенно отбирать сложившиеся фактически вольности Донского войска. Войско ответило на московские угрозы, “обезглавив” в 1632 г. московского посланца, Карамышева, грозившего “без царского указа” “до конца погубить” на Дону “казацье имя”. Но, писали казаки, “противу тебя нам бесстрашным быть нельзя... будем мы тебе на Дону неприятны, и мы Дон реку очистим, с Дону сойдем”. Между собой Донцы говорили: “пойдем с Дону в Запороги к Литовскому королю на службу”. Все это, конечно, были *façons de parler*. На деле казаки в 1637 г. поклонились царю Азовом: “вам, государям, в вотчину”. В 1654 г. они уже просили о жалованье, чтобы “твоей государевой вотчины, реки Дона впусте не покинуть”. Это был год перехода Малороссии в московское подданство. Восстание Разина заставило Москву поступить решительно с донскими вольностями, хотя Разин и опирался преимущественно на “голутвенных”, а не на старых “домовых казаков”. Но именно эта голытьба и состояла из вновь пришедших “гулящих” людей. До сих пор Москва придерживалась относительно беглых людей принципа, сформулированного Котошихиным: “Доном (беглые) от всех бед свобожаются”. Требовать выдачи с Дона Москва не решалась. Но после попыток Разина “оказачить” занятую им территорию и после его поражения — донцам был предъявлен тяжелый счет. Чтобы получать по-прежнему царское жалованье, они должны были, во-первых, в 1671 г. “целовать крест”, то есть принести присягу царю, и, во-вторых, выдавать беглых. В связи с этим последним вопросом московское правительство приступило сперва к установлению границ донской территории, а затем и к ее сокращению в интересах велокорусской и малороссийской колонизации.

До 70-х годов XVII в. донцы могли расширять свою территорию колонизацией свободных земель. Но мы знаем, что, с царского же разрешения, надвигалась им наперерез с востока малорусская колонизация. К 1670-м годам она подошла к Дону очень близко. А с севера б. Воронежской и Тамбовской губерний продолжала прибывать южно-великорусская вольница. Один из мотивов этой эмиграции указан тамбовцами в доношении царю 1685 г. “Напредь сего по Хопру и Медведице (казаки) кормились зверьми и рыбою, а ныне завели пашню. И, слыша то, дворцовые, и помещиковы, и вотчинниковы, и мо-

настырские крестьяне и бобыли и боярские холопы к ним, казакам, бегают”.

В 1682 г. было впервые запрещено казакам принимать в верховые городки вольных и помещичьих людей. В 1685 г. велено “на границе с войском учинить заставы и сторожи крепкие, чтобы никто в казачьи городки не бегал”. Так как это не помогало, то Петр Великий велел в 1700 г. перевести казаков из “верховых донских городков”, с Хопра, Медведицы и т.д., на почтовые пути к Азову. В 1703 г. велено в этих верховых городках “разобрать” и переписать казаков “старожильцев” и “новоприхожих”, отослав пришедших после 1695 г. “на прежние места”. Несмотря на жалобы казаков, “городки” были переписаны и в 1705 г. запрещено “селиться на запольных речках на Московскую сторону северного Донца”. Начались конфликты с казаками, приведшие в 1707-1708 гг. к Булавиному бунту. У “новоприходцев” иного выбора не было. Но и после победы над Булавиным Петр более не церемонился. По его списку, городки “по Хопру по Бузулук, по Донцу по Лугань, по Медведице по Усть Медведицкую, по Бузулуку, Айдару, Деркулу, Калитвам — все”, — все были сметены с лица земли, и земли их отрезаны у войска. До 10.000 казаков были истреблены в порядке репрессий, не считая побитых. Опустошенные земли были поделены отчасти между малороссийской колонизацией (Острожский казачий полк), отчасти между южно-великорусской (Воронежская провинция). Тут окончательно определилась граница между южно-великорусским (донским) и малорусским наречиями.

Мы рассмотрели этническую сторону русской колонизации: ту основную базу, на которой совершилось объединение трех главных частей — северно- и южно-великорусской, белорусской и украинской, которые входят в понятие “восточных славян” и имели когда-то общую преисторию. В этой среде уже выяснилось общее направление объединительного процесса: он подошел к границам, за которыми начиналось во все стороны неславянское население. Но здесь он не мог остановиться. С этой грани начинается другой период объединительного процесса: объединение не “всей Руси”, как ее понимали московские цари от Ивана III до Петра, а переход к объединению “всероссийской империи”. Первые шаги этого нового периода связаны с концом предыдущего одним и тем же основным явлением: непосредственным продолжением процессов колонизации, описанных выше. Но на этот раз колонизация происходит уже не в пустом пространстве степи и не среди исчезнувшего в историческом процессе “субстрата”, а среди нерусских народностей, сохранившихся и до нашего времени, постепенно переходя на населенные такими же народностями территории, на которые заявляют встречные претензии и другие соседние с Россией державы.

БИБЛИОГРАФИЯ

О "прародинах" — в дополнение к библиографии первой части: G. Poisson, *Le peuplement de l'Europe* (Paris, 1939). А.А. Шахматов, *Введение в курс истории русского языка*, I, *Исторический процесс образования русских наречий* (Петроград, 1918), его же, *Древнейшие судьбы русского племени* (Петроград, 1919), его же, *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, "Энциклопедия славянской филологии под ред. Ягича" (1915), его более ранние выводы на те же темы см. в "Журнале Министерства Народного Просвещения", 1899, апрель, *К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей*, его же, *К вопросу об образовании русских наречий*, "Русский Филологический Вестник", 1894. А.А. Спицын, *Расселение древнерусских племен* (СПб., 1899), из Ж.М.Н.Пр. (август, 1899) — его первая попытка свода топографических и археологических данных, его же, *Литовские древности*. А.Л. Погодин, *Из истории славянских передвижений* (СПб., 1901).

О расселении через Польшу см. I-ю часть I тома. О "карпатском пути" см. J. Pasternak, *Ruské Karpaty v archeologii*, *Práce z vědeckých ústavů — filosofické jakulty university Karlovy*, XVIII (Praha, 1928).

О Подкарпатской Руси см. И. Филевич, *Угорская Русь* (Варшава, 1899), его же, *Очерк Карпатской территории*, Ж.М.Н. Пр. (1895), IV-V, его же, *История древней Руси*, I (Варшава, 1896).

О погребальных полях см. G.V. Childe, *The Danube in prehistory* (1929). С.Гамченко, *Житомирский могильник* (Житомир, 1888), его же, *Житомир за первожделами предисторичной археологии*, "Записки Всеукраинск. археол. комитету" (1931).

О поморском потоке колонизации: В.Семенов-Тянь-Шанский, *Типы местностей Европейской России и Кавказа*, "Записки Имп. Рус. Географического Общества", т. I (Петроград, 1915). Н.Каринский, *Язык Пскова и его области в XV в.* (1909). M. Vaarner, *Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern*, "Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas" (Berlin, 1934). А.В.Шмидт, *Археологическое изучение древности севера СССР*, "Финно-угорский сборник". Наблюдения Л.Ф.Зурова — в рукописи, мне сообщенной автором. Наблюдения над историческими связями финского, готского, литовского и славянского языков см. в сочинениях W. Thomsen, *Den gotiske sprogklassens indflydelse paa den finske* (Copenhagen, 1863), его же, *Berøringerne mellem de finske og de baltiske (libauls-lettiske) sprog* (Copenhagen, 1890).

Также Joos J. Mikkola, *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen* (Helsingfors, 1894) (= *Mémoires de la Société Finno-ougrienne*, VIII).

О следах распространения литовского языка на восток от теперешней территории см. также реферат профессора А.Кочубинского на X археологическом съезде в Риге, 1896, заседание 7 августа по II отделению.

О скандинавах и о волжском каганате см.: T.S. Arne, *La Suède et l'Orient*, "Archives d'Études Orientales", publiées par I.A. Lundell, vol. V (Upsala, 1914). П.Смирнов, *Вользский шлях і стародавнї Русь* (Киев, 1928). Д.М.Одинец, *Возникновение государственного строя у восточных славян* (Париж, 1935).

О колонизации Суздальской области: гр. А.С.Уваров, *Меряне и их быт по курганным раскопкам* (1872). А.А.Спицын, *Владимирские курганы*, "Известия археологической комиссии", XV (СПб., 1905). И.А.Тихомиров, *Кто насыпал Ярославские курганы*, "Труды II Областного Тверского Археологического Съезда" (1906).

О субстрате населения лесной полосы см. резюмирующие статьи А.М.Тальгрена, *L'Orient et l'Occident dans l'âge de fer finnoougrien, jusqu'au IX siècle de notre ère*, Conférence d'Installation du premier professeur titulaire d'archéologie à l'université de Helsingfors (19.III.1924), и его же, *Les provinces culturelles*

finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du Nord, Eurasia Septentrionalis Antiqua, III (Helsinki, 1928).

См. также его, *Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande à Helsingfors*, I; *Catalogue raisonné de la collection de l'âge de bronze* (Helsinki, 1916), 7; *Monographie de l'âge de fer et l'époque dite de Volgare* (1918); *Древности бассейнов рек Оки и Камы*, в обработке А.А.Спицына, "Материалы по археологии России", 25 (1901).

О колонизации кривичей: см. А.А.Спицын, *Литовские древности*. K.Engel, *Führer durch die vorgeschichtliche Sammlung des Domtmuseums, mit 18 Tafeln und 6 Karten* (Riga, 1933). М.В.Довнар-Запольский, *Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XIII в.* (Киев, 1891).

О современных наречиях: см. основную работу Н.Дурново, *Введение в историю русского языка* (Брно, 1927), ряд интересных замечаний у N. van Wijk, *Parallelisme et divergence dans l'évolution des langues slaves, Série des leçons prononcées à la Sorbonne, Le Monde Slave* (1937). В.А.Богородицкий, *Краткий очерк диалектологии и истории русского языка* (Казань, 1910).

О новгородской колонизации севера: см. А.Шахматов, *Исследование о Двинских грамотах XV в., I и II* (СПб., 1903).

О вятчичах см. капитальное исследование А.В.Арциховского, *Курганы вятчичей* (М., 1930). Там же, в "Раннон" критика Третьякова и ответ Арциховского.

Карты Белорусского языка, средне-великорусских говоров и продвижения их к югу составлены по картам Н.Дурново. Не потеряла значение и карта П.П.Кочубинского, составленная в 1871 г. и изданная в "Трудах Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край".

О Рязанских говорах: см. основное исследование Е. Будде, *К истории великорусских говоров в "Ученых записках Имп. Казанского Университета"*, XIII (1896, май), и след. В.А.Городцов, *Древнее население Рязанской области*, "Известия отд. Русского языка и словесности Академии Наук", XIII, 4 (1908). [Для библиографических указаний см.: А.В.Арциховский, *Основы археологии* (М., 1953), а также соответствующие разделы *Очерков истории СССР, — III-IX вв.* (М., 1958), и того же издания IX-XIII (М., 1953). T.Lehr-Splawinski, *O pochodzeniu i praocjuznie Slowian* (Poznan, 1946). T.Lehr-Splawinski, *Rozprawy i szkice z dziejow kultury Slowian* (Warszawa, 1954). M.Vasmer, *Die ältesten Bevölkerungs-verhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung, Vorträge und Schriften. Heft 5*, Preuss. Akad. der Wissenschaften (1947). J.Kostrzewski, *Les origines de la civilisation Polonaise. Préhistoire — protohistoire* (Paris, 1949). B.Zastěrová, *Hlavní problémy z počátku dějin slovanských národu, (= Československá Akademie Ved, Sekce filosofie a historie)* (Praha).

F.Dvornik, *The Slavs. Their Early History and Civilization* (Boston, 1956).

П.М.Третьяков, *Итоги археологического изучения восточнославянских племен*, Международный съезд славистов (М., 1958).

III

ПЕРВАЯ ЗОНА РУССКОЙ ЭКСПАНСИИ

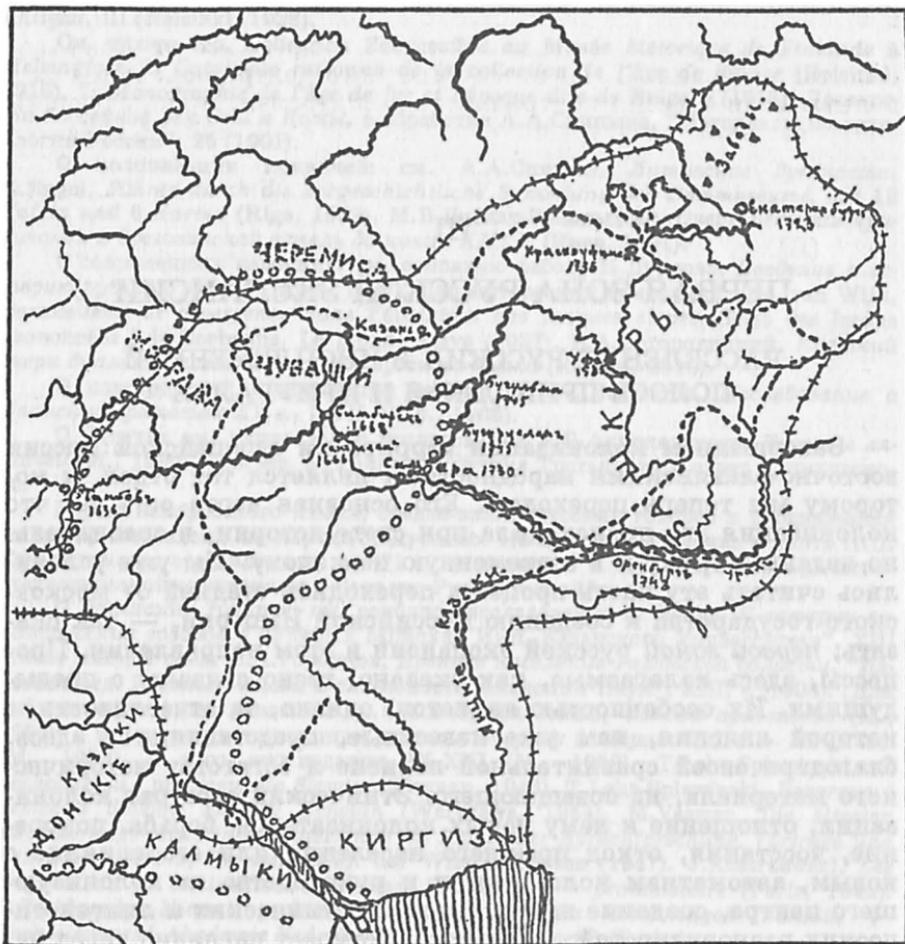
РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ В ИНОПЛЕМЕННОЙ ПОЛОСЕ ПРИВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Завершением колонизации территории европейской России восточно-славянскими народностями является тот отдел, к которому мы теперь переходим. Его основная черта есть та, что колонизация эта происходила при свете истории, в сравнительно недавнее время и в современную нам эпоху. Мы уже условились считать эту часть процесса переходной стадией от московского государства к созданию Российской Империи, — так сказать, *первой зоной* русской экспансии в этом направлении. Процессы, здесь излагаемые, как сказано, тесно связаны с предыдущими. Их особенностью является, однако, та отчетливость, с которой явления, нам уже известные, представляются здесь, благодаря своей сравнительной новизне и богатству исторического материала, из освещающего. Этнический субстрат колонизации, отношение к нему новых колонизаторов, борьба, покорение, восстания, отход прежнего населения или его слияние с новым, автоматизм колонизации и руководство из колонизирующего центра, создание новых расовых, этнических и лингвистических разновидностей, — все это выступает наглядно перед нашими глазами в тех же формах, как происходило и прежде, — но может быть документировано положительными данными.

На протяжении процесса есть победители и есть жертвы. Жертвами являются отодвинутые или слившиеся — так или иначе исчезнувшие или исчезающие этнические группы. К ним нам придется вернуться. Их существование и расселение в прошлом служило до сих пор предметом предположений; постепенно оно становится предметом непосредственного наблюдения и изучения.

Народности, о которых прежде всего будет идти речь, нам отчасти уже известны. Исчезнув в пределах, нами изученных, они сохранились в восточной полосе европейской России, на притоках Двины и за рекой Цной с Мокшей.

Но главной темой в этой "первой зоне" имперского творчества является переход русского населения из инородческой

№ 50. Колонизация в Приволжье и в Приуралье

территории Предуралья за Урал, в Сибирь. Это — первый крупный факт создания русской колонии за пределами национального государства. Мы посвящаем ему особое внимание, следя за ним от начала до конца.

Для иллюстрации к последующему изложению обращаю внимание читателя на карту № 51, цель которой связать пройденные ранее в европейской России этапы колонизации с завершением этой колонизации по сю сторону Урала среди инородческого населения и с переходом колонизации за Урал, в пределы Западной Сибири. Исчезнувшие в процессе прежней колонизации народности отмечены на карте прерывистым штрихом, их позднейшие заместители — полным штрихом. Запштрихован-

ное пространство кругом Москвы представляет тот тесный центр — Московского княжества в его пределах от Даниила, Калиты до Ивана III. Из этого исходного центра объединен был политически бассейн центрального междуречья. Колонизирующий центр выделил себя административно в одну единицу "Замосковных городов", прибавив к междуречью верхнее течение Волги с северными притоками (№ 1 на карте). Затем он выдвинул кругом себя укрепленные "рубежи" с целью обороны от "немецкой" (III) и "литовской" (IV), полевой (IX), степной (VIII) и "низовой" (волжской, X) "украин". Отсюда Московское государство перешло от обороны к наступлению на западной границе и к колонизации на южной и восточной. Эта последняя часть и будет теперь предметом нашего изложения.

Наступление славян на туземцев, конечно, не могло происходить в мирных формах. Громадное количество городищ — "твердей", построенных по берегам рек и в лесах, свидетельствует о первом звене борьбы. Туземцы здесь организовывались для обороны. Когда оборона становилась невозможной, — следующим звеном было отступление. При огромных, слабонаселенных пространствах лесной полосы и при полукучевом, охотничьем быте туземного населения, перемена мест была и надолго осталась самым легким исходом. Но часть населения, — особенно та его часть, которая могла и умела организовать в более широкие племенные союзы, — не так легко уступала места славянской колонизации, особенно в местах, отдаленных от центра. Уходя с речных берегов в глубину леса, где уже имелись его промысловые угодья и зимовья, она оказывала более или менее сильное сопротивление. Ассимиляция населения, закрепившегося на месте, затягивалась на многие поколения и особенно замедлялась после перехода славянского населения к христианству, а части иноплеменного — к исламу.

Последним этапом доисторической славянской колонизации в центральном междуречья, на территории "Замосковных" городов, было столкновение кривичей и вятичей с исчезнувшим племенем меря.

МЕРЯ И ЧЕРЕМИСЫ

Мы уже касались спора между археологами о последствиях этого столкновения — о той или другой пропорции смеси между обоими этническими элементами, славянским и финским. Мы приняли также догадку И. Смирнова о границе, отделявшей в VII-IX вв. сплошное славянское население от мерянского. Граница эта отмечена оборонительной чертой укреплений по р.Нерли ("Мерли") и между озерами Неро ("Меро") — Ростовским и Переяславским ("Клещино"). На север, за Волгу, кажется, можно продлить эту линию вверх по р. Костроме до Галича-"Мерского". Мы видели также, что, судя по показаниям араб-

ских писателей, славяне (кривичи) уже перешли эту черту и даже началось слияние колонистов с местным населением. Еще одно подтверждение существования этой черты находим в остатках топографической номенклатуры: названия "меря", "мерское", "усть-мерское" не переходят из б. Костромской и Владимирской губ. западнее, в Ярославскую.

Можно ли, однако, считать "мерю" окончательно вымершим племенем? Наше предположение об уходе финского населения, как первой стадии процесса, подтверждается, если примем, что название "меря" тождественно с названием "мари", которым называют себя черемисы. Теперешняя "марийская" автономная область, отмеченная [теперь] между реками Ветлугой и Вяткой — и соответствующая современному расселению черемисов на левом берегу Волги, луговом, — далеко не охватывает их прежней территории. Летопись сохранила память о пребывании черемисов на Оке, а топографическая номенклатура, подобранная И.Н.Смирновым, расширяет эту территорию на юг, где сохранился незначительный остаток "горных" черемисов, на запад до р. Костромы и на север, к верховьям рек Унжи, Ветлуги и Вятки (см. карту № 51). Возможно, что на этих обширных пространствах черемисы передвигались, меняя места и не владея всей этой территорией одновременно; но ведь они оставили свои следы — и притом довольно поздние. На карте № 51 территория исчезнувшей "мери" в Суздальском княжестве, а также и территория "мари" (черемис) по обе стороны Волги отмечены прерывающимися чертами, а теперешняя "марийская" область между Ветлугой и Вяткой — обычным штрихом.

И.Н. Смирнов проводит хронологическое различие между передвижениями двух групп черемисов-мари: западная группа перешла, по его мнению, в костромские и унженские леса с нагорного берега Волги уже в XI или даже в X в.; тогда как вятская группа переселилась оттуда же в XV в., отодвинув прежних поселенцев, оставивших по себе номенклатуру, необъяснимую из черемисского языка. Отождествив "мари" с "мерей", мы можем уточнить это, в общем правильное наблюдение. Меря костромская ("Галич") могла уже сидеть на своих местах раньше X века, в эпоху "вожского каганата" VII-VIII вв. и, может быть, еще раньше. "Мари" правого берега Волги (горные черемисы) несомненно вынуждены были переселиться на левый берег под давлением новых пришельцев, мордвы, — пережив предварительно на своем прежнем месте последовательное влияние других, более культурных элементов: чувашей и татар. Обе народности — не финского, а тюркского происхождения. Обе выделены в настоящее время в две автономные республики советского союза: чувашаи — в углу между Волгой и Сурой (до Алатыря); татары (казанские), их соседи, — от Свияги по обоим берегам Волги до Тетюшей и Камы (до впадения р. Белой) и

до р. Ика. Особый интерес представляет несомненное родство чувашей по языку с волжскими болгарами (см. выше), и это же отодвигает их историю в отдаленное прошлое, к сожалению неизвестное.

БОЛГАРЫ И ЧУВАШИ

В пределах своей теперешней территории чувашаи появились сравнительно поздно и, очевидно, заняли место среди черемисских поселений. И.Н. Смирнов нашел, что весь лексикон черемисской культуры взят из чувашского языка, и справедливо заключил отсюда, что сожителство с чувашами подняло черемис на высшую ступень, научило их земледелию, промышленности, разведению домашних животных, словом, сделало их окончательно оседлыми. Старый конический шатер, *кота*, уступил место примитивной избе; урегулировались отношения в семье, и появилось социальное расслоение на богатых и бедных; вместе с тем, создались начатки организации власти, — правда, не успевшие далеко развиться. Все это должно было произойти не позже окончательного падения старого болгарского царства, известного нам своей ролью в волжской торговле. Еще в XI-XII вв. "великие болгары" остаются опасными противниками русских князей. В 1087 г. болгары взяли Муром, в 1107 г. осадили Суздаль, в 1218 г. разгромили Устюг. Но в XIII в. появляется общий наш враг с ними: монголы. В 1236 г., то есть за четыре года до разорения Киева, — "придоша от восточной страны в болгарскую землю безбожные татары", записывает летописец, "и взяли славный великий город болгарский и избили оружием от старца и до юного и до сущего младенца, и взяли добычи множество, а город их пожгли огнем и всю землю их пленили". В том же веке еще дважды, в 1261 г. и в конце века, болгарская земля подвергалась опустошению; центр торговли и власти передвинулся в Казань. Но дело русской колонизации, однако же, от этого не выиграло. Черемисы оказались между двумя сильными центрами. На первое время они предпочли подчиниться татарам. При Василии Темном (1455) и Василии III они загораживают русским войскам путь из Нижнего в Казань. Только в 1546 г. горные черемисы посылают послов в Москву и обещают Ивану Грозному помощь в борьбе с Казанью. Луговые черемисы, однако, продолжают держаться татарской стороны и в 1553 г. восстают против наложенных на них сборов. Восстание, с трудом усмиренное в 1557 г., возобновляется в 1572 г. и перебрасывается на горную сторону. В нем принимают участие вотяки, остяки и башкиры. Только постройка укрепленных городов на речных путях — единственном способе сообщения в северных лесах — предупредила дальнейшие коллективные восстания. Так возникли Козьмодемьянск, Цивильск, Санчурск, Кокшайск, Уржум в середине 1570-х годов. Колебания в Смутное время были последними проявления-

ми былой независимости. В XVII в. черемисы платят ясак (замененный при Петре подушной податью), и правительство старается оградить их и их земельные владения от произвола воевод и сильных людей. Такими являются среди них татарские мурзы и князья: господство татар внесло эту новую черту, создав основу земельной аристократии "тарханов" и помещиков. Уложение Алексея Михайловича запретило отчуждение черемисских земель; но правительство не могло остановить ни роста служилого сословия, ни внедрения русских колонистов в среду черемисских поселений. Если на этнографической карте конца XIX в. эти поселения представляются разбросанными оазисами, вкрапленными среди русских, то это и есть следствие мирного процесса постепенного, но последовательного обрусения (см. карту № 52). Сперва русские поселения возникали кругом своих укрепленных мест, придерживаясь течения рек; потом, понемногу, они проникали в глубину леса. К концу XIX в. уже оставалось в б. Санчурском уезде 49 тыс. черемисов на 287 тысяч русских; в Уржумском уезде 67 тыс. на 191 тыс. русских; в Малмыжском 8 тыс. на 129 тыс. русских и т.д. По цифрам ревизий можно проследить, как численность русского населения постепенно растет, а численность черемисов соответственно убывает. Что здесь играет роль не только вселение русских, но и обрусение черемисов, видно из того, что ряд чисто-русских деревень продолжает сохранять свои черемисские названия. Меняется язык, отчасти и быт, но сохраняется антропологический тип — или появляются, благодаря смешанным бракам, смешанные формы.

МОРДВА

При переходе от лесной полосы к лесостепной те же процессы повторяются с соответственными изменениями. Здесь мы прежде всего встречаемся с наследниками и отчасти заместителями черемис, с мордвой. Теперешние поселения мордвы разбросаны от правого берега р. Мокши (Пензенской губ.) до Сызрани на Волге (Ульяновская, прежняя Симбирская губ.) и не удостоились возведения в ранг автономной республики. Но роль мордвы в прошлом очень значительна, и ее существование может быть прослежено в еще более древние времена, нежели история мери-мари (черемисов). О мордве рядом с мерей (и, может быть, с черемисами — "Zemniscans") упоминает уже Иордан в составе — правда, довольно сказочной — монархии Германариха в IV веке. Предположительно говорил о мордве и археолог П.С.Рыков, приписывая ей так наз. "рогожную" керамику городищ, отнесенных им к VI-VIII вв. до Р.Х. В своем позднейшем "Очерке по истории мордвы" (1933), опираясь на работу Б.С.Жукова, Рыков идет дальше, связывая "рогожную" культуру этих городищ с "костеносной" культурой городищ конца бронзовой эпохи и возведя пребывание мордвы на терри-

тории Европы за 3-3½ тысячелетия до нашего времени. Мы, однако, видели "стадиальную" тенденцию Рыкова — сопоставлять лесостепную культуру оседлой мордвы с степной культурой кочевников; при всей своей смелости, он все же оговаривается в упомянутой последней работе, что дело идет о мордве "в условном смысле", как представительнице известной стадии общечеловечности. Мы поэтому не будем возвращаться к стадии "Дьяковских городищ", о которых говорили ранее, как о звене между востоком и западом, и ограничимся, по терминологии В.А.Городцова, "юго-восточной зоной" однородной финской культуры, связывающей центральное междуречье с средним течением Волги (не доходя до нижнего, степного). В этих пределах древнее пребывание этнической группы мордвы уже несомненно; оно охватывает (как и позднее) течение Мокши и Суры до их верховьев, почти не переходя в бассейн левых притоков Дона. Напомню, что о древнейших связях мордвы с "северо-западной окской" зоной свидетельствуют заимствования мордовского языка из литовского, иранского и славянского. Что касается археологии, связь с волжско-окскими, как и с волжско-камскими находками устанавливается очень легко — на обще-финской почве. Трудность заключается лишь в выделении из этой обще-финской территории — области специфически-мордовской. И эта трудность еще не преодолена. Работы Рыкова, как сказано, имеют в виду мордву лишь "условно", присоединяя к ней и то, что ей не принадлежит. С некоторой уверенностью можно здесь говорить лишь о смене культурных влияний, которые для IV-VI столетий характеризуются Рыковым, как "сарматско-готские", связанные с упоминаниями Иордана, а затем, с большим перерывом до XIII-XV столетий, как "болгарско-зотоордынские". О быте первой эпохи дает понятие так наз. Армеевский могильник (б. Кузнецкий уезд); о второй — могильники Лядинский (у Тамбова) и Томниковский (б. Шацкий уезд). И тут встречаем много общего с обще-финскими "шумящими" подвесками, с головным женским убором, с формами серег, шейных гривен и т.д. Чтобы отделить от общего комплекса специфически-мордовские черты, И.Н.Смирнов попытался воспользоваться данными языка. Он нашел в мордовском слова, которых нет в западно-финских наречиях. Они свидетельствуют о том, что наличие стад, домашних растений, земледельческих орудий и злаков, металлов, частей бревенчатой избы, телеги на колесах и верховой езды, детальных обозначений родства — все это у мордвы свое, и развилось у них на почве их отдельного сожительства.

Эти наблюдения параллельны тем, которые показали развитие черемис — мари под чувашским влиянием. И мы возвращаемся к вопросу о степени чистоты и смешения внутри мордовского племени. Как известно, мордва делится на две группы, существование которых засвидетельствовано с XI-XIII вв.: "эр-

зя" ("арса" Ибн-Фадлана) и мокша ("моксель" Рубрука). Эрзя, которая характеризуется в древних источниках, как особенно изолированная и враждебная чужим влияниям, сохранила большее единство антропологического и этнического типа: она белокура, с серыми глазами, белым цветом кожи. Напротив, мокша, рядом с этим северным типом, представляет преобладающую примесь южного: черные гладкие волосы, черные глаза, смуглый цвет кожи и, при одинаково высоком росте, тяжелое, менее гибкое строение тела. Разнится и язык — до полной непонятности. Все это свидетельствует об этническом смешении той части мордвы, которая была более доступна внешним влияниям. В прямой связи с этим стоит спорный вопрос об отношении мордвы к древнему племени буртасов. Это — народы различные; притом мордва сохранилась, а буртасы исчезли. Но так же несомненна и тесная связь между ними.

БУРТАСЫ

Надо прежде всего признать, что в арабских и средневековых источниках сами буртасы изображаются двойственными чертами. С одной стороны, это народ степной, выставляющий многочисленную конницу, разводящий стада рогатого скота и верблюдов. С другой стороны — буртасы живут в глубоких лесах; главное их занятие — охота за пушным товаром. Буртасские меха славятся своими особыми достоинствами, и носить их могут только царственные особы; их леса богаты медом и плохо поддаются примитивному земледелию. Такая двойственность предполагает широкое расселение между лесом и степью. Арабские писатели, начиная с Ибн-Дасты (до 913 г.), определяют их территорию, вширь и вглубь, на 17 дней пути и помещают их в трех днях пути от волжских болгар — и в 15 днях от хазар, то есть от низовьев Волги, прибавляя при этом, что язык буртасов отличается и от болгарского и от хазарского. Дальнейшая история буртасов упрощается тем, что со стороны степи их отбрасывают к северу известные нам кочевники — узы, печенег и половцы. С левого берега Волги их выгоняют татары, в связи с разрушением болгарского царства в середине XIII столетия. И буртасы, продвигаясь к северу и к западу, находят в густых лесах южных притоков Оки старых поселенцев, мордвумокшу. На нее они, по-видимому, и оказывают то же культурное влияние, как чуваша на черемисов.

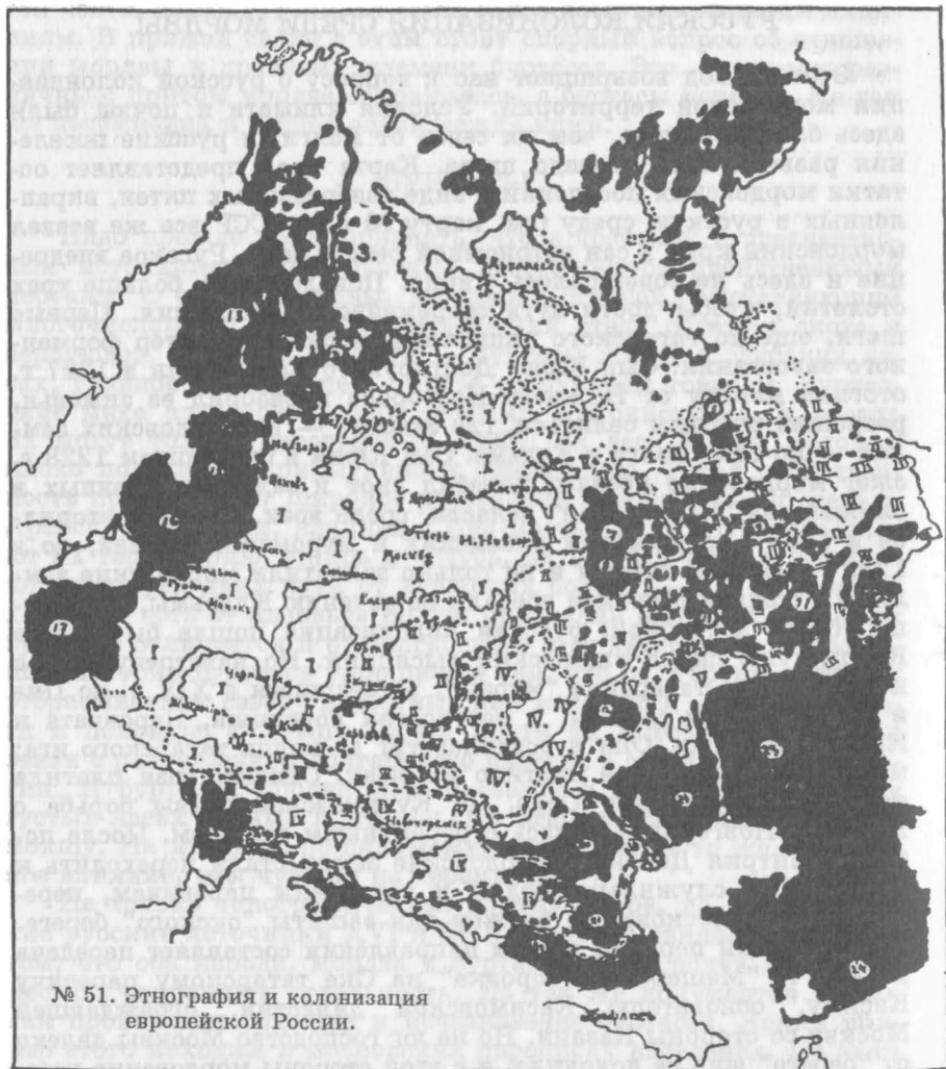
Не только топографическая номенклатура, но и исторические русские источники XVI и XVII столетий свидетельствуют о том, что оба народа, мордва и буртасы, живя почти на тех же местах, сохраняют отдельность. Из тех же документов видно, как происходит слияние и исчезновение буртасов. Яркий пример этого находим в московских переписях населения. По этим данным, буртасы жили в конце XVI и начале XVII в., не сме-

шиваясь с мордвой, широкой полосой от Симбирска через Алатырь, Ардатов, Лукоянов до Краснослободска, Темникова и Кадома. Перепись 1624-26 гг. называет буртасов "носопными татарами" (то есть платящими "носопный" хлеб государству). В 1658 г. царский писец засвидетельствовал, что эти "буртасы-татары" покинули свои земли и разошлись "по другим местам". И он отдал эти земли их соседям — мордве. А в 1693 г. стольник Федор Плещеев согнал мордву, поселил в этих деревнях своих крестьян, и такой же писец, по царскому приказу, закрепил эти земли за ним.

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СРЕДИ МОРДВЫ

Этот эпизод возвращает нас к вопросу о русской колонизации мордовской территории. Условия климата и почвы были здесь благоприятнее, чем на север от Волги, и русские поселения развернулись гораздо шире. Карта края представляет остатки мордовских поселений в виде разбросанных пятен, вкрапленных в русскую среду (см. карту № 51). СССР все же возвел мордовский край в сан автономной республики. Русское внедрение и здесь не совершалось мирно. Понадобилось больше трех столетий, чтобы достигнуть современного положения. Первые шаги, еще до татарского нашествия, носили характер форменного завоевания. Сын Юрия Долгорукого Константин в 1227 г. отогнал мордву от Нижнего Новгорода и разорил ее зимовья, разрешив русским селиться, где захотят — на мордовских землях — по Оке, Волге и Кудьме. Сам Юрий в следующем 1228 г. сжег мордовские посеы, перебил скот и захватил пленных в ближайшей "Пургасовой" области, среди эрзи. Поход повторился в 1232 г. с участием рязанских и муромских князей; но в 1239 г. пришли татары и не только захватили мордовские земли, а и сожгли Муром и воевали по течению Клязьмы. На Мокше, более доступной, русская колонизация пошла быстрее; в Кадоме уже сидел княжеский тысяцкий. Но навстречу шли с конца XIII в. татарские "мурзы", рассеявшиеся в XIV в. по Цне и по верховьям Мокши, в местностях Городища, Наровчата и Краснослободска. Они и остались тут до конца татарского ига; мордовское население платило им ясак. Однако, эрзя платила ясак непосредственно Орде. До Куликовской битвы борьба с Нижним Новгородом велась с переменным счастьем. После победы Дмитрия Донского мордовские земли стали переходить к московским служилым людям и татарским царевичам, перешедшим на московскую службу для защиты "окского" берега. Решительный перелом в этом направлении составляет передача в 1452 г. "Мещерского городка" на Оке татарскому царевичу Касиму, основателю Касимовской династии, ограждавшей Москву со стороны Казани. Но на юг господство Москвы далеко от "берега" еще не доходило, и с этой стороны мордовские посе-

ления оставались незащищенными. Дальше начинались "дикие поля", открытые для крымских набегов. Этим объясняется граница, установившаяся между осадлым населением бассейна Оки — и бассейном левых притоков Дона. Известно описание этой границы митрополитом Пименом, проехавшим здесь в конце XIV века. "Беше пустыня зело всюду, — описывает он, — не бе бо видети тамо ничто же: ни града, ни села. Аще бо и бывапа древле грады красны и нарочиты зело видением, — места то-чю, пустошь все и не населено; нигде бо видети человека, то-чю пустыня веляя — и зверей множество". А дальше, за Мед-

№ 51. Этнография и колонизация европейской России.

ведицей, "нача нас страх обдержати, яко внидохом в землю татарскую, их же множество обаяпол Дона реки, аки песок... Стада же татарские видехом толико множество, яко же ум превосходящ; овцы, козы, волы, верблюды, кони". С XV в. в этой "пустыне" начали собираться на воле рязанские "казаки". Туда же, на "дикие поля" и за Волгу к башкирам, потянулась и мордва с насиженных мест — особенно с тех пор, как на этих старых местах стали водворяться московские порядки.

Опустевшие земли закреплялись отчасти за татарскими и мордовскими мурзами, отчасти становились государственной собственностью, которая раздавалась тем же инородцам, вошедшим в состав служилого сословия, московским помещикам и вотчинникам и монастырям. Наряду с обьясаченными землями, переводившимися на оброк, появились и "тарханские" владения привилегированных собственников. Все это сидело на местном населении и питалось за его счет. Налоги со второй половины XVI и XVII в. постоянно росли, земли точно описывались, леса расчищались, владельческие поборы и повинности увеличивались бесконтрольно, население приписывалось к земле и к владельцу, заводились крепостные порядки. Куда было уйти от этого? Вот пример: в 1639 г. эрзя из окрестностей Арзамаса сбежала от сборщиков налогов на Волгу, в Муромские леса, бросив семьи, деревни и посевы. Воевода послал за ними солдат, а за солдатами явились специальные посланцы из Москвы; те и другие грабили, что осталось. Беглецы прожили зиму в лесных землянках, сотнями перемерли; не хотели вернуться. Я уже приводил случай с Плещеевым, захватившим наследственные земли мордвы, их рыбные ловли на Суре, их леса и улья. В 1614 г. огромный лес около Кадома оказался в вотчине мурзы Девлет-Жильдеева. В случае судебных разбирательств мордовское население не могло представить никаких документов на дедовские владения, не говоря уже об отсутствии межевых зна-

НАСЕЛЕНИЕ НЕРУССКОЕ		РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ	
1. Лапландцы	8. Чуваши	В середине XVI в.	I
13. Финны (жвены и тавасты)	12. Немцы-колонисты	Колонизация от 1550 до 1650 г.	II
3. Карелы	23. Киргизы	Колонизация от 1650 до 1750 г.	III
2. Самоеды	20. Калмыки	Колонизация от 1750 до 1850 г.	IV
4. Зыряне	21. Ногайцы	Колонизация от 1850 до 1990 г.	V
5. Пермьяки	22. Кавказские плем.		
6. Вотяки	19. Крымские татары		
7. Черемисы	18. Румыны		
9. Татары	14. Балтийские финны (эсты и ливы)		
11. Башкиры	16. Литва и Латыши		
10. Мордва	17. Поляки		
15. Латыши	24. Туркмены		

Белые места на карте обозначают ненаселенные местности.

ков. В 1654 г. монастырь оттягал у мордвы земли под предлогом, что это было "дикое поле", — и нашел 246 свидетелей в свою пользу. Второе разбирательство, в 1661 г. нашло, правда, что земли были заняты мордвой, которая платила с них подати. Но так как никаких документов на владение не было представлено, земля, вопреки мордовским протестам, была оставлена за монастырем. Монастыри представляли и другую опасность для быта инородцев: их способы обращения туземцев в православие. Мордва всячески боролась против обращения. В 1618 г. она разграбила Мамонтову пустынь. От проповеди монахов Спасского монастыря эрзя бежала в пустыню. В начале XVII в. она грозила разорить Никольский монастырь и выгнать монаха Матвея в степь. У него отобрали все имущество за то, что своей проповедью он склонил к крещению их жен и детей. Энергичный монах Мисаил, поставленный патриархом Никоном в рязанские епископы, крестил, с царского разрешения, целыми сотнями и тысячами в Шацком и Тамбовском уездах: 4.200 человек там и здесь. Но оставалось 520 человек некрещенной мордвы и татар в Кадомском уезде. Он получил разрешение царя и на их крещение. Однако, мордва отказалась явиться для крещения и встретила посланных епископа луками и топорами. Мисаил донес в Москву о бунте — и получил царское разрешение взять с собой солдат. С отрядом он пошел на деревню и начал читать царский указ. Мордва на него бросилась и смертельно ранила. В 1681 г. царь Федор Алексеевич грозил мордве отдачи в собственность мурзам и татарам. Мордва крестилась, но тотчас же по уходе начальства вернулась к своей вере. Только Петр заменил эти приемы попыткой создать школы для инородцев; но и его меры сопровождались угрозами принуждения. Обращенные в православие, мордовцы сохраняли свою "мордовскую веру" и энергично боролись за сохранение своих молитвенных домов, не хотели заучивать молитвы и поклоняться иконам. Словом, повторялись все явления, происходившие у самих славян в первое время при принятии христианства. Понемногу, все же, православие распространялось и служило сильным средством для обрусения. И тут не обходилось без недоразумения. Известный архиерей Дмитрий Сеченов, тоже вызвавший бунт своей проповедью, доносил, что бунтовщики были не мордвой, а "старыми русскими идолопоклонниками, не знающими по-мордовски и говорящими на ярославском наречии". Рядом с обрусением происходил иногда и обратный процесс.

Дальнейшая русская колонизация — в область Донского бассейна — происходила среди опустошения, в котором в течение веков держали степь сперва тюркские, а потом монгольские кочевники. Это — та грань, о которую сокрушаются "евразийские" построения русской истории. Этот период колонизации, не встречавший сопротивления ни от какого туземного населения, изложен выше.

СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ К СИБИРИ

Мы теперь переходим от одной окраины к другой, северной, представляющей с первой известный параллелизм. Северное месторазвитие полагает росту населения препятствие, ведущее к тому же результату, как и присутствие кочевников в южной степи: крайне слабая населенность. На карте № 51 черта из крестиков показывает *современную* границу сплошного населения. За нею точки по течению рек показывают скудный состав разбросанного населения новгородских колонистов и финских туземцев. Как видим, колонизация севера недалеко ушла от границы Замосковных городов конца XVI столетия. И туземное финское население в восточной части этой границы лучше сохранилось в первоначальной неприкосновенности, нежели мы видели это в центральном междуречьи, и на южных притоках Оки и Волги. С наиболее древними поселениями поморов в западной части мы уже имели дело, — так же, как и с продвижением новгородской колонизации на север до Белого моря и на восток до Двины. Постепенно, двигаясь на восток, новгородская колонизация меняла свой характер. Собственно поморы оставались рыболовами по преимуществу, какими были на германском поморье. Но, поднимаясь вверх по рекам, помор находил другое богатство, лесного зверя; оно выручало запасом пищи на зиму в случае неудачи весеннего улова. И рыболов становился охотником, иногда совмещая оба вида промыслов. Однако в лесах охотники находили конкурентов более опасных, нежели лопари и самоеды, для рыбной ловли: здесь до них кормилось от леса финское население, отмечавшее лесные "пути", и пчел, и "бровые гоны" своими знаками собственности. Начиналась борьба, и бродячее финское население снималось с места и уходило дальше на восток. Однако за Двиной положение переменялось: явился на свет третий тип новгородца-промышленника: пират — ушкуйник, который шел в лес не за пищей, а за дорогим пушным товаром. На этот товар был спрос издалека: мы видели скандинавов-русь волжского "каганата", торговавших мехами с Булгаром и с Итилем. На смену "руси", ушедшей с середины VIII в. с Волги на Днепр, появилось "готское заморье" и Ганза, торговавшие мехами через Новгород. И овладение лесными угодьями приняло характер завоевания инородцев и взимания с них "дани" — "ясака" мехами. И тотчас же в соперничество с новгородской властью вступил частный промышленник, а обоих заменили затем пошедшие наперерез им московские князья, начавшие перехватывать "данников новгородских".

Все эти перемены произошли на протяжении XI-XIV вв. Летопись отметила под 1116 г., что уже давно "старые люди ходиша за Югру и за Самоядь". Югра (остяки) жила тогда еще по обе стороны Урала, и новгородские разведчики сталкивались с

нею, поднимаясь по Вычегде и по Выми, по Ижме на Печору. Югра их тут не раз побивала: их неудачи отмечены в летописи под 1032, 1187, 1193 годами. Но в 1187 г. перебиты были на Печоре специальные "югорские данщики", то есть "дань" начала становиться более или менее регулярной формой порабощения Югры. С 1264 г. новгородцы уже вводят "югру" — в договорах с князьями — в число своих "волостей". Но тут уже началось соперничество с суздальскими князьями. Уже в XII в. эти князья стараются с своей стороны перехватить "данников новгородских" на пути из Сухоны в Вычегду. Здесь, при слиянии с Югом, был поставлен укрепленный городок Устюг. Точное время основания Устюга неизвестно: это и соответствует тому, что борьба за овладение этим ключом к Двинской земле продолжалась более столетия. При этом она долго носила местный характер. Началось с того, что в 1323 г. ходившие на Югру новгородцы были ограблены "устюжанами". Новгородцы ответили на это на следующий год походом на Устюг, взяли город "на щит" и заставили "устюжских князей" (инородцев?) заключить мирный договор. Но в 1329 г. эти "князья" опять их перебили. За этим, однако, последовала целая экспедиция, снаряженная в 1342 г. за свой страх богатым новгородским боярином Лукой Варфоломеевым. "Не послушав Новгорода", Варфоломеев "скопил с собой холопов сбоев", ушел за волок на Двину, поставил на скалистом берегу р. Двины городок Орлец и отсюда взял "всю землю Заволочьскую, все погосты на щит". Таким образом он очистил себе дорогу дальше на Урал и на Волгу. Подобно Ермаку, которого напоминает его самовольный поход, Варфоломеев погиб. Но сын его Анцифер уже "отходил на Волгу", а в Орлеце утвердился другой предприниматель, Анфил Никитин с братьею. В 1360 г. он ходил на Каму и взял у жукотинских мурз, подвластных Золотой орде, их город Жукотин. Эти частные предприятия были наконец прекращены вмешательством новгородской власти. В 1389 г. новгородцы, после долгой осады, взяли "твердый и толстый" Орлец, "разграбоша" его, а Никитиных в цепях отвезли в Новгород, где одного из них казнили. Очевидно, в этой связи двиняне решили перейти в подданство Москве и в 1398 г. получили от вел. кн. Василия уставную грамоту. Но новгородцы не сдавались; в 1393, 1398, 1417 годах они ходили на Устюг войной и жестоко его пограбили. Великокняжеского наместника, кн. Ростовского, они осадили в Орлеце, взяли крепость и вернули себе Двинскую землю. С тех пор и до покорения Новгорода в 1471 г. Двина и поморье оставались, по крайней мере формально, во власти новгородцев и управлялись новгородскими посадниками и сотскими. Как видно из двинских грамот, изданных А.А.Шахматовым (всего 81), течение Двины было в XV веке уже сплошь заселено русским населением частных землевладельцев, говорившим на нескольких говорах северо-великорусского наречия и разделяв-

шимся на социальные группы: бояр, житых и черных людей, купцов и монастырских людей. Иностранческое влияние (карельское и лопское) почти уже не чувствуется; сохранилась лишь финская топографическая номенклатура и несколько личных имен. Таким образом, земледельческая колонизация Двинского края уже закончена, и густота населения едва ли многим отличается от местной современной: об этом свидетельствует и обилие церквей и монастырей. Лесное богатство отразилось на способе расплаты: куница "с шерстью" стоит 25 "белок"; сотня (а также двести) белок идет за серебряный рубль.

ТУЗЕМЦЫ В "ЗАВОЛОЧЬЕ"

Как только, однако, мы выходим за пределы Двинской земли в "Заволочье", характер населения сразу меняется. Дальнейшая колонизация идет среди туземного финского населения и выражается, прежде всего, в эксплуатации его пушных богатств. Туземцы реагируют по-разному: чем сильнее их внутренняя организация, тем упорнее их сопротивление. Везде в этих случаях мы можем наблюдать тюрко-татарское влияние; вместе с ним появляются, как и на юг от Волги, местные "князья", "мурзы" и "царевичи". И именно эта часть населения, в случае неудач в борьбе, предпочитает сниматься с мест и уходить дальше на восток, к Уралу и за Урал. Так исчезает с территории европейской России древняя Югра (остяки). Остаются на месте более мирные племена, продолжающие жить в более примитивном родовом быте. Об их большой примитивности свидетельствует и их меньшая этнографическая расчлененность. Зыряне (коми), пермяки и вотяки говорят на очень близких языках и мало отличаются особенностями быта. Зыряне, как видно на карте № 51, рассеяны за пределами сплошного населения. В настоящее время они образуют обширную "автономную" область под именем Коми, занимая весь бассейн Печоры до самого океана. Вотяки, самые южные из трех, составляют другую автономную область, "Вотскую", между низовьями Камы и верховьями Вятки. Пермяки, в небольшом количестве, в верховьях Камы, просто причислены к Вятской губернии. Посредницей к сближению пермского края с Зауральем на этот раз явилась Москва. Потерпев неудачу в борьбе с новгородцами за Устюг, она выбрала другой способ колонизации северо-востока — распространение христианства.

ПОСРЕДНИЧЕСТВО СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Пионером на этом пути был Стефан Пермский. Сам уроженец Устюга, Стефан посвятил себя проповеди среди зырян. Он перевел для них служебные книги и научил своих попов "писать пермские книги", служить и петь "пермским языком". Он

встретил сильное сопротивление среди местных шаманов. "Как слушать пришлеца из Москвы, которая угнетает нас податями, — говорили противники. — Как верить неизвестному молодому проповеднику, когда наши старики учили нас другому". Опираясь на великокняжескую охранную грамоту, Стефан действовал смело. Он сжег языческое мольбище и основал на его месте "владычен город Усть-Вымской", центр пермской епархии, и сам был посвящен в Москве в епископы (1383). Он заключил мир с "новгородцами-ушкуйниками, разбойниками", а в голодное время доставал населению хлеб из Москвы и Новгорода. Очевидно, с религиозной деятельностью Стефан соединил и государственную. "На Выми, на Вычегде и на всей Вычегодской земле" пермский владыка приобрел деревни, пустоши и всякие угодья. В г. Усть-Вымском не только хоронились его преемники, но и стояли "места владычных крестьян". Вымские "князья" (очевидно, крещеные туземцы, носившие христианские имена Петра и Федора) находились под протекторатом владыки и защищали крещеное население от "иноязычников", остяков и вогуличей. Влияние Пермского епископа распространилось через них за Урал — на югорские и вогульские племена по течению Оби, на воинственных пелымских вогуличей и на "всю землю Кодскую и Югорскую". Сто лет спустя после водворения Стефана, при его преемнике, вымские и кодские князья заключили в 1485 г. под Усть-Вымском договор "на том, что им лиха не смыслити, ни силы не чинити над пермскими людьми, а великому князю правити (то есть служить по правде) во всем". Так, пермский епископ явился форменным посредником между Москвой и зауральскими владельцами. Он дает им пропуск в Москву, помогает им освободить родичей из московского плена. Путь за "Камень" проторен, таким образом, для собственных походов Москвы.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ЗА УРАЛ

Уже в 1465 г. мы узнаем о таком походе с участием (очевидно, крещеного) "вымского князя Василия с вымичами". За этим последовал более известный поход в 1499 г. "в югорскую землю, на Куду и на вогуличи" уже под командой московских воевод Курбского и Ушатого. Его большие размеры сами по себе показывают, что военная организация крайнего северо-востока за последнее тридцатилетие XV в. сделала большие успехи. В войске было около 4.000 человек и оно состояло из "двинян, пинежан, важан, устюжан и вымичей". "Князья" тут не упоминаются, но эти городские отряды едва ли состояли из одних русских людей.

И для местных жителей, однако же, зимний путь через "Камень" на собаках и оленях оказался в таком количестве нелегко. Этот "черезкаменный" путь, Печорой и Сосью (см. на

карте № 52 под № 1), конечно, не мог служить исходной точкой колонизации Сибири. Его потом описывали, как "дорогу, нежилую людьми, пустое место" Она проходила "тесными речками", по которым можно было передвигаться лишь на "худых лодченках", перетаскивая с трудом поклажу через волоки и рискуя на перевалах натолкнуться на засаду "самояди" и потерять не только "все соболи и бобры", но и собственные "животишки", и "мягкую рухлядь и деньги", да и самым быть убитыми "из луков". Гораздо легче и удобнее были более южные пути на восток и на юго-восток, исходным пунктом которых была Кама с левыми притоками. Пока существовали болгарское царство, слишком сильное для возникшей русской власти, и заменившие его вассальные ордынские царства, совладать с которыми удалось только царской Москве, — эти пути были недоступны. Раньше середины XVI века стал доступен лишь наиболее северный из них (N 2): от Соли Камской (С), через Чердынь (Ч), притоком Камы Вишерой, на которой она стояла, затем Лозьевой поюсторонней на Лозьеву потустороннюю, вниз по Тавде до Тобола и Иртыша. Этот путь был удобен и тем, что не разрывал с прежним, соединяясь с ним Вычегдой и Печорой. Путь через Чердынь открылся уже в 1472 г., когда покорена была Пермь. В 1483 г. этим путем ходили московские воеводы против пельмских вогуличей на Тавду. Они дошли даже до "Сибирской земли", спустились вниз по Иртышу, "воюючи, и князей югорских повоевали". Так, столетием раньше, они уже наметили путь Ермака. Навстречу им из "Сибирской земли" по Чусовой приходили отвоевывать вновь занимаемые Москвой приуральские земли сибирские "князья". Еще сто лет спустя, в 1573 г., пришел с Тобола на Чусовую царевич Махмет Кул "дорогу проведати" в Пермь; а в 1580 г. пельмский мурза Бекбелей Агтаев разорил русские поселки на этих реках. Одно время жившие по Чусовой остяки подчинялись сибирским ханам. И со стороны Казани по бассейну Чусовой шла встречная татарская колонизация. Несмотря на это, пермичи посылали и в первой половине XVI в., за свой собственный риск, "к волоку тюменскому, и в вогуличи, и в Сыгву своих людей с пермским со всяким товаром торговати". Однако небезопасность пути подтвердилась тем, что в 1572 г. 87 человек русских торговых людей были побиты инородцами около Строгановских городков, а в следующем году Махмет-Кул убил московского посла Чебукова возле тех же Строгановских городков.

ОТ ПОХОДОВ К ТОРГОВЛЕ

Только что приведенные факты показывают, что, вместо московских "воевод", дальнейшее продвижение за Урал взяли на себя со второй половины XVI в. "торговые люди". Частная предприимчивость получила тут сильный толчок, благодаря

совпадению двух обстоятельств. В 1552 г. была взята Казань, а в 1553 г. англичане "открыли" морской путь в устья Двины, где еще не было тогда Архангельска. Дорогой пушной товар сразу поднялся в цене ввиду появления вновь заморского спроса. Местные люди первые оценили это и, рискуя неустановившимися отношениями с "князьями" и "мурзами", подведомственными сибирским ханам, они "принялись всяким товаром торговать".

КОЛОНИЗАЦИЯ СТРОГАНОВЫХ

На пути этих столкновений и появились только что упомянутые "Строгановские городки". Еще в 1558 г. сольвычегодские промышленники Строгановы, уже раскинувшие свои соляные промыслы на камское Усолье, спросили у Москвы разрешения занимать новые "пустые места", — где были, по их описанию, лишь "леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые". Правительство стало покровительствовать начаткам этой колонизации. Аника Строганов и его сыновья получили право "называть" в свои вотчины людей "неписьменных и неотяглых", освобождая их от казенных податей на 10-20 лет, с правом суда над ними и беспошлинной покупки товаров, — "которые люди приедут с деньгами или с товаром, соли или рыбы купити или иного товару". Новые вотчинники использовали разрешение и принялись "называть пашенных гулящих людей и дворы строить, и пашню распахивать, и пожни расчищать, и в реках и озерах рыбу ловити ... и варницы ставить, и соль варити". Места были, однако, не совсем "пустые"; строгановские поселенцы оказались в непосредственном соседстве с остяцкими, вогульскими и черемисскими "юртами" и "улусами". И они "великим насильством" сгоняли их "со старых их, искони вечных вотчин"; на их месте они строили свои деревни, помещали "жильцов" и отнимали у инородцев "и медвенча их ужожаи, и бобровые гоны, и рыбные ловли, с чего они ясак платили". С своей стороны, и инородцы не оставались пассивными: они производили набеги и выжигали слободки и деревни, а "крестьян с женами и с детьми в полон имали", варницы и мельницы разоряли, лошадей и коров отгоняли, выходить из острогов крестьянам не давали, не допуская "пашни пахать и дров сечи". Нападения туземцев стали систематическими, когда они получили поддержку сибирских ханов. Уже в 1564 г. Григорий Строганов передает тревожный слух, что "хвалится сибирский салтан и шибаны идти в Пермь войной". В 1572 г. Кучум поднимает черемисское восстание. Упомянутое выше нападение Махмет-Кула 1573 г. не дошло до Строгановских слободок всего 5 верст; а набег Агтаева "с вогульским и остяцким собранием" был прямо направлен на Строгановские владения. Нападавшие "окрест живущих села и деревни поплениша и пожгоша, и в поле ... мно-

гих поимаша". В 1581 г. вогульский пелымский князь снова напал на вотчины Строгановых; "их слободку на Сылве, деревни все выжгли и людей и крестьян побили, жен и детей в полон поимали, и лошади и животные отогнали".

Для защиты своих владений Строгановы получили тогда право строить укрепления, "где бы место было крепко и усторожливо, и на города пушки и пищали учинити, и пушкарей, и пищальников, и воротников ... устроить для бережений от ногайских людей и от иных орд". Так появляются, один за другим, укрепленные "городки" Строгановых по Чусовой. В них разрешено было набирать казаков и стрельцов — охочих людей. Так были отбиты и нападения 1573 и 1581 гг.. Оборона Пермской урины становилась с этих пор официальной "службой" Строгановых. Но те же укрепления послужили для них и опорными пунктами для упомянутых захватов "остяцких и татарских ужожаев" и вотчин "чусовских вогуличей". Наконец, они послужили и плацдармом для дальнейшего продвижения на восток. Уже в 1574 г. разрешено было строгановцам "свои обиды мстити" и, "сбирая охочих людей и остяков, и вогулич, и югрич и самоед с своими наемными казаки и с нарядом своим посылати воевати и в полон сибирцев имати и в дань за нас приводити". Строгановы получили, таким образом, неограниченные полномочия на свои средства организовать войско для завоевательского похода в Сибирь.

IV

ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ

Последний продукт колониционного усилия России — и ее первая колония — Сибирь стоит на границе того и другого. Она связана с европейской Россией связью месторазвития и культуры. И она была и осталась предметом эксплуатации метрополией ее естественных богатств. Дореволюционное административное деление уже установило те естественные пределы, в которых Сибирь вошла в органическую связь с метрополией. Обе стороны Урала были уже тогда соединены в одну Пермскую губернию. Новое административное деление СССР подтвердило это объединение, назвав ближайшую колонизованную в Азии территорию — Уральской областью. Мы сейчас увидим, что очертания этой области почти целиком соответствуют границам прежней Тобольской губернии и нижней части бассейна р. Оби. Мы знаем, что именно эта территория — вплоть до Енисейского бассейна Сибири — может считаться, по своим природным данным, прямым продолжением территории европейской России. Прямое продолжение прошлого составляет и процесс ее колонизации.

ЗНАЧЕНИЕ ПОХОДОВ ЕРМАКА

Походы Ермака в 1581-1584 гг. были непосредственно связаны с упомянутыми выше прецедентами. Они были последним широко задуманным предприятием частной промышленной фирмы и сделались первым решительным шагом правительства к завоеванию и колонизации беспредельных пространств Сибири. Московская власть едва ли предвидела, что здесь создается то "жизненное пространство", которое составит переход Москвы от "царства" к "империи". Переход этот совершался незаметно — как раз на той территории, которая, как мы знаем, являлась непосредственным расширением Европы на Западную Сибирь. Продолжение лесостепи, куда инстинктивно направилось первое крупное наступление, должно было послужить базисом для колонизации оседлого населения, которое органически связывало сибирскую "житницу" с европейской Россией. Горная и степная полосы должны были органически связать Россию с неизмеримыми богатствами сибирских "недр" и послужить рас-

ширенной базой для развития русской промышленности. Но это были отдаленные перспективы; а тайга и тундра уже служили резервуаром драгоценного пушного товара — того товара, который с древнейших времен проникал на торговые рынки древних и новых цивилизованных стран. Со времен Геродота доносились таинственные слухи о далекой стране, где долгие дни сменяются долгими ночами, где неведомые чудовища стерегут в горах золото и меновая торговля производится не менее сказочными туземцами при помощи символических знаков.

В ближайшее время эта именно сторона и послужила главным притяжением для эксплуатации Сибири. Все остальное было делом будущего; хлеб надо было еще ввозить, а золото и другие металлы лежали втуне, нуждаясь в разработке. Драгоценные меха послужили немедленно же предметом наибольшего притяжения для примитивного московского хозяйства. Этот товар ценился тут даже не столько в меру своего непосредственно интереса для царской казны, сколько в качестве выгодного способа для расширения внешней торговли с более культурными странами.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

По своему обычаю, московская власть и тут пошла ощупью, готовя себе, в случае неудачи, своевременное отступление. Это сказалось на двойственном характере предприятия Ермака. "Мстить свои обиды" и "приводить в дань" — таковы были два официальных мотива правительственного разрешения Строгановым в 1574 г. Но ответственность за риск борьбы с "сибирскими ханами" продолжала возлагаться на них. С своей стороны, и Строгановы благоразумно перестраховались. Они рисковали деньгами, взяв на себя все расходы по финансированию предприятия. Но — не без отдачи, если дело удастся. Казаки Ермака обещали им: "Аще Бог управит путь нам, в добыче и здравии имамы быти, заплатим и наградим по возвращении нашем". В ожидании успеха Григорий Строганов снабдил своих ратных людей "всякими заводы и запасы"; "удоволиша их мздою и одеянием разным украсиша, оружием воинским, ... и вожей, ведущих той сибирский путь, и толмачей бусурманского языка им даша". Правительство вначале или действительно не знало об экспедиции, или предусмотрительно игнорировало ее. Ермак был на дурном счету у Москвы и был даже приговорен к "лютой казни" за свои разбои на Волге и Каме. Тогда он и бежал к Строгановым. Затем, экспедиция направлялась на "Сибирское царство", с которым у Москвы отношения были сложные; Едигер, сибирский царь, тотчас по покорении Казани отдался "под высокую руку" Ивана Грозного, начал платить дань и в 1557 г. получил грамоту о подданстве. Но в 1563 г. он был свергнут Кучумом, прекратившим уплату дани и подчинившим себе юг-

ров, остяков и вогуличей, которые считались московскими данниками. Однако в 1571-72 гг. Кучум смирился и возобновил уплату дани. Посланного к нему воеводу Чебукова его племянник, как сказано, побил, и положение стало натянутым. При таком положении захват Ермаком столицы Кучума, Искера (26 октября 1581 г.), и бегство Кучума в Ишимскую степь грозило окончательно испортить отношения Москвы с сибирским ханом. Этим было объяснено в Москве и нападение пелымских вогуличей на Чердынъ (1 сентября 1582 г.). Тогда царь послал Строгановым опальную грамоту, приказав вернуть отряд Ермака "для сберегания пермских земель". "А атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати", — говорилось в грамоте. Тем временем прибыло в Москву посланное Ермаком посольство атамана Кольцо, привезшее первый "ясак" и ходатайство о принятии "Сибири" под высокую царскую руку. Это сразу переменяло политику Москвы. Ермак был пожалован "государевым жалованьем". Однако, для верности, весной 1583 г. поехал из Москвы отряд стрельцов под начальством воеводы кн. Болховского. Строгановым велено было заготовить для отряда струги. Они же должны были проводить в 1592 г. воеводу Траханиотова против Пелымского князя. Ясачный сбор и доставка его в Москву были оставлены на некоторое время в руках Строгановых. Но правительство вяло закрепление края в свои руки. В 1586 г. была построена Тюмень, в 1587 г. Тобольск, в 1592 г. Пелым, Березов, Сургут, в 1598 г. Верхотурье. Эта последняя постройка имела целью закрепить за Москвой более короткую дорогу, сократившую вдвое расстояние от Соликамска до Тюмени ("Бабиновская" дорога). Она шла через реки Косву и Кырье на Туру (на карте № 51 под № 3). Она и осталась до 1763 г. правительственным трактом, заменившим более северный путь через Лозью.

№ 52. От царства к империи

////// Московское княжество до 1340 г.

Царство в конце XVI века

("города"):

I. Замосковныс.

II. Поморские.

III. От Немецкой } украины

IV. От Литовской }

V. Заокские.

VI. Украинские.

VII. Рязанские.

VIII. Северские.

IX. Польские.

X. Низовые.

V. - Вятка. П - Пермь.

≈ 1-5. Горные } пути в
— Морской } Сибирь

III Поход Ермака

○ Города (начальн. буквы)

Граница Тобол. губ.

--- Граница Замосковн. области

---- Границы других делений

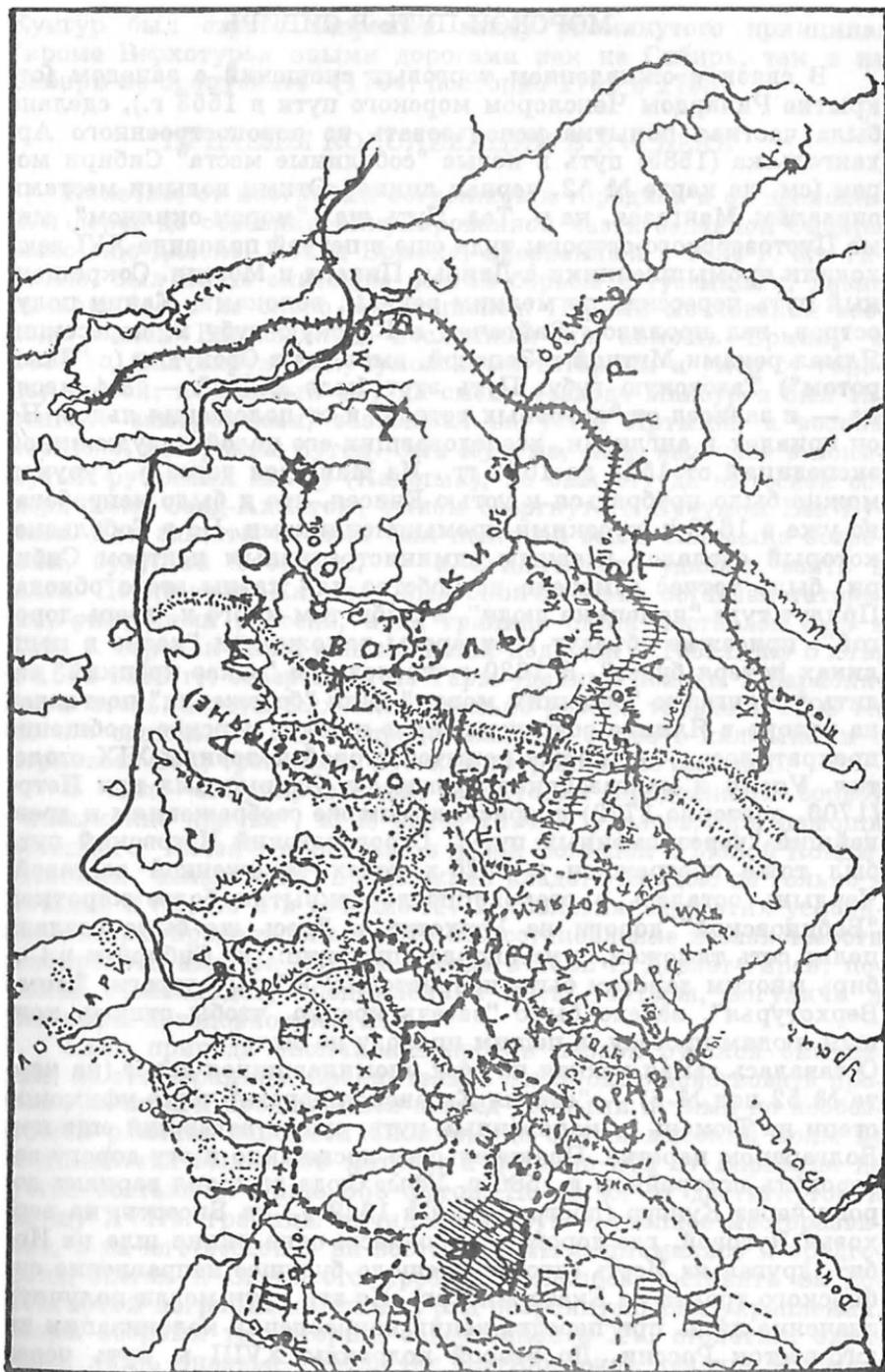
++++ Границы сплошн. населения

||||| Рассеян. насел. по рекам

+++ Граница занятия Сибири

(Тобол. губ.) к XVII веку

МАРИ Древнее } расселение
Современ. } племен

МОРСКОЙ ПУТЬ В СИБИРЬ

В связи с оживлением торговых сношений с западом (открытие Ричардом Ченслором морского пути в 1553 г.), сделана была частная попытка использовать из новопостроенного Архангельска (1585) путь в новые "соболиные места" Сибири морем (см. на карте № 52, черная линия). Этими новыми местами оказалась Мангазея, на р. Таз. Путь шел "морем-окияном", мимо Пустозерского острога; туда еще в первой половине XVI века ходили промышленники с Двины, Пинеги и Мезени. Сокращенный путь пересекал по мелким речкам, волоками, Канин полуостров, вел проливом Вайгачем в Карскую губу и, пересекши Ялмал реками Мутной и Зеленой, выходил в Обскую и (с "Заворотом") Тазовскую губу. Путь этот было долгий — 3-4 месяца — и зависел от "пособных ветров" и от положения льдов. Но он привлек и англичан, исследовавших его целой полудюжиной экспедиций от 1553 до 1625 г.. Из Мангазеи через р. Турухан можно было пробраться к устью Енисея, что и было испробовано уже в 1610 г. русскими промышленниками. Но в Тобольске, который сделался главным административным центром Сибири, было тотчас замечено неудобство для казны этого обхода. Придут туда "немецкие люди", а рыбы там много и "зверь дорогой"; приезжие объедут государевы таможни, и "казне в пошлинах потеря будет". В 1620 г. последовал "заказ крепкий" ездить в Мангазею "большим морем". Для "бережения" поставлен на волоке в Ялмале острожек. Мало-помалу морское сообщение прекратилось — до новых попыток второй половины XIX столетия. Упали и мангазейские промыслы. Закрыт был при Петре (1706, повторно 1722) по фискальным же соображениям и древнейший "черезкаменный путь". Строгановский Чусовский путь был тоже прегражден в 1620-х годах таможенной заставой. Чердынть осталась в стороне после открытия более короткой "Бабиновской" дороги на Верхотурье. Здесь же была создана целая сеть таможен, и установлен принцип: "из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть непристойно". Новые дороги, "мимо Верхотурья", велено было "засечь крепко, чтобы отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было". Оставалась самая южная из всех упоминавшихся дорог (на карте № 52 под № 5) — "старая Казанская дорога" через уфимские степи на Тюмень — караванный путь, существовавший еще при Болгарском царстве. Правительство поспешило и эту дорогу загородить постройкой в 1586 г. Уфы. Сюда выходил вариант дороги через Кунгур (построенный в 1649 г.) на Бисертъ, на верховья Чусовой, где дорога раздвоялась: одна линия шла на Ирбит, другая на Исеть (что предвещало будущее направление сибирского тракта на Екатеринбург). Но эти пути могли получить значение лишь при передвижении направления колонизации на юго-восток России. До второй половины XVIII в. путь через

Кунгур был строго запрещен ввиду упомянутого принципа: "кроме Верхотурья оными дорогами как на Сибирь, так и из Сибири не пропускать" (1704, повторно 1735 и 1758).

ПРЕДЕЛЫ КОЛОНИЗАЦИИ В XVI ВЕКЕ

Конечно, от постройки острожков и городков и от проложени дорог до освоения оккупированной части западной Сибири было еще далеко. Поход Ермака, прерванный в 1584 г. его гибелью, был лишь эпизодом долгой борьбы с туземцами, давно начавшейся и не скоро кончившейся. Первый московский воевода князь Болховский, посланный на помощь Ермаку в 1584 г., был окружен кучумовскими татарами и умер от голода; второй, посланный ему на смену воевода Мансуров был застигнут заморозками, зазимовал на устье Иртыша, а весной вернулся печорским путем. Сын Кучума, Али, вернулся в покинутый русскими Искер (Кашлык), но был оттуда вытеснен соперником, Сеид-Ахметом, сыном свергнутого Кучумом Бек-Булата. Для защиты от него был построен возле Кашлыка острожек, будущий Тобольск, — и Сеид-Ахмета удалось взять в плен. После этого Кашлык был окончательно оставлен татарами, ушедшими в степь, а на границе степи поставлен был в 1594 г. городок Тара, защищавший подходы к Тобольску с юга; в 1595-1596 гг. совершены из Тары удачные походы в Барабинскую степь. Кучум был окончательно разбит только в 1598 г.; но его сыновья и внуки продолжали, в союзе с калмыками с верховьев Оби, тревожить русские пограничные селения.

В тылу оккупированной территории продолжали борьбу "пелымские князья", и не ранее 1594 г. удалось, при помощи остецкого "князя", пробиться в дебри Большой и Малой Конды. Потомки "пелымских" продолжали владеть Кондою не только в течение XVII, но и в течение XVIII столетия. При этих условиях, татары продолжали верить в восстановление независимости Сибирского царства Кучума. Когда в 1662 г. Девлет-Гирей, потомок шейбанидов, "поднялся на Русь", татары, вогуличи и башкиры поголовно восстали.

Сама природа ополчилась против первой русской оккупации на этой границе. Сравнительно легко было действовать против туземцев и продвигаться вперед речными путями по необозримой равнине западной Сибири, где самый высокий холм не поднимается выше 150 метров, а падение Оби от Барнаула до устья составляет лишь 358 футов. Но на юг от достигнутой к концу XVI в. границы начиналось другое, степное месторазвитие, а на юго-восток и на восток холмы поднимались к предгорьям Алтая и Саянского хребта. Пришлось поставить на достигнутой пограничной линии ряд оборонительных укреплений. Меры обороны территории, завоеванной в XVI столетии, охраняли лишь низовья Тобола (от Ялуторовска), течение Иртыша

ниже Тары и течение Оби ниже Сургута (1594). В самом конце века присоединился Нарым (1598), где добровольно передался суштинский князь, ходатайствовавший о постройке на его земле Томского городка (1604). Крайним усилием была постройка в верховье р. Томи Кузнецкого острога, и затем на целое столетие дальнейшее продвижение остановилось перед напором монголов и подчиненных им приенисейских киргизов со стороны степи.

ПЕРВЫЕ МЕРЫ ЗАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

В описанной обстановке московское правительство, конечно, не могло думать о колонизации Сибири. Оно принуждено было заниматься ее *завоеванием* и *усмирением* туземных племен, упорно защищавших свою независимость. Единственный *положительный* мотив, руководивший правительством, сводился к обогащению царской казны "ясаком", соболями, горностаями и белками. Помимо этого, сразу очертилась лишь роль Сибири, как места ссылки: первыми ссыльными оказались в 1593 г. невольные свидетели убийства царевича в Угличе, вместе с колоколом, который некстати возвестил набатом народу о преступлении. Однако же, в тех же целях защиты и дальнейшего наступления пришлось прибегнуть и к невольной колонизации. В городках и около них нужно было, сверх гарнизонов, селить и "посадских людей", отправлявших разные "государевы службы": при ясачной казне, при таможене, при казенных зданиях, банях, тюрьмах, кабаках и т.д. До 1620-х годов эти люди зато были освобождены от всяких податей. Но, кроме того, надо было и кормить служилых людей. Вначале приходилось посылать хлеб вместе с военными запасами из России; но вскоре, как это было и при колонизации юга России, была заведена "государева пашня". Для ее обработки стали переводить в Сибирь из "поморских" городов "пашенных крестьян". Им давались льготы в платежах и помощь на первоначальное обзаведение. Вот пример этого рода ранних забот о переселенцах. По царскому наказу, каждого из 30 семей "хлебопашенного" переселенца (из Сольвычегодска) велено было снабдить "по три мерина добрых, по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по два гуся, да по пятку куров, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь". Появились, однако, рядом с такими хорошо обслуженными переселенцами и вольные "гулящие люди", беглые крестьяне и холопы. Со второй четверти XVII в., ввиду явного недостатка пашни и вследствие постоянных голодовок, было даже разрешено принимать беглых — под условием хлебного оброка в казну. Но их скоро сгоняли с места налагаемые на них всевозможные дополнительные повинности: постройка казенных зданий, рубка леса, починка дорог и под-

водная повинность, сплав казенного хлеба и т.д. Как и в России, они снимались с мест и самовольно шли дальше, в не тронутую еще восточную, за-енисейскую Сибирь.

Нужно отметить еще одну черту первоначального заселения западной Сибири. Поселенцы приходили без женщин и брали себе жен у туземцев. В грамоте патриарха Филарета 1622 г. указано, между прочим, что наряду с "краденными из России девицами", которых воеводы "продают из корысти в замужество", подвижное население "живет с некрещенными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывает их на срок и, не имея чем выкупить, женится на других". Эти "басурманские" браки, не противоречившие языческим обычаям туземцев, очевидно, послужили началом для возникновения нового антропологического типа сибиряков — или, быть может, продолжением процесса смешения, начавшегося в до-уральской России.

Все процессы, наметившиеся для освоения колонистами западной Сибири, понятно, находились в самом зачатке. Занятие западной Сибири сохраняло характер военной экспедиции. Этим, в связи с трудностью контроля на месте над посланными туда властями, сразу определилось и то грабительское отношение к туземному населению, которое надолго осталось одной из главных язв сибирской колонизации. Уже в 1601 г. предписывалось сибирскому воеводе "ясак, соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и белки, и горностаи собирать по ясачным книгам сполна ... и корысти себе ни в чем не чинити, лучших соболей (и т.д.) себе не имати". Между прочим, хищническая эксплуатация пушных богатств вопреки собственным интересам вела здесь, как и по европейскую сторону Урала, к скорому истощению звериного запаса. За лучшими сортами приходилось идти все дальше и дальше на восток.

СТАТИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ЗА ТРИ СРОКА

Сколько же русского населения дала Сибири эта первая фаза колонизации? Никакой статистики, конечно, не велось; но по приблизительному расчету Словцов считает русское население Сибири (почти исключительно западной) к началу 1622 г. в 15 тысяч человек. Почти половина этой цифры, 6.500, приходилась на казаков "с новокрещенными", да около 6 тысяч было "посадских", считая тут промышленников и ремесленников. Остальные 2,5 тысячи приходились — по тысяче на ямщиков и на всякого рода прислугу и около половины тысячи на духовенство, белое и черное. С этими ничтожными цифрами Сибирь вступала в русский период своей истории.

За следующее сорокалетие, после только что приведенных цифр русского населения в Сибири на 1622 г., население это

пропорционально увеличилось значительно: с 15.000 до 73.000, то есть почти в пять раз.

Но абсолютно оно оставалось незначительным. Одна фраза Словцова дает характеристику сразу получающегося впечатления: "70 тысяч русских жителей обитало на площади в 4.500.000 верст, по которой разъезжали 288 тысяч туземцев на оленях, собаках, лошадях и верблюдах". Нужно только прибавить, что это население распределялось по территории далеко неравномерно. Большая часть продолжала селиться на равнине западной Сибири, то есть в пределах Тобольской губернии. Дальше, как увидим потом, шли только завоеватели и промышленники.

Сопоставление цифр с 1662 г. (для 1622 г. они гадательны, но скорее в сторону преувеличения) дает следующую картину (мы присоединяем цифры и на 1709 г.; в скобках — цифры женского пола):

	1622	1662	1709 ¹	
I				
Чиновники (высшие и средние)	200	1.600	1.906	(957)
Воинские люди (казаки)	6.500	14.000	17.375	(8.169)
Духовенство	350	1.600	2.550	(1.200)
Служители	1.000	3.000	4.781	(2.308)
Ямщики	1.000	3.000	4.781	(2.390)
II				
Посадские (торговопромышленные люди)	6.000	8.000	10.040	(4.939)
Крестьяне	?	34.500	51.281	(25.640)
Ссылные	?	7.400	10.218	(5.108)
III				
<i>Переведенцы 1622-1709 гг.</i>				
Крестьяне	?	?	30.000	(15.000)
Ссылные	?	?	19.856	(8.728)
	15.050	73.100	152.788	(74.439)

Повторяю, цифра прироста населения за первый период (40 лет) очень значительна — почти в пять раз. Большая часть этого прироста состоит из казаков, крестьян, ссыльных. За второй период (47 лет) растут главным образом те же элементы, но впервые, не считая "переведенных" и "по вызову", упоминаются 28 тысяч (из 30), "новопришедшие по своей воле". Видимо,

¹ Я не знаю, как составлена эта таблица 1709 г. Цифра *всех* разрядов населения Сибирской губ., вместе с приписными шестью городами европ. России, за 1710 г. составляет 271.858 м.п. и 269.297 ж.п. (ср. мое "Государственное хозяйство", с. 200-201, прим. 4. Там же указано разногласие с таблицей Словцова).

это — результат побегов от тягот, наложенных на русское население петровскими реформами. Возрастание остальных элементов за вторые полвека незначительно; общий итог дает прирост немногим больше, чем вдвое. Женский пол введен в перепись 1709 г. впервые; женщины и в начале XVIII в. — все еще вдвое менее, чем мужчины. Почти вчетверо (до 40 тыс. с 7.400) возросло количество ссыльных. Административный аппарат почти не вырос, гарнизоны — всего на треть, духовенство, "служители" и ямщики — в полтора раза.

ЦЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА — ЭКСПЛУАТАЦИЯ ПУШНИНЫ

Как видно из уже сообщенных данных, правительство в XVII в. не ставило целью заселение Сибири русскими колонистами. Незначительное количество сибирского административного персонала в большинстве своем не селилось на постоянное жительство, как и их "служители". "Казачи", составлявшие военную силу и гарантировавшие подчинение туземцев и правильное поступление ясака, тоже перемещались по мере надобности. К земле правительство старалось прикрепить "пашенных" крестьян, чтобы иметь на месте хлеб для своих служащих. Но достигало оно этого далеко не в полной мере. Крестьяне убегали на другие места. Хлеб приходилось посылать из России до конца XVII столетия; этот сбор был отменен только в середине 80-х годов. Денежные доходы в Сибири были незначительны и тратились на содержание служилых. Таким образом, интерес к сибирским доходам, для которого и приходилось содержать всю эту несложную машину, сосредоточивался на хищнической эксплуатации продуктов охоты и рыбных ловель. Чтобы не было этого рода утери, правительство унимало воевод и казаков от грабежей пушнины, ставило заставы на главных путях, пыталось охранять туземцев от безудержного произвола служилых людей, положивших начало обеднению и вымиранию населения. И все же, доход от мехов, доходивших до Сибирского приказа, был не так значителен, как утверждал, "по памяти", Котошихин. Известны цифры поступлений: мехов было принято в 1635 г. на 63 тысячи, в 1640 г. — на 82, в 1644 г. — на 102 тысячи. Быстрый рост ясака именно за эти годы объясняется присоединением нового сбора с Ленских и Якутских инородцев (в 1638-48 гг. с 10,7 тысячи до 27 тысяч). В 1680 г. сбор стоял на той же цифре, как и в 1644 г. — 102 тысячи. В общей сумме государственного дохода середины века это составляло, по вероятной цифре Котошихина, тринадцатую часть.

Однако, помимо правительственных мероприятий, шла уже — и усиливалась к концу века — вольная и невольная русская колонизация: беглые крестьяне и ссыльные. Этим двум

элементам и суждено было послужить основой дальнейшего колонизационного процесса. Но пока удалось сколько-нибудь упорядочить его и ввести в определенные рамки, прошло несколько столетий. Ближайшей задачей власти, которую необходимо было разрешить немедленно, чтобы обеспечить безопасность населения на приобретенной территории, была организация защиты этой территории. Линия, ограничившая на юге и юго-востоке эту территорию, не случайно остановилась на верховьях великих рек, стекавших с горных хребтов в Ледовитый океан. За водоразделом начинались поселения кочевников и полукочевников, с которыми труднее было справиться, нежели с слабо организованными, полудикими племенами северных лесов и тундр. И прежде, чем перейти в дальнейшее наступление, нужно было огородиться от встречных нападений этих кочевников.

МЕРЫ ПРОТИВ КОЧЕВНИКОВ

Императорское правительство XVIII в. приняло для этого те же меры, какие принимала Москва с середины XVI в.. Оно приступило к устройству целой системы укреплений и оборонительных линий на границе. К концу первой половины XVIII в. заканчивается, почти по линии теперешней Сибирской железнодорожной магистрали, укрепленная линия от Челябинска через Омск до Каинска, спускаясь оттуда вверх по Оби до Бийска. Таким образом, были охвачены "татары" старого Сибирского царства и край огражден от киргизских набегов. В начале второй половины XVIII в., пользуясь переходом малой и средней Киргиз-Кайсакских орд в русское подданство (1732-34, см. ниже), правительство продвинуло укрепленную линию и к самым степям, протянув ее вверх по Иртышу, где уже существовали крепости со второй половины XVII в., вплоть до Семипалатинска и Усть-Каменогорска, откуда линия заворачивала на Обь, к Бийску и Кузнецку. Конечно, зависимость киргизов долго оставалась номинальной (см. ниже).

Укреплять дальше границы в глубоких теснинах верховьев Иртыша, Оби и Енисея было много труднее, нежели в между-речных равнинах западной Сибири. Но в этом и не было такой надобности. Во-первых, трудно проходимые горы сами составляли надежную границу, как убедились в этом несколько посланных экспедиций; и, во-вторых, имелась возможность дальнейшего постепенного продвижения. Очевидно, поэтому Сибирскому губернатору была дана 17 октября 1760 г. общая директива: "реки, вливающиеся в Студеное море, изстари принадлежали России с их вершинами; а если и живали посторонние орды на землях, теми реками омываемых, то всегда подразумевалось дозволение, ими испрошенное у Сибирского начальства — и до тех пор только, пока государственная надобность не востребует их на собственное хозяйство". Провести эту "истинно им-

перскую" директиву было нелегко без ряда серьезных столкновений с соседними народами и государствами; поэтому и установление границ в этой части Сибири относится к более позднему времени.

Горделивые претензии власти XVIII в. далеко превосходили имевшиеся в ее распоряжении возможности. Нельзя сказать, что колонизация Сибири в собственном смысле вовсе не входила в ее намерения. Напротив, ряд мер в этом направлении был все-таки принят. Но они натолкнулись на препятствия, для того времени неодолимые.

Впрочем, в первую половину XVIII в. о систематических переселениях не думали. Практические задачи центрального правительства по отношению к Сибири сводились к двум: укрепить не только сооружениями, но и людьми, оборонительные линии на границе Тобольской губернии и снабдить рабочими ("приписными") горные заводы, которые уже начали открываться в Алтае и Нерчинске. Для первой цели иррегулярные казачьи отряды были преобразованы, в 1740 г., в линейные войска. Но тут не требовалось особенно большого количества. К 1808 г. линейное казачье войско составляли 6.117 человек. Вторая задача была сложнее. Было недостаточно "приписать" рабочих в заводское рабство; надо было еще позаботиться о их прокормлении, то есть расширить правительственные запашки, до тех пор обслуживавшие только административный персонал. В 1768 г. числилось в Колывано-Воскресенских заводах подзаводских крестьян 39.246, а в Нерчинских — 10.500. По четвертой ревизии (1781-83) всех приписных числилось уже больше 67.000. Чтобы собрать такое количество, правительство прибегло к эксплуатации ссыльных.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ССЫЛКИ

В качестве меры наказания за особо важные преступления, ссылка окончательно введена Уложением 1649 г.; затем ее применение распространено на ряд других деяний, менее важных; она применялась и в виде милости, вместо смертной казни. В Сибири ссыльные появляются, как мы видели, уже по переписи 1662 г., а к 1709 г. их число достигает почти 11 тысяч. Мысль об использовании рабочей силы преступника *после* его наказания (кнутом и увечьями ушей, носа, ноздрей) была проведена в том же Уложении, — и, соответственно этому, наказанный как бы поступал на "службу". Так и говорилось в Уложении: "сослать в службу, в какую пригодится": — в служилые люди, в посад, на пашню. В Сибири ссыльный чувствовал себя вольным человеком; с ним приходилось считаться и на его новые нарушения закона и порядка смотрели сквозь пальцы. Петровская реформа изменила это положение в том отношении, что сделала труд ссыльного принудительным. Рядом с понятием "ссылки",

образовалось понятие "каторги". Первоначальное значение этого термина: гребное судно. В Азове, в Рогервике, при постройке Петербурга применялась "каторжная" работа. Указы императрицы Елизаветы об отмене смертной казни установили понятие "вечной ссылки", которую, однако, велено "почитать за наказание, а не за политическую смерть". Одновременно выработалось и понятие о ссылке "на поселение". Все это было сравнительно невинно — вплоть до знаменитого указа 1760 г., которым ссылка отдавалась в распоряжение помещиков. Смысл этого указа виден из самого его заглавия: "О приеме в Сибирь на поселение помещичьих, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут, и о платеже из казны за жен и детей тех отправляемых крестьян". Колонизационная цель этого закона очевидна, и в значительной степени она была достигнута. Но — какой ценой? Для крестьян это была высшая точка их бесправия; для помещиков — удобный способ заменить поставку здоровых рекрут крестьянами, неспособными к работе и к военной службе. Больные, увечные, старые в огромном количестве не выносили переселения и умирали в дороге. По официальному донесению 1771 г., например, "из отправленных из Москвы и Калуги поселщиков, едва четвертая часть доходит, к тому же и эти дошедшие до места — все в тяжких болезнях". Подобным человеческим материалом правительство неоднократно пыталось заселить наиболее отдаленные и неудобные места, как, например, Охотства, Барабинскую степь, Забайкалье. Поселенцы бедствовали, разбегались, вымирали. Приходилось от этого рода попыток отказаться.

К сожалению, мы не имеем достаточно детальных цифр, чтобы уяснить рост населения Сибири в следующие полвека после 1709 г. Для 1768 г. (исходя из цифр третьей ревизии) Слоцов находит цифру 267.000 податных мужского пола; тут включается и население Уральских заводов. Прибавляя к этому числу 39.246 колыванских подзаводских и 10.500 нерчинских, получается 316.746 "работящей населенности". Присоединяя сюда еще до 6.000 жителей "свободного состояния" (духовных, гражданских служащих и отставных военных и казаков), не считая служащих казаков и строевого войска и казаков (ср. его таблицу 1709 г.), Слоцов получает 322.746, "что и составит, кроме войска и казаков, мужскую (русскую) населенность тогдашней Сибири". Вычитая для сравнения из его таблицы 1709 г. "воинских людей" (17.375), получаем 142.513 м.п. — цифра населения для 1709 г., которую можно предположительно сравнить с его же цифрой 322.746 м.п., вычисленной для третьей ревизии. За полвека, 1709-62 гг., это несколько более, чем вдвое, то есть темп прироста остается тот же, как за 1662-1709 годы.

Четвертая ревизия 1782 г. была тщательнее проведена и лучше разработана. Но она дает для населения Сибири цифру,

которую трудно сопоставить с предыдущими. В *пяти* губерниях нового деления — Пермской, Уфимской, Колыванской, Тобольской и Иркутской было насчитано податных 1.215.000 человек (не считая групп, не записанных в ревизию). По-видимому, отсюда надо вычесть "ясачных", численность которых была впервые определена в 132.000. Остается 1.081.000. Тут, очевидно, сосчитаны оба пола, — путем ли простого умножения вдвое, или путем действительной регистрации, мы не знаем. Разделив пополам, получим 541.500 мужского пола (минимум). За двадцать лет увеличение в 1,6 раза. Это — не только Сибирь, но и соседние части европейской России, плотнее населенные. Но выделить их часть — невозможно. В XIX век "Азиатская Россия" переходит в невероятной цифре (5-ой переписи 1796 г.) — 3.763.000 обоего пола, то есть 1.881.500 м.п. Сравнить ее, без точного анализа, с цифрой 4-ой переписи я не берусь.

Как бы то ни было, значительный и непрерывный прирост населения в XVIII в. несомненен. Одним притоком ссыльных он объясняться не может. Указ 1760 г., очевидно, дал очень сильный толчок переселению. Но кроме него мы должны предположить очень значительный приток беглых.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВЫ

Овладеть этим движением правительство, при хаосе сибирского управления и при водворившихся там нравах, не имело возможности. Задачи администрации XVII в. были элементарнее: не столько управлять, сколько завоевывать. Военные столкновения и походы теперь локализовались, но привычки остались. Высшие власти считали себя бесконтрольными — они привлекались к ответственности только в совершенно исключительных случаях произвола и злоупотреблений, — особенно, если они задевали финансовые интересы государства. Все-таки, три представителя сибирской высшей власти были казнены: кн. Гагарин, Сибирский губернатор, в 1721 г.; Иркутский воевода Ракитин в 1723 г.; Иркутский вице-губернатор Жолобов в 1736 г.. Указы о "нечинении обид ясачным людям" сыпались десятками, — но не исполнялись. Следователи, как некий Крылов в 1738 г., сами применяли пытки, плети и кнут, грабили и "творили" (в Иркутске) "неслыханно безнравственные пакости". Уже в 1803 г. отличился сенатор Селифонтов, окруженный "комитетом грабителей", или еще Трескин, "злой гений" Пестеля.

Служилые люди подвергались прижиму и эксплуатации воевод, и в свою очередь прижимали и грабили своих подчиненных, которые уже с лихвой выжимали доходы с "ясачных людей", отнимая или покупая за бесценок дорогие меха, доводя туземцев до голодания и заразных эпидемий, спаивая водкой и полагая начало их вымиранию. Какие административные типы водились в Сибири даже к концу XVIII столетия (1775), видно

из примера начальника нерчинских заводов Нарышкина, который жил царьком, ел по-лукулловски, ходил в церковь под руки с пляшущими бабами, растрачивал казенные деньги, а когда приходилось платить, являлся с пушками к арендатору заводов и тот выносил ему деньги на серебряном блюде. Этот оригинал, предваривший типы градоправителей города Глупова, и арестован был в походе, который затеял против Иркутского губернатора с войском, набранным из тунгусов и подчиненных ему крестьян. Когда в 1819 г., была назначена, наконец, ревизия Сперанского, пришлось предать суду 48 чиновников, признать замешанными в злоупотреблениях 681 и насчитать 2.847 денежных взысканий. И про эту ревизию Суровцов говорил в 1840 г.: "Сперанский поступил с нами слишком милостиво, нас всех следовало повесить".

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ МЕРЫ XIX СТОЛЕТИЯ

С именем Сперанского и другого крупного государственного деятеля Киселева связывают "начало сибирской истории", относя все сказанное к периоду доисторическому. Но и это — только переходный период, протянувшийся, уже не только вследствие установившихся в Сибири нравов, почти до конца XIX столетия.

Прецедентом является тут характерная история попытки — в военных целях — заселить Забайкалье. Указ 1799 г., рассчитанный на переселение 2.000 поселенцев, с тем, чтобы довести эту цифру до 10.000, определяет точно и источники переселения, и устройство их в крае, и предварительное снабжение инвентарем, скотом и семенами, и податные льготы. Но через пять лет применения указа оказывается: вместо 2.000 поселено в Забайкалье 610 человек; большинство осело по дороге в Тобольской, Томской и Иркутской губерниях — то есть селилось с вольной колонизацией. "Положение 1806 г., считаясь с этим, уже расширяет рамки переселения. Впервые разрешено вольным поселенцам из государственных крестьян из малоземельных внутренних губерний селиться в Томской губернии, а местным властям предоставлена самостоятельность — распределять их по занятиям и предоставить льготы. На начале добровольности был построен и план Сперанского, положенный в основу знаменитого указа 1822 г. Однако, перед выселением добровольцы должны были отчитаться в недоимках и получить "увольнение" от общин. На места поселения предлагалось предварительно посылать ходоков для приискания удобных земель. Это оказалось не так легко. Надо было отмежевывать новоселам свободные участки. Но все межевое дело было в зародыше. Генерал-губернатор Западной Сибири должен был ответить на распоряжение 1823 и 1828 гг., что "при всем пространстве Сибири нет возможности с достоверностью указать таких участков, на

которых можно было бы без предварительного осмотра оных поселить крестьян". Оставалось новожилам или "приселиться" к старожилам, или селиться, где попало.

В смысле упорядочения управления "Учреждение" Сперанского 1822 г. оказалось достаточно разработанным, чтобы послужить Сибири до конца столетия; но захватить дело переселения в руки администрации не удалось. Все же в порядке вольного передвижения плюс ссылка, значение которой стало уменьшаться, заселение Сибири пошло быстрее. В 1823-24 гг. в собственной Сибири насчитывалось 1.698.066 человек (очевидно обоего пола), в 1851 г. — 2.680.904, то есть прирост за четверть века был почти 60%. Эти цифры помогают исправить приведенную выше неверную цифру конца XVIII столетия в 3.763.000, — очевидно, преувеличенную. Численность туземцев, однако, продолжала уменьшаться: в Якутской области в 1823 г. их насчитывалось 156.451 ч., в 1835 г. оставалось только 76.022.

Дальнейший шаг к упорядочению колонизации Сибири сделан графом Киселевым, распространившим на Сибирь (1842) свои "Правила о благоустройстве в казенных селениях" созданного им (1838) министерства государственных имуществ. Урегулирован был самый процесс передвижения, находившегося в ужасных условиях прокормления, незнания дорог, безденежья, заболеваний и т.д. Обещано было отведение участков, оборудование и льготы на месте поселения. Ассигновано на все это из казны около 142.000 рублей в год. Число водворенных на этих основаниях переселенцев в 1851-54 гг. составило по Тобольской губернии 44.493 м.п., по Томской около 13.000; в Енисейскую губернию переход "по вызову" начался в 1852 г. и к 1858 г. дал сумму — 5.982 обоего пола. Результат, как видим, все еще незначительный, но зато более прочный.

Общий итог заселения Сибири по 10-й переписи (1856-58), — последней перед освобождением крестьян, — и распределение по губерниям и областям представляется в следующих цифрах (обоего пола):

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ		ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ	
Тобольская губ.	1.017.633	Енисейская губ.	280.013
Томская губ.	687.677	Иркутская губ.	352.513
Семипалатинская область (без киргизов)	219.351	Якутская губ.	214.208
		Забайкалье	362.247
		Приморская область	7.331
	<hr/>		<hr/>
	1.924,661		1.216.312
Всего — 3.140.973 человека обоего пола.			

По всей вероятности, в цифрах Восточной Сибири включены туземцы, что затушевывает разницу населенности между Западной Сибирью и Восточной.

ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Освобождение крепостного крестьянства в 1861 г. должно было дать могущественный толчок вольной колонизации. Крепостного права в Сибири не было, и попытка завести там дворянство успеха не имела. К 19 февраля 1861 г. во всей Сибири было 36 помещиков, владевших населенными имениями, и 70 беспоместных дворян, 2.800 крепостных крестьян и 900 дворовых. При недостаточности наделов, отданных крестьянам на выкуп, малоземелье среди них стало чувствоваться гораздо острее, нежели до освобождения. Но это был прямой расчет их бывших владельцев, желавших сохранить около себя рабочие руки. Чрезвычайно усилился "отход" крестьян на промыслы; и в то же время правительственная политика была направлена к их удержанию на месте — в интересах дворянства. Это совершенно меняло отношение власти к переселению в Сибирь. В 60-х годах был принят ряд мер, чтобы воспрепятствовать переселениям. Переселенцы даже возвращаются из-за Урала, как беглые. Правительство озабочено, как бы не распространились "ложные слухи о новой нарезке земли". Вспоминаются времена Годунова.

Однако остановить вольную колонизацию оказалось невозможным. Приходилось санкционировать задним числом незаконные переселения (1869, 1871, 1876). С переменой царствования (1881 г.) в 80-х годах происходит новая перемена взглядов правительства на переселение. Переселенческий вопрос впервые становится предметом серьезного изучения в особой "Переселенческой Комиссии" 1881 г.. Комиссия — несколько поздно — пришла к выводу, что движение переселенцев отнюдь не случайно, а вызвано стесненным экономическим положением крестьян. "Сведущие люди" из общества, приглашенные комиссией, пошли дальше — и выставили, как общий принцип, "право каждого сельского обывателя на свободный переход на новые места". Но граф Толстой, министр внутренних дел, не принял их проекта. Продолжая относиться к переселениям отрицательно, он настоял у Александра III на передаче дела переселения целиком в руки правительства. С этим, однако, не вполне согласились департаменты сената, признав, что самый факт прироста населения в стране не позволяет "закрывать возможности переселения, как единственного средства к уменьшению крайней густоты населения" и к избежанию "безысходной нищеты" "за недостатком земли". На этом основании и был издан компромиссный закон 1889 г. "о переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли". Сохранившиеся в этом законе административные стеснения тотчас же были обойдены жизнью, и испуганное правительство в 1892 г. вовсе запретило переселения. Но это был как раз голодный год. Толпа переселенцев хлынула в количестве 84 тысяч в 1892 г. и 61 тысячи в 1893 г.

Переселенцы остались без всякой помощи по дороге и на месте, и правительство принуждено было вновь поднять вопрос о них, ввиду возникших в том же году предположений о проведении Сибирской железнодорожной магистрали. Нужно было не только обеспечить рабочих для постройки дороги, но и окружить дорогу населением, которое могло бы поднять ее доходность и окупить громадные правительственные затраты. На содействие заселению и промышленному развитию окружающих местностей образован был фонд в 14 млн. рублей, возросший в 1897 г. до 22 млн. руб. Все пришлось переделывать по-новому. Этим должно было заняться "Переселенческое Управление" при министерстве внутренних дел (1896). Это, собственно, и было настоящее начало широкой переселенческой политики, стремившейся устранить прежние препятствия и серьезно поставить дело заселения Сибири. Нужно, однако, прибавить, что самовольному переселению и эти меры не положили конца. В 1894 г. оно составляло 78% всего движения, в 1895 г. сразу опустилось до 24%, а потом снова стало расти: 36% в 1896 г., 34% в 1897 г. и 44% в 1898 г. Вызван был этот рост вольных переселенцев канцелярской волокитой и другими препятствиями, которые продолжали ставить разрешению переселений на родине и водворению переселенцев в Сибири, с одной стороны, переселенческая администрация, с другой — местные власти.

"МАЛОЗЕМЕЛЬЕ" КАК ПРИЧИНА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Кроме этих отрицательных причин, задерживавших колонизацию даже и после признания правительством ее значения, была могущественная положительная причина, побуждавшая русское крестьянство, составившее главный элемент колонизации, бросать насиженные места в европейской России и искать себе убежища за Уралом, в неведомой стране. Мы говорили до сих пор о "беглых" и "гулящих" людях: это были переселенцы, искавшие по старой традиции воли и избавления от всевозможных государственных тягот. Теперь главной причиной эмиграции сделалась экономическая, сводившаяся к одному слову: "малоземелье". В соответствующей части "Очерков" мы вернемся к ее подробному выяснению, здесь же коснемся ее только по ее связи с заселением Сибири. Конечно, о малоземелье можно говорить, в приложении к России, только относительно, — в связи с социальными, агрономическими и т.п. причинами. Но от чего бы малоземелье ни происходило, русский крестьянин чувствовал его, как реальную причину своих бедствий — и от нее искал спасения. Мы видели, что правительство уже в 30-х годах [прошлого столетия] принуждено было признать малоземелье, как главную причину переселения, с которой пыталось бороться путем колонизации Сибири. Но только после освобож-

дения крестьян малоземелье приобрело то значение, которое повернуло на новый путь всю организацию колонизации и сделало ее необходимой, как важнейшую государственную задачу. Чтобы оценить размеры этой перемены, достаточно сравнить две цифры. За 1886-90 гг. эмиграция, в среднем, составляла 178 на 10.000 естественного прироста населения. В 1896-1900 гг. она составила 972, то есть возросла в $5\frac{1}{2}$ раз.

Мы оценим точнее связь эмиграции в Сибирь с основной причиной — малоземелье — и со связанным с этим общим ухудшением экономического положения, если ознакомимся с тем, из каких частей России направлялся за Урал эмиграционный поток. Точная регистрация переселений с 1885 г. и результаты изучения положения крестьян после освобождения дают возможность сделать это сопоставление. На прилагаемой карте № 53 обведена черной чертой территория России, где крестьянство наиболее пострадало после освобождения — в промежутке от 1861 г. до конца столетия (1900). Надо сказать, что пострадало за этот промежуток *все* крестьянское население России: наделы на каждого члена общины понизились по всей России со 100% до 54,2 %, урожай хлеба и картофеля понизились до 94,9%, количество скота на единицу посевной площади спустилось до 90,7%. В то же время недоимки с 22% просроченных платежей (1871-1886) поднялись до 117%, то есть, приняв первую цифру за 100- до 532%².

Но в полосе, обведенной черной каймой, эти же изменения принимают следующий угрожающий вид (принимая исходные цифры за 100):

	Максимум	Минимум
1. Наделы упали до	51,3%	35,6%
2. Урожай упал до	88,2%	62,3%
3. Количество скота уменьшилось до	83,3%	50,8%
4. Недоимки платежей поднялись с 22% до 172% — 444%	2.015,0%	782,0%
б. Эмиграция выросла с 17,8% на 10.000 прироста до 126,1 — 360,1%, или со 100 до	2.023,0%	708,0%

Теперь посмотрим, из каких местностей идет, главным образом, эмиграционный поток. Цифры приведены в тысячах семей. Две колонки цифр разделены одним важнейшим событи-

² На карте местности, где ухудшение совпадает с этими *средними* числами, выделены черточками с точками между ними. Сюда относятся две северные губернии, Уфимская, Нижегородская, Волынская, Могилевская, Ковенская и Виленская. В остальных частях России состояние крестьянства *улучшилось*, особенно в Московской и Владимирской губ., в Прибалтийских и Причерноморских областях.)

№ 53. Понижение благосостояния крестьянства от 1861 до 1897 г.

ем: первый столбец изображает переселение до открытия Сибирской железной дороги (1887-93), второй — после ее открытия (1895-98).

	1887-1893	1895-1898
1. Черниговская губ.	2,1	67
2. Полтавская губ.	3,5	66
3. Курская губ.	10,0	} 29 — 30
4. Пензенская губ.	2,5	
5. Орловская губ.	1,0	

6. Воронежская губ.		5,5	} 16 — 17
7. Самарская губ.		5,5	
8. Харьковская губ.		2,3	
9. Витебская губ.		3,0	
10. Рязанская	} губ.	3,0	6 — 9
11. Минская			
12. Херсонская			
13. Виленская			
14. Киевская	} губ.	2,0(?)	2,5
15. Гродненская			
16. Калужская			
17. Екатеринославская			
Волинская, Вятская, Пермская, Симбирская, Нижегородская	} губ.		1
Донская обл., Уфимская, Екате- ринославская, Оренбургская	} губ.	0,5	1

Как видим, на первых местах стоят губернии, находящиеся внутри черной каймы. Наиболее пострадавшие, они особенно усиливают эмиграцию после открытия железнодорожного движения по магистрали. Гродненская (15) относится к этой же категории. Три западных губернии (9, 11, 13), участвующие заметным образом в переселении, следуют, очевидно, другому закону. Характерно слабое участие ближайших к Уралу губерний Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской. Здесь, вероятно, поток ушедших за Урал маскируется приходом поселенцев из внутренних губерний: это — проходные места колонизации. Чтобы оценить, в какой степени рост колонизации за последние 15 лет XIX столетия увеличил население Сибири, приведу цифры пришедших в Сибирь переселенцев за 1885-1900 гг., разделив их тоже на две колонки, *до* и *после* открытия железнодорожного движения:

1885-1895	1896-1900
1885 — 11.832	
1890 — 47.378	
1891 — 82.150	1896 — 202.302
1892 — 84.200	1897 — 86.575
1893 — 80.000	1898 — 205.695
1894 — 80.000	1899 — 223.981
<u>1895 — 80.000</u>	<u>1900 — 213.442</u>
465.560	931.995

Всего за 15 лет прибыло, следовательно, — 1.397.555 (с вернувшимися в 1900 г. — 67.759 было бы 1.465.314). Это значительно больше, чем дала русская колонизация за все первые два столетия со времени завоевания Сибири. Общая цифра населения Сибири к концу XIX века (1900) получается, если прибавить к цифре переписи 1897 г. (5.098.944) переселенцев 1897-1900 гг. сушей и морем, всего 6.428.617, то есть за время после освобождения крестьян до конца века население Сибири удвои-

лось, и в этом удвоении почти половина приходится на последнее пятнадцатилетие.

Как распределились³ эти новоселы по разным местностям Сибири? Можно заранее сказать, что население тайги Тобольской и Енисейской губерний осталось таким же малочисленным, как и население Архангельской и Вологодской губерний, и главная масса направилась из нечерноземной полосы нашей карты в сходные по почве лесостепи и степи Сибири, оседая при этом, преимущественно, в Западной Сибири и в сравнительно небольшом количестве добираясь до Восточной, а тем менее — до Дальнего Востока. Из переселенцев 1881-98 гг. в Алтайском округе (Томской губ.), наиболее привлекавшем колонистов, осело свыше половины, а в Тобольской губ. свыше 40%, то есть в верховьях Иртыша с притоками и Оби, если прибавить сюда верховья Енисея, поселилось больше девяти десятых новоселов. Перепись 1897 г. (без упомянутых прибавок) показала следующее распределение населения Сибири (в тысячах: первая колонка — русские, вторая — инородцы):

Тобольская губ.	1.373	69
Томская	1.865	64
Енисейская	<u>517</u>	<u>43</u>
	3.755	176
Иркутская губ.	402	105
Забайкальская обл.	467	197
Якутская	<u>40</u>	<u>222</u>
	909	524
Амурская обл.	99	19
Приморская	<u>185</u>	<u>35</u>
	284	54

ПОПЫТКА УРЕГУЛИРОВАТЬ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Что касается *качества* расселения, то отчасти вследствие бюрократизации процедуры, отчасти вследствие традиционного бессилия центральной власти осуществить свои мероприятия на далекой окраине, где сибирские нравы администрации далеко не перевелись, отчасти, наконец, просто по недостатку технических средств, — это качество было далеко не на высоте. Отвод участков для раздачи переселенцам наталкивался уже не только на недостаток межевых средств, но и на то обстоятельство, что лучшие места уже были заняты или захвачены старожилами и приходилось или переселять к ним новожилов в промежутках ранее занятых земель, или выходить за пределы основной полосы поселений на юг, в степь, вырезая удобные

³ Ср. ниже первую колонку таблицы роста за 1897-1900-1907 гг., где динамика процесса выступает еще ярче.

участки из территорий кочевников, или подаваться на лесной север, где границу для земледелия составлял пояс вечной подземной мерзлоты, более или менее глубокой. Таким образом, и перед Сибирью стал вопрос об относительном малоземелье. Затем, следование с мест родины в Сибирь далеко не было обставлено как следует. Поселенец выручал за покидаемую землю, скот и постройки ничтожную сумму, а иногда и не получал ничего; проезд, правда, обходился дешево — от 70 до 50 рублей на семью; но большею частью запасенная сумма тратилась по дороге и на место поселенец приходил без средств. Часто отведенное место оказывалось для него непригодным, и тогда начиналось блуждание с места на место. С конца века стали выдавать правительственные ссуды на первое обзаведение, но часто ссуды запаздывали. Заболеваний в дороге было много — 10-25%, а медицинская помощь почти отсутствовала, и многие по дороге умирали. От всех этих неладов поселенцы и их "ходоки" спасались просто тем, что возвращались обратно в Россию. Но, приехав, они находили покинутое место уже занятым. Надо прибавить, что все это касается переселенцев так называемых "легальных", получивших надлежащие разрешения. На вольных переселенцев помощь государства вообще не распространялась.

Между тем вопрос о переселении в Сибирь в конце XIX в. и в начале XX продолжал обостряться — вместе с дальнейшим ухудшением экономического положения крестьянства в хлебородных губерниях европейской России. Прирост населения за это время увеличился, малоземелье стало острее чувствоваться, арендные цены и цены на землю росли, урожайность не поднялась, выселения в города и (из западных нерусских губерний) в Соединенные Штаты Америки не покрывали прироста, и т.д. Переселенческий вопрос выдвинулся в ряд первостепенных государственных задач. Сибирь оставалась главным клапаном переселения. Мы уже видели влияние, которое оказала на переселение новопостроенная Сибирская магистраль. На помощь "Комитету Сибирской железной дороги" создано было (2 декабря 1896 г.) при министерстве внутренних дел Переселенческое Управление, с целью упорядочения переселенческого дела. И мы присутствуем при ряде попыток улучшить положение переселенцев. Были понижены железнодорожные тарифы, открыты "пункты" на пути переселения для улучшения питания, лечебной помощи, информации и т.д. После поездки гр. Витте в Сибирь издан сравнительно либеральный закон 6 (19) июня 1904 г., который пытался ослабить стеснительные правила старой разрешительной системы, но не отказался от самого принципа "разрешений" на переселение и даже от института обязательных "ходовок" для предварительного приискания участков. Число этих ходок поднялось в 1906 г. до 77 тысяч. Количество возвращавшихся ни с чем увеличивалось, так как прави-

тельство оказалось не в состоянии готовить достаточное количество участков для переселения. В результате, уже в 1907 г., после короткого промежутка усиленной рекламы 1905-06 гг., пришлось принимать меры к задержанию переселений. После поездки в Сибирь Столыпина и Кривошеина решено было направить переселенческое дело в русло "колонизации" сибирских окраин, в интересах внешней политики на Дальнем Востоке (см. ниже). Вне этой цели, новое учреждение, централизованное с 1905 г. переселенческое дело взамен прежних уничтоженных учреждений, распорядилось в 1908-09 гг. распределить "ходовок" по заранее определенным частям Сибири, где для них указывались местными властями подготовленные участки. Эта новая попытка регламентации оказалась настолько неудачной, что переселенческое управление в 1911 г. вообще запретило организованные путешествия ходоков — ввиду недостатка подготовленных участков. Это, однако, вернуло дело переселения к полной свободе выбора, которую сенат в том же 1911 г. пытался ограничить лишь тем, что распределил степень правительственного содействия между различными частями Сибири — обратно пропорционально их удобству для переселений. В степной полосе поселенцы лишились всяких пособий и должны были покупать землю; напротив, на наименее благоприятных участках заболоченной ("урманной") части Сибири пособие достигало максимума — 250 рублей при даровой земле.

После первой революции (с 1906-07 гг.) в деле переселения получило долю участия земство. Усилились поиски возможных для переселения земель в местностях, признававшихся прежде недоступными (как Барабинская и Кулундинская степи, киргизские земли, даже "голодная степь"), для чего высылались специальные экспедиции геологов, гидротехников и топографов. Южная граница переселений была определена (1909-10) 55° северной широты (Тургай, Акмолинск, горный Алтай, Енисейск). Для ускорения процесса межевания усилены ассигновки (до 4,5 млн. руб. ежегодно), увеличено количество работников с обязательством отводить ежегодно от 525 до 535 участков, и т.д. Конечно, и при этом межевание далеко отставало от спроса. Постройка (важнейших) дорог, расчистка леса на севере, рытье колодцев на юге обыкновенно *следовали* за поселенцами, а не *предшествовали* их появлению. Пример постройки Сибирской магистрали показывал, что в огромных просторах Сибири предшествовать заселению и расширять его районы должно было, главным образом, железнодорожное строительство. Но только в 1911 г. было решено прибегнуть к скорейшей постройке южно-сибирской линии (Уральск—Акмолинск—Семипалатинск—Барнаул—Ново-Николаевск). Только таким образом можно было покончить с поговоркой сибиряков, что им приходится "менять хлеб на бутерброды", и наладить обмен пшеницы, масла и соли на лесные продукты, скот и предметы широкого потребления.

Другие намеченные ж.-д. линии оставались до революции в стадии проектов.

Несомненно, правительственные мероприятия по регулированию эмиграции, помимо ограничительных намерений власти, имели и положительное значение — в смысле роста "разрешенного" переселенческого движения. Но они, во всяком случае, не могли сдерживать неразрешенного движения, которое совершенно изменяло общий итог переселения. Едва ли имеются для сравнения вполне точные цифры. Я привожу ниже результаты сопоставления переселений в одну только Западную Сибирь с цифрами вольного переселения, вычисленными Войтинским:

	1897-1901	1902-1904
В Западную Сибирь <i>все</i>	833.300	267.000
Во всю Сибирь <i>вольных</i> около	708.000	194.000

После сомнительных цифр революционных годов имеются погодные цифры по тем же двум рубрикам (в тысячах):

	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Западная Сибирь	555	759	707	900	226	259
Вольные	420	650	595	300	190	200

Даже вычитая незначительные цифры вольного переселения в другие части Сибири, нельзя не видеть громадной роли вольного переселения, а также и быстрого роста всего переселения в Западную Сибирь до 1911-12 гг., когда временное снижение цифр объясняется, помимо других причин, также и действием ограничительных мер правительства.

Мы видели итог переселения за 15 последних лет XIX в. Он выразился за вычетом вернувшихся назад, примерно, в 1.300. 000. За первые десять лет XX в. (1901-10) общая цифра переселившихся достигла (только по Западной Сибири) 3.568.000, увеличив, таким образом, русское население Сибири, примерно, до 8-9 млн. Колонизация Сибири раздвинулась к этому времени далеко за те основные пределы (главным образом, Западной Сибири)⁴, в которых мы ее изучали.

⁴ Окончательные результаты русского расселения в пределах двух старых губерний, Тобольской и Томской, со времени переписи 1897 г. до 1911 г. представляются в следующем виде. Впереди мы ставим два уезда, охватывающие тайгу и тундру Тобольской губ. Их население остается стационарным, в пределах естественного прироста.

	1897	1907	1911
1. Березов	21.400	22.000	26.000
2. Сургут	7.700	8.000	9.000

Далее следует группа четырех уездов, более выгодно расположенных, но находящихся на путях дальнейшего следования переселенцев; рост их населения поддерживается характером их, как проходных пунктов:

3. Туранск	68.700	120.000	96.000
------------	--------	---------	--------

Возвращаясь пока в эти пределы, прежде всего надо отметить, что насильственный характер колонизации, по мере увеличения в числе русского населения, значительно изменился. Нерусские элементы, поскольку они продолжали занимать неудобные для русского заселения земли, жили обособленно, при совместном же жительстве устанавливались мирные отношения. Борьба с "инородцами" за "ясак" должна была ослабеть уже потому, что интерес к пушному товару постепенно перестал занимать первое место, уступив русскому земледелию и скотоводству. Сибирь из потребительницы хлеба становилась хлебной житницей и начинала вывозить масло. Сравнительно с коренной Россией ее роль все еще оставалась незначительной и, несмотря на все правительственные расчеты, она не могла влиять на внутреннюю экономику и политику России. Но, ставши русской, Сибирь сделалась опорной точкой для дальнейшего имперского развития России. На этом ее значении постепенно и сосредоточивается внимание правительства. Но здесь мы переходим в другую стадию русской колонизации за пределами черты заселения европейской и азиатской России, на которой мы остановились.

4. Тюмень	121.400	145.000	140.000
5. Ялуторовск	188.400	225.000	230.000
6. Тобольск	127.900	150.000	153.000

Более значительный — и главное, постоянный — рост замечается в местах более прочного оседания. Каждый из следующих четырех уездов отличается приростом около 100.000 за 14 лет.

7. Тара	159.700	210.000	258.000
8. Тюкалинск	208.700	280.000	325.200
9. Ишим	299.000	325.000	390.000
10. Курган	260.000	320.000	359.000

Взято вместе, включая 69.000 туземцев, население Тобольской губ. росло:

	1897	1907	1911
	1.462.000	1.805.000	1.987.400

Совершенно иную картину представляет Томская губерния, выделенная в 1804 г.. Здесь, на среднем и частью на верхнем течении Оби, куда включается привилегированный по заселению Алтайский округ кабинетских и удельных земель, рост населения больше, чем вдвое:

1. Кузнецк	164.000	200.000	253.000
2. Бийск	333.300	400.000	443.800
3. Мариинск	139.900	225.000	266.200
4. Каинск	185.600	275.000	369.200
5. Томск, Нарымск	275.500	350.000	617.900
6. Барнаул	585.300	850.000	1.300.000

По всей Томской губернии (включая 64.000 туземцев):

	<u>1.930.400</u>	<u>2.650.000</u>	<u>3.250.300</u>
--	------------------	------------------	------------------

А всего по двум старым губерниям

Зап. Сибири	3.393.300	4.455.000	5.237.700
-------------	-----------	-----------	-----------

Что касается дальнейшей колонизации юга Западной полосы Сибири, мы уже заметили, что здесь остановка объясняется преобладанием туземного населения, среди которого оказывались немногие русские пионеры. Чтобы дать впечатление этой разницы сравнительно с северной частью, вот сравнительная таблица расселения русских и туземцев на старых и новых местах Сибири — притом не в самом начале, а уже по переписи 1897 г. (в тысячах):

	<i>Русские</i>	<i>Туземцы</i>
Тобольск	1.373	69
Томск	1.865	64
Енисейск	517	42,9
	<i>Русские</i>	<i>Туземцы</i>
Тургай	33	389
Акмолинск	294	440
Семипалатинск	77	598

Освоение территорий второй половины таблицы — уже не столько поселенцами, сколько правительственной властью — относится к другому времени и к другим условиям государственности; это отчасти касается и дальнейшего продвижения на Сибирский восток за Енисей, куда добровольное переселение почти не доходило, туземное население не ассимилировалось и не отходило, а ссылка за все время заселения составила лишь около 85.000 и отнюдь целям правительства не служила. Дальнейшая русская колонизация вызывалась здесь, как упомянуто выше, стремлением власти заселить окраины в спешном, принудительном и особо привилегированном порядке, не столько для колонизации в собственном смысле, сколько с традиционной старой целью — заселить в спешном порядке окраины, угрожаемые вооруженными нападениями соседних племен и государств.

Тем не менее дальнейшее движение России за Енисей, особенно вначале, настолько связано с заселением Западной Сибири, что мы остановимся на этом продвижении в этой же связи, чтобы закончить, на этом примере, характер постепенного превращения колонизационного процесса в чисто-имперский, к которому нам придется перейти в следующей "зоне русских приобретений".

РУССКИЕ ЗА ЕНИСЕЕМ

Мы уже знакомы с общим характером восточного сибирского месторазвития, к которому теперь переходим. За Енисеем кончается европейский характер западного месторазвития. Меняются и рельеф, и климат, и почва, и произрастания, и типы животных (карты №№ 11 и 14)⁵.

⁵ Для пользования картой № 11 присоединяю здесь объяснения букв, употребленных на ней для обозначения населенных мест. При неимении под руками

Меняется и состав населения. Колонизация становится гораздо более затруднительной. Удобные для сельскохозяйственных культур лесостепные почвы исчезают или уходят на юго-восток. Туземное население, отброшенное на эти невыгодные места, до сих пор преобладает. Тем не менее русская колонизация не только не останавливается в этой фазе, но, напротив, с обновленной силой пробивает себе путь к третьему — тихоокеанскому месторазвитию, где обстановка опять меняется. И характер колонизации остается прежний. Вперед идут пионеры-добровольцы, за ними гонится московская власть; характер эксплуатации захваченных земель надолго остается хищническим и колонизация поддерживается военной силой.

Новые захваты, конечно, стояли в теснейшей связи с открытием, среди непроходимых лесов, единственно возможных путей дальше на Восток — по течению рек. Здесь намечались два пути. Из них северный — от Мангазеи через Туруханск по нижней Тунгуске, которая своим верховьем близко подходила к Лене (у Киренска), а в среднем течении сближалась с Вилюем, притоком Лены. Но этот северный путь шел по самым диким местам, употреблялся преимущественно в поисках пушного товара и вел в соболиные места. Этим же путем посылались военные экспедиции из Тобольска для покорения и объяснения туземцев, пока не был основан Якутск [1632 г.]. Пути настоящей колонизации лежали на юг и вели в места, доступные для хозяйственной культуры. Туда и шла главная тяга переселенцев. Но для этого надо было, прежде всего, укрепиться на Енисее. Ближайший путь туда от Нарыма, последнего достигнутого в 1598 г. пункта на Оби, шел по притоку Оби, реке Кети, прямо на восток, волоком, через Енисей к его притоку — Верхней Тунгуске. Кетские туземцы уже были "объясчены". Кетские казаки тотчас проникли к енисейским тунгусам. В 1617 г. из Тобольска затребовали сведений о новооткрытом пути и в 1618 г. отправили военную экспедицию, в результате которой в 1619 г. был построен Енисейский острог. Правда, промышленники и "тунгуцики" скоро нашли обходной путь севернее по

карты Сибири это может понадобиться для следующего изложения истории колонизации. Объяснение римских цифр дано там же (почвы и растительность тундры, леса и степи). Дополнительные справки можно сделать на карте № 18, где отчетливее выделена речная сеть. Расположение археологических находок на этой карте (Иохельсона) указывает на глубокую древность речных путей.

Ба — Барнаул	Е — Енисейск	Ск — Среднеколымск
Бя — Бийск	И — Иркутск	Тб — Тобольск
Бл — Благовещенск	Кр — Красноярск	Тм — Тюмень
Вл — Владивосток	Кя — Кяхта	Х — Харбин
В.Л. — Верхолениск	Ми — Минусинск	Ха — Хабаровск
Вк — Верхнеколымск	Нк — Нижнеколымск	Я — Якутск
Ву — Верхнеудинск	Ол — Олекинск	

притоку Вах, чтобы провозить "мягкую рухлядь" мимо правительственных центров, и в Кетском остроге "проезжей пошлыны и оброку стало иметь не с кого". И в 1703 г. путь через Вах был запрещен. Но уже в год постройки Енисейска местные служилые люди прознали через туземцев, что на восток, через Верхнюю Тунгуску можно добраться к безыменной "великой реке". В 1630-1640 гг. этот путь был исследован местными воеводами и составлены подробные "чертежи". Путь был нелегкий "великие ради быстрины и больших порогов"; "судовой ход — тяжек и нужен". "Ленский волок" шел от притока В. Тунгуски, реки Илима и ее притоков, "через камень" на приток Лены, р. Муку. В 1630 г. на реке Илиме был построен острог Илимский, — название, прославленное ссылкой Радищева. В XVII в. Илимск был важным торгово-промышленным становищем и исходным пунктом экспедиций дальше на восток. Так как весь путь требовал 2-3 месяца, то запоздавшие промышленники здесь зимовали, а богатые фирмы имели свои амбары и избы. Тут же, конечно, собирались и таможенные пошлыны. Широкий кругозор и характер торговли, развернувшейся здесь, "на Ленском волоку", очень живо отражается в челобитной 1657 г. "Приезжаем мы, государь, с Руси и из Сибирских городов, — заявляют торгово-промышленные люди, — и отпускаем с Ленского волоку вниз по Лене и по сторонним рекам, и по Олекме реке на соболиные промыслы покручеников своих (от слова "покрута") и наемных людей... и на Ленском волоку покупаем хлебные запасы". Отсюда опять открывались новые далекие перспективы: с одной стороны на "дальние заморские реки" — через Ледовитый океан или сухим путем на Индигирку, Яну, Колыму — и дальше, "за хребет", на р. Анадырь. Сухопутная дорога шла здесь пустырями, среди готовых к обороне ламутов, юкагиров, ходынцев. Ехать приходилось "о дву кони", причем "иных коней сами мы с голоду съедаем"; иначе приходится в дороге есть "сосновую кору, и траву, и кореня, — и всякую едь скверную". Другие трудности представлял путь морем, на "кочах". "Прижимные ветры" с моря заставляли подолгу ждать ветров "пособных"; в море "льды ходят и кочи ломают", а то и относят в открытое море, откуда "по росольному льду" приходится, с опасностью "напрасной нужной смерти", "проведывать земли". Все же промышленники ходили морем "для торгу", заходили в устья рек, проводывали дальнейшую дорогу — и шли дальше и дальше, вплоть до того "не-обходимого камня", который "пошел в море далеко — стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропускают". Но вот, в 1647 г. мезенец Исай Игнатьев добрался до Чаунской губы, завязал сношения с чукчами и привез оттуда богатую добычу — моржевого зуба. Последовало несколько неудачных поездок. Тем временем "ходынские аманаты и пленники указали русским "близкий" путь на "новую захребетную реку Анадырь" по

притоку Колымы; отсюда на нартах по безлесной тундре можно было спуститься к Берингову проливу. И, наконец, за 80 лет до Беринга, якутский казак Семен Дежнев, двадцать лет успешно воевавший с туземцами "заморских" рек, участвовавший и в упомянутых неудачных поездках, чтобы собирать пошлины и обьясачивать попутно инородцев, в 1648 г. с новой партией обогнул-таки "необходимый" каменный нос, проехал, воюя с чукчами, весь пролив, и за Анадырью его коч, единственный оставшийся, был выброшен на берег. Он и не подозревал, что сделал открытие, имевшее мировое значение: первый нашел, что Азия не соединена сушей с Америкой. Он просто отослал в Якутск собранную им добычу — моржевую кость и мягкую рухлядь, а сам в течение 1650-х годов остался на Анадыре, построил там острог и обьясачил туземцев. Только в 1662-63 гг. он вернулся сухим путем через Колыму в Якутск и в Москву, где получил за 19 лет свое жалованье.

Нельзя, таким образом, забывать и реалистическую сторону всех этих "экспедиций". По словам исследователя сибирской колонизации Бахрушина, после открытия пути на Лену туда и дальше на восток "ринулись искатели добычи и приключений отовсюду... Служилых людей охватила какая-то горячка — шли вперед, на свой риск, в погоне за наживой". Поиски "новых земель" производились без всякой системы, небольшими партиями служилых людей... Это были, по существу, разбойничьи набеги. Служилые люди, "пристав под которую землицю, приманивали тех землиц людей торговать и имали у них жен и детей, и животы и скот грабили и насильства им чинили многие — и от государевых высокие руки тех диких людей отгонили, а сами богатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства — малое". Бывало и больше того. "Меж себя у тех тобольских, и у енисейских, и у мангазейских служилых людей для тое своей бездельные корысти бывали бои, друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лене соболя промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чинят сумнение, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют". Это и было причиной того, что правительству все время приходилось — но безуспешно — защищать обьясаченных инородцев от этих набегов и насиллий собственных служилых людей.

Однако поиски "землиц" в тундре, кроме награбленной добычи и волнений среди туземцев, никаких прочных результатов не обещали. Для колонизации пути пробивались южнее. Препятствовал все тот же Становой "хребет", служивший водоразделом рек Ледовитого и Тихого океанов. Помогли верховья рек, которые и тут сближались по обе стороны "хребта". Найти "волоки" было нетрудно. Правые притоки Лены, Олекмы и Алдана, одинаково и почти одновременно послужили этой цели. Оба пути выводили на верховья Амура. Якутский воевода уже в

1643 г. направил по Алдану и его притоку Угуру на Зею, приток Амура, экспедицию Василия Пояркова. В 1645-46 гг. Поярков спустился по Амуру до устья и вдоль морского берега вернулся через "хребет" в бассейн Алдана. Правительство прекрасно знало, что это уже не "государева земля", а "Даурская", но решило "про ту землю проведать доподлинно". Повторилось на этот раз нечто вроде походов Ермака. Устюжнинский пашенный крестьянин Ерофей Хабаров снарядил "на своих проторях" партию "покручеников", снабдил ее оружием и запасами и в 1649 и 1651 гг. совершил Олекмой два опустошительных набега на Амур; по пути он брал и жег даурские городки, грабил и побивал "в пень" туземцев, захватывал в плен женщин и детей, собирал ясак. Он, разумеется, "радел своего прибытку". Но такой налет грозил войной с Китаем, и пришлось завоевание "Даурии" отложить, очистить Зею и ограничиться овладением р.Шилкой. На верховья Шилки енисейские служилые люди присоединились с Байкала, который после борьбы с бурятами был присоединен с 1646-48 гг. На Шилке был поставлен в 1658 г. будущий Нерчинск, на Селенге — Верхнеудинск (1665). В 1672 г. сделан дальнейший шаг занятием Албазина, отвоеванного у даурского князя.

Но все это оказалось преждевременным и непрочным. Китай сам претендовал на все земли к востоку от Байкала и к северу от Амура. В 1683-85 гг. началась открытая война, и 27 августа 1689 г. по Нерчинскому договору Амур остался у китайцев; граница прошла по рекам Аргуни и Горбице, по Яблоновому и Становому хребтам, то есть по русскою сторону водораздела. До середины XIX в. движение на юго-восток приостановилось.

Мы, таким образом, проследили рост русской имперской территории и начало ее колонизации до той черты, на которой дальнейшее движение вперед было остановлено соседством или с более воинственными кочевниками, или с чужими государствами.

БИБЛИОГРАФИЯ

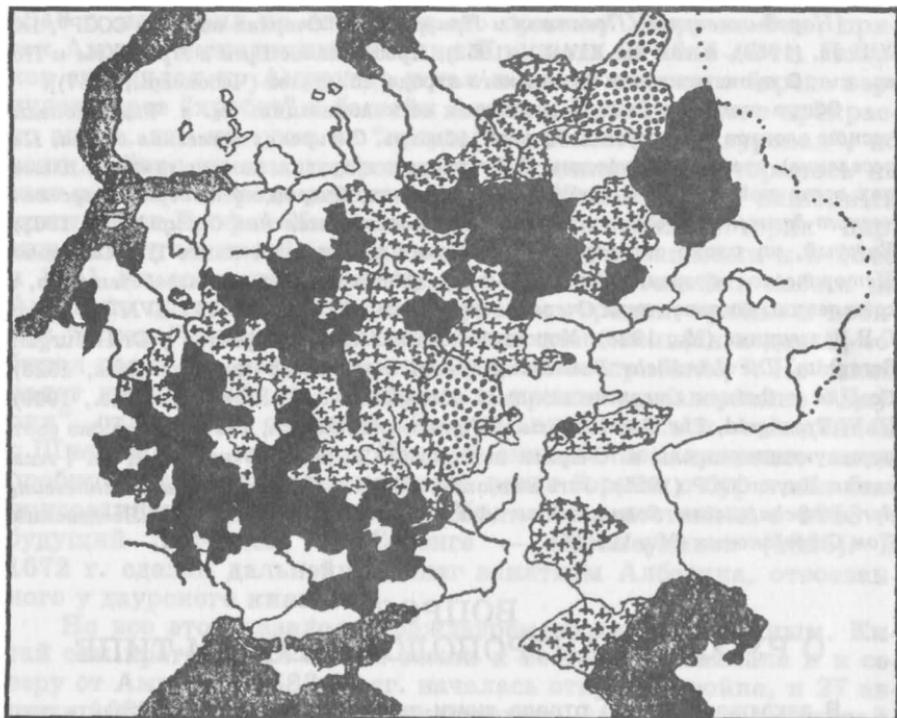
Относительно географических, климатических, почвенных условий образования "империи" отсылаю к первой части первого тома "Очерков". Геополитические условия роста государств были неоднократно предметом обсуждения политической географии; их первоисточником можно считать Риттера и Ратцеля, *Politische Geographie*, 2-е изд. Для истории этнографии финнов и тюрков, отделяющих колонизированную восточными славянами часть европейской России от колонизации азиатских пространств, см. ряд интересных этюдов И.Н.Смирнова в "Известиях общества археологии, истории и этнографии" при Казанском университете, *Вотяки* (VIII, 2); *Пермяки* (IX, 2); *Мордва* (X), и резюмирующая статья в "Трудах Московской сессии международного конгресса антропологии и доисторической археологии", I. П.С.Рыков, *Очерк истории мордвы* (М., 1933).

[Народы северного Поволжья и Приуралья в "Очерках истории СССР", IX-XIII вв. (1953), и там же XIV-XV (1953), *Продвижение Руси в Приуралье и Поволжье*; О происхождении чувашского народа, сб. статей (Чебоксары, 1957)].

Общее описание Сибири и история ее колонизации: см. в "Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона" (*Сибирь, Сибирская железная дорога, Переселение*), статьи А.Кауфмана, Г.Лучинского и других; там же статьи о племенах восточной России и Сибири. Вв.Кирияков, *Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири)* (М., 1902). Богатый, но плохо обработанный материал в известной книге П.А.Словцова, *Историческое обозрение Сибири*, 2-е изд. (1886). Тщательно разработаны, но, к сожалению, не закончены *Очерки о колонизации Сибири в XVI-XVII вв.* проф. С.В.Бахрушина (М., 1928). Хороший пересказ главных фактов у Dr.Н.Jurgensen-Seraphim, *Die Ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland* (Iena, 1923). *Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения* (СПб., 1900). [D.W.Treadgold, *The Great Siberian Migration* (Princeton, 1957), см. также соответствующие разделы в "Очерках истории СССР, кон. XV-нач. XVII вв.", Академия Наук СССР (1955). Juri Semjonov, *Sibirien, Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Ostens* (Berlin, 1954), А.А.Введенский, *Дом Строгановых* (М., 1962)].

ВОПРОС О РУССКОМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ

В заключение этого отдела книги так же естественно поставить этот вопрос, как и трудно на него ответить. Мы должны быть, прежде всего, готовы к тому, что самая постановка подобного вопроса будет признана неправильной. Мы знаем, что национальность не совпадает с расой; что уже современные расы являются смешанными, а национальности, в которых обыкновенно совмещаются несколько рас, — тем более. Затем, фактически, мы видели, что колонизация России восточными славянами повсюду уже встретила прежнее население ("субстраты"), несходное антропологически, и создала новые смешения, особенно заметные по мере приближения к восточной полосе России — и тем более к Сибири. Эта крайняя трудность анализа сложных сплетений уже привела к тому, что антропологическая наука не в состоянии дать нам точного ответа. К этому присоединяется то, что сами представители этой, сравнительно молодой науки были под влиянием той или другой национальной тенденции, смешивая расу с национальностью. Так первоначальник русской антропологической школы, проф. Богданов, находя длинноголовые типы в своих раскопках, непременно хотел видеть в длинноголовии — отличительный признак славянства. Подобное же увлечение наблюдаем в германском восхвалении самих себя как представителей "высшей" северной расы. Это понимание хотели распространить и на индоевропейцев вообще. Такие ученые, как Пенка, Пёше, Риплей, — вплоть до Нидерле стояли на этой точке зрения. Когда Исаак Тейлор выставил обратную теорию — о короткоголовии индоевропейцев, это не было принято всерьез. Я склонялся именно к принятию происхождения славян в среде короткоголовых. Но это также было односторонне. В настоящей работе я склоняюсь к принятию выделения славян на рубеже европейского длинноголовия и короткоголовия — и, в частности, указываю на один из поздних и смешанных типов — динарский. Надо наконец вспомнить наблюдения, по-моему бесспорные, над переходом длинноголовия в короткоголо-

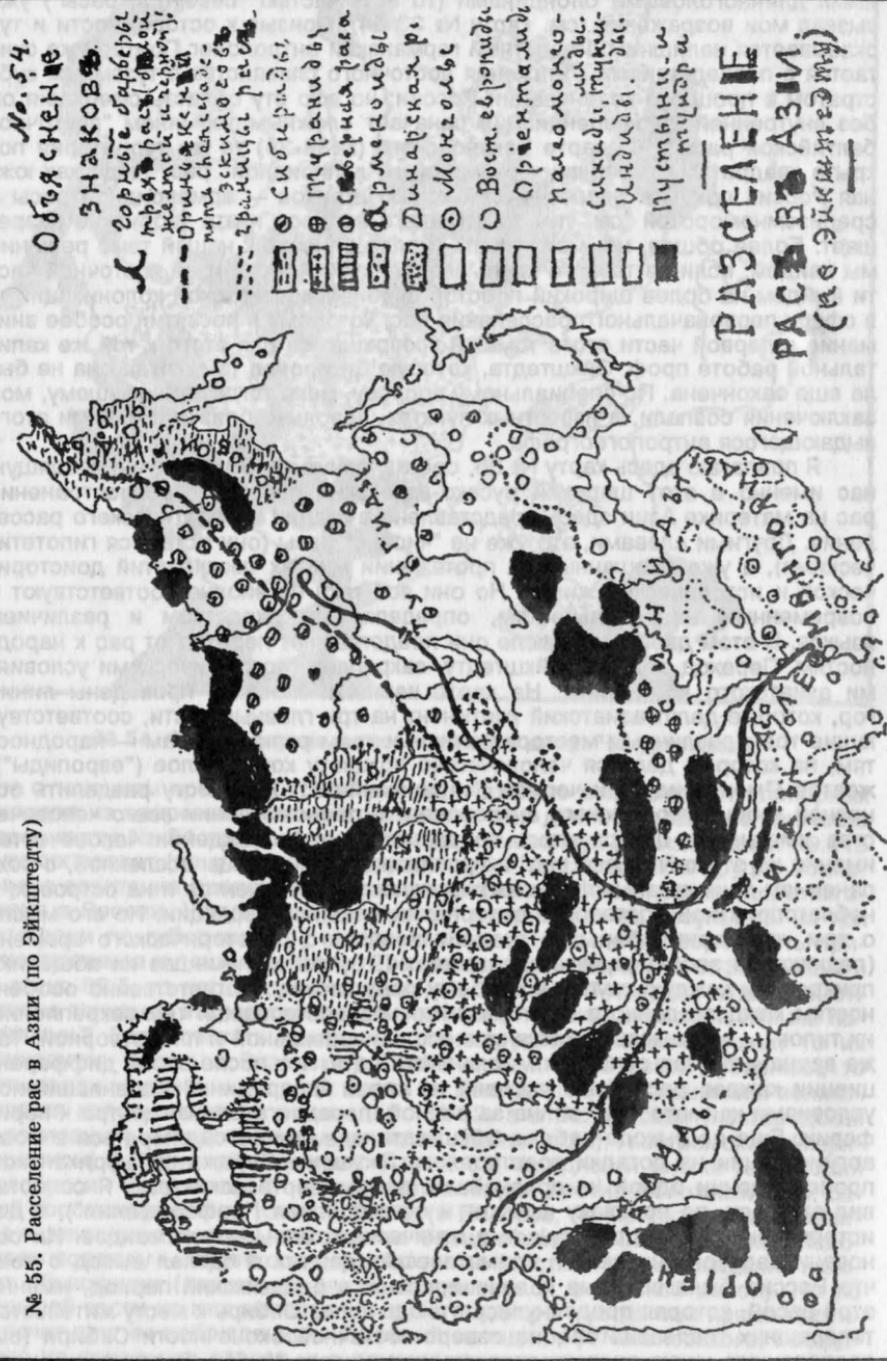
№ 54. Формы черепа по исследованию проф. Чепурковского

вие с течением времени, чтобы уже окончательно отказаться от априорных выводов из современного короткоголовия или длинноголовия. Я прилагаю здесь карту № 54 проф. Чепурковского, основанную на измерении 49.613 русских солдат (не считая инородцев), чтобы показать, какие трудно объяснимые сочетания представляет распределение длинноголовия и короткоголовия в России. Чепурковский разделил полученные им результаты на три категории по губерниям: 1) с головным указателем ниже 80, то есть приближающимся к длинноголовию, 2) с указателем средним — от 80 до 82,5 и 3) выше 82,5, то есть короткоголовые. На карте № 54 первая категория отмечена точками, вторая крестиками, третья — черной окраской. Что же получилось? Если считать восточных великоруссов длинноголовыми, то их приходится искать в Рязанской, Пензенской и Тамбовской губерниях, то есть среди мордвы, — и среди зырян на Печоре (точки). Смешанная великорусская колонизация по рекам дает 81-82, а в Валдайской (новгородская колонизация), Владимиро-Суздальской (кривичская), Костромской (мерячеремисы) и Пермской (пермяки) — даже 83. На одной и той же территории Белоруссии Чепурковский наталкивается на два противоположных типа: самый короткоголовый и темноволосый (в Полесье, на Припяти и на Березине) и длинноголовые, высокорослые блондины на Двине и Немане. Малороссы повсюду — короткоголовые брюнеты. Местами эти наблюдения находят объяснение (например, связь малороссов с динарской расой). Но по большей части из них вывести что-либо трудно, а иногда они прямо противоречат другим наблюдениям. Сложный метод проф. Чекановского, исходящего из признания славян — в самом источнике их выделения высокорос-

лыми длинноголовыми блондинами (то есть частью "северной расы") уже вызвал мои возражения (см. карту № 33-34). Призыв к осторожности и тут оказывается нелишним. Известный германский антрополог Гюнтер уже считается с последствиями сближения восточного славянства с туземным субстратом в процессе колонизации России; но всю эту область смешения он без внутренней дифференциации означает сложным термином "восточно-балтийской расы". На карте Чекановского (№33-34) же территория покрыта квадратами скрещения северной и "лапоидной" рас, тогда как южная Россия покрыта пересечением косых штрихов — арменоидной расы с средиземноморской (см. там же). Нашего вопроса и эта теория не разрешает. Более общее, но, может быть, более близкое к нашей теме решение мы найдем, если из тесного круга европейской России и ее восточной части выйдем на более широкий простор европейскоазиатской колонизации — в сферу первоначального расселения рас, которому я посвятил особое внимание в первой части этого тома. Я возвращаюсь для этого к той же капитальной работе проф. Эйкштедта, которую цитировал там, когда она не была еще закончена. По специальному вопросу, меня тогда занимавшему, мои заключения совпали, в известных пунктах, довольно близко с идеями этого выдающегося антропогеографа.

Я прилагаю здесь карту № 55, составленную по Эйкштедту и вводящую нас именно в этот широкий русско-азиатский простор. Распространение рас на материке Азии здесь представлено в стадии их фактического расселения. Другими словами, это уже не "чистые" расы (они остаются гипотетическими), а уже смешанные на протяжении многих тысячелетий доисторической и исторической жизни. Но они все-таки не вполне соответствуют и современным национальностям, определяемым сходством и различием языков. В этом двойном смысле они представляют переход от рас к народностям. Переход этот, по Эйкштедту, закреплен географическими условиями азиатского континента. На карте черными линиями проведены линии гор, которые делят азиатский континент на три главные части, соответствующие трем различным месторазвитиям и трем разным расам — народностям, на которые делится человечество по цвету кожи: белое ("европиды"), желтое ("монголиды") и черное ("индонезийцы"). Я не могу разделить основную теории германского антрополога о происхождении *всего* человечества именно из центра этого триединства, о расхождении человечества именно из этого "полюса рас" в противоположные концы вселенной, с сохранением примитивных форм на оконечностях континентов и на островах, в неблагоприятной обстановке вытеснения и полной изоляции. Но его мысль о том, что горные барьеры разделили здесь с доисторического времени (ледниковой эпохи) разные человеческие группы и, помешав их общению, прикрепили каждую группу к особому роду жизни, соответственно особенностям каждого данного месторазвития, содействовавши тем закреплению их типов, — эта мысль кажется мне вполне правильной и плодотворной. Так же верна и другая основная мысль Эйкштедта, что после своей дифференциации каждая раса была выгнана из своей "прародины" изменившимися условиями климата — и, волна за волной, передвигалась от центра к периферии. Еще до выхода работы Эйкштедта мне пришлось опереться в моей аргументации на догадки престарелого Джузеппе Серджи об африканском происхождении одной из древнейших до-неандертальских рас. Я сопоставил эту расу, по признаку высоко- и остроголовия ("лофоцефалии"), с доисторическим типом *chancelade* и этническим типом — эскимоидов. На основании археологических и климатических данных я сделал вывод о том, что Россия была впервые колонизирована, в ориньякский период, именно этой расой, которая продвинулась отсюда через Сибирь к месту жительства теперешних "палеазиатов", на северо-восточной оконечности Сибири (см. проведенную мною прерывистую линию на карте № 55). О сохранении это

№ 55. Расселение рас в Азии (по Эйкштедту)

го самого типа "европидов" на протяжении Европы и Сибири мне не раз приходилось упоминать в моем дальнейшем изложении. Эйкштедт совершенно правильно указал на то, что тип "европидов" специализировался в "сибиридах": тип, отмеченный на карте на пространстве от Урала за Енисей. Перечеркнутые кружки на восток отсюда означают следы, оставленные дальнейшим распространением "сибиридного" типа. Здесь, таким образом, сохранились и до нашего времени устои моста, связывающего "европидов" и Урало-Енисейских "сибиридов" с "палеазиатами" Анадыря и Камчатки — и с остатками родственного племени Айно. Я вижу в этих сопоставлениях блестящее подтверждение моей теории. Но Эйкштедт слишком смело направляется с древнейшим материалом, менее ему известным. Южнее "сибиридов" Эйкштедт помещает сводную расу "туранидов", к которой принадлежат тюркские племена (означена крестиками на карте № 53). О роли туранских кочевников нам также не раз приходилось говорить, и расселение их — вторым слоем — над европидами в Аральско-Азовском бассейне вполне соответствует нашим историческим и этнографическим наблюдениям. Наконец, третьим элементом, нас касающимся, является элемент монгольский ("тунгиды" Эйкштедта). Антропологическое влияние северных монголов, как видно и из кружков с точками, идет гораздо дальше их первоначального расселения. Что касается Сибири, мы знаем, что древне-сибирское население за Енисеем сметено позднейшим, иногда совсем недавним населением, вытесненным с юга. Таковы тюркиды-якуты и особенно монголоиды-тунгусы (см. карты №№ 11 и 12). Движения монголов вслед за тюрками оставили в Европе мало следов, хотя антропологическая примесь расы очень заметна в финско-тюркском населении. Мы отмечали ее уже в скифах. Настоящее царство монголов остается, по самому характеру их кочевой жизни, там, где и сложился этот быт: в полосе пустынь, соседних в Китае. Другие народности-расы, отмеченные на карте терминами Эйкштедта, напоминают частями наше прежнее изложение, но ближе нас здесь не касаются: это — динариды, арменоиды, их вероятные предки, ориенталиды, индиды, палеомонголы, составляющие южную часть трилистника. Происхождение короткоголовых рас и Эйкштедту разяснить не удалось. При переходном характере карты — от примитивных рас к смешанным и от них к современным народностям — антропологические черты внутри каждого из трех делений по необходимости смешиваются. Но самое это смешение, отражающееся и на пространстве Сибири, лучше всего хранит следы долгого исторического процесса. При всех смешениях основные черты трех рас-национальностей сохранили свою антропологическую отдельность.

Изложенные взгляды Эйкштедта, конечно, не дают прямого ответа на поставленный выше вопрос. Но косвенный ответ в них, все-таки, заключает. Он говорит: есть несомненное сродство между "европидным" типом северной и средней России и "сибиридами" Азии, за Енисеем эта непрерывная связь пересекается вмешательством "тунгидов" (как мы знаем, позднего происхождения); но "сибириды" вновь оживают в "палеазиатах" тихоокеанского берега (мои "эскимойды"). Я считаю основной ошибкой Эйкштедта, что он ведет это продвижение "европидов" с востока на запад, тогда как я считаю доказанным продвижение с запада на восток. Но это не умаляет значения общей конструкции Эйкштедта. Она ступевывает частности, о которых, при настоящем состоянии наших знаний, спор бесполезен; но тем ярче выдвигаются основные черты, переносящие решение вопроса о русско-азиатском типе переселенцев от исторических времен далеко в глубь преистории.

[Библиография к этому очерку дана в первой части тома I, стр. 169-171]

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	Положение русского месторазвития на земном шаре	70
<i>Часть первая</i>		Положение его в умеренной зоне	72
Предисловие к "юбилейному" изданию "Очерков"	31	Осложнение широтного распределения тепла меридиональным распределением "амплитуд"	73
Введение. "Философия" или "социология"?	36	Климаты и распределение осадков	75
Внешняя и внутренняя история "Очерков". Отношение их к идеологиям поколений: народнической, марксистской и реставрированной славянофильской	36	Распределение культур, как итог	76
Социологическая точка зрения автора	39	Порядок развития культур	77
Закономерность или неповторяемость исторических фактов?	40	Географическое единство и разнообразие русской территории	78
Отсутствие противоположности "духовного" и "материального"	42	Ослабление европейского элемента и усиление азиатского с ю.-з. на с.-в. европейской России	79
Устарелость всемирно-исторической точки зрения. Национальный организм — естественная единица научного изучения с точки зрения социологии	43	Разнообразие и зональность русских почв	82
Национальные организмы не суть неподвижные "типы". Их эволюция представляет черты сходства	47	То же направление изменений растительного покрова	85
Взаимозависимость и иерархия эволюционирующих рядов в учениях Платона, Вико, Конта, Спенсера, позднейших социологов	49	Западно-восточное деление фито-географических провинций	87
Среда эволюции вносит начало разнообразия. Влияние соседних процессов и изменений среды	53	Продолжение западно-восточного деления, осложненное законом вертикальных зон в Сибири	91
Односторонние учения о роли личности в истории	54	Енисей и Становой хребет — климатические границы. Условность границы между Россией и Азией.	93
Границы научного объяснения этой роли	55	Роль вертикальной зональности в фито-географии Туркестана	96
Термин "История культуры"	57	Тесная связь фито- и зоо-географических провинций	98
Система построения "Очерков"	58	Видоизменяющая роль человека по отношению к природе	99
Посредническая роль "Очерков" в синтезе идей сходства и своеобразия русского исторического процесса сравнительно с другими	61	Зависимость от природы на ранних ступенях культуры	104
Новейшее обострение и своеобразность нового синтеза Библиография	63	Неблагоприятные месторазвития — место сохранения примитивных народностей	106
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ		Месторазвитие "палеазиатов"	108
ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ		Связь их с древними формами быта	111
I. Месторазвитие русской культуры		Особенности месторазвития степи и пустыни. Пустыни, степи и горы Туркестана в связи с остатками древнего населения	114
История идеи о зависимости человека от природы	66	Связь между кочевниками лесоступней и лесостепи	118
"Неповторимый" мир Евразия?	69	Библиография	119
		II. Начало культуры	
		Перемены в месторазвитиях за пределами истории	122
		Хронология, топография, растительные и животные формы до человека	123

Хронология до- и послеледниково-го периода четвертичной эпохи	124	III. Происхождение национальностей	
Перемены климата и очертаний материков	126	Относительная пластичность "Расы" и устойчивость "Национальности", как корректив к их полному противоположению	173
Распространение ледника в Европе и России	128	Условия создания национальностей в период неолита и металлов	175
Линии отступления ледника и их отражение в ландшафте разных месторазвитий	130	Эволюция этих условий в период неолита	177
Древнейшая фауна и человек на непокрытых ледником территориях Европы	132	Разнообразие этого процесса в разных частях Европы	178
Постепенное продвижение на восток древнейших культур Европы	133	Типы ископаемой керамики — главное средство выделения разных кругов культуры	178
Новая флора, фауна и человеческие расы второго периода древних каменных орудий	134	Соединение этих кругов в более широкие (национальные) группы — современная задача археологии	179
Успехи культуры	135	Прочность коренного населения и передвижения завоевателей — две стороны национального процесса	179
Путь расселения по территории лесса	136	Ход этого процесса в трех месторазвитиях европейской России	180
Существование на открытых пространствах лесса флоры и фауны тундры и степи	137	Роль северной и средиземной рас по краям, альпийской и динарской — в центре Европы	181
Роль нетронутой ледником волжской возвышенности.	138	Культура гребеночной керамики на севере Евразии. Расовый субстрат этой культуры: "европиды"	183
Позднее образование степей	138	Выделение прагерманцев	187
"Открытые" пространства Сибири	138	Выделение Фатьяновской культуры	188
Путь распространения человека Ориньякской эпохи	139	Эпипалеологическое население лессовой полосы Европы и России	190
Ориньякская культура от Франции до Якутии. Ее успехи	141	Новые явления эпохи перехода к металлам	191
Стоянки лессовой полосы в России. Их продолжение в Сибири	144	Треугольник культуры крашеной керамики ("трипольской"); его происхождение и судьба	192
"Лофоцефалы" — "эскимойды" — первые колонисты южной России и Сибири	151	Территория шнуровой керамики, ее продвижение с зап. на восток	195
Примитивная культура современных эскимосов. Их путь с запада на восток и в Америку	153	Ее элементы: скорченные скелеты, окрашенные охрой, эволюция мегалитических форм погребения, типические формы сосудов	196
Примитивные лофоцефалы на окраинах других континентов	155	Видоизменения на восток от Днепра	198
Остатки их в Европе	156	Ошибочность теории о приходе шнуровой культуры с востока на запад	199
Обратный путь (с востока на запад) первоначального заселения северной Европы в связи с этапами отступления ледника	157	Месторазвитие Черноморья, кубанские курганы	200
Перемены климата в России	159	"Хвалынская" культура нижнего Поволжья	201
Синхроническая таблица (№ 21) смены климатов и археологических периодов	160	Происхождение "катакомбных" могил Дона и Донца	202
От Шигири до Кунды и дальше в северную Европу	163		
Заселение и культура русского севера и Финляндии	165		
Итоги	167		
Библиография	169		

Появление меди и местные литейные мастерские	204	территории, в Австрии, Венгрии, Чехии, Швейцарии и ю.Германии	246
Отношение археологических "кругов культуры" к происхождению индо-европейских народностей	205	Польская колонизация	247
Малоазиатские находки и хронология индо-европейской "прародины"	206	Расы Европы по Гюнтеру и новая теория Чекановского	250
Споры о первенстве длинно-головых или короткоголовых	209	Антропология Польши. Ее спорные пункты. Положительная сторона выводов Чекановского	252
Вопрос о происхождении короткоголовых в Европе	210	Выводы о среднеевропейской прародине индоевропейцев	255
Компромиссные теории "прародины". Внешний "прародине" круг древнейшего не-индоевропейского населения	213	Несостоятельность компромиссной теории "прародины" в южно-русских степях	256
Антропологический субстрат расселения индоевропейцев во внутреннем круге	215	Пути распространения индоевропейцев на территории России	257
Роль пришлого элемента "настореалистов" в социальном расслоении среднеевропейского древнейшего населения	217	Степные культуры юго-востока России	257
Территория Унетичкой культуры	220	"Звериный стиль", как первый связующий признак	258
Распространение Лужицкой культуры. Колонизация Польши лужичанами	221	Хронология и топография звериного стиля. Его происхождение в горных монархиях Малой Азии и Месопотамии	258
Иллирийцы, как носители лужицкой культуры	225	Роль хиттитов и связь с Закавказьем	260
Их продвижение к Адриатике	226	Художественное творчество Луристана	265
Встреча с кельтами в Гальштадте	226	Два пути распространения звериного стиля: плоскогорья и степи	268
Место славян в унетичко-лужицкой культуре;	228	Погребения в "срубe", как второй связующий признак кочевых культур	270
Спор о происхождении славян	229	Древнейшие срубные погребения южно-русской степи и Предкавказья. Погребения Закавказья	271
Отношение иллирийцев и венетов	230	Погребения нижнего Поволжья и южного Урала	273
Венеты на Дунае	231	Ворота в среднюю Азию. Наступление пустыни и кочевников	274
На путях янтаря	232	Их встреча с оседлым иранским населением предгорий Туркестана	276
В верховьях Вислы и Одера	233	Культурные посредники между Ираном и Туркестаном	277
В Силезии (Лужицы)	234	Появление "хунну"	277
Объединены Само	234	Кочевое и оседлое население Туркестана в борьбе против "хунну"	278
Происхождение названий венетов и славян	235	по китайским источникам	280
Древнейшая славянская ономастика: на Дунае	236	Переход к Киргизскому краю	280
Вдоль <i>limes bogabicus</i>	237	Этнография и антропология "хакасов" и "динлинов", — их "европидные" черты. Их туркизация	281
В горных проходах Швейцарии и Тироля	239	Результат смеси "узуней" и скифов. Связь Илийской долины с верхним Внисеем	283
Вопрос о непрерывности славянской культуры. Непрочность ее древнейших признаков	240	Две эпохи заселения по наблюдениям Минцлова в Урянхаве	284
Позиция польских археологов	242		
Преобладание динарского типа, как связующий признак	243		
Динарский тип — современный и времен Геродота	245		
Его распределение на славянской			

Северо-восточный путь кочевников через Уральские ворота	287	I. Южная Россия и кочевники	
Срубные погребения кочевников в раскопках Радлова и его наблюдения над двумя эпохами заселения	288	Сарматы	339
Стадии культуры и звериный стиль в Красноярске и Минусинске	290	Разрыв населений лесостепи и степи-пустыни	342
Вывод относительно роли кочевников и оседлого населения в предгорьях, пустынях и лесостепи Азии	291	Азиатские влияния	344
Применение их к выяснению скифского вопроса	293	Гунны в борьбе с Китаем	346
Основные положения Геродота	294	Тюркизация монголов	347
Пределы его знаний. Их сопоставления с археологическими данными ("Геррос")	297	Гунны в Европе	348
Южный путь проникновения скифов и их предшественники в русских степях	298	Гунны и готы в Южной России	349
Происхождение вторжения с севера и его особенности	300	Готы и славяне	350
Промежуточный этап пути из Киргизского края	301	Наружность и нравы гуннов	351
Центр выработки северного варианта звериного стиля	302	Движения гуннов	353
Расцвет Скифии и замирение степи по курганам IV-III столетий	303	Шестой век в южной степи	354
Упадок торговли и культуры после 200 г. Р.Х. .	303	Тюрки	357
Кто были скифы?	304	Выступление хазар	358
Иранская и монгольская теория	305	Азиатские предшественники новых хозяев степи	362
Антропологический тип скифов времен Геродота	306	Печенеги, торки, беренди	363
Значение свидетельства Геродота	307	Русские князья, черные клобуки и половцы	364
Правда и заблуждения	307	Кочевой быт в степи	366
Н.Я.Марра и его учеников	307	Золотая Орда	372
Культура скифов на Западе	308	Дешт-и-Кипчак	373
Отголоски в верхнем Поволжье	310	Торговые пути старых культур	374
Библиография	311	Библиография	378
Заключение. Проблемы преистории в свете "месторазвитий"	317	II. Лесная полоса и расселение восточных славян	
Проблема первоначального заселения	317	Контраст месторазвитий степи и леса	380
Проблема происхождения национальностей	318	Исходные точки расселения	381
Проблема происхождения славянства	322	В поисках "прародины"	382
Проблема степной культуры	324	Близость славянских наречий-языков	383
<i>Часть вторая</i>		Древние племена и современные наречия	385
От редактора	331	Значение речной сети в процессе колонизации	385
Вступительные замечания	333	Показания археологии	386
От преистории		Передвижения через Польшу	388
к исторической эпохе	336	Карпатский путь восточных славян	391
Три пути передвижения	337	Славяне на Днестре (Склавены и Анты)	393
		Подкарпатская и Трансильванская Русь	397
		Второй поток славянской колонизации (Вольны)	402
		Распространение культуры погребальных полей	403
		Переходные стадии колонизации на Вольны	405
		Древнейшие названия славян	410
		Поморский поток восточно-славянской колонизации	413

Прибалтийский "субстрат"	416	Болгары и чувашы	473
Свидетельство языка	419	Мордва	474
Норманский "каганат" на Волге	420	Буртасы	476
Конец "каганата"	425	Русская колонизация	
Славянская колонизация		среди мордвы	477
Междуречья	426	Северный путь к Сибири	481
Финны или славяне?	428	Туземцы в "Заволочье"	483
Третий — средне-лесной — поток восточно-славянской колонизации	430	Посредничество Стефана Пермского	483
"Субстрат" славянского населения лесной полосы	430	Первые походы за Урал	484
Колонизация кривичей	436	От походов к торговле	485
Племена и наречия	440	Колонизация Строгановых	486
Новгородская колонизация Севера	446	IV. Завоевание Сибири	
Владимирско-поволжский говор и колонизация	448	Значение походов Ермака	488
Колонизация на Юг и образование "русского" языка	449	Первые шаги правительства	489
Черты новой языковой амальгамы	451	Морской путь в Сибирь	490
Малорусская колонизация	455	Пределы колонизации в XVI в.	493
Колонизация левого берега Днепра	457	Первые меры заселения Сибири	494
Степняки и расселение "Южно- великорусской" народности	458	Статистика населения за три срока	495
Продвижение на юг системы обороны	461	Цель правительства — эксплуатация пушнины	497
Продвижение "южно-великорус- сов" к низовьям Волги и Дона	463	Меры против кочевников	498
Библиография	467	Эксплуатация ссылки	499
III. Первая зона русской экспансии		Административные права	501
Расселения русских в инопле- менной полосе Приволжья и Приуралья	469	Переселенческие меры XIX в.	502
Меря и черемисы	471	После крестьянского освобождения	504
		"Малоземель", как причина переселения	505
		Попытка урегулировать переселение	509
		Русские за Енисеем	514
		Библиография	518
		Вопрос о русском антропологическом типе	519

П.Н. Милюков
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
1 том

Компьютерная верстка и оригинал-макет О.И. Севрюгиной. Редактор И.Г. Имшенник. Художник В.А. Пузанков. Художественный редактор Г.А. Семенова. ЛР № 060775. ИБ № 19836. Фотоофсет. Подписано в печать 10.07.93. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л.33,0. Усл.кр.-отт.33,25. Уч.-изд.л.36,81. Тираж 20 000 экз. Заказ 744. С 139. Изд. № 49108. А/О Издательская группа «Прогресс». 119847, Москва, Зубовский бульвар, 17. Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и информации Российской Федерации. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.